Московское Учебное Книгоиздательство.

въ очеркахъ и статьяхъ

Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей

подъ редакціей

профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго

Томъ I.

Московское Учебное Книгоиздательство.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И СТАТЬЯХЪ.

Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей

Подъ редакціей

профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Въ изданіи принимаютъ участіе слѣдующіе авторы:

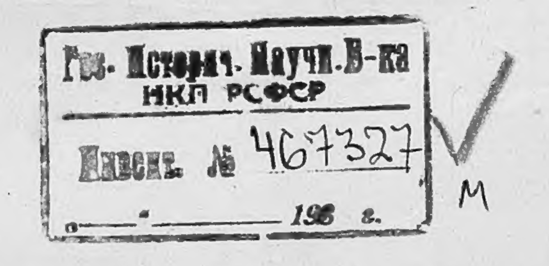
Проф. Д. В. Айналовъ, В. П. Алексѣевъ, К. И. Арабажинъ, проф. М. М. Богословскій, проф. А. К. Бороздинъ, И. Н. Бороздинъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Н. П. Василенко, С. Б. Веселовскій, проф. К. Г. Воблый, В. Т. Георгіевскій, А. М. Гнѣвушевъ, проф. Ю. В. Готье, проф. В. М. Грибовскій, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, П. И. Ивановъ, В. В. Каллашъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, Н. И. Кореневскій, проф. І. М. Кулишеръ, проф. А. М. Лобода, прив.-доц. Г. А. Максимовичъ, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. Г. Г. Павлуцкій, проф. В. Н. Перетцъ, прив.-доц. В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. А. Л. Погодинъ, Н. Д. Полонская, преп. Ком. Инст-та А. А. Русовъ, прив.-доц. В. И. Семевскій, П. П. Смирновъ, Е. Д. Сташевскій, прив.-доц. В. Н. Строевъ, прив.-доц. Д. Н. Ушаковъ, проф. А. Н. Филипповъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, прив.-доц. А. И. Яцимірскій и другіе.

Томъ I.

Съ 43 рисунк. и 2 картами.

Первый томъ въ первомъ изданіи былъ ДОПУЩЕНЪ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, безплатныя народныя читальни и библіотеки. Учен. Ком. при Святѣйшемъ Синодѣ ОДОБРЕНЪ для библіотекъ, семинарій и духовныхъ училищъ и рекомендованъ для военно-учебныхъ заведеній.

Типо-Литографія И. Люндорфъ, Москва, М. Спасская, д. № 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе ко второму изданію.

Въ предисловіи къ 1-му изданію *) задачи книги были опредѣлены такъ: „Издаваемая книга есть собраніе спеціально для нея написанныхъ авторами статей, разсматривающихъ отдѣльные вопросы. Опредѣляя содержаніе статей, редакція имѣла цѣлью, чтобы послѣдовательный подборъ ихъ по возможности развернулъ передъ читателемъ общую картину русской исторической жизни, фиксировавъ вниманіе ихъ на наиболѣе существенныхъ звеньяхъ историческаго процесса. Этимъ и объясняется характеръ избранныхъ темъ, иногда ихъ постановка. Не всѣ вопросы достаточно выяснены наукой, есть весьма спорные, и въ такихъ случаяхъ авторы старались ввести читателя въ кругъ спорныхъ вопросовъ: наблюденіе показываетъ, что излишній догматизмъ далеко не всегда способствуетъ развитію интереса къ наукѣ. Съ другой стороны, имѣлось въ виду ограничить выборъ темъ наиболѣе существенными вопросами внутренней жизни, устраняя, такимъ образомъ, напримѣръ, описанія военныхъ событій, дипломатическихъ сношеній и т. п.“

„Хотя при составленіи книги имѣлась въ виду возможная цѣльность ея композиціи, однако не было забыто и то, что подобное сборное сочиненіе можетъ и даже должно удовлетворять и той цѣли, которую преслѣдуетъ всякая хрестоматія, т.-е. каждая статья должна представлять самостоятельный очеркъ. Это принято во вниманіе при опредѣленіи темъ“.

Книга для чтенія вызвала рядъ критическихъ отзывовъ,

---

*) Первое изданіе 1-го тома вышло въ 1904 г. подъ заглавіемъ „Книга для чтенія по русской исторіи“ и т. д.

въ общемъ весьма для нея благопріятныхъ. При этомъ были сдѣланы указанія, касающіяся общей композиціи книги и отдѣльныхъ частей ея. При новомъ изданіи редакція отнеслась ко всѣмъ высказаннымъ замѣчаніямъ съ признательностью и вниманіемъ и по возможности постаралась исправить всѣ отмѣченные недочеты. Но при этомъ редакція полагаетъ необходимымъ дать нѣсколько разъясненій по поводу тѣхъ изъ замѣчаній, которыми, къ сожалѣнію, не могла воспользоваться. Тутъ надо прежде всего вспомнить о тѣхъ пожеланіяхъ, въ которыхъ рекомендовалось увеличить число темъ, затронуть большее число вопросовъ древне-русской жизни. Одинъ изъ весьма компетентныхъ критиковъ (г. Рожковъ въ журналѣ „Правда", Сент. 1904 г.) видитъ недостатокъ книги въ томъ, что въ ней отсутствуютъ отрывки изъ источниковъ и вообще статьи эпизодическаго характера. Но хрестоматія изъ источниковъ и эпизодическихъ статей составляетъ, какъ намъ кажется, совершенно особую задачу, и появленіе такой книги, конечно, было бы весьма желательно. Ученый критикъ Журнала Мин. Нар. Просв. желалъ бы видѣть въ книгѣ достаточное число біографическихъ статей, ибо на фонѣ біографій выдающихся дѣятелей „всего удобнѣе изобразить совокупность типическихъ чертъ извѣстной эпохи и показать сочетаніе отдѣльныхъ явленій и сторонъ жизни" (февраль 1905 г.). Такого рода пожеланіе нельзя не признать безспорно важнымъ, но выполненіе его было бы сопряжено, съ одной стороны, съ увеличеніемъ объема книги, а съ другой, вызвало бы неизбѣжныя повторенія; кромѣ того, при современной постановкѣ преподаванія русской исторіи въ средней школѣ, учащіеся, безъ сомнѣнія, въ изобиліи усваиваютъ біографическій матеріалъ. Послѣднее замѣчаніе можетъ служить отвѣтомъ и тому критику, который считалъ недостаткомъ книги отсутствіе въ ней статей, характеризующихъ исторію внѣшнихъ отношеній древней Руси.

Итакъ, какъ въ силу вышесказанныхъ соображеній, касающихся общей композиціи книги, такъ и изъ желанія не расширять ея объема, при новомъ изданіи не пришлось воспользоваться совѣтомъ—ввести статьи біографическія или эпизодическія. Съ другой стороны, представлялись вполнѣ

правильными замѣчанія, указывавшія на то, что нѣсколько статей эпизодическаго характера въ первомъ изданіи нарушали общую конструкцію книги, имѣя вообще дополнительное назначеніе. Ввиду послѣдняго соображенія, а также и ввиду помѣщенія въ новомъ изданіи *семи* новыхъ статей, признано было цѣлесообразнымъ опустить эти эпизодическія статьи; этимъ достигалась и необходимая экономія въ объемѣ книги *).

Что касается текста отдѣльныхъ статей, то въ этомъ отношеніи отзывы критики оказались вполнѣ благопріятными. Мы считаемъ нужнымъ оговориться, что мнѣнія, встрѣчающіяся въ статьяхъ ученыхъ спеціалистовъ, едва ли было бы удобно подвергать какой-либо передѣлкѣ со стороны редакціи, тѣмъ болѣе, что это большею частью касается положеній спорныхъ, и ученые имѣютъ основанія придерживаться тѣхъ или иныхъ изъ нихъ или высказывать свое мнѣніе, хотя бы и невполнѣ аргументированное въ популярной статьѣ.

Изъ существенныхъ дополненій новаго изданія отмѣтимъ появленіе въ немъ новыхъ статей и расширеніе библіографическихъ указаній; послѣднія не имѣютъ цѣлью дать исчерпывающую полноту библіографическаго матеріала, но содержатъ указанія на важнѣйшія отдѣльныя изслѣдованія и статьи. Въ библіографическихъ примѣчаніяхъ опущены лишь ссылки на сочиненія и курсы общаго характера, во избѣжаніе излишнихъ повтореній. **)

*) Кстати замѣтимъ, что двѣ изъ опущенныхъ въ новомъ изданіи статей, принадлежащія перу выдающихся спеціалистовъ, появились уже послѣ изданія книги въ другихъ изданіяхъ, гдѣ читатель ихъ можетъ найти. Статья проф. *Ю. А. Кулаковскаго* „Греческіе города на Черноморскомъ побережьи“ появилась въ отдѣльномъ дополненномъ изданіи подъ заглавіемъ „Прошлое Тавриды“, Кіевъ 1906. Статья проф. *Д. В. Айналова* „Княгиня Ольга въ Царьградѣ“ помѣщена въ Трудахъ XII Археолог. съѣзда въ Харьковѣ, т. III. Москва 1905 г.

**) Для полноты библіографическихъ указаній считаемъ нелишнимъ привести названія по крайней мѣрѣ новѣйшихъ курсовъ и общихъ сочиненій:

С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Новѣйшее изданіе въ 6-ти книгахъ Товарищества Общественной Пользы.

Д. И. Иловайскій. „Исторія Россіи“, т. I: періоды Кіевскій и Владимирскій. 2-е изданіе въ Москвѣ 1903 года.

Предполагается въ концѣ изданія напечатать еще дополнительныя библіографическія указанія.

Съ внѣшней стороны въ новомъ изданіи сдѣлано слѣдующее измѣненіе: большія статьи раздѣлены на главы, и сверхъ того содержаніе напечатано на поляхъ текста.

Въ заключеніе редакція считаетъ пріятнымъ долгомъ своимъ выразить искреннюю признательность А. М. Гнѣвушеву и П. П. Смирнову за ихъ работы и труды по наблюденію за ходомъ изданія.

Н. И. Костомаровъ. „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“.

С. Ѳ. Платоновъ. „Учебникъ русской исторіи“, СПБ. 1909.

В. О. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, часть 1-я.

Михайло Грушевській. „Історія Украіни-Руси“, т. I-III.

К. Бестужевъ-Рюминъ. „Русская исторія“ т. 1, СПБ. 1872.

Н. Рожковъ. „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“, часть I.

Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Обзоръ исторіи русскаго права“ изд. 4-е Кіевъ 1905.

В. Сергѣевичъ. „Русскія юридическія древности“. т. I, Территорія и населеніе.

А. Н. Филипповъ. „Учебникъ исторіи русскаго права“ (пособіе къ лекціямъ) ч. I, Юрьевъ, 1907 г.

М. Дьяконовъ. „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“. изд. 2-е СПБ. 1908.

В. Сергѣевичъ. „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“. СПБ., 1899.

Ф. И. Леонтовичъ. „Краткій очеркъ исторіи русскаго права“.

Н. П. Загоскинъ. „Исторія права русскаго народа“, т. 1. Казань, 1899.

Н. П. Загоскинъ. „Курсъ исторіи русскаго права“. т. 1-й Казань, 1960.

Д. Я. Симоквасовъ. „Изслѣдованія по исторіи русскаго права вып. I-й Москва, 1896.

Д. Я. Самоквасовъ. „Лекціи по исторіи русскаго права“. Москва 1896.

Финны *).

На огромномъ пространствѣ отъ бассейна Оби до береговъ Балтійскаго моря съ востока на западъ и отъ побережья Бѣлаго моря и Ледовитаго океана до границъ Тамбовской и Воронежской губерній, среди многихъ милліоновъ великорусскаго населенія, до сихъ поръ еще живутъ (на сравнительно небольшихъ островахъ) финскія племена: мансы (югра, остяки и вогулы), коми (пермь, зыряне и пермяки), вотяки, черемисы, мордва, вепсы (весь), эсты, западные финны и лопари. Когда-то, въ первые вѣка нашей эры, въ пору, когда славяне жили еще нераздѣльной семьей на сравнительно небольшомъ пространствѣ между линей Припять—Висла на С. и линіей, перерѣзывающей по направленію отъ впаденія Сулы въ Днѣпръ до Карпатовъ верховья Буга, Днѣстра, Прута и Серета, финны были единственными хозяевами этой огромной страны. Заселеніе этой территоріи восточными славянами, незаконченный до

---

*) *Важн. литература:* Для югры: *Поляковъ*,—„Путешествіе въ долину Оби". „Зап. Акад. Наукъ" т. XXX, *Гондатти*,—„Слѣды язычества у инородцевъ Сѣв. Сибири"; *Смирновъ*,—„Остяки и вогулы" (Вѣстникъ Самообразованія". 1904, № 2—4); для пермяковъ и зырянъ: *К. Поповъ*—„Зыряне и Зырянской Край", *Смирновъ*,—„Пермяки". Каз. 1891; для Вотяковъ: *Верещагинъ*,—„Вотяки Сарапульскаго уѣзда"; *Смирновъ*,—„Вотяки". Каз. 1890; для черемисъ: *Гавриловъ*,—„Религіозныя вѣрованія черемисъ", *Смирновъ*,—„Черемисъ". Каз. 1889; для мордвы—*Евавьевъ*,—„Произведенія мордовской народной словестности", *Смирновъ*,—„Мордва". Каз. 1895 г. *Европеусъ*,—„О народахъ, обитавшихъ въ Россіи до славянъ" 1868 г.—*Алквистъ*,—Die kulturworter der Westfinischen Sprachen. 1877. Гельсингфорсъ. *Корсаковъ*,—„Меря и Ростовское княжество". Каз. 1879.—*Гр. А. С. Уваровъ*, „О мерянахъ по курганнымъ раскопкамъ". Тр. I Арх. съѣзда.—*Веске*, „Славянофиннскія культурныя отношенія по даннымъ языка". Каз. 1892.—*Погодинъ*,—„Славянское передвиженіе". 1902.

сихъ поръ еще процессъ поглощенія и ассимиляціи финской стихіи восточно-славянской принадлежатъ къ числу крупнѣйшихъ фактовъ русской исторіи, хотя источники почти ничего не говорятъ о глухой культурной борьбѣ двухъ племенъ, можетъ-быть, двухъ расъ, которая на протяженіи вѣковъ тянулась въ лѣсахъ средней и сѣверо-восточной Россіи. Понять фатальный для финновъ исходъ борьбы мы въ состояніи будемъ только тогда, когда заглянемъ въ ихъ культурное прошлое и представимъ себѣ, съ какими рессурсами финны начинали борьбу съ восточно-славянскимъ міромъ. За свѣдѣніями по этому вопросу намъ не придется, конечно, обращаться къ писанымъ источникамъ: эпоха, къ которой мы обращаемся, лежитъ внѣ горизонта нашихъ древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ. Нашими источниками могутъ быть только языкъ, археологія и результаты сравнительнаго изученія явленій общественной и духовной жизни современныхъ финскихъ племенъ. Для реставраціи прафинской культуры намъ будутъ служить заимствованія, которыя сдѣлали финны у сосѣдей. Эти заимствованія имѣютъ огромное значеніе въ качествѣ источника для исторіи финской культуры: они знакомятъ насъ съ народами, которые сосѣдили съ финнами на протяженіи вѣковъ доисторическаго періода, съ тѣми элементами культуры, которые финны заимствовали то тутъ, то тамъ и косвеннымъ образомъ даютъ возможность представить себѣ ступень, на которой стояла ихъ самобытная культура.

Древнѣйшая культура. Иранское вліяніе.

Къ числу самыхъ раннихъ и до извѣстной степени датирующихся культурныхъ заимствованій относятся у финновъ заимствованія изъ области *иранской культуры;* они восходятъ къ эпохѣ, когда на территоріи отъ Волги до Днѣпра жили еще полупастушескія, полуземледѣльческія иранскія племена. Эта эпоха предшествуетъ во всякомъ случаѣ появленію гунновъ на восточной Европѣ: со времени гунновъ южное Поволжье является уже на протяженіи ряда вѣковъ достояніемъ тюркскихъ племенъ. Но моментъ появленія гунновъ въ бассейнахъ Урала и Волги означаетъ только конецъ прямого иранскаго вліянія на финновъ, началось оно за много вѣковъ ранѣе; венгерскій филологъ Бернгардъ Мункачи констатировалъ фактъ, что названія нѣкоторыхъ металловъ, напр. золота, заимствован-

ныя финнами у иранцевъ, по своему звуковому составу соотвѣтствуютъ не позднимъ персидскимъ формамъ, а зендскимъ и, стало быть, заимствованы были финнами не позже эпохи, когда Зендъ былъ вытѣсненъ новыми формаціями персидскаго языка, т.-е. не *позже III в.* до *Р. Х.* Тотъ же Мункачи на основаніи звукового состава другихъ заимствованій предполагаетъ, что начало сношеній между финнами и иранцами предшествуетъ эпохѣ, когда образовался языкъ Авесты и клинообразныхъ надписей.

Соприкосновеніе съ иранскимъ міромъ внесло рядъ цѣнныхъ элементовъ въ содержаніе финской культуры: при посредствѣ иранскихъ племенъ финны познакомились съ металлами. Металломъ, который проникъ къ финнамъ прежде всего, была мѣдь: въ то время, какъ для золота, серебра, олова западные финны и лопари пользуются германскими заимствованіями, а восточные финны и мадьяры—иранскими, для мѣди у тѣхъ и другихъ употребляется одно названіе; оно проникло, стало-быть, къ финнамъ еще тогда, когда западные финны и лопари не обособились еще отъ остальнаго финскаго міра. Для оцѣнки иранскаго вліянія на финскій міръ существенно важно выяснить тѣ формы, подъ которыми финны познакомились съ металлами; этими формами являются орудія труда и борьбы: ножъ, топоръ, мечъ, стрѣла, молотъ, *лемехъ.* Появленіе лемеха въ числѣ словъ, заимствованныхъ финнами у иранцевъ, особенно важно; оно свидѣтельствуетъ, что иранцы ознакомили финновъ съ зачатками земледѣлія. Заимствованія для обозначенія рогатаго скота и овецъ дополняютъ картину переворота, который вызвало въ жизни финновъ соприкосновеніе съ Ираномъ. Кромѣ земледѣлія, благодаря иранцамъ, у финновъ явились и домашнія животныя—коровы, овцы. Заимствованія въ области общественныхъ отношеній, какъ, напр., термины для обозначенія владыки—князя и хозяина (öksej въ пермскихъ нарѣч., можетъ-быть, uža у черемис.—сложное куг—ужа—царь—морд. azur—хозяинъ, ост. otur), даютъ основанія предполагать, что по крайней мѣрѣ часть финновъ, жившая на югѣ территоріи, пережила періодъ нѣкоторой зависимости отъ иранцевъ, который позднѣе смѣнился зависимостью отъ тюрковъ.

Сосѣди финновъ.

Иранскія племена были сосѣдями финновъ на югѣ и юго-востокѣ; на западѣ и сѣверо-западѣ съ ними сосѣдили славяне, литовцы и германцы. По вопросу объ эпохѣ, къ которой восходятъ древнѣйшія соприкосновенія финновъ съ славянами, не установилось еще опредѣленнаго рѣшенія. Веске находилъ возможность допустить, что это соприкосновеніе имѣло мѣсто еще въ праславянскую пору, когда и у восточныхъ славянъ были въ употребленіи *юсы*. Менѣе спорной представляется эпоха литовскаго вліянія. Л. Нидерле на своей картѣ поселеній славянъ въ эпоху племенного единства представляетъ лето-балтовъ—сосѣдей славянъ съ сѣвера—непосредственными сосѣдями финновъ на востокѣ. Данныя археологіи позволяютъ въ настоящее время болѣе точно опредѣлить территорію, на которую простиралась *литовская культура*. Неподалеку отъ Тамбова при станціи Ляда лѣтъ 15 тому назадъ былъ изслѣдованъ могильникъ, предметы котораго весьма близко подходятъ къ инвентарю несомнѣнно лето-балтійскаго Люцинскаго могильника и болѣе западныхъ родственныхъ ему могильниковъ. Смѣшеніе западныхъ лето-балтійскихъ формъ и восточныхъ мерянско-пермскихъ наблюдается и сѣвернѣе Тамбова въ губерніи Рязанской. Въ бассейнѣ Оки по линіи Владиміръ, Рязань, Тамбовъ лето-балты, такимъ образомъ, подходили вплотную къ финнамъ и удержались здѣсь спорадически до X в., къ которому относятъ Лядинскій могильникъ.

Вліяніе Литовской культуры.

Памятники, подобные Лядинскому могильнику, даютъ возможность опредѣлить часть того культурнаго достоянія, которымъ располагали лето-балты въ пору сосѣдства съ финнами и которымъ оказывали вліяніе на своихъ сосѣдей. Это главнымъ образомъ область костюма, украшенія и вооруженія. Слова, заимствованныя финнами изъ литовскаго, значительно расширяютъ сферу этого вліянія. Въ области матеріальной культуры это вліяніе сказалось расширеніемъ земледѣлія и скотоводства; финны познакомились теперь съ рожью, льномъ, съ изготовленіемъ сѣна, съ свиньей, козой. Измѣнились подъ литовскимъ вліяніемъ и жилища финновъ: рядомъ съ коническимъ чумомъ и кудой-котой—бревенчатымъ шалашомъ безъ пола, потолка, оконъ—явилась теплая изба—pirti (черем. пѐртъ), служившая и баней и жилищемъ, и дворъ около ея. У

литовцевъ же было заимствовано названіе для сухопутной дороги. Проникло вліяніе литвы и въ область религіозныхъ вѣрованій: богъ-громовникъ носитъ у Мордвы заимствованное литовское названіе —Пуркине, лит. Perkunas. Сильнѣе всего литовское вліяніе сказалось на западно-финскихъ племенахъ, жившихъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними на прародинѣ. Подводя итоги внѣшнимъ культурнымъ вліяніямъ, мы имѣемъ возможность установить, что, благодаря иранцамъ и литовцамъ, финны ознакомились съ элементами земледѣлія; не можетъ быть сомнѣнія, однако, что въ цѣломъ, считая племена, жившія далѣе на востокъ отъ будущихъ западно-финскихъ племенъ и Мордвы, они не могли выдержать сравненія съ древними земледѣльцами славянами. Культурныя вліянія сосѣдей южныхъ и западныхъ касались преимущественно пограничныхъ областей финскаго міра; внутри жизнь этого міра опредѣлалась главнымъ образомъ вліяніемъ природы.

Передвиженіе финновъ съ запада къ востоку и сѣверъ.

Положеніе отдѣльныхъ финскихъ племенъ на территоріи, которую мы очертили выше, въ древности значительно отличалось отъ современнаго. Существуютъ положительныя историческія свидѣтельства того, что финны исподволь *передвигались съ запада на востокъ и сѣверъ:* черемисы въ настоящее время живутъ главнымъ образомъ въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Уфимской и только небольшими группами на востокѣ губерній Нижегородской и Костромской; между тѣмъ еще въ XIV в. они сражаются въ войскахъ галицкихъ князей, нападаютъ на Устюжскую область, опустошаютъ верховья р. Юга; мѣстныя названія, несомнѣнно, черемисскаго происхожденія, разбросаны по всей картѣ Костромской губерніи; мордва также продвинулась на протяженіи своей исторіи на востокъ, оттѣснивши въ Засурьи (уѣзды Алатырскій и Ардатовскій, Симбирской губерніи) чувашъ. Отдѣльныя мѣстныя названія Костромской и Казанской губерній (р. Унжа), преданія, сохраняющіяся въ нѣкоторыхъ чисто черемисскихъ краяхъ Казанской и Вятской губерній о борьбѣ съ былыми насельниками—вотяками, преданія вотяковъ о борьбѣ съ черемисскими богатырями на югѣ Вятской губерніи—все это свидѣтельствуетъ, что сѣверо-восточная часть Казанской губерніи входила уже въ составъ

территоріи, которую когда-то занимали, можетъ-быть, еще не обособившіяся другъ отъ друга пермскія и югорскія племена. Черемисы и Мордва жили значительно западнѣе въ бассейнѣ Оки. Здѣсь къ нимъ примыкали другія исчезнувшія и продвинувшіяся дальше на западъ племена. Назовемъ прежде всего Мурому и Мещеру, о которыхъ говоритъ первоначальная лѣтопись. Мурома исчезла безъ слѣда. По отношенію къ Мещерѣ дѣло представляется болѣе благопріятнымъ. Мещера обрусѣла, но въ актахъ XVI—XVII, относящихся къ территоріи, ею когда-то занятой (востокъ Рязанской губерніи) сохранилось названія озеръ и урочищъ, личныя языческія имена (живущія до сихъ поръ въ фамильныхъ прозвищахъ у извѣстной намъ Мещеры Пензенской губерніи), которыя позволяютъ достаточно прочно установить ближайшее родство ея съ Мордвой. Дальше на сѣверъ отъ Мещеры и Муромы жило третье, исчезнувшее въ настоящее время финское племя—меря. Мѣсто его въ семьѣ финскихъ народностей опредѣляется различно. Вопросъ о мѣстѣ Мери среди родичей—сосѣдей, можетъ-быть рѣшенъ лишь на основаніи богатаго археологическаго матеріала, который дала гр. Уварову Мерянская земля при раскопкахъ кургановъ, и этотъ матеріалъ говоритъ противъ ближайшаго родства мери съ югрой и черемисами; рѣшающее значеніе въ вопросѣ имѣетъ форма погребенія, практиковавшаяся у мери. Меря погребала въ *курганахъ*, которыхъ не знаютъ ни черемисы, ни Югра. Въ какой степени чуждо черемисамъ курганное погребеніе, свидѣтельствуетъ лучше всего то объясненіе курганамъ, которые встрѣчаются на крайнемъ западѣ Вятской губерніи (Яранскій уѣздъ): курганы, по толкованію черемисъ,—кучи земли, которыя отъ времени до времени вытряхивали изъ лаптей черемисскіе великаны-богатыри—онары. Мерю, такимъ образомъ, приходится отдѣлить отъ черемисъ и югры и поискать для нея другого родства. Поиски эти будутъ не трудны. На С. отъ верхней Волги, въ бассейнѣ С. Двины источники съ IX в. знаютъ народъ біармовъ или біармійцевъ. Было время, когда историки соблазнялись созвучіемъ, видѣли въ біармійцахъ древнюю Пермь. Недоразумѣніе это въ настоящее время уже разсѣялось. Еще въ IX в. современникъ Альфреда Великаго Отеръ высказалъ догадку, что біармійцы и западные финны

Черемисы, Мордва и Мещера.

Меря.

говорятъ однимъ языкомъ. Вотъ у этихъ-то родичей западныхъ финновъ мы и встрѣчаемъ курганное погребеніе какъ разъ въ ту пору, къ которой относятся мерянскіе курганы. Въ сагѣ о походѣ Торера-Собаки въ Біармію сообщается, что викингамъ извѣстенъ былъ обычай біармійцевъ насыпать надъ усопшими курганы въ лѣсахъ и класть въ нихъ вмѣстѣ съ ними деньги. Тореръ-Собака съ товарищами разрыли одинъ такой курганъ и выбрали изъ него заложенныя въ одежды и перемѣшанныя съ землей деньги.

Западные финны.

Устанавливая мѣсто Мери въ семьѣ финскихъ племенъ, мы коснулись и западныхъ финновъ, жившихъ по С. Двинѣ. Упомянутый выше Отеръ на территоріи между теченіемъ С. Двины и Балтійскимъ моремъ встрѣтилъ приблизительно ту же этнографическую картину, что и наши лѣтописцы—западныхъ финновъ, лопарей (Terfinna) и біармовъ—Заволоцкую Чудь. Слѣдуетъ замѣтить, что западные финны, включая сюда и эстовъ въ эпоху Отера были здѣсь еще относительно новыми людьми. Раньше до III вѣка приблизительно, они жили много южнѣе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Мордвой и исчезнувшими приокскими и приволожскими племенами. Памятникомъ этого былого сосѣдства является особенная близость западно-финскихъ нарѣчій, включая эстонское, къ мордовскому. Напр., эсты и Мордва имѣютъ одинаковыя названія для лиственныхъ деревьевъ, произростающихъ въ Средней Россіи,—яблони, клена, рябины, орѣха, смородины, термины для обозначенія поля, мѣста осѣдлости, строительные—мостъ, дверь, порогъ, загородь, дворъ, клѣть—кладбища, средства передвиженія—лодка, весло, утвари—деревянныхъ сосудовъ, чашекъ, ковшей, песта, принадлежностей костюма и его матеріаловъ и процессовъ приготовленія—фибулы, перстней, конопли, веретена, шитья, вышиванія, термины, относящіеся къ земледѣлію—молотить, солома, хмель, къ растительной пищѣ—хлѣбъ и т. д. свидѣтельствуетъ съ несомнѣнностью о томъ, что балтійскіе финны нѣкогда жили въ сосѣдствѣ съ Мордвой. О томъ же быломъ и долговременномъ сожительствѣ говорятъ общія заимствованія изъ литовскаго въ мордовскомъ и эстонскомъ нарѣчіяхъ.

Гдѣ могли жить около Мордвы эсты и другіе западные финны? Принимая во вниманіе, что побережья Оки были заняты Мордвою и родственными ей племенами, а по Волгѣ выше Нижняго жила Меря, можно предположить, что западные финны жили въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Тульской, Калужской и Московской и были непосредственными сосѣдями лето-балтовъ. Живя въ этомъ краю еще, западные финны съ начала нашей эры подпали вліянію готовъ, которые исподволь продвигались изъ Скандинавіи къ Черному морю. Лингвисты находятъ въ западно-финскихъ нарѣчіяхъ слова, по своимъ формамъ болѣе древнія, чѣмъ языкъ Ульфилы (IV в.). При Эрманрихѣ они вмѣстѣ съ восточными своими сосѣдями, мерей, мордвой, черемисами, по свидѣтельству Іордана, готскаго писателя VI в., входили въ составъ великой Готской монархіи. Весьма вѣроятно, что движеніе готовъ на югъ впервые разорвало связь между литовскими племенами и финскими и создало тотъ пробѣлъ, въ который позднѣе направилась славянская колонизація. Толчекъ для движенія славянъ на сѣверо-востокъ дали, несомнѣнно, послѣдовавшія за гунскимъ движеніемъ движенія другихъ тюркскихъ племенъ — прежде всего аваровъ. Лѣтопись сохранила воспоминанія о насиліяхъ обровъ надъ дулебами; мѣстныя названія рѣкъ и селеній среднихъ и сѣверныхъ губерній Россіи „дулебы" свидѣтельствуютъ о томъ, что часть дулебовъ перебралась отъ насилій обровъ на сѣверо востокъ въ область финновъ.

Движеніе готовъ.

Славянская колонизація.

Колонизація Рязанской, Ростовской и Суздальской земли лежитъ за предѣлами нашей писаной исторіи. Какъ вели свою *колонизаціонную и обрусительную работу* Рязань, Муромъ, Суздаль и Ростовъ—извѣстій не сохранилось; предъ нами ея окончательные результаты въ видѣ обрусѣвшихъ или исчезнувшихъ мещеры, муромы, мери. Общій характеръ процесса можно, однако, возстановить, принявши въ расчетъ процессъ, совершившійся позднѣе въ Новгородской землѣ, условія физической среды и соціальное развитіе финскихъ племенъ. Очертимъ прежде всего общія условія взаимодѣйствія русскихъ колонистовъ и финновъ. Страна, занятая финнами, въ VIII—IX в. должна была представлять настоящее лѣсное царство; еще до сихъ поръ губерніи Костромская, Вологодская, Вятская, Ка-

Бытъ финновъ въ эпоху колонизаціи.

занская, Симбирская и Нижегородская покрыты на значительныя пространства лѣсами. Единственными путями передвиженія по этому лѣсному царству были рѣки; по нимъ направлялась финская колонизація, по нимъ отдѣльныя группы получали названія. Черемисы, живущіе въ лѣсахъ Казанской и Нижегородской губерній, до сихъ поръ различаютъ въ своей средѣ группы съ названіями по рѣкамъ—Вытля-маръ (черемисы съ Ветлуги), Кокшамаръ (черемисы съ Кокшаги), Рдэ-марэ (черемисы съ Рутки). У пермскихъ и югорскихъ племенъ (вотяковъ, пермяковъ, вогуловъ, остяковъ) входъ въ такую рѣчку—принадлежавшую какому-нибудь племени, изъ большой рѣки прикрывался земляными укрѣпленіями, остатки которыхъ въ видѣ городищъ покрываютъ губерніи Вятскую, Пермскую и Тобольскую. Былины и сказанія вотяковъ и остяковъ рисуютъ передъ нами картину тѣхъ отношеній, которыя имѣли мѣсто, когда эти городища еще служили финнамъ. Земляные городки главнымъ образомъ служили убѣжищемъ для обитателей той или другой рѣчки въ военное время, но они не оставались пустыми и въ мирное время; здѣсь жили съ своими ближайшими родичами родоначальники—князья, здѣсь у остяковъ собирались для совѣщаній воины, здѣсь приносились при этихъ случаяхъ и жертвы. Составить себѣ представленіе о томъ, какъ велико было число людей, обитавшихъ въ городкахъ и тяготѣвшихъ къ нимъ, мы можемъ только, отправляясь отъ фактовъ, характеризующихъ современную соціальную организацію восточныхъ финновъ. Кровный родовой союзъ составляетъ послѣднее слово соціальнаго творчества этихъ племенъ.

Еще до сихъ поръ у вотяковъ и черемисъ можно прослѣдить процессъ превращенія большого двора въ болѣе или менѣе крупную деревню. Ядро, изъ котораго развивается вотская деревня, это—*азбаръ*, большой дворъ, на которомъ стоитъ нѣсколько жилыхъ домовъ для отдѣлившихся отъ общаго котла членовъ семьи и принадлежащія имъ хозяйственныя постройки. Съ возрастаніемъ семьи постройки для отдѣляющихся членовъ выносятся за предѣлы азбара, и родичи, ведущіе отдѣльное хозяйство, становятся сосѣдями (бол̆якъ). Экономически отдѣльные азбары вполнѣ самостоятельны, но во всѣ важные моменты жизни былая солидарность возстановляется. Объединяетъ

раздѣлившихся родичей прежде всего культъ усопшихъ. Въ поминальные дни всѣ родичи собираются для молитвъ въ домовый храмъ (куа) азбара—матери. Послѣ усопшихъ родичей объединяетъ и культъ стихійныхъ боговъ. Храмъ рода является центромъ, его объединяющимъ; иногда въ такой храмъ для общихъ родовыхъ молитвъ пріѣзжаютъ родичи, выселившіеся болѣе или менѣе далеко отъ „старины“. Размѣры кровнаго союза не велики: наибольшее, это—нѣсколько сотъ человѣкъ. Для того, чтобы эти бытовыя условія нынѣшняго времени перенести въ далекое прошлое, слѣдуетъ имѣть въ виду необходимую поправку,—поправку, которая обусловливается степенью экономической культуры. Современный вотскій кровный союзъ, это—союзъ, вырастающій на почвѣ преобладанія земледѣльческой культуры. Земледѣліе даетъ людямъ возможность сосредоточиваться на относительно небольшихъ пространствахъ: вотяки—земледѣльцы населяютъ тысячами (6—7000) сравнительно маленькія волости, остяки—рыболовы и охотники въ количествѣ $6^1/_2$ т. занимаютъ цѣлый Сургутскій край, площадь котораго опредѣляется въ 192,000 кв. верстъ: тѣ же остяки въ количествѣ менѣе тысячи человѣкъ разсыпаны по всему бассейну Васъ-Югана, который имѣетъ около тысячи верстъ длины. Принимая во вниманіе то, что зыряне до сихъ поръ являются больше охотниками, чѣмъ земледѣльцами, что въ лѣсахъ Костромской и Ярославской губерній было больше удобства для охоты и рыбной ловли, чѣмъ для земледѣлія, мы должны предположить, что кровные союзы, съ которыми могли имѣть дѣло русскіе колонисты Ростовско-Суздальской и Рязанско-Муромской земли, были меньше вотскихъ и приближались къ современнымъ остяцкимъ, которые насчитываютъ въ своемъ составѣ уже не сотни, а лишь десятки человѣкъ. Остяцкій эпосъ свидѣтельствуетъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ—предъ лицомъ сильнаго врага—эти изолированные по рѣчкамъ роды объединялись для совмѣстной борьбы. Знаетъ такіе союзы и исторія завоеванія Югорскаго края. Но обращались ли эти временные союзы въ постоянную организацію, остается открытымъ вопросомъ; скорѣе можно предположить, что постоянная организація появилась уже послѣ русскаго завоеванія тамъ, гдѣ было дѣйствительное, ограниченное короткимъ періодомъ

времени завоеваніе, какъ въ землѣ перми и югры. Принявши въ расчетъ эту поправку, мы лучше уяснимъ себѣ характеръ „завоеванія" финскихъ земель русскими и его результаты.

Соотношенія финновъ и великороссовъ

Поглощенію финскихъ племенъ русской народностью придается зачастую преувеличенное значеніе: русскіе историки иногда склонны приписывать финскому элементу слишкомъ важное значеніе въ образованіи великорусской народности. Источникомъ заблужденія является прежде всего огромная территорія, отвоеванная русскими у финновъ. Площадь отъ меридіана Москвы до Енисея съ З. на В. и отъ широты Воронежа до Бѣлаго моря съ Ю. на С. колоссальна и при видѣ ея у историка совершенно естественно возникаетъ представленіе, что она имѣла соотвѣтственно огромное финское населеніе. Сопоставляя эту площадь съ той, которую занимали, по догадкамъ историковъ, славяне, естественно было прійти къ мысли, что славянъ, русскихъ—колонизаторовъ и завоевателей, было гораздо менѣе, чѣмъ финновъ—аборигеновъ, и такимъ образомъ, финскій элементъ долженъ былъ получить преобладаніе при образованіи великорусской народности. Но эти гаданія, вытекающія изъ соотношеній площадей, безусловно ошибочны. Для ихъ оцѣнки достаточно бросить взглядъ на то количество финновъ, которое въ настоящее время живетъ на этомъ пространствѣ. Югры на огромномъ пространствѣ Обскаго бассейна насчитываютъ едва нѣсколько десятковъ тысячъ, зырянъ и пермяковъ въ бассейнѣ Камы, Вычегды, Сухоны и Печеры не болѣе 400,000; около того же количества насчитывается черемисъ и вотяковъ и до милліона доходитъ число разсыпавшейся по шести черноземнымъ губерніямъ мордвы.

Въ цѣломъ число восточныхъ финновъ въ настоящее время едва доходитъ до $2^1/_2$ милліоновъ человѣкъ на десятки милліоновъ великоруссовъ, обитающихъ въ однѣхъ центральныхъ, свободныхъ отъ всякой финской примѣси губерніяхъ. Отношенія массъ населенія оказываются такимъ образомъ въ настоящее время несоотвѣтствующими отношеніямъ площадей территоріи. Эти отношенія мы имѣемъ право предположить и въ далекомъ, доисторическомъ почти прошломъ. Ихъ не можетъ измѣнить фактъ наблюдаемаго у югры вырожденія. Вырожденіе это касается самаго малочисленнаго изъ финскихъ племенъ и

можетъ компенсироваться высокою рождаемостью, которая характеризуетъ мордву, обитающую въ недавно еще благодатномъ районѣ чернозема. Не могутъ измѣнить этого отношенія и условія подчиненія финскихъ племенъ Руси: изъ всѣхъ восточно-финскихъ племенъ покорена послѣ войны въ строгомъ смыслѣ была лишь югра. Мордва, черемисы, вотяки вошли въ составъ русскаго государства послѣ паденія Казанскаго царства и вообще татарщины на Волгѣ. Говорить объ истребленіи значительныхъ массъ финновъ при подчиненіи Руси нѣтъ никакихъ основаній. Принимая въ соображеніе это обстоятельство, принимая во вниманіе то, что русскіе были земледѣльцами, а финны въ большинствѣ рыболовами и охотниками, мы имѣемъ право предположить, что съ начала соприкосновенія русскихъ съ финнами русскіе оказывались въ большинствѣ и самое движеніе въ страну финновъ предпринимали за свѣжими землями отъ тѣсноты. Этими условіями опредѣляется и характеръ борьбы русскихъ съ финнами и ея результаты для великорусской народности.

Движеніе новгородцевъ.

Лѣтописныя извѣстія, преданія Вологодско-Архангельскаго края даютъ опредѣленныя указанія на то, какъ совершалось наступательное движеніе изъ Новгорода: чуть не каждый годъ въ чудскія земли направлялись „молодцы“ для грабежа, „даньщики“ за сборомъ дани, князья съ воями для тѣхъ же цѣлей. Предпріятія эти чаще всего оказывались въ пользу славянъ: „возвратились здравы“, „взяли на щитъ“, „поплѣнили“, „истребили“, это обычныя формулы, въ которыхъ лѣтописецъ сообщаетъ объ исходѣ того или другого похода. Въ антропологическомъ смыслѣ наиболѣе существенное значеніе, конечно, имѣетъ полонъ; изъ плѣнныхъ финновъ формировался классъ рабовъ и другихъ зависимыхъ людей, который со временемъ утратилъ свои племенныя черты и вошелъ въ составъ сѣверной вѣтви восточныхъ славянъ-великоруссовъ. Затѣмъ идутъ измѣненія внутри финскаго міра.

Каждый удачный русскій набѣгъ па Емь, Водь, Чудь и т. д. каждое путешествіе по Чудскому краю новгородскихъ „даньщиковъ“ сопровождались тѣмъ, что русскіе поселялись среди финновъ и обѣ народности смѣшивались. Возстановить картину того, что происходило при такихъ передвиженіяхъ русскихъ

въ финскомъ краю, можно на основаніи явленій, имѣвшихъ мѣсто на памяти нашихъ современниковъ въ Сибири. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ объяснялъ одинъ якутскій тойонъ признаки русской примѣси къ якутской крови: всѣ прямые потомки нашихъ именитыхъ предковъ меньше всего сохранили чистоту нашего племени; вліянію русскихъ подверглись болѣе всего наши лучшіе и родовитые люди; они первые крестились, они же чаще и смѣшивались съ пришельцами. Грабители и сборщики дани подготовляли почву для тѣхъ вліяній, которыя должна была нести съ собою колонизація земледѣльческая: въ бассейнъ С. Двины (Заволочье нашихъ лѣтописей) новгородскіе славяне направлялись и за годными для земледѣлія землями. Осѣдая на такихъ земляхъ, они приходили въ постоянныя соприкосновенія съ чудью. Къ какимъ результатамъ приводило это соприкосновеніе, можно судить по тому, что даетъ современная жизнь коми—зырянъ и пермяковъ: на протяженіи вѣковъ финскіе обитатели Новгородской области становились постепенно русскими. Объ отношеніяхъ между русскимъ и финскимъ населеніемъ па Волгѣ въ районѣ Ростова и Ярослава (Меря), Владимира и Суздаля (Мещера и Мурома), Мурома и Рязани (Мещера, Мурома и Мордва) сохранилось мало лѣтописныхъ извѣстій. Но въ основныхъ чертахъ жизнь должна была имѣть тотъ же характеръ, что и въ Новгородской области: часть финскихъ племенъ обрусѣла (Меря, Мурома, Мещера), часть находится на пути къ обрусѣнію. Наступательный характеръ борьбы Сѣверной Руси съ угро-финнами, численный перевѣсъ славянъ надъ Чудью опредѣляютъ особенности, которыми должно было характеризоваться соприкосновеніе двухъ расъ: сѣверно-русскія племена больше измѣняли природу финскихъ племенъ (уподобляя ихъ себѣ), чѣмъ измѣнялись сами. Относительно большая чистота крови сохранилась у племени-побѣдителя.

Какъ и на югѣ, гдѣ русскіе смѣшивались съ половцами, измѣненія въ физической природѣ славянъ и финновъ должны были сопровождаться измѣненіями и въ духовной. Лѣсная культура не поражала своимъ богатствомъ, сложностью, бьющими въ глаза эффектами картинной жизни степныхъ родовладыкъ. Но угрюмый безконечный лѣсъ, прорѣзанный лишь рѣ- Вліяніе, оказываемое природой и средой на славянскихъ колонистовъ.

ками, какъ путями сообщенія, также требовалъ отъ вступившихъ въ него колонистовъ и завоевателей приспособленія матеріальнаго и духовнаго. Здѣсь колонистъ встрѣчалъ иные способы и орудія передвиженія и охоты, выработанные вѣками, даже тысячелѣтіями, приспособленные къ снѣжному покрову, къ природѣ рѣкъ, къ привычкамъ животнаго населенія лѣса. Здѣсь же, окруженный непривѣтливымъ лѣсомъ, колонистъ поддавался обаянію инородческихъ вѣрованій и искалъ помощи и защиты у шамана. Бѣдная извѣстіями культурнаго характера Новгородская лѣтопись даетъ одну картину такого рода (1071): „Приключилась нѣкоему новгородцу прійти въ Чудь и пріиде ко кудеснику, хотя волхованія у него, онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцу же сидящу на празѣ тоя храмины, кудесникъ же лежа оцѣпенѣлъ и шибе имъ бѣсъ“. Не одинъ конечно, этотъ новгородецъ, пользуясь „приключившимся“ случаемъ, заходилъ къ чудскимъ кудесникамъ за волхвованіемъ. Въ Поволожьи и теперь еще черемисскіе мужаны и чувашскіе іомзи принимаютъ русскихъ, приходящихъ къ нимъ съ этой цѣлью. Насколько раздѣлялась русскими чудская вѣра въ могущество шамановъ-волхвовъ и чтимыхъ Чудью предметовъ окружающей природы, показываетъ другой эпизодъ Новгородской лѣтописи и отрывокъ изъ житія XII в. Новгородецъ Янъ встрѣтилъ въ Бѣлоозерѣ и схватилъ ростовскихъ волхвовъ, обманывающихъ народъ. Волхвы просили его отпустить ихъ, говоря, что за гибель, которую онъ имъ причинитъ, его постигнетъ зло. Янъ не послушалъ ихъ и отдалъ на расправу бѣлозерцамъ. На другую ночь, когда Янъ съ своими спутниками возвращался домой, къ нимъ на ночевку забрался медвѣдь и съѣлъ ихъ; „и тако, прибавляетъ лѣтописецъ,—погибнуста бѣсовскимъ наущеніемъ“. Въ житіи преподобнаго Трифона вятскаго ясно раскрывается взглядъ мѣстныхъ русскихъ людей на чудскія святыни. „Обычай бяше нечестивымъ... идольскія жертвы творяще подъ древомъ... и врагъ дьяволъ... вселися ту и обладаше тѣмъ древомъ... И аще кто изъ христіанъ... древу тому посмѣется, или что отъ приношенія ихъ нечестиваго возьметъ, или того древа вѣтвь уломитъ, таковымъ много пагуба бывша, иніи же смертію умираху“... Суевѣрный страхъ передъ священными рощами и деревьями

инородцевъ до сихъ поръ живетъ среди русскаго населенія Камско-Волжскаго края. Въ отдѣльныхъ случаяхъ вѣра въ чужую святыню не ограничивается однимъ страхомъ: русскій крестьянинъ тайкомъ, по указанію жреца, приноситъ подъ такимъ деревомъ и жертву. Сравнительное изученіе сѣверно-русскихъ суевѣрій и вѣрованій современныхъ угро-финновъ можетъ дать рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о родствѣ тѣхъ и другихъ.

Заканчивая бѣглый очеркъ взаимодѣйствія русскаго и финскаго міровъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одно весьма существенное обстоятельство; обрусѣніе финновъ на всемъ протяженіи русской исторіи совершается безъ участія государства и не зависитъ отъ сознательнаго стремленія русскаго народа истребить національныя черты финскихъ племенъ. Первый носитель русской христіанской культуры въ финскомъ мірѣ, Стефанъ Великій пермскій дѣятель XIV в., не только признавалъ необходимыми для зырянъ-перми, переводы священныхъ книгъ на родной ихъ языкъ, но даже создалъ для него особую азбуку. Настроеніе св. Стефана не было въ его вѣкъ исключительнымъ; его подвигъ встрѣтилъ горячее сочувствіе Сергія радонежскаго. Съ покореніемъ Казанскаго царства возникаетъ вопросъ о просвѣщеніи инородцевъ, но культурной задачей, которую ставитъ готударство, является не насильственное обрусѣніе, а просвѣщеніе христіанствомъ. Благодаря отсутствію искусственныхъ и насильственныхъ мѣръ, процессъ обрусѣнія совершается сравнительно медленно, но зато является вполнѣ добровольнымъ и не оставляетъ въ душѣ русѣющихъ той горечи, съ которой всегда связано насиліе.

И. Смирновъ.

Волжскіе болгары *).

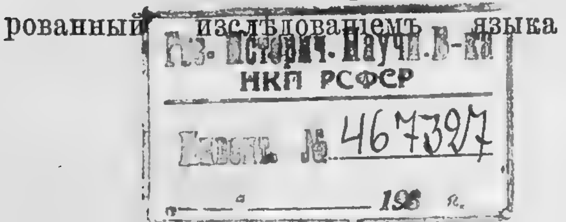
Уголъ, образующійся отъ сліянія Камы съ Волгой и захватывающій нынѣшніе Спасскій и Чистопольскій уѣзды Казанской губерніи, является центромъ поселеній болгаръ—народности, которая когда-то имѣла очень значительное вліяніе на развитіе культуры Поволжья, вверхъ отъ Казани до границы нынѣшней Ярославской губерніи (включительно) и внизъ до границъ Саратовской. Здѣсь въ тридцати верстахъ отъ устья Камы, на лѣвомъ берегу Волги, въ окрестностяхъ и въ предѣлахъ нынѣшняго села Успенское Болгары сохранились еще развалины булгарскихъ зданій—мавзолеевъ, мечетей, „палатъ", дворцовъ; здѣсь же въ глубинѣ уѣзда близъ с. Кузнечиха обнаружено въ послѣдніе годы, но еще не изслѣдовано, обширное городище — остатки другого болгарскаго города Сувара (Сваръ по произношенію мѣстныхъ чувашъ); дальше на В. въ Чистопольскомъ уѣздѣ, около пригорода Билярска обнаружены многочисленные слѣды третьяго крупнаго поселенія камско-волжской Болгаріи, Бюляра; чистопольскіе татары и чуваши и теперь еще называютъ Билярскъ—Бюляръ. На Сѣверъ отъ Билярска по обоимъ берегамъ Камы до Елабуги, Вятской губерніи, идетъ рядъ менѣе значительныхъ городищъ—остатки мелкихъ булгарскихъ городовъ въ родѣ Жукотина и др. Рѣка Бѣлая—

*) *Важн. литер.: Лихачевъ*, „Бытовые памятники Великой Болгаріи". („Труды II. Археол. Съѣзда" т. I); *Ашмаринъ*,—„Чуваши и Болгары". *Шпилевскій*,—„Древніе города и другіе болгаро-татарскіе памятники въ Казанской губ." Каз. 1877. *Гаркави*, —„Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ" 1870. *Хвольсонъ*,—„Извѣстіе о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ. Ибнъ Даста". 1869. *Голубовскій*,—„Болгары и хазары—восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св." Кіевъ 1895.

притокъ Камы, орошающій Уфимскую губернію—была, кажется, границей камско-волжскихъ болгаръ на В., гдѣ они уже соприкасались нѣкогда съ мадьярами.

Національность Волжскихъ болгаръ.

Въ концѣ IX в. и началѣ X, когда въ Булгаріи водворился Исламъ и забязались тѣсныя сношенія съ арабами, болгары дѣлили съ хазарами обладаніе побережьями Волги отъ Казани до Астрахани и были полными хозяевами верхняго Поволжья и Камы. Вопросъ о народности волжскихъ болгаръ давно занимаетъ ученый міръ, главнымъ образомъ, въ силу того значенія которое онъ имѣетъ по отношенію къ болгарамъ дунайскимъ. Болгары дунайскіе пришли съ востока изъ южно- русскихъ степей; созвучіе словъ Болгаръ и Волга давала еще въ средніе вѣка поводъ выводить дунайскихъ болгаръ съ Волги. Предковъ дунайскихъ болгаръ считали и славянами, и тюрками, и финнами. Вдаваться въ разборъ этихъ гипотезъ было бы излишне. Наука располагаетъ въ настоящее время фактами, позволяющими съ полной опредѣленностью рѣшить вопросъ о мѣстѣ болгаръ въ семьѣ урало-алтайскихъ народовъ; факты эти даетъ начинающееся научное изслѣдованіе финскихъ и тюркскихъ языковъ учеными Венгріи и Финляндіи. Изслѣдованія эти выяснили, что въ языкахъ мадьярскомъ и угорскомъ, зырянскомъ, вотяцкомъ, черемисскомъ и мордовскомъ сохранился рядъ чуждыхъ тюркскихъ словъ, которыя объединяются однимъ признакомъ—фонетическими особенностями, характеризующими современный чувашскій языкъ и раннія ступени его развитія, которыя даетъ возможность предполагать сравнительное изслѣдованіе тюркскихъ нарѣчій. Этотъ результатъ лингвистическихъ финно-угорскихъ изысканій прежде всего, конечно, можно было бы истолковать въ томъ смыслѣ, что было время, когда чуваши держали подъ своимъ культурнымъ вліяніемъ всѣхъ угро-финновъ востока. Но чуваши становятся извѣстными исторіи лишь съ XVI в. Это обстоятельство заставляетъ измѣнить выводъ: угро-финскій міръ въ періодъ, предшествующій движенію мадьяръ на западъ, находился подъ культурнымъ вліяніемъ *какой-то* тюркской народности, весьма близкой по языку къ нынѣшнимъ чувашамъ. Эта формула замѣнится опредѣленной величиной, если мы примемъ въ разсчетъ фактъ, констатированный изслѣдованіемъ языка *булгарскихъ* надписей

XIII—XIV вв.: здѣсь были замѣчены слова—числительныя и другія,—которыя по своему фонетическому типу оказываются близкими къ нынѣшнему чувашскому языку. Наличность чувашизмовъ въ памятникахъ XIII—XIV в., когда, какъ уже сказано было выше, *чуваши*, какъ таковые, исторіи еще были неизвѣстны, въ словахъ, которыя вкраплены въ чуждый арабскій текстъ надписей, какъ единственный показатель народности, которой служили эти надписи, установливаетъ совершенно ясно отношеніе между загадочнымъ древне-чувашскимъ языкомъ и булгарскимъ: древне-чувашскій языкъ былъ языкомъ болгаръ.

Установивши этотъ фактъ, мы поймемъ древніе чувашизмы въ угро-финскихъ нарѣчіяхъ и одновременно опредѣлимъ мѣсто болгаръ въ урало-алтайскомъ мірѣ: народомъ, оказавшимъ могущественное культурное вліяніе на угро-финскій міръ въ бассейнѣ Волги и Камы и оставившимъ слѣды этого вліянія въ его нарѣчіяхъ въ видѣ чувашизмовъ, и были *болгары;* памятники языка древнихъ болгаръ, уцѣлѣвшіе въ угро-финскихъ нарѣчіяхъ, свидѣтельствуютъ совершенно ясно, что языкъ этотъ, древняя форма нынѣшняго чувашскаго—тюркскій.

Данныя языка позволяютъ въ настоящее время съ достовѣрностью установить тюркское происхожденіе болгаръ. Не противорѣчатъ этому и черты, которыми характеризуется культура древнихъ болгаръ.

Источники для изученія исторіи болгаръ.

Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ объ источникахъ, которыми мы располагаемъ относительно древнихъ болгаръ.—До недавняго сравнительно времени историки располагали двумя главными источниками для изученія древне-болгарской культуры—извѣстіями арабскихъ писателей и вещественными памятниками древней Болгаріи, добытыми въ ея почвѣ. Извѣстія арабовъ недостаточно обильны, но они имѣютъ крупную цѣнность, будучи пріурочены къ опредѣленному времени. Памятники вещественные подтверждаютъ то, что говорятъ арабы, даютъ болѣе подробностей, но археологи не успѣли еще классифицировать этотъ матеріалъ хронологически: монеты, зданія относятся къ послѣднему періоду болгарской исторіи—періоду зависимости болгаръ отъ татаръ, предметы бытовой обстановки въ большей части не поддаются хронологическому опредѣленію. Въ послѣднее время открытъ новый

щѣнный источникъ свѣдѣній о былой культурѣ болгаръ, это— обломки языка древнихъ болгаръ, главнымъ образомъ слова, относящіяся къ различнымъ сторонамъ матеріальной, экономической, соціальной и духовной жизни, уцѣлѣвшія послѣ гибели народа въ мѣстныхъ финскихъ языкахъ—черемискомъ, мордовскомъ и въ особенности въ вотяцкомъ и зыряно-пермскомъ. Благодаря работамъ Вихмана, Мункачи, Паасонена и старой работѣ Золотницкаго (корневой словарь чуваш. яз.), явилась

Развалины Болгаръ.

возможность внести въ картину древне-болгарской культуры такія подробности, о которыхъ невозможно было и думать при прежнихъ условіяхъ изслѣдованія.

Послѣ этого небольшого отступленія обратимся къ фактамъ.

Съ именемъ „тюрки" у насъ соединяется представленіе о народѣ, живущемъ пастушеской жизнью, занимающемся преимущественно коневодствомъ, не знающимъ осѣдлости и перено- Бытъ болгаръ

сящемъ съ мѣста на мѣсто свое характерное жилье—войлочную кибитку. Ступень развитія, на которой застаютъ болгаръ наши источники, нѣсколько выше. Остатки былого кочевого, пастушескаго быта еще сохраняются: по лѣтамъ болгары выселялись въ степь и жили въ войлочныхъ кибиткахъ, пищу ихъ составляла, какъ и у современныхъ тюрковъ-кочевниковъ, преимущественно конина, конями и конскими шкурами болгары платили дань своему хану, верховой конь служилъ имъ и главнымъ средствомъ передвиженія. Но рядомъ съ этими чертами чисто кочевого быта мы встрѣчаемъ у болгаръ зачатки высшей осѣдло-земледѣльческой культуры: по зимамъ они жили въ деревянныхъ домахъ; сочетанія этихъ зимнихъ домовъ образовали города, которыхъ у нихъ было не мало; въ пищу, кромѣ конины, входили продукты земледѣлія, — преимущественно просо; въ XII в. Болгарія является житницей верхняго Поволжья въ годы неурожая и голода.

Если бы не города, состояніе болгаръ IX—XI вв. можно было бы сопоставить съ переходнымъ періодомъ, который переживали на протяженіи XIX в. современные обитатели приволжскихъ степей — башкиры и киргизы: и здѣсь зимовки, деревни зимовокъ, рядомъ съ войлочными кибитками, и здѣсь земледѣліе и просо, какъ главный его продуктъ. Города поднимаютъ болгаръ ступенью выше. Эпитеты, которыми пользуются русскіе лѣтописцы, говоря о болгарскихъ городахъ—„великій", „славный", способны вызвать преувеличенныя и невѣрныя представленія о древнеболгарскихъ городахъ. Арабы даютъ болѣе опредѣленный матеріалъ относительно этихъ городовъ. По свѣдѣніямъ Эль Балхи, въ двухъ изъ главныхъ болгарскихъ городовъ—Болгарѣ и Суварѣ, было въ X в. до 10,000 жителей; по поводу, собственно, Булгара онъ же бросаетъ очень важное замѣчаніе: (внѣшній) „Булгаръ есть маленькій городъ, извѣстный только тѣмъ, что онъ есть *главнѣйшій торговый пунктъ* этого государства"; Мукадесси (X в.) относительно Сувара говоритъ, что его составляли войлочныя юрты. Въ X в., стало-быть „города" Болгаріи только размѣрами отличались отъ киргизскихъ и башкирскихъ ауловъ, а размѣры эти опредѣлялись тѣми экономическими и торговыми интересами, которые стягивали къ извѣстнымъ пунктамъ полукочевое населеніе. Переходъ отъ

кочевого быта къ земледѣлію и осѣдлости совершился у болгаръ уже на мѣстѣ — частью подъ вліяніемъ географическихъ условій, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ культурной среды. Тѣ же изслѣдованія надъ заимствованными словами въ угро-финскихъ нарѣчіяхъ установили, что земледѣліе зародилось на территоріи Волжской Булгаріи раньше появленія здѣсь болгаръ: у югры, зырянъ, вотяковъ, черемисъ и мордвы оказался рядъ словъ, относящихся къ скотоводству и земледѣлію, которыя заимствованы изъ иранскихъ нарѣчій въ пору, когда иранскія племена (сарматы) были непосредственными сосѣдями финновъ съ юго-востока. Эта связь между иранскими и финскими племенами была порвана, несомнѣнно, въ эпоху гуннскаго движенія. Но толчокъ, данный иранцами финнамъ, сохранилъ свою силу, и болгары, оторвашись въ V—VI вв. отъ основной гуннской орды, должны были найти въ районѣ слiянія Волги и Камы земледѣльческое населеніе. Слова, заимствованныя финнами въ области земледѣлія у болгаръ, позволяютъ предположить, что внесли въ развитіе волжскаго земледѣлія болгары; черемисы и вотяки заимствовали у болгаръ-чувашъ слова для обозначенія борозды, пахотнаго поля, постати— пространства, которое можетъ сдѣлать за день одинъ человѣкъ, полосы, пашни, межи, другими словами—термины, относящіеся къ такой ступени земледѣлія, когда ручная, мотыжная обработка почвы уступаетъ мѣсто обработкѣ плугомъ и возникаютъ болѣе или менѣе обширныя правильно воздѣланныя поля. Весьма вѣроятно, что болгары-завоеватели, подобно обрамъ русскаго преданія, явились не учителями, а только организаторами подневольнаго труда туземцевъ, что они заставили финновъ перейти къ болѣе интенсивному земледѣлію и работать не только на себя, но и на завоевателей. Позднѣе они и сами могли постепенно перейти отъ пастушества къ земледѣлію какъ перешли къ нему еще въ XVI—XVII вв. потомки татаръ. Земледѣліе.

Возникновеніе въ районѣ слiянія Волги и Камы городовъ, как торговыхъ центровъ, представляется совершенно естественнымъ съ момента, какъ тюрки утвердились на нижней Волгѣ. Еще ранѣе этого, въ предѣлахъ Средней Азіи, тюрки вошли уже въ сношенія съ восточной вѣтвью финновъ—югрой—и вымѣнивали на серебряную утварь и чаши, блюда и т. д.— Торговля.

драгоцѣнные мѣха. Черезъ Уралъ они тогда еще перебрались въ бассейнъ Камы, принадлежавшій той же югрѣ. Съ водвореніемъ хазаръ на Волгѣ все Поволжье входитъ въ сферу хазарскаго торговаго вліянія: болгары начали свою жизнь на Волгѣ, какъ подручники хазаръ, которымъ они платили дань наравнѣ съ своими сосѣдями буртасами. Поднявшись вверхъ по Волгѣ до впаденія Камы, хазары могли тотчасъ оцѣнить, какое значеніе имѣетъ для ихъ торговли территорія Волжской Булгаріи: тѣ товары, ради которыхъ средвеазіатамъ приходилось предпринимать тяжелыя путешествія на сѣверъ, могли получаться здѣсь сплавомъ по Камѣ и верхней Волгѣ. Весьма возможно, что первые города и рынки Волжской Булгаріи обязаны были своимъ возникновеніемъ хазарамъ: Мукадесси включаетъ, можетъ-быть, не даромъ Булгаръ и Суваръ въ число хазарскихъ городовъ. Еще въ Х в. булгарскіе товары, по свидѣтельству Ибнъ-Раста (Даста), поступали прежде всего въ руки хазаръ и отъ нихъ уже шли далѣе на В.

Жилища. Въ связи съ городами слѣдуетъ коснуться вопроса о деревянныхъ домахъ булгаръ. Исконнымъ жилищемъ болгаръ-кочевниковъ была, конечно, войлочная юрта, которой они по привычкѣ пользовались и въ Болгаріи, но рядомъ арабскіе писатели говорятъ о деревянныхъ домахъ, въ которыхъ они, подобно буртасамъ, жили по зимамъ. Въ бытѣ первоначально кочевого, степного народа деревянный домъ представляетъ собой вещь новую и чуждую и мы должны уже a priori предположить, что болгары заимствовали его у туземнаго финскаго населенія. Къ тому же заключенію насъ приводитъ сравнительное изслѣдованіе формъ жилища у чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы. Финское жилище отражаетъ въ своей исторіи болѣе раннія вліянія, германское и литовское. Коническій чумъ изъ жердей—исконное жилище бродячаго охотника-финна—смѣнился у нихъ съ началомъ осѣдлости бревенчатымъ четырехстѣннымъ шалашомъ безъ пола, безъ потолка, безъ оконъ (кота-куда, куа), который своими формами напоминаетъ древнее восточно-германское жилье. Къ кудѣ-котѣ, мало приспособленной къ условіямъ суроваго климата, черемисы и мордва присоединили первобытную курную избу, заимствовавши ее, можетъ-быть при посредствѣ исчезнувшихъ въ настоящее

время пріокскихъ финскихъ народностей, у литовско-латышскихъ племенъ. Обѣ эти формы жилья перешли безъ перемѣнъ и къ чувашамъ и держались до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ ними не появилась „русская" изба. Особыхъ формъ жилья, которыя мы могли бы принять за наслѣдство древне-болгарской старины, у чувашъ нѣтъ, и болгары, стало-быть, въ области деревянной архитектуры ограничились усвоеніемъ того, что давала уже въ готовомъ видѣ среда.

Не такъ легко рѣшается вопросъ объ обстановкѣ дома—мебели и утвари, приготовленныхъ изъ дерева. Арабы сообщаютъ что у болгаръ приволжскихъ, какъ и придунайскихъ, были въ употребленіи столики, на которыхъ ставились предъ каждымъ отдѣльнымъ гостемъ кушанья; въ окрестностяхъ Билярска были найдены въ случайно разрытой древней могилѣ шесть деревянныхъ ложекъ, поступившихъ въ Лихачевскій, нынѣ городской, казанскій музей. Ложки эти, по описанію Лихачева, отличались изяществомъ работы, съ *выгнутыми* ручками (у одной ручка была даже фигурно обточена); особенно—формой и отдѣлкой—отличается одна ложка, поперечно-овальная. Въ послѣднюю поѣздку къ вотякамъ въ августѣ и сентябрѣ 1903 года автору этихъ строкъ удалось встрѣтить у нихъ родъ болгарской поперечно-овальной ложки: въ одномъ молельномъ шалашѣ (храмъ, бадзимъ-куа́) Елабужскаго уѣзда оказалась цѣлая коллекція такихъ поперечно-овальныхъ ложекъ съ выгнутыми длинными ручками; онѣ употребляются въ настоящее время исключительно при жертвоприношеніи для расхлебыванія бульона, который получается отъ варки жертвеннаго животнаго. Принимая во вниманіе то, что при жертвоприношеніяхъ у волжскихъ инородцевъ употребляются исключительно предметы древней бытовой обстановки, мы можемъ предположить, что въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ ложками стараго вотско-болгарскаго типа, который болгары могли найти у туземцевъ. Иначе стоитъ дѣло съ другой утварью, которая также въ настоящее время употребляется исключительно при языческихъ жертвоприношеніяхъ, съ рѣзными черпаками, украшенными изображеніями животныхъ—лошадей, медвѣдей, птицъ на ручкахъ. Черпаки эти встрѣчались исключительно на территоріи черемисъ и чувашъ; такъ въ ту же осеннюю поѣздку къ вотя- Утварь.

камъ автору этихъ строкъ удалось встрѣтить нѣчто подобное у вотяковъ Глазовскаго уѣзда. Сравнивая черпаки черемисъ и чувашъ (коллекція такихъ черпаковъ доставлена авторомъ въ музей императора Александра III), легко замѣтить; 1) что большее разнообразіе формъ встрѣчается у чувашъ и, стало-быть, отъ нихъ идутъ эти формы утварь къ черемисамъ, а не наоборотъ; 2) что формы чувашскихъ черпаковъ имѣютъ для себя аналогію,. съ одной стороны, въ кумысныхъ черпакахъ киргизовъ (форма съ кольцами и завитками, вырѣзанными изъ одного съ черпакомъ куска дерева), съ другой—въ черпакахъ скандинавскихъ.

Скандинавское вліяніе.

Появленіе формъ скандинавской утвари рядомъ съ формами тюркскими можно было бы объяснить такъ, что болгары присоединили тюркскія формы къ формамъ, заимствованнымъ финнами у сѣверо-германцевъ. Въ пользу такого объясненія могли бы говорить древнія заимствованія въ области формъ жилища. Но противъ него говоритъ одно рѣшающее обстоятельство: въ то время какъ обще-финское заимствованіе куа (шалаша)—въ одномъ и томъ же видѣ встрѣчается у черемисъ, мордвы, вотяковъ, черпаки скандинавскаго типа не встрѣчаются ни у мордвы, ни у вотяковъ и локализируются исключительно на чувашско-черемисской территоріи; мы имѣемъ, стало-быть, дѣло съ заимствованіемъ болѣе позднимъ, пріуроченнымъ къ Волгѣ, и вопросъ о томъ, кто сдѣлалъ заимствованіе первый и популяризировалъ его—чуваши, болгары или черемисы, рѣшается безъ колебаній въ пользу первыхъ: съ ними, а не съ черемисами, вели сношенія сѣверные „русы“, которые пріѣзжали сюда съ торговыми цѣлями и могли привозить съ собою свои товары, какъ привозили вооруженіе (мечи) и другія принадлежности бытовой обстановки.

Керамика.

Путемъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ добывали болгары образцы и для керамическихъ издѣлій. Горшечное производство возникло въ бассейнѣ Волги—Камы задолго до появленія здѣсь болгаръ: изъ бронзоваго вѣка (могильники Ананьинскій и Каракулинскій) идутъ опредѣленныя формы маленькихъ сосудовъ, сдѣланныхъ отъ руки и довольно богато орнаментированныхъ. Принесли ли болгары сами какія-нибудь новыя формы, сомнительно; кочевники, тюрки и монголы, вообще съ большей

охотой примѣняли для посуды продукты скотоводства, кость и кожу, чѣмъ глину. Сохранившіяся въ почвѣ Болгаріи керамическія издѣлія идутъ по большей части изъ Средней Азіи своими формамы; таковы сосуды для воды, кувшины для омовенія, лампы. Одинъ видъ керамическихъ издѣлій идетъ, повидимому, отъ арабовъ. Это неизвѣстнаго назначенія коническіе новые сосуды съ узкимъ отверстіемъ и очень толстыми стѣнками. Такіе сосуды были въ ходу у арабовъ IX—X вв. и служили ручными гранатами. Возможно, что съ тѣмъ же назначеніемъ—вносить огонь поселенія или на суда враговъ—часть ихъ — неорнаментированная — проникла первоначально и въ Болгарію.

Металлическія издѣлія.

Большое значеніе въ жизни края имѣли предметы, приготовленные изъ металловъ. Извѣстное лѣтописное сказаніе о народахъ, заключенныхъ въ Уральскихъ горахъ и *просившихъ* у пришлыхъ купцовъ *желѣзо*, ярко обрисовываетъ основную нужду края. Желѣзо было насущной потребностью финновъ въ пору появленія болгаръ и распространеніемъ его болгарскіе торговцы сослужили краю крупную культурную службу. На сѣверо-востокѣ крайнимъ пунктомъ болгарской торговли желѣзомъ была страна Югры (Юра, по написанію арабовъ). Андалуси говоритъ, между прочимъ, о какихъ-то „простыхъ клинкахъ", которые привозили югрѣ болгары изъ *мусульманскихъ* странъ; клинки эти служили югрѣ для того, чтобы бить ими морскихъ звѣрей (гарпуны?). На сѣверо-западѣ предѣломъ болгарской торговли была, кажется, страна Мери: топоры, маленькіе топорики, наконечники стрѣлъ, встрѣчающіеся въ мерянскихъ могилахъ по своимъ формамъ оказываются очень близкими къ болгарскимъ. Торговали ли болгары привозными изъ средней Азіи вещами, или выдѣлывали желѣзный товаръ на мѣстѣ, остается открытымъ вопросомъ. Желѣзодѣлательная промышленность — старая спеціальность тюркскихъ племенъ и знакомство съ ней болгары могли принести еще изъ Азіи, но для ея развитія требовались соотвѣтствующія мѣстныя условія, и едва ли почва Волжской Болгаріи давала нужный рудный матеріалъ. Формы нѣкоторыхъ орудій, напр., маленькихъ иногда инкрустировавшихся топориковъ, тождественны съ средне азіатскими, и опредѣленно указываютъ на свое проис-

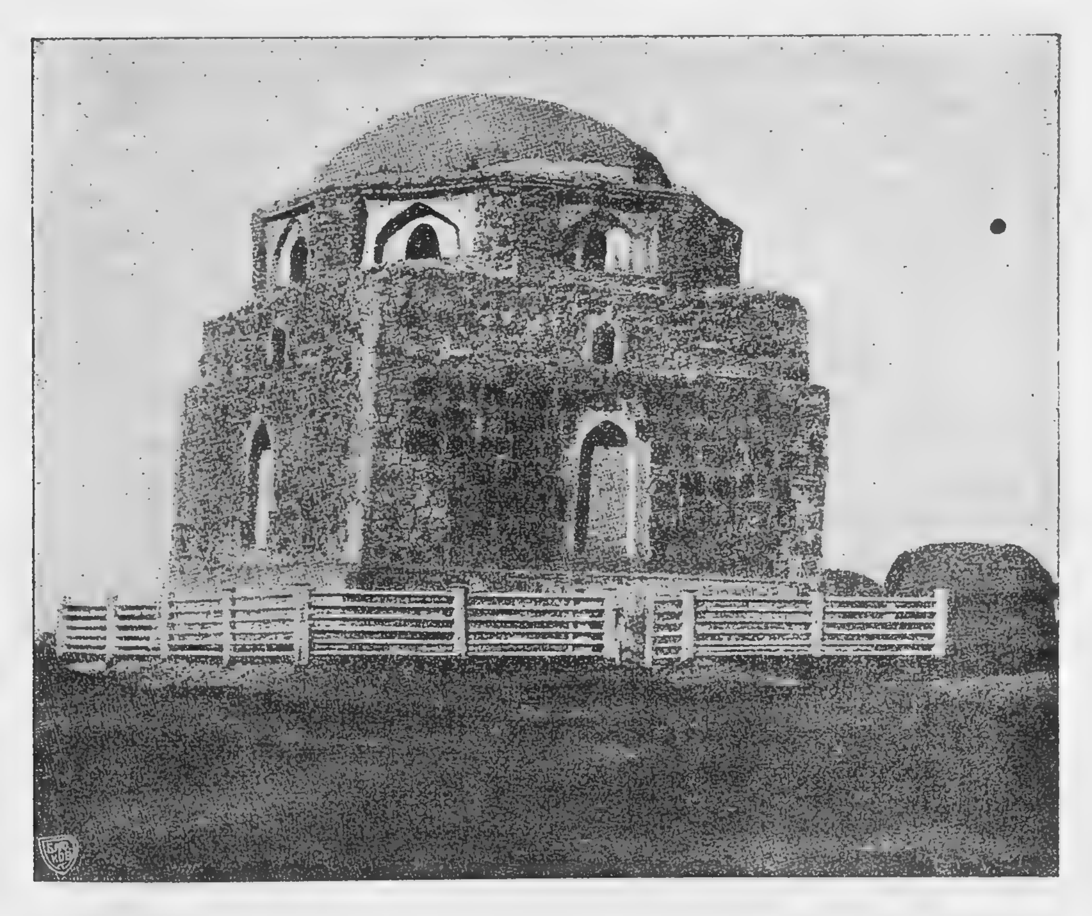
хожденіе. Мѣстнымъ производствомъ была, наоборотъ, несомнѣнно, обработка мѣди и различныхъ бронзовидныхъ сплавовъ. Но здѣсь намъ приходится вступить уже въ область туалетныхъ украшеній и потому, на время оставляя этотъ предметъ мы обратимся еще къ одной области матеріальной культуры, въ которой сказалось посредствующее культурное вліяніе болгаръ,

Архитектура. это—область каменной архитектуры. Ея зарожденіе въ Болгаріи совпадаетъ съ началомъ водворенія въ ней Ислама: въ началѣ X в. ханъ Альмусъ просилъ аббасидскаго калифа прислать ему мастеровъ, которые могли бы построить въ его городѣ каменныя мечети и другія зданія. Начиная съ этой поры, въ Болгаріи зарождается каменная архитектура; арабскіе мастера научаютъ болгаръ выдѣлывать и обжигать кирпичъ, подобный по формѣ багдадскому (широкій, равносторонній и нѣсколько болѣе тонкій, сравнительно съ нашимъ современнымъ), обтесывать камень для облицовки зданій. Раннихъ памятниковъ болгарской архитектуры не сохранилось, но изъ XIII—XIV в. въ селѣ Болгарахъ Успенскомъ сохранился рядъ памятниковъ—мечетей, палатъ, мовзолеевъ, которые въ состояніи дать понятіе о строительномъ искусствѣ болгаръ. Въ стилѣ и формахъ этихъ построекъ много общаго съ тѣмъ, что даетъ одновременная архитектура Средней Азіи. Для того, чтобы уяснить себѣ значеніе народившейся въ началѣ X в. въ Болгарахъ каменной архитектуры, слѣдуетъ принять въ расчетъ, что Русь того времени не знала иныхъ построекъ, кромѣ деревянныхъ, и что нѣсколько столѣтій спустя, когда христіанство создало въ Суздальской землѣ спросъ на каменную архитектуру во Владиміръ и другіе города вызывались каменщики изъ Волжской Болгаріи.

Каменная архитектура Волжской Булгаріи представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ отдѣловъ матеріальной культуры, гдѣ удовлетвореніе практическихъ потребностей сочетается съ удовлетвореніемъ потребностей художественныхъ, эстетическихъ. Къ этому же смѣшанному виду явленій относится костюмъ съ входящими въ составъ его украшеніями.

Одежда. Древне-болгарскій костюмъ можно возстановить только гипотетически на основаніи тѣхъ заимствованныхъ тюркскихъ элементовъ, которые сохранились въ современномъ костюмѣ фин-

скихъ народностей Волжско-Камскаго края и чувашъ. До извѣстной степени мы можемъ идти здѣсь тѣмъ же путемъ, какимъ лингвисты идутъ къ реставраціи древне-болгарскаго языка. Въ формахъ и орнаментахъ женскаго костюма черемисъ, мордвы, вотяковъ, крещеныхъ татаръ и бесермянъ мы встрѣчаемъ рядъ элементовъ, тождественныхъ съ чувашскими и идущихъ, повидимому, изъ древне-болгарской поры. Начиная нашъ обзоръ съ головныхъ уборовъ, мы имѣемъ:

Остатки мечети въ с. Болгарахъ.

1) Украшенный серебряными монетами женскій головной уборъ, въ видѣ болѣе или менѣе широкой повязки съ ремнемъ, спускающимся на спину (у черемисъ, бесермянъ и чувашъ—хошпу, кашпу, ошпю); 2) дѣвичій коническій головной уборъ, ушитый серебряными монетами (у бесермянъ, вотяковъ, чувашъ—такія, тохья); 3) платокъ съ вышитымъ начелышемъ, употре-

бляющійся у замужнихъ женщинъ (чалма—вотяки, чуваши); 4) полотенце съ расшитыми краями, которымъ повязывается голова замужней женщины (черемисы, вотяки, крещеные татары, чуваши); 5) плечевая перевязь, украшенная монетами, обшитая по краямъ раковинами, каури (черемисы, крещеные татары, чуваши); 6) поясныя, расшитыя шелками или бисеромъ подвѣски мордва, горные черемисы, чуваши).

Всѣ эти принадлежности женскаго костюма, а съ ними вмѣстѣ рубашки и лѣтніе холщевые кафтаны, покрыты у финновъ Волжско-Камского края, какъ и у чувашъ, вышивками, которыя и матеріаломъ и мотивами свидѣтельствуютъ о болгарскомъ вліяніи: на старинныхъ принадлежностяхъ женской одежды матеріаломъ для вышивки служитъ шелкъ, который носитъ болгаро-чувашское названіе—burcin вот., parsen чер., parcej морд., чув. porzen; въ отношеніи же орнамента сравнительное изслѣдованіе даетъ такую картину: наибольшее количество мотивовъ, включающее въ себя мотивы черемисъ, мордвы и отчасти вотяковъ, представляютъ вышивки чувашъ; въ ближайшемъ родствѣ съ чувашскими и повторяющимъ наибольшее количество мотивовъ оказывается орнаментъ черемисскій, за которымъ слѣдуютъ по количеству общихъ съ чувашами мотивовъ орнаменты мордовско-мокшанскій, мордовско-эрзянскій и наконецъ, вотяцкій.

Сравнительное изслѣдованіе формъ костюма и мотивовъ орнамента приводитъ, такимъ образомъ, къ неоспоримому выводу, что въ области прикладного искусства, каковой является вышиваніе, чуваши-болгары являются законодателями и учителями для финскихъ народностей Волжско-Камскаго края.

Восточное вліяніе.

Но свѣтъ искусства, которымъ свѣтили чуваши-болгары народамъ Поволжья, былъ не самобытный, а заимствованный: и матеріалъ и мотивы вышивокъ ведутъ изслѣдователей къ культурѣ иранскихъ народностей Средней Азіи и Персіи; не перечисляя отдѣльныхъ мотивовъ, о которыхъ неудобно говорить безъ цвѣтныхъ таблицъ, достаточно указать на такіе характерные мотивы, какъ обращенныя въ противоположныя стороны конскія головы, дерево съ симметрично поставленными около него животными, человѣческія фигуры, такъ же семметрично

стоящія около предмета, который В. В. Стасовъ считаетъ стилизаціей жертвенника.

Въ меньшей степени ясна роль болгаръ въ распространеніи и изготовленіи другого рода украшеній—металлическихъ, бронзовыхъ и серебряныхъ; таковы шейныя кольца или гривны, плетеныя изъ толстой серебряной проволоки, такіе же браслеты, медальоны въ видѣ замѣнившихъ крупныя монеты серебряныхъ круглыхъ бляхъ съ ушками, филигранные серебряные перстни, бронзовыя фибулы съ подвѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ или колокольчиковъ на цѣпочкахъ, бронзовыя подвѣски въ видѣ птичекъ и животныхъ. Украшенія, плетеныя изъ серебряной проволоки считаютъ по происхожденію арабскими; лучшіе образцы, филигранныхъ работъ идутъ также съ Востока менѣе ясно происхожденіе бронзовыхъ украшеній общихъ у болгаръ съ финскими народностями Волжско-Камскаго бассейна—югрой, пермью, мерей. Рѣшающимъ здѣсь, кажется, должно явиться то обстоятельство, что украшеній этого типа нѣтъ ни у современныхъ чувашъ, ни у черемисъ, если не считать мѣдныхъ гребенокъ съ двумя конскими головками, обращенными въ противоположныя стороны. Разъ у этихъ двухъ народностей, сохранившихъ наибольшее количество элементовъ древне-болгарской культуры, нѣтъ сѣверно-финскихъ украшеній, можно вполнѣ основательно предположить, что ихъ не употребляли болгары; присутствіе такихъ находокъ въ почвѣ Болгаріи объясняется тѣмъ, что болгары только изготовляли для сѣверныхъ финновъ ихъ любимыя украшенія, какъ изготовляетъ въ настояшее время русскій крестьянинъ с. Рыбная слобода, Чистопольскаго уѣзда, различныя металлическія украшенія по вкусу вотяковъ, татаръ, черемисъ и чувашъ. На украшеніяхъ мы можемъ закончить обзоръ матеріальной культуры болгаръ и подвести итоги для того, чтобы удобнѣе перейти къ другимъ сторонамъ ихъ вліянія—къ вліянію въ области соціальныхъ отношеній и духовной жизни. Главное значеніе болгаръ для сѣверо-восточпой Россіи и Поволжья заключается въ томъ, что они расширили и оживили товарный обмѣнъ и этимъ путемъ создали новыя направленія въ собственной дѣятельности племенъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло (припомнимъ толчекъ, данный болгарами

въ области дѣятельности художественно-промышленной). Совершенно естественнымъ въ силу этого является фактъ, что именно въ этой области болгары оказали наиболѣе глубокое вліяніе на идейный міръ волжско-камскихъ финновъ: термины для обозначенія цѣны, денегъ, прибыли, убытка, рынка, товара, долга, роста черемисы и вотяки заимствовали у чувашъ-болгаръ.

Уже путемъ правильныхъ торговыхъ сношеній съ народностями Волжско-Камскаго края болгары могли оказывать извѣстное вліяніе на соціальный строй этихъ народностей, вызвать, напр., ихъ разслоеніе на богатыхъ и бѣдныхъ.

Извѣстное вліяніе болгары оказывали на соціальныя отношенія края и непосредственно.

Соціальный и полититическій строй.

Соціальный и политическій строй Волжской Болгаріи въ источникахъ представляется недостаточно ясно. Арабы говорятъ объ единомъ царѣ (ханѣ) болгаръ, подъ властью котораго находились меньшіе царьки. Въ X в. Болгарія была, такимъ образомъ, политическимъ организмомъ, который слагался изъ нѣсколькихъ меньшихъ. Основу, изъ которой выросъ этотъ организмъ намъ даетъ возможность выяснить языкъ—тѣ термины соціальныхъ отношеній, которые были заимствованы у болгаръ финнами, Въ языкахъ пермской группы мы встрѣчаемъ древне-болгарскія слова, проливающія свѣтъ на характеръ тѣхъ первичныхъ, мелкихъ группъ, изъ которыхъ слагалось болгарское государство: betce—сосѣдъ, *родственникъ*, buskel—сосѣдъ, родственникъ, iska—сосѣдъ родственникъ, другъ. Въ трехъ этихъ заимствованіяхъ изъ чувашско-болгарскаго характерно то, что *сосѣдъ и родственникъ* обозначаются однимъ терминомъ; значитъ, древне. болгарскіе аулы были поселеніями родовъ, подобно чувашскимъ „околоткамъ" и вотяцкимъ азбарамъ. Чужой былъ для членовъ этихъ родовыхъ группъ врагомъ, какъ показываетъ значеніе слова dušmon, dusmon, заимствованнаго вотяками и черемисами у болгаръ. О характерѣ отношеній между родами даетъ понятіе способъ пріобрѣтенія у болгаръ невѣсты—куплей. Торговый народъ, располагавшій разнообразными мѣновыми единицами—мѣхами, деньгами—сдѣлалъ и женщину предметомъ мирной торговой сдѣлки, поднявшись надъ тѣми отношеніями междуродовой борьбы, которыя вытекали изъ похищенія невѣсты. Болгарскія слова, уцѣлѣвшія въ видѣ заимствованій у

вотяковъ, раскрываютъ передъ нами всю картину купли женщины: уступалась она за опредѣленную плату (kulim, kalim, xolum); сдѣлка совершалась при посредничествѣ свата или свахи (вот. kudo, tuklaksi).

Объ экономическихъ отношеніяхъ между членами рода-аула говоритъ то, что родичи, обособившись хозяйствами, помогали другъ другу въ работахъ (vème—помочь). Сочетаніемъ такихъ родовъ были, конечно, три племени (береула, эсегель, болгаръ), на которыя распадались волжско-камскіе болгары. Можетъ-быть, эти группы обозначались терминомъ jex.

Надъ родовыми старѣйшинами, которые управляли родами аулами поднимались ханы (конъ хонъ), въ руки которыхъ перешла главнѣйшая функція родовладыкъ—судебная. Функцію эту они выполняли и непосредственно чрезъ особыхъ агентовъ-судей (töre). Заимствованное вотяками изъ древне-болгарскаго языка слово kemdelé—свидѣтель—вводитъ насъ отчасти въ древне-булгарскій судебный процессъ. Не рискуя значительной ошибкой, можно предположить, что и у болгаръ приволжскихъ существовалъ такой родъ пытки, о которомъ говорятъ болгары дунайскіе въ своихъ извѣстныхъ „вопросахъ“ папѣ Николаю: судьи, чтобы добиться отъ обвиняемаго признанія, били его палкой по головѣ. Арабы сообщаютъ свѣдѣнія и о наказаніяхъ, практиковавшихся у болгаръ. Свѣдѣнія эти даютъ намъ возможность попутно констатировать, что болгарскій родъ-община лишился юрисдикціи по отношенію къ важнѣйшимъ преступленіямъ противъ личности—убійству и нарушенію супружеской вѣрности. Въ случаѣ убійства болгары, по свидѣтельству Ахмедъ-туки, убійцу запирали въ деревянный сундукъ и вѣшали на высокомъ столбѣ, оставляя умереть отъ холода или зноя. Прелюбодѣя привязывали за руки и за ноги къ четыремъ кольямъ, вбитымъ въ землю, и разрубали сѣкирой, начиная отъ шеи до бедръ. Судъ.

За исполненіе судебныхъ и административныхъ обязанностей ханъ взималъ съ населенія дань (körs' вот. чер. йозакъ) по старому кочевому обычаю съ продуктовъ скотоводства—лошадиными и воловьими шкурами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живымъ скотомъ. Съ продуктовъ земледѣлія подати не взимались—вѣроятно, однако, только съ чисто-болгарскаго населе-

нія, которое представляло своето рода господствующій классъ, О духовномъ мірѣ древнихъ болгаръ нѣкоторое представленіе даютъ соотвѣтствующія заимствованныя слова черемисъ и вотяковъ. Если правъ Мункачи, выводящій остяцко-вогульское Торымъ—богъ изъ чувашскаго Торрамъ (богъ мой), то богъ у болгаръ назывался, какъ и у чувашъ, Тора, и ихъ было столько же сколько чувашскихъ боговъ (неба, солнца, луны, воды и т. д.). Судя по примѣненію у черемисъ, вотяковъ и пермяковъ къ религіи терминовъ, характеризующихъ земную власть—кан,—он—ханъ, сакче—сторожъ, посыльный—можно предположить, что боговъ своихъ болгары представляли въ видѣ хановъ, управляющихъ отдѣльными группами явленій.

Религія. Умилостививъ хановъ земныхъ данью, хановъ небесныхъ болгары умилостивляли жертвами—преимущественно животными (вот.-ос. jir, чув. jer-ex, вот. tsek—жертвенная формула, чув. tsuk—жертва, чер. чок-лам—молиться). Одно темное свидѣтельство Ибнъ-Фодлана по связи съ пережитками человѣческихъ жертвоприношеній у чувашъ можно толковать, какъ указаніе на наличность человѣческихъ жертвоприношеній у древнихъ болгаръ: человѣка особенно ловкаго и свѣдущаго, говоритъ Ибнъ-Фодланъ, болгары, набросивши ему на шею петлю, вѣшали на дерево въ предположеніи, что ему приличествуетъ служить богу. Вотяки въ своемъ весеннемъ моленіи, которое носитъ чувашское названіе акà-яшкà (плуговой, пашенный супъ), сохранили указанія на то, что у древнихъ болгаръ были и періодическія общія моленія.

Рядомъ съ духами явленій природы древніе болгары чтили духовъ усопшихъ. Культъ этотъ удержался и послѣ принятія болгарами Ислама, принявши въ видѣ культа Керемета слегка мусульманскую окраску. У арабовъ Кäрамäт означаетъ сверхъестественную силу святого (усопшаго) человѣка. Ощущаться эта сила могла, конечно, всего болѣе на могилахъ святыхъ, которыя и пользуются глубокимъ почтеніемъ и у истыхъ мусульманъ. Этотъ культъ могилы могущественнаго святого болгарская масса связала съ отеческимъ культомъ усопшихъ, особенно усопшихъ, обладавшихъ при жизни могуществомъ: слово Кäрамäт получило теперь значеніе духа усопшаго, способнаго карать за непочтеніе, духа могущественнаго предка и въ

этомъ значеніи перешло отъ болгаръ-чувашъ къ черемисамъ и вотякамъ.

Въ роли посредниковъ между людьми и духами у болгаръ являлись ворожецы, бывшіе одновременно и врачами. Указаніемъ на функцію знахарей и ворожецъ у болгаръ являются слова, заимствованныя изъ чувашско-болгарскаго вотяками и черемисами: вот. jum—лѣченіе, лѣкарство, чуваш. волшебство, заклинаніе.

Къ числу заимствованій, сдѣланныхъ у болгаръ волжскими финнами и характеризуюшихъ древне-болгарскую культуру, слѣдуетъ отнести единицу дѣленія времени—недѣлю (arnà вот., arnà чер.). Черемисское названіе среды—малая недѣля (изярня) и пятницы—большая недѣля (кугарнà) позволяетъ предположить, что болгары знали когда-то пятидневную недѣлю.

Позднѣйшая судьба болгарской культуры.

Мы набросали картину древне-бвлгарской культуры, насколько это позволяютъ наличные источники. Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ ея судьбѣ. Особенной жизненностью эта культура не могла обладать уже въ силу того, что она въ своихъ главнѣйшихъ проявленіяхъ была заимствованной. Затѣмъ она очень не глубоко проникала въ жизнь края—достаточно отмѣтить фактъ, что каменныя зданія—мечети, дворцы, мавзолеи—сохранились только въ Булгарѣ. Жизненнымъ нервомъ этой культуры была торговля и обусловливавшееся ею благосостояніе высшихъ классовъ. Ударовъ, которые нанесены были болгарскимъ городамъ русскими въ XII—XIII в. и монголо-татарами въ XIII в. было достаточно для того, чтобы смести съ лица земли эту хрупкую культуру: архитектурные памятники цвѣтущей эпохи не реставрировались, рынки запустѣли и болгаринъ-мусульманинъ незамѣтно перешелъ въ мелкаго торгоша-татарина, а болгаринъ-язычникъ—въ чувашина, который менѣе всего способенъ дать представленіе о томъ, чѣмъ были когда-то его предки.

И. Смирновъ.

Хазарское царство *).

Блескъ хазарскаго царства.

„Когда,—говоритъ ученый оріенталистъ Григорьевъ,—величайшее безначаліе, фанатизмъ и глубокое невѣжество оспаривали другъ у друга владычество надъ Европою, держава Хазарская славилась правосудіемъ и вѣротерпимостью, и гонимые за вѣру стекались въ нее отовсюду. Какъ свѣтлый метеоръ блистала она на мрачномъ горизонтѣ Европы и погасла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Оттого всѣ подвиги хазаровъ, народа, столь рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ сосѣдей своихъ, и во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытнаго для историка, являются въ какомъ-то сумракѣ, подернутые туманомъ сбивчивыхъ извѣстій разныхъ иноземныхъ писателей, которые своими повѣствованіями дѣлаютъ еще болѣе невѣроятными иногда и безъ того странныя установленія хазаровъ“. Дѣйствительно, при всемъ интересѣ исторіи этого замѣчательнаго народа, мы знаемъ о немъ очень немного. Кто были хазары? Мнѣнія раздѣляются. Одни считаютъ ихъ тюрками, другіе причисляютъ къ финско-угрскимъ племенамъ, думая, что одно изъ нихъ было покорено въ отдѣльныя времена какимъ-нибудь тюркскимъ народцемъ, который далъ хазарамъ династію ихъ кагановъ.

Территорія хазаръ.

Границъ Хазарской земли въ собственномъ смыслѣ указать нельзя. Съ большею или меньшею точностью можно говорить о границахъ Хазарскаго государства. Въ эпоху самаго большого развитія его могущества южная граница каганата переходила за

---

*) Изъ соч. профессора *П. В. Голубовскаго* „Болгары и хазары—восточные сосѣди Руси при Владимирѣ Св.“ Кіевъ, 1895.см. еще *Григорьевъ.* „Россія и Азія“. Гаркави и Хвольсонъ (см. предш. ст.): Брунъ. „Каспій“.

Кавказскія горы и простиралась до рр. Куры и Аракса. Хазарскіе гарнизоны стояли по городамъ, расположеннымъ какъ на Кавказѣ, такъ и въ Закавказьи. Но ко второй половинѣ VIII в. хазары были вытѣснены арабами изъ Закавказья, и границей сдѣлались Кавказскія горы. На западѣ въ VIII в. они распространяютъ свою власть на часть Крымскаго полуострова и затѣмъ подчиняютъ своей власти русско-славянскія племена: полянъ, радимичей, вятичей, сѣверянъ. Подчиняютъ себѣ даже на нѣкоторое время Волжскую Болгарію. Изъ хазарскихъ городовъ намъ извѣстны: Итиль, Баланджаръ, Саркелъ или Бѣлая Вежа (можетъ-быть онъ же назывался и Бейда), Семендеръ, Колимедзе и Саксинъ. Въ эпоху развитія царства столицей его былъ городъ Итиль, хотя раньше столицами были Баланджаръ, а потомъ Семендеръ, лежавшіе у подножія Кавказа. Городъ Итиль былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ Волги и дѣлился ею на двѣ части. Въ западной было мѣстопребываніе царицы со всѣмъ ея штатомъ; кромѣ того, тутъ же жили купцы – магометане, евреи, русскіе и славяне. Эта часть города называлась Казеранъ и была торговымъ центромъ, куда съѣжались купцы и привозились товары изъ всѣхъ окрестныхъ странъ: изъ Азіи, Болгаріи, Руси. Въ восточной части помѣщался самъ каганъ съ своими вельможами и войсками. Но на одномъ изъ островов р. Волги былъ построенъ еще отдѣльный каганскій дворецъ. Городъ былъ окруженъ стѣнами. Онъ имѣлъ бани, мечети, и, какъ торговый центръ, нѣсколько рынковъ. Намъ еще остается сказать объ одномъ хазарскомъ городѣ, Саркелѣ. Онъ былъ построенъ византійскими инженерами въ IX в. и лежалъ на томъ мѣстѣ р. Дона, гдѣ послѣдній сближается съ р. Волгой. Это было не только укрѣпленіе, но и торговый пунктъ, такъ какъ здѣсь суда, нагруженныя товарами, должны были останавливаться и переноситься сухопутьемъ изъ одной рѣки въ другую. Саркелъ у нашихъ предковъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Бѣлой Вежи (башни), что составляетъ буквальный переводъ перваго имени. Бѣлымъ называли его и византійцы.

Главное значеніе Хазаріи заключалось въ обширной торговлѣ. Торговля.
Вся восточная торговля была въ рукахъ Хазарскаго каганата. Кромѣ товаровъ, которые шли въ Хазарію по Волгѣ чрезъ Бул-

гаръ, хазарамъ доставлялись также для передачи въ Азію отъ славянъ ковры. Хазары едва ли занимались сами обрабатывающей промышленностью. Все, что было имъ необходимо для жизни, доставлялось изъ сосѣднихъ странъ. Мѣновая торговля происходила также между хазарами и кочевымъ народомъ — печенѣгами. Непосредственныя сношенія были у Хазаріи съ Византіей, Крымомъ и Персіей. Хазары занимались ловлею рыбы, которая вмѣстѣ съ рисомъ составляла ихъ главную пищу, и скотоводствомъ. Даже въ X в. при существованіи богатыхъ, прекрасныхъ городовъ хазары остаются полукочевымъ народомъ. Хазарское населеніе оставалось въ городахъ только во время зимы. Съ наступленіемъ же весны всѣ жители выселялись въ степь. „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, —пишетъ хазарскій каганъ Іосифъ,— мы выходимъ изъ города и каждый изъ насъ отправляется къ своимъ полямъ, садамъ и полевымъ работамъ, и каждое семейство, имѣющее вотчину, радостно и съ пѣніемъ отправляется туда и проводитъ здѣсь все лѣтнее время.

Занимались хазары разведеніемъ винограда и земледѣліемъ вообще. Лѣтомъ жители Итиля собирали жатву и перевозили хлѣбъ въ городъ на повозкахъ или лодкахъ. Можетъ-быть, у нихъ существовалъ и горный промыселъ.

Населеніе. Населеніе Хазарскаго каганата было самое разнообразное. Тутъ сталкивались люди всѣхъ національностей и религій и жили тамъ постоянно, составляя большинство населенія городовъ. Въ числѣ ихъ было очень много евреевъ. Въ Крыму евреи поселились весьма давно; еще въ первые вѣка христіанства въ Керчи (др. Пантикапеѣ) была еврейская синагога, а въ VII в. существовала тутъ еврейская община. Особенный наплывъ этого народа начинается съ VII ст., когда на нихъ было поднято сильное гоненіе во всѣхъ областяхъ Византійской имперіи. Это повторилось потомъ въ X вѣкѣ. Въ первой половинѣ VIII столѣтія правительство хазаръ по политическимъ видамъ принуждено было принять исламъ, но, какъ видно, это обращеніе было чисто наружное, потому что почти въ то же время при каганѣ Буланѣ была принята вѣра іудейская, хотя утвердилась она тамъ окончательно лишь въ IX в. при каганѣ Овадіи. Юдаизмъ исповѣдывалъ, однако, не весь народъ, а лишь каганъ, его дворъ, высшее сословіе и только, можетъ-быть незначи-

тельная часть народа. Остальная часть собственно хазарскаго населенія исповѣдывала исламъ, или христіанскую религію, или продолжала держаться язычества. И христіанство и исламъ, конечно, могли въ Хазаріи распространяться, благодаря именно постояннымъ связямъ съ мусульманскими и христіанскими странами, какъ торговымъ, такъ и политическимъ.

Отличавшееся замѣчательною вѣротерпимостью и уваженіемъ ко всѣмъ религіямъ, хазарское правительство, какъ видно, было осаждаемо со всѣхъ сторонъ исповѣдниками разныхъ религій и допускало между ними пренія. Мало этого. Оно, очевидно, интересовалось вопросомъ: гдѣ истина? Этимъ объясняется отправленіе изъ Хазаріи пословъ къ византійскому императору съ просьбой прислать свѣдущихъ людей для преній съ мусульманскими и еврейскими проповѣдниками. Туда отправленъ былъ св. Кириллъ. Остановившись на нѣкоторое время въ Херсонесѣ, онъ изучилъ хазарскій языкъ и затѣмъ черезъ Азовское море прибылъ въ Хазарію. Тутъ произошли пренія между проповѣдниками всѣхъ трехъ религій, результатомъ которыхъ явилось крещеніе до 200 человѣкъ и позволеніе со стороны хазарскаго правительства креститься всѣмъ, кому угодно. Религія.

Во главѣ Хазарскаго каганата стоялъ каганъ (хаканъ), власть котораго была наслѣдственною. Фамиліи, къ которымъ принадлежали каганы, не пользовались ни силой ни богатствомъ. Если прямая линія династіи прерывалась, то каганомъ становился ближайшій родственникъ, хотя бы до этого случая онъ былъ самымъ бѣднымъ человѣкомъ. Каганъ.

Каганъ пользовался безграничною властью; особа его считалась священной. Когда каганъ выѣзжалъ изъ своего дворца, что случалось весьма рѣдко, то за милю передъ нимъ ѣхала его гвардія: всѣ встрѣчавшіеся на пути падали ницъ и не смѣли подняться, пока каганъ не скрывался изъ вида. Проходя или проѣзжая даже мимо могилы кагана, каждый падалъ ницъ и затѣмъ долженъ былъ итти пѣшкомъ, пока могила совершенно не исчезала изъ глазъ. Каганъ иногда самъ предводительствовалъ войскомъ, что происходило, какъ кажется, въ крайнихъ обстоятельствахъ. Въ такомъ случаѣ онъ двигался въ колесницѣ, покрытой шелковымъ покрываломъ. Доступъ къ

кагану былъ почти невозможенъ. Въ его дворецъ могли входить только намѣстникъ его, хаканъ-бегъ, и два самыхъ высшихъ сановника, кендеръ-хаканъ и чаушіаръ. Всѣ падали ницъ и ожидали позволенія встать и говорить. Исключеніе дѣлалось лишь для намѣстника, который, однакоже, являлся къ кагану не иначе, какъ босымъ, затѣмъ зажигалъ кусокъ дерева и садился рядомъ съ каганомъ лишь тогда, когда кусокъ дерева сгоралъ. Повиновеніе власти кагана было безгранично; если ему нужно было отдѣлаться отъ кого-нибудь даже изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, то онъ приказывалъ такому лицу самому лишить себя жизни, и тотъ безпрекословно исполнялъ приказаніе. Считая личность кагана священною, хазары думали, что онъ посредникъ между народомъ и небомъ, и всѣ бѣдствія объясняли вліяніемъ его личности. Въ случаѣ какихъ-нибудь продолжительныхъ несчастій, народъ обращался къ хаганъбегу и требовалъ смерти кагана, говоря: „этотъ хаканъ приноситъ намъ несчастіе“. Вообще, каганъ не могъ править болѣе 40 лѣтъ, такъ какъ, по убѣжденію хазаръ, умъ его тогда ослабѣвалъ и разсудокъ разстраивался. Когда каганъ умиралъ, надъ рѣкой строили дворецъ съ 20 комнатами, въ каждой устраивали могилу, въ одной изъ которыхъ въ рѣку ставили гробницу кагана, затѣмъ всѣмъ погребавшимъ его отсѣкали головы.

Управленіе царствомъ.

Управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ намѣстника, хаканъ-бега. Онъ распоряжался безотчетно всѣми дѣлами и командовалъ войсками. Управленіе отдѣльными городами поручалось родственникамъ кагана, которые, какъ и онъ, исповѣдывали юдаизмъ. Такихъ правителей мы видимъ въ Баланджарѣ и Семендерѣ. Во всѣхъ подвластныхъ хазарамъ городахъ стояли хазарскіе гарнизоны.

Войско.

Будучи принуждены вести постоянныя войны съ сосѣдями для защиты своихъ границъ и для выполненія своихъ политическихъ плановъ, хазары имѣли прекрасно вооруженное войско. Кромѣ гвардіи самаго кагана, въ распоряженіи правительства было всегда 10,000 всадниковъ, снабженыхъ знаменами, бронями, копьями, луками и саблями. Часть его состояла изъ постоянныхъ наемныхъ войскъ, получившихъ жалованье отъ хаканъ-бега. Кромѣ того, всѣ зажиточные и богатые люди, сообразно съ количествомъ своего имущества и успѣшностью про-

мысловъ, должны были поставлять извѣстное количество всадниковъ. Это была государственная повинность. Дисциплина въ хазарской арміи была очень велика. Воины, бѣжавшіе съ поля сраженія, наказывались смертною казнью.

Доходы хазарскаго правительства состояли, главнымъ образомъ, изъ торговой пошлины съ привозившихся въ Хазарію товаровъ, а также изъ дани, получавшейся въ видѣ мѣховъ и денегъ съ подчиненныхъ народовъ. Хазарское правительство, понимая всѣ выгоды обширныхъ торговыхъ связей, старалось обезопасить у себя права каждаго и устроило судъ самымъ цѣлесообразнымъ способомъ. Въ столицѣ Хазаріи было 7 судей: двое для мусульманъ, двое для хазаръ, которые судили по законамъ Пятикнижія, двое для тамошнихъ христіанъ, которые судили по законамъ Евангелія, и одинъ для язычниковъ. Финансы.

Если встрѣчались дѣла, которыя были трудно разрѣшимы для судей, тогда они должны были обращаться къ судьямъ мусульманскимъ, которые были, очевидно государственными. При такомъ разнообразномъ населеніи, какое было въ Хазаріи когда весьма возможно столкновеніе между людьми различныхъ религій, хазарское правительство должно было обладать большимъ тактомъ. Какъ видно, оно держалось принципа: „не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь“, и, можетъ-быть, этимъ только предупреждало недоразумѣнія. Такъ, когда однажды мусульмане разорили храмы евреевъ, оно приказало разрушить главную мечеть въ Итилѣ и казнить муэдзиновъ. Судъ.

Главнѣйшія черты исторической судьбы Хазаріи состоятъ въ слѣдующемъ. Исторія.

Первыя достовѣрныя извѣстія о хазарахъ восходятъ къ концу II в. по Р. Х. Съ этого времени начинаются ихъ столкновенія съ Персіей. Враждебныя отношенія между этими двумя народами были прерваны на нѣкоторое время нашествіемъ гунновъ, которые подчинили себѣ хазаръ, и Атилла далъ имъ въ правители своего сына. Съ паденіемъ гуннскаго царства хазары стали быстро развивать свое могущество.

Къ VIII же столѣтію, вѣроятно, относится и покореніе русскихъ славянъ. Какъ мы уже сказали, хазарамъ платили дань поляне, сѣверяне, радимичи и вятичи. Это было время высшаго развитія могущества Хазарскаго каганата. Съ IX в. онъ начи- Пора процвѣтанія.

наетъ слабѣть. У него начинаются внутреннія неурядицы. Это должно было сильно ослабить хазаръ. Въ это же время съ сѣвера каганатъ ведетъ борьбу съ кочевниками—печенѣгами, обитавшими между Волгой и Ураломъ. Хазарія не могла уже справиться съ этими врагами сама и вошла въ союзъ съ другимъ кочевымъ народомъ, торками, который жилъ за рѣкой Ураломъ. Общими силами союзники вытѣснили печенѣговъ за Волгу, но все-таки дѣла Хазаріи не измѣнились къ лучшему.

Упадокъ. Съ X в. начинаютъ развиваться и силы русскаго государства. Еще въ концѣ IX в. (880 г.) какіе-то вольные русскіе люди, зная по торговымъ связямъ о богатствахъ востока, пробрались на Каспійское море и пограбили тамъ нѣкоторыя прибрежныя области. То же самое повторялись и въ 909 году. Въ 913 году руссы въ большомъ количествѣ прибыли на судахъ къ Бѣлой Вежѣ по р. Дону и послали просить у кагана разрѣшенія пройти черезъ Волгу въ Каспійское море, обѣщая по возвращеніи отдать половину добычи. Хазарское правительство согласилось на эти условія. Трудно объяснить это согласіе: какимъ образомъ хазары, народъ до того времени оберегавшій торговлю востока, согласились пропустить грабителей и нанести этимъ ущербъ торговымъ сношеніямъ? Единственное предположеніе какое можно сдѣлать, что Хазарія уже была настолько слаба въ данное время, что не могла быстро сосредоточить необходимыхъ силъ къ угрожаемому пункту для отраженія руссовъ. Походъ руссовъ былъ удаченъ. Съ большой добычей возвратились они къ устью Итиля (Волги) и отправили къ кагану условленную часть. Но мусульмане и христіане Итиля вытребовали у кагана разрѣшеніе наказать грабителей. Каганъ увѣдомилъ объ этомъ руссовъ. Въ кровопролитномъ сраженіи послѣдніе были разбиты и только въ числѣ 5000 ушли вверхъ по Волгѣ, потомъ хотѣли далѣе пробраться сухимъ путемъ, но были перебиты буртасами и болгарами. Этотъ фактъ является совершенно случайнымъ. Но затѣмъ въ 968 году. князь русскій Святославъ пробрался черезъ Десну и Оку въ Волгу, ограбилъ мимоходомъ болгаръ и затѣмъ явился въ Хазарію, страшно разорилъ ее, ограбилъ Итиль, Семендеръ. Часть жителей послѣдняго спаслась на островѣ Каспійскаго моря.

Послѣ этого разгрома Хазарія уже не поправлялась. Правда, у нея оставались еще значительныя владѣнія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, но и ихъ она постепенно теряетъ. Позднѣйшая судьба.

При Владимирѣ Св. въ Тмутаракани (Фанагоріи) образуется русскій княжескій удѣлъ, куда Владимиръ сажаетъ своего сына Мстислава. Въ 1016 г. послѣдній въ союзѣ съ византійскимъ императоромъ Василіемъ, приславшимъ греческій флотъ въ Азовское море, разбилъ хазарскаго кагана Георгія Тзулу и въ первомъ же сраженіи взялъ его въ плѣнъ. Хазарія политически перестала существовать, но память о ней еще долго сохранялась: Каспійское море называлось Хазарскимъ, а часть Крыма—Газаріей. Въ XV в. еще слышалось это имя около Кафы, а далѣе все замираетъ. Только лезгины и другіе народцы Кавказа до сихъ поръ называютъ евреевъ именемъ „хазаръ“.

Древніе литовцы *).

Древнѣйшія границы Литовскаго племени.

Литовское племя, нѣкогда гораздо болѣе многочисленное и сильное, чѣмъ теперь, раскинулось когда-то очень широко: оно охватывало своими поселеніями весь бассейнъ рѣки Нѣмана и Западной Двины, ему принадлежали сѣверные притоки Припяти и верхнее теченіе Днѣпра и Березины, побережье Балтійскаго моря отъ Нѣмана до Двины искони составляло собственность литовскаго племени, и самое море едва ли не получило свое названіе отъ литовскаго слова baltas (бѣлый) и не означало *Бѣлаго* моря; даже въ центральной Россіи, въ бассейнѣ рѣки Оки, мы имѣемъ право видѣть очень древнія мѣста поселенія этого племени. Говоря о литовцахъ, мы имѣемъ въ виду не только тѣхъ литовцевъ въ узкомъ смыслѣ слова, которые живутъ въ настоящее время въ Ковенской, Сувалкской, Гродненской и Виленской губерніяхъ и въ Пруссіи по теченію

---

*) *Важн. литература: В. Б. Антоновичъ*, „Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи, т. 1. Кіевъ, 1885 г. (Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго до смерти В. К. Ольгерда.). *Э. А. Вольтеръ*, Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года". Записки Имп. Акад. Наукъ. Т 56. 1888 г. (здѣсь о литовскомъ городѣ Апуле). *А. Л. Погодинъ*, Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени. (Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. С.-Петербургъ 1902). *А. А. Спицынъ*, Предполагаемые литовскія курганы VIII—IX в. (Записки Имп. Рус. Археол. Общества, т. VIII, вып. 1—2 1898 г.). A. Brückner, Starozytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologizne, Warszawa 1904. I. Witort. Zarysy prawa zwyczajowego ludu litewskiego. Widawnictwo towarzystwa ludoznawsziego № 9. De Lwowie. 1898. A. Mierzinsky Zrodla do mitologii litewskiej; I. Od Tacyto do konca XIII wieku. II. Wiek XIV i XV. Warszawa 1892, 1896. A. Zweck, Litaiu. Eine Landes und Volksunde. Stuttgart, 1898. X. Tezner, Die Slawen in Deutshland. Braunshweig. 1902 (стр. 24—112. Литовцы). *Погодинъ*, „Славянское передвиженіе" 1902 г. *Трусманъ*, Чудо-литовскіе элементы въ новгородскихъ пятинахъ. Ревель, 1898. Bezzenberger Ueber prähistorische Kultur in litaven Mit. lit. Litter Ges. H. 24. 1899.

Нѣмана, но ихъ близкихъ родичей, латышей, занимающихъ части Курляндіи, Лифляндіи и Витебской губерніи, и совершенно онѣмечившихся нынѣ пруссовъ. Правда, политическаго объединенія эти близкородственныя по языку и культурѣ племена никогда не достигли; даже болѣе того: среди одного литовскаго племени расколъ былъ такъ великъ, что литовцы звали крестоносцевъ на жмудиновъ, а эти послѣдніе видѣли въ своихъ соплеменникахъ заклятыхъ враговъ. Тѣмъ не менѣе, естественныя условія, среди которыхъ развилась жизнь отдѣльныхъ литовскихъ племенъ до ихъ выступленія на арену исторіи, были такъ однообразны, такъ одинаковы были и культурныя вліянія, которымъ они подвергались, что мы въ своемъ очеркѣ до-исторической жизни литовцевъ можемъ говорить объ этомъ племени, какъ объ одномъ цѣломъ. Однако, по преимуществу, мы будемъ имѣть въ виду все-таки литовцевъ въ собственномъ смыслѣ этого этническаго названія.

Древнѣйшія извѣстія о литовцахъ.

Историческія свидѣтельства о литовцахъ появляются поздно и носятъ очень неопредѣленный характеръ. Затерянные въ лѣсахъ и болотахъ своей родины, отдѣленные отъ греко-римскаго культурнаго міра широкой полосой славянскихъ племенъ, литовцы стали извѣстны ему очень поздно. Правда, германскіе купцы, получавшіе отъ прибалтійскихъ литовцевъ янтарь (его и теперь добывается много около Полангена), могли передавать знакомымъ латинскимъ торговцамъ кое-какіе подробности изъ своихъ путешествій за этимъ драгоцѣннымъ предметомъ; отъ нихъ могли черпать изъ вторыхъ—изъ третьихъ рукъ и римскіе географы. Но, понятное дѣло, всѣ эти свѣдѣнія должны носить и очень отрывочный и мало достовѣрный характеръ. Такъ великій историкъ I вѣка Тацитъ, старавшійся ввести въ науку много новѣйшихъ свѣдѣній о германцахъ и ихъ сосѣдяхъ въ восточной Европѣ, уже имѣетъ нѣкоторое представленіе о славянахъ-венедахъ, сообщаетъ и нѣсколько загадочныхъ свѣдѣній о финнахъ, кочевавшихъ гдѣ-то по близости отъ Карпатъ, но о литовцахъ онъ не говоритъ, въ сущности, ничего. Правда, Тацитъ приводитъ рядъ свѣдѣній о племени, которое поставляло германцамъ янтарь, само не понимая въ немъ толку; онъ называетъ его Айстіями, и большинство ученыхъ видитъ въ этомъ имени, которое, будто бы, означаетъ *восточныхъ* со-

сѣдей германцевъ, Литву. Однако, это предположеніе основано лишь на томъ, что литовцы жили уже въ эту пору на побережьи Балтійскаго моря и *могли* продавать нѣмцамъ янтарь. Но вѣдь нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что и славяне тоже достигли береговъ моря, а слово glaesum, которымъ, по Тациту, айстіи называли янтарь, совсѣмъ неизвѣстно ни въ одномъ изъ литовскихъ языковъ, но сохранилось у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя составляли сѣверо-восточную вѣтвь славянства. Это—слово *глазъ*, означавшее нѣкогда блестящій камень и потомъ получившее специальное значеніе глаза, ока. Оно нѣмецкаго происхожденія, какъ и glaesum, приводимое римскимъ историкомъ. Какъ этотъ фактъ, такъ и вѣроятность, что янтарь добывался и славянами и крайняя неопредѣленность извѣстій Тацита объ айстіяхъ заставляетъ насъ воздержаться отъ отожествленія этого племени съ Литвой.

Столѣтіе спустя, густой туманъ, окружающій судьбы литовскаго племени, на мигъ разрывается; у Птолемея, писавшаго свою географію около половины II в., мы находимъ нѣсколько этническихъ названій, относящихся, несомнѣнно, къ литовцамъ: племена судиновъ и галиндовъ, о которыхъ вскользь упоминаетъ греческій писатель, могутъ быть только литовскими; въ историческое время они становятся хорошо извѣстными и полякамъ, и русскимъ, и нѣмцамъ-крестоносцамъ. Затѣмъ литовское племя на долго пропадаетъ изъ глазъ исторіи, и лишь съ началомъ русской и польской письменности мы начинаемъ получать подробныя и многочисленныя свѣдѣнія о немъ, объясняющіяся той крупной ролью, какую пріобрѣло это племя въ жизни русскихъ и польскихъ славянъ.

Методы изслѣдованія.

Итакъ, откуда намъ получить какія либо указанія о древнѣйшемъ распространеніи и древнѣйшихъ судьбахъ литовцевъ? Наше положеніе далеко не такъ безнадежно, какъ это можетъ казаться при отсутствіи прямыхъ свидѣтельствъ писателей: тамъ, гдѣ молчитъ исторія, мы должны прибѣгнуть къ инымъ методамъ изслѣдованія, къ изученію культурныхъ вліяній, отразившихся въ словарномъ составѣ языка извѣстнаго племени, и культурныхъ областей, объединенныхъ одинаковой матеріальной культурой. Правда, предметы роскоши и необходимости переходятъ отъ народа къ народу, но мы знаемъ въ то же

время, что извѣстные типы издѣлій, орудій, сосудовъ и т. п. извѣстныя формы погребенія бываютъ связаны съ племенными вкусами и обычаями; расходясь въ разныхъ направленіяхъ, какъ отъ центра, эти типы становятся все рѣже вдали отъ него, а тамъ, гдѣ они встрѣчаются сплошной массой, гдѣ они составляютъ именно племенную культуру, мы смѣло можемъ видѣть наиболѣе сильные центры опредѣленнаго племени. Далѣе, мы можемъ пользоваться орудіемъ очень сильнымъ въ опытныхъ рукахъ, хотя очень опаснымъ въ неумѣлыхъ, именно—изслѣдованіемъ мѣстныхъ географическихъ названій, особенно рѣчныхъ, которыя часто передаются отъ народа народу, восходятъ къ давно забытому и порою давно заглохшему источнику. Тамъ гдѣ терминологія рѣчныхъ названій носитъ, напр., литовскій характеръ въ размѣрахъ, исключающихъ ввзможность случайнаго и единичнаго занесенія чужого имени, тамъ мы можемъ сказать: литовское племя оставило явные слѣды своего долгаго пребыванія въ странѣ. Теоретически противъ этого взгляда можно выставить кое-какія методологическія возраженія, но практически, т.-е. тамъ, гдѣ онъ допускаетъ провѣрку, онъ оказывается совершенно справедливымъ: не даромъ рѣки и озера въ Московской губерніи еще до сихъ поръ часто сохраняютъ свои финскія названія.

Пользуясь въ совокупности всѣми указанными методами, мы въ состояніи опредѣлить и древній районъ распространенія литовскаго племени, и его культурный уровень и размѣры его сношеній съ сосѣдями; мы въ состояніи даже намѣтить нѣкоторыя крупнѣйшія событія изъ его до-историческихъ передвиженій.

Сосѣдство финновъ и литовцевъ.

Кѣмъ была заселена Европейская Россія лѣтъ за 400 до Р. Х.? На югѣ отъ устья Дуная и до Дона, переходя на востокъ и за эту рѣку, кочевали скиѳскія и сарматскія племена, родственныя по происхожденію мидійцамъ и персамъ, уже достигшимъ въ ту пору очень высокой культуры. Какъ скиѳы, такъ и сарматы, потомки которыхъ донынѣ уцѣлѣли въ лицѣ осетинъ, поддерживали связи, съ одной стороны, съ утонченной греческой культурой, направлявшей на варварскій сѣверъ свои художественныя издѣлія и имѣвшей здѣсь, на черноморскомъ побережьи, своихъ представителей въ лицѣ Ольвіи, Пантикапеи и другихъ колоній, а съ другой стороны, они вели

торговлю съ роднымъ востокомъ, а князьки ихъ получали отъ персидскихъ царей, Ахеменидовъ, раскошные подарки, состоявшіе изъ золотого оружія и великолѣпныхъ украшеній. Представляя собою полосу населенія, которому не была чужда высокоразвитая культура Юга и Востока, которому не были чужды, повидимому, и религіозныя вліянія Зороастровой религіи, скиѳы и сарматы должны были оказывать могущественное цивилизующее вліяніе на своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Можно думать, что непосредственно они соприкасались съ финнами, которые занимали своими поселеніями всю среднюю Россію; въ языкѣ финскихъ племенъ множество словъ, заимствованныхъ ими отъ иранцевъ, при чемъ многія изъ заимствованій сдѣланы въ ту пору, когда западные финны (финляндцы, эсты и др.) составляли въ племенномъ отношеніи одно цѣлое съ мордвой и черемисами. Къ востоку отъ финновъ, можетъ-быть, лишь слегка соприкасаясь съ иранцами, жили литовцы, поселенія которыхъ тянулись на западъ, къ берегамъ Балтійскаго моря. И наконецъ, южнѣе Литвы, не сливаясь съ финнами, но, можетъ-быть, приходя на югѣ въ довольно тѣсное соприкосновеніе со скиѳами, лѣсистую и болотистую равнину Полѣсья и Царства Польскаго, холмистые отроги Карпатъ и песчаныя низменности Балтійскаго побережья занимало обширное славянское племя. Что касается сѣверной Россіи, Новгородской, Петербургской и др. губерній, то здѣсь еще бродили лопари, вытѣсненные впослѣдствіи на сѣверъ финскими переселенцами.

Лингвистическія доказательства.

Языкъ, вѣрный хранитель международныхъ отношеній, отразилъ и связи Литвы съ финскими племенами, которыя въ эпоху этихъ отношеній были, должно-быть, очень сильно подвержены литовскому вліянію. Трудно теперь сказать, на чемъ держалось это послѣднее: были ли литовцы гораздо культурнѣе финновъ, что вообще трудно допустить, или же финны, въ силу своей необыкновенной воспріимчивости къ иноземнымъ культурнымъ вліяніямъ, запомнили болѣе литовскихъ понятій, чѣмъ тугіе въ этомъ отношеніи литовцы; какъ бы то ни было, въ общефинскомъ (или финно-мордовскомъ) языкѣ сохранились литовскія названія для обозначенія такихъ предметовъ и отношеній, которыхъ не могли не знать и финны. Это указываетъ на извѣ-

стное влеченіе у нихъ къ литовскому языку, на то, что этотъ языкъ былъ когда-то у финновъ моднымъ, и что признакомъ образованія и „хорошаго тона“ финны одно время признавали литовскую рѣчь. Аналогичныя явленія мы встрѣчаемъ довольно часто до послѣдняго времени: такъ, самоѣды стараются говорить по-зырянски, тунгузы передаютъ свой языкъ не только малокультурнымъ якутамъ, но и русскимъ казакамъ, обитателямъ якутской области и т. п. Близкое и долговременное сосѣдство литовскаго и финскаго племенъ, восходящее по времени задолго до Р. Х.,—вотъ одинъ изъ первыхъ фактовъ литовской исторіи, выясняемый языкознаніемъ. Иранское вліяніе, очень замѣтное въ финскихъ языкахъ, не достигло крупныхъ размѣровъ въ литовскомъ: всего два-три слова мы можемъ отнести на счетъ этого вліянія. Одно изъ нихъ означаетъ пеньку, которая, какъ и конопля, проникла на русскій сѣверъ съ иранскаго востока, другое—голубя, птицу мрака въ персидскихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Однако, самая религія Ирана, не прошедшая, повидимому, безслѣдно въ выработкѣ миѳологическаго міросозерцанія славянъ, не производила, кажется, никакого впечатлѣнія на литовцевъ: эти послѣдніе чтили какъ разъ то, что религія Зороастра преслѣдовала ожесточенной ненавистью, какъ порожденіе злого духа, змѣй, комаровъ и всякую нечисть. Здѣсь на языческихъ вѣрованіяхъ Литвы должны были сильнѣйшимъ образомъ отразиться финскія вліянія.

Появленіе готовъ на Югѣ Россіи.

Приблизительно въ началѣ II вѣка нашей эры въ южной Россіи произошелъ крупный переворотъ. Начавшееся недавно переселеніе народовъ привело въ черноморскія степи племена, доселѣ здѣсь не бывавшія, именно германцевъ, которые совершенно стираютъ слѣды прежняго владычества иранцевъ въ этихъ мѣстахъ. Теперь германскіе готы, объединенные подъ властью нѣсколькихъ князьковъ, стремятся подчинить себѣ всѣ тѣ народности, которые нѣкогда, въ большей или меньшей степени, находились подъ культурнымъ воздѣйствіемъ скиѳовъ и сарматъ. Готы принесли съ собой уже довольно развитую культуру: хорошее металлическое оружіе, знакомство съ деньгами, княжескую власть. У готскихъ историковъ VI вѣка сохранилась память о славномъ готскомъ королѣ Эрманарихѣ,

который, незадолго до нашествія гунновъ, покорилъ себѣ великое множество племенъ. Однако, культурное вліяніе готовъ на ихъ сосѣдей, славянъ, литовцевъ и финновъ, относится къ болѣе раннему времени, приблизительно ко II вѣку по Р. Х. Замѣчательно то, что всѣ три народности заимствовали у германцевъ почти тѣ же самыя понятія (князь, мечъ, деньги), хотя можно съ увѣренностью сказать, что литовцы въ наименьшей степени подверглись готскому вліянію. По всей вѣроятности, ихъ положеніе къ сѣверу отъ славянъ отдѣляло ихъ сплошной стѣной славянства отъ завоевательныхъ поползновеній южно-русскихъ насельниковъ. Славянство же спасло ихъ, защитивъ своей грудью отъ новыхъ завоевателей, надвинувшихся на смѣну германцевъ изъ пустынь средней Азіи, отъ различныхъ тюрскихъ племенъ, которые, подъ именемъ гунновъ, аваръ и т. д., располагаются одно за другимъ въ черноморскихъ степяхъ.

Литовцы отодвинуты въ границы, гдѣ застаетъ ихъ исторія.

IV вѣкъ нашей эры представляетъ собой эпоху, когда политическіе перевороты, смѣны населеній и т. под. въ южной Россіи всколыхнули и обивателей средней. Къ этому времени надо отнести и два крупнѣйшихъ событія во внутренней исторіи литовскаго и финскаго племенъ: часть финновъ двинулась на сѣверо-западъ по направленію къ Финляндіи и Балтійскому морю, а передъ ними потянулись на западъ и литовскія племена, сосѣдившія съ финнами. Хронологическое отношеніе этихъ двухъ переселеній, конечно, не вполнѣ ясно, но археологія въ общихъ чертахъ все же устанавливаетъ его. Именно въ Калужской губерніи обнаружены курганы съ трупосожженіемъ и съ предметами той же культуры, которая засвидѣтельствована раскопками, произведенными въ бассейнѣ Нѣмана и Западн. Двины и, стало-быть, должна была принадлежать Литвѣ. Точное хронологическое опредѣленіе ихъ пока еще не сдѣлано, но приблизительно время этихъ кургановъ опредѣляютъ первыми вѣками нашей эры. Въ верховьяхъ Волги и Оки въ эту пору жило финское населеніе, оставившее многочисленные курганы т. наз. Дьякова типа (по древнему городищу этого имени). Позже они распространяются и на среднее теченіе Оки въ районѣ бывшихъ литовскихъ поселеній. Согласуется съ этимъ и смѣна типа череповъ въ указанныхъ мѣстностяхъ:

такъ, въ Московской губерніи, какъ показываетъ типъ череповъ, первоначальные длинноголовые обитатели страны были вытѣснены короткоголовыми пришельцами, въ которыхъ проф. Богдановъ видѣлъ финновъ. Не трудно допустить, что они смѣнили здѣсь литовцевъ, принадлежащихъ по своему типу къ длинноголовой расѣ. Впрочемъ, приводя вышесдѣланныя наблюденія, спѣшимъ оговориться, что данныя археологіи и антропологіи имѣютъ пока еще весьма относительное значеніе. Здѣсь они подтверждаютъ предположенія, извлекаемыя изъ изученія другихъ источниковъ (главнымъ образомъ, языкознанія) и потому они имѣютъ для насъ большую цѣнность. На болѣе надежной почвѣ мы стоимъ при изученіи матеріальныхъ древностей, инвентаря кургановъ, раскинутыхъ въ исконно-литовской области. Можно сказать, что вся Ковенская губернія покрыта сѣтью длинныхъ кургановъ, имѣющихъ видъ сѣдла и расположенныхъ часто у истока рѣкъ и ручьевъ; имѣли ли они стратегическое или обрядовое значеніе, до сихъ поръ не выяснено, но энергическія изслѣдованія, направленныя на эти *пилькальны* (насыпныя горы) въ послѣднее время, позволяютъ надѣяться на полное разъясненіе этого вопроса въ скоромъ будущемъ.

Интересно, что память объ этихъ курганахъ такъ тѣсно связалась съ Литвой, что даже въ Калужской губерніи, гдѣ нѣкогда жила Голядь (остатокъ исконнаго литовскаго населенія страны, или новопришельцы вмѣстѣ съ русскими вятичами, неизвѣстно), до сихъ поръ ходитъ преданіе о двухъ великихъ голядахъ, живущихъ на высокихъ курганахъ и перебрасывавшихся топорами.

Другимъ типомъ искусственныхъ насыпей, которыя должны быть приписаны литовцамъ, являются низкіе расплывчатые курганы въ вышину отъ одного до двухъ аршинъ и съ остатками трупосожженія, иногда съ конемъ, какъ это было въ обычаѣ у литовцевъ и въ значительно позднѣйшее время. Характерными вложеніями этихъ кургановъ оказываются различныя издѣлія изъ желѣза тончайшей работы (топоры, застежки и пряжки, наконечники дротиковъ и т. п.) Вещей, указывающихъ на религіозные культы древней Литвы, курганы не даютъ, но въ нихъ довольно часто попадаются украшенія: подвѣски, кольца съ рѣзьбой браслеты и т. п. Въ курганахъ болѣе поздняго времени, не

ранѣе IX вѣка, занимавшихъ бассейнъ рѣки Нѣмана и Виліи, наиболѣе характернымъ предметомъ ихъ служитъ желѣзный серпъ съ длинной рукоятью и сильно изогнутымъ лезвеемъ. Аналогичныя вещи широко распространены въ смоленскихъ курганахъ, что позволяетъ говорить о тождествѣ населенія и племенной культуры въ Смоленской и Литовскихъ губерніяхъ IX—X вѣка по Р. X. Напоръ славянскаго племени съ бассейна Припяти къ сѣверу по Березинѣ и Днѣпру заставилъ литовцевъ отодвинуться на западъ, скрыться въ предѣлахъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній и уступить дорогу къ Нѣману, Зап. Двинѣ и верхнему теченію Днѣпра русскимъ славянамъ, которые вскорѣ начали тѣснить и финскія племена по Окѣ и Волгѣ. Съ другой стороны, съ побережья Балтійскаго моря, на Литву и Жмудь начали совершать нападенія новые враги, скандинавскіе норманны, которые въ половинѣ IX вѣка одерживаютъ нѣсколько побѣдъ надъ жмудинами въ самомъ центрѣ ихъ страны. Пока еще не выяснены размѣры скандинавскаго вліянія на литовскій языкъ и вѣрованія, но трудно сомнѣваться въ томъ, что скандинавскіе пришельцы, сумѣвшіе въ половинѣ IX вѣка играть такую выдающуюся роль въ судьбахъ русскаго славянства и западныхъ финновъ, оказали значительное вліяніе и на Литву. Нѣкоторыя изъ миѳологическихъ существъ этой послѣдней, какъ и латышей, носятъ скандинавскія названія таковъ мелкій, плутоватый домашній духъ Пукисъ (шекспировскій Пукъ), таковъ латышскій Юмисъ (скандин. Имиръ) и др.

Изъ этого очерка доисторической жизни литовскаго племени видно, что внѣшнимъ давленіямъ подвергались по преимуществу тѣ лишь его части, которыя соприкасались съ моремъ, съ финнами и съ славянами; въ глубинѣ страны, по теченію Нѣмана и его притоковъ, обитатели литовскихъ и жмудскихъ долинъ, пригорковъ и лѣсовъ могли жить, никому невѣдомые и не интересные. Этимъ объясняется очень позднее выступленіе литовцевъ на историческое поприще, очень позднее ихъ объединеніе подъ княжеской властью. Раньше всѣхъ обнаружили свое существованіе воинственные ятвяги, врѣзавшіеся клиномъ въ польское населеніе въ бассейнѣ Нарева и Буга. Съ ними же впервые столкнулись и русскіе князья: уже въ 983 году „иде Володиміръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и

Первыя историческія извѣстія о литовцахъ.

всю землю ихъ“, а Ярославу въ XI вѣкѣ пришлось воевать уже не съ одними ятвагами, но и съ Литвой. Еще въ концѣ XII вѣка ятвяги, живущіе въ странѣ „недоступной по причинѣ обширныхъ пущъ, непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей и вязкихъ болотъ“, казались совершенно непобѣдимыми для поляковъ, писатель которыхъ называетъ ятвяговъ народомъ болѣе свирѣпымъ и жестокимъ, чѣмъ дикіе звѣри. Спустя одно столѣтіе, сила сопротивленія этого племени была сломлена, и съ конца XIII вѣка объ ятвягахъ уже ничего не слышно. Въ эту пору начинаютъ проявлять политическое существованіе литовцы, которые съ XIV вѣка принимаютъ участіе въ исторической жизни всей Западной Руси, тогда какъ Жмудь всѣ свои силы отдаетъ на борьбу съ нѣмецкими крестоносцами (съ 1260 г). Но это уже выходитъ за предѣлы нашего очерка.

Религія древн. литовцевъ.

Остановимся теперь на бытѣ древнихъ литовцевъ. Если мы вспомнимъ, какъ поздно они были обращены въ христіанство и какой фиктивный характеръ имѣло это обращеніе, то мы поймемъ, что въ быту Литвы и Жмуди могъ до сихъ поръ сохраниться слой очень древнихъ воззрѣній и вѣрованій. Крещеніе Литвы въ 1387 году и Жмуди въ 1417 не сопровождалось отказомъ отъ языческихъ культовъ; вызванное насильственными мѣрами, оно „смывалось“ населеніемъ, какъ только это послѣднее получало опять возможность жить по своему разумѣнію и желанію. Равнодушіе къ его религіознымъ нуждамъ и отсутствіе духовнаго наставленія доходило до такой степени, что напр., въ 1587 году епископъ жмудскій писалъ слѣдующее: „Въ наибольшей части моего епископства нѣтъ никого, кто бы хоть разъ въ жизни исповѣдывался, никого, кто бы хоть разъ причащался, никого, кто зналъ бы молитву или знакъ св. креста, никого, кто бы имѣлъ хоть какое-нибудь понятіе о таинствахъ вѣры. Довольствуются однимъ: мы не лютры (лютеране), въ пятницу мяса не ѣдимъ: повсюду приносятъ жертвы громамъ, чтутъ ужей, почитаютъ дубы за святые, угощаютъ души умершихъ пирами, и еще много такихъ странностей, которыя имѣли источникомъ не злость, но невѣжество, не признаютъ за грѣхи“. Въ продолженіе всего XVII столѣтія языческій элементъ въ быту литовцевъ и жмудиновъ держался очень крѣпко; начавшіеся въ эту пору и продолжавшіеся въ теченіе всего

XVIII вѣка процессы вѣдьмъ ввели и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ католической церкви, множество суевѣрій средневѣковой демонологіи. Такимъ образомъ, довольно значительное число свидѣтельствъ объ языческомъ быту литовцевъ, записанныхъ авторами XVI—XVII вѣковъ, даетъ возможность возсоздать общія черты религіозной жизни Литвы до принятія крещенія. Правда, нѣмецкіе и польскіе писатели, оставившіе свои показанія, не всегда были на уровнѣ своей задачи и не всегда понимали то, о чемъ они писали: случалось, что незнаніе литовскаго языка заставляло ихъ принимать за боговъ предметы домашняго обихода крестьянъ; случалось имъ, повидимому, кое-что дополнять собственнымъ воображеніемъ, но сличеніе ихъ показаній открываетъ много важнаго.

Первый фактъ, который обнаруживается изученіемъ дошедшаго до насъ матеріала, заключается въ совершенномъ отсутствіи иранскаго вліянія на литовскія вѣрованія,—вліянія, которое въ области славянской миѳологіи сказывается довольно ярко. У литовцевъ врядъ ли можно замѣтить какіе-либо слѣды иранскаго дуализма: Перкунъ, преслѣдующій чорта своими стрѣлами-молніями, вовсе не есть одинъ изъ боговъ дуалистической системы, а только богъ грома, преслѣдующій своихъ враговъ (а таковымъ подъ вліяніемъ христіанства оказывается не кто иной, какъ дьяволъ) молніями. Напротивъ, миѳологическія воззрѣнія Литвы отзываются еще очень примитивнымъ культомъ природныхъ силъ, къ которому присоединяются болѣе отвлеченныя (и очень древнія воззрѣнія, не имѣющія ничего общаго съ религіей Зороастра. Почитаніе ужей и насѣкомыхъ о которомъ повѣствуютъ многіе писатели, указываетъ на то, что даже основы иранскаго вѣроученія не проникали къ литовцамъ, такъ какъ преслѣдованіе этихъ исчадій ада являлось священѣйшей обязанностью всякаго правовѣрнаго послѣдователя Маздаясны, ученія Зороастра *). Но, отрицая вліяніе иранскихъ вѣрованій на литовскую миѳологію, мы, однако, не можемъ сказать, что она развивалась вполнѣ самобытно: напротивъ, всякое описаніе старыхъ общественныхъ моленій

*) Основы зороастрійской религіи изложены мною въ книгѣ „Религія Зороастра". С.-Петербургъ, 1903 (изданіе О. Н. Поповой. Образовательная библіотека. Серія V. № 20.

Литвы, весь характеръ литовской миѳологіи показываютъ намъ, что долгое общеніе этого народа съ финскими племенами не прошло безслѣдно для перваго. Мистическое отношеніе финна къ окружающему міру, его постоянное стремленіе завербовать силы природы на службу себѣ и вступить въ таинственныя сношенія съ духами, населяющими весь міръ,—это стремленіе оказалось очень заразительнымъ. Постоянныя гаданія, безъ которыхъ древній литовецъ не дѣлалъ ни одного рѣшительнаго шага, вѣчныя жертвоприношенія черныхъ куръ, поросятъ, барановъ, коровъ и бѣлыхъ коней разнымъ божкамъ, почитаніе муравьевъ, змѣй, заговоры и заклятія духовъ,—все это образовывало вокругъ каждаго литовца мистическую обстановку, въ которой трудно не видѣть финскаго вліянія. Въ общемъ, къ тому множеству разнообразныхъ, но мелкихъ божествъ природы, среди которыхъ жилъ литовецъ, можно примѣнить описаніе одного изъ послѣднихъ изслѣдователей финскаго племени пермяковъ, г. Яновича (въ „Живой Старинѣ“ за 1903 годъ): также здѣсь много всякой нечисти въ лѣсахъ и рѣкахъ, и также надо откупаться отъ нея подачками и заклятіями. Однако, мы не можемъ отрицать, что рядомъ съ этими вѣрованіями которые не остались на уровнѣ суевѣрныхъ представленій, но пріобрѣли подъ вліяніемъ финскихъ племенъ характеръ мелкихъ культовъ, въ быту литовцевъ еще жили очень старыя традиціи индоевропейскаго происхожденія. Къ числу ихъ относятся прежде всего остатки культа предковъ: по тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, которыя оставили писатели стараго времени, совершенно не понимавшіе значенія видѣннаго ими, трудно сказать, дѣйствительно ли XIII—XIV в. зналъ только остатки общеиндоеврепейскаго культа предковъ, или же сохранялъ его традиціи съ тѣмъ же пониманіемъ, какое мы находимъ въ древней Индіи или въ древней Греціи. На основаніи того, что намъ извѣстно о старолитовскихъ обрядахъ при погребеніи, при выходѣ замужъ и т. п., я скорѣе высказался бы въ пользу перваго; литовцы до сихъ поръ хранятъ воспоминанія о велесахъ (veles), душахъ предковъ, къ которымъ отправляется и душа новопреставившагося, еще недавно чтили подъ видомъ ужа, таящагося гдѣ-то подъ поломъ дома, душу предка—радѣтеля о благѣ рода; обычаи, доселѣ связанные съ поминаніемъ

покойныхъ родственниковъ, явно имѣютъ цѣлью угостить души умершихъ; стремленіе поддерживать непрерывный домашній огонь и т. под.,—все это является разрозненными элементами стараго религіознаго ученія индоевропейскаго племени. Но уже тотъ фактъ, что хранительницей домашняго огня признается и дочь, а не только жена, показываетъ, что основы этой религіи были забыты. Заброшенное въ глухіе, непроходимые лѣса, поставленное надолго лицомъ къ лицу съ финскими племенами и совсѣмъ одичавшее за долгій періодъ своей доисторіи, литовское племя не создало ни эпической поэзіи ни религіозной системы; оно не подготовилось къ выступленію на арену государственной жизни, не выработало никакой попытки государственной или религіозной централизаціи. Все, что разсказывается о такихъ центрахъ Литвы и пруссовъ (Ромове, Зничъ, Криве-Кривейто, вымыселъ хронистовъ.

Родовой бытъ.

Культъ предковъ и домашняго огня поддерживался тѣмъ строемъ родового быта, которымъ жили литовцы. Если въ настоящее время только опытный юристъ можетъ замѣтить въ народныхъ обычноправовыхъ воззрѣніяхъ слѣды родового строя, то все же самое обыкновеніе литовцевъ жить не деревнями, а отдѣльными усадьбами (дворами) указываетъ на прежнее заселеніе этой территоріи родами, державшимися вмѣстѣ поодаль другъ отъ друга. Въ настоящее время въ приговорахъ волостныхъ судовъ, которые нерѣдко прибѣгаютъ къ обычному праву, проскальзываютъ довольно часто такія воззрѣнія, которыя могли воспитаться лишь на почвѣ родового быта. Такъ, напр., народъ признаетъ особую силу за родительскимъ авторитетомъ, а съ другой стороны, возлагаетъ на родителей отвѣтственность за проступки дѣтей: бывали случаи, что отца приговаривали къ наказанію вмѣсто сына, руководствуясь тѣмъ, что отецъ обязанъ удерживать сына отъ зла. Старое воззрѣніе на женщину, согласно которому она была собственностью всего рода, находитъ свое выраженіе въ совершающихся и поднесь, хотя все рѣже, родовыхъ судахъ по поводу нарушенія брачной вѣрности. Въ этихъ случаяхъ съѣзжающіеся родные приговариваютъ обыкновенно виновную сторону къ розгамъ, и эти приговоры встрѣчаются народомъ съ большимъ сочувствіемъ. Во взглядахъ на собственность, на право наслѣдованія и т. п. точно такъ же

еще очень живы представленія, вытекающія изъ родового строя. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, литовскій народъ, еще очень недавно сравнительно вошедшій въ число христіанскихъ народовъ, представляетъ не мало архаистическихъ чертъ. То же слѣдуетъ сказать про его матеріальный бытъ: деревянныя сохи челноки, выдолбленные изъ одного дуба, типъ постройки—срубъ изъ положенныхъ одна на другую балокъ и т. п. обличаютъ переживаніе очень старыхъ бытовыхъ особенностей. Одинъ изъ писателей конца XVII вѣка такъ описываетъ жилище литовцевъ: „Они живутъ въ жалкихъ, маленькихъ домишкахъ, которые по большей части состоятъ изъ одной курной избы, иногда еще изъ кладовушки. Въ избѣ находится сложенная изъ большихъ камней печь, которая сильно накаляется; около нея вповалку и вперемѣшку, какъ попало, спятъ ночью прямо на полу отецъ, дѣдъ, мать и дѣти, подостлавъ подъ себя разныя лохмотья; попадаются изрѣдка и постели. Остальное пространство въ избѣ занимаетъ скотина. Построены эти дома изъ толстыхъ стволовъ ели, которые снаружи, по большей части, нѣсколько сглажены, а внутри остаются круглыми, они сложены такъ ловко, что вѣтру никакъ не удается пробиться внутрь: щели заткнуты мохомъ; крыты дома соломой или положенными поперекъ бревнами". Этотъ простѣйшій по своей формѣ домъ, въ которомъ нѣкоторые изслѣдователи находятъ большое сходство съ финскимъ, развился благодаря сношеніямъ съ болѣе культурными сосѣдями, въ томъ направленіи, что изъ курной хаты, которая, впрочемъ, и теперь еще не рѣдкость у литовцевъ Гродненской губерніи, превратился въ избу съ трубой и, вовторыхъ, обогатился еще одной комнатой. Этотъ новый типъ жилища съ широкой русской печью былъ, повидимому, заимствованъ у русскихъ славянъ, на что указываетъ и самое названіе его; istubà, потомъ stubà, заимствованное изъ русскаго языка какъ и множество другихъ литовскихъ словъ, означающихъ культурные предметы (*изба* изъ *истъба*).

Матеріальный бытъ.

Въ своей одеждѣ и пищѣ литовцы были также непритязательны, а своимъ аппетитомъ прямо приводили въ ужасъ чопорныхъ нѣмецкихъ наблюдателей стараго времени. Статные, сильные и высокіе, трудолюбивые, хотя и нѣсколько вялые

они нуждались въ такомъ количествѣ мясной пищи, что одинъ изъ нѣмецкихъ писателей XVII вѣка сравниваетъ ихъ съ волками и утверждаетъ, что они никогда не могутъ наѣсться досыта. „Они никогда не вѣютъ зерна, сообщаетъ онъ,—а молотятъ пелеву вмѣстѣ съ зерномъ, потому что чистый хлѣбъ кажется литовцамъ легкимъ, какъ пѣна; бѣлый горохъ они проглатываютъ цѣликомъ. Они поѣдаютъ волковъ, лисицъ, воронъ, совъ, сорокъ и всякую другую мерзость".

Съ такимъ же недоброжелательствомъ отзываются о бытѣ и нравственныхъ свойствахъ Литвы и другіе писатели до самаго конца XVII вѣка и даже позже. Чего только не взваливаютъ она на этотъ народъ: совершенно чуждые пониманія жизни которая ведется не по установленнымъ новой культурой образцамъ, они мѣрятъ на свой аршинъ все, что видятъ. Съ этой точки зрѣнія литовцы представляются имъ народомъ, въ высшей степени развращеннымъ, лѣнивымъ и злымъ. Только конецъ XVIII вѣка научилъ европейскихъ людей относиться съ доброжелательствомъ къ „дикарю" и лишь XIX в. сумѣлъ подойти къ изученію его съ инымъ масштабомъ, опредѣляя культурный уровень народовъ по тѣмъ признакамъ, которые выяснила исторія цивилизаціи. И тогда обнаружилось, что литовцы съ ихъ бытомъ, исполненнымъ остатковъ очень старыхъ временъ, представляютъ величайшій интересъ для исторіи всѣхъ индоевропейскихъ племенъ, и что мы не имѣемъ права судить ихъ суровый бытъ съ точки зрѣнія современной нравственности.

Проф. А. Л. Погодинъ.

Степняки *)

Южно-русскія степи всегда служили торной дорогой, по которой шли народы изъ Азіи въ Европу. Уральскія горы, понижаясь къ югу, образуютъ, такъ называемыя, „ворота народовъ“, широкій проходъ, ограниченный съ противоположной стороны Каспійскимъ моремъ, черезъ который проходили полчища, стремившіяся на западъ. Дальнѣйшій путь указывала имъ сама природа мѣстности на всемъ пространствѣ ея отъ урала до Дуная нѣтъ ни высокихъ горъ, ни непроходимыхъ болотъ, затрудняющихъ движеніе, а простирается ровная, къ востоку отъ Дона безплодная, а къ западу отъ него, покрытая роскошной растительностью, степь изрѣдка прорѣзанная лѣсистыми балками; только лишь широкія, многоводныя рѣки представляли трудно-преодолимое препятствіе. Эти же степи служили великолѣпнымъ пастбищемъ, по которому могли передвигаться степняки-скотоводы съ ихъ стадами, и, дѣйствительно, въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, здѣсь смѣняются племена кочевниковъ, истощавшихъ своими набѣгами Русскую землю и наложившихъ своеобразный отпечатокъ на всю ея исторію.

Путь по которому двигались степняки.

Первыми изъ этихъ народовъ были печенѣги. Трудно съ точностью опредѣлить время, когда они пришли изъ Азіи; въ IX в. они уже извѣстны въ области между Волгой и Ураломъ, или Яикомъ откуда они начинаютъ тревожить хазаръ, которые

Печенѣги

---

*) *Литература. Голубовскій.* „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ“ Кіевъ 1884. *Его же* „Половцы въ Венгріи. Кіевъ. *Васильевскій* „Византія и печенѣги“ Ж. М. Н. П. 1872. № 12. *Успенскій* „Образованіе второго болгарскаго царства,“ 1879. *В. Г. Ляскоронскій.* „Исторія Переяславской земли“.

въ 835 г. строятъ для отраженія ихъ набѣговъ крѣпость Саркелъ на Волгѣ. Но очевидно этой крѣпости было недостаточно, чтобы задержать ихъ движеніе и они переправляются черезъ Волгу, такъ какъ въ серединѣ IX в. хазары заключаютъ противъ нихъ союзъ съ Узами и тѣснимые ими, печенѣги продолжаютъ стремленіе на западъ и вытѣсняютъ изъ степей венгровъ, которые переселяются въ Паннонію. Иностранные источники даютъ глухія указанія на то, что въ IX в. въ южнорусскихъ степяхъ происходили какія то перемѣны—такъ Бертинская лѣтопись подъ 839 г. разсказываетъ о томъ, какъ славянскіе послы, пришедшіе въ Византію, боялись возвращаться домой обычнымъ путемъ, такъ какъ на немъ утвердились какіе то „варвары"; очевидно, кочевники временно отрѣзали этотъ путь. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ нашей лѣтописи „Повѣсти о началѣ Русской земли", подъ 867 г. упоминается о побѣдѣ Аскольда и Дира надъ печенѣгами: въ 915 году. Игорь заключаетъ съ ними договоръ. Наконецъ, съ 60-хъ г.г. X в. лѣтопись передаетъ о безпрестанныхъ нападеніяхъ печенѣговъ на Кіевъ и вообще южныя области. Одновременно съ печенѣгами двигались на западъ и Узы, извѣстные въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ торковъ; по крайней мѣрѣ, они уже упоминаются, какъ союзники хазаръ въ борьбѣ ихъ съ печенѣгами. Въ противоположность послѣднимъ, торки поддерживали болѣе мирныя отношенія съ Русью и уже въ 985 г. лѣтопись говоритъ о совмѣстномъ походѣ на Болгаръ—„иде Володиміръ на болгары въ лодьяхъ, а торкы берегомъ приведе на конѣхъ", но въ 30-хъ годахъ XI столѣтія изъ предѣловъ Азіи является новое племя-половцевъ или кумановъ, которые сначала стали тѣснить торковъ, жившихъ восточнѣе печенѣговъ, а послѣдніе въ свою очередь, двинулись на печенѣговъ. Не выдержавъ ихъ натиска, печенѣги устремляются на Кіевъ, 1034 г. но Ярославъ разбиваетъ ихъ полки, такъ что по словамъ лѣтописи они „погибоша, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни (т. е. исчезли до наст. времени). Уцѣлѣвшіе послѣ этого пораженія остатки печенѣговъ бѣгутъ на западъ, и селятся между Днѣпромъ и Дунаемъ, но и здѣсь ихъ не оставляютъ въ покоѣ торки. Въ это время среди печенѣговъ выдѣляется князь Кегенъ, который сначала энергично отражаетъ торковъ

Торки и половцы.

но, видя, вслѣдствіе возникшихъ междуусобицъ, невозможность дѣйствовать противъ нихъ сообща, всѣмъ племенемъ, переходитъ съ 20.000 человѣкъ черезъ Дунай и принимаетъ подданство Византіи. То же дѣлаетъ и другой князь Тирахъ съ 80000 человѣкъ. Торки, гонимые половцами и русскими князьями идутъ за печенѣгами и часть ихъ переходитъ въ 1064 г. Дунай и принимаетъ византійское подданство, но скоро погибаетъ, отъ эпидемическихъ болѣзней, а также и въ борьбѣ со старыми врагами, печенѣгами. Другая часть торковъ осталась въ степяхъ, но вступила въ мирныя отношенія съ русскимъ населеніемъ и заселила южно-русскую границу подъ именемъ „Черныхъ Клобуковъ“. Въ освободившихся степяхъ, утвердились половцы, въ теченіе 150 лѣтъ опустошавшіе русскія земли, пока, въ XIII вѣкѣ не были въ свою очередь вытѣснены вновь пришедшими изъ Азіи болѣе сильными кочевниками-татарами. Уступая ихъ натиску, часть половцевъ подчинилась русскимъ князьямъ и въ качествѣ мирныхъ подданыхъ засѣлила области Роси, другая же часть устремилась на Дунай, гдѣ опустошила Македонію; чтобы умиротворить ихъ императоръ Іоанъ послалъ имъ богатые дары и предоставилъ земли для поселенія въ Македоніи, Фракіи и М. Азіи.

Является вопросъ: кто же были эти кочевники, и въ какомъ они находились между собою соотношеніи? Монгольскіе писатели передаютъ Преданіе, что всѣ эти три народа произошли отъ одного рода Огузовъ, который раздѣлился на три отдѣльныя вѣтви-печенѣговъ, Узовъ, или торковъ и половцевъ, иликумановъ. Конечно само по себѣ это преданіе еще ничего не доказываетъ, но сознаніе племенного сходства, единства обычаевъ и языка заставляетъ нерѣдко народы создавать подобныя сказанія, чтобы съ помощью конкретнаго образа объяснить свое происхожденіе. Аналогичное явленіе представляютъ преданія славянскихъ народовъ о братьяхъ Чехѣ, Русѣ и Лехѣ или Родимѣ и Вяткѣ. Такъ и въ этой легендѣ можно видѣть смутное воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда эти народы еще составляли одно цѣлое. Также смотрѣли на нихъ и арабскіе и византійскіе писатели. Наша лѣтопись тоже считаетъ ихъ родственными племенами „а Измаилъ роди 12 сыновей, повѣствуетъ она, отъ нихъ же суть

Кто такіе были кочевники

Торкмены, Печенѣги, и Торцы и Половцы". Очевидно у лѣтописцевъ были достаточныя данныя для такого сближенія, и этими данными могли служить языкъ, обычаи, и внѣшній видъ кочевниковъ. Различныя свидѣтельства дѣйствительно подтверждаютъ, что печенѣги свободно объяснялись съ половцами, а изслѣдованія показали, что языки этихъ народовъ очень близки между собой и приближаются къ языку сельджукскихъ турокъ. Цѣнный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса представляетъ найденный въ бумагахъ Петрарки куманскій словарь, составленный въ 1303 г. и подтверждающій тождество этихъ языковъ. Всѣ эти данныя даютъ основанія утверждать, что печенѣги, торхи и половцы представляли вѣтви одного народа, тюркскаго происхожденія, кочевавшаго когда то, еще до раздѣленія на племена, въ Азіи.

Только признавая родственное происхожденіе этихъ племенъ можно нарисовать приблизительную картину ихъ быта, такъ какъ имѣющаяся въ распоряженіи данныя не достаточны, чтобы прослѣдить отличительныя черты каждаго народа; принимая же во вниманіе общность происхожденія, одинаковый кочевой образъ жизни, однѣ и тѣ же внѣшнія условія, мы можемъ предполагать, что и нравы и обычаи ихъ не могли

Бытъ кочевниковъ.

рѣзко разниться. Всѣ эти племена распадались на нѣсколько колѣнъ, такъ печенѣги дѣлились на 13, а половцы на 11 колѣнъ. Каждое колѣно управлялось своимъ княземъ; у нихъ существовалъ своеобразный порядокъ наслѣдованія княжеское достоинство переходило не къ сыну, иля брату, а къ двоюродному брату или племяннику—этимъ достигалось то, что власть оставаась въ одномъ родѣ, не дѣлалась исключительной привиллегіей одной семьи. Впрочемъ бывали случаи избранія князя изъ другихъ родовъ - такъ былъ избранъ Когенъ. Власть князя была ограничена народнымъ собраніемъ или коментономъ, который рѣшалъ вопросы войны и мира. Жили они, какъ и большинство всѣхъ кочевниковъ въ шатрахъ или кибиткахъ, хотя есть указанія на то, что у половцевъ были и города—Шаруканъ, Сугровъ, Балинъ и др., но вѣрнѣе, что они пользовались ими только для зимовья, а съ весною откочевывали вслѣдъ за своими стадами. Скотоводство было ихъ главнымъ занятіемъ и стада составляли ихъ богатство; помимо

скота, въ ихъ рукахъ скоплялись и денежныя цѣнности, источникомъ которыхъ служили набѣги: выкупъ получавшійся за плѣнныхъ, богатые подарки, которые присылали князья, чтобы купить миръ, а также плата за посредничество въ торговлѣ Византіи съ Русью, что давало возможность половецкимъ ханамъ удивлять восточной роскошью попадавшихъ къ нимъ иноземцевъ, но въ общемъ, степняки вели простой образъ жизни, свойственный мало культурнымъ кочевникамъ-номадамъ.

Религія кочевниковъ.

О религіи ихъ извѣстно мало есть указанія, что они обожали звѣзды и вѣрили во вліяніе свѣтилъ небесныхъ на человѣка, и занимались астрологіей; они имѣли жрецовъ-шамановъ, которые приносили человѣческія жертвы божествамъ. Покойниковъ сожигали, и надъ прахомъ насыпали курганы, на которыхъ ставились каменныя фигуры людей,—это такъ называемыя „бабы", во множествѣ находимыя на югѣ Россіи. Съ княземъ погребались его слуги и лошади. Они отличались вѣротерпимостью и довольно легко мѣняли религію. Уже въ XI вѣкѣ къ нимъ пріѣзжалъ въ качествѣ миссіонера епископъ Брунонъ, который по его словамъ многихъ крестилъ. Послѣ него католическая проповѣдь велась преимущественно монахами ордена миноритовъ, которые спеціально съ этой цѣлью изучали половецкій языкъ и составляли словари. На ряду съ ними вѣроятно велась проповѣдь и православнымъ духовенствомъ, такъ какъ было много случаевъ крещенія отдѣльныхъ лицъ. На это указываетъ и правило церковное „молитвы оглашенныя творите болгарину, половчину, чудину, преди крещенія 40 дней поста, изъ церкви исходите отъ оглашенныхъ", а также и „вопрошанія" Кирика. О томъ же свидѣтельствуютъ упоминаемыя въ лѣтописяхъ христіанскія имена половецкихъ хановъ; принятію ими христіанства не мало способствовали частыя браки съ членами княжескихъ семей. Интересно то явленіе, что половцы, даже и некрещеные, питали глубокое уваженіе къ Святому Николаю; сохранились легенды о чудесахъ приписываемыхъ ему. На ряду съ христіанской религіей, среди кочевниковъ распространялись и нехристіанскія—магометанская и іудейская, главнымъ образомъ благодаря воздѣйствію хазаръ, а также и сношеніямъ съ востокомъ.

Основной характерной чертой степняковъ была ихъ воин-

Военная тактика кочевниковъ и ихъ набѣги.

ственность—они съ дѣтства пріучались управлять лошадью и владѣть оружіемъ состоявшимъ изъ легкаго лука, сабли и аркана. Они выработали своеобразную тактику—если имъ приходилось отражать непріятеля, то они устраивали подвижныя укрѣпленія—ставили въ кругъ кибитки въ которыхъ помѣщались жены и дѣти, и сами окружали ихъ и отбивались на всѣ стороны. При переправахъ через рѣки они набивали сѣномъ мѣшки изъ лошадиныхъ шкуръ, привязывали ихъ къ хвостамъ лошадей и переправлялись, какъ на плотахъ. Но главная сила ихъ была въ той стремительности, съ которой они дѣлали свои нападенія; осыпали противника, тучей стрѣлъ, однихъ убивали, другихъ уводили въ плѣнъ и столь же быстро исчезали изъ глазъ. „Въ одинъ мигъ, говоритъ Евстафій Солунскій, половчинъ близко,—и вотъ уже нѣтъ его; сдѣлалъ наѣздъ и стремглавъ, съ полными руками хватается за поводья, понукаетъ коня и ногами и бичемъ, и вихремъ несется далѣе, какъ бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ, Другой Византійскій писатель, Никита Акоминатъ сравниваетъ ихъ съ саранчей, все истребляющей на своемъ пути. При такихъ набѣгахъ они жгли и разоряли села, грабили имущество, уводили скотъ, и главное—плѣнныхъ. Лѣтописецъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе этихъ несчастныхъ—„печальные, измученные почернѣвшіе отъ пыли и съ лицами поблѣднѣвшими отъ голода, жажды и разныхъ невзгодъ, шли они по незнакомымъ мѣстамъ, босые и едва прикрытые лохмотьями, при чемъ ноги ихъ были исколоты терновникомъ. Со слезами говорили они другъ другу: „я изъ такого то города“, и другіе „я изъ такого то села“. Такъ они со слезами распрашивали одинъ другого, вздыхали и возводили очи на небо къ Всевышнему, знающему все тайное“. Многіе не выносили тяжести пути и умирали, но участь уцѣлѣвшихъ была не лучше—часть изъ нихъ оставалась у побѣдителей въ качествѣ рабовъ, но большинство продавалось на востокъ, въ Азію и въ Крымъ, откуда ихъ перевозили въ страны Европы, гдѣ особенно высоко цѣнили рабовъ славянскаго происхожденія. Трудно учесть, сколько народа было увезено въ плѣнъ, но, несомнѣнно что эта цифра была очень велика.

Для освобожденія изъ „полона“ предпринимались походы, старались силой отбить ихъ, или же посылались богатые выкупы, но, конечно, этого было недостаточно и лишь незначительное меньшинство возращалось на родину и бѣдствія народныя отъ этого не уменьшались. Необходима была упорная, неустанная борьба, и она велась двумя способами—оборонительная и наступательная. Первая состояла въ томъ, что въ степь выдвигались укрѣпленные города, въ которые переселялось населеніе изъ другихъ мѣстъ, кромѣ того въ степи строились городища, или острожки, какъ называли земляныя укрѣпленія, остатки которыхъ сохранились и до нашихъ дней. По нимъ видно, что городища обыкновенно возводились на возвышенныхъ мѣстахъ, преимущественно на берегахъ рѣкъ. Они состояли изъ вала и рва, наполненнаго водой; на вершинѣ вала ставился крѣпкій частоколъ, и иногда насыпались сторожевые курганы. Отдѣльныя укрѣпленія соединялись между собой длинными, такъ называемыми «зміевыми» валами, которые тянулись иногда на десятки верстъ. Подобный валъ сохранился недалеко отъ г. Лубенъ, и простирается на 80 верстъ. Часто за первой линіей такихъ укрѣпленій располагалась вторая, на случай если нападающіе прорвутся черезъ первую. Такой способъ укрѣпленій практиковался еще при Владимірѣ Святомъ, который «ставилъ городы» по Сулѣ, Стугнѣ, Трубежу, Деснѣ и Остру; кромѣ того епископъ Брунонъ разсказываетъ, что по границѣ Владиміръ огородилъ свое княжество „самымъ крѣпкимъ частоколомъ на большое пространство“. Благодаря такимъ мѣрамъ ему удалось отодвинуть печенѣжскія кочевья верстъ на 30 или 40 отъ границы—прежде ихъ отдѣляло разстояніе въ одинъ день пути, къ концу же княженія Владиміра оно увеличилось до двухъ дней. Такія же укрѣпленія строили Черниговско-Сѣверскіе и Рязанскіе князья, Кіевскіе же, кромѣ того пользовались для охраны границъ отъ кочевническихъ вторженій „служилыми инородцами“ или „своими погаными“, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, то-есть печенѣгами, торками и половцами, осѣвшими и превратившимися въ мирныхъ жителей. Они были особенно полезны для этой борьбы, такъ какъ дѣйствовали по той же тактикѣ, что и ихъ сородичи. Въ результатѣ оборонительной политикѣ Кіев-

Способы защиты отъ кочевниковъ.

скихъ князей половцы вынуждены были отдвинуть свои кочевья отъ Днѣпра далеко на югъ, до Ингула. Хуже обстояло дѣло въ Переяславской землѣ: не смотря на цѣлую систему укрѣпленій, сооруженныхъ еще Владиміромъ Святымъ, половцы часто прорывались внутрь княжества и производили крупныя опустошенія, уводя множество плѣнныхъ и скота.

Походы русск. князей противъ кочевниковъ.

Кромѣ оборонительной борьбы, князья вели наступательную: они сами предпринимали походы противъ кочевниковъ, съ двоякой цѣлью—или просто оттѣснить ихъ отъ границъ, дальше вглубь степей, или не очистить торговые пути, черезъ которыя велись сношенія съ Востокомъ и Югомъ. Для этого обыкновенно князья соединялись и дѣйствовали общими силами, подъ предводительствомъ великаго князя, или же самаго храбраго и чтимаго. Первый убѣдилъ князей въ необходимости дѣйствовать дружно противъ общаго врага Владиміръ Мономахъ, который предпринималъ нѣсколько походовъ противъ „поганыхъ“, предпринимались такіе походы и послѣ него. Только Чернигово-Сѣверскіе князья не принимали въ нихъ участія, предпочитая дѣйствовать самостоятельно, за что ихъ всегдаосуждали лѣтописи. „Слово о полку Игоревѣ“ сохранило память объ одномъ изъ такихъ походовъ, кончившемся неудачей. Желая обезпечить себя отъ вторженій кочевниковъ, русскіе князья почти всѣхъ линій, нерѣдко заключали браки съ дочерьми хановъ, но это средство не помогало, потому-что новые родственники не стѣсняясь продолжали грабить и опустошать ихъ области

Союзы русск. князей съ кочевниками.

Впрочемъ кочевники не всегда являлись только противниками русскихъ князей—не мало случаевъ, когда они бывали и ихъ союзниками. Такъ одно изъ первыхъ упоминаній 944 г. о печенѣгахъ повѣствуетъ: о походѣ Игоря на Царьградъ говоритъ, что „идуть Русь и наняли суть себѣ печенѣзи“, тоже повторяется при походѣ Святослава на Царьградъ въ 977 г.; въ 985 г. торки помогаютъ Владиміру въ борьбѣ съ болгарами; Половцы участвуютъ во всѣхъ внѣшнихъ войнахъ, которыя вели русскіе князья, и въ этомъ отношеніи они представляли большое удобство, такъ какъ за опредѣленную плату, въ распоряженіи князей всегда было готовое вспомогательное войско; гораздо хуже и опаснѣе для Руси было то,

что они принимали участіе и во внутреннихъ усобицахъ; за время существованія удѣльно-вѣчевого періода такихъ случаевъ насчитывается до 35 крупныхъ, не говоря уже о менѣе значительныхъ. Въ этомъ лежитъ одна изъ причинъ того важнаго вліянія, которое они оказали на ходъ развитія исторіи этого періода. Начиная съ Ярослава въ отношеніяхъ князей замѣчается борьба двухъ началъ, двухъ идей—идеи централизаціонной и сепаратической. Представители первой: Святополкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ стремились сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, собравъ воедино всю землю Русскую, или упразднивъ совершенно удѣльныхъ князей, какъ хотѣлъ это сдѣлать Святополкъ, начавшій истреблять своихъ братьевъ, или Мстиславъ, взявшій въ плѣнъ и сославшій въ Византію непокорныхъ ему Полоцкихъ князей, или же только низводя ихъ на степень подручныхъ князей, чего добивались Всеволодъ и Владиміръ. Представители противоположнаго начала, наоборотъ, стремились совершенно отдѣлиться отъ Кіевской земли, освободиться отъ власти кіевскаго князя, и превратить свои княжества въ совершенно самостоятельныя государства. Первымъ сталъ добиваться осуществленія этой идеи Владимірко Володаревичъ Галицкій, затѣмъ—Изяславъ Давидовичъ Чернигово-Сѣверскій, Романъ и Глѣбъ Рязанскіе и другіе.

Роль кочевниковъ въ княжескихъ усобицахъ.

Въ этой борьбѣ большую роль играли кочевники,—которыхъ князья стали призывать на помощь; начиная съ Святополка рѣдкое междоусобіе обходилось безъ ихъ участія, при чемъ они одинаково охотно призывались обѣими сторонами, и такимъ образомъ являлись въ видѣ парализующаго начала, не дававшаго ни одной изъ борющихся сторонъ одержать рѣшительную побѣду. Въ это тяжелое, смутное время общей усобицы и неустройства, одни лишь кочевники торжествовали побѣду, равно грабя и опустошая всѣ области; бывали и такія случаи, что призванные на помощь однимъ княземъ, они бросали его и переходили къ его противнику, соблазненые богатыми дарами „Тогда“, говоритъ „Слово о полку Игоревѣ„: сѣялись и выростали усобицы, погибала жизнь Дажьбожья внука. Въ княжескихъ крамолахъ сократился вѣкъ человѣческій. Тогда по русской землѣ рѣдко покрикивали пахари, зато часто каркали вороны,

дѣля между собою трупы, а галки свою рѣчь говорили, собираясь летѣть на добычу... Княжескія усобитцы были на руку поганымъ, Братъ сказалъ брату: „это мое, да и то мое же“, и начали князья о маломъ говорить словно о великомъ и сами на себя ковать крамолу; а поганые стали со всѣхъ сторонъ приходить съ побѣдами на русскую землю“. Непосильная борьба истощала всѣ силы, поглощала энергію, вела къ полному экономическому упадку не давая въ тоже время создать на югѣ никакого прочнаго политическаго строя, и задерживая культурное развитіе народа,который оказался лишеннымъ возможности поддерживать сношенія съ болѣе культурными странами Балканскаго полуострова и Византіей. Жизнь на югѣ становилась невыносимой: населеніе не выдержало постояннаго оборонительнаго положенія, и съ половины XII в. начинается отливъ его—пустѣютъ многолюдные цвѣтущіе города, травой заростаютъ нивы, и изъ благодатнаго южныхъ степей населеніе переходитъ въ менѣе привлекательныя по своимъ природнымъ богатствамъ, но болѣе безопасныя мѣстности сѣверо восточной Россіи.

Н. Полонская.

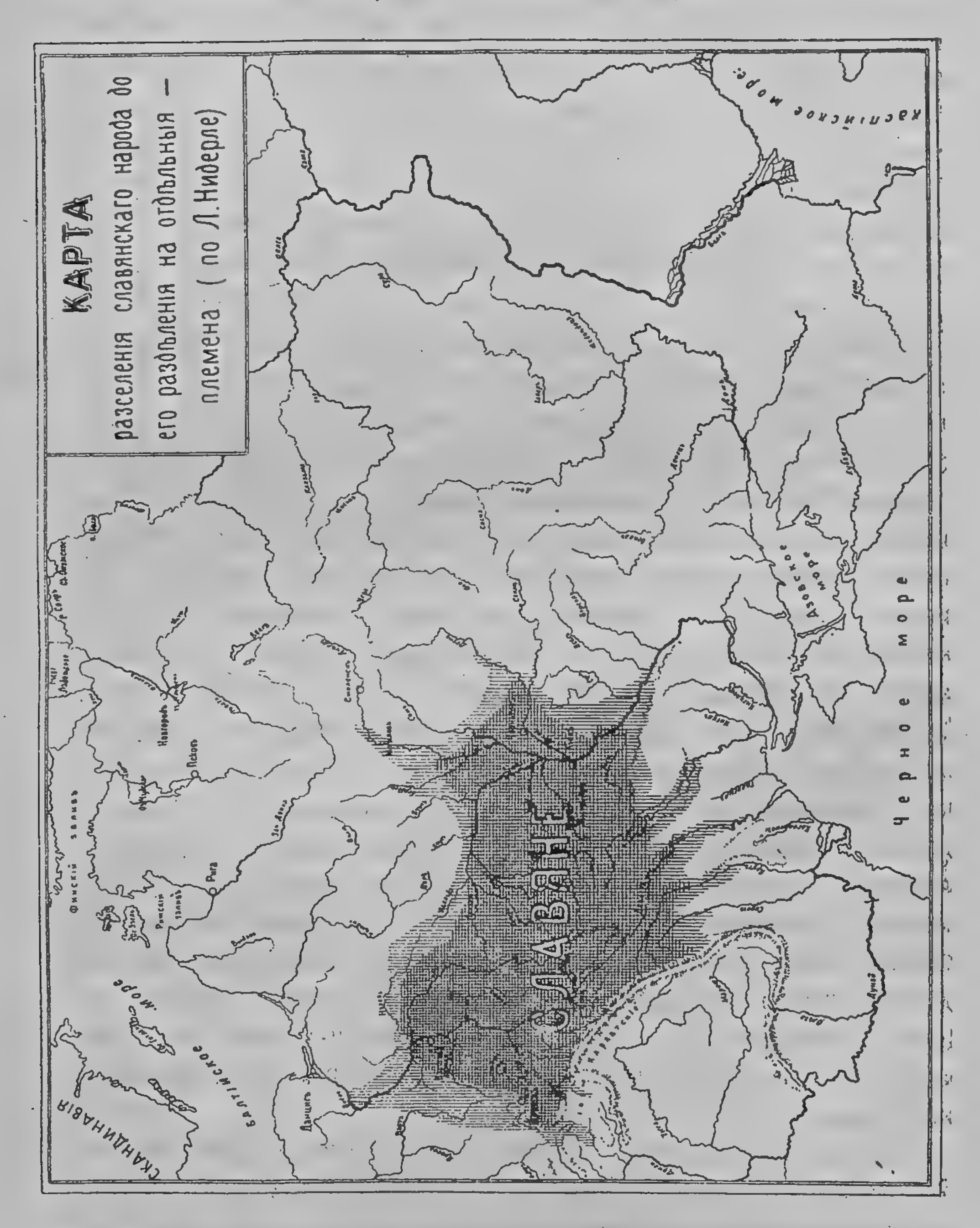
Родина славянъ *).

„По множѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть Словени по Дунаеви, кдѣ есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. И отъ тѣхъ Словенъ розидошася по земьли и прозвашася имены своими, кдѣ сѣлше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Моравѣ, и прозвашеся Морава, а друзіи Чесѣ нарекошася. А се ти же Словѣне: Хорвати Бѣлии, Серпь и Хорутане. Волохомъ бо нашедшемъ на Словены на Дунаискые и сѣдшимъ вниxъ, и насиляющимъ имъ, Словѣне же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляховѣ, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашеся Поляне, Ляховѣ, друзии Лютичѣ, инии Мазовшане, а инии Поморяне. Такоже и тѣ Словѣне пришедше сѣдоша по Днепру и нарѣкошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припѣтью и Двиною и нарикошася Дреговичи; и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчькы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочанѣ. Словѣне же сѣдоша около озера Илмеря и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарекоша Новъгородъ; а друзии сѣдоша на Деснѣ и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣвера. И тако разидеся Словенескъ языкъ, тѣмьже и прозвашася Словеньская грамота“. Преданіе лѣтописи.

Таково сказаніе нашей начальной лѣтописи о происхожденіи славянскаго народа, одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ относительно первоначальнаго поселенія славянъ въ Европѣ и

*) *Литература: Шафарикъ*, „Славянскія древности“ (1832 г.). *Л. Нидерле*, „Славянскія древности“ (на чеш. яз.). *Проф. Погодинъ*, „Славянскія передвиженія“. (1902 г.).

дальнѣйшаго разселенія ихъ. Какъ первая сознательная попытка нашихъ предковъ разобраться въ своемъ происхожденіи и взаимныхъ отношеніяхъ, это сказаніе очень цѣнно и любопытно.

Видимо, еще въ глубокой древности лѣтописца, какъ и другихъ людей того времени, уже занимали вопросы о томъ, что такое славяне вообще и русскіе въ частности, откуда они яви-

лись и т. п. Но не менѣе интересно и важно опредѣлить, насколько дѣйствительно точныя и вѣрныя свѣдѣнія были у нашего лѣтописца. Дѣло въ томъ, что древнія извѣстія во многихъ случаяхъ представляютъ малонадежный источникъ: древніе свидѣтели не всегда были очевидцами описываемыхъ событій, часто писали по слухамъ, преданіямъ о событіяхъ, бывшихъ за много вѣковъ до нихъ, притомъ иногда вставляли въ свои повѣствованія собственныя произвольныя соображенія, догадки, довѣрчиво повторяли домыслы другихъ писателей,— словомъ, далеко не всегда пользовались матеріаломъ достовѣрнымъ и плохо заботились о критической провѣркѣ его. Поэтому указаніе лѣтописца на бассейнъ средняго и нижняго Дуная, какъ на колыбель славянъ въ Европѣ, могло бы быть принято лишь въ томъ случаѣ, если бы нашло себѣ подтвержденіе въ другихъ данныхъ.

Дунай въ славянской поэзіи и исторіи.

Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ на первый взглядъ какъ будто находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что значится въ приведенномъ сказаніи. Такъ, прежде всего, свидѣтельство этого сказанія нельзя назвать случайнымъ, единичнымъ, идущимъ въ разрѣзъ со всѣми остальными свидѣтельствами: то же указаніе на Дунай, какъ на мѣсто первоначальнаго поселенія славянъ въ Европѣ, повторяется въ нашей лѣтописи при упоминаніи о появленіи на Дунаѣ болгаръ, угровъ и въ разсказѣ о дѣятельности Меѳодія въ Панноніи; то же находимъ у многихъ польскихъ хронистовъ. Затѣмъ, когда начинается исторія славянъ, плотныя поселенія ихъ и первыя государства оказываются именно у средняго и нижняго Дуная, словно здѣсь и было ядро славянскаго народа. Наконецъ, самое имя „Дунай“ и рѣка Дунай очень часто встрѣчаются въ народной словесности различныхъ славянскихъ племенъ, даже такихъ, которыя въ историческое время жили далеко отъ Дуная. „Тихій“, „славный“ Дунай въ представленіи славянъ подчасъ является какой-то идеальной рѣкой, служитъ синонимомъ рѣки вообще, имя его переносится и на другія рѣки; а такое опоэтизированіе бываетъ обыкновенно въ томъ случаѣ, если предметъ игралъ выдающуюся роль въ жизни народа, и съ нимъ связаны наиболѣе дорогія воспоминанія, что опять какъ бы указываетъ на то, что нѣкогда всѣ славяне жили по берегамъ Дуная, и

эта рѣка была для нихъ тѣмъ же, чѣмъ Индъ сталъ для индусовъ.

Если принять въ разсчетъ эти соображенія, то можно было бы вполнѣ повѣрить лѣтописцу и помѣстить первоначальное поселеніе славянъ на Дунаѣ. До самаго послѣдняго времени громадное большинство ученыхъ такъ и думало, и это убѣжденіе проводилось во многихъ книгахъ, пока въ достаточной степени не были освѣщены другія данныя.

Кельтское происхожденіе слова Дунай.

Такъ, напр., оказалось, что самое слово Дунай,—повидимому столь чисто словянское, даже звучащее по-словянски,—вовсе не славянское слово. Научныя изысканія установили, что слово „Дунай“—кельтское, заимствованное у кельтовъ германцами и отъ послѣднихъ уже въ германской формѣ перешедшее въ славянскій языкъ. Слѣдовательно, на Дунаѣ сначала жили кельты, потомъ германцы и, наконецъ, позже всѣхъ сюда попали славяне и заимствовали у своихъ предшественниковъ названіе рѣки. Совершилось ли это въ VI в. по Р. Х. какъ утверждаютъ одни, или еще до Р. Х., по предположенію другихъ, но во всякомъ случаѣ славяне на Дунаѣ не были коренными поселенцами, а пришли сюда изъ другихъ мѣстъ Европы, что подтверждается и показаніями древнихъ греко-римскихъ писателей, по которымъ славяне находятся не на Дунаѣ, но дальше за Карпатами къ Балтійскому морю, приблизительно въ бассейнѣ Вислы. Такъ опредѣлили мѣстожительство славянъ, или венедовъ, сарматовъ, какъ тогда называли славянъ *), писатели, жившіе въ первомъ и второмъ вѣкахъ по Р. Х. Это были Плиній, Тацитъ, Птоломей **). Правда, и они писали по слухамъ, искали географическихъ извѣстій у болѣе древнихъ авторовъ; имъ было трудно, конечно, размѣстить невѣдомыя для нихъ племена въ невѣдомой для нихъ мѣстности, но все-таки это были современники.

Птоломей былъ послѣднимъ изъ древнихъ географовъ. Послѣ значительнаго перерыва, когда нѣтъ никакихъ извѣстій

*) Имя венедовъ дано было славянамъ германцамъ и отъ послѣднихъ перешло къ другимъ народамъ. Сарматами же славянъ иногда называли смѣшивая ихъ съ дѣйствительными сарматами, жившими гораздо южнѣе ихъ.

**) По Плинію († 79 г. по Р. Х.) область, занятая „сарматами венедами“ по его терминологіи, представлялась гдѣ-то у нынѣшняго Балтійскаго

о странахъ, обитаемыхъ славянами, начинаютъ появляться уже извѣстія писателей германскихъ и византійскихъ. Мы только что видѣли, что древніе греко-римскіе писатели помѣщали славянъ къ сѣверу отъ Карпатъ. Спрашивается, гдѣ помѣщаютъ славянъ писатели второго ряда?

По разсказамъ историка готовъ Іордана, жившаго въ VI вѣкѣ, многочисленное племя венедовъ живетъ, раскинувшись отъ истоковъ Вислы по огромному пространству у сѣверныхъ склоновъ горъ, вѣнчающихъ Дакію наподобіе короны, т.-е. Карпатъ. Хотя имена этихъ венедовъ измѣняются въ зависимости отъ рода и мѣстожительства, однако, главнымъ образомъ, они называются славянами (sclavini) и антами (antes) *). Славяне живутъ отъ города Новаго и озера, которое называется Мурсійскимъ, до рѣки Днѣстра и на сѣверъ отъ Вислы Города у нихъ замѣняются болотами и лѣсами. Что касается антовъ, сильнѣйшаго среди славянъ племени, то они живутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Черное море дѣлаетъ изгибъ отъ Днѣстра до Днѣпра. Мѣсто славянъ по Іордану.

моря, подлѣ залива Коданскаго, рѣки Вистулы и заливовъ Килипенскаго и Лагнскаго (Sinus Cylipenus, sinus Lagnus); рѣка Вистула—это Висла, Коданскій заливъ—Данцигскій заливъ, куда впадаетъ Висла, и самое имя „Коданскій" (Godanus), быть-можетъ, сохранилось въ названіи Данцига попольски Гданскъ (Gdansk), сокращено изъ Кѫданскъ; остальные два залива соотвѣтствуютъ Штетинскому заливу при впаденіе Одера и Любекскому. Тацитъ (около 100 л. по Р. Х.) упоминаетъ о венедахъ, заканчивая обозрѣніе т. н. „Великой Германіи" до Вислы; слѣдовательно, венеды, по его представленію, жили гдѣ-то около Вислы и за ней, далѣе на сѣверо-востокъ и востокъ. Знаменитый александрійскій ученый географъ половины II вѣка по Р. Х. Птоломей считалъ венедовъ одной изъ самыхъ крупныхъ народностей въ предѣлахъ Европейской Сарматіи и отвелъ имъ первое мѣсто въ перечисленіи народовъ, занимающихъ эту страну; помѣстилъ же онъ ихъ также у Балтійскаго моря, но только на востокъ отъ нижней Вислы; прилегающая часть Балтійскаго моря, или, по Птоломею, Сарматскаго, носитъ по картѣ Птоломея названіе Венедскаго залива.

*) Это дѣленіе славянъ на собственно славянъ и антовъ находимъ и у византійскихъ писателей VI—VII вв. По словамъ Прокопія, Маврикія, узы тѣснѣйшаго родства соединяютъ тѣхъ и другихъ, даже имя они носили прежде одинаковое, у нихъ одинъ и тотъ же языкъ, одинаковые нравы. *Впервые* имя славянъ является въ началѣ VI вѣка въ стихотвореніи епископа Мартина, въ которомъ перечисляются имена народовъ, познавшихъ истинаго Бога.

Нельзя съ точностью указать, гдѣ лежалъ указанный Iорданомъ городъ Новый и озеро Мурсiйское. Но это и не очень важно. Во всякомъ случаѣ по смыслу приведенныхъ указанiй ясно, что средоточiемъ племени венедовъ были склоны Карпатъ, обращенные къ сѣверу, отъ Вислы до Днѣстра включительно, хотя въ общемъ вся территорiя, отведенная Iорданомъ венедамъ, гораздо шире территорiй, намѣченныхъ у Плинiя, Тацита, Птоломея. Въ этихъ разнорѣчiяхъ, многое, конечно, объясняется неточностью указанiй всѣхъ названныхъ писателей; но не подлежитъ сомнѣнiю также и то, что предѣлы славянскихъ земель не всегда были строго ограничены и неизбѣжно должны были видоизмѣниться въ зависимости то отъ передвиженiя сосѣднихъ народовъ, то отъ естественнаго роста самихъ славянъ и тѣхъ либо иныхъ перетасовокъ въ разноплеменномъ ихъ населенiи.

Византiйскiе писатели.

Наоборотъ, византiйскiе писатели VI в. (напр., Прокопiй, императоръ Маврикiй) о закарпатской родинѣ славянъ не упоминаютъ и, сообщая очень много свѣдѣнiй о славянахъ, говорятъ о нихъ, какъ о придунайскихъ жителяхъ. Но отсюда можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что въ VI вѣкѣ славяне были на Дунаѣ; и если византiйцы писали только о придунайскихъ славянахъ, то поступали такъ по той простой причинѣ, что послѣднiе являлись ихъ сосѣдями, воевали съ ними и вообще постоянно напоминали о себѣ. Но тотъ фактъ, что раньше на этомъ пограничьи Римская имперiя не страдала отъ славянскихъ полчищъ, указываетъ, что славяне тогда здѣсь и не составляли болѣе или менѣе густыхъ поселенiй.

Несостоятельность мнѣнiя о древнѣшемъ населенiи славянъ на Дунаѣ.

Словомъ, первоначальныя, древнѣйшiя свѣдѣнiя относительно славянъ, не только не подтверждаютъ показанiй лѣтописи, но даже прямо опровергаютъ ихъ. То же оказывается и и при разсмотрѣнiи данныхъ другого рода, именно географическихъ названiй. Подмѣчено, что если народъ занимаетъ какую-нибудь страну и здѣсь встрѣчаетъ населенiе, то онъ заимствуетъ у этого населенiя названiе рѣкъ, озеръ, урочищъ, городовъ, селенiй: достаточно вспомнить такiя не славянскiя имена, какъ Москва, Волга, Ока, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Если же народъ искони сидитъ на извѣстномъ мѣстѣ, то онъ, конечно, даетъ названiя изъ своего языка. Такимъ

образомъ, по географической номенклатурѣ (т. е. названіямъ) можно судить о древнѣйшемъ населеніи страны.

Наиболѣе же чистую славянскую географическую номенклатуру мы находимъ не въ Венгріи и не около Дуная, а на сѣверъ отъ Карпатъ, на востокъ къ Днѣпру, въ нынѣшней Подоліи, Волыни, Галиціи и Польшѣ. Названіе сѣверныхъ притоковъ Припяти—преимущественно литовскаго происхожденія, такъ что здѣсь, очевидно, жили литовцы, и славянская родина къ сѣверу отъ Припяти не шла. Южная же граница ея сначала совпадала приблизительно съ южной границей теперешней Кіевской губерніи, далѣе переходила въ Подольскую губ. и по ней, приблизительно вдоль 49° сѣв. широты, достигала Карпатъ, юго-западной границы славянскаго міра (до 23° вост. долготы отъ Гринвича). Здѣсь онъ сталкивался съ міромъ кельтскимъ, слѣды котораго сохранились въ названіяхъ нѣкоторыхъ карпатскихъ рѣчекъ, подымался по Сану къ сѣверу и отъ Вислы тянулся къ западу, къ Вартѣ и Одеру. Прародина славянъ.

Эта область, гдѣ присутствіе славянскаго населенія доказывается и находками при археологическихъ раскопкахъ, также по самому характеру своему вполнѣ отвѣчаетъ тому представленію о родинѣ славянъ, которое можно составить по даннымъ ихъ языка. Какъ извѣстно, теперь славянскіе языки и нарѣчія замѣтно отличаются другъ отъ друга, и одинаковые предметы въ нихъ далеко не всегда одинаково обозначаются; но есть въ нихъ и такія обозначенія, которыя болѣе или менѣе сходны у всѣхъ славянъ; это остатки отъ той поры, когда всѣ славяне жили вмѣстѣ на своей родинѣ и говорили до извѣстной степени однородною рѣчью.

Подбирая эти т. н. общеславянскія слова, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, въ кругу какихъ понятій, среди какихъ условій жили наши предки въ тѣ отдаленныя времена, когда для нихъ еще не наступила пора разъединенія и обособленія. Въ частности же можно сдѣлать заключеніе, что славяне жили не на крайнемъ сѣверѣ, а въ умѣренномъ поясѣ, не гдѣ-либудь въ азіатскихъ или восточноевропейскихъ степяхъ, потому что растительность этихъ послѣднихъ не носитъ общеславянскихъ названій, за исключеніемъ тѣхъ названій, которыя извѣстны не только въ степяхъ, Характеристика древнихъ славянъ.

но и на другихъ равнинахъ; страна ихъ изобиловала холмами, горами, болотами и была очень лѣсиста. Таковъ этотъ край и доселѣ.

Народъ, занимавшій столь обширную территорію, былъ, несомнѣнно, народомъ весьма многочисленнымъ, что подтверждается, напримѣръ, и свидѣтельствами Птоломея, Іордана, а слѣдовательно, онъ свободно могъ выставлять тѣ полчища, которыя превратили Дунай въ славянскую рѣку и проникли далеко на югъ Балканскаго полуострова На этихъ новыхъ мѣстахъ славянамъ пришлось вступить въ болѣе близкое общеніе съ Византіей и Западомъ и волею или неволею многому научиться у нихъ; упорная борьба съ ними и ознакомленіе съ ихъ организаціей, культурой явились своего рода школой для придунайскихъ славянъ, почему послѣдніе въ своемъ развитіи могли пойти быстрѣе прочихъ славянъ, жившихъ въ мѣстахъ сравнительно отдаленныхъ, глухихъ, могли раньше выступить на арену исторической жизни и стать культурнымъ центромъ для всего славянства. Тамъ же, на Дунаѣ, благодаря Кириллу и Меѳодію, занялась заря новой жизни для всего славянскаго міра, и берега Дуная получили ореолъ духовнаго центра, откуда христіанство и просвѣщеніе распространялись во всѣхъ направленіяхъ, какъ нѣкогда сами славяне „розидошася по земьли и прозвашася имены своими“.

При такихъ обстоятельствахъ нужно было не много, чтобы въ представленіи народа купель славянства стала и его колыбелью.

Проф. А. М. Лобода.

Колонизація славянами Восточно-Европейской равнины до половины XIII вѣка *).

I.

Первая эпоха колонистовъ.

Обширная равнина, занимаемая нынѣ Европейской Россіей, по которой отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Балтійскаго моря и отъ Карпатъ далеко за Уралъ слышится русская рѣчь, не есть исконное мѣсто жительства русскаго народа. Еще и въ настоящее время на этой равнинѣ сохранились уголки, въ которыхъ живутъ племена, чуждыя русскому народу по происхожденію, языку и обычаямъ. Четырнадцать вѣковъ назадъ предки русскихъ, составлявшіе вѣтвь обширнаго славянскаго племени, занимали лишь небольшой край ея, прилегающій къ Карпатамъ: отсюда разселились они по всей русской землѣ, медленной, но широкой волной двигаясь къ востоку и сѣверу.

Когда начало растекаться славянское племя по этой равнинѣ—трудно опредѣлить. Наша начальная лѣтопись въ из-

---

*) *Литература: М. Грушевскій.* Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV в. К. 1891.—*Д. И. Багалгй,* Исторія Сѣверской земли до к. XIV в., К. 1882.—*П. В. Голубовскій,* Исторія Сѣверской земли до к. XIV в., К. 1880.—*Д. И. Иловайскій,* Исторія Рязанскаго княжества до к. XIV в. (Сочиненія, 1884).—*Д. А. Корсаковъ.* Меря и Ростовское княжество. Каз. 1872.—*М. В. Довнаръ-Запольскій.* Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII ст. 1891.—*П. В. Голубовскій.* Исторія Смоленской земли до нач. XV в. К. 1895.— *В. Г. Ляскоронскій,* Исторія Переяславской земли до полов. XIII. в. К. 1897.— *Н. Барсовъ,* Очерки русской исторической географіи, Варш. 1885.— *Голубовскій, П. В.* Печенѣги, Торки, Половцы, К. 1881.— *Его же,* Половцы въ Венгріи.—*В. Е. Данилевичъ,* Очерки исторіи Полоцкой земли до к. XIV в. —*Андріяшевъ*—„Очеркъ исторіи Волынской земли". Кіевъ 1887. *Ивановъ.* Судьбы Волынской земли до к. XIV в. *Молчановскій* „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. Кіевъ 1886. *Костомаровъ.* „Сѣверно-русскія народоправства". *Дашкевичъ.* „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи". Кіевъ 1888 (Тр. I Арх. съѣзда). *Его же.* „Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и Болоховцахъ". Кіевъ 1899.

вѣстномъ отрывкѣ перечисляетъ очень вѣрно порядокъ разселенія русскихъ славянъ, говоря, что послѣ выселенія изъ общей родины моравовъ, чеховъ, и ляховъ пришли славяны къ Днѣпру и здѣсь поселились и стали называться полянами, другіе стали называться древлянами, полочанами и проч. Прекрасно помня о самомъ разселеніи, лѣтопись не знаетъ времени, когда оно произошло. Ей извѣстно лишь то, что позднѣе всѣхъ другихъ племенъ пришли на восточную равнину радимичи и вятичи изъ ляховъ, т.-е. съ запада, съ тѣхъ же Карпатъ, которые въ эпоху составленія лѣтописи сдѣлались ляшскою землею. Время, когда начался отливъ славянскихъ племенъ изъ Прикарпатья на востокъ, можно уловить въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей. Историкъ Прокопій, жившій въ VI вѣкѣ, и императоръ Маврикій (502—602), все свое царствованіе воевавшій со славянами въ придунайскихъ земляхъ, отмѣчаютъ еще не полную какъ бы осѣдлость послѣднихъ, говоря, что славяне живутъ точно разбойники, всегда готовые подняться для переселенія въ другія мѣста. Опустошительные набѣги карпатскихъ славянъ на Византію прекращаются во 2-й четверти VII вѣка. Съ этого времени и начинается вѣроятно, постепенный отливъ славянъ въ Восточно-Европейскую равнину, куда ихъ привлекаетъ полная свобода, приволье дѣвственныхъ лѣсовъ и равнинъ, обильныя рыбою рѣки и отсутствіе такихъ сильныхъ постоянныхъ враговъ, какихъ они имѣли на Дунаѣ въ лицѣ грековъ. До половины IX вѣка мы можемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ прослѣдить ходъ славянской колонизаціи въ Восточно-Европейской равнинѣ. Проводниками ея служатъ, конечно, единственныя пути сообщенія—рѣки: по нимъ славяне добираются до Днѣпра, который съ этой минуты становится главной артеріей, посредствомъ безчисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ своего бассейна, проводящей струи славянской народности въ болѣе отдаленныя части великой равнины. Постепенно пользуясь поразительнымъ развитіемъ русской рѣчной сѣти, славянскіе поселенцы перебираются въ бассейнъ сосѣднихъ рѣкъ и осѣдаютъ по берегамъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, по верхней Окѣ, по среднему и верхнему теченію Западной Двины и въ бассейнѣ озера Ильменя.

Начало движенія славянъ на востокъ.

Извѣстныя слова нашей лѣтописи *) перечисляютъ не всѣ племена, жившія на русской равнинѣ въ VII и IX столѣтіяхъ,—къ указаннымъ тамъ слѣдуетъ, кромѣ радимичей, поселившихся по р. Сожу и вятичей, сѣвшихъ по верхней Окѣ, прибавить еще обширное племя, извѣстное подъ именами волынянъ, бужанъ или дулѣбовъ, память о которыхъ доселѣ живетъ въ названіи Волынь, и бѣлыхъ хорватовъ, занимавшихъ сѣверные склоны Карпатъ въ нынѣшней Галичинѣ. Наконецъ, по р. Днѣстру и по берегу Чернаго моря до устья Дуная жили многолюдныя, по словамъ нашего лѣтописца, племена уличей и тиверцевъ, занимавшія юго-западный уголъ великой равнины. Племена.

Если сообразить границы разселенія древне-русскихъ племенъ въ IX в., т.-е. въ тотъ моментъ, когда появляются первыя достовѣрныя и довольно подробныя извѣстія о нихъ, то оказывается, что русскіе племена уже сдвинулись съ своего первоначальнаго мѣста поселенія, т.-е. изъ Прикарпатья и Babприпятья и врѣзались въ границы финскихъ и литовскихъ племенъ. За отсутствіемъ данныхъ, трудно опредѣлить время и условія этого *перваго* колонизаціоннаго движенія русскихъ славянъ. Ясно только, что эта была чисто народная колонизація, такъ какъ населеніе передвигалось, руководствуясь своими выгодами и желаніями. Такъ славяне перешли на лѣвый восточный берегъ Днѣпра и прочно здѣсь утвердилось; эту территорію заняли смоленскіе кривичи, радимичи и сѣверяне; первые раздвинули литовское и финское племя, хотя еще до половины XII в. среди смольнянъ сидѣло литовское племя Голядь, оставшееся здѣсь отъ очень давняго времени и застрявшее среди славянскаго элемента; къ сѣверо-востоку отъ сѣверянъ успѣло засѣсть по верхней Окѣ племя вятичей; это племя въ теченіе долгаго періода было наименѣе культурно, именно потому, что славянскій его элементъ впиталъ въ себя еще менѣе культурную массу финскаго. Рядомъ съ этимъ шла дѣятельная колонизація сѣвера. Изъ верхняго Поднѣпровья славянскія племена (кривичи) двинулись къ З. Двинѣ. Тутъ они встрѣтили на западѣ литовцевъ, на сѣверѣ и востокѣ финновъ, сдвинули тѣхъ и другихъ, заняли верхнюю и среднюю Распространеніе по восточной равнинѣ.

*) См. стр. 67.

З. Двину и перешли къ озерамъ Ильменскому и Чудскому, въ страну финскаго племени Чуди; здѣсь образовалось два опорныхъ пункта для дальнѣйшей колонизаціи—Новгородъ и Псковъ. Оба города еще въ XI и даже въ XII вв. были окружены финскими поселками, не слившимися съ русскими. Послѣ упроченія славянъ въ Новгородѣ, колонизація двинулась въ верхнее Поволжье и оттуда къ бассейну Оки (средняя Волга была занята булгарами), какъ бы для соединенія западной стороны треугольника, образуемаго Окою и Волгой; первыми колонистами здѣсь были новгородцы. Такъ они въ очень короткое время утвердились въ странѣ финскаго племени Веси, получивъ опорный пунктъ въ Бѣлоозерѣ. Земля племени Мери тоже первоначально подверглась новгородской колонизаціи, но уже въ началѣ X в. центръ этой области подпалъ подъ власть кіевскихъ князей и сюда стало стремиться населеніе изъ средняго Поднѣпровья.

Въ столь же раннее время первые колонисты явились въ страну Муромы на Окѣ, хотя окончательное утвержденіе здѣсь русскаго племени произошло уже въ княжескій періодъ.

Слѣды финновъ.

Все это слѣды очень ранняго колонизаціоннаго движенія, происходившаго еще тогда, когда русскіе славяне жили отдѣльными племенами, до сложенія русскаго государства. Безспорнымъ подтвержденіемъ того, что области къ сѣверу и востоку отъ Днѣпра были заняты русскими племенами отъ финновъ, являются многочисленныя названія рѣкъ, озеръ, урочищъ, городовъ и селеній, значеніе которыхъ объясняется изъ финскаго языка: всѣ названія рѣкъ на *ма*, *ша*, *га*, *ва*—чисто финскаго происхожденія. Раскопки кургановъ подтверждаютъ не славянское происхожденіе и культуру погребенныхъ въ нихъ древнихъ обитателей. Наконецъ, еще въ началѣ русской исторической жизни русскій элементъ былъ настолько слабъ въ новыхъ колонизованныхъ областяхъ, что жилъ среди финскихъ племенъ: объ этомъ сохранилось множество указаній въ письменныхъ извѣстіяхъ о начальной эпохѣ русскаго государства.

Мы не имѣемъ достовѣрныхъ письменныхъ извѣстій о тѣхъ причинахъ, которыя побуждали русскія племена двигаться съ ихъ родины въ бассейны Днѣстра, т.-е. къ Черному морю, на сѣверъ въ Задвинье и на востокъ за Днѣпръ и въ Окскій бассейнъ

Но объ этихъ причинахъ можно судить на основаніи слѣдующихъ соображеній. Прежде всего, естественное увеличеніе населенія, привыкшаго къ охотничьему быту или къ первобытнымъ способамъ земледѣлія (таковъ напр. способъ подсѣчнаго земледѣлія, требующій большихъ лѣсныхъ пространствъ) искало болѣе привольныхъ мѣстъ для приложенія своего труда. Недаромъ греческіе писатели VI—VIII в. съ удивленіемъ отмѣчали привычку славянъ занимать своими поселеніями большія пространства: первобытный земледѣльческій бытъ и охотничьи промыслы побуждали къ такому способу заселенія. Тѣ же условія побуждали славянъ искать все новыхъ и новыхъ мѣстъ для поселенія. Но и была и другая причина, тѣсно связанная съ первой. Пушной промыселъ давалъ въ то время весьма дорогой въ торговлѣ предметъ. Естественно, что охотникъ, а съ нимъ вмѣстѣ и торговецъ стремятся засѣсть въ такихъ мѣстахъ, которыя для торговли представляли наибольшія удобства; очень понятно, что русскія племена, овладѣвъ такой важной торговой артеріей, какъ Днѣпръ, устремились по его рѣчной системѣ по направленію къ крупнымъ торговымъ центрамъ: на далекомъ сѣверѣ они заводили торговыя связи съ норманнами, на востокѣ съ булгарами, на юго-востокѣ съ Хазаріей; только прямо на югъ по Днѣпру славянамъ трудно было пробираться къ Византіи, потому что степи всегда были заняты кочевниками, и тутъ въ обходъ они пробирались къ Днѣстру. Но преимущественно колонисты стремились на востокъ, потому что охотникъ встрѣчалъ здѣсь, среди необъятныхъ лѣсовъ, обиліе пушного звѣря, меда и воска, а услужливый купецъ доставлялъ этотъ товаръ на рынки Булгара или Итиля; отсюда уже арабскіе купцы передавали этотъ товаръ вглубь Азіи, а сами снабжали славянъ столь для нихъ цѣнными издѣліями Востока. Насколько притягательными были для колонистовъ крупные торговые центры видно еще и по тому, что русскія поселенія въ древнѣйшее время не только утвердились въ предѣлахъ Хазаріи, но цѣпью раскинулись по пути изъ средняго Поднѣпровья (земли сѣверянъ) къ южной Волгѣ. Русскія поселенія тогда шли по сѣверному Донцу и Дону. Послѣдняя рѣка у многихъ мусульманскихъ писателей называется поэтому славянскою рѣкою. Мало того, въ X в. выходцы изъ сѣверянъ осно-

вали русскій городъ на устьѣ Кубани—Тмутаракань. Это былъ очень удобный торговый пунктъ между Хазаріей и греческими городами въ Тавридѣ, почему Тмутаракань быстро развилась и пріобрѣла значеніе крупнаго торговаго центра. Въ XI в. Тмутаракань составляла особое княжество, пока не пала въ концѣ этого столѣтія подъ напоромъ кочевниковъ.

Колонизація славянъ послѣ образованія Кіевскаго княжества.

При такихъ условіяхъ колонизаціоннаго движенія весьма естественно, что оно поддерживалось самимъ населеніемъ. Купецъ, превратившись въ воина, осаживался съ своею дружиною или съ своимъ родомъ въ той мѣстности, которая ему казалась удобнѣе и безопаснѣе, за ними появлялись другіе поселенцы. Такая колонизація не отличалась особенной прочностью, такъ какъ каждый поселокъ былъ предоставленъ самому себѣ; оттого мы видимъ, что сильные сосѣди держатъ въ подчиненіи русскія племена: вятичи платили дань хазарамъ, новгородцы въ такимъ же отношеніяхъ стояли къ варягамъ. Иной характеръ принимаетъ колонизація по мѣрѣ объединенія Руси подъ властью Кіева и тѣмъ болѣе съ раздѣленіемъ Руси на особыя княженія. Въ колонизаціонномъ движеніи оказалась сильно заинтересованны сами князья: въ однихъ пунктахъ надо было оградить уже существующее населеніе отъ нападенія враговъ, въ другихъ—завоевать новую область, такъ какъ завоеваніе расширяло торговые обороты, прибавляло князю данниковъ. Конечно, въ рукахъ князя было много способовъ усилить движеніе въ ту или иную область: князь строилъ города, крѣпости, держалъ въ нихъ дружину, воевалъ съ сосѣдями, ограждая поселенцевъ. Поэтому русская колонизація съ половины X в. и вплоть до татарскаго нашествія быстро двигалась и русскій элементъ прочно и спокойно засѣдалъ, какъ въ старыхъ областяхъ, куда раньше едва успѣлъ проникнуть и тонулъ въ массѣ иноплеменниковъ, такъ и захватывалъ новыя области. У русскихъ племенъ появилась и новая сила, дававшая имъ значительный перевѣсъ при соприкосновеніи съ мало-культурными финнами. Эта сила заключалась въ христіанствѣ, способствовавшемъ быстрому расцвѣту культуры на Руси. Теперь уже русскія племена не только подчиняли себѣ финновъ, но и вносили въ ихъ среду высшую культуру и новую религію. Теперь уже не только городъ, съ его исключительно торговыми или

военными интересами поддерживалъ русскій элементъ въ средѣ финновъ, но и монастырь и церковь съ ихъ проповѣдниками и школами. Оттого болѣе слабый финскій элементъ сталъ быстро тонуть среди русскихъ колонистовъ, перенимать ихъ культуру, языкъ и религію, и быстро исчезать Такимъ образомъ, колонизація княжескаго періода отличалась новою силою и велась при иныхъ условіяхъ, чѣмъ прежняя, до—княжеская. Мало того, были и особыя причины, какъ это мы сейчасъ увидимъ, которыя способствовали усиленному отливу населенія южной Руси въ область Окскаго бассейна.

Всѣми этими чертами уже отличается *второй* періодъ въ исторіи русской колонизаціи, къ разсмотрѣнію котораго мы сейчасъ и перейдемъ.

II.

Границы русскихъ племенъ въ концѣ X в.

Прежде чѣмъ слѣдить за дальнѣшей судьбой славянской колонизаціи русской равнины, посмотримъ, какъ шли границы разселенія славянскихъ племенъ въ концѣ X вѣка. Сливаясь на западѣ въ области р. Западнаго Буга съ поселеніемъ ляшскихъ племенъ, граница русскихъ славянъ поднималась къ сѣверо-востоку до средняго теченія Западной Двины, оставляя къ западу дремучіе литовскіе лѣса, затѣмъ шла на сѣверъ до Чудскаго озера, отсюда она поварачивала снова на сѣверовостокъ и достигала Ладожскаго озера близъ впаденія Волхова; внѣ ея основалась вся почти нынѣшняя Петербургская губернія, занятая финскими племенами Води и Ижоры. Отъ Ладожскаго озера граница славянскихъ поселеній направлялась на юго-востокъ къ верховьямъ Волги, Ламскому Волоку и верховьямъ Москвы. Къ востоку отъ этой линіи, существовали только отдѣльные славянскіе острова среди финскаго моря—какъ напримѣръ, города Ростовъ и Суздаль. Современныя намъ названія русскихъ рѣкъ очень ясно указываютъ сѣверовосточную границу разселенія славянъ въ началѣ русской исторіи: рѣки и рѣчки Днѣпровскаго бассейна въ большинствѣ случаевъ носятъ чисто по-славянски звучащія названія, но стоитъ перенестись въ бассейнъ Оки или Волги, тотчасъ въ изобиліи являются издревле сохранившіяся финскія названія рѣкъ, вродѣ Оки, Москвы, Клязьмы и, наконецъ самой Волги. Проходя далѣе, приблизительно по среднему теченію Оки и верхнему Дону, граница

отсюда поворачивала на юго-западъ по направленію къ р. Сейму, и по теченію послѣдней шла на западъ. Къ югу отъ этой линіи близко лежала уже граница степей. Отдѣляясь отъ Сейма недалеко отъ его паденія въ Десну, рубежъ достигалъ Днѣпра между Кіевомъ и устьемъ р. Роси. На западномъ берегу Днѣпра граница, проходила близъ Кіева, шла прямо на западъ до Днѣстра. Къ югу отъ нея въ бассейнѣ Днѣстра лежали, повидимому, поселенія уличой и тиверцевъ, границы которыхъ въ X вѣкѣ остаются для насъ не вполнѣ ясными.

Начиная съ XI вѣка, извѣстія русскихъ лѣтописей дѣлаются гораздо обильнѣе и подробнѣе. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе также и для вопроса о славянской колонизаціи. Съ этого времени становится возможнымъ отъ вольнаго разселенія отличать колонизацію, сознательно предпринимаемую нѣкоторыми князьями; отъ мирной колонизаціи сѣвера отличать колонизаціонныя попытки на югѣ, тѣсно связанныя съ упорною борьбою Руси противъ степныхъ кочевниковъ.

Вслѣдствіе этого при дальнѣйшемъ обзорѣ *второго періода* исторіи колонизаціи русской равнины славянами, можно, во-первыхъ, выдѣлить колонизацію южныхъ степей, ведшуюся южными княженіями съ Кіевомъ во главѣ, во-вторыхъ, вольную колонизацію сѣвера, въ которой первое мѣсто принадлежало Новгороду, и, наконецъ, колонизаторскую дѣятельность суздальскихъ князей XII вѣка.

Колонизаціи Кіевскихъ князей.

До конца X вѣка Кіевъ лежалъ почти на самой степной границѣ. При Олегѣ угры ставили свои вѣжи подъ самымъ городомъ; смѣнившіе ихъ печенѣги не разъ пытались его взять; особенно сохранилась въ народной памяти осада Кіева печенѣгами при Святославѣ, доведшая городъ почти до сдачи кочевникамъ. Къ югу отъ Кіева въ рукахъ славянскаго населенія находились лишь очень немногіе укрѣпленные пункты: едва ли не самымъ южнымъ былъ городокъ Родня на устьѣ Роси, куда въ 980 г. бѣжалъ кіевскій князь Ярополкъ, спасаясь отъ Владимира.

Послѣдній, сдѣлавшись княземъ кіевскимъ, является первымъ дѣятельнымъ колонизаторомъ степныхъ границъ. Не довольствуясь защитой осѣдлаго населенія отъ печенѣговъ посредствомъ заставъ и засѣкъ, Владимиръ основывалъ цѣлый

рядъ городовъ въ окрестностяхъ Кіева по Деснѣ, Остру и на степной границѣ по р. Трубежу, Сулѣи Стугнѣ, призывая въ эти новыя поселенія колонистовъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ и даже, по словамъ лѣтописца, изъ Чуди, съ цѣлью создать прочный оплотъ Руси отъ печенѣговъ. Его дѣятельность касалась главнымъ образомъ восточнаго берега Днѣпра, гдѣ русскія поселенія далеко выдвинулись впередъ до рѣки Сулы, тогда какъ на западномъ берегу Днѣпра она не заходила далѣе Стугны. Объ успѣшности ея можно судить потому, что какъ разъ изъ колонизованной имъ мѣстности образовалась Переяславская земля, передовой оплотъ Руси отъ степи въ XI и XII столѣтіяхъ. Ярославъ, продолжая дѣятельность отца, обратилъ особенное вниманіе на правый берегъ Днѣпра и продвинулъ здѣсь границы Роси до рѣки Рси (Рось), заселивъ ея теченіе плѣнниками, взятыми въ войнѣ съ польскими князьями. Эта область получила названіе Поросья. Эта колонизація южныхъ степныхъ границъ, почти исключительно военная, оставалась такою и позднѣе. Въ теченіе XI вѣка въ южнорусскихъ степяхъ совершается рядъ перемѣнъ, имѣвшихъ большое вліяніе на дальнѣйшую исторію Руси. Въ 30-хъ годахъ печенѣги, сломленные борьбой съ русскими, уступаютъ мѣсто сравнительно слабому племени торковъ; въ 60-хъ годахъ того же столѣтія мѣсто тѣхъ и другихъ занимаетъ гораздо болѣе сильное и стойкое племя половцевъ. Съ появленіемъ половцевъ прекращается дальнѣйшее распространеніе русскаго населенія къ югу: съ этихъ поръ на долгіе вѣка Русь въ состояніи лишь защищать свои степныя границы; эта защита стóитъ дорого и сопровождается мѣстами даже обратнымъ движеніемъ русскаго населенія и запустѣніемъ нѣкоторыхъ областей, процвѣтавшихъ въ XI вѣкѣ.

Половцы оказались самымъ упорнымъ и сильнымъ врагомъ Руси. Успѣхъ ихъ объясняется и многочисленностью Орды, ея дикостью и воинственностію. Но не надо забывать и того, что половецкіе набѣги пришлись какъ разъ въ періодъ раздробленія Руси на княжества и междукняжеской борьбы. Для пограничныхъ со степью земель предстояла трудная задача. Такими землями были: Муромо-Рязанская, Чернигово-Сѣверская, Кіевская съ Переяславской, наконецъ, Галицкая. Степняки съ

особою силою набросились на богатую Кіевскую землю и на Переяславскую, служившую ей оплотомъ.

Земля *Переяславская*, какъ сказано выше, была заселена русскими славянами при Владимирѣ святомъ. Колонизація эта была настолько успѣшна что въ завѣщаніи Ярослава Переяславль занималъ третье мѣсто въ распорядкѣ русскихъ волостей—непосредственно послѣ Кіева и Чернигова. Въ это время Переяславская земля занимаетъ бассейны рѣкъ Трубежа, Сулы и Супоя (нынѣшней Полтавской губерніи), отдѣльныя поселенія заходятъ еще дальше на востокъ, до рѣки Ворсклы и даже за нее. Такое положеніе Переяславскаго княженія дѣлало изъ него передовое укрѣпленіе Руси, военный станъ далеко выдвинутый на югъ. Естественно, что этому стану пришлось припять самые тяжкіе удары половцевъ. Съ конца XI вѣка въ Переяславской землѣ ведется нескончаемая борьба противъ кочевниковъ; въ теченіи всего XII столѣтія переяславскіе князья съ „дружиною своею многія бѣды принимаютъ отъ рати“. Исходъ борьбы подсказывался географическимъ положеніемъ княжества: угломъ выдавшись въ степь, оно не могло успѣшно бороться съ нею: въ концѣ XII вѣка русское населеніе было почти вытѣснено изъ Посулья, и къ этому времени Переяславское княженіе ограничивалось небольшимъ пространствомъ земель по рѣкамъ Трубежу и Супою.

Поросье, колонизованное Ярославомъ, такъ же какъ и Переяславское княженіе, сильно страдало отъ опустошеній половцевъ. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ и въ Переяславской землѣ. славянское населеніе въ XII в. значительно отступило здѣсь къ сѣверу. Однако, Поросье не было совсѣмъ оставлено: князья еще съ конца XI вѣка начинаютъ селить здѣсь мелкія замиренныя тюркскіе племена, остатки прежнихъ властителей степи, сломленныхъ половцами, и извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ печенѣговъ, торковъ, берендѣевъ, коуевъ, а также половцевъ. Все это разноплеменное населеніе Поросья въ древней Руси называли Черными Клобуками. Населеніе Поросья вело кочевой образъ жизни, жило въ своихъ вѣжахъ, имѣло своихъ хановъ, свою организацію. Когда предстояло какое-нибудь общее дѣло, Черные Клобуки собирались на вѣче и сообща его рѣшали. Кіевскимъ князьямъ, отъ которыхъ зависѣло Поросье, приходилось

ладить съ мѣстными ханами, задабривать ихъ и даже жаловать имъ доходы съ мѣстныхъ городовъ. Вообще, всѣ эти племена пользовались большою самостоятельностью.

Но рядомъ съ инородцами здѣсь жило, преимущественно въ городахъ, славянское населеніе, такъ что съ теченіемъ времени весь этотъ сбродъ народностей слился, подчинившись болѣе культурному славянскому элементу. Поросье, какъ главный опорный пунктъ, хорошо было укрѣплено: кромѣ городковъ, граница его была защищена валами, остатки которыхъ сохранились по настоящее время (напримѣръ, неподалеку отъ Бѣлой Церкви, Таращи и Корсуня).

Порщане, жители Поросья, благодаря своему окраинному положенію, были очень важнымъ элементомъ въ борьбѣ Руси съ кочевниками, какъ передовой оплотъ ея. Но зато и жители ея, закаленные въ бояхъ, находились въ весьма слабой зависимости отъ Кіевскаго княженія.

Въ такомъ же положеніи находились и другія окраины. Западнѣе Поросья, на верховьяхъ Ю. Буга, Горыни и Случи (оба—притоки Припяти) лежали земли *болоховцевъ*, тоже находившихся въ номинальной зависимости отъ Кіевскаго княженія. У нихъ было нѣсколько городовъ. Въ началѣ XIII в. болоховскіе города вели вполнѣ самостоятельную жизнь и у нихъ даже появились свои мѣстные князья, не принадлежавшіе къ Рюрикову племени. Земля Болоховцевъ.

На крайнемъ юго-западѣ со степью граничило Поднѣстровье (южн. Подолія), тянувшая къ Галицкому княжеству. О немъ сохранилось очень мало извѣстій. Съ половины X вѣка прекращаются извѣстія объ уличахъ и тиверцахъ. Вѣроятно подъ напоромъ печенѣговъ эти племена должны были оставить свои прежнія жилища: низовья Днѣстра съ этого времени обращаются въ степь. Въ XII и началѣ XIII вѣкахъ юго-западный уголъ равнины пользуется, повидимому, нѣсколько большимъ спокойствіемъ, чѣмъ Поднѣпровье, вслѣдствіи чего въ это время переселенцы изъ Галича занимаютъ среднее теченіе Буга и Днѣстра, или такъ называемое Понизье. Поднѣстровье.

Съ трудомъ удерживая югъ, Галицко-Волынское княжество съ конца XII в. и въ началѣ XIII в. нашло выходъ для разра-

стающагося своего населенія въ колонизаціи сѣверныхъ земель, населенныхъ литовскимъ племенемъ ятвяговъ.

Югъ и юго западъ съ величайшимъ трудомъ сдерживали, мѣстами уступая, напору кочевниковъ. Во многомъ сходную картину приходится наблюдать въ сѣв.-восточной границѣ т. е. въ областяхъ Чернигово-Сѣверской и Муромо-Рязанской.

Сѣверская земля.

Первымъ послѣдствіемъ для *Сѣверскаго* княженія была потеря далекой *Тмутаракани*. Потеряна также связь съ Подоньемъ, и уже герою *Слова о полку Игоревѣ*, князю новгородъ-сѣверскую Игорю Святославичу, казалось геройствмъ „испити шеломомъ Дону". Были случаи, когда населеніе цѣлыми городами уходило съ Дона: такъ, напр., сдѣлали бѣловѣжцы. Другія русскія поселенія застряли въ степи и сжились съ половцами. Но не надо забывать, что Чернигово-Сѣверская земля, была въ началѣ весьма обширна: она состояла, кромѣ сѣверянъ, изъ племени вятичей и радимичей. По смерти Ярослава Мудраго вся Сѣверская земля съ новоколонизованными областями на средней Окѣ (г. Муромъ) досталась второму его сыну Святославу, и только въ концѣ XI в. Муромо-Рязанская земля выдѣляется окончательно. Въ движеніи по Окѣ сѣверянское населеніе находило естественный выходъ: сюда уходилъ и избытокъ населенія и всѣ тѣ, кто страдалъ отъ половецкихъ набѣговъ или междукняжескихъ смутъ. Такимъ образомъ на долю Муромо-Рязанской земли выпала двойная задача: отбиваться на мѣстѣ отъ кочевниковъ и служить проводникомъ русской колонизаціи среди финновъ.

Муромо-Рязанская земля.

Къ сѣв.-вост. отъ Чернигово-Сѣверскаго княжества узкою и длинною полосою по Окѣ вытянулась *Муромо-Рязанская* земля. Колонизація этой области имѣла двойную задачу: на югѣ она граничила съ кочевьями половцевъ, на сѣв.-востокѣ по р. Окѣ для колонистовъ открывались богатыя лѣсныя пространства, занятыя финскими племенами. Рязанскимъ князьямъ приходилось укрѣплять южную границу, и въ то же время являлась полная возможность раздвигать свои предѣлы въ область инородцевъ. Въ этой землѣ было два центральныхъ города: болѣе древній — Муромъ и позднѣйшій — Рязань; первый въ странѣ племени Муромы, а второй — племени Эрза. Населеніе въ эти области шло изъ племени сосѣднихъ вятичей, а потомъ и сѣверянъ. Но

водвореніе русской культуры встрѣчало среди здѣшних финскихъ племенъ сначала большое затрудненіе. Русскіе успѣли водвориться въ гор. Муромѣ уже при Владимірѣ Св. Послѣдній послалъ сюда своего сына Глѣба, который началъ здѣсь распространять христіанство. Но племя Муромы съ трудомъ подвергалось вліянію новой религіи. Житіе св. Константина Муромскаго свидѣтельствуетъ, что еще въ концѣ XI в. здѣшніе финны были преданы языческимъ обычаямъ: „Очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребреницы на ня повергающе... дуплиномъ древяннимъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ покланяющеся... кони заклающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребающе, и битвы и кроеніе и лицъ настрѣканія и дранія творяще“.

По смерти Ярослава Мудраго Муромо-Рязанскаго земля досталась второму его сыну Святославу, князю черниговскому, и отъ него перешла къ его потомству. Но только съ конца XI в. и въ началѣ XII в. русскіе прочно утверждаются въ среднемъ теченіи Оки; тогда же выдвигается новый центръ края—Рязань. Колонизація много обязана княжившему въ то время въ Муромѣ Ярославу Святославичу. Онъ строилъ города (между прочими Переяславль Рязанскій), укрѣплялъ побережье Оки, распространялъ среди финновъ христіанство. Въ началѣ его княженія муромскіе язычники оказали ему упорное сопротивленіе. Ярославъ послалъ въ Муромъ княжить двухъ своихъ сыновей Михаила и Θеодора, но Муромцы не приняли ихъ, а Михаилъ былъ даже убитъ ими. Ярославъ тогда взялъ приступомъ городъ и, по преданію, крестилъ въ Окѣ всѣхъ муромскихъ язычниковъ. Одновременно съ упроченіемъ на р. Окѣ рязанская колонизація двинулась вверхъ по р. Пронѣ и захватила треугольникъ, образуемый Окою и Пронею, съ главнымъ центромъ этого пространства—Пронскомъ. Теченіе р. Прони сближало Рязанскую землю съ верховьемъ Дона. Но здѣсь старинныя русскія поселенія застряли среди половецкихъ кочевьевъ. Рязанскія князья только оборонялись отъ половцевъ, почему и потеряли всякое вліяніе на Подонье.

Естественнымъ исходомъ рязанской колонизаціи было бы занятіе нижняго теченія Оки и ея устья. Муромскіе князья

подчинили себѣ сосѣднее племя Мещеру, но за нею они встрѣтились съ сильнымъ племенемъ Мордвы, остатки которой и понынѣ живутъ въ Нижегородской губ. Мордва была воинственнѣе другихъ финскихъ племенъ и кромѣ того ее поддерживали булгары. Между тѣмъ во второй половинѣ XII в. само Муромско-Рязанское княжество сильно ослабѣло отъ пораженія, нанесеннаго ему Андреемъ Боголюбскимъ. Оно поэтому уже не могло двинуться дальше, и устье Оки въ началѣ XIII в. досталось владимірскимъ князьямъ.

Заключеніе.

Итакъ, на степномъ пограничьи Русь, или едва сдерживала напоръ кочевниковъ, или даже отступала передъ нимъ. Во всякомъ случаѣ южно-русское населеніе сильно страдало отъ этой борьбы, и мы видѣли, что кіевскіе князья весьма мудро стремятся населить, напр., Поросье кочевниками же, какъ населеніемъ и привычнымъ къ безпрестанной борьбѣ, и такимъ, которое, не имѣя осѣдлости и не занимаясь земледѣліемъ, легче могло переносить борьбу. Во всякомъ случаѣ почти двухвѣковая борьба Руси съ степью имѣла весьма важныя послѣдствія. Прежде всего было остановлено естественное развитіе русской территоріи къ югу, въ богатыя черноземомъ степи и Черноморское побережье, столь выгодное по торговлѣ. Во второй половинѣ XII в. торговля съ Византіей почти прекращается. Населеніе южной Руси, усталое въ борьбѣ, покидаетъ богатый и привольный югъ и стремится въ бѣдный по природѣ Приволжскій и Пріокскій край. Населеніе покидало богатый и цвѣтущій Кіевъ, и мать русскихъ городовъ съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ, лишаясь и торговли, и связей, и населенія. Кіевъ, наконецъ, настолько ослабѣваетъ, что падаетъ въ 1169 г. подъ ударами войскъ Андрея Боголюбскаго. И въ то время, когда медлено угасало древняя столица Руси, на сѣверо-востокѣ выросталъ, среди полной тишины, новый центръ—Владиміръ на Клязьмѣ.

Отношеніе древне-русскихъ людей къ неудачамъ на югѣ.

Древне-русскіе люди съ грустью смотрѣли на паденіе ранѣе процвѣтавшихъ областей и вѣрно поняли причину этого паденія: оцѣнивая силу Половцевъ, они корень безсилія древней Руси видѣли въ ея раздробленіи и междуусобной борьбѣ князей. „О свѣтло свѣтлая и красно украшенная земля Русская! (восклицаетъ неизвѣстный авторъ Слова о погибели Русской земли).

Ты многими красотами дивно изукрашена: ты замѣчательна многими озерами, рѣками и мѣсточестными кладезями, крутыми горами, высокими холмами, чистыми дубравами, прекрасными полями, различными звѣрями, безчисленными птицами, великими городами, прекрасными селеніями, виноградными садами, церквами и грозными князьями, честными боярами, многими вельможами! Всего ты исполнена земля Русская, о правовѣрная вѣра христіанская!" Всѣмъ хороша эта земля, но ее подтачиваетъ дикій половчинъ своими набѣгами, а князья распрями: стала гибнуть жизнь Дажбожа внука, т.-е. Русскаго племени, по образному выраженію пѣвца Слова о полку Игоревѣ. Тогда, говоритъ онъ далѣе, рѣдко сталъ на Руси раздаваться голосъ ратаевъ, но за то часто стали каркать вороны, дѣля между собою добычу И поэтому, въ распряхъ между собою, князья не дѣлаютъ отпора поганымъ; «ибо говоритъ братъ брату: это мое, а то мое же... Сами на себя стали крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ стали приходить съ побѣдою на Русскую землю".

Напрасно пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ призывалъ князей къ единенію, къ борьбѣ съ невѣрными, напрасно духовенство съ высоты церковной каѳедры упрекало князей въ крамолахъ Общій порядокъ вещей не могъ быть сдержанъ увѣщаніями, и населенію оставалось одно: уходить съ юга на сѣверо-востокъ, въ Суздальскую землю.

III.

Отливъ населенія изъ средняго Поднѣпровья.

Дѣйствительно, междукняжескія смуты и наплывъ степняковъ внесли измѣненія въ жизнь населенія южно-русскихъ областей: они вызвали значительное передвиженіе кореннаго русскаго населенія, отливъ его изъ Кіевскаго, Переяславскаго и Черниговскаго княжествъ въ иныя мѣста русской равнины. Съ половины XII вѣка многолюдное дотолѣ Поднѣпровье пустѣетъ. Сельское и городское населеніе тянется съ одной стороны на западъ въ цвѣтущія прикарпатскія земли, на Волынь и въ Галичъ; съ другой—на дальній и суровый сѣверо-востокъ въ Ростовско-Суздальскіе лѣса, куда призываетъ его колонизаторская дѣятельность князей Юрія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода.

Итакъ, съ юга населеніе уходило. Теперь посмотримъ, какъ же шло колонизаціонное движеніе русскаго племени на сѣверѣ, т.-е. въ *Новгородской области*, и на сѣверѣ-востокѣ, т.-е. въ *Ростово-Суздальской землѣ*.

Новгородская колонизація. Достигнувъ въ IX вѣкѣ береговъ Ладожскаго озера, славянское населеніе не оставалось въ этихъ предѣлахъ. Дальнѣйшее его распространеніе къ сѣверной части равнины находится въ тѣсной связи съ исторіей Новгорода. Богатѣйшій городъ русскаго сѣвера становится и главнымъ проводникомъ славянской колонизаціи *). Въ то время, какъ на югѣ инородцы селились на земляхъ, покидаемыхъ русскими, въ Новогородской землѣ туземцы финны постепенно принимаютъ языкъ и нравы славянъ. У самыхъ стѣнъ Новгорода начинались въ X и XI вѣкѣ поселенія финскихъ племенъ Вожанъ и Ижоры. Не всегда отношенія этихъ народцевъ къ Новгороду были дружелюбными. Въ половинѣ XI столѣтія Вожане были постоянными союзниками полоцкаго князя Всеслава, не разъ замышлявшаго овладѣть Новгородомъ. Однако эти племена были слишкомъ слабы; постепенно подчиняясь Новгороду, они принимаютъ языкъ и вѣру побѣдителей и сливаются со славянами. Племя Вожанъ исчезаетъ очень рано, оставивъ по себѣ память лишь въ названіи Водской земли, какъ долго называлась страна на сѣв.-западъ отъ Новгорода. Остатки племени Ижоры, имя котораго сохранилось до сихъ поръ въ названіи рѣки Ижоры, притока Невы, еще существовали впрочемъ въ XIII вѣкѣ: одно изъ сказаній о побѣдѣ Александра Невскаго надъ шведами у рѣки Невы разсказываетъ объ Ижорской землѣ и ея старѣйшинахъ; часть большого финскаго племени Корелы, жившей въ области Онежскаго озера, также рано подчинилась вліянію Великаго Новгорода. На ряду съ обрусѣніемъ туземцевъ финновъ шло на сѣверѣ роспространеніе славянскаго населенія далеко на сѣверъ и на сѣверо-востокъ.

Двинская земля и крайній сѣверъ. Быть-можетъ еще первые варяги принесли въ Новгородъ извѣстія о дальнемъ сѣверѣ русской равнины—Двинской землѣ и Сѣверномъ Уралѣ, куда варяжскіе витязи не разъ предпринимали походы. Во всякомъ случаѣ въ XI вѣкѣ этотъ край

*) См. стр. 11—12.

былъ уже извѣстенъ новгородцамъ, ведшимъ торговлю съ тамошними племенами Чуди, Печоры и Югры.

Вслѣдъ за предпріимчивыми купцами туда направились славянскіе колонисты, по всей вѣроятности изъ новгородской вольницы, которые создали прочное осѣдлое русское населеніе по рѣкамъ Сѣверной Двинѣ и ея притокамъ. И далѣе еще проникли новгородскіе повольники на своихъ легкихъ ладьяхъ—ушкуяхъ: есть извѣстія, что уже во второй половинѣ XII вѣка ими основана была самая отдаленная славянская колонія по рѣкамъ Вяткѣ и притоку ея Чепцѣ, а немного позднѣе новгородцы достигаютъ береговъ Кольскаго полуострова. Въ отличіе отъ военныхъ колонистовъ юга, селившихся князьями съ цѣлью защиты отъ степи, сѣверные колонисты—это вольные люди, направляющіеся на далекій сѣверъ въ поискахъ за привольной жизнью въ огромныхъ никому не принадлежавшихъ пространствахъ. На югѣ князья съ трудомъ удерживали на своихъ мѣстахъ защитниковъ границъ; на дальнемъ сѣверѣ появленіе колониста задолго иногда предшествовало распространенію русской власти: и въ Заволочьѣ и на Кольскомъ полуостровѣ вліяніе Новгорода появилось только вслѣдъ за колонистами-повольниками.

Общій характеръ Новгородской колонизаціи.

Новгородская колонизація отличилась совсѣмъ инымъ характеромъ сравнительно съ другими землями. Новгородцы захватывали мѣстности, мало удобныя для поселенія. Да и самихъ новгородцевъ было сравнительно немного: обширныя новыя пространства сѣвера имъ нужны были не для поселеній, но для охотничьихъ промысловъ. Новгородцы и сами здѣсь охотились, а главнымъ образомъ облагали данью покоренныя племена и съ ними же вели торговлю. Такія отношенія къ инородцамъ вели къ тому, что новгородцы вовсе не старались провести въ ихъ среду христіанство, и инородцы не сливались съ русскими, иногда даже возставали противъ своихъ поработителей и переходили на стороны сосѣднихъ шведовъ (въ Финляндіи).

Ростовско-суздальская земля древнѣйшіе ея города.

Обратимся теперь къ послѣднему крупному явленію колонизаторской дѣятельности русскихъ въ домонгольскій періодъ, къ колонизаціи *Ростово-Суздальскаго* края. Начало русской исторіи уже застаетъ среди обитавшихъ здѣсь финскихъ пле-

менъ Мери, Веси и Муромы города съ славянскимъ населеніемъ—Ростовъ и Суздаль. Въ началѣ XI вѣка становится извѣстнымъ Муромъ,—удѣлъ св. князя Глѣба. Дальнѣйшая исторія обширной страны, лежавшей между Окой и верхней Волгой есть исторія заселенія ея сосѣдними славянскими племенами. Съ сѣверо запада къ верхней Волгѣ направлялись вольные новгородскіе колонисты, которые въ теченіе XI вѣка основалиНовый Торгъ (Торжокъ, нынѣ Тверской губ,) и заняли Волокъ Ламскій (между бассейнами рѣки Москвы и верхней Волги). Съ запада сюда же тянулись кривичи, спускавшіеся по теченію рѣки Москвы: верховья ея еще въ 1150 году принадлежали смоленскимъ князьямъ. Наконецъ славянскіе колонисты—вятичи или кривичи шли средней Окой къ Рязани и Мурому. Въ XI столѣтія колонизація идетъ тихо; эта страна представляетъ самый глухой уголокъ тогдашней Руси. Князья, чтобы попасть туда изъ Кіева, принуждены пользоваться обходнымъ путемъ черезъ Смоленскъ и верхнюю Волгу; на этой дорогѣ возникаетъ и первый городъ, обязанный своимъ основаніемъ дѣятелньости князей,—Ярославль.

Приливъ населенія съ юга.

XII столѣтіе—рѣшительный моментъ въ исторіи междурѣчья Оки и верхней Волги. Медленный дотолѣ приливъ славянскихъ колонистовъ смѣняется цѣлымъ потокомъ переселенцевъ. Изъ далекаго Приднѣпровья тянется этотъ потокъ людей, оставляющихъ благодатный югъ, опустошаемый набѣгами кочевниковъ и княжескими усобицами; гонимые разореніемъ, ища безопасности, они идутъ въ суровый край съ неблагодарной почвой, сырымъ, холоднымъ климатомъ и заселяютъ, открываютъ для исторической жизни новую страну, которой суждено было занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ русскихъ земель. Переселенцы любятъ на новыхъ мѣстахъ воскрешать дорогія для нихъ имена покинутой родины. Русскіе переселенцы изъ Поднѣпровья не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія: въ соотвѣтствіе далекому Переяславлю Южному, возникаетъ Переяславль Рязанскій и Переяславль Залѣсскій; Переяславль Южный лежалъ на рѣкѣ Трубежѣ;—въ обоихъ новыхъ одноименныхъ городахъ явились такіе же Трубежи. Усиленный притокъ колонистовъ съ юга именно въ Ростовско-Суздальскую землю не могъ начаться

самъ собою. На самомъ дѣлѣ, между Поднѣпровьемъ и Суздалемъ лежалъ цѣлый рядъ земель, въ которыхъ было достаточно мѣста для новыхъ пришельцевъ: что же привлекало ихъ именно въ эту далекую суровую и глухую страну? Какъ разъ въ то время, когда съ юга начался отливъ населенія, въ Суздальско-Ростовскомъ краѣ закипѣла созидающая дѣятельность тамошнихъ князей. При Юріи Долгорукомъ и Андреѣ Боголюбскомъ здѣсь возникаетъ цѣлый рядъ городовъ одинъ за другимъ. Въ 1134 Юрій строитъ городъ Кснятинъ при впаденіи рѣки Нерли въ Волгу. Въ 1147 упоминается Москва. Въ 1152 Юрій основываетъ Юрьевъ-Польскій (Владимирской губ.). Въ 1154 году—городъ Дмитровъ (Московской губерніи). Въ 1158 Андрей строитъ городъ Боголюбовъ (недалеко отъ г. Владимира). Въ то же время приблизительно возникаютъ города Тверь, Кострома, Галичъ, Городецъ на Волгѣ и др. Андрей Боголюбскій съ полнымъ правомъ могъ гордиться, что онъ всю Суздальскую Русь „городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ“. Въ Суздалѣ мы встрѣчаемся съ третьимъ видомъ древне-русской колонизаціи, которую здѣсь, въ отличіе отъ княжеской—военной южной, можно назвать княжеской хозяйственной. Результатомъ блестящей колонизаторской дѣятельности двухъ первыхъ суздальскихъ князей было то, что край, который въ началѣ столѣтія считался худшей волостью всей Руси, менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ. Главный городъ его сталъ соперникомъ Кіева по политическому значенію и по внѣшней красотѣ, а преемникъ Андрея, великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, представлялся современникамъ самымъ могущественнымъ изъ русскихъ князей.

Этнографическіе и политическіе результаты.

Колонизація междурѣчья Оки и верхней Волги славянами не только призвала къ жизни обширный край, но создала также новую народность. До насъ не дошло извѣстій о враждебныхъ столкновеніяхъ и борьбѣ славянскихъ пришельцевъ съ туземными финнами. Пробираясь главнымъ образомъ по рѣкамъ, славяне разрѣзали финскія населенія, разобщали финновъ между собою. Духовное превосходство славянъ, вліяніе русскаго языка, а позднѣе и вліяніе принесеннаго славянами христіанства заставили финновъ мирнымъ путемъ раствориться

въ славянскомъ потокѣ, наводнившемъ ихъ страну. Но усвоивъ языкъ и вѣру славянъ, финское населеніе въ свою очередь передало послѣднимъ многое изъ своего быта и народнаго характера. Изъ этого сліянія создалось великорусское племя, позднѣе получившее первенствующее значеніе въ русской исторіи.

Половина XIII вѣка представляетъ поворотное время въ исторіи разселенія славянскаго племени по восточно-европейской равнинѣ. Нашествіе татаръ было причиною полнаго запустѣнія всѣхъ южно-русскихъ областей. Пограничныя со степью части Рязанской и Черниговo-Сѣверской земель—стали пустыней, въ которой только „городища" долгіе вѣка напоминали о существовавшихъ здѣсь ранѣе селеніяхъ. Рѣдкое, почти беззащитное, населеніе не заходило далѣе верховьевъ Дона, верхней Оки и теченія рѣки Десны. Кіевъ въ 50-хъ годахъ XIII вѣка былъ деревней въ нѣсколько десятковъ домовъ; Переяславская земля надолго изчезла изъ числа русскихъ областей.

Запустѣніе Поднѣпровья и начавшееся съ половины XIII столѣтія возвышеніе Литвы совершенно отдѣлило другъ отъ друга прикарпатскую Галицкую Русь отъ Руси сѣверной; съ этого времени навсегда раздѣлилась и ихъ историческая судьба. Кромѣ монголовъ, занявшихъ теперь степи, у сѣверной и южной Руси были и другіе враги, въ борьбѣ съ которыми нельзя было думать о распространеніи русской народности, и о колонизаціи новыхъ земель. Галичъ долженъ былъ отстаивать свою самостоятельность отъ Польши и Венгріи. Новгородъ въ это время боролся съ нѣмцами и шведами, которые надолго остановили распространенія русскаго вліянія за Чудскимъ озеромъ и Невой; многочисленныя княжества, образовавшіяся въ XIII вѣкѣ въ Ростовско - Суздальской землѣ, были истощаемы княжескими усобицами.

Единственной областью, гдѣ русское населеніе продолжало прибывать и распространяться во второй половинѣ XIII и XIV-омъ столѣтіяхъ, было Новгородское Заволочье—суровый, но привольный край, до котораго не достигали ни татары, ни другіе враги Руси.

Ю. Готье и М. Довнаръ-Запольскій.

Нарѣчія русскаго языка и русскія народности *).

I.

Однимъ изъ важныхъ признаковъ всякой народности является ея языкъ. Народность (національность) не надо смѣшивать съ расой. Раса—это виды, на которые антропологія дѣлитъ человѣчество по физіологическимъ признакамъ; народность—продуктъ исторіи и является, такъ сказать, культурнымъ обликомъ того или другого племени. Племена одной и той же расы могутъ говорить на совершенно разныхъ языкахъ, и, наоборотъ, на одномъ и томъ же языкѣ или на языкахъ, близкихъ другъ къ другу, могутъ говорить племена, принадлежащія къ различнымъ расамъ. Языкъ въ его историческомъ развитіи тѣсно связанъ съ исторіей говорящаго на немъ народа. Языкъ и народность.

Жизнь самаго языка, его собственная исторія состоитъ въ постоянномъ его измѣненіи; а именно, изчезаютъ старые, по-

*) Литература вопроса: *Даль.* О нарѣчіяхъ русскаго языка (въ Толковомъ словарѣ живого великорусскаго языка). *Потебня.* О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій (въ „Двухъ изслѣдованіяхъ о звукахъ русск. языка“). *Костомаровъ.* Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси („Ист. Мон.“ у. I). Krek. Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte. 2-te Aufl. *Милюковъ.* „Очерки по исторіи русской культуры“, *Его же.* Статья „Колонизація Россіи“ въ Энц. Сл. Брокгауза и Эфрона, 30 полут. *Соболевскій.* „Лекціи по исторіи рус. языка“. 3-е изд. 1903 г. *Его же.* Опытъ русской діалектологіи („Жив. Старина“ 1892 г.; о нарѣчіяхъ великор. и бѣлор., также отдѣльно. Спб. 1897). *Шахматовъ.* Къ вопросу объ образованіи рус. нарѣчій и рус. народностей („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1899. IV). *Его же.* Ст. о русскомъ языкѣ въ Энц. Сл. Брокгауза и Эфрона, 55 полут. (Россія).

являются новые и измѣняются звуки, формы словъ, синтактическіе обороты, значеніе словъ и т. п. Языкъ живетъ, постоянно и постепенно измѣняясь въ устахъ говорящихъ. Языкъ, на которомъ перестали говорить, называется мертвымъ, напримѣръ, древніе языки: латинскій, греческій, языкъ старославянскій и др.

Всякій живой языкъ непремѣнно дробится на нарѣчія, болѣе или менѣе разнящіяся другъ отъ друга; чѣмъ больше удалены другъ отъ друга части народа—или въ территоріальномъ, или культурномъ, или другомъ какомъ-либо отношеніи,—тѣмъ больше разницы между ихъ нарѣчіями. Представимъ себѣ одинъ народъ, говорящій на одномъ языкѣ; съ теченіемъ времени этотъ народъ увеличивается, занимаетъ все большую и большую территорію; если разъединившіяся части этого народа перестаютъ жить совмѣстной жизнью, то языки ихъ, продолжая жить (т.-е. измѣняться), съ теченіемъ времени представятъ значительную разницу между собой. То же можетъ случиться, когда разъединятся въ культурномъ отношеніи классы общества, жившіе когда-то общей культурной жизнью: языкъ простого народа отличается отъ языка интеллигенціи. Такъ съ паденіемъ общественнаго союза распадается и языкъ. Нарѣчія, на которыя распался языкъ, могутъ стать самостоятельными языками, раздробиться въ свою очередь на нарѣчія и т. д. Для обозначенія подраздѣленій языка употребляются термины: нарѣчіе, поднарѣчіе, говоръ; вмѣсто всѣхъ этихъ терминовъ употребляется также „діалектъ“.

Наоборотъ, съ объединеніемъ народовъ или классовъ обществъ, и языки ихъ начинаютъ жить общей жизнью; образуется смѣшанный языкъ, если только столкнувшіеся языки не были слишкомъ далеки другъ отъ друга; въ этомъ послѣднемъ случаѣ языки не смѣшиваются, а одинъ вовсе вытѣсняется другимъ, одинъ становится на мѣсто другого. Такъ можетъ случиться, напримѣръ, при покореніи одного народа другимъ, чуждымъ, при чемъ народъ-побѣдитель можетъ принять языкъ и культуру народа побѣжденнаго. Подобный примѣръ представляетъ южно-славянское племя, покоренное финскими болгарами: побѣдители, слившись съ покоренными, приняли ихъ языкъ и культуру, сами передавъ имъ свое имя.

Изъ сказаннаго о распаденіи языка видно, что языки могутъ произойти изъ одного общаго языка. Въ такомъ случаѣ они называются языками родственными. Наука о человѣческомъ языкѣ (она называется сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, или языко-знаніемъ, или лингвистикой) сравниваетъ языки, устанавливаетъ ихъ родство между собою и соединяетъ въ семьи. Путемъ сравненія учеными открыто родство между многими языками на земномъ шарѣ и установлено нѣсколько семействъ языковъ. Русскій языкъ принадлежитъ къ большой семьѣ, такъ называемыхъ *индоевропейскихъ* языковъ (ихъ иначе называютъ иногда индогерманскими). Кромѣ индоевропейской, извѣстны еще и другія семьи, наиболѣе опредѣлены въ своемъ составѣ семьи: семитская; и урало-алтайская.

Индоевропейская семья языковъ.

Индоевропейская семья языковъ обнимаетъ собою большинство языковъ Европы и нѣкоторые—Азіи. По степени родства между собой все громадное количество индоевропейскихъ языковъ соединяется въ болѣе тѣсныя группы, называемыя вѣтвями. Такихъ вѣтвей въ индоевропейской семьѣ насчитывается десять: индійская, иранская, армянская, албанская, греческая, италійская, кельтская, германская, балтійская и славянская. Къ *индійской* вѣтви принадлежатъ древнія языки жителей Индостана, напр. ведійскій, на которомъ написаны Веды—священныя книги индусовъ, санскритскій,—и языки современной Индіи: гиндустанскій, бенгальскій и другіе, а также языкъ цыганскій. Къ *иранской* вѣтви принадлежатъ древніе языки: древне-персидскій, на которомъ сохранились клинообразныя надписи персидскихъ царей; языкъ Авесты—священной книги религіи Зороастра, называемый также зендскимъ, и др.,—и новые: персидскій, курдскій, афганскій, осетинскій (на Кавказѣ) и др. *Албанскую* вѣтвь представляетъ языкъ горнаго племени албанцевъ на Балканскомъ полуостровѣ. Къ *греческой* вѣтви относятся древнегреческій (въ его діалектахъ: іоническомъ, аттическомъ, эолическомъ и дорическомъ), средне-греческій и новогреческій. Въ *италійскую* вѣтвь входятъ древніе языки Италіи: латинскій, умбрійскій, языкъ осковъ и существующіе теперь такъ называемые языки романскіе, происшедшіе изъ народнаго латинскаго языка въ различныхъ мѣстахъ Римской имперіи: итальянскій, французскій, провансаль-

скій, испанскій, португальскій, румынскій. Къ *кельтской* вѣтви относится языкъ древнихъ галловъ и кельтскіе языки, сохранившіеся и теперь въ Бретани, въ Валлисѣ, Ирландіи, Шотландіи. Изъ многочисленныхъ языковъ *германской* вѣтви назовемъ древній готскій, на которомъ сохранился переводъ св. писанія еп. Ульфилы IV в.; изъ современныхъ—верхненѣмецкій (это современный литературный нѣмецкій языкъ), нижненѣмецкій, англійскій, голландскій, исландскій, норвежскій, шведскій, датскій. *Балтійскую* вѣтвь составляютъ вымершій языкъ прусскій и существующіе теперь литовскій и латышскій. Наконецъ, въ составъ *славянской* вѣтви входятъ языки: южнославянскіе, восточнославянскіе и западнославянскіе; къ первымъ принадлежатъ въ настоящее время языки: болгарскій, сербо-хорватскій и словенскій; сюда же относится и тотъ древній славянскій языкъ, на который было переведено св. писаніе Кирилломъ и Меѳодіемъ въ IX вѣкѣ; такъ какъ точно неизвѣстно, какому славянскому народу принадлежалъ этотъ языкъ, его и называютъ просто старославянскимъ или, по его церковному употребленію, древнимъ церковнославянскимъ. Къ западно-славянской группѣ принадлежатъ языки: чешскій, словацкій, польскій, кашубскій, верхнелужицкій, нижнелужицкій и исчезнувшій теперь языкъ полабскій (языкъ славянъ, жившихъ по р. Лабѣ, т.-е Эльбѣ). Восточная или русская группа дѣлится на нарѣчія или языки: великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій. Русскій языкъ мы знаемъ по письменнымъ памятникамъ, начиная съ XI вѣка; древнѣйшими изъ этихъ памятниковъ являются старо-славянскіе тексты, занесенные на Русь изъ южнославянскихъ земель и переписанные русскими писцами, вслѣдствіе чего въ этихъ старославянскихъ текстахъ оказалась примѣсь русскаго элемента. Первый русскій памятникъ такого рода—Остромирово евангеліе, переписанное для новгородскаго посадника Остромира діакономъ Григоріемъ въ 1056—1057 гг.

Славянскіе языки.

Праязыки.

На такое обширное пространство раскинулись индоевропейскіе языки. Но, если такое громадное количество языковъ отнесено наукой къ одной семьѣ, это значитъ, что всѣ они произошли отъ одного общаго языка-родоначальника; наука открываетъ этотъ языкъ-родоначальникъ путемъ сравненія отдѣльныхъ индо-

европейскихъ языковъ и называетъ общимъ индоевропейскимъ *праязыкомъ.* Слѣдовательно, когда-то, въ доисторическія времена, существовалъ одинъ народъ, говорившій на этомъ праязыкѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ жилъ этотъ народъ, не рѣшенъ окончательно: прежде индоевропейцевъ выводили изъ передней Азіи, въ послѣднее время болѣе склонны помѣщать ихъ колыбель въ Европѣ. Съ теченіе времени отъ общаго ядра мало-по-малу отдѣлялись одна за другой народныя волны, дробились, въ свою очередь, на болѣе мелкіе и разселялись все на большемъ и большемъ пространствѣ. Одни изъ этихъ переселеній совершились въ доисторическія времена, другія на памяти исторіи.

Если отдѣльные индоевропейскіе языки соединены наукой въ такъ называемыя вѣтви, это значитъ, что они по своему происхожденію ближе другъ къ другу, чѣмъ къ языкамъ другой вѣтви, т.-е. они могутъ быть возведены къ одному общему языку, родоначальнику этой вѣтви. Такъ, изучая романскіе языки, наука приходитъ къ ихъ родоначальнику, латинскому языку, а изучая латинскій вмѣстѣ съ другими италійскими, т.-е. языками умбровъ, осковъ, наука открываетъ родоначальника италійской вѣтви, праиталійскій (или общеиталійскій) языкъ; сравнительное изученіе германскихъ языковъ приведетъ къ прагерманскому (или общегерманскому) языку. Такимъ же образомъ открываются языки: общеиндійскій, общеиранскій, общебалтійскій, общеславянскій и т. д., а всѣ эти праязыки вмѣстѣ восходятъ къ общему ихъ родоначальнику, индоевропейскому праязыку. Стало-быть, индоевропейскій праязыкъ распался въ свое время на десять отдѣльныхъ праязыковъ, родоначальниковъ означенныхъ выше десяти вѣтвей, при чемъ, можетъ-быть, общій индоевропейскій праязыкъ *не сразу* разбился на десять праязыковъ, а по выдѣленіи одного или нѣсколькихъ остальные продолжали еще жить общей совмѣстной жизнью. Итакъ, между языками одной вѣтви существуетъ болѣе близкое взаимное родство, чѣмъ родство ихъ съ языками другой. Съ другой стороны, и между извѣстными вѣтвями можетъ существовать болѣе близкое родство, чѣмъ съ остальными вѣтвями; такъ, напримѣръ, между индійской и иранской, между балтійской и славянской родство ближе, чѣмъ съ осталь-

ными. Это значить, что и праязыки общеиндійскій и общеиранскій или праязыки общебалтійскій и общеславянскій другъ съ другомъ были въ болѣе тѣсной родственной связи, чѣмъ съ остальными праязыками: слѣдовательно, изъ общаго индоевропейскаго праязыка выдѣлился сначала общій индоиранскій праязыкъ, а этотъ впослѣдствіи распался на общеиндійскій общеиранскій, отъ которыхъ и произошли языки индійской и языки иранской вѣтвей: подобнымъ же образомъ и для общебалтійскаго и общеславянскаго нужно предполагать болѣе раннюю эпоху общей жизни—языкъ балтійскославянскій, промежуточный между индоевропейскимъ праязыкомъ и праязыками общебалтійскимъ и общеславянскимъ,—родоначальниками языковъ балтійскихъ и языковъ славянскихъ.

Выводъ. Изъ всего изложеннаго необходимо сдѣлать такой выводъ: индоевропейскій праязыкъ подраздѣлялся на нѣсколько нарѣчій; эти нарѣчія обособились и стали самостоятельными языками, которые со временемъ, въ свою очередь, раздѣлились на рядъ нарѣчій, изъ которыхъ многія обособлялись, становились самостоятельными языками и вновь дробились на нарѣчія и т. д. Такъ изъ одного языка втеченіи вѣковъ выработалось множество существующихъ теперь языковъ съ ихъ нарѣчіями. На ряду съ этимъ процессомъ происходилъ и другой: многія нарѣчія соединялись, смѣшивались, образовывали общій языкъ, одни нарѣчія и языки вытѣсняли другіе, въ результатѣ чего многіе языки вымерли, оставивъ по себѣ письменные памятники, другіе же исчезли безслѣдно.

II.

Русскій языкъ. Языкъ русскій, какъ мы видѣли, принадлежитъ къ славянской вѣтви индоевропейской семьи языковъ. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что когда-то предки русскихъ вмѣстѣ съ предками болгаръ, сербовъ, поляковъ, чеховъ и другихъ славянъ составляли одинъ народъ,—другими словами, въ свое время не было русскихъ, болгаръ, чеховъ и т. д., а былъ одинъ славянскій народъ.

Какъ всякій живой языкъ, такъ и языкъ этой общеславянской эпохи, будучи однимъ языкомъ, подраздѣлялся на нарѣчія. Изъ этихъ-то нарѣчій общеславянскаго языка, съ раздробле-

ніемъ славянскаго племени на отдѣльныя части и съ разселеніемъ въ разныя стороны этихъ послѣднихъ, и выработались постепенно современные славянскіе языки. Въ этомъ, историческомъ смыслѣ славянскіе языки можно называть, и называютъ иногда, славянскими нарѣчіями. Въ общеславянскую эпоху различій между этими нарѣчіями было меньше, и ярче выступало сходство, и только въ отдѣльной жизни каждаго изъ нихъ различій накопилось столько, что теперь русскій, напримѣръ, безъ знанія чешскаго языка, не пойметъ чеха, сербъ — поляка и т. д.

Въ IX вѣкѣ славянскія племена, отдѣлившіяся въ разное время отъ общеславянскаго ядра, значительно разнились уже и по образу жизни, культурѣ, политическому устройству и по языку; къ этому времени они занимаютъ обширное пространство отъ морей Чернаго, Адріатическаго и Архипелага до Балтійскаго и озера Ильменя, отъ Эльбы до верховьевъ Дона и средняго Днѣпра, за исключеніемъ мѣстности между Карпатами и Дунаемъ, занятой венграми и волохами. Восточную часть этой обширной славянской территоріи, отъ Карпатъ, занимали племена русскія.

Разселеніе русскихъ племенъ.

Съ разселеніемъ *русскихъ* племенъ по восточно европейской равнинѣ мы знакомимся изъ нашей первоначальной лѣтописи (такъ называемой „Несторовой"). Первыя лѣтописныя извѣстія выводятъ русскія племена изъ прикарпатскихъ странъ, откуда они разошлись, тѣснимыя пришельцами-иноплеменниками, и разселились слѣдующимъ образомъ: одни племена заняли юго-западъ Европейской Россіи, другія—среднюю ея часть, третьи заселили сѣверъ. У подножья Карпатъ сидѣли *хорваты бѣлые* (позднѣйшіе галичане), на юго-востокъ отъ нихъ *уличи* и *тиверцы* „присѣдяху" до Чернаго моря, первые по Днѣстру, вторые по Южному Бугу; на сѣверъ и западъ отъ этихъ племенъ жили три племени, считаемыя лѣтописцемъ за одно: *волыняне*, *дулѣбы*, *бужане* (послѣдніе по Западному Бугу) по среднему теченію Днѣпра сѣли *поляне*, по Припети—*древляне*. Это группа племенъ *южнорусскихъ*. Къ группѣ *среднерусской* относятся *дреговичи*, сидѣвшіе между Припетью и Березиной *сѣверяне*—по Деснѣ, *радимичи*—по Сожу и *вятичи*—по Окѣ; послѣднее племя дальше всѣхъ изъ русскихъ племенъ продви-

нулось на востокъ. Наконецъ, самое многочисленное, повидимому, русское племя—*кривичи*, сидѣвшіе на верховьяхъ Волги, Днѣпра и Западной Двины и раздѣлявшіеся на кривичей полоцкихъ (полочане), смоленскихъ и псковскихъ, и русское племя, сидѣвшее на озерѣ Ильменѣ, не получившее особаго названія, а извѣстное въ лѣтописи подъ именемъ „*словѣнъ*" (ильменскихъ или новгородскихъ), составляли группу *сѣверно-русскую*.

Сосѣдями русскихъ племенъ съ запада были волохи и венгры, далѣе славянскія же племена словаковъ и поляковъ; съ сѣверо-запада—неславянскія, но ближайшія къ славянамъ изъ всѣхъ индоевропейскихъ, племена литовскія. Съ остальныхъ сторонъ русскія племена были окружены чуждыми народами урало-алтайскими: съ сѣвера и востока примыкали финскія племена (чудь, весь, меря, мурома и проч.), которыя прежде сидѣли южнѣе и мало-по-малу были отодвигаемы русскими; на юго-востокъ разстилалась степь—колыбель враговъ неокрѣпшаго русскаго государства,—степь, по которой волна за волной, проходили и осаживались орды преимущественно тюркскихъ кочевниковъ (позднѣйшіе изъ нихъ печенѣги половцы, татары).

Дѣленіе древне-русскаго языка на говоры.

Итакъ, первыя историческія извѣстія застаютъ русскія племена уже разселившимися на значительномъ пространствѣ: исторія не застала эпохи общерусской. Между перечисленными группами племенъ и отдѣльными племенами уже выработались различія въ складѣ жизни; лѣтописецъ отмѣчаетъ различія въ нравахъ полянъ, древлянъ и сѣверянъ, рисуя полянъ, напримѣръ, болѣе культурнымъ племенемъ сравнительно съ другими. Различія были уже и въ языкѣ отдѣльныхъ племенъ—другими словами, *русскій языкъ уже въ древнѣйшую эпоху дѣлился на говоры*.

Появленіе особенностей рус. яз. въ церк.-слав. книгахъ.

Выше было сказано, что уже въ старославянскіе памятники, подъ перомъ ихъ русскихъ переписчиковъ, проникали черты русскаго языка. Пояснимъ это примѣромъ. Русскій переписчикъ видитъ въ старославянскомъ оригиналѣ, положимъ, слово *ржка* ж въ старославянскомъ языкѣ произносилось, какъ *о* носовое (французское on), а въ русскомъ языкѣ вмѣсто этого звука простое у: *рука*; какъ ни былъ писецъ тщателенъ, онъ, подъ вліяніемъ своего произношенія, могъ сдѣлать ошибку

противъ старославянской орѳографіи и написать: *роука* (т.-е.) рука). Съ распространеніемъ письменности, въ особенности съ появленіемъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій, этотъ русскій элементъ въ памятникахъ все усиливается. Литературнымъ языкомъ служитъ церковнославянскій. Но, какъ древнерусскій авторъ, говорившій самъ по-русски, ни старался писать по-церковнославянски, наряжая, по выраженію одного изслѣдователя, русскую рѣчь въ парадную форму дательнаго самостоятельнаго, все-таки черты родной рѣчи то и дѣло срывались съ пера и становились въ строку среди традиціонной литературной церковнославянской фразы. Чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ этихъ русскихъ чертъ меньше, чѣмъ новѣе, тѣмъ все больше и больше; и, наконецъ, въ памятникахъ становится возможнымъ наблюдать не только русскія черты вообще, но даже черты отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Памятники, написанные, напримѣръ, въ Великомъ Новгородѣ, отличаются по языку отъ написанныхъ на Волынѣ и въ Галичѣ: можно видѣть уже на письмѣ ясное доказательство того, что въ Новгородѣ говорили не такъ, какъ въ Галичѣ.

Такимъ образомъ, въ письменности можно найти указанія на діалектическія различія, въ русскомъ языкѣ. Если сравнить эти различія, съ которыми мы знакомимся по письменнымъ свидѣтельствамъ, съ различіями современныхъ русскихъ нарѣчій, то мы найдемъ, что это въ общемъ тѣ же; тѣ черты древняго новгородскаго, напримѣръ, говора, которыя мы узнаемъ изъ памятниковъ, писанныхъ въ древнемъ Новгородѣ, и теперь составляютъ существенныя отличительныя черты сѣверо-великорусскаго нарѣчія; главнѣйшія отличительныя черты современнаго малорусскаго нарѣчія мы найдемъ въ древнихъ памятникахъ галицко-волынскихъ XII вѣка.—За послѣднее время все болѣе и болѣе изучаются современные живые говоры. Что въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества говорятъ неодинаково, всякій знаетъ по личному опыту; всякому, вѣроятно, случалось встрѣчать пріѣзжаго издалека, имѣть иногородняго товарища въ школѣ и т. п., тѣмъ или инымъ путемъ подмѣчать отличія чужого говора. Эти отличія съ точки зрѣнія литературнаго языка обыкновенно называются неправильностями, „рѣжутъ ухо“ и очень часто кажутся смѣш-

ными. Простой народъ почти всегда насмѣхается надъ сосѣдомъ, имѣющимъ какія-нибудь особенности рѣчи, дразнитъ его, даетъ ему насмѣшливыя прозвища (въ родѣ: „ягунъ", отъ формы родительнаго падежа *яго*-его, съ *г*, вмѣсто *яво*, съ *в*) и т. п.; вспомните, напримѣръ, какъ Обалдуй въ „Пѣвцахъ" Тургенева дразнитъ „полѣху" словами: „Га, бадѣ паняй", которыя ему, очевидно, „рѣзали ухо". Эти мѣстныя отличія въ произношеніи словъ и въ другихъ явленіяхъ языка имѣютъ свою исторію и указываютъ на принадлежность мѣстнаго населенія къ той или другой племенной группѣ. Изученіе особенностей живыхъ говоровъ (діалектовъ) называется *діалектологіей;* діалектологи собираютъ эти особенности и по нимъ группируютъ діалекты языка. Діалектологія служитъ большимъ подспорьемъ при изученіи, съ одной стороны, исторіи языка: отъ позднѣйшихъ явленій въ языкѣ историкъ можетъ заключать о древнѣйшихъ; съ другой стороны, діалектологія помогаетъ и при изученіи исторіи народа; вопросы, напримѣръ, о томъ, откуда взялось населеніе той или другой мѣстности могутъ быть рѣшаемы исключительно съ помощью изученія языка этого населенія, если на нихъ нѣтъ отвѣтовъ въ историческихъ памятникахъ.

Діалектологія

Особенности современныхъ русск. нарѣчій.

Прежде, чѣмъ говорить о связи современныхъ нарѣчій русскаго языка съ древними говорами, слѣдуетъ познакомиться съ главнѣйшими отличительными чертами современныхъ нарѣчій и ихъ территоріями. Такихъ нарѣчій (ихъ иначе называютъ языками) издавна считаютъ три: *малорусское*, *бѣлорусское* и *великорусское*. Но говоры, составляющіе великорусское нарѣчіе такъ разнообразны, что все это нарѣчіе въ цѣломъ не представляетъ такого единства, какъ малорусское или бѣлорусское. Великорусскіе говоры рѣзко раздѣляются на двѣ большія группы сѣверную и южную, которыя настолько же, пожалуй, отличаются одна отъ другой, насколько отличаются другъ отъ друга нарѣчія бѣлорусское и малорусское, и сходства между которыми не болѣе, скорѣй менѣе, чѣмъ между одной изъ нихъ, именно южной, и нарѣчіемъ бѣлорусскимъ. Поэтому правильнѣе вмѣсто одного великорусскаго говорить о двухъ нарѣчіяхъ: *сѣверно-великорусскомъ* и *южно-великорусскомъ*, при чемъ называть ихъ можно или нарѣчіями, или поднарѣчіями (дѣло, конечно, не въ названіи). Съ другой стороны, между всѣми этими четырьмя рус-

скими нарѣчіями существуютъ общія черты, это—черты, свойственныя, слѣдовательно, всему русскому языку и отличающія его отъ другихъ славянскихъ таковы: полногласіе, смягченіе *т* въ *ч* и другія). Сверхъ того, между отдѣльными русскими нарѣчіями, по взаимному ихъ сходству, наблюдается большая или меньшая близость. Такъ, сѣверно-великорусское нарѣчіе близко къ южно-великорусскому, а также, по нѣкоторымъ признакамъ, къ молорусскому, южно-великорусское—къ бѣлорусскому. Эта взаимная близость выступитъ нагляднѣе, если русскія нарѣчія, по взаимному ихъ сходству, мы соединимъ въ слѣдующія четыре пары: сѣверно-великорусское и южно-великорусское южно-великорусское и бѣлорусское; бѣлорусское и малорусское; малорусское и сѣверно-великорусское.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе занимаетъ губерніи: Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Петербургскую, Новгородскую, Ярославскую, Владимирскую, Костромскую, Вятскую, Пермскую и части губерній: Псковской, Тверской, Московской. На сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи говоритъ также и старое русское населеніе Сибири; что же касается новыхъ переселенцевъ, число которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ, то они идутъ изъ самыхъ различныхъ мѣстностей Европейской Россіи и приносятъ съ собой и великорусскіе говоры, и малорусскіе и бѣлорусскіе.

Южно-великорусское нарѣчіе занимаетъ часть Тверской, часть Московской, часть Смоленской губерній, всю Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Орловскую, почти всю Курскую губернію и части Черниговской и Воронежской. Поволжье заселено сравнительно поздно и заселено какъ южными такъ и сѣверными великоруссами; поэтому въ губерніяхъ: Нижегородской Симбирской, Казанской и другихъ Поволжскихъ, и также въ Пензенской, господствуетъ пестрая смѣсь южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ говоровъ.

Отличительной чертой сѣверно-великорусскаго нарѣчія является произношеніе всякаго *о* за *о*, т.-е. *о* произносится вездѣ тамъ, гдѣ пишется, тогда какъ въ южно-великорусскомъ—*о* безъ ударенія произносится за *а*, или почти какъ *а* (неясный звукъ). Напримѣръ, слова: *вода*, *городской* сѣверный великоруссъ произнесетъ такъ, какъ они написаны, а южный скажетъ *вадá*, *гарадскóй* или *гырадской* (въ первомъ слогѣ неясный звукъ).

Это различіе самое важное и замѣтное для всѣхъ: кто не знаетъ что „володимерцы", ярославцы, костромичи „говорятъ на о", „о̀каютъ", а въ Рязани или Калугѣ—„а̀каютъ"? Наукой усвоены слова о̀канье, а́канье въ качествѣ терминовъ, и южно-великорусское нарѣчіе въ діалектологіи называется *а́кающимъ*, сѣверно-великорусское—*о́кающимъ*. Въ связи съ аканьемъ стоитъ и другое явленіе. Неударяемое *е* въ южно-великорусскомъ нарѣчіи часто обращается въ *и* (или приближается къ нему), или въ *я*, *биреза*, *видро́*, *нисў* (береза, ведро, несу), или: *бяре́за*, *вядро́*, *нясў;* это послѣднее произношеніе называютъ *яканьемъ*. Въ сѣверно-великорусскомъ—неударяемое *е* склонно переходить въ *ё*: *вёсно́*, *сёло́*, *чово́* (чего) *сидитѐ* и т. д. Есть еще крупное различіе между этими двумя нарѣчіями—въ произношеніи *г*: въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи *г* произносится такъ, какъ въ литературномъ русскомъ языкѣ (какъ латинское *g*), въ южно-великорусскомъ—*г* произносится болѣе похоже на *х* (какъ латинское *h*) какъ въ литературномъ выговорѣ *г* въ словахъ: *Господь*, *Господи*.

Эти различія южно-великорусскаго и сѣверно-великорусскаго нарѣчій—въ произношеніи *о*, *е* неударяемыхъ, *г*,—различія наиболѣе крупныя, т.-е. наиболѣе широко распространенныя по всей территоріи того или другого нарѣчія. Есть цѣлый рядъ чертъ, принадлежащихъ извѣстнымъ лишь говорамъ, а не всему нарѣчію,—словомъ чертъ болѣе мелкихъ. Къ такимъ чертамъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія относятся, напримѣръ, слѣдующія: произношеніе *ч* вмѣсто *ц: черковь, чарь* (церковь, царь), или наоборотъ: *цортъ*, *цоловѣкъ* (чортъ, человѣкъ), — это такъ называемое *цоканье;* также стянутыя окончанія въ глаголахъ, какъ напримѣръ. *дѣлатъ, игра́тъ* (вмѣсто: дѣлаетъ играетъ); сравнительная степень на—*ле: скоря̆е, умня̆е* — и цѣлый рядъ другихъ особенностей.—Южно-великорусское нарѣчіе изъ особенностей такого рода имѣетъ, напримѣръ, слѣдующія: окончанія въ 3 лицѣ глаголовъ — *ть*; *хо́дить*, *идўть;* замѣна *у* черезъ *в: в отица* (у отца), *вкралъ* (укралъ) или наоборотъ, *в* черезъ *у*: *у го́ратъ* (въ городъ), *умӗсти* (вмѣстѣ); *к* часто звучитъ мягко послѣ мягкаго звука: *Ва́нькя*, *то́лькя*, *ба́рынькя*, *чайкю̆* и др.

Бѣлорусское нарѣчіе обнимаетъ южную часть Псковской губерніи, не занятую сѣверно-великорусскими говорами, небольшую часть Тверской, не занятую великорусскими говорами, западные уѣзды Смоленской, всю Могилевскую, сѣверный уголъ Черниговской, Минскую до Припети и губерніи: Гродненскую, Виленскую и Витебскую безъ западныхъ частей ихъ, гдѣ живутъ литовцы.

Бѣлорусское нарѣчіе отличается сильнымъ аканьемъ, чѣмъ оно сходно съ южно-великорусскими говорами, но вообще бѣлорусское аканье гораздо сильнѣе и рѣзче, чѣмъ южно-великорусское. Съ южно-великорусскимъ бѣлорусское нарѣчіе сходится также и въ произношеніи *г*. Характерной бѣлорусской чертой является *дзеканье*, т.-е. употребленіе мягкаго *дз* вмѣсто мягкаго *д*: *дзет*, *дзве* (дѣдъ, двѣ); вмѣсто мягкаго *т* является мягкое *ц*: *цётка*, *биць* (тетка, бить). Укажемъ еще нѣсколько бѣлорусскихъ особенностей: *в* часто переходитъ въ *ў*: *дзéўка* (дѣвка); въ *у* переходитъ и *л*, если за нимъ нѣтъ гласной: *воўкъ*, *быў* (волкъ, былъ), но *была; р* не смягчается, говорятъ: *цара́*, *цяпе́ръ*, *пра́мо* (царя, теперь, прямо); прилагательныя вмѣсто — *ой* часто имѣютъ окончанія: *ый*, *ій*, *эй: сляпый*, *сляпэй* (слѣпой) *другій*, *другíй* (другой); также и повелит. наклоненіе: *мый*, *пій* вмѣсто: мой, пей.

Малорусское нарѣчіе занимаетъ южные края Гродненской и Минской губерній, губерніи: Волынскую, Подольскую, Кіевскую Черниговскую (за исключеніемъ сѣвернаго угла, занятаго бѣлоруссами, и части, занятой южно-великоруссами), Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую (безъ Крыма); малоруссы, кромѣ того, занимаютъ и прилегающіе къ указаннымъ губерніямъ края Курской, Воронежской и Бессарабской губерній; въ Землѣ Войска Донскаго низовые казаки также малоруссы. Малорусское нарѣчіе выходитъ и за предѣлы Россійской имперіи; а именно, непосредственно за границей Подольской и Волынской губерній лежитъ область съ русскимъ, именно малорусскимъ населеніемъ (русины), нѣкогда входившая въ составъ Польскаго государства и отошедшая по раздѣлу Польши къ Австріи; такимъ образомъ, въ Австріи мы находимъ малорусское нарѣчіе въ Галиціи, Буковинѣ; на малорусскомъ нарѣчіи говорятъ русскіе горцы, живущіе какъ

на Галицкой сторонѣ Карпатъ, такъ и на Угорской, т.-е. венгерской (это такъ называемыя племена: бойки, лемки, гуцулы); небольшая часть малоруссовъ живетъ и въ Румыніи.

Выше было сказано, что нѣкоторыя черты сближаютъ малорусское нарѣчіе съ бѣлорусскимъ съ одной и съ сѣверно-великорусскимъ съ другой стороны. Дѣйствительно, малоруссы окаютъ и въ то же время произносятъ *г* какъ бѣлоруссы, а также обращаютъ *л* въ *в* или *у*: *былъ*, *быу*, *дав*, *дáу*, *вовкъ*, *вóукъ* (былъ, далъ, волкъ). Характерной чертой малорусскаго нарѣчія является переходъ *о* и *е*, въ извѣстномъ положеніи въ словѣ, въ—*и*: *пічь*, *кінь* (печь, конь, но родительный падежъ: печи, коня), *підъ* (подъ); затѣмъ—обращеніе *ѣ*—въ *і*: *лісъ*, *дідъ* лѣсъ дѣдъ. Малоруссы утратили разницу между *ы* и *и*, а имѣютъ звукъ средній; онъ изображается посредствомъ *и*, а *і* обозначаетъ *и* мягкое; слово *лити* (лить) мы передадимъ скорѣе такъ: *лыты*; подобнымъ же образомъ: *мыты*, *лыхо* (мыть, лихо). Укажемъ еще нѣсколько малорусскихъ чертъ: *е* не бываетъ мягкимъ: *тэбэ* (тебя); звонкія согласныя въ концѣ слова и передъ глухими остаются звонкими: *лоб*, *біг* (богъ), *дід*, *ніж* (ножъ), *ніжка* (ножка), а не переходятъ въ глухія, какъ мы произносимъ въ литературномъ языкѣ: *лоп*, *бох*, *дѣт*, *нош*, *ношка*: звукъ *ф*—замѣненъ звуками *хв*, *х* или рѣже—*п*: *Хведір*, *Хома*, *Опанасъ* (Ѳедоръ, Ѳома, Афанасій); весьма распространены формы дательнаго падежа на—*ові* и—*еві*: *богові*, и множественное число на—*ове панове*.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ отличительные признаки русскихъ нарѣчій. Здѣсь необходимо сдѣлать два замѣчанія.

Общія замѣчанія о распространеніи особенностей нарѣчій.

Во-первыхъ. Не надо думать, что особенности того или другого нарѣчія распространены по его территоріи въ одинаковой мѣрѣ. Напротивъ, въ однихъ говорахъ онѣ проявляются сильнѣе, въ другихъ слабѣе. Примѣръ подобнаго явленія можно видѣть въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ аканьѣ; въ однихъ южно-великорусскихъ говорахъ акаютъ слабѣе, въ другихъ сильнѣе; вообще можно сказать, что по направленію къ востоку по территоріи южно-великорусскаго нарѣчія аканье усиливается; бѣлорусскую территорію по отношенію къ аканью можно приблизительно раздѣлить на двѣ половины: въ юго-западной акаютъ сильно, въ сѣверо-восточной акаютъ слабѣе,

т.-е. неударяемое *о*, *е* произносятъ не только за *а*, *я*, но иногда и за *ы* и *и* или близко къ этимъ звукамъ. Или, напримѣръ, малорусское *и:* въ однихъ говорахъ оно совсѣмъ мягкое, въ другихъ среднее, въ третьихъ звучитъ совсѣмъ почти какъ *ы*. Далѣе, черты, свойственныя нѣсколькимъ говорамъ, могутъ совершенно отсутствовать въ другихъ. Есть, напримѣръ, очень много сѣверно-великорусскихъ говоровъ безъ цоканья (къ сѣверо-великорусскимъ они отнесены, стало быть, по другимъ признакамъ); есть малорусскіе говоры, гдѣ *р* произносятъ мягко, и есть такіе, гдѣ говорятъ *цара*, вмѣсто *царя;* въ сѣверныхъ частяхъ малорусской территоріи, вмѣсто *і*, замѣняющаго въ малорусскомъ нарѣчіи *о* въ извѣстномъ положеніи въ словѣ,— являются двугласныя, напримѣръ, говорятъ, *куонь*, вмѣсто *кінь* (конь). Въ предѣлахъ бѣлорусскаго нарѣчія есть говоры, гдѣ *т* мягкое не обращается въ *ц* въ концѣ глаголовъ, и слово *будетъ* скажутъ *будзетъ*, въ большинствѣ же говоръ правильно по-бѣлорусски: *будзець;* наконецъ, есть и такіе говоры, гдѣ подобныя формы не имѣютъ этого окончанія, и скажутъ *будзе*. Число примѣровъ подобнаго явленія можно было бы увеличить сотнями другихъ, до того разнообразны говоры. Въ приведенныхъ выше характеристикахъ четырехъ русскихъ нарѣчій подобныя мелкія черты говоровъ, ради ясности, были опущены.

Во-вторыхъ. Территоріи нарѣчій намѣчены выше приблизительно; точно опредѣлить границы нарѣчій и говоровъ почти невозможно. Это объясняется не только недостаточностью нашихъ свѣдѣній (для этого нужно было бы имѣть самыя точныя свѣдѣнія о говорѣ чуть ли не каждой деревни), но тѣмъ еще, что и зная отлично говоръ, не всегда можно рѣшительно отнести его къ тому или другому нарѣчію. Дѣло въ томъ, что на границахъ различныхъ нарѣчій мы находимъ говоры смѣшанные и переходные отъ одного нарѣчія къ другому. Это зависитъ отъ того, что сосѣди, давно живущіе во взаимной близости, всегда переймутъ что-либо въ языкѣ другъ друга. Такіе переходные говоры слагаются не только между нарѣчіями одного и того же языка, но и между отдѣльными родственными языками; вообще, чѣмъ дольше сосѣдятъ племена другъ съ другомъ, тѣмъ болѣе и болѣе незамѣтнымъ дѣлается постепенный переходъ отъ одного языка къ другому. Приведемъ при-

Территоріи нарѣчій.

мѣры. Въ Псковской губерніи проходитъ граница сѣверо-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій. Въ переходныхъ говорахъ здѣсь мы найдемъ интересную смѣсь чертъ того и другого нарѣчія, напримѣръ, одинъ и тотъ же говоръ, акаетъ но *г* произноситъ по-сѣверо-великорусски, или дзекаетъ и цокаетъ въ одно и то же время. Въ Московской губерніи и въ самой Москвѣ, гдѣ сталкиваются южно-великорусское нарѣчіе съ сѣвернымъ, гласныя произносятъ по южному (аканье, а согласныя по сѣверному (г и др.), и мы не можемъ рѣшительно сказать, къ какому нарѣчію принадлежитъ московскій говоръ: къ сѣверо-великорусскому или южновеликорусскому.—Въ Гроденской губерніи мы можемъ услыхать, напримѣръ: „*пуойдзе* (пойдетъ), гдѣ *уо* вмѣсто *о*—черта малорусская, а *дз* вмѣсто *д*—бѣлорусская: говоръ переходный. Укажемъ далѣе примѣры общихъ звуковыхъ чертъ русскихъ говоровъ съ говорами другихъ языковъ; онѣ могли явиться путемъ заимствованія или же одновременно возникнуть въ сосѣднихъ говорахъ разныхъ языковъ подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, двигающихъ жизнью языка. Въ той же Гроденской губерніи малоруссы, сосѣди польскаго племени мазуровъ, переняли ихъ звуковую черту и сами „мазуракаютъ“, т.-е. вмѣсто шипящихъ звуковъ употребляютъ свистящіе: *взе* (уже), *лезала* (лежала), *пусцу* (пущу), *тамосній* (тамошній). Въ малорусскихъ говорахъ Галиціи замѣтно сильное польское вліяніе. Бѣлорусское дзеканье—звуковое явленіе, общее у бѣлоруссовъ съ поляками, ближайшими и давнишними ихъ сосѣдями съ запада; интересно, что лѣтопись производитъ радимичей и вятичей, предковъ бѣлоруссовъ, „отъ ляховъ“ (изъ Польши) и разсказываетъ преданіе о томъ, что родоначальники этихъ племенъ, братья Радимъ и Вятко, жившіе „въ Лястѣхъ“ (въ Польшѣ), пришли оттуда и сѣли съ своими родами по Сожу и Окѣ; въ этомъ преданіи сохраняется память о томъ, что эти два русскихъ племени жили когда-то гораздо западнѣе, близко къ полякамъ. — Общія звуковыя черты, замѣчаемыя у малорусскаго нарѣчія съ польскимъ, а также съ сербскимъ языкомъ, явились еще тогда, когда предки малоруссовъ жили по сосѣдству съ предками поляковъ съ одной, и съ предками сербовъ—съ другой стороны. Подобнымъ же образомъ, малорусскіе говоры въ Венгріи постепенно сливаются

съ сосѣдними словацкими говорами, такъ что невозможно точно опредѣлить въ данной мѣстности границу двухъ славянскихъ языковъ: русскаго и словацкаго.

Подражаніе чужой манерѣ говорить идетъ иногда и за предѣлы родственныхъ языковъ. Такъ, въ Сибири, въ Туруханскомъ краѣ, русскіе туруханскіе уроженцы переняли выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ у остяковъ и вмѣсто *ч*, *ш*, *р* выговариваютъ *с*, *з*, *л*: *осень* (*очень*), *посоль*, *альсынъ;* подобнымъ же образомъ картавятъ все русскіе коренные жители Нижне-Колымска подъ вліяніемъ якутскаго языка.

Подобнымъ подражаніемъ чужой рѣчи объясняется и широкое вліяніе городовъ на говоры населенія, которое тянетъ къ этимъ городамъ. Рѣчь крестьянина, жившаго подолгу въ городахъ, отличается уже отъ рѣчи его односельчанъ. Многими изслѣдователями отмѣченъ тотъ фактъ, что часто мужское населеніе села, уходящее на заработки, говоритъ иначе, чѣмъ женское, остающееся дома. Такія различія складываются, конечно, постепенно, но мы часто можемъ встрѣтить въ языкѣ стариковъ такіе черты, которыхъ уже нѣтъ у молодежи.

III.

Выше было сказано, что исторія языка необходимо связана съ исторіей говорящаго на немъ народа. Теперь, познакомившись съ современнымъ состояніемъ русскаго языка въ его діалектахъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію того, въ какой связи исторія русскаго языка находилась съ исторіей русскаго народа, какъ сложились современныя русскія народности и ихъ нарѣчія. Связь исторіи языка съ исторіей народа.

Эпоха общей жизни русскаго народа недоступна исторіи. Первыя историческія извѣстія говорятъ намъ о рядѣ отдѣльныхъ племенъ, которыя различались нравами, обычаями и говорами, при чемъ одни говоры могли быть ближе другъ къ другу, другіе дальше. Конечно, различія въ говорахъ, въ общемъ, были невелики, не меньше было сходствъ, такъ какъ вѣдь всѣ они произошли отъ одного источника: всѣ были говорами одного русскаго языка, т.-е. у всѣхъ нихъ были такія общія черты, которыми русскій языкъ отличается отъ другихъ славянскихъ языковъ. Еслибъ отдѣльныя русскія племена

продолжали обособляться въ своей жизни, то въ результатѣ изъ близкихъ другъ къ другу говоровъ съ теченіемъ времени выработался бы рядъ самостоятельныхъ языковъ. Но русскія племена собирались въ теченіе исторіи въ союзы и жили общей политической жизнью. Эта общая жизнь сближала до извѣстной степени и говоры, образовывались говоры смѣшанные, которые съ распаденіемъ того или другого союза, опять могли распадаться. Различные пути, которыми шла исторія русскаго государства, отразились и на языкѣ.

Русскія племена разселялись, двигаясь вообще съ запада на востокъ и югъ; такъ, радимичи и вятичи „отъ ляховъ" пришли въ среднюю Россію, кривичи дошли до Оки въ область финновъ, сѣверяне до Дона, на крайнемъ югѣ, въ далекой Тмутаракани оказались русскія поселенія. Для подобныхъ колонизаціонныхъ движеній русскія племена соединялись въ союзы, избирая себѣ предводителей, между прочимъ, изъ варяговъ; это уже полагало начало объединенію племенъ. Но съ конца X в. печенѣги, а съ середины XI—половцы, появившись въ южныхъ степяхъ, останавливаютъ это движеніе русскаго населенія и своими натисками даютъ ему даже другое направленіе. Въ поискахъ безопасныхъ мѣстъ русскія племена мало-по-малу начинаютъ отливать на сѣверъ и западъ; напримѣръ, сѣверяне вверхъ по Дону переходятъ въ бассейнъ Оки, гдѣ встрѣчаются съ пришедшими туда ранѣе кривичами; волыняне идутъ къ сѣверу и тѣснятъ древлянъ, дулѣбовъ и бужанъ, которые, въ свою очередь тѣснятъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей—дреговичей, а эти—полоцкихъ кривичей; вятичи распространяютси къ сѣверу отъ Оки на Волгу, оттѣсняютъ кривичей и смѣшиваются съ ними; тиверцы вторгаются въ область хорватовъ, тѣснятъ ихъ за Карпаты.—Въ подобныхъ случаяхъ, когда одно племя вступало въ территорію другого, разселялось среди него, смѣшивалось съ нимъ—возникали смѣшанные говоры. Слѣды этихъ смѣшеній сохраняются досихъ поръ.

Съ появленіемъ сильныхъ враговъ—кочевниковъ, мѣшавшихъ дальнѣйшему распространенію русскихъ на югъ и востокъ, русскія племена стали крѣпче держаться занятыхъ уже земель; явилась необходимость ограждать ихъ и отъ враговъ, и отъ

захвата сосѣдей; явились иные интересы и потребности, чѣмъ тѣ, которые были у разрозненныхъ племенъ. На мѣсто племени является новая историческая единица — область, земля; вмѣсто „полянъ", „сѣверянъ" появились „кiяне", „черниговцы", „переяславцы" и т. п.; къ XII вѣку населенiе переходитъ изъ племеннаго быта въ областной. Область могла не совпадать съ племенемъ: одно и тоже племя, занимавшее обширное пространство, могло войти въ различныя области, и, наоборотъ, два различныхъ племени—соединиться въ одной области, подъ властью одного князя. Единство княжескаго рода было, между прочимъ, началомъ, объединявшимъ между собою отдѣльныя области. Княжеская власть усиливалась особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ столкнулись различныя племена, и гдѣ мѣстныя условiя ставили ей болѣе административныхъ задачъ; такъ въ особенности было на окраинахъ, гдѣ племенамъ, подъ властью князя, необходимо было тѣснѣе сплотиться для защиты своей области. Тамъ областной строй укрѣплялся настолько, что переходилъ въ строй государственный.

Еще до возникновенiя областного быта, историческiя событiя IX и X вѣковъ вызвали появленiе перваго политическаго центра въ Кiевѣ; онъ объѣдинялъ почти всѣ русскiя племена, кромѣ тиверцевъ и уличей, которые въ своемъ далекомъ Поднѣстровьѣ продолжали жить обособленной жизнью. Въ самомъ началѣ XI вѣка отъ этого центра обособилось множество изгоевъ Изяславичей — Полоцкое, а во второй половинѣ XI вѣка обособляется княжество изгоевъ Ростиславичей—Галицкое. Въ Кiевѣ областной строй не былъ силенъ, и съ распаденiемъ племеннаго союза Кiевъ быстро теряетъ свое значенiе. На его счетъ возвышается земля Суздальская. Нашествiе татаръ въ XIII вѣкѣ и опустошенiя ими юга довершило паденiе Кiева и еще болѣе усилило на Руси необходимость областнаго строя; татары довершили дѣло предшествовавшихъ кочевниковъ—остановку колонизацiоннаго движенiя русскаго населенiя: оно возобновится позже. Въ XIII вѣкѣ закрѣплено то, что подготовлено предшествующей исторiей для возникновенiя и усиленiя областной и княжеской власти. Окончательнымъ результатомъ постепеннаго объединенiя племенъ областями, областей—

государствами, для исторіи русскаго народа было образованіе народностей великорусской, бѣлорусской и малорусской на мѣсто прежнихъ отдѣльныхъ племенъ; а съ возникновеніемъ этихъ народностей появились и тѣ совокупности діалектовъ, которыя мы называемъ нарѣчіями: великорусскимъ (сѣвернымъ и южнымъ), бѣлорусскимъ и малорусскимъ.

Образованіе великор. народности и языка.

Великорусская народность зародилась въ бассейнѣ Оки и верхней Волги и составилась изъ племенъ различныхъ группъ: сѣвернорусской и среднерусской. Здѣсь еще въ XI вѣкѣ встрѣтились сѣвернорусскіе кривичи съ среднерусскими вятичами и сѣверянами и частью ассимилировались одни другимъ, частью сохранили каждое свои племенныя особенности, напр. въ языкѣ. Такъ, колыбелью великорусской народности была область Ростовско-Суздальская, изъ которой выросло Московское государство. Эта великорусская область успѣшно росла: къ ней тяготѣли и южныя, и западныя, и сѣверныя земли. Въ теченіе двухъ столѣтій Москва объединила всѣ области, занятыя сѣвернорусcами, и восточную половину земель среднерусскихъ. Притягательная сила Москвы заключалась именно въ разноплеменности ея состава; различныя области, примыкая къ Москвѣ, тянули къ родственному племени: южныя и западныя встрѣчали здѣсь родственныхъ вятичей и сѣверянъ, а сѣверныя—кривичей. Такъ образованіе Московскаго государства шло объ руку съ образованіемъ великорусской народности; и то и другое создано не однимъ какимъ-либо русскимъ племенемъ, а цѣлымъ рядомъ русскихъ племенъ, собиравшихся и сплотившихся въ одно цѣлое сначала вокругъ Владимира, а потомъ вокругъ Москвы.

Какъ же эти политическія событія отразились на языкѣ великорусской народности? Разноплеменное населеніе стало жить общей жизнью, и отдѣльные говоры стали переживать рядъ общихъ явленій. Какъ примѣръ одного изъ цѣлаго ряда такихъ явленій можно привести измѣненіе *и*, *ы* въ *е* и *о* подъ удареніемъ въ такихъ случаяхъ, какъ въ словахъ: *простой*, *мою*, *шея*, *самъ-третей* и т.-п. вмѣсто *простый*, *мыю*, *шія*, *третій*,—чего нѣтъ ни у бѣлоруссовъ, ни у малоруссовъ. Однако, слѣды различій въ говорахъ племенъ, составившихъ великорусскую народность, остались до сихъ поръ: чѣмъ далѣе отъ

тѣхъ мѣстъ (напр., Москвы), гдѣ сѣвернорусы тѣсно слились съ среднерусами, тѣмъ сильнѣе замѣтны эти слѣды: потомки сѣвернорусовъ окаютъ и имѣютъ цѣлый рядъ другихъ типичныхъ особенностей въ языкѣ. Потомки среднерусовъ акаютъ и имѣютъ и другія свои особенности. Слѣдовательно, языкъ отражаетъ и теперь историческое прошлое: различіе двухъ главныхъ составныхъ элементовъ великорусской народности обусловливаетъ до сихъ поръ разницу южновеликорусскаго и сѣверновеликорусскаго нарѣчій.—На границѣ окающихъ и акающихъ говоровъ проходитъ широкая полоса (въ губерніяхъ: Псковской, Тверской, Московской) говоровъ смѣшанныхъ; къ нимъ, собственно, очень бы шло простое названіе „великорусскіе". Эти говоры—результатъ близкаго сосѣдства и смѣшенія сѣвернорусовъ и среднерусовъ. Типичный примѣръ—говоръ московскій, представляющій какъ бы свое особое нарѣчіе, среднее между южновеликорусскимъ и сѣверновеликорусскимъ и считающееся наиболѣе „чистымъ" русскимъ языкомъ. Московское нарѣчіе, какъ нарѣчіе центра великорусской народности и государства, положило начало общему литературному языку; быстрое распространеніе московскаго нарѣчія зависѣло, главнымъ образомъ отъ того, что оно было смѣшаннымъ; оно соединило въ себѣ и сгладило рядъ звуковыхъ особенностей различныхъ говоровъ, въ этомъ и заключается такъ называемая „чистота" его.

Бѣлорусская народность и ея языкъ.

Какъ великорусская народность зародилась въ мѣстѣ столкновенія различныхъ русскихъ племенъ и была результатомъ ихъ сліянія, такъ и *народность бѣлорусская* образовалась взаимодѣйстіемъ нѣсколькихъ племенъ. Выше было замѣчено, что съ XI вѣка земля Полоцкая на окраинѣ русской земли стала жить внѣ общей политической жизни. Въ бассейнѣ Березины и Припети столкнулись среднерусскіе дреговичи съ сѣверорусскими кривичами (къ сѣверу), а съ юга тѣснились южнорусскіе древляне, уступая другимъ южнорусскимъ племенамъ, отливавшимъ къ сѣверу подъ напоромъ степныхъ кочевниковъ. Ближайшими сосѣдями здѣшняго русскаго населенія съ запада были литовцы, отношенія съ которыми не были враждебными. Связь русскаго и литовскаго населенія дѣлается еще тѣснѣе, когда съ XII вѣка появляется общій врагъ—Ливонскій

орденъ. Когда южнорусскіе князья, съ опустошеніемъ ихъ княжествъ татарами и съ отливомъ оттуда значительной части населенія, теряютъ свою силу, въ XIII вѣкѣ возвышается и крѣпнетъ Литва; Миндовгъ захватываетъ Черную Русь и полагаетъ начало новому государству Литовско-русскому; Гедиминово потомство все болѣе расширяетъ предѣлы литовскаго государства, захватывая русскія области. Въ результатѣ, обширное государство Ольгерда и Витовта включило тѣ среднерусскія области, которыя не вошли въ составъ Московскаго государства. Границы Литовскаго государства въ эпоху его наибольшаго роста заходили въ предѣлы нынѣшнихъ Московской и Тверской губерній, обнимая на востокѣ сосѣднія части нынѣшнихъ губерній: Орловской, Калужской и Тульской. Эти области восточной части среднерусскихъ племенъ ко второй половинѣ XV вѣка отошли къ Москвѣ, области же потомковъ древнихъ дреговичей и радимичей, т.-е. западной части среднерусскихъ племенъ, остались за Литвой и получили названіе Бѣлоруссіи. Бѣлорусская народность, слѣдовательно, возникла въ XIII—XV вв. вмѣстѣ съ образованіемъ государства въ бассейнѣ Западной Двины и Нѣмана. Это государство, Литовско-русское, было въ культурномъ отношеніи бѣлорусскимъ, господствующимъ и государственнымъ языкомъ въ немъ былъ бѣлорусскій (Литовскій Статутъ, напр., въ XVI в. написанъ на русскомъ, именно бѣлорусскомъ, языкѣ). Бѣлоруссы, такимъ образомъ, являются потомками древнихъ дреговичей и радимичей, съ которыми слилась и которымъ ассимилировалась часть кривичей на сѣверѣ и древлянъ на югѣ.

Слѣды различныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась бѣлорусская народность, замѣтны до сихъ поръ въ языкѣ. Середину бѣлорусской территоріи (Виленскую, сѣверъ Минской, Могилевскую, югъ Смоленской губ.) занимаютъ чисто бѣлорусскіе говоры съ большимъ или меньшимъ аканьемъ; это — потомки говоровъ дреговичей, радимичей, вообще среднеруссовъ. Къ тѣмъ же среднеруссамъ принадлежали, какъ мы знаемъ, и сѣверяне и вятичи, которые вмѣстѣ съ сѣверноруссами образовали великорусскую народность, и часть которыхъ въ извѣстное время входила также въ составъ Литовско-русскаго государства; потомки этихъ двухъ племенъ говорятъ теперь на

южновеликорусскомъ нарѣчіи; вотъ почему между этими двумя нарѣчіями—бѣлорусскимъ и южновеликорусскимъ—есть близкое сходство; это сходство—результатъ принадлежности къ одной діалектической (среднерусской) группѣ какъ тѣхъ племенъ которыя составили ядро народности бѣлорусской, такъ и тѣхъ, которые были предками южновеликоруссовъ. — Въ сѣверной полосѣ бѣлорусской территоріи (сѣверо-западъ Смоленской, юго-западъ Тверской, Витебская и югъ Псковской губ.) живутъ потомки кривичей, смѣшавшихся съ среднеруссами: они цокаютъ, но, вслѣдствіе вліянія на нихъ среднеруссовъ, акаютъ (не рѣзко). Въ южной же полосѣ (главнымъ образомъ югъ Минской губ.) смѣшеніе древлянъ съ среднеруссами оставило по себѣ память въ современныхъ смѣшанныхъ говорахъ, переходныхъ отъ бѣлорусскаго къ малорусскому нарѣчію. Здѣсь слышится бѣлорусское аканье и дзеканье на ряду съ малорусскими двугласными *уо*, *уы* и т. п., о которыхъ упоминалось раньше.

Кромѣ западной окраины, колыбели бѣлорусской народности, внѣ общей жизни, складывавшейся около Москвы, оставалось еще населеніе Галича и сосѣднихъ Подоліи и Волыни. Тамъ-то, на юго-западной окраинѣ русской жизни, образовалась *народность малорусская.* Малорусская народность и ея языкъ.

Южнорусскія племена подъ напоромъ степныхъ кочевниковъ пришли въ броженіе, и болѣе сѣверныя изъ нихъ, какъ: хорваты, дулѣбы, бужане, древляне, должны были принять въ себя волны болѣе южныхъ, какъ: волынянъ, тиверцевъ, уличей, или даже поступиться своими мѣстами. Въ мѣстахъ столкновенія различныхъ южнорусскихъ племенъ между собою, въ Червонной Руси, образуются новые центры областной жизни,—Галичъ и Волынь, стягивавшіе эти племена. Кіевъ падаетъ, а возникающее южнорусское государство все крѣпнетъ; Волынь соединяется съ Галичемъ (волынскимъ княземъ Романомъ въ 1199 г.); татарское опустошеніе и вызванное имъ опять броженіе южноруссовъ вызываетъ сложную государственную дѣятельность галицкаго „короля“ Даніила, и вскорѣ бѣдная когда-то вотчина Ростиславичей дѣлается богатой и многолюдной. Съ этого времени, съ XIII вѣка, становится извѣстнымъ и названіе „Малая Русь“. Со временемъ Галицко-Волынское

княжество было разорвано: Волынь отошла въ XIV вѣкѣ къ Литвѣ, а Галичъ—къ Польшѣ; по соединеніи Литвы съ Польшей опять настала тѣсная общая жизнь для Малой Руси. Образованіе малорусской народности стоитъ въ тѣсной связи съ образованіемъ государства Даніила и его преемниковъ.

Съ XIV вѣка малоруссы переходятъ на лѣвый берегъ Днѣпра и начинаютъ распространяться на югъ и востокъ. Эта колонизація шла преимущественно изъ земли древнихъ тиверцевъ и уличей, съ Днѣстра и Южнаго Буга; на время она была пріостановлена образованіемъ крымскаго ханства, такъ что крайніе предѣлы малорусскаго поселенія, такъ называемая Слободская Украйна (Харьковская губернія и части Курской и Воронежской), были заняты только къ концу XVII вѣка.

Какъ въ южнорусской группѣ племенъ различались племена южныя и сѣверныя (о чемъ только что было упомянуто), такъ и въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи установлено различіе между южномалорусскимъ и сѣверномалорусскимъ поднарѣчіями. Главнымъ отличіемъ этихъ двухъ малорусскихъ поднарѣчій является то, что вмѣсто южномалорусскаго—*і* мягкаго изъ древняго *о*, *е* въ извѣстномъ положеніи въ словѣ (*кінь* изъ *конь*), въ сѣверномалорусскомъ мы найдемъ двухгласныя въ родѣ *уо*, или простыя гласныя *у*, *ю* и др. (*куонь* и т. п.). Сѣверномалорусское поднарѣчіе слышится въ части Черниговской губерніи, Полѣсьѣ (югъ Минской, сѣверъ Кіевской и Волынской губерній), въ Подляшьѣ (Гродненская и Сувалкская губ.). Всѣ сѣверномалорусскіе говоры или переходные къ бѣлорусскимъ или смѣшанные съ южномалорусскими, потому что на нихъ говорятъ или потомки южноруссовъ, вторгшихся въ область среднеруссовъ и смѣшавшихся съ ними, или же потомки смѣшаннаго населенія изъ южной половины и сѣверной половины южноруссовъ.—Южномалорусское поднарѣчіе занимаетъ остальную малорусскую территорію и иначе называется украинско-галицкимъ. Чѣмъ восточнѣе, тѣмъ чище южно-малорусскій говоръ: въ говорахъ западной половины все же попадаются кое-какія сѣверомалорусскія черты; это—слѣдствіе долговременнаго иногда сосѣдства двухъ вѣтвей южноруссовъ. Представитель же чистаго южномалорусскаго нарѣчія — населенія

лѣвобережной *) Украйны—никогда не сосѣдило съ сѣверомалоруссами (вспомнимъ, откуда шла колонизація на лѣвый берегъ Днѣпра). Одинъ изъ южномалорусскихъ говоровъ—украинскій (Полтавская, Харьковская, Екатеринославская губ.) сталъ литературнымъ малорусскимъ языкомъ въ произведеніяхъ Котляревскаго, Квитки, Шевченка.

Такъ сложились три русскія народности. Онѣ зародились тамъ, гдѣ зарождались государства, объединившія въ одно цѣлое отдѣльныя племена, гдѣ историческія условія требовали отъ политической жизни особаго напряженія: на окраинахъ древней русской земли, сѣверно-восточной, западной и юго-западной. Характеризуя выше эти народности, мы указывали лишь на одинъ признакъ—языкъ; разумѣется, они еще цѣлымъ рядомъ этнографическихъ особенностей, которыя при встрѣчѣ также подвергались смѣшенію, заимствованію, исчезновенію и т. п.,—словомъ также имѣютъ свою исторію; ихъ мы оставляемъ въ сторонѣ.—Съ расширеніемъ территоріи Московскаго государства, а потомъ Россійской имперіи, русскій народъ и русскій языкъ заняли пространство отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Чернаго моря и границъ Китая. Русская колонизація, правительственная,—для обороны все разроставшихся границъ,—и помѣщичья, и переселенческая, направлялась изъ областей разныхъ русскихъ народностей. Такъ, Сибирь и Пріуралье занято сѣверновеликоруссами; Поволожье, по мѣрѣ его покоренія, занималось и южными и сѣверными великоруссами, потому тамъ находимъ смѣсь великорусскихъ говоровъ; Новороссія колонизована и малорусами и великоруссами; малоруссовъ мы найдемъ въ Крыму подъ Керчью; малорусскіе колонисты встрѣтятся въ Саратовской, Самарской, Астраханской губерніяхъ; въ Харьковской среди малоруссовъ встрѣтимъ и великоруссовъ; на Кавказѣ кубанскіе казаки—малоруссы, терскіе—великоруссы; уральскіе казаки акаютъ, населеніе Астраханской губ. кое-гдѣ окаетъ... При рѣшеніи историческихъ вопросовъ о разселеніи русскаго Заключеніе.

*) Имѣется ввиду Днѣпръ.

народа существенно важнымъ, а часто единственнымъ помощникомъ является языкъ.

Въ заключенiе нужно прибавить, что вопросъ объ образованiи русскихъ нарѣчiй, о времени возникновенiя ихъ различiй и объ отношенiи этихъ нарѣчiй къ древнимъ племенамъ не можетъ считаться въ числѣ рѣшенныхъ въ наукѣ и ждетъ своего окончательнаго рѣшенiя отъ совокупныхъ трудовъ историковъ русскаго народа и историковъ русскаго языка. Относящееся въ настоящей статьѣ къ этому вопросу и представляетъ изложенiе въ общихъ чертахъ новѣйшихъ гипотезъ.

Д. Ушаковъ.

Очеркъ быта древне-русскихъ славянъ. *)

Древнѣйшія извѣстія о славянахъ.

Свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ древнихъ русскихъ славянъ почерпаются главнымъ образомъ изъ разсказовъ иностранныхъ писателей, преимущественно восточныхъ, такъ какъ послѣдніе имѣли частыя сношенія съ Русью на торговой почвѣ. Общее впечатлѣніе о нравахъ русскихъ славянъ скорѣе выгодное, хотя иностранныя извѣстія не всегда бываютъ согласны. Причиной противорѣчія свидѣтельствъ слѣдуетъ считать дѣйствительную разницу въ обычаяхъ и нравахъ различныхъ племенъ. Сама начальная лѣтопись въ разсказѣ о племенахъ русскихъ отдѣляетъ кроткихъ и сравнительно культурныхъ полянъ отъ жившихъ звѣринымъ образомъ радимичей, вятичей, сѣверянъ. Каждое племя, по свидѣтельству лѣтописца, жило особо, и такое различное поведеніе, какъ говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ, проистекало естественно изъ разрозненности, особности быта

---

*) *Важнѣйшая литература:* Профессоръ *П. В. Владиміровъ.* Введеніе въ исторію русской словесности. Кіевъ 1896 г. *Буслаевъ Ѳ. И.* Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи. Рус. Вѣст. 1872 г. № 10, 1873, № 14. *Котляревскій А.* О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868 (а также въ собраній сочиненій, изд. Академіи Наукъ). *Соловьевъ С.* Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи славянъ преимущественно восточныхъ, во времена языческія. Архивъ ист. свѣденій Калачева 1850 г. книга 1-я. *Анучинъ Д. Н.* Сани, ладья и кони, какъ принадлежность охороннаго обряда. Древности Московскаго Археологическаго Общества. *Стрекаловъ С.* Русскія историческія одежды отъ X до XIII вѣка съ введеніемъ Н. Костомарова С.-П.Б. 1877 г. Подробное указаніе литературы см. въ соч. *А. Н. Пыпина.* Исторія русской этнографіи въ 4 томахъ и *Ник. Харузина.* Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ С.П.Б. 1901—1905 г. 4 вып. съ библіографическимъ указаніемъ. Ср. также *М. В. Довнаръ-Запольскій.* Изслѣдованіе и статьи. т. I., Кіевъ, 1909. (брачные обряды).

по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ родового.

Жилища славянъ.

Русскіе славяне въ языческую пору жили въ разбивку, не вмѣстѣ. Ибнъ-Даста, арабскій писатель, говоритъ, что нѣкоторыя племена не имѣли даже деревень. Жилищемъ разсѣянныхъ родовъ служили окруженные болотами лѣса, представлявшіе своимъ природнымъ положеніемъ надежную защиту отъ вражескихъ нашествій. Тѣ же радимичи, вятичи и сѣверяне, по лѣтописи, жили въ лѣсахъ, какъ всякій звѣрь. Города были лишь у нѣкоторыхъ племенъ, напр. у тиверцевъ, уличей, полянъ, да и то немного. Даже въ X вѣкѣ, Олегъ, на всемъ пути отъ Новгорода къ Кіеву, нашелъ только два города—Смоленскъ и Любечъ. Южные города, которымъ нужно было лучше обстраиваться, такъ какъ у нихъ было мало естественной защиты—лѣсовъ, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, были украшены чудными зданіями, въ которыхъ стояли идолы, наиболѣе чтимые русскими. Однако, приведенное описаніе ихъ отличается скорѣе сказочной, чѣмъ дѣйствительной роскошью. Въ городахъ, въ опредѣленное время, происходили торжища, гдѣ въ теченіе трехъ дней продавали и покупали.

Общимъ типомъ жилищъ слѣдуетъ признать ту же деревянную клѣть—избу, которая, почти безъ измѣненія, дошла до нашего времени. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ чувствовался недостатокъ въ деревѣ или по какимъ-либо другимъ причинамъ, вытекавшимъ изъ племенныхъ условій, вмѣсто избъ дѣлались землянки, описаніе которыхъ оставилъ Ибнъ-Даста. Въ землѣ славянъ, говоритъ онъ, холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, который покрываетъ деревянною остроконечною крышею, какія видимъ у христіанскихъ церквей, а на крышу эту накладываетъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе въ огнѣ докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водой, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до самой весны.

Весьма вѣроятно, что къ подобнымъ землянкамъ прибѣгали такія племена, которыя, какъ древляне, лѣтомъ жили въ лѣсахъ, въ шалашахъ подъ открытымъ небомъ.

Внѣшность славянъ.

Русскіе славяне, жившіе въ близкомъ общеніи съ природой, были сильны, ловки, высокаго роста и статны. „Я не видалъ болѣе высокихъ людей, — пишетъ Ибнъ-Фодланъ, — какъ будто они пальмовыя деревья". Они имѣли свѣтлые волосы, загорѣлое лицо и отличались красотою. Знатные люди брили себѣ голову, оставляя на ней одинъ только длинный чубъ, какъ напр. Святославъ, брили также бороду, но былъ обычай свивать ее на подобіе лошадиной гривы и красить желтою или черною краской.

Въ одеждѣ русскіе были невзыскательны. Тотъ же Святославъ отличался отъ дружины только большею чистотою одежды. Обыкновенный нарядъ ихъ составляли рубаха, заправленная за поясъ, которую восточные писатели считали за короткую куртку, и чрезвычайно широкія шаровары. Надѣвая такія шаровары, говоритъ Ибнъ-Даста, собираютъ они ихъ въ сборки у колѣнъ, къ которымъ затѣмъ и привязываютъ.

Женская одежда отличалась обиліемъ украшеній. На шеѣ женщины носили золотыя или серебряныя ожерелья, часто по нѣскольку, болѣе бѣдныя — зеленыя бусы изъ глины. Какъ мужчины, такъ и женщины носили на рукахъ золотые браслеты Такъ какъ главнымъ богатствомъ русскихъ, особенно средней полосы Россіи, были мѣха собольи, горностаевые, куньи, то особенной роскошью должна была отличаться зимняя одежда — шубы и шапки. Частыя сношенія съ востокомъ и Византіей, торговыя или военныя, рано познакомили русскихъ славянъ съ дорогими тканями — паволокой и парчею, и послѣднія широко распространились у зажиточныхъ людей, хотя большинство населенія дѣлало себѣ одежду изъ льняной, «кропинной» ткани.

Гостепріимство.

Отличительной особенностью славянъ русскихъ было гостепріимство. Всѣ писатели одинаково свидѣтельствуютъ, что гостямъ у русскихъ оказывался почетъ, и чуземецъ, ищущій покровительства, всегда могъ быть увѣренъ, что найдетъ въ ихъ домѣ защиту. Точно такъ же они не позволяли другимъ обижать или притѣснять гостя и всячески защищали его. Даже съ рабами они обращались хорошо. Владимиръ Мономахъ въ

своемъ поученіи совѣтовалъ держаться этого похвальнаго обычая, шедшаго отъ старины: „Болѣ же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, и брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославлять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ".

Брачныя обряды.

Что касается брачныхъ обрядовъ, то начальная лѣтопись раздѣляетъ русскія племена на такія, у которыхъ бывали браки, т.-е. невѣста выдавалась съ согласія родственниковъ, и на такихъ, которыя обходились безъ этихъ предварительныхъ обрядовъ. Къ первымъ принадлежали поляне, ко вторымъ—древляне, радимичи, вятичи, сѣверяне. У послѣднихъ бракъ совершался, слѣдовательно, черезъ похищеніе, по предварительному согласію между женихомъ и невѣстою, происходившему во время игрищъ между селами. На эти игрища, очевидно религіозныя, сходились члены разныхъ родовъ, и похищеніе дѣвушки одного рода другимъ должно было вызывать преслѣдованіе похитителя. Во избѣжаніе поэтому ссоръ и враждебныхъ столкновеній, установился обычай давать за невѣсту роднымъ вѣно, извѣстную цѣну за выводъ дѣвушки изъ рода. Вѣно это, конечно, было натуральнымъ. По свидѣтельству иностранныхъ писателей, покупка невѣсты у русскихъ славянъ оплачивалась коровами и овцами. С. М. Соловьевъ говоритъ, что вѣно, какъ цѣна за выведенную изъ рода дѣвушку, стояло въ тѣсной связи съ похищеніемъ, наоборотъ, приданное—съ выдачей замужъ при согласіи родственниковъ невѣсты, что, слѣдовательно, первый обычай долженъ былъ господствовать у народонаселенія, которое жило отдѣльными родами, а второй долженъ былъ произойти въ городахъ, гдѣ на одномъ мѣстѣ жило нѣсколько родовъ.

Лѣтописецъ говоритъ, что русскіе похищали дѣвушекъ „у воды"; съ этимъ, несомнѣнно, связывался особенный, освящающій бракъ, обрядъ, вытекающій изъ почитанія вообще водныхъ источниковъ. Извѣстно, что и послѣ принятія христіанства языческіе обряды держались черезвычайно упорно и долго; между прочимъ сохранился и обычай водить невѣстъ къ водѣ. Противъ послѣдняго возставалъ митрополитъ Кириллъ: „Въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и нынѣ не

велимъ тому тако быти или то проклинать повелѣваемъ". Обычаемъ водить къ водѣ, вѣроятно, и исчерпывалось у язычниковъ все таинство брака. Терещенко, описывавшій бытъ русскаго народа, передаетъ, что даже въ позднѣйшее время, у раскольниковъ, держался слѣдующій обычай: въ Люцинскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считалось священнымъ; мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ считался дѣйствительнымъ. Нѣчто подобное, нужно думать, было и въ языческую эпоху.

Начальная лѣтопись указываетъ на многоженство у русскихъ славянъ. Обыкновенно имѣли по двѣ и по три жены; богатые— гораздо больше: князь Владимиръ до крещенія имѣлъ женъ до нѣсколькихъ сотъ. Судя по тому, что на игрища сходились мужчины и женщины, что существовала возможность предварительнаго соглашенія между молодыми людьми о похищеніи, приходится считать, что дѣвушки пользовались полнѣйшей свободой. Что касается положенія замужней женщины, то, исключивъ грубость русскихъ, именно отсутствіе „стыденія" предъ женщинами, какъ это замѣтилъ лѣтописецъ, женщина была далеко не такимъ безправнымъ обезличеннымъ существомъ, какою мы видимъ ее во время господства режима Домостроя. Ибнъ-Фодланъ, описывая свою аудіенцію у „царя" руссовъ, разсказываетъ, что когда онъ съ товарищами вынулъ подарки, въ томъ числѣ и жалованное платье для супруги царя, то она „сидѣла о-бокъ съ нимъ, какъ это у нихъ обычай и нравъ". Русскіе не стѣснялись показывать своихъ женъ и дѣтей иноземцамъ, имъ была совсѣмъ чужда идея теремной жизни. Отсюда видно, что Московское государство впослѣдствіи отступило отъ исконняго русскаго взгляда на женщину въ пользу чужеземныхъ вліяній Византіи и Востока.

Похоронные обряды.

Похоронные обряды русскихъ славянъ состояли или въ сожженіи умершаго, или въ его погребеніи. Самымъ распространеннымъ, однако, было сожженіе. Если кто умираетъ, говоритъ лѣтописецъ, то творятъ надъ нимъ тризну, а затѣмъ складываютъ большой костеръ, полагаютъ на него мертвеца и сжигаютъ. Послѣ этого, собравъ кости, кладутъ ихъ въ небольшой сосудъ и ставятъ на распутьи, на столбахъ; это дѣлаютъ вятичи и нынѣ (т.-е. по принятіи христіанства). По-

добный же обычай былъ у кривичей и прочихъ, державшихся язычества, племенъ.

Нѣкоторые восточные писатели оставили довольно подробныя описанія сожженія умершихъ руссовъ. Таковъ, напр., обстоятельный разсказъ Ибнъ-Фодлана.

„Я весьма желалъ,—пишетъ онъ,—присутствовать при сожженіи, о которомъ много слыхалъ, какъ узналъ про смерть знаменитаго русскаго человѣка. Руссы положили умершаго въ яму и накрыли ее крышкой, на время десяти дней, въ теченіе которыхъ занимались кроеніемъ и шитьемъ одежды мертвецу. Бѣдныхъ, обыкновенно, сжигаютъ вскорѣ послѣ смерти, у богатыхъ же собираютъ имущество и дѣлятъ его на три части: треть даютъ семьѣ, за треть—кроятъ одежду, на остальныя покупаютъ горячій напитокъ (очевидно—медъ, такъ какъ онъ служилъ единственнымъ напиткомъ) и пьютъ его. Когда умираетъ у руссовъ глава, то семья его говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ: кто изъ васъ умретъ съ нимъ? и кто-нибудь изъ нихъ говоритъ: я! Когда онъ такъ сказалъ, то это уже обязательно для него; ему никакъ не позволительно обратиться вспять, и еслибъ онъ даже желалъ, это не допускается. Большею частью идутъ на сожженіе дѣвушки.

„Поэтому когда умеръ и вышеупомянутый человѣкъ, то сказали его дѣвушкамъ: кто умретъ съ нимъ? Одна вызвалась, и къ ней была приставлена стража. Когда же наступилъ день, назначенный для сожженія, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло судно покойнаго. Оно было вытащено на берегъ и поставлено на четыре деревянныхъ подпоры; кругомъ были поставлены деревянныя изображенія, подобно великанамъ. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно и покрыли вышитыми коврами и подушками. Послѣ того руссы пришли къ могилѣ, сняли крышку и вынули мертвеца въ покрывалѣ, въ которомъ онъ умеръ. Въ могилѣ вмѣстѣ съ нимъ были раньше положены сосудъ съ медомъ, плоды и музыкальный инструментъ; все это теперь было вынуто. На умершаго надѣли шаровары, носки, сапоги, куртку, кафтанъ изъ дибаджа (ткань восточная) съ золотыми пуговицами, на голову шапку изъ дибаджа съ соболемъ и понесли въ палатку, которая находилась на суднѣ. Тамъ тѣло посадили на коверъ, подперли подушками; при-

несли медъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили передъ нимъ; принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили около умершаго. Затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, потомъ разрубили ихъ мечами, и мясо ихъ бросили въ судно; такъ же поступили съ двумя быками, пѣтухомъ и курицей. Когда настало среднее время между полуднемъ и закатомъ, дѣвушка, которая должна была умереть, была подведена къ чему-то, сдѣланному наподобіе карниза у дверей. Она паставила ноги на руки мужчинъ, поднялась на этотъ карнизъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и была спущена: это было продѣлано три раза. Потомъ подали ей курицу, она отрубила ей голову и бросила ее, курицу же взяли и положили въ судно. Толмачъ перевелъ мнѣ ея возгласы. Первый разъ она сказала: вотъ вижу отца моего и мать мою! во второй разъ: вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими! въ третій же разъ: вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю; а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и мальчики; онъ зоветъ меня; ведите меня къ нему. Когда приготовились вести ее къ судну, то дѣвушка сняла запястья и подала ихъ старой женщинѣ (которая убиваетъ ее); затѣмъ она сняла пряжки, бывшіе у нея на ногахъ. Тогда уже подняли ее на судно, но не ввели въ палатку; мужчины подали ея кружку съ медомъ; она пѣла надъ нею и выпила ее. Толмачъ сказалъ мнѣ, что этимъ она прощается съ подругами. Затѣмъ дали ее другую кружку, которую она взяла и запѣла длинную пѣсню; старуха же торопила ее выпить кружку и войти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Дѣвушка была въ нерѣшимости, тогда старуха взяла ее и ввела въ палатку, гдѣ обвила ей вокругъ шеи веревку и дала двумъ мужчинамъ, чтобы тянули ее, а сама подошла къ дѣвушкѣ съ большимъ ширококлиннымъ кинжаломъ и вонзила его нѣсколько разъ ей въ ебра. Мужчины въ это время стучали палками по щитамъ, должно быть для того, чтобы не слышно было ея криковъ.

„Положивъ дѣвушку около ея господина, ближайшій родственникъ покойнаго взялъ кусокъ дерева, зажегъ его, пошелъ затылкомъ къ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева, и

зажегъ дрова. Тогда уже и остальные люди подошли съ лучинами и дровами и стали зажигать костеръ съ разныхъ сторонъ. Огонь охватилъ дрова, потомъ судно, потомъ палатку съ мертвецомъ, дѣвушкой и со всѣмъ тамъ находящимся, и пламя разгоралось все больше и больше.

„Мнѣ передалъ одинъ руссъ, черезъ толмача, слѣдующее: вы арабы—глупый народъ, ибо вы берете милѣйшаго и почтеннѣйшаго для васъ изъ людей и бросаете его въ землю, гдѣ его съѣдаютъ черви; мы же сжигаемъ его въ огнѣ въ одно мгновеніе, и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай. Вотъ, прибавилъ онъ, по любви къ умершему, богъ послалъ вѣтеръ, такъ что огонь охватитъ все въ часъ. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ судно, дрова, умершій мужчина и дѣвушка совершенно превратились въ пепелъ“.

Таковъ разсказъ Ибнъ-Фодлана, находящій себѣ полное подтвержденіе въ разсказахъ другихъ восточныхъ писателей о руссахъ и въ начальной лѣтописи. Слѣдующій разсказъ Ибнъ-Даста служитъ прямымъ продолженіемъ вышеописаннаго обряда погребенія.

„На слѣдующій день по сожженіи покойника,—говоритъ этотъ писатель,—отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмъ. Черезъ годъ по смерти покойника берутъ кувшиновъ двадцать меду, иногда нѣсколько больше или меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойника собираются, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника были три жены, то та изъ нихъ, которая утверждаетъ, что она особенно любила его, приноситъ къ трупу его два столба и вбиваетъ ихъ стоймя въ землю, потомъ кладетъ третій столбъ поперекъ, привязываетъ посреди этой перекладины веревку, становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ своей шеи: тогда скамью вытаскиваютъ изъ-подъ нея, и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Послѣ этого трупъ ея бросаютъ въ огонь гдѣ онъ сгораетъ.

Послѣднее представляетъ небольшое видоизмѣненіе предыдущаго разсказа; подобныя варіаціи въ самоубійствѣ женщинъ, конечно, легко могли быть. Женщины сожигали себя, по сло-

вамъ иностранцевъ, для того, чтобы имъ легче было войти съ мужьями въ рай.

Питье меда на могильномъ холмѣ черезъ годъ по сожженіи, при чемъ собравшіеся предавались шумному веселью, носитъ, по свидѣтельству лѣтописи, особое названіе „тризны“. Этотъ обычай былъ одинъ у всѣхъ русскихъ племенъ; даже поляне не чуждались его. Ольга, умирая, завѣщала не справлять надъ ней тризны, хотя сама она совершала ее по мужѣ: „Иду къ вамъ,—говорила она древлянамъ—поставьте вдоволь меда у города, гдѣ убили мужа моего, поплачу надъ его гробомъ и сотворю своему мужу тризну“. Такъ какъ могильнаго холма не было, то Ольга повелѣла людямъ „насыпать могилу велику“. На этой тризнѣ древляне всѣ напились допьяна. Послѣднее обстоятельство, было, вѣроятно, непремѣннымъ концомъ тризны. Ѳеофилактъ, описывая вторженія Приска въ землю славянъ, живущихъ къ сѣверу отъ Дуная, говоритъ, что тотъ напалъ на князя ихъ врасплохъ, когда князь, празднуя поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ, и его народъ забавлялся пѣснями. Тризна.

Въ знакъ печали по умершемъ, женщины русскія, обыкновенно, царапали себѣ ножомъ руки и лица, о чемъ одинаково говорятъ и арабскій писатель Ибнъ-Даста, и житіе св. Константина Муромскаго.

Какъ указано, сожженіе не было однимъ только видомъ похороннаго обряда. На ряду съ нимъ, неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ, существовало и зарываніе въ землю. Когда умираетъ у руссовъ, говоритъ Ибнъ-Даста, кто либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большого дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежды его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ, далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканенную монету. Наконецъ, кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

Такъ какъ тотъ же писатель описываетъ и сожженіе умершаго, то очевидно, оба обряда существовали параллельно. Съ теченіемъ времени, однако, погребеніе вполнѣ вытѣснило сожженіе покойника и было санкціонировано христіанскою Церковью. Обычай же тризны перешелъ въ обычай поминанія душъ умершихъ, поминокъ.

С. Шамбинаго.

Черты быта русскихъ славянъ по курганнымъ раскопкамъ. *)

Въ языческихъ курганахъ, расположенныхъ на территоріи, заселенной славянскими племенами древней Руси, можно установить два главные погребальные типа: трупосожиганіе и погребеніе. Первый изъ нихъ наблюдается въ земляхъ Сѣверской и Кривичской, второй занимаетъ области: Волынскую, Древлянскую, Дреговичскую, Радимичскую, а также территоріи полянъ и древняго Переяславскаго княженія, представляя въ каждой области болѣе или менѣе существенныя отличія и раз-

*) Статья профессора В. Б. Антоновича была первоначально помѣщена въ „Древностяхъ Поднѣпровья", собраніе Б. И. Ханенко, вып. V, Кіевъ 1902 г. Изъ очень обширной литературы можно указать на слѣд. соч.: *Гр. Уваровъ*, „О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей". Древности. Труды Московскаго Археол. Об. Т. I. 1876. *В. Б. Антоновичъ*. „О похоронныхъ типахъ Юго-Западнаго Края" (Тр. I Арх. С.. т. I). *В. Б. Антоновичъ* „О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губ." (Тр. III Арх. С., т. I). *В. Б. Антоновичъ*. „О каменномъ вѣкѣ въ Западной Волыни" (Тр. XI Арх. С., т. I). *Гр. А. С. Уваровъ*. „Археологія Россіи", I. *В. А. Городцевъ*. „Матеріалъ для археол. карты долины рѣки Оки". *Гр. А. А. Бобринскій*. „Курганы и случайныя археологическія находки близь м. Смѣлы". *Гр. Толстой* и *Кондаковъ*. „Русскія древности". *Нидерле*. „Человѣчество въ доисторическія времена". *Кондаковъ*. „Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода". Т. I. Спб. 1866. *В. Б. Антоновичъ*. „О погребальныхъ обычаяхъ древлянъ и тиверцевъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ" (Тр. X Арх. С.). *В. Б. Антоновичъ*. „Погребальный типъ могилъ Радимичей" (Тр. IX Арх. С.). *В. Б. Антоновичъ*. „Раскопки въ странѣ древлянъ" (Мат. по арх. Россіи. т. II). *А. А. Спицынъ*. „Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. Мин. Нар. Пр., 1899 г. № 8).

новидности. Конечно, каждый изъ означенныхъ двухъ погребальныхъ типовъ встрѣчается и на территоріяхъ, гдѣ господствуетъ другой типъ, но факты подобные встрѣчаются столь рѣдко (такъ, напримѣръ, въ Древлянской области случаи сожженія найдены въ 2—3% общаго числа вскрытыхъ кургановъ), что могутъ быть объяснены случайностями, вытекавшими изъ общенія древнихъ славянскихъ племенъ между собою.

Погребальный типъ, при которомъ покойникъ сожигался, даетъ гораздо менѣе данныхъ для обрисовки быта славянъ языческаго времени потому, что почти всѣ предметы, положенные при покойникѣ, разложились отъ дѣйствія огня при его сожженіи. Только весьма немногіе курганы (напр., могилы: Черныя и Гульбище, въ землѣ сѣверянъ, изслѣдованныя г. Самоквасовымъ) дали матеріалъ для бытовой характеристики славянъ, благодаря значительному количеству предметовъ, не успѣвшихъ перегорѣть на кострищѣ; зато самъ ритуалъ погребальнаго обряда можетъ быть точно установленъ, благодаря совпаденію археологическихъ данныхъ съ описаніемъ похоронъ у сѣверянъ, кривичей и вятичей, сохранившемся въ первоначальной русской лѣтописи, равно какъ и съ разсказомъ Ибнъ-Фодлана о похоронномъ славянскомъ обрядѣ, видѣнномъ имъ у русскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ г. Болгаръ. Въ общихъ чертахъ курганы этого типа, содержатъ на половинѣ, примѣрно, своей высоты утрамбованный глиняный точекъ, на которомъ помѣщался костеръ; отъ костра осталась масса угля, золы, недогорѣвшія бревна, обломки костей и перегорѣвшихъ предметовъ быта; по большей части въ серединѣ площади кострища поставленъ глиняный сосудъ, въ которомъ лежатъ собранные обломки перегорѣвшихъ костей.

Трупосожженіе.

Курганы съ погребеніемъ покойника представляютъ гораздо болѣе обильный бытовой матеріалъ; въ нихъ мы находимъ скелеты съ остатками одеждъ и ея украшеніями и различные предметы, свидѣтельствующіе о бытѣ и занятіяхъ покойника. Оставимъ въ сторонѣ подробности самаго похороннаго обряда: глубину могилы, деревянныя надстройки надъ нею и т. п., которыя разнообразятъ обрядъ погребенія въ различныхъ территоріяхъ. Мы вообще встрѣчаемъ слѣдующую картину: на днѣ

Погребеніе.

могилы, по большей части въ деревянномъ срубѣ, сколоченномъ изъ бревенъ, лежитъ скелетъ покойника, на спинѣ, съ протянутыми ногами; руки также въ большинствѣ случаевъ протянуты вдоль тѣла, хотя довольно часто встрѣчаются и другія ихъ положенія. Голова покойника обращена на западъ. На скелетѣ и вокругъ него расположены многочисленные предметы, которые даютъ возможность до нѣкоторой степени возстановить бытъ и обстановку жизни славянъ въ дохристіанское время.

Остатки одежды.

Насколько возможно возстановить, по сохранившимся остаткамъ, одежду древнихъ славянъ, можно утверждать, что въ составъ ея входили ткани: полотняныя, шерстяныя и рѣдко шелковыя; послѣднія въ двухъ-трехъ случаяхъ оказались перетканными золотыми нитками. По ничтожнымъ остаткамъ, сохранившимся въ могилахъ, невозможно возстановить покроя одежды.

Относительно головного убора въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно констатировать остатки шапокъ мѣховыхъ и войлочныхъ. Въ древлянскихъ курганахъ очень часто встрѣчается головной уборъ состоявшій изъ шапочки, сдѣланной изъ бересты, обтянутой шерстяной тканью и украшенной нашитыми разнообразными кольцами и бусами.

Украшенія.

Въ землѣ полянъ замѣчательны женскіе головные уборы, представлявшіе какъ бы діадемы, состоявшія изъ ряда металлическихъ полуколецъ. Въ большомъ количествѣ сохранились металлическія украшенія одежды; по матеріалу онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: золото встрѣчается крайне рѣдко, въ видѣ исключенія; преобладающій матеріалъ, это— серебро, въ огромномъ большинствѣ случаевъ низкопробное; бронза встрѣчается рѣже, чѣмъ серебро, и по большой части въ предметахъ литыхъ. Изъ металла приготовлялись пластинки или проволоки, но несомнѣнно то обстоятельство, что въ дохристіанское время славяне не обладали умѣньемъ спаивать металлы, такъ напримѣръ, кольца, согнутыя изъ проволокъ не спаяны; концы ихъ остаются или свободными, или связаны узлами; пластинки, въ случаѣ нужды, скрѣплялись гвоздиками.

Очень обильны металлическія украшенія волосъ въ женскихъ могилахъ, такъ называемыя височныя или скорѣе волосяныя кольца встрѣчаются въ большомъ количествѣ различныхъ формъ. Въ радимичскихъ курганахъ — это большія кольца, съ выдающимися семью лопастями изъ бляхи; въ древлянскихъ курганахъ и еще чаще въ волынскихъ пряди волосъ украшены цѣлыми рядами небольшихъ колецъ изъ проволоки, скрученной спирально: число ихъ доходитъ до двадцати и болѣе на одномъ субъектѣ.

Серебр. серьга кіевскаго типа.

Серьги представляютъ или такія же спирально-проволочныя кольца, или кольца простыя съ однимъ концомъ, загнутымъ назадъ въ видѣ латинской буквы S. Рѣдко, главнымъ образомъ на восточной окраинѣ, встрѣчаются серьги, состоящія изъ проволоки, на которую надѣты два конуса, соединенные основаніями. Въ концѣ языческаго періода появляется уже такъ называемый кіевскій типъ серьги, состоящій изъ проволоки, на которую надѣты и укрѣплены неподвижно три металлическія бусы. Шея украшена довольно рѣдко шейными гривнами, серебряными или бронзовыми; онѣ состоятъ или изъ нитяной проволоки или изъ толстой гладкой проволоки, свернутой винтообразно. Гораздо чаще встрѣчаются ожерелья, составленныя изъ набора весьма разнообразныхъ бусъ или металлическихъ пластинокъ. Среди бусъ встрѣчаются: сердоликъ и горный хрусталь, круглые или граненые; стекло: простое и цвѣтное и чаще всего обтянутое золотою пластинкою; паста всевозможныхъ композицій и цвѣтовъ, часто съ цвѣтными инкрустаціями. Затѣмъ въ числѣ бусъ встрѣчаются; бусы серебряныя, двухъ родовъ: или изъ такъ называемой бисерной ткани или представляющія небольшіе серебряные узорочные полуцилиндрики съ гремя отверстіями по бокамъ для нанизыванія. Рѣже встрѣчаются бусы изъ шифера и еще рѣже янтарныя. Серебряныя бисерныя бусы и сердолики особенно многочисленны и отличаются большими размѣрами въ могилахъ дреговичей.

Ожерелья состоящія изъ металлическихъ пластинокъ, встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ могилахъ радимичей. Здѣсь на одномъ субъектѣ мы находимъ до семи р довъ ожерелій, при чемъ каждый рядъ состоитъ изъ пластинокъ другой формы какъ-то: лунницъ, ромбиковъ, розетокъ, бубенчиковъ и т. п.

Шейная серебр. гривна.

Одежда на шеѣ укрѣплялась особенными запонками, причемъ запонки эти состояли изъ кольца, въ которое вдѣвался ремешекъ, или изъ розетки составленной изъ нѣсколькихъ разнообразныхъ бусъ, при чемъ замѣчательно то обстоятельство, что фибула въ славянскомъ костюмѣ совершенно отсутствуетъ.

Пояса, насколько можно судить по остаткамъ, были по большей части ременные и застегивались на желѣзную или бронзовую пряжку. У пояса мы почти постоянно встрѣчаемъ небольшіе желѣзные ножики, въ иныхъ случаяхъ кремень, огниво и желѣзные ключи.

На рукахъ довольно рѣдко встрѣчаются браслеты, они сдѣланы или изъ металлической пластинки, постепенно съуживающейся къ концамъ, которые завязаны узломъ, или состоятъ изъ металлическихъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ, или же отлиты изъ серебра или бронзы, на подобіе жгута, съ свободными концами, расплюснутыми и украшенными рисункомъ. На пальцахъ рукъ часто надѣты кольца самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ; они сдѣланы или изъ металлическихъ

проволокъ и бляшекъ безъ спайки (въ женскихъ могилахъ), или отлиты изъ бронзы и серебра въ видѣ массивнаго кольца, представляющаго форму двухъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ (въ могилахъ мужскихъ). Обувь сохранилась въ очень рѣдкихъ случаяхъ; она представляетъ полусапожки, съ вывороченными голенищами и острыми носками; сапоги эти сшиты изъ двойрой полосы тонкой кожи, безъ подошвы, со швомъ, проходящимъ вдоль нижней поверхности. Вооруженіе встрѣчается въ славянскихъ курганахъ крайне рѣдко, исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ курганы Полянской земли и нѣкоторыя могилы, особенно богатыя бытовыми остатками въ земляхъ Сѣверской и Кривичской (напримѣръ „Черная могила" въ раскопкахъ г. Самоквасова).

Вооруженіе славянъ въ дохристіанскую эпоху состояло изъ слѣдующихъ предметовъ: голова покрывалась шлемомъ конической формы съ шипомъ на серединѣ и съ переносицею, на нижней оконечности шлема находились небольшія ушки для привѣски кольчуги, покрывавшей шею; на переносицѣ же были отверстія для прикрѣпленія наличниковъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ (раскопки графа Бобринскаго и г. Зноско-Боровскаго) переносица замѣнялась цѣлою желѣзною маскою, покрывавшею все лицо. Туловище охранялось кольчугой, которая составляетъ отличительный признакъ славянскаго вооруженія отъ вооруженія скиѳовъ и позднѣйшихъ кочевниковъ, у которыхъ панцыри состояли изъ желѣзной чешуи, нашитой на кожу. Наступательное оружіе состояло изъ меча или сабли; мечъ былъ длинный, обоюдоострый, прямой, съ тяжелою рукоятью. Вооруженіе

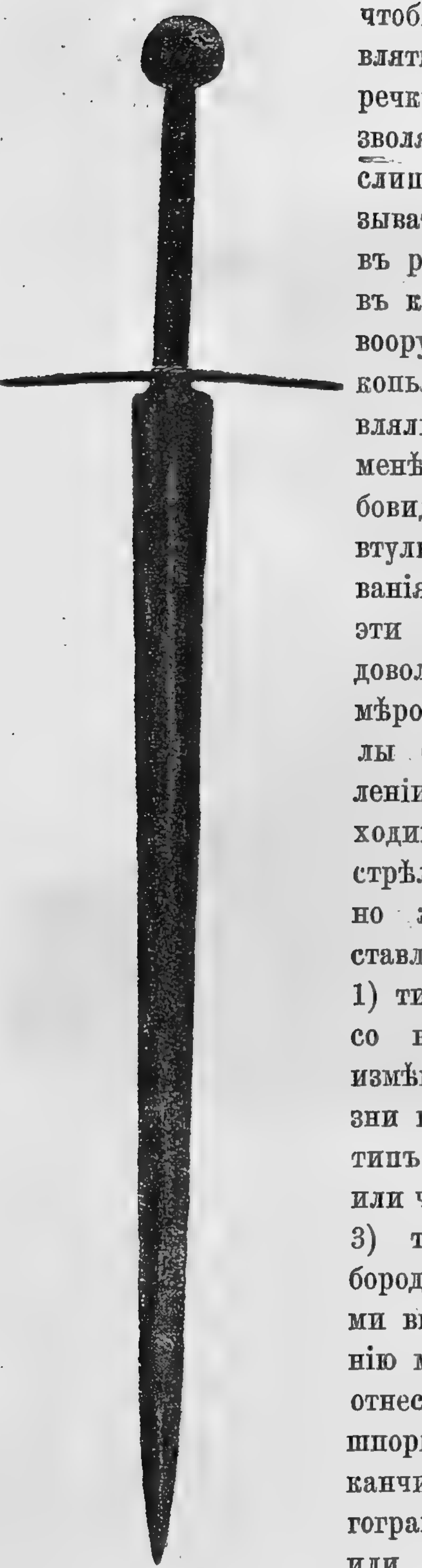
Сабли были кривыя, очень длинныя, острыя только съ одной стороны, съ легкою рукоятью. Существуетъ мнѣніе, что прямой мечъ и кривая сабля характеризуютъ славянскія и кочевническія оружія, но намъ кажется, что признакъ этотъ не существенъ: съ одной стороны, при совершенно тождественномъ обрядѣ погребенія (вооруженный конникъ съ конемъ), встрѣчаются безразлично мечи и сабли, съ другой стороны, въ одной и той же могилѣ (Черная могила) оба рода оружія встрѣчаются совмѣстно, наконецъ, если вспомнить лѣтописный анекдотъ о договорѣ сѣверянскаго воеводы Претича съ печенѣжскимъ княземъ и обмѣнъ ими оружія, то становится яснымъ, что при

многовѣковомъ сосѣдствѣ славянъ съ кочевниками обѣ формы оружія взаимно ими заимствовались. Кинжалы въ славянскомъ вооруженіи встрѣчаются весьма рѣдко, и вообще это оружіе слабо развито; гораздо чаще встрѣчается боевой топоръ; онъ

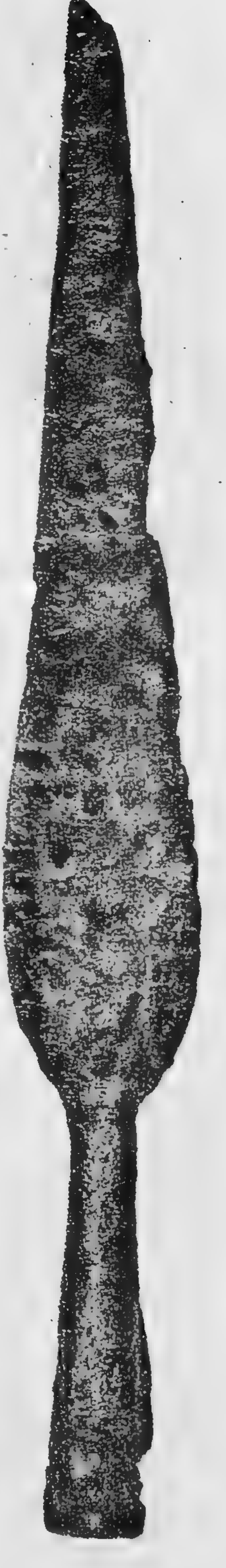
Кольчуга (найдена въ Кременец. у., Волынской губ.).

отличается особенною формою: небольшихъ размѣровъ, съ лезвеемъ, вытянутымъ въ видѣ бородки внизъ и какъ бы съ усѣченнымъ нижнимъ концомъ. Многіе изъ этихъ топоровъ имѣютъ на лезвеѣ сквозное отверстіе, назначенное, вѣроятно, для того,

Мечъ.

чтобы въ него вставлять желѣзную поперечку, которая не позволяла бы топору слишкомъ глубоко врѣзываться при ударѣ въ рану и ущемляться въ кости. Въ составъ вооруженія входили копья; они представляли лезвее болѣе или менѣе правильно-ромбовидной формы, съ втулкою для насаживанія на древко; копья эти достигали иногда довольно крупныхъ размѣровъ. Лукъ и стрѣлы были въ употребленіи у славянъ. Находимые наконечники стрѣлъ, исключительно желѣзные, представляютъ три типа: 1) типъ ромбовидный со всѣми его видоизмѣненіями, до срѣзни включительно, 2) типъ массивный, трехъ или четырехгранный и 3) типъ стрѣлы съ бородками, опущенными внизъ. Къ вооруженію могутъ быть также отнесены стремена и шпоры; послѣдствія заканчиваются или многограннымъ шипомъ, или шипомъ съ под-

Наконечникъ копья.

вижною звѣздочкою. Замѣчательно то обстоятельство, что въ курганахъ шпоры встрѣчаются только на одной ногѣ покойника, и то всегда на лѣвой. Къ числу рѣдкихъ предметовъ въ вооруженіи относится перначи masses d'armes (родъ булавы).

Домашняя утварь.

Къ числу бытовыхъ предметовъ относятся сосуды глиняные; горшки встрѣчаются довольно часто въ могилахъ полянъ и сѣверянъ, гораздо рѣже у дреговичей и радимичей, и почти совершенно отсутствуютъ въ земляхъ волынянъ и древлянъ. Вообще славянскіе сосуды могутъ быть раздѣлены на нѣсколько типовъ: 1) широкій сосудъ, въ формѣ современнаго горшка, съ ушкомъ или безъ онаго, съ болѣе или менѣе широкимъ отверстіемъ; 2) узкогорлый кувшинъ съ однимъ ушкомъ; 3) узкогорлый кувшинъ съ двумя ушками вылѣпленными изъ толщи боковъ самого сосуда, и 4) всевозможныя видоизмѣненія амфоры заимствованной изъ предыдущихъ періодовъ развитія. Дно амфоры остается остроконечнымъ или круглымъ, но эволюція формъ амфоры выражается постепеннымъ расширеніемъ боковъ и укорачиваніемъ шейки и ушей, которыя, наконецъ, переходятъ изъ шейки на бока сосуда. Къ сосудамъ слѣдуетъ также отнести деревянныя ведра, которыя особенно часто встрѣчаются въ могилахъ древлянскихъ и волынскихъ; ведра эти незна-

Топоръ.

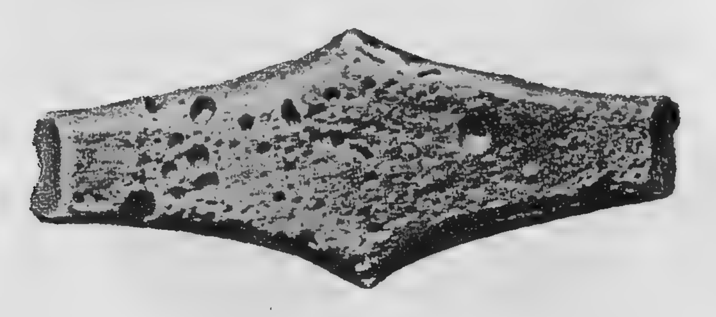
чительныхъ размѣровъ, о которыхъ дозволяютъ судить уцѣлѣвшія желѣзныя дужки, были окованы нѣсколькими рядами желѣзныхъ обручей. Къ числу другихъ бытовыхъ предметовъ, находимыхъ въ курганахъ, слѣдуетъ отнести костяные гребни, каменныя пряслицы и желѣзные замки.

Изъ перечня предметовъ, находимыхъ въ славянскихъ курганахъ могутъ быть установлены нѣкоторыя занятія и ре- Орудія

месла, которыми занимались славяне въ дохристіанское время. Такъ о занятіи земледѣліемъ свидѣтельствуютъ найденные въ древлянскихъ курганахъ экземпляры серповъ и обугленныя зерна хлѣбныхъ растеній, встрѣтившіяся въ большомъ количествѣ въ Черной могилѣ; занятіе скотоводствомъ подтверждается употребленіемъ кожи, шерсти, мѣховъ въ одеждѣ и присутствіемъ въ могилахъ ножницъ, употребляемыхъ для стрижки овецъ, а также многочисленными скелетами лошадей, находимыхъ въ полянскихъ могилахъ, и всеобщимъ употребленіемъ шпоръ

На существованіе рыбнаго промысла указываютъ грузила, употреблявшіяся для неводовъ, и желѣзныя остроги. Существованіе ткацкаго промысла, помимо находимыхъ остатковъ ткани, находитъ подтвержденіе въ многочисленныхъ пряслицахъ изъ краснаго шифера, мастерскія для приготовленія которыхъ констатированы въ Древлянской землѣ. О существованіи кузнечнаго ремесла свидѣтельствуютъ многочисленные гвозди и другія желѣзныя издѣлія, значительныя массы желѣзнаго шлака, найденнаго въ нѣкоторыхъ могилахъ, и, наконецъ, большой кузнечный молотъ, найденный въ одной изъ древлянскихъ могилъ г. Гамченко. О занятіи плотничествомъ свидѣтельствуютъ какъ могильные срубы, такъ и надмогильныя надстройки въ видѣ одно-или двухскатной крыши, особенно часто встрѣчающіяся въ курганахъ дреговичей, а также горизонтальнаго наката изъ бревенъ или досокъ, встрѣчающагося въ могилахъ волынянъ и древлянъ. О существованіи гончарнаго промысла свидѣтельствуютъ вышеперечисленныя категоріи глиняныхъ сосудовъ.

Серебр. гривна кіевскаго типа.

Монетные клады.

Торговля, несомвѣнно, существовала и въ дохристіанскую эпоху, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя лѣтописныя указанія, договоры русскихъ князей съ греками и многочисленные клады римскихъ монетъ III и IV вв. на территоріи славянъ. Правда, въ послѣдующее время монетные клады прекращаются и возобновляются лишь въ VIII—X в. въ видѣ кладовъ диргемъ Саманидскихъ и рѣдкихъ экземпляровъ византійскихъ солидовъ (Черная могила). Къ числу монетныхъ знаковъ дохристіанскаго времени, вѣроятно, могутъ быть отнесены нѣкоторые экземпляры монетныхъ гривенъ какъ кіевскаго, такъ и новго-

родскаго типа. Наконецъ, о занятіи мѣстныхъ жителей торговлей встрѣчаемъ вѣское указаніе въ раскопѣ одного изъ волынскихъ кургановъ г. Мельникъ. Здѣсь у покойника найденъ былъ ящикъ, окованый желѣзомъ, въ которомъ заключались вѣсы и разновѣски, въ видѣ разнообразныхъ желѣзныхъ и бронзовыхъ гирекъ.

Предметы христіанской эпохи

Послѣ принятія христіанства на Руси, благодаря болѣе интенсивному вліянію византійской культуры, выработанныя славянами формы быта значительно видоизмѣняются и пріобрѣтаютъ болѣе изящныя формы, но основные мотивы остаются прежніе. Такъ какъ христіанство упразднило древній языческій ритуалъ погребенія, то бытовыя черты приходится собирать не изъ раскопокъ кургановъ, а изъ обозрѣнія предметовъ, или разсѣянныхъ спорадически, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, сохранившихся въ древнихъ христіанскихъ храмахъ на Руси. Вообще предметы этого времени гораздо богаче и художественнѣе, чѣмъ они были въ языческую эпоху. Въ украшеніи одежды въ значительномъ количествѣ появляется золото. На золотѣ и серебрѣ встрѣчается эмаль и чернь. Сверхъ того, являются многочисленные экземпляры предметовъ хритіанскаго культа: кресты, тѣльники энколпіоны *) и иконы. Прежнія украшенія получаютъ болѣе изящную форму и появляются новыя ихъ формы, заимствованыя изъ иноземнаго искусства, въ большинствѣ случаевъ византійскаго или восточнаго. Вооруженіе остается прежнее и типы его почти совсѣмъ не измѣняются. То же самое можно сказать о промыслахъ и занятіяхъ, хотя произведенія ихъ, сохраняя основной характеръ, усовершенствуются и развиваются въ болѣе культурныя формы.

В. Антоновичъ.

---

*) Складные кресты съ ящиками моще-хранилищами.

Языческая религія русскихъ славянъ.*)

Стадіи развитія религіознаго сознанія.

Въ развитіи языческой религіи каждаго народа наблюдаются двѣ стадіи: 1) фетишизмъ,—когда предметами религіознаго поклоненія служатъ различныя силы природы, и 2) политеизмъ,—когда эти силы въ народномъ міровоззрѣніи воплощаются въ образы личныхъ боговъ и богинь. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи политеизмъ вырабатываетъ цѣлую генеалогію боговъ, выдѣляя верховнаго бога—родоначальника и соединяя съ нимъ остальныхъ тѣми или другими узами родства. Въ подобной формѣ политеизмъ былъ, напр,, у грековъ. Однако, при этомъ обожаніе отдѣльныхъ силъ природы и различныхъ предметовъ можетъ еще сохраняться.

Принятіе христіанства русскимъ народомъ застало языческую религію очевидно, на переходѣ отъ фетишизма къ политеизму. Этимъ только можно объяснить отсутствіе генеалогіи русскихъ боговъ и крайне туманный характеръ каждаго въ отдѣльности. Проповѣдь духовенства, конечно, много содѣйствовала обезличенію старыхъ представленій, но вѣдь сохранялись же языческіе обряды; между тѣмъ мы имѣемъ нѣсколько личныхъ именъ боговъ, сфера дѣятельности которыхъ остается далеко не ясной.

Остатки фетишизма въ религіозныхъ возарѣніяхъ славянъ

Итакъ на ряду съ образованіемъ понятій о личныхъ божествахъ, у русскихъ еще въ полной силѣ оставалось поклоненіе

---

*) *Важнѣйшая литература*: см. прим. къ ст. С. К. Шамбинаго „Очеркъ быта древне-русскихъ славянъ". Кромѣ того: *Срезневскій*. „Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ" С.П.Б. 1848. *Кирпичниковъ А. И.* „Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ" (Ж. М. Н. Пр., 1885, сент.) *Фаминцынъ*. „Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ" В. Е. 95 г. 6, 7 *Его же*. „Божества древнихъ славянъ". Вып. I С.П.Б. 84.— Nakres Slovanskeho Bajeslovi. Napsal. Dr. Hanus Macnal. Praha 1891.

предметамъ ихъ первоначальнаго обожанія къ тому времени, когда объ ихъ языческой религіи заговорили въ литературѣ. Жизнь народа, когда онъ занятъ еще добывающей промышленностью (рыболовствомъ и звѣроловствомъ), всецѣло зависитъ отъ тѣхъ силъ природы, которыя помогаютъ этого рода занятіямъ. Поэтому съ весьма давняго времени въ литературѣ было отмѣчено поклоненіе русскихъ рѣкамъ и лѣсамъ и ихъ всевозможнымъ разновидностямъ: озерамъ, болотамъ, колодцамъ, рощамъ и деревьямъ. Константинъ Багрянородный, византійскій императоръ X вѣка, разсказываетъ, что руссы приносили въ жертву живыхъ птицъ у громаднаго дуба. Въ житіи св. Константина Муромскаго говорится, что русскіе приносили жертвы озерамъ и рѣкамъ, прибѣгали къ водѣ во время болѣзни и бросали въ колодцы деньги. О томъ же свидѣтельствуетъ и Густинская лѣтопись, упоминая о приношеніи богомерзкихъ жертвъ озерамъ, колодцамъ и рощеніямъ. Въ представленіи язычника неодушевленная природа являлась носительницею и блага и несчастія. Отсюда происходило желаніе умилостивить ее въ формѣ принесенія въ жертву различныхъ животныхъ и птицъ. Объ этихъ жертвахъ говоритъ архіепископъ новгородскій Макарій въ своей письмѣ къ Іоанну Грозному. „Во многихъ русскихъ мѣстахъ,—пишетъ онъ,—еще до сего времени держатся обычая предковъ кланяются и молятся лѣсу и камню, рѣкамъ и болотамъ, источникамъ и озерамъ короче говоря—всякой твари кланяются какъ Богу, чтутъ и жертвы приносятъ кровныя бѣсамъ—воловъ, овецъ, всякій скотъ и птицу“.

Заговоры и заклинанія

Если же жертвы не достигали своей цѣли, т.-е. природа не перемѣняла свой гнѣвъ на милость, то язычникъ пытался покорить ее *словомъ*. Слову, одному ли, или цѣлому реченію, извѣстному подъ названіемъ заклятія, заговора, приписывалась большая чудодѣйственная сила. Не каждый, конечно, могъ обладать такой. Существовали особые избранники, которые могли повелѣвать вѣтрами, дождями, бурями, производить засухи и ниспосылать дождь, нагонять на людей болѣзни или превращать людей въ животныхъ или птицъ. Такіе вѣщіе люди звались волхвами. Древніе литературные памятники оставили нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, а заговоры дошли даже до настоящаго времени. И донынѣ народъ думаетъ, что произнесеніемъ

извѣстныхъ словъ можно, напр. освободить дерево отъ напавшаго на него червя, вызвать продолжительную засуху, унять текущую кровь, остановить распространеніе огня и пр. Вообще народныя вѣрованія языческой эпохи очень долго сохраняются въ народной массѣ, въ формѣ обрядовъ, суевѣрій, въ народныхъ пѣсняхъ, переплетаясь съ новыми христіанскими воззрѣніями. Эти вѣрованія иногда сохраняютъ свою силу, т.-е. народъ, дѣйствительно вѣритъ въ нихъ; также, напримѣръ, въ русской крестьянской средѣ сохранилась вѣра въ заговоры, примѣты, въ вѣщіе сны, въ существованіе русалокъ, домовыхъ и т. п. Другія вѣрованія теряютъ свою силу, сущность ихъ забывается, но имѣются обрядъ, пѣсня, значеніе которыхъ для самого народа не ясно, но которые свято выполняются имъ изъ уваженія къ старинѣ. Такое отношеніе крестьянской массы къ древнимъ обычаямъ и вѣрованіямъ свойственно вообще всѣмъ народамъ: въ пѣсняхъ и обрядахъ нѣмецкихъ или французскихъ крестьянъ и до сихъ поръ еще хранятся отголоски старинныхъ вѣрованій. Но, конечно, менѣе культурный народъ хранитъ въ большой степени свои предразсудки.

Волхвы. Русскіе славяне не имѣли особыхъ жрецовъ, но у нихъ были предсказатели—волхвы. Волхвы пользовались сильнымъ вліяніемъ. Есть разсказъ въ лѣтописи о двухъ волхвахъ въ Ярославлѣ, которые говорили, что могутъ прекратить голодъ. Причину его, говорили они, надо искать у бабъ, которыя скрыли въ себѣ хлѣбъ, медъ и рыбу. Волхвы надрѣзывали женщинамъ плечи и, высыпая въ тоже время изъ своихъ рукавовъ жито, восклицали: „Вотъ видите гдѣ у нихъ хранятся хлѣбъ!“

Русскіе считая волхвовъ находящимися въ таинственномъ общеніи съ природой, приписывали имъ способность превращать людей въ различные предметы и самимъ мѣнять свой образъ. Въ народной пѣснѣ разсказывается, что кудесница Маринка превратила богатыря Добрыню въ тура съ золотыми рогами. Всеславъ, князь полоцкій, считавшійся „вѣщимъ“, могъ превращаться по желанію въ волка. Русскія сказки полны разсказами объ „оборотняхъ“,—разсказами, въ которыхъ отразилось древнее воззрѣніе народа.

Религіозные обряды.

Такъ какъ языческая религія русскихъ славянъ состояла въ поклоненіи различнымъ явленіямъ природы, то всякая перемѣна времени года тщательно отмѣчалась ими и сопровождалась особымъ праздничнымъ ритуаломъ. Циклъ языческихъ празднествъ принято считать съ 12 декабря, когда солнце начинаетъ „прибывать на лѣто", т.-е. дни начинаютъ увеличиваться. Къ этому времени относился языческій праздникъ, называемый колядой. Существенный обрядъ его состоялъ въ томъ, что молодежь ходила по домамъ славить весеннее божество: колядовать и собирать подаянія для общей жертвы. Другое названіе этого празднества было—овсень, таусень или усень (въ родствѣ со словомъ „сѣять", что показываетъ его отношеніе къ чествованію оживотворяющаго природу солнца).

Когда начинало чувствоваться первое дыханіе весны, происходилъ второй языческій праздникъ—проводы зимы, которая иногда олицетворялась въ образѣ женщины подъ именемъ Мораны или Морены. Двойное состояніе природы—скованной зимнимъ сномъ, мертвой и пробужденной живительными лучами солнца— не могъ не замѣтить народъ, такъ близко стоявшій ко всему, что совершалось въ природѣ. Отсюда въ языческомъ міровоззрѣніи русскихъ проходила идея борьбы добраго и злого начала, борьбы Бѣлбога и Чернобога. Эта идея лежала и въ основѣ празднествъ, во время которыхъ народъ радостно встрѣчалъ освобожденіе добраго бога изъ плѣна. Этотъ зимній плѣнъ соединялся въ языческомъ представленіи со смертью: и зима и смерть, какъ уже говорено, представлялись въ образѣ Морены (отъ корня *мор*—умирать). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и въ настоящее время сожигается соломенное чучело Морены при пѣніи извѣстныхъ ритуальныхъ (обрядовыхъ) пѣсенъ.

Наконецъ, встрѣча весны праздновалась на такъ называемой „Красной горкѣ": обрядовая сторона этого празднества заключалась въ хороводѣ, круговое движеніе котораго должно было знаменовать возрастающую силу солнца. Теперь Красной горкой называется воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ.

Со введеніемъ христіанства языческій календарь былъ разбитъ, если можно такъ выразиться, христіанскимъ. Посты, исполненіе которыхъ требовалось строго, отодвинули перечис-

ленные праздники на дни, положенные церковью для празднествъ. По этому коляда стала праздноваться на святкахъ, проводы зимы—на масленицѣ, а встрѣча весны—послѣ Пасхи.

Между вторымъ и третьимъ праздникомъ, въ сущности очень близкими другъ къ другу по времени, теперь лежитъ полтора мѣсяца Великаго поста.

Нынѣ вся Ѳомина недѣля носитъ названіе радуницкой. Названіе это восходитъ къ глубокой древности, и обряды, совершаемые въ это время, являются отголоскомъ отправленія весеннихъ тризнъ на могилахъ предковъ. Что съ Радуницей соединялось представленіе о культѣ умершихъ предковъ, доказывается тѣмъ, что вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ носитъ особое названіе: „Навій день“. „Навье“, по древнему выраженію, обозначало духовъ, тѣни умершихъ.

Праздникъ въ честь Купалы.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда творящая сила солнца достигала наибольшаго напряженія, а дни уже начинали убавляться, поворачивать на зиму, происходили празднества въ честь Купалы и Ярилы. И то и другое названіе восходятъ къ понятію о блескѣ и жарѣ, слѣдовательно, относятся къ солнцу. Праздники Купалы и Ярилы, какъ и остальные, сопровождались различными обрядами, въ основѣ которыхъ, между прочимъ, лежало поклоненіе богу любви. Дѣвицы заплетали вѣнки и бросали ихъ въ воду, гадая по нимъ о замужествѣ. Какъ прообразъ уходящаго на зиму солнца можно отмѣтить и обрядъ, состоявшій въ скатываніи зажженнаго колеса подъ гору. Вообще съ празднествомъ въ честь Ярилы и Купалы соединялось множество обрядовъ, обломки которыхъ, вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ пѣснями, дошли до настоящаго времени. Этнографами собранъ значительный матеріалъ объ этихъ дошедшихъ до насъ обрядахъ или, какъ ихъ называютъ въ наукѣ, *переживаніяхъ;* художественное же описаніе Ярилиной ночи каждый можетъ прочесть въ извѣстномъ этнографическомъ романѣ А. Печерскаго „Въ лѣсахъ“.

Русаліи.

Къ тому же приблизительно времени слѣдуетъ отнести празднованіе русалій. Въ лѣтописяхъ сохранилось названіе „русальной недѣли“, посвященной чествованію деревьевъ, травъ, цвѣтовъ и соединенному съ нимъ представленію о русалкахъ—душахъ умершихъ, главнымъ образомъ, насильствен-

ною смертью, особенно утопленницъ. Чествованіе деревьевъ, между прочимъ, выражалось въ украшеніи жилища деревьями и цвѣтами—обычай, исполняющійся нынѣ, какъ переживаніе, въ Троицынъ день. Представленіе о русалкахъ, послѣ введенія христіанства, особенно тѣсно соединилось съ празднованіемъ, приходившимся по христіанскому календарю въ четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ, называемомъ „семикъ". Постановленіе Стоглаваго собора (1551 г.) такъ описываетъ празднество: „по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены на кладбищахъ и плачутся на могилахъ съ великимъ крикомъ, а когда начнутъ играть скоморохи, гудцы, то они, кончивъ плакать, начинаютъ скакать и плясать, въ ладони быть и пѣсни сатанинскія пѣть на томъ же кладбищѣ".

Обычай этотъ восходитъ къ глубокой древности и напоминаетъ извѣстныя „игрища межю селы", о которыхъ говоритъ еще древнѣйшая лѣтопись; Стоглавъ, какъ видно, указываетъ на ту же распущенность нравовъ, которая въ еще большей степени замѣчалась на праздникахъ Ярилы и Купалы, съ которыми соединялось, какъ указано, представленіе о брачномъ союзѣ земли съ солнцемъ. Къ этимъ праздникамъ и относился обычай добывать себѣ женъ похищеніемъ. У язычниковъ, по словамъ лѣтописца, не бывало браковъ (т.-е. такого обряда, который былъ бы понятенъ христіанину-лѣтописцу); народъ собирался, говорили они, на „игрища", на плясаніе и всякіе бѣсовскія пѣсни, и каждый тутъ похищалъ себѣ жену, сговорившись заранѣе съ нею. Съ введеніемъ христіанства обычай „умыкать" себѣ женъ, конечно, исчезъ, но празднества продолжались и служили предметомъ особенныхъ нападокъ духовенства, какъ оскорбляющія чистоту народа.

Такъ какъ въ языческую пору у нѣкоторыхъ племенъ покойниковъ сожигали, а пепелъ въ небольшихъ сосудахъ ставили по распутьямъ, то русалки представлялись иногда преслѣдующими путниковъ по дорогамъ. Русалка считалась существомъ преимущественно злымъ: выходя лунною ночью изъ воды, мѣста своего постояннаго пребыванія, онѣ пѣніемъ и чарами старались заманить человѣка въ воду и тамъ защекотать его до смерти. Искони встрѣчавшіеся случаи гибели человѣка въ бо-

лотѣ или рѣкѣ народъ приписывалъ кознямъ русалокъ. Оттого надъ гробомъ утонувшихъ дѣтей родители причитаютъ:

Русалка царица,
Красная дѣвица!
Не загуби душки,
Не дай удавитца;
А мы тебѣ кланяемся.

Въ иныхъ пѣсняхъ русалки называются „земляночками“, т.-е. обитателями подземнаго царства:

Русалочки земляночки,
На дубъ лѣзли—кору грызли,
Звалилися-забилися.

Изъ вышеизложеннаго приходится заключить, что у русскихъ, какъ и у другихъ языческихъ народовъ, вся природа была заселена множествомъ мелкихъ духовъ, еще не принявшихъ осязательнаго антропоморфическаго характера. Болѣе ясными рисовались русскому язычнику образы домового, лѣшаго и водяного, этихъ трехъ непремѣнныхъ персонажей древнихъ русскихъ сказокъ.

Почитаніе предковъ.

Славяне почитали также души предковъ. Такъ, въ русалкахъ язычники почитали души умершихъ насильственной смертью людей. Души предковъ, живущія въ домѣ, служили предметомъ особеннаго поклоненія, подъ именемъ Рода или Рожаницъ. По словамъ Даніила Заточника—„Родомъ“ пугали дѣтей. Этому Роду приносились жертвы, съ нимъ были связаны представленія о родовомъ бытѣ, идея о долѣ и судьбѣ. Дѣйствительно, и до сихъ поръ въ народной пѣснѣ Родъ поминается какъ нѣчто цѣлое, заключающее въ себѣ всю совокупность родичей:

А итти ли мнѣ ко роду-племени,
Не познаетъ родъ-племя любимое.

Домовой.

Однако, почитаніе Рода, можетъ-быть, съ паденіемъ родового быта, было вытѣснено почитаніемъ домового. Въ народномъ представленіи послѣдній рисуется въ образѣ сѣдого старика, обросшаго сплошь волосами. Домовой—главный хозяинъ дома; что ему нравится, то онъ и окружаетъ заботами, ухо-

домъ; что ему, наоборотъ, не пришлось по сердцу, то, въ концѣ-концѣ, погибнетъ, или, какъ говоритъ народъ, „не придется ко двору“. У домового есть, напр., свои любимыя и не любимыя лошади: первымъ онъ заплетаетъ гриву, вторыя—чахнутъ и слабѣютъ. Живетъ онъ, обыкновенно, подъ печкой, т.-е. подъ очагомъ, составляющимъ, какъ извѣстно, главную часть древняго жилища. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дожилъ до настоящаго времени обрядъ переселенія домового изъ стараго жилья въ новое. Хозяйка въ послѣдній разъ топитъ печку на старомъ мѣстѣ, затѣмъ горячіе уголья несетъ въ новый очагъ и тамъ разжигаетъ. Этимъ считается, что домовой водворился въ новомъ жилищѣ.

Такимъ образомъ, домовой считается блюстителемъ домашняго очага, хранителемъ домашняго добра. Отсюда, въ каждомъ домѣ—свой домовой, что подтверждаетъ, что въ немъ отразился культъ (поклоненіе) умершихъ предковъ. Какъ предметъ почитанія, домовой упоминается въ очень древнихъ памятникахъ. Такъ, одно поученіе XIV вѣка говоритъ „о проклятомъ бѣсѣ хороможителѣ“.

Если домовой считался болѣе добрымъ геніемъ, то другіе—лѣшій и водяной—были скорѣе злыми.

Лѣшій.

Въ образѣ лѣшаго сказалось исконнее почитаніе русскими лѣсовъ. Въ древнихъ памятникахъ часто упоминаются молитвы въ священныхъ рощахъ, поклоненіе „дуплинамъ древянымъ“, почитаніе деревьевъ какъ боговъ. Лѣшій олицетворялъ собою лѣсъ и представлялся въ образѣ человѣка, дикаго вида, вышиною съ самое большое дерево. Впрочемъ, въ полѣ онъ могъ дѣлаться маленькимъ, не выше былинки. Лѣшій—существо злое, онъ старается сбить путника съ дороги въ лѣсу, завести его въ непроходимыя трущобы. Если ему удастся погубить человѣка—онъ злобно хохочетъ, и этотъ хохотъ заставляетъ цѣпенѣть отъ страха того, кто нечаянно услышитъ его. Поэтому лѣшаго слѣдовало умилостивлять жертвоприношеніями. До сихъ поръ въ народѣ сохраняется убѣжденіе, что заблудиться въ лѣсу—дѣло лѣшаго; онъ же, если смилуется, можетъ тотчасъ вывести путника на дорогу.

Водяной.

Въ силу своего характера лѣшій находится во враждѣ съ домовымъ, но въ дружбѣ съ водянымъ. Какъ лѣшій являлся

уже антропоморфическимъ представленіемъ растительнаго царства, такъ водяной воплощалъ въ себѣ вообще водную стихію. Постоянное пребываніе его—на днѣ рѣкъ, озеръ, часто подъ мельницей въ омутахъ. „*Въ тихомъ омутѣ черти водятся*“, говоритъ древняя пословица.

Въ XI вѣкѣ, по свидѣтельству правилъ митрополита Іоанна II, русскіе приносили жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодцамъ. Озера и рѣки, какъ выше указано, были предметомъ священнаго почитанія. Водяной, являющійся ихъ олицетвореніемъ, представлялся въ образѣ нагого косматаго старика,—хозяина водъ и ихъ богатствъ. Донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ любопытный обычай: рыбаки передъ уловомъ топятъ лошадь съ такими словами: „На тебѣ, дѣдушка, гостинецъ, люби да жалую нашу семью“. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ политеизма, водяной сталъ представляться отцомъ русалокъ, которыя заманиваютъ путниковъ въ воду по его приказанію.

Образы лѣшаго, водяного и домового составляютъ какъ извѣстно, главное содержаніе сказокъ, по которымъ и можно составить ихъ характеристику. Основа сказокъ восходитъ къ весьма отдаленному времени и несомнѣнно хранитъ въ себѣ черты стараго языческаго міровоззрѣнія. Сказки же доставляютъ свидѣтельства о различныхъ оборотняхъ, волколакахъ, упыряхъ, въ которыхъ и до сихъ поръ вѣритъ русскій народъ.

Съ развитіемъ земледѣлія культура народа сдѣлала шагъ впередъ, вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь его стала въ еще болѣе тѣсное отношеніе къ природѣ. На первый планъ должно было выступить поклоненіе землѣ и солнцу, отъ союза которыхъ происходилъ необходимый для жизни плодъ—хлѣбъ. Это обожаніе земли и солнца своимъ близкимъ прикосновеніемъ къ жизни должно было оставить въ тѣни прежнее поклоненіе лѣсамъ и рѣкамъ. Здѣсь уже на сцену выступаетъ политеистическая форма. Особенно полно, хотя и неясно, по недостатку письменныхъ свидѣтельствъ былъ представленъ богъ солнца.

Обоготвореніе солнца.

У русскихъ славянъ богъ солнца носилъ различныя названія и представлялся въ различныхъ видахъ. Въ Ипатьевской

лѣтописи находится не совсѣмъ ясное свидѣтельство, что солнце въ одно и то же время называлось „Сварожичемъ“, т.-е. сыномъ Сварога и „Дажь-богомъ“. Имя „Сварожичъ“ роднитъ солнце съ огнемъ: „и огню молятся, называя его Сварожичемъ“, говорится въ Словѣ Христолюбца. Сварогъ, вѣроятно, былъ верховнымъ божествомъ славянъ и олицетворялъ собою небо. Однако, относительно Сварога, какъ отдѣльнаго божества русскихъ славянъ, нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ въ памятникахъ. Есть отчество „Сварожичъ“, какъ въ пѣсняхъ „Калывановичъ“, но и тамъ и тутъ нѣтъ свѣдѣній объ отцѣ. Можетъ быть, представленіе о послѣднемъ пришло откуда-нибудь извнѣ, и не составляло органическаго созданія народной миѳологіи.

Такъ какъ небо являлось областью, откуда съ одной стороны свѣтило благодѣтельное солнце, съ другой—изъ него, покрытаго черными тучами, летѣли на землю смертоносныя стрѣлы—молніи, то, несомнѣнно, язычникъ долженъ былъ считать небо божествомъ главнымъ. Если подъ именемъ Сварога нужно понимать небо ясное, сіяющее, то, наоборотъ, мрачное, съ бурей и грозою олицетворялось въ народной миѳологіи подъ именемъ Перуна.

Перунъ былъ наиболѣе часто упоминающимся божествомъ русскихъ. По свидѣтельству Густинской лѣтописи, Перунъ былъ у русскихъ старѣйшимъ богомъ, изображаемымъ на подобіе человѣка, у котораго въ рукахъ былъ многоцѣнный камень словно огонь, и ему, какъ главному богу, приносились жертвы.

Во многихъ русскихъ городахъ были воздвигнуты идолы этого бога; особенно многочисленны они были въ Кіевѣ. Идолы Перуна ставились обыкновенно на холмахъ или вообще на какихъ-нибудь возвышенностяхъ. Начальная лѣтопись, въ разсказѣ о вокняженіи Владимира въ Кіевѣ, говоритъ, что на холмѣ внѣ теремнаго двора великій князь поставилъ деревяннаго Перуна съ серебряной головой и золотыми усами. Другимъ своимъ богамъ, кромѣ Перуна и Велеса, русскіе не ставили идоловъ.

Перунъ былъ особеннымъ предметомъ почитанія русскихъ. Имъ клялись они, заключая торговые и военные договоры. Когда послѣ принятія христіанства, Владимиръ сталъ уничто-

жать кумиры, то Перуна, какъ наиболѣе чтимаго, великій князь приказалъ привязать къ конскому хвосту и стащить по Боричеву спуску въ Днѣпръ. Двѣнадцать мужей было приставлено бить его при этомъ палками. „И,—говоритъ лѣтопись,—плакалъ невѣрный народъ, глядя на своего чтимаго кумира“. Съ именемъ Перуна сохранилось на Руси многое множество различныхъ мѣстечекъ, урочищъ, показывающихъ, что на нихъ когда-то находились идолы этого бога. Перуну приносились жертвы не только, какъ обыкновенно, изъ скота, птицъ, но даже человѣческія, такъ какъ Перунъ олицетворялъ воинственную, гнѣвную силу неба. Извѣстенъ разсказъ лѣтописи о двухъ варягахъ-христіанахъ, принесенныхъ въ Кіевѣ въ жертву. Когда въ Новгородѣ произошелъ подобный вышеизложенному случай низверженія Перуна въ Волховъ, то одинъ человѣкъ оттолкнулъ шестомъ приставшаго къ берегу идола и, очевидно, намекая на приносимыя ему жертвы, сказалъ: „Ты, Перунище, досыта уже ѣлъ и пилъ, теперь поплыви прочь“.

Наиболѣе распространеннымъ названіемъ бога солнца было „Дажь-богъ“. Въ Словѣ о полку Игоревѣ русскіе называются внуками Дажь-бога. Въ этомъ имени солнца скрывается понятіе о дарующему всѣму жизнь силѣ солнца. Другимъ его названіемъ было „Хорсъ“, упоминаемое въ томъ же Словѣ. Всеславъ, князь полоцкій, рисуется въ этомъ памятникѣ „перебѣгающимъ путь великому Хорсу“, т. е. встающемъ еще до восхода солнца.

Если Перунъ и Хорсъ-Дажь-богъ были наиболѣе распространенными божествами, какъ олицетвореніе дающаго жизнь тепла и свѣта, то въ одинаковой съ ними степени чтилось божество, покровительствовавшее скотоводству—Велесъ или Волосъ. Въ договорѣ Святослава съ греками, русскіе клялись Перуномъ и Волосомъ, „скотьимъ богомъ“. Идолъ этого бога стоялъ еще въ XI вѣкѣ въ Ростовѣ и былъ разрушенъ св. Аврааміемъ, проповѣдовавшимъ тамъ христіанство. По всѣмъ вѣроятіямъ, Волосъ прежде чѣмъ стать покровителемъ стадъ, былъ тоже однимъ изъ названій солнца. Только въ такомъ случаѣ будетъ понятно, почему пѣвецъ Баянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ называется „Велесовымъ внукомъ“.

Божество земли главнымъ образомъ выразилось въ названіи Мать-Земля Сырая. Особенной характеристики ея памятники не даютъ.

Такъ какъ политеизмъ русскихъ не успѣлъ достаточно развиться и былъ прерванъ введеніемъ христіанства, то въ настоящее время трудно, почти невозможно, установить не только генеалогію боговъ, но даже опредѣлить значеніе тѣхъ названій боговъ, которыя до насъ дошли. Затемнѣнію языческаго міросозерцанія весьма много содѣйствовали духовные пастыри, старавшіеся всячески уничтожить въ народномъ представленіи остатки бѣсовской вѣры. Такъ и остается неяснымъ, какихъ боговъ русскіе подразумѣвали подъ именами Симарьгла, Мокоши, Переплута, Дыя и Трояна. Большей опредѣленностью еще отмѣченъ Стрибогъ, считавшійся богомъ вѣтра: въ Словѣ о полку Игоревѣ вѣтры называются „внуками Стрибога".

Таковъ въ общихъ чертахъ очеркъ религіознаго міровоззрѣнія русскихъ въ языческую эпоху. Природа представлялась народу одухотворенной. Всюду жили добрые и злые духи, имѣвшіе близкое отношеніе къ жизни каждаго человѣка. Древній русскій близко зналъ природу, но все-таки не на столько, чтобы быть въ состояніи объяснить себѣ всѣ ея проявленія, чудеса. Поэтому ихъ считалъ онъ дѣйствіемъ особой, внѣ его стоящей силы, и доброй и злой въ одно и то же время. Эту силу надо было умилостивлять, заставлять служить себѣ.

Переживаніе язычества.

Уже выше говорено, что по множеству мелкихъ божествъ міровоззрѣніе русскаго напоминаетъ такое же воззрѣніе другихъ народовъ. Всѣ эти мелкіе геніи сопровождали жизненный путь человѣка отъ рожденія до смерти. Вотъ почему у русскихъ, даже до настоящаго времени, осталось такое множество обрядовъ. Обряды эти—остатки древнихъ языческихъ служеній божествамъ, сопровождавшихся жертвами, заклинаніями, пѣснями и особымъ ритуаломъ. Народъ и донынѣ поетъ пѣсни, совершаетъ различные обряды, прямой смыслъ которыхъ уже пересталъ быть для него ясенъ. Современные обряды, какъ указано, представляютъ *переживанія*, составляющія, большею частію, механическое воспроизведеніе идущаго отъ глубокой древности обряда.

Тѣмъ не менѣе, остатки языческаго міровоззрѣнія упорно сохраняются въ русскомъ народѣ. И это понятно. Распространеніе христіанства по Руси не было дѣломъ легкимъ. Языческой религіи, основанной на почитаніи видимаго міра, противопоставлялось почитаніе міра духовнаго. Чтобы изгнать остатки язычества или, какъ его называли духовные писатели, вѣры въ бѣсовъ, пастыри прибѣгали или къ поученіямъ, гдѣ языческіе боги приравнивались къ бѣсамъ Священнаго Писанія, или дѣйствовали силой—низвергая кумиры, обличая волхвовъ или, наконецъ, назначали празднованіе христіанскимъ святымъ приблизительно въ дни, когда совершались языческія требы и празднества. Послѣднимъ думали вытѣснить языческій обрядъ христіанскимъ. На самомъ же дѣлѣ случилось то, что черты языческихъ божествъ были перенесены на христіанскихъ святыхъ, языческіе обряды тѣсно соединились съ христіанскими и въ такомъ видѣ пережили вѣка. Оттого и случилось, что въ Троицынъ день стали украшать дома березками, Іоаннъ Креститель сталъ зваться Иванъ Купало, при чемъ были сохранены всѣ обрядности купальской ночи, на Илью пророка отложились черты Перуна-громовника, Волоса смѣнилъ св. Власій и многое другое, что еще до сихъ поръ живетъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Интересенъ, фактъ, сообщаемый И. Е. Забѣлинымъ, свидѣтельствующій, что въ русскомъ народѣ не забыто даже идолопоклонство. Дѣло происходило въ половинѣ XIX вѣка. Съ археологической цѣлью раскапывали на югѣ Россіи Чертомлыцкій курганъ. На вершинѣ кургана стояла каменная баба, т.-е. вытесанный когда то въ языческую пору каменный идолъ какого-то бога. Истукана пришлось снести съ кургана и положить у его подошвы. Въ окрестномъ населеніи, однако, этотъ переносъ возбудилъ неудовольствіе. Оказалось, что каменная баба считается цѣлительницею лихорадки. Случившаяся въ то лѣто засуха стала приписываться тому, что чтимая каменная баба брошена у подошвы. Когда же ее поставили на другомъ курганѣ, то очевидцы наблюдали такое зрѣлище: на зарѣ къ каменному идолу подошла какая-то крестьянка съ ребенкомъ, она кланялась ему и поднимала на рукахъ своего младенца. Затѣмъ, положивъ

мѣдную монету, удалилась. Оказалось, что женщина приходила молиться идолу объ избавленіи своего ребенка отъ лихорадки. Это, очевидно, былъ не первый случай, такъ какъ у стараго подножія каменной бабы были найдены деньги XVIII и XIX вѣка.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ послѣднія десятилѣтія народные обычаи и вѣрованія быстро исчезаютъ подъ вліяніемъ школъ и духовенства.

С. Шамбинаго.

Научныя мнѣнія о догосударственномъ бытѣ русскихъ племенъ. *)

Недостаточность древн. извѣстій.

Извѣстно, что среди русскихъ племенъ государство установилось поздно, во второй половинѣ IX в. Независимо отъ вопроса объ образованіи государства при посредствѣ призванныхъ варяговъ или безъ нихъ, ясно и несомнѣнно одно: Олегъ и его ближайшіе преемники силою оружія объединили русскія племена въ одно государство. Мы также хорошо знаемъ, что до объединенія русскія племена жили разъединенно, не составляя государствъ. О такой разъединенной жизни не только русскихъ, но и другихъ славянъ свидѣтельствуютъ многіе наблюдатели, византійцы (съ VI в.) и нѣмцы (о прибалтійскихъ славянахъ), и наша лѣтопись знаетъ о такомъ періодѣ въ русской исторіи. Сообразивъ всѣ это условія, естественно, приходится задаться вопросомъ: какой же укладъ господствовалъ въ этомъ періодѣ въ средѣ племенъ? Вѣдь была же какая-нибудь

*) *Важнѣйшая литература* этого вопроса слѣд. *С. М. Соловьевъ*. „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“ (1847 г.) „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Т. 1. *К. Д. Кавелинъ*. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи (1847), въ „Собраніи сочиненій“. Т. 1. *Никитскій*. „Теорія родового быта въ древней Руси“. (Вѣстн. Евр.“, 1870 г., № 8). *К. Аксаковъ*. „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ (1850 г.), въ 1 т. „Полнаго Собранія сочинененій“. *Бѣляевъ*. „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика“. „Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн.“, 1850, кн. VIII. *Соколовскій*. „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Руси“, 1877. *Леонтовичъ, Ѳ. И.* Задружно-общиный характеръ политическаго быта древней Руси“, 1874. *Блюменфельдъ*. „Къ вопросу о землевладѣніи въ древней Россіи“. Одесса 1884.) K. Kadleé. „Nekolik Kapitol z oboru slovenskaho prava“ (osveta 1894; отд. 1894. *И. Сабѣстіанскій*. Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридич. быта древн. славянъ. Харьковъ 1892 г.

связь между людьми, и не бродили же люди въ одиночку, подобно звѣрямъ. Но тутъ столь же естественнымъ является и другой вопросъ: есть ли у насъ достаточно свѣдѣній для уясненія себѣ быта того времени? Дѣйствительно, прямыхъ источниковъ нѣтъ, и ученый изслѣдователь принужденъ пользоваться указаніями косвеннаго характера и такимъ сложнымъ путемъ искать истину. Въ самомъ дѣлѣ, разсказы иностранныхъ писателей очень отрывочны, да и ихъ наблюденія дѣлались издалека и требуютъ поэтому провѣрки: не ошибся ли иноземецъ, случайно узнавъ о какомъ-нибудь обычаѣ? Нашъ начальный литописецъ тоже писалъ на основаніи преданій, для него самого уже чуждыхъ.

Итакъ, показанія древнихъ писателей нуждаются въ провѣркѣ и дополненіяхъ.

Отношенія между людьми, о чемъ сейчасъ идетъ рѣчь, составляютъ отношенія правовыя, т.-е. основанныя на извѣстныхъ правовыхъ понятіяхъ народа. Но тогдашнее исключительно обычное право не было записываемо. Правда, правовыя понятія долго держатся въ воззрѣніяхъ народа и обычно правовыя воззрѣнія заносятся обыкновенно въ первые письменные памятники. Правда, такой русскій памятникъ, Русская Правда, содержитъ въ высшей степени цѣнныя указанія въ данномъ направленіи; но эти указанія недостаточны, потому что сама Правда слагалась уже тогда, когда догосударственный бытъ дѣлался предметомъ переживаній въ народныхъ обычаяхъ и правѣ.

Итакъ, древность оставила намъ очень блѣдныя свидѣтельства въ видѣ писанныхъ текстовъ.

Сравнительное изученіе соврем. народныхъ обычаевъ. Необходимо привлекать для изученія древности.

Въ такомъ случаѣ ученому приходится обращаться къ пріемамъ двоякаго рода: во-первыхъ, къ аналогіямъ съ исторіей и бытомъ другихъ народовъ. Одно провѣряется другимъ и сопостановляется съ обрывистыми извѣстіями древности. Изученіе жизни человѣчества показало, что одни и тѣ же явленія повторяются у совершенно различныхъ народовъ. Такое сходство объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что народы, имѣющіе одинаковыя учрежденія, живутъ въ приблизительно одинаковыхъ условіяхъ и имѣютъ одинаковыя потребности. Во-вторыхъ, народы, имѣющіе одно происхожденіе, напр., арійскіе народы, отъ ко-

торыхъ происходятъ европейцы, вынесли эти учрежденія изъ общей родины; одинаковость условій мѣстъ, въ которыхъ они впослѣдствіи жили, уже при отдѣльномъ существованіи, поддерживали сходство этихъ учрежденій. Далѣе народъ, переселяясь, выдѣляясь изъ какого-нибудь стараго государства, переносилъ и учрежденія на новую родину.

Наконецъ, чѣмъ больше развиваются люди, чѣмъ народы тѣснѣе соприкасаются другъ съ другомъ, тѣмъ больше они имѣютъ общихъ потребностей; далѣе—чѣмъ больше знакомятся между собою, тѣмъ болѣе заимствуютъ другъ у друга для удовлетворенія этихъ одинаковыхъ потребностей.

Эти заимствованныя учрежденія, примѣняясь къ новой почвѣ, могутъ потерпѣть значительныя измѣненія, но нѣкоторое сходство въ ихъ типѣ все-таки остается. Сравненіе можетъ итти болѣе или менѣе далеко: можно сравнивать учрежденія народовъ одного племени, напр. славянъ, можно сравнить бытъ народовъ цѣлой расы, напр. арійской, можно, наконецъ, расширить сравненія до наблюденія жизни всего человѣчества. Конечно, чѣмъ уже сравненіе, тѣмъ больше основанія встрѣтить сходное явленіе, такъ какъ у одноплеменныхъ народовъ простое родство происхожденія можетъ вызвать сходство учрежденій. Но не надо забывать другого факта: сходство учрежденій является еще вслѣдствіе одинаковости другой причины—именно одинаковости условій физическаго и общественнаго существованія. Одинаковую степень развитія могутъ пережить и совершенно чужіе другъ другу народы. Ставя наблюденія на почву возможно широкаго сравненія, изслѣдователь наиболѣе приближается къ исторіи всего человѣчества *). Нѣкоторыя явленія

*) Такимъ путемъ избѣгается, между прочимъ, одна большая ошибка, которую испытала исторія нашего вопроса: чѣмъ уже наблюденія, тѣмъ больше соблазновъ считать наблюдаемое явленіе за особенности извѣстнаго народа или племени, тѣмъ, значитъ, больше возможности замкнуться въ свое національное узкое самолюбіе и тѣмъ больше возможности обособить себя отъ всего культурнаго человѣчества, считать своею миссіею не общечеловѣческія культуру и науку, а какія то особыя, намъ однимъ свойственныя. Въ эту ошибку впали славянофилы. Ограничивши кругъ своихъ наблюденій одними славянскими народами, они старались утвердить въ наукѣ и обществѣ то положеніе, что догосударственной формой союза русскихъ была семья и община, исключительно

современной намъ жизни уже потеряли свой реальный смыслъ. Это и есть *переживанія.* Причина ихъ существованія заключается въ слѣдующемъ: весь старый общественный строй не замѣняется одновременно новымъ. При господствѣ стараго быта уже зарождаются новыя явленія; приживаясь къ старымъ, они не замѣтно подтачиваютъ ихъ, пока сами не становятся на ихъ мѣсто; но паденіе стараго быта не ведетъ за собою совершеннаго исчезновенія и всѣхъ безъ исключенія старыхъ навыковъ: многіе изъ нихъ переживаютъ этотъ строй и остаются существовать въ новомъ.

Эти обломки старины, эти переживанія встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ спокойнѣе и медленнѣе развивается народъ, чѣмъ меньше онъ вынесъ сильныхъ переворотовъ и потрясеній. Есть ученые, которые утверждаютъ, что видимыя вліянія, какъ завоеванія, нашествія враговъ и т. п., не могутъ и не способны оказать сколько-нибудь значительнаго вліянія, на общественный строй: онъ, какъ живой организмъ, развивается, хотя и въ опредѣленной средѣ, но самъ отъ себя; его ткани и элементы смѣняются медленно и постепенно. Если части, находящіяся на поверхности, претерпѣваютъ наибольшія измѣненія, приспособляясь къ перенесенію видимыхъ явленій, такъ сказать изъ чувства самосохраненія, создавая себѣ различныя орудія, которыя ослабляютъ вредныя внѣшнія вліянія, то внутренніе глубоко скрытые элементы организма поэтому не подвергаются до такой степени этимъ вліяніямъ, сохраняютъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ свои старыя ткани и еще менѣе, чѣмъ первые, способны къ какому-нибудь воспріятію чужого.

составлявшія свойства славянской народности. Позднѣйшая наука подорвала довѣріе къ такому взгляду. Послѣдняя изъ теорій о бытѣ восточныхъ славянъ,—задружная, широко воспользовалась данными сравненій, черпая свои наблюденія изъ явленій не только славянскихъ, европейскихъ, но даже всѣхъ арійскихъ народовъ и стараясь отыскать такія же явленія въ бытѣ всѣхъ народовъ. Благодаря этому же поставлено и рѣшеніе нашего вопроса на почву общечеловѣческую; введя такимъ образомъ его въ систему общечеловѣческой исторіи, она содѣйствовала укорененію убѣжденій, что и процессъ дальнѣйшаго развитія русской жизни въ значительной степени сходенъ съ процессомъ развитія европейскихъ народовъ.

Роль такихъ кроющихся въ нѣдрахъ народнаго организма элементовъ и играетъ, въ глазахъ многихъ изслѣдователей современнаго крестьянскаго быта, переживаніе. Нѣкоторыя явленія суть есть сколокъ, остатокъ древнѣйшаго быта. По такимъ переживаніямъ ученые нерѣдко и стараются возстановить людскія отношенія того времени, отъ котораго сохранились лишь немногочисленныя и крайне неясныя свидѣтельства.

Изучая всѣ указанныя данныя, т.-е. свидѣтельства иностранцевъ, письменные юридическіе памятники древнѣйшаго времени, наконецъ переживанія старинныхъ обычаевъ, можно возстановить картину древнѣйшаго быта. Разумѣется, сдѣлать это очень трудно, возможны увлеченія и ошибки, наконецъ, чѣмъ шире общее достояніе науки, тѣмъ скорѣе можно прійти къ болѣе возможнымъ выводамъ. И все-таки это будутъ предположенія, теоріи, болѣе или менѣе достовѣрныя. Такъ случилось и съ вопросомъ о древне-русскомъ бытѣ. Этотъ вопросъ не рѣшенъ еще окончательно, но въ настоящее время онъ уже значительно выясненъ и сдѣланы предположенія, во многомъ близкія къ истинѣ. Съ развитіемъ науки высказаны были три теоріи, объясняющія догосударственный бытъ древней Руси: теорія *родового быта*, теорія *общиннаго быта* и *задружнаго*. Съ этими взглядами мы сейчасъ и ознакомимся.

Теорія родового быта.

Первая по времени теорія есть теорія *родового быта*. Хотя основаніе ея положено дерптскимъ професоромъ Эверсомъ еще въ 20-хъ годахъ XIX в., но полное развитіе ея и выясненіе значенія для хода явившейся послѣ родового быта государственной жизни, смѣну началъ этого быта началами государственными, впервые показалъ знаменитый русскій историкъ С. М. Соловьевъ (въ 40-хъ городахъ). Къ его теоріи мы и обратимся.

У нашихъ передковъ господствовалъ *родовой бытъ*. Понятіе *рода* почти исчезло изъ современнымъ представленій. Сохранились лишь производныя отъ него: *родство, родственники*, означающія извѣстныя правовыя отношенія лицъ, имѣющихъ одно происхожденіе.

Современная жизнь не имѣетъ и явленій, вполнѣ тождественныхъ тѣмъ, какія были обусловлены родовымъ строемъ. Современный человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ свойственныхъ ему

представленій, чтобы понять тотъ бытъ, о которомъ идетъ рѣчь. Въ наше время мы привыкли видѣть людей, соединенныхъ семейными узами. Изъ родственныхъ это наиболѣе тѣсная связь. Уже связь съ родственниками значительно слабѣе и по большей части ничѣмъ не отличается отъ связей съ посторонними. Въ видѣ обломковъ старыхъ отношеній существуетъ еще нѣсколько кровныхъ, родственныхъ правилъ, ставящихъ родственниковъ въ особое отношеніе другъ къ другу, наприм., таковы законы о бракѣ и наслѣдованіи родовыхъ имуществъ. Фактически же въ наше время люди сходятся, живутъ бокъ-о-бокъ, вступаютъ въ тѣсное и близкое общеніе другъ съ другомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе какого-нибудь соединяющаго ихъ, общаго имъ, интереса, наприм.: общей торговли, общей дѣятельности, сходства воззрѣній и пр. Не то было въ древности: *только кровное родство объединяло людей*. Каждый союзъ простирался на всѣхъ, имѣющихъ одного общаго *предка;* въ него входили нисходящіе и восходящіе родственники: прадѣдъ, дѣдъ, отцы, дѣти; боковые: дяди, племянники, братья. Словомъ, сколько бы лицъ ни было въ живыхъ, если эти лица, по общему ихъ убѣжденію, соединены кровною связью, могутъ назвать одного общаго предка, всѣ такія лица—члены одного рода. „Родъ означалъ всю совокупность степеней родства какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ дальнихъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ“. Это было нѣчто совершенно отличное отъ семьи. „Семья означала первоначально жену, супругу, потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ“. Но семья поглощалась родомъ.

Сущность родовой связи

Глава рода.

Члены рода имѣютъ извѣстное, опредѣленное отношеніе, какъ между собою, такъ и съ посторонними. Эти отношенія всѣ вытекаютъ изъ представленій о кровномъ родствѣ. Объединеніе рода съ видимой стороны выражалось въ единствѣ *главы* его. Онъ носилъ названіе: *старца, жупана, владыки, князя*. Самое слово *князь* Соловьевъ объясняетъ, возводя къ праарійскому языку, происходящимъ отъ одного корня съ латинскимъ genitor, т.-е. родитель. Пока количество родственниковъ было не настолько велико, чтобы возникало затрудненіе опредѣлить дѣйствительное старшинство по лѣтамъ и по родству, князь, дѣйствительно, могъ быть старѣйшимъ.

Но когда родичи размножались, такое опредѣленіе становилось затруднительнымъ, и старѣйшихъ выбирали собраніемъ всего рода. Выборъ сопровождался особымъ обрядомъ: избраннаго торжественно сажали на первое мѣсто, отсюда и выраженіе: *посадить князя.* Въ первомъ случаѣ, т.-е. если старѣйшій родичъ на виду, порядокъ наслѣдованія старшинства происходилъ, по мнѣнію Соловьева, такъ, какъ совершалось наслѣдованіе княжескихъ столовъ князей Рюрикова дома. Послѣ основателя рода, отца, мѣсто его занималъ старшій сынъ; послѣ смерти послѣдняго по порядку слѣдуетъ второй сынъ—братъ умершаго, и до тѣхъ поръ, пока не исчерпается первое колѣно, т.-е. всѣ сыновья перваго родоначальника не побываютъ въ старѣйшинахъ, старѣйшинство не переходитъ ко второму. Послѣднее опять-таки начинается со старшаго въ родѣ, т.-е. съ сына старшаго брата, а кончается послѣднимъ членомъ этого колѣна, затѣмъ въ такомъ же порядкѣ переходитъ къ третьему колѣну и т. д. Каждый князь, старѣйшій по наслѣдованію или по избранію, заступаетъ мѣсто отца по отношенію къ старшимъ родичамъ. — „Старшій имѣетъ обязанность блюсти выгоды своего рода“, держать своихъ родичей, какъ дѣтей, уважать одинаково интересы всѣхъ. Въ свою очередь, младшіе оказывали ему уваженіе, какъ отцу, всѣ дѣла, касающіяся рода, рѣшались при его участіи и съ его вѣдома, имущество рода находилось въ его завѣдываніи, наконецъ, онъ могъ судить и наказывать младшихъ. Но самый фактъ увеличенія рода велъ за собою разрѣженіе привязанности къ родовымъ интересамъ: у человѣка создавалось различіе между болѣе близкими и болѣе отдаленными родственниками. Появленіе такого сознанія необходимо влекло къ нарушенію интересовъ цѣлаго и въ ущербъ имъ и предпочтительно передъ ними къ уваженію интересовъ ближайшихъ лицъ.

Причины раздѣленія рода.

Явившіеся слѣдствіемъ этого раздоры вызывали дробленіе рода, отторженіе нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніе ихъ на другія мѣста. Послѣднее возможно только тогда, когда мѣстъ свободныхъ много. Но существовали и тогда условія, препятствовавшія свободному разселенію. „Это особенно случалось въ городахъ, мѣстахъ, выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими уси-

ліями родичей и цѣлыхъ поколѣній“. Такія мѣста была дороги и важны для всѣхъ родичей вслѣдствіе именно удобствъ, даваемыхъ ими для защиты и промысловъ. Выселяться отсюда было невыгодно; поэтому борьба здѣсь обострялась. Роды, живущіе въ городахъ, должны были создавать особыя организаціи; таковыми были „общія сходки, совѣты, вѣча“, на которыхъ участвовали старцы, представители родовъ. Младшіе члены только слушали, но не принимали участія въ совѣтахъ старшихъ. Но потребностямъ мирной совмѣстной жизни эти собранія не могли удовлетворить. И какъ необходимый исходъ изъ родовыхъ усобицъ явилось *призваніе князей* для устройства и поддержанія мирныхъ отношеній между членами живущихъ въ одномъ мѣстѣ родовъ. „Здѣсь же и зарожденіе государственнаго начала, соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, во главѣ которой стоялъ князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшихъ, родоначальниковъ“. Здѣсь появилась уже новая власть, ослабившая прежнюю. Прежніе родоначальники еще продолжаютъ пользоваться особымъ почетомъ. Мы встрѣчаемъ ихъ въ видѣ градскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ: они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ, съ ними совѣтуется князь. „Но въ концѣ разсматриваемаго періода, общинная жизнь получила перевѣсъ, благодаря чему роды распались на отдѣльныя семьи, прежнее представительство ихъ на вѣчахъ исчезло, князь совѣщается уже не съ одними ними, а съ цѣлою общиной“.

Таковыя отношенія власти и подчиненія въ родовомъ бытѣ.

Имущественныя отношенія въ родѣ

Другая сторона его—*имущественное отношеніе* родичей. Мы видѣли, что интересъ цѣлаго долженъ поглощать интересы всѣхъ его частей: при такомъ только условіи возможны мирныя родовыя отношенія. Конечно, при этомъ не могло быть мѣста и *личной поземельной собственности,* такъ какъ она вызываетъ усиленіе обособленности лица и семьи. „Родовой бытъ вызывалъ общую нераздѣльную собственность и наоборотъ: общность, нераздѣльность собственности служила самою прочною связью для членовъ рода, выдѣленіе вызывало необходимо и расторженіе родовой связи“. „Когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ“. Это общее имущество управляется старѣйшимъ подъ контро-

лемъ членовъ рода, имъ распредѣляются работы, раздается всѣмъ пища и одежда.

Другіе представители интересующей насъ теоріи дополнили представленіе о родовомъ поземельномъ владѣніи. Такъ, Никитскій полагалъ, что обособленіе собственности началось съ движимыхъ вещей; недвижимости же, а значитъ и земли, находились въ общемъ владѣніи всего рода. У различныхъ народовъ на этой ступени развитія могли быть только различныя формы пользованія общею землею, именно: у однихъ сообща всѣми родичами производились всѣ земледѣльческія работы, и дѣлились только продукты труда; такъ было у римлянъ; у другихъ—какъ у германцевъ—практиковалось отдѣльное пользованіе землею, т.-е. всѣ земли дѣлились между членами рода поровну, и каждый работалъ уже на своемъ, полученнымъ имъ отъ рода участкѣ. Эти участки находились въ срочномъ пользованіи. По истеченіи опредѣленнаго срока земля снова передѣлялась. Авторъ склоненъ думать, что у русскихъ славянъ практиковалась первая—римская система.

Мы выше видѣли, что все измѣряется происхожденіемъ и кровнымъ родствомъ; отчлененіе понимается только подъ этими формами. Не имѣя постоянной практики общенія съ посторонними, члены рода и не вырабатываютъ особыхъ своеобразныхъ формъ для этого. Посторонній по самому своему положенію—не родичъ—врагъ. Если онъ не врагъ, то онъ долженъ быть разсматриваемъ какъ родственникъ. Это и понятно: каждый новый предметъ человѣкъ, прежде всего, хочетъ подвести подъ категорію знакомыхъ ему.

Введеніе въ родъ постороннихъ.

Съ вопросомъ объ отношеніяхъ посторонняго связанъ вопросъ о размноженіи рода. Большинство представителей родовой теоріи утверждало, что увеличеніе рода идетъ путемъ естественнаго наростанія—путемъ рожденій. Никитскій рѣшаетъ его нѣсколько иначе—именно: разрастаніе рода обязано не только естественному рожденію, но и примѣненію фикціи родства къ постороннимъ. Посторонній, мы сказали, если онъ не врагъ, разсматривается какъ родственникъ, между тѣмъ, въ дѣйствительности родства никакого не было. Въ этомъ и заключалась фикція родства. Для установленія такого родства существовали различные обряды, наприм. выпивалось вино или кровь изъ

общей чары. Подобные обряды сохранились и до сихъ поръ для тѣхъ случаевъ, когда хотятъ символизировать близкое единеніе людей: прежній духъ установленія родства сохранился въ такихъ обычаяхъ, какъ брудершафтъ. Въ настоящее время при единеніи людей все значеніе придается духовной сторонѣ дѣла, обрядъ только символъ, неимѣющій никакой обязывающей силы; въ прежнее время, напротивъ, вся сила заключалась именно въ обрядѣ. Только совершеніе его устанавливало прочную связь между людьми и порождало всѣ родственныя взаимныя отношенія: послѣ совершенія его принятый становился вполнѣ равноправнымъ членомъ рода. Благодаря этому, родственники уже не могли имѣть какого-нибудь одного дѣйствительнаго предка. Въ концѣ-концовъ устанавливался и какой-нибудь вымышленный родоначальникъ, въ лицѣ котораго миѳически олицетворяется теперь идея общаго происхожденія.

Общія черты родовой организаціи.

Такова сущность родовой теоріи. Если свести все сказанное къ краткимъ опредѣленіямъ, то ихъ можно выразить слѣд. образомъ. Древнѣйшій бытъ не зналъ *государственнаго строя*: племя распадалось на отдѣльныя организаціи, называвшіяся *родами*. Родъ состоитъ изъ всѣхъ *родственниковъ* и тѣхъ лицъ, которые въ него допущены по обрядамъ. Во всякомъ случаѣ, связь между родными считается *кровной*. Роды цѣлаго племени иногда сообща рѣшаютъ вопросы на общихъ *вѣчахъ*, но каждый родъ живетъ отдѣльно и независимо. Во главѣ рода стоитъ *родоначальникъ*—князь, управляющій родомъ. Родъ сообща владѣетъ *имуществомъ*, почему еще нѣтъ понятія о частной собственности, особенно о *поземельной*. Представляя особую организацію, всѣ члены рода обязаны оберегать каждаго изъ своихъ сочленовъ. Отсюда развиваются два обычая, священные для членовъ рода. Если причинено какое-нибудь насиліе одному изъ членовъ рода, наприм., оскорбленіе, убійство, то мстить должны всѣ родичи, т.-е. нанести враждебному роду такое же зло, оскорбленіе или убійство. Это есть обычай *кровавой мести*. Изъ этого же слѣдуетъ, что всѣ члены рода отвѣчаютъ за каждаго изъ своихъ родичей, т.-е. если въ средѣ рода есть убійца—членъ чужого рода, то каждый изъ сородичей убійцы можетъ быть убитъ во исполненіе обычая кровавой мести: противники убиваютъ столько членовъ враждебнаго

рода, сколько считают нужным убить сообразно важности потери, или сколько могут, сообразно своей силѣ. Конечно, если кто-либо изъ членовъ рода попадетъ въ плѣнъ, то всѣ обязаны его выкупать и проч. Это—второй обычай родового строя—*круговая порука* родичей. Разумѣется, съ *образованіемъ государства родъ* легко *разлагается*, хотя бы и потому, что отдѣльная семья находитъ защиту и судъ не только у рода, но и у князя.

Родовой бытъ у всѣхъ народовъ.

Въ силу общности законовъ человѣческаго развитія, родовой бытъ существовалъ на извѣстной ступени развитія у всѣхъ народовъ. Историческія свидѣтельства очень хорошо обрисовываютъ намъ родовой строй древняго Рима, родовой бытъ древнихъ германцевъ—остатки того же быта, какъ они описаны въ гомеровскихъ поэмахъ и т. п. У нѣкоторыхъ даже и современныхъ народовъ сохранились остатки этого быта: кавказскіе горцы жили въ родовомъ строѣ предъ покореніемъ ихъ русскими, и теперь у многихъ племенъ господствуютъ родовыя отношенія до кровавой мѣсти включительно.

Правда, свѣдѣнія о родовомъ бытѣ у русскихъ славянъ весьма неясны. Но уже аналогія, представляемая другими народами, а также переживавія этого быта, какъ кровавая месть и круговая порука, понятія о которыхъ дожили до Русской Правды, дѣлаютъ предположеніе Соловьева о томъ, что русскіе славяне переживали эпоху родового быта, вполнѣ вѣроятнымъ. Въ этомъ теперь никто не сомнѣвается.

Но весьма спорный вопросъ заключается въ слѣдующемъ: *когда* русскіе славяне оставили формы родового быта, т.-е. въ періодъ сложенія государства, или раньше и, наконецъ, точно ли родовой бытъ, распадаясь, переходилъ въ государственный, или между родовымъ строемъ и государственнымъ было еще какое-нибудь *посредствующее звено?* Разъясненія, которыя давалъ по этимъ вопросамъ Соловьевъ, не удовлетворяли другихъ ученыхъ. Общій характеръ возраженія сводится къ слѣдующему: Соловьевъ, Кавелинъ и др. нѣкоторыя выраженія лѣтописи толковали въ томъ смыслѣ, что они свидѣтельствуютъ о *существующемъ родѣ*. Но эти мѣста можно и иначе понимать, а нѣкоторые признаки можно признавать только *остатками, переживаніями родового быта* (наприм. и остатки

обычая кровавой мести) *). Если это такъ, то русскія племена въ IX в. уже *вышли* изъ періода родового быта. Въ такомъ случаѣ, что же изъ себя представлялъ этотъ бытъ?

Обдумывая свою теорію, Соловьевъ упустилъ изъ виду нѣкоторыя явленія быта русскаго крестьянства, которыя носятъ всѣ признаки глубокой старины. Это явленіе—русская *поземельная община*, до сихъ поръ коренящаяся въ средѣ великорусскихъ крестьянъ.

Общинныя теорія. Мнѣнія славянофиловъ объ историческомъ развитіи Россіи.

Изученіемъ *общиннаго быта* занялись *славянофилы* и выдвинули свою теорію *общиннаго быта* догосударственной Руси.

Нужно замѣтить, что славянофилы (первыми изъ нихъ были А. С. Хомяковъ, братья Кирѣевскіе и семья Аксаковыхъ) вообще совершенно иначе смотрѣли на историческое развитіе Россіи, чѣмъ Соловьевъ и всѣ сочувствовавшіе его направленію (такъ наз. *западники*, первыми изъ которыхъ были критикъ Бѣлинскій, проф. Грановскій, Кавелинъ и др.). Соловьевъ смотрѣлъ на исторію Россіи такъ, что русское государство и племя развивались на такихъ же началахъ, какъ и всѣ европейскіе народы и государства. Славянофилы совершенно иначе смотрѣли на тотъ же вопросъ. „Россія,—говоритъ одинъ изъ лучшихъ представителей этой теоріи (К. Аксаковъ),—земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейскія государства и строй. Очень ошибутся тѣ, которые вздумаютъ прилагать къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней“. Какъ *самобытно все* въ Россіи, такъ самобытенъ и *первоначальный бытъ* ея обитателей. Родовой бытъ не отвергается этой теоріей: его, безспорно, прошли всѣ народы. Но одни *только прошли* черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились, болѣе или менѣе утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ большими или меньшими подробностями, особенностями, оттѣнками. Вторыми были европейцы, первыми—славяне: родовой бытъ не оставилъ послѣ себя замѣтныхъ слѣдовъ въ нравахъ ихъ государствен-

*) Соловьевъ между прочимъ, преемство столовъ объясняетъ тѣмъ, что князья Рюриковичи продолжали вести свои родовые счеты и съ точки зрѣнія родового строя смотрятъ на преемство столовъ, передавая *старѣйшему въ родѣ* великокняжескій столъ. Это предположеніе Соловьева оказались, однако, ошибочными.

наго состоянія, „Русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (общинная) земля".

Семья у русскихъ славянъ.

Посмотримъ, какъ обосновывается каждое изъ этихъ положеній. Прежде всего, что „русская земля есть наименѣе патріархальная и наиболѣе семейная". К. Аксаковъ, одинъ изъ лучшихъ представителей этой теоріи, старается доказать неправильность положенія Соловьева и Кавелина и обосновать свой указанный выше взглядъ. К. Аксаковъ, прежде всего, задается вопросомъ: была ли извѣстна въ средѣ славянъ *семья*, отдѣльно отъ рода, было ли извѣстно, наприм., право наслѣдованія дѣтей послѣ родителей, что невозможно при родовомъ бытѣ. Изучивъ вопросъ о наслѣдственномъ правѣ славянъ, Аксаковъ приходитъ къ слѣд. заключеніямъ: 1) „У древнихъ славянъ имущество принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, всему семейству, но только семейству, а не роду, такъ какъ родъ послѣднихъ исчерпывался дѣтьми. При родовомъ бытѣ оно должно было переходить къ родичамъ. Здѣсь же, разъ не было дѣтей, оно переходило къ князю. Родовое наслѣдство образовалось позднѣе, вслѣдствіе распоряженій правительства. 2) Какъ видно изъ сдѣлокъ съ Церковью,—отказовъ, вкладовъ, продажъ,—отчужденіе имущества возможно только съ согласія всѣхъ членовъ семьи. 3) Семья могла сжиматься и расширяться въ своемъ объемѣ: члены ея могли свободно выходить изъ нея и выдѣлившійся сынъ уже не имѣлъ права на семейное имущество; семья могла дѣлиться, вмѣстѣ съ чѣмъ дѣлилось и ея имущество. Отъ этого она не могла преобразоваться и разрастись въ родъ.—Съ другой стороны, въ семью, рядомъ съ кровными родственниками, могли входить и свойственники, напримѣръ, зять принимался въ домъ тестя, и даже посторонніе. И все-таки семья оставалась при своей прежней постоянной семейной основѣ. Всѣ эти измѣненія семейнаго состава происходили не насильственно, а вполнѣ подчиняясь свободной волѣ членовъ семьи: „А гдѣ такая свободная воля семьи, тамъ уже нѣтъ родоначальниковъ".

Очевидно, при такомъ сожительствѣ, при способности неограниченно принимать постороннихъ, однимъ изъ главныхъ основаній семьи было хозяйство. „Соединеніе съ посторонними

дѣлалось относительно хозяйства". „Собственность не принадлежала всѣмъ, принятымъ въ семью", иначе послѣ смерти бездѣтнаго отца имущество должно переходить къ семейнымъ, оставшимся въ живыхъ, слѣдовательно и принятымъ, между тѣмъ оно переходитъ къ князю, дѣлается выморочнымъ. Всѣ семейные имѣли право только пользоваться имуществомъ и по отношенію къ этому пользованію обладали равными правами и равными голосами.—Всѣ эти черты напоминаютъ нашему автору бытъ современныхъ крестьянъ и заставляютъ признать вѣрность теперешняго быта своимъ историческимъ исконнимъ основамъ: онъ остается такимъ, какимъ былъ и ранѣе. До сихъ поръ авторъ основывался на памятникахъ западнаго славянства, но и русскіе памятники подтверждаютъ его мысль.

Классическій текстъ лѣтописи, въ которомъ прямо нѣсколько разъ приводится слово „родъ", который поэтому послужилъ основнымъ аргументомъ для Соловьева въ пользу родовой теоріи, переводится К. Аксаковымъ такимъ образомъ *): поляне жили особо (т.-е. отдѣльно другъ отъ друга), владѣли отдѣльными родами, т.-е. вмѣстѣ съ своимъ родомъ, съ своею семьею. Что же означаетъ слово „родъ"? Для разъясненія его значенія прежде всего, служитъ непосредственно слѣдующее за характеристикой быта славянъ преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Это братья. Каждый изъ нихъ живетъ особо отъ другихъ; между тѣмъ, каждый изъ братьевъ не можетъ составить рода, такъ что здѣсь не роды, а семьи. Все, что говоритъ Несторъ о полянахъ, надо соединить со словами: „Поляномъ же живущимъ особѣ", т. е. не такъ, какъ остальныя племена. Этотъ своеобразный бытъ, по словамъ лѣтописца, заключается въ томъ, что

Отсутствіе рода.

---

*) Вотъ подлинный текстъ лѣтописи.—

„Поляномъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстехъ, володѣюще каждо родомъ своимъ. И быша 3 брата... Кий.. Щекъ... Хоривъ". О Кіи говорится далѣе. „сий Кий княжаше въ роду своемъ". Кій ходилъ въ Царьградъ и на обратномъ пути срубилъ на Дунаѣ городокъ, въ которомъ „хотяще сѣсти с родомъ своимъ", но ему сосѣдніе люди не позволяли, и Кій возвратился въ Кіевъ. „И по сей братьи почаши дѣржати родъ ихъ княжение въ Поляхъ; а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое"; такъ и другія племена.

у нихъ однихъ былъ *бракъ*; слѣдовательно, была семья. Вотъ что значитъ *родъ*. Разъясняя современное значеніе слова *родъ*, К. Аксаковъ замѣчаетъ: „слово всякое неопредѣленно, не имѣетъ какого-нибудь одного такого смысла, который бы рѣзко и ограниченно ему принадлежалъ... Имѣя основное значеніе, оно въ то же время обладаетъ многими оттѣнками“. Слово родъ имѣетъ двоякое значеніе: 1) рожденіе дѣтей и отсюда семья: „и избрашася три брата съ роды своими“ — невѣроятно, чтобы каждый братъ былъ отдѣльнымъ родоначальникомъ; 2) происхожденіе предка и потомковъ: „отъ рода варяжска“ — происхожденія варяжскаго. Наконецъ, значеніе рода, какъ семьи, подтверждается словами „двоюродный братъ“ — двою-родный — „двою роду“, т. е. „двухъ родовъ“; братъ двухъ родовъ — братъ двухъ семей; малороссы до сихъ поръ называютъ семью родомъ: „се мій родъ“.

Позднѣйшіе русскіе памятники рисуютъ намъ тотъ же бытъ, что и памятники другихъ славянскихъ народовъ. Такъ Русская Правда сообщаетъ о порядкѣ наслѣдованія: имущество не выходитъ изъ семейства, наслѣдники исчерпываются у смердовъ сыновьями, у бояръ — сыновьями и дочерьми. Если у смерда сыновей нѣтъ, то оно признается выморочнымъ и поступаетъ къ князю. Тотъ же сборникъ даетъ перечень лицъ, имѣющихъ обязанность и право мстить. Этотъ перечень не выходитъ за предѣлы семьи: братъ, отецъ, сынъ, племянникъ съ братниной или сестриной стороны. Далѣе, авторъ находитъ подтвержденіе своей мысли въ современныхъ обычаяхъ: новобрачные, напримѣръ, называются княземъ и княгинею.

Если бы это говорило за родовое устройство, то каждая новая пара давала бы основаніе новому роду; но это уже не родъ, а семья. Или еще: до сихъ поръ иногда вмѣсто имени зовутъ по отчеству. Между тѣмъ, родовыя имена въ древности отсутствовали. „Ихъ нѣтъ и теперь у народа, у крестьянъ, сохранившихъ свой древній бытъ“.

Выясняя значеніе слова *племя*, авторъ замѣчаетъ, что оно — болѣе широкое понятіе, чѣмъ родъ: „ни роду ни племени“. Гдѣ же оканчивается родъ? Тамъ, гдѣ кончается племя; а племя начиналось близко: дѣти брата или сестры—уже *племянники*.

Общее заключеніе объ элементарномъ славянскомъ союзѣ дѣлается изслѣдователемъ при толкованіи слова *семья*. Какъ и Соловьевъ, онъ признаетъ, что слово это происходитъ отъ глагола *соимать*, *соиматься*; но это не относится къ супругамъ только, а указываетъ на союзъ лицъ,—союзъ, члены котораго соединены общимъ соглашеніемъ. „Это слово ясно указываетъ на общинный характеръ, который имѣла у насъ семья; оно выражаетъ такъ ощутительно общинную сторону семьи".

Господство семьи.

Однимъ словомъ, въ древности господствуетъ семья. Семейное чувство, семейный бытъ были и въ то время и остались доселѣ однимъ изъ самыхъ существенныхъ коренныхъ устоевъ русскаго народнаго духа. Въ этомъ сказалась, по мнѣнію автора, особенность народности: „семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности".

Теперь спрашивается: не было ли какихъ-нибудь связей между отдѣльными семьями?

Прежде всего, славянофилы нашли у представителей родовой теоріи нѣкоторую неясность мысли въ этомъ вопросѣ. Они, съ одной стороны, считаютъ главу рода правителемъ, „надъ которымъ нѣтъ высшей власти", съ другой, они признаютъ ограниченіе его младшими родичами, ограниченіе до такой степени серьезное, что безъ ихъ согласія онъ ничего не можетъ сдѣлать. Но оставаясь вѣрнымъ своей первой мысли, они хотятъ доказать, что „сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ, или князьямъ (родоначальникамъ), младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ". Такъ было въ пору жизни нѣсколькихъ родовъ въ одномъ мѣстѣ; такимъ образомъ центръ тяжести совѣщаній и рѣшеній лежалъ въ родоначальникѣ. Между тѣмъ, такія явленія противорѣчатъ ясному свидѣтельству иностранцевъ о славянахъ. Такъ, Прокопій (VI в.) говоритъ, что славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи, что у славянъ былъ обычай совѣщаться о всѣхъ дѣлахъ.

Если считать необходимымъ признакомъ родового быта власть старѣйшинъ и безгласность младшихъ членовъ рода, то

подобныя указанія заставляютъ отвергать возможность существованія такого строя.

Въ глазахъ К. Аксакова въ древнее время рисуется картина другого быта—народнаго быта современнаго намъ крестьянства: *„передъ нами выступаетъ въ самомъ отдаленномъ времени общинное устройство, знакомыя сходки, знакомое единогласіе“*.

Разбирая древнія извѣстія о славянскихъ сходкахъ, вѣчахъ, Аксаковъ приходитъ къ такому заключенію: „Кто знаетъ устройство нашихъ сходокъ крестьянскихъ, тотъ увидитъ, что этотъ обычай и до сихъ поръ сохранился въ народѣ; на сходку ходитъ или старшій въ домѣ, или же избранный въ домѣ отъ семьи“. Здѣсь опять-таки авторъ видитъ *русскую общину*, которая и въ древности существуетъ рядомъ съ семьею.—Семья живетъ своей самостоятельною жизнью, она посылаетъ для общаго управленія своихъ выборныхъ.

К. Аксаковъ указалъ на существованіе семьи и общины, но въ то же время онъ не выяснилъ взаимной генетической связи между ними. Онъ построилъ такую схему, изъ которой видно только, что семья входитъ въ общину, и общинная власть составляется изъ представителей семей.

Но какъ семья—союзъ нетерриторіальный—могла создать изъ себя союзъ территоріальный—общину, это остается неразрѣшеннымъ. Дальнѣйшимъ изслѣдователямъ надо было опредѣлить и объяснить такое преобразованіе перерожденіемъ перваго союза во второй. Семейное начало, уже открытое К. Аксаковымъ, должно быть поставлено во главѣ для позднѣйшей теоріи и сдѣлаться въ глазахъ ея послѣдователей такой же ячейкой, какою для представителей родовой теоріи былъ родъ. Наконецъ, мы замѣтили, что славянофилы стремились объяснять старые общественныя порядки по аналогіи съ порядками современной общины, благодаря чему изчезла всякая историческая перспектива, бытъ народа въ теченіе вѣковъ оказался безъ движенія *)

*) Насколько славянофилы увлекались анагогіею древности съ современнымъ бытомъ великорусской поземельной общины, можно видѣть изъ того, что до сихъ поръ вовсе не доказано исконнее существованіе у русскихъ славянъ поземельной общины: многіе дѣлаютъ предположеніе, что община образовалась поздно, въ XVI—XVII вв., подъ вліяніемъ развитія крѣпостного права и финансовой политики государства.

Эти задачи стараются разрѣшить представители такъ называемой *задружной* теоріи. Обратимся къ изслѣдованію перваго изъ нихъ, проф. *Леонтовича* „Задружно-общинный характеръ быта древней Руси“. Авторъ представляетъ схему развитія каждаго народа, способнаго дорости до государственнаго состоянія. Это развитіе представляетъ изъ себя появленіе и укрѣпленіе одного за другимъ тѣхъ элементовъ, которые сдѣлались необходимыми признаками каждаго государства: народа, территоріи, на которой онъ живетъ, и власти, которая связуетъ народъ въ одно цѣлое. Три указанныхъ составныхъ части есть необходимые элементы каждаго государства. Они появляются только постепенно, одинъ за другимъ; поэтому государство не является сразу. Появленіе каждаго изъ указанныхъ элементовъ вызываетъ и опредѣленную бытовую структуру, опредѣленный общественный порядокъ.

Задружная теорія.

Первоначальный основной элементъ—народъ. Его первоначальная жизнь составляетъ ту стадію развитія народа, которая извѣстна подъ именемъ *родового быта.* Затѣмъ послѣ долгой кочевой жизни этотъ народъ пріобрѣтаетъ *осѣдлость.* Въ это время онъ имѣетъ опредѣленный пространственный ростъ, въ которомъ ведетъ осѣдлую жизнь. Это—*общинный бытъ.* Наконецъ, появленіе и утвержденіе властвующаго начала представляетъ *бытъ государственный.* „Основная черта родового быта—кочеванье родовъ и племенъ—номадный, бродячій, стадный характеръ всего быта, племенъ и родовъ“.

Взаимная связь различныхъ періодовъ др. быта.

„Постоянная мѣна мѣста не допускаетъ сильныхъ вліяній мѣстности на кочевника; онъ не привязанъ къ ней никакими прочными связями и интересами, не усваиваетъ поэтому никакихъ мѣстныхъ привычекъ и обычаевъ“. „Оттого,—заключаетъ авторъ,—въ родовомъ быту все опредѣлялось лишь отношеніями кровными, физіологическими, единствомъ крови, происхожденія“.

Главными статьями обогащенія рода были, на ряду съ охотою и скотоводствомъ, хищническіе набѣги. Поэтому отличительною чертою родового быта служитъ военно-дружинный характеръ. Къ этому же ведетъ и необходимость самозащиты. Глава рода—вмѣстѣ и военный вождь его. Имъ былъ или старшій въ родѣ или наиболѣе доблестный дружинникъ. Необхо-

димость самосохраненія проникала родовое устройство строгою военною дисциплиною, *безусловнымъ подчиненіемъ вождю* и властью старшихъ надъ младшими.

Такимъ образомъ между членами рода образовывалась *аристократическая родовая іерархія*.

Зародышъ союза кроется въ родовомъ бытѣ. Родъ построенъ *исключительно* на началѣ физіологическомъ, кровномъ; онъ объединяется кровнымъ происхожденіемъ членовъ отъ одного общаго родоначальника. Поэтому изъ него исключается все, что имѣетъ другое некровное происхожденіе, онъ совершенно замыкается отъ чужеродцевъ.

Кровное родство вырабатываетъ у членовъ совершенную одинаковость воззрѣній, убѣжденій, обычаевъ, вѣрованій. Всѣ понятія родовой эпохи исчерпывались лишь родовыми отношеніями младшихъ къ вождю рода и вообще къ старшимъ.

Распаденіе рода

Первоначально, какъ мы видѣли, районъ кочевокъ неопредѣлененъ. Съ разрастаніемъ рода появляется неудобство слишкомъ дальнихъ переходовъ; отъ этого родъ начинаетъ кочевать на болѣе и болѣе узкомъ пространствѣ; постепенно, благодаря этому, пріобрѣтается привычка къ одному мѣсту. Такое сокращеніе района кочевокъ и пріобрѣтеніе привычки къ одному болѣе или менѣе опредѣленному мѣсту вызываетъ рядъ послѣдствій, важныхъ для всего строя жизни. Во-первыхъ: прежде столкновеніе съ врагомъ въ крайнемъ случаѣ могло вызвать перекочевку куда-нибудь вдаль, въ болѣе безопасныя мѣста, теперь это дѣлается невозможнымъ; приходится приспособляться къ мѣсту, т.-е. искать защиты въ лѣсахъ, горахъ, а если такихъ естественныхъ условій защиты нѣтъ, то надо приспособлять мѣсто къ потребностямъ защиты, т. е. устраивать города, укрѣпленія. Во-вторыхъ: прежде осѣдлость на одномъ мѣстѣ продолжалась только до тѣхъ поръ, пока это мѣсто могло дать пропитаніе; а затѣмъ можно было снова искать свободныхъ пространствъ, гдѣ угодно; теперь, при увеличеніи родового населенія и при сокращеніи района кочевокъ, такіе неопредѣленные, дальніе переходы сдѣлались невозможными; поэтому приходилось изъ одного мѣста извлекать себѣ такое количество питанія, какое прежде давалось только цѣлымъ рядомъ мѣстъ. Необходимость приспособить производительныя силы даннаго мѣстнаго района

къ новымъ потребностямъ вызвала переходъ къ болѣе разсчетливому пользованію богатствами его, къ извлеченію такихъ продуктовъ, которые раньше не извлекались, къ болѣе интенсивному хозяйству - земледѣльческому. Этотъ родъ хозяйства, въ свою очередь, вызвалъ появленіе *рабочихъ земледѣльческихъ союзовъ.*

Эти измѣненія условій сохраненія рода и его членовъ вызвали коренныя измѣненія во всемъ строѣ народной жизни: родъ, дробится, и отдѣльныя его части осѣдаютъ на отдѣльныхъ мѣстахъ *). Родовой бытъ переходитъ въ такъ называемый задружно - общинный. Основною клѣточкою этого состоянія является *семейная община—задруга* или *домашняя община—задруга.* Такія задруги наз. еще великой кучей, заединой и до настоящаго времени сохранились среди обитателей Черногоріи и Герцеговины: населеніе этихъ мѣстностей, въ теченіе вѣковъ удаленное отъ сношеній съ другими народами и занятое тяжелой борьбой съ мусульманами, сохранило черты стариннаго быта. Задруга происходитъ изъ рода, но весьма отъ него отличается; она также отличается и отъ простой семьи. При переходѣ отъ кочевого быта къ осѣдлому роды распадаются, дѣлятся на семьи. Но семья не дѣлится по смерти своего родоначальника. Кровные родственники продолжаютъ совмѣстную

Переходъ родозого быта въ задружный

*) Земледѣліе и разложеніе рода на рабочіе союзы не вызвали сразу постоянной прочной осѣдлости. Характерно указаніе Прокопія на то, что славяне „живутъ въ дрянныхъ и разсѣянныхъ хижинахъ и легко мѣняютъ мѣстожительства“. Хозяйство этого требовало: оно было слишкомъ экстенсивно, т.-е. требовало очень много простору: звѣриный промыселъ, рыбная ловля, даже земледѣліе на его первыхъ ступеняхъ могутъ вестись только при условіи большихъ свободныхъ пространствъ. Земледѣліе на этой стадіи состоитъ въ томъ, что человѣкъ, захватившій дѣвственную землю, разчищаетъ ее изъ-подъ лѣса или поднимаетъ въ степи долину и распахиваетъ до тѣхъ поръ, пока земля не истощится. Онъ не примѣняетъ къ ней никакого удобренія. Разъ у почвы нѣтъ болѣе производительныхъ силъ, способныхъ дать пропитаніе работнику,—у послѣдняго нѣтъ средствъ поднять эту производительность. Остается уходить съ этого мѣста и искать новыхъ дѣвственныхъ степей и лѣсовъ, чтобы, истощивши ихъ, уйти опять куда-нибудь; оттого славяне и „живутъ въ дрянныхъ и разсѣянныхъ хижинахъ и легко мѣняютъ мѣстожительства“. Итакъ, родовой бытъ оставилъ послѣ себя слѣды въ нравахъ предковъ. Цитируемый сейчасъ изслѣдователь старается разъяснить, почему господствующая форма—семейная? Вѣдь другіе народы и въ государственномъ состояніи сохранили родъ, и исторія ихъ государствъ есть исторіи борьбы его съ родовыми началами, какъ это хотѣли видѣть въ русской исторія. Памятники оставили очень скудные слѣды родового быта. „Остатки родового

жизнь въ одномъ дворѣ, всѣ сообща владѣютъ общею собственностью, и пользуются *равными* правами другъ съ другомъ и подчиняются распоряженіямъ ими же *избираемаго* представителя, *домачина, хозяина.* Въ число членовъ великой кучи иногда принимаются и посторонніе, наприм. зятья, усыновленные, или просто получившіе разрѣшеніе общины „приселиться“. Членовъ въ такой задругѣ бываетъ человѣкъ 20—25, въ рѣдкихъ случаяхъ доходя до 70. Итакъ, задруга весьма многимъ отличается отъ рода: родъ связывается кровнымъ родствомъ, члены его не распоряжаются общимъ имуществомъ и не владѣютъ имъ, подчиняются безпрекословно общему родоначальнику, который является и судьей и жрецомъ, всѣ признаютъ общаго, иногда миѳическаго родоначальника, приносятъ ему жертвы (какъ у грековъ и римлянъ). Въ задругѣ кровная связь не играетъ существенной роли, всѣ равны въ общемъ совѣтѣ, *думѣ*, вообще на первомъ планѣ стоятъ имущественныя отношенія и хозяйственная цѣль самой организаціи. Всякій, кому не нравится въ ней порядокъ, можетъ уйти. Такой типъ задруги, или домашней общины, сохранился въ болѣе чистомъ видѣ у балканскихъ славянъ Но имѣется много историческихъ доказательствъ, что онъ существовалъ и у другихъ славянскихъ племенъ, въ томъ числѣ и у русскихъ, и даже въ строѣ современной русской крестьянской семьи есть еще много чертъ, напоминающихъ сѣдую древность, есть еще нерѣдко такъ наз. большія семьи, состоящія изъ родственниковъ и постороннихъ и управляемыя, на подобіе задруги, *большакомъ*, *хозяиномъ*.

быта, замѣчаемые на первыхъ порахъ русской исторіи, имѣютъ значеніе доисторическихъ окаменѣлостей“. Что касается до союзовъ, какъ ихъ констатируютъ наши памятники, то они не заключаютъ въ себѣ характера родового быта. По словамъ Бестужева-Рюмина, въ нихъ нѣтъ неограниченной власти главы рода надъ всѣми, находящимися въ его власти, и надъ всѣмъ, принадлежащимъ этимъ лицамъ, власти, простирающейся до права продажи, до права надъ жизнью и смертью, нѣтъ преобладанія мужчины надъ женщиной, мужскаго родства надъ женскимъ, нѣтъ первородства и майората. Это не родъ, а семья. Сохранились, однако и въ древнемъ бытѣ и въ современныхъ обычаяхъ остатки какихъ-то формъ жизни, непохожихъ на семейную; по словамъ того же изслѣдователя, это a) имена славяно-русскихъ племенъ по героямъ родоначальникамъ: радимичи, вятичи, b) обычай похищенія невѣстъ, какъ у древлянъ: „браки у нихъ не бывали, но умыкаху уводы дѣвицъ“ и радимичей: „брацы не бываху, но игрыща межа селы... умыкаху жень себѣ съ нею же кто совѣщася“.

Проф. Леонтовичъ указываетъ рядъ фактовъ, утверждающихъ что задруга была явленіемъ, присущимъ всѣмъ европейскимъ народамъ на опредѣленной ступени развитія. „Общій строй задруги былъ вездѣ одинъ и тотъ же. Задруга—союзъ лицъ и семей, живущихъ на одномъ огнищѣ (осѣдлости), однимъ или нѣсколькими домами,—союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими: сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, бывшей въ общемъ обладаніи общины". Въ эпоху родовую семья поглощалась родомъ, теперь она получаетъ самостоятельное значеніе. Въ составѣ задруги семьи и отдѣльныя лица не безправны, какъ въ старомъ родѣ. Управленіе въ задругѣ ведется по общей думѣ, совѣту; только руководство принадлежитъ отцу или выборному старшинѣ. Старѣйшинство опредѣлялось давностью рожденія или принадлежностью (по времени возникновенія или приселенія къ союзу) къ семьѣ въ задругѣ, или зависѣло отъ избранія общины, а иногда просто добывались захватомъ. Равноправіе и солидарность всѣхъ членовъ общины были основнымъ началомъ задружнаго устройства.

Задруга и Община.

Задруга была ячейкой, изъ которой сложались всѣ организаціи того времени, это былъ типъ, по которому построены были эти организаціи. „Задруга передала этимъ союзамъ развитой ею принципъ общиннаго сожительства и земельнаго владѣнія, старѣйшинства и колонизаціонной іерархіи общинъ, наряды и управы по общей думѣ и уговору", характеръ взаимныхъ отношеній между союзами. Первичная задруга разросталась путемъ естественнаго нарожденія или искусственнаго приселенія къ себѣ новыхъ семей. Такимъ путемъ она превращалась въ деревню, село, городъ. Далѣе: путемъ добровольнаго единенія (главнымъ образомъ ради защиты), также путемъ добыванія новыхъ территоріальныхъ частей, путемъ колонизаціоннымъ и проч. онѣ развивались въ еще болѣе широкіе союзы: общины земельныя, волостныя (жупы, земли, княжества).

Задруги и общины не замыкаются въ разъ навсегда опредѣленномъ районѣ; напротивъ, онѣ постоянно захватываютъ новыя мѣста, идутъ воднымъ путемъ, населяютъ и культивируютъ дикія мѣста, останавливаясь лишь при встрѣчѣ съ фи-

зическими препятствіями, или съ сильнѣйшимъ врагомъ. Этимъ колонизаціоннымъ движеніемъ опредѣляется территорія общины, состоящей изъ задругъ, разросшихся изъ первоначальныхъ семейныхъ общинъ. Какъ между задругами, такъ и между общинами устанавливалась особая „колонизаціонная іерархія". Въ ней первое мѣсто принадлежало старѣйшей по времени колонизаціи задругѣ и общинѣ. Остальныя младшія были выселенцами изъ нея; отсюда и правило: „на чемъ старшіе (города) вздумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". Такимъ образомъ въ волости старшей общинѣ принадлежало первое мѣсто. Какъ задруга, такъ и община могли распадаться: члены той и другой, если находили фактически возможнымъ, выдѣлялись и устраивали самостоятельныя задруги и общины, напр., пригороды обращались въ самостоятельные города. Условія колонизаціи вліяютъ неотразимо на весь внутренній бытъ колонизующихъ племенъ.

Прежнія прочныя связи утрачиваются; ихъ мѣсто занимаютъ связи по мѣсту жительства, по территоріи. Въ сосѣдство можетъ войти не только родственникъ, но и посторонній, какъ въ задругу. Съ пріобрѣтеніемъ осѣдлости, съ установленіемъ связи между населяемымъ мѣстомъ и народомъ начинаетъ оказывать огромное вліяніе условіе мѣстности и условіе хозяйства на ней. Каждая задруга и каждая община занимаетъ опредѣленный земельный районъ: ея интересы опредѣляются условіями его, она замыкается въ своихъ интересахъ, отдѣляется отъ прежняго родства, единства, обособляется, дѣлается самобытной и стремится упрочить за собою эту самобытность.

Главная живая связь была между членами задруги: ихъ объединяло общее хозяйство, въ меньшей степени родство, власть домачина и всего семейнаго союза. Уже разрѣженная связь была въ территоріальной общинѣ между отдѣльными задругами, она выражалась въ укрѣпленіи за собою территоріи, усиленія ея могущества для защиты, стремленіи увеличить ея районъ путемъ колонизаціи и завоеванія.

Наконецъ, связь выражалась въ еле уловимыхъ признакахъ, въ отношеніяхъ между территоріальными общинами. Господствующимъ явленіемъ здѣсь была рознь. Но были и нѣкоторые общіе интересы: одни изъ нихъ, сильные вначалѣ, постепенно

слабѣли; такова общая защита отъ враговъ: во время колонизаціоннаго движенія она была сильнымъ объединяющимъ интересомъ; когда же развились и укрѣпились отдѣльныя волости, онѣ стали заботиться, главнымъ образомъ, о себѣ. Другіе только зарождались, наприм. интересы религіозный и правовой; развитіе послѣдняго выражалось въ распространеніи среди населенія волостей однихъ правовыхъ обычаевъ.

Во главѣ задруги, мы видѣли, стоитъ *домачинъ*; онъ управляетъ всѣми ея дѣлами по согласію и совѣту всѣхъ семейныхъ. На подобіе этого организовались и территоріальные союзы: каждая задруга посылала своего представителя; всѣ они составляли думу, вѣче. На обязанности этихъ властей было устройство дѣлъ общины и колонизація. Тамъ, гдѣ община выросла до значительныхъ размѣровъ, гдѣ она должна была отстаивать свою самостоятельность отъ такихъ же растущихъ общинъ и сама захватывать большіе земельные районы, понадобилась болѣе сосредоточенная и организованная сила, чѣмъ вѣче; явились князья-нарядники, на обязанности коихъ лежало содѣйствіе народу въ дѣлѣ охраны и колонизаціи вмѣстѣ съ вѣчемъ. Общины болѣе сильныя и болѣе удаленныя сохранили долю при общинномъ порядкѣ, и съ призваніемъ князей-нарядниковъ община осталась старою; прибавили лишь новый органъ для содѣйствія ея цѣлямъ, органъ этотъ всегда подчинялся задружнымъ порядкамъ. Домачинъ.

Эти князья не похожи ни на старыхъ главъ рода, съ абсолютнымъ военно-родовымъ могуществомъ, ни на позднѣйшихъ государей, съ ихъ верховною государственною властью. Это были своеобразные князья, въ которыхъ вполнѣ выразился весь задружный бытъ: какъ старшина въ задругѣ, знающій прежде всего интересы своей задруги, князь преслѣдуетъ на первомъ планѣ интересы своей волости, и общины, защиту отъ врага, устраненіе препятствій къ колонизаціи. Князь.

Княженіе рода князя внутри устраивается по типу задругъ. Старшинство принадлежитъ старшему по лѣтамъ, принадлежащему къ старшей изъ семей, входящихъ въ число княжескихъ задругъ, нерѣдко по договору между членами всей княжеской задруги, по избранію общинъ, даже по захвату. Какъ глава задруги, князь дѣйствуетъ по совѣту съ членами своей задруги,

отсюда—общіе съѣзды князей. „Княжескій родъ былъ задругою общею для всего народа—для всѣхъ волостей“. Такой характеръ князья сохраняютъ до тѣхъ поръ, пока продолжается колонизація; до этихъ поръ князь—членъ задруги, повинующійся всѣмъ ея обычаямъ. Когда колонизаціонное движеніе общинъ ослабѣло, когда каждая община опредѣлила болѣе или менѣе прочно районъ своего распространенія, когда она обособилась отъ другихъ, образовала совершенно независимое отъ другихъ общинъ цѣлое; тогда и князья измѣняютъ свой характеръ: они выдѣляются изъ всей княжеской задруги, обособляются отъ ея интересовъ, замыкаются въ своихъ интересахъ. Это сконцентрированіе силы на одну опредѣленную территорію, силы одного лица или одной семьи, позволяетъ ей распространять свое значеніе на всѣ стороны общественной жизни. Этому движенію помогаетъ проповѣдь духовенства о верховенствѣ князя, о безусловномъ подчиненіи и подданствѣ ему. Отсюда зарождается въ народномъ сознаніи новое воззрѣніе на князя какъ „господина“, „государя“ съ властью, не зависящею отъ народа, съ назначеніемъ, идущимъ за предѣлы общиннаго порядка.

Съ этимъ вмѣстѣ зарождается мысль объ единомъ государѣ и народѣ. Здѣсь развиваются государственныя понятія.

Изъ этого обзора задружной теоріи видно, что она объяснила многое изъ того, что оставалось неяснымъ въ родовой и въ общинной теоріяхъ и воспользовались какъ данными историческими, такъ и современнымъ бытомъ народа, открывъ въ немъ переживанія далекой старины. Въ родовой или общинной теоріяхъ оставалось неяснымъ, почему родъ разложился и пришелъ сразу къ государственному союзу—по родовой теоріи, и къ общинному, а отъ него уже къ государственному—по общинной. Задружная теорія хорошо объяснила этотъ переходъ переходомъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой и колонизаціонной дѣятельностью въ послѣдній періодъ. Родовая теорія искала доказательствъ родового быта въ древнѣйшихъ памятникахъ, но тамъ слѣды рода сомнительны и ничтожны: теорія строилась на предположеніяхъ. Общинная теорія взяла только фактъ существованія крестьянской поземельной общины въ наше время, имѣла кое-какія о ней свѣдѣнія отъ XVII и XVIII в.,

но древнѣе уже такая община не упоминается: приходилось только строить предположенія, что древній бытъ тождественъ съ позднѣйшимъ. У задружной теоріи меньше такихъ предположеній. Она нашла такую ячейку древнѣйшей организаціи, которая и въ настоящее время встрѣчается въ средѣ славянскихъ народовъ, и слѣды которой можно отодвинуть далеко въ глубь исторіи. Задружная теорія не отвергаетъ родового періода, черезъ который прошли всѣ народы, и о которомъ у русскаго племени сохранился такой прочный признакъ, какъ обычай кровной мести; но она объясняетъ, что родовой строй разложился задолго до начала исторической жизни. Задружная теорія не отрицаетъ и общины, какъ промежуточной клѣточки между задругой и государствомъ и существовавшей одновременно съ задругой; но она понимаетъ общину не въ качествѣ поземельной общины, которой доказать нельзя, но въ качествѣ самоуправляющейся единицы, города, села, верви, связанныхъ интересами самозащиты, суда и проч.; о такой верви говорятъ и древніе памятники.

Какъ видно изъ предыдущаго, задружная теорія о догосударственномъ бытѣ славянъ имѣетъ много преимуществъ сравнительно съ предшествовавшими ей и пользуется почти общимъ признаніемъ.

П. Ивановъ.

Черты до-государственнаго быта русскихъ славянъ и начало русскаго государства *).

Свидѣтельства нашей лѣтописи и иностранныхъ источниковъ, даютъ намъ небольшой матеріалъ для того, чтобы представить себѣ въ общихъ чертахъ бытъ нашихъ предковъ наканунѣ сложенія государства. Мы можемъ назвать этотъ бытъ племеннымъ. Онъ выражался въ существованіи у нашихъ предковъ до основанія Кіевскаго государства, городовъ, верви, племенного вѣча, старѣйшинъ, и племенныхъ князей.

Города. Путешественники, описывавшіе славянскую русскую землю, поражались обиліемъ городовъ. Такъ, скандинавы прозвали даже нашу страну Гардарикомъ, царствомъ городовъ. Географъ Баварскій, писатель IX в., насчитываетъ свыше 3760 укрѣпленныхъ городовъ. Археологическія изысканія открыли цѣлый рядъ „городищъ", остатковъ прежнихъ городовъ. Тѣ городища, которыя относятся къ древнѣйшему времени, имѣютъ круглую форму, расположены на равнинахъ: въ нихъ попадаются предметы даже каменной эпохи. Позднѣе города строились на возвышенностяхъ и по берегамъ рѣкъ, въ мѣстахъ защищенныхъ самой природой.

---

*) *Важнѣйшая литература вопроса. Загоскинъ.* „Исторія права русскаго народа", т. I, Казань. 1899. *Самоквасовъ.* „Древніе города Россіи". Спб. 1873. *Макушевъ.* „Сказаніе иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ". 1861. *Пассекъ.* „Княжеская и до-княжеская Русь". Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1870, кн. III. *Бѣляевъ.* „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ". Временникъ Общества Истор. и Древностей 1850. кн. 8. *Погодинъ.* „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи". I—II. *Томсенъ.* „Начало русскаго государства". Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей при Московск. Универс. 1891 т. I. (У него см. иностранную литературу). *Соловьевъ.* „Начало русской земли". 1882. *Миллеръ.* „Названія днѣпровскихъ пороговъ" Древности Моск. Арх. Общ. 1885 т. V, вып. I. *Шахматовъ.* „Сказаніе о призваніи варяговъ".—Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и Словесности

Городъ собственно значитъ „огороженное мѣсто“. Въ древности городъ былъ крѣпостью, обводился рвомъ, валомъ и деревянной изгородью. Сюда, въ случаѣ опасности, стекалось населеніе, сносило свое имущество и здѣсь защищалось отъ враговъ. Объ этомъ сообщаетъ намъ лѣтопись въ разсказѣ о мести Ольги древлянамъ: „побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ“. Кромѣ цѣлей защиты городъ служилъ и административнымъ центромъ, гдѣ пребывали власти племени, и гдѣ собиралось вѣче. Городъ былъ также и религіознымъ центромъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣды жертвоприношеній въ городищахъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ на образованіе городовъ вліяла также и торговля, широко развитая на Великомъ водномъ пути. Это обстоятельство доказывается тѣмъ, что города было расположены главнымъ образомъ по рѣкамъ. Дѣйствительно, для населенія нужны были ярмарки, рынки, и естественнѣе всего было купцамъ расположиться при тогдашнихъ, далеко не безопасныхъ для нихъ временахъ, подъ защитой укрѣпленныхъ мѣстъ; со своей стороны, возникшія на удобныхъ мѣстахъ ярмарки укрѣплялись и влекли за собою образованіе городовъ. Лѣтопись наша знаетъ еще въ древнія времена города, расположенные на Великомъ водномъ пути, какъ напр. Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ, и др. Болѣе мелкіе города не занесены въ лѣтопись, и объ ихъ существованіи мы узнаемъ изъ данныхъ археологическихъ раскопокъ.

Городъ является центромъ прилегающей къ нему области, Вервь.
которая „тянула“ къ нему, находясь въ административной и экономической зависимости отъ него. Городъ съ тянувшей къ нему землей носитъ въ древности названіе „волости“. Сама же

Импер. Акад. Наукъ 1904, кн. 4. *Забѣлинъ.* „Исторія русской жизни“ т. I. 1908 г. 2-ое изд. *Иловайскій.* „Разысканія о началѣ Руси“.1876. *Иловайскій.* „Дополнительная полемика по вопросу варяжско-русскому и болгаро-гуннскому“.1886. *Гедеоновъ.* „Варяги и Русь“ I—II. 1876. *Первольфъ.* „Варяги, Русь и Балтійскіе славяне“. Журн. Мин. Нар. Пр. 1877. *Васильевскій.* „О варягахъ-руссахъ“. Древняя и новая Россія 1875 т. III. *Васильевскій.* „Варяго-русская дружина въ Константинополѣ XI—XII вв.“ 1874—5 гг. *Васильевскій.* „Русско-византійскіе отрывки“.1875. *Брунъ.* „Черноморье“ 1879. *Браунъ.* „Розысканіе въ области гото-славянскихъ отношеній“ 1899. *Костомаровъ.* „О происхожденіи Руси“ 1860.

волость раздѣлялась на мелкія территоріальныя части „верви“, возникшія на развалинахъ прежнихъ семейныхъ организацій. Вервь обладаетъ общей земельной собственностью, члены ея имѣютъ свое выборное самоуправленіе и связаны круговой порукой: по „Русской Правдѣ“ вервь должна платить „дикую виру“ т.-е. общій штрафъ, если на ея территоріи находятъ трупъ, и вервь не можетъ розыскать убійцы. Въ томъ случаѣ, если членъ вервнаго союза не можетъ заплатить штрафа, ему помогаютъ остальные члены верви *).

Вѣче. Городъ былъ средоточіемъ племенной организаціи, а во главѣ

---

*) Что такое „вервь“, не установлено въ нашей наукѣ. Упоминаемая въ Русской Правдѣ въ качествѣ территоріальной единицы, члены которой связаны круговой порукой по судебнымъ дѣламъ, она наводитъ всѣхъ изслѣдователей, за небольшими исключеніями (Поповъ, Ланге, отчасти Бѣляевъ), на предположеніе о древности этого института. Но, сообразно со своими взглядами на общественное устройство до-государственной Руси, одни (Соловьевъ, Собѣстьянскій, Лавровскій, Мрочекъ-Дроздовскій, Рожковъ) считаютъ ее кровнымъ союзомъ и видятъ въ позднѣйшей верви пережитки ея кровнаго характера, другіе (Лешковъ, Владим.-Будановъ, Соколовскій, Ефименко, Загоскинъ) считаютъ вервь территоріальнымъ сосѣдскимъ союзомъ. Наконецъ третьи (Леонтовичъ, Блюменфельдъ) отождествляютъ ее съ задругой. Бѣляевъ смотритъ на вервь, какъ на союзъ, основанный на договорѣ. Ясинскій, исходя изъ пониманія верви, какъ первоначальнаго кровнаго союза, отождествляетъ ее въ послѣдствіи съ весью, селомъ и сближаетъ съ сельской общиной Южной и западной Руси XV—XVI вв.; Владимірскій—Будановъ отождествляетъ ее съ погостомъ, крупной земской административной единицей. Карамзинъ считалъ ее варяжскимъ учрежденіемъ, явившимся вмѣстѣ съ образованіемъ государства.

Литература вопроса: *Ясинскій*. „Село“ и „вервь“ Русской правды“ Кіевскія Университетск. Извѣстія. 1906, № 3. *Покровскій*. „Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси“. Сборникъ „Мелкая земская единица“. *Рожковъ*. „Историческіе и соціологическіе очерки“, ч. I. 1906. *Собѣстіанскій*. „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства“ 1886. *Ефименко*. „Изслѣдованія народной жизни.“ Т. 1. 1889. *Лешковъ*. „Русскій народъ и государство“. 1859. *Соколовскій*. „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“. 1877. *Лавровскій*. „Коренное значеніе названій родства у славянъ“. Приложеніе къ XII тому записокъ Академіи Наукъ. *Леонтовичъ*. „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“. Журн. Минист. Нар. Просв. 1874. *Леонтовичъ*. „О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту. Журн. Минист. Нар. Пр. 1867. № 4. *Блюменфельдъ*. „О формахъ земле-

ся стояло вѣче, народная сходка **). О существованіи вѣча мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ. Лѣтопись намъ сообщаетъ о немъ въ слѣдующихъ словахъ: „Новгородци бо изначала и смолняне и кіяне и полочане и вся власти (волости) яко же на думу на вѣча сходятся“. Византійскій писатель Прокопій Кесарійскій свидѣтельствуетъ также о томъ, что славяне сообща совѣщаются обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Лѣтописецъ, говоря объ общихъ рѣшеніяхъ племенъ, выражается такъ: „съдумавше поляне“, „послаша древляне“, „посла ны Дерьвьска земля“. Подъ такими выраженіями лѣтописи надо разумѣть дѣятельность вѣча.

Существованіе вѣча доказывается кромѣ того аналогіями съ порядками другихъ славянъ, западныхъ и южныхъ, и германцевъ.

Наряду съ вѣчемъ, мы встрѣчаемъ племенныхъ князей. О нихъ у насъ также имѣется рядъ свидѣтельствъ. Племенные князья.

Лѣтопись передаетъ народное сказаніе, что у полянъ княжили Кій, Щекъ и Хоривъ, и въ связи съ этимъ сообщаетъ, что и у другихъ племенъ были свои княженія: „въ Деревляхъ свое, а Дрьговичи свое, а Словене свое въ Новѣгородѣ, а другія на Полотѣ“. Византійскіе писатели тоже говорятъ о славянскихъ князьяхъ. Такъ, напримѣръ, императоръ Маврикій пишетъ, что „у славянъ много царьковъ“, арабскій писатель Масуди говоритъ, что славяне дѣлятся на отдѣльные народцы, при чемъ каждый имѣетъ своего князя. При этомъ и тотъ и другой писатели указываютъ на постоянные раздоры среди славянъ, а Маврикій указываетъ на свободолюбіе славянъ, которыхъ трудно заставить повиноваться единой власти, и которые скоро свергаютъ монархическую власть. Раскопки, произведенныя въ земляхъ древлянъ и сѣверянъ, указываютъ на княжескія погребенія, относящіяся ко времени до Олега. Даже тогда, когда на Днѣпрѣ утвердился Кіевскій князь Олегъ, и ему подчинились другія славянскія племена, у нихъ продолжали существовать племенные князья. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи

владѣнія въ древней Россіи“. 1884. *Владимірскій-Будановъ*. „Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе“. Кіевск. Университет. Извѣст. 1884. № 190.

**) Нѣкоторыя подробности о древнѣйшемъ вѣчѣ см. въ статьѣ о вѣчѣ.

о походѣ Олега на Царьградъ, были на Руси князья „подъ Олегомъ сущіе“, на ихъ долю онъ взялъ дань съ грековъ. При Игорѣ эти князья продолжали существовать. Такъ отъ имени Игоря и „всякое княжья“ и всѣхъ русскихъ людей явились послы къ грекамъ. Въ разсказѣ о мести Олега древлянамъ лѣтопись упоминаетъ древлянскаго князя Мала и другихъ князей древлянской земли.

Въ землѣ Полоцкой еще при Владимірѣ Св. былъ отдѣльный князь Рогволодъ. Даже въ XII в. Владиміръ Мономахъ разсказываетъ, что онъ ходилъ въ землю вятичей „на Ходоту и сына его“; очевидно, здѣсь, въ этой отдаленной отъ центра событій землѣ, племенные князья удержались даже до того времени.

Кто же были эти племенные князья, какого они происхожденія, и каковы ихъ власть и значеніе? Лѣтопись называетъ ихъ князьями, иностранцы же именуютъ разными титулами: царями, царьками, императорами, правителями, старѣйшинами, предводителями. Если мы сравнимъ нашихъ племенныхъ князей съ главами земель и общинъ западныхъ и южныхъ славянъ, то увидимъ, что тамъ князьями называются вообще главы большихъ общественныхъ союзовъ. Иначе они называются жупанами, банами. Значитъ и у насъ подъ именами князей можно разумѣть родовыхъ старѣйшинъ, въ особенности въ разсказѣ, напримѣръ, импер. Маврикія, или же вождей болѣе обширныхъ союзовъ, выборныхъ главъ общинъ или цѣлыхъ племенъ. Всѣ такіе князья, вѣроятно, туземнаго происхожденія, на это показываютъ сами имена ихъ: Кій, Малъ, Ходота. Неважно, если Кій, напр.,—продуктъ легенды, важно, что въ такой легендѣ отразилось воспоминаніе о существованіи князей—славянъ.

Иноземные князья.

На наряду съ туземными князьями мы можемъ предполагать и иноземныхъ властителей. Въ то время въ славянскихъ земляхъ, лежавшихъ на великомъ водномъ пути, встрѣчались разныя иноземныя и сбродныя дружины, преимущественно норманновъ. Эти, то купеческія, то разбойничьи дружины утверждались въ землѣ славянъ и въ нѣкоторыхъ городахъ захватили власть (Рогволодъ Полоцкій). Отголоски такихъ фактовъ слышатся также въ преданіяхъ, занесенныхъ въ лѣтопись, о

призваніи Рюрика съ братьями въ Новгородъ и о признаніи въ Кіевѣ власти Аскольда и Дира.

Но кто бы ни были эти князья—племенные ли старѣйшины или иноземные наемные защитники, или завоеватели, ихъ власть вначалѣ заслонялась властью вѣча. На это указываетъ лѣтопись: разсказывая о важныхъ рѣшеніяхъ племени, она выдвигаетъ на первый планъ народъ, а о князѣ или ничего не говоритъ или же ставитъ его на второмъ мѣстѣ, какъ въ разсказѣ о мести Ольги древлянамъ.

Градскіе старцы.

Начальная лѣтопись дастъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о соціальномъ строѣ жизни до-государственной Руси. Такъ, среди остального населенія она выдѣляетъ классъ старѣйшинъ, которыхъ позже встрѣчаемъ въ городахъ въ качествѣ земскихъ бояръ, „старцевъ градскихъ". Происхожденіе ихъ не вполнѣ ясно. Съ одной стороны они происходятъ, по всей вѣроятности, отъ прежнихъ племенныхъ или родовыхъ старѣйшинъ или даже, быть можетъ, ихъ надо разумѣтъ и подъ племенными „царьками", о которыхъ говоритъ намъ Маврикій. Съ другой стороны несомнѣнно, на возникновеніе этой группы населенія повліяла и торговля. Разбогатѣвшіе купцы вошли въ составъ этихъ старѣйшинъ. Вообще—племенные старѣйшины, „лучшіе люди", какъ зоветъ ихъ лѣтопись въ разсказѣ о мести Ольги древлянамъ, выдвинулись впередъ благодаря своему богатству, былымъ заслугамъ и своимъ нравственнымъ качествамъ. Они играютъ видную роль на вѣчѣ, имъ принадлежатъ тамъ лучшія мѣста, они говорятъ первыми, князь ихъ приглашаетъ для совѣта. *)

Съ теченіемъ времени племенной бытъ переходитъ въ государственный. Процессъ этотъ скрытъ отъ исторіи, но несомнѣнно, до образованія Кіевскаго княжества Олегомъ, были попытки создать въ славянской землѣ политическій организмъ. Арабскій писатель Масуди (IX в.) передаетъ о существованіи обширной славянской державы Волинана, подъ которой нѣкоторые историки предполагаютъ государство волынянъ. Тотъ же Масуди сообщаетъ, что среди славянъ самымъ могущественнымъ княземъ является Диръ, что онъ имѣетъ большое многолюдное

*) Нѣкот. подробности о градскихъ старцахъ см. въ ст. „Дружина и боярство".

государство, и въ его столицу сходятся съ разными товарами мусульманскіе купцы.

Русское государство сложилось въ IX в. Если мы хотимъ выяснить себѣ причины, вызвавшія его къ жизни, то должны обратить вниманіе на слѣдующее. Въ IV в. нашимъ славянамъ приходилось выдерживать борьбу съ сосѣдями. Лѣтопись передаетъ, что на сѣверѣ кривичи, новгородскіе славяне и финскія сосѣднія племена должны были платить дань варягамъ—норманамъ, южныя же племена, — поляне, сѣверяне и вятичи — хазарамъ. Такимъ образомъ и съ сѣвера и съ юга шелъ напоръ на славянъ. Подъ его вліяніемъ прежняя рознь славянъ между собою должна была смѣниться стремленіемъ къ объединенію и созданію самостоятельнаго государства. Но наряду съ этимъ несомнѣнно существовала и другая причина. Въ IX в. славяне выступили, какъ торговый народъ, имѣвшій оживленныя сношенія съ Византіей, Скандинавіей, а также съ западными и восточными народами. Торговые интересы требовали болѣе обезпеченной и спокойной жизни, которая немыслима была при существованіи, какъ междуплеменной борьбы, такъ и напора враговъ, а также благодаря дружинамъ варяговъ, которыя мѣшали спокойной торговлѣ на Великомъ водномъ пути.

Олегъ и объединеніе славянъ.

Центромъ государствеенной жизни въ русской землѣ сдѣлался Кіевъ. Здѣсь въ концѣ IX и нач. X в. мы видимъ Кіевскаго князя Олега, который и начинаетъ объединеніе славянскихъ племенъ. Объединеніе это тѣмъ легче могло состояться, что русскихъ славянъ роднила общность языка и культуры.

Прежде всего интересы Кіева, какъ торговаго города, требовали обладанія Великимъ воднымъ путемъ, и вотъ мы видимъ, что Олегъ подчиняетъ своей власти Новгородъ, кривичей, радимичей, древлянъ и сѣверянъ. Торговая дорога уже находится въ рукахъ Кіевскаго государства. Но ему нужно владѣть развѣтвленіями ея, и въ княженіе Олега, по утвержденію лѣтописи, подчинились кіевскому князю также западныя племена— дулѣбы, хорваты и тиверцы. Пріемники Олега шли по его пути. Игорь покорилъ угличей, Святославъ—вятичей, Владиміръ — полочанъ. Къ концу X в. процессъ объединенія славян-

скихъ племенъ на востокѣ Европы закончился, и мы уже съ Владиміра можемъ говорить о существованіи русскаго государства.

Вмѣстѣ съ объединеніемъ славянъ новая власть начинаетъ и наступательную политику по отношенію къ сосѣдямъ: Византіи, хазарамъ, а потомъ печенѣгамъ, западнымъ и южнымъ славянамъ. Наступательная политика первыхъ князей.

Въ цѣломъ рядѣ войнъ, обусловленныхъ въ общемъ торговыми интересами, какъ это показываютъ, напримѣръ, торговые договоры Олега и Игоря съ Греками или движеніе Святослава въ Болгарію, новое государство доказываетъ свою жизнеспособность.

II.

Объ образованіи русскаго государства лѣтопись наша разсказываетъ слѣдующее: Лѣтописное сказаніе.

„Въ лѣто 6370 (862) изгнаша Варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бо володѣлъ нами и судилъ по праву. И идоша за море къ Варягомъ, къ Руси, сице бо тіи зваху ся Варязи Русь, яко се друзіи зовуться Свие, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь, и Словѣни, и Кривичи, и вси: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поиди та княжитъ и володѣти нами.“ „И изъбрашася 3 братья съ роды своими, и пояша по себѣ всю Русь, и придоша.... Старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ Новѣгородѣ, а другии Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Русская земля“.

Если слѣдовать лѣтописи, то мы должны признать первыхъ нашихъ князей норманами, а Русь—норманскимъ племенемъ, т. к. лѣтопись подъ именемъ варяговъ знаетъ нормановъ. Такъ и поступили первые наши историки—Байеръ, Шлецеръ, Миллеръ, а изъ позднѣйшихъ—Погодинъ, Куникъ, Соловьевъ и др. Они слѣдовали лѣтописному тексту и создали *норманскую теорію*, очень долго державшуюся въ наукѣ и теперь еще имѣющую многочисленныхъ сторонниковъ. Кромѣ лѣтописи эти ученые, „норманисты“, какъ ихъ называютъ, основываютъ свое мнѣніе на другихъ источникахъ: византійскихъ, Норманская теорія.

арабскихъ, западноевропейскихъ, а такъ же на данныхъ языка скандинавовъ и русскихъ. Византійцы знали какъ варяговъ, которые подъ племенемъ „варинговъ“ или „варанговъ“ служили при дворѣ византійскихъ императоровъ, а также и россовъ, которые часто нападали на Византію изъ-за Чернаго моря. Греки знали и славянъ, но отличаютъ отъ нихъ руссовъ. Первое извѣстіе о нихъ относится къ 860 году. Историкъ итальянскій Ліутпрандъ, въ X в. бывшій въ Греціи, пишетъ, что россами зовутъ греки тѣхъ, кого на Западѣ называютъ норманами. Императоръ Константинъ Багрянородный разсказываетъ о томъ, какъ руссы плаваютъ по Днѣпру, и въ связи съ этимъ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ, славянскомъ и русскомъ. Русскія названія днѣпровскихъ пороговъ, по объясненіямъ норманистовъ—скандинавскаго происхожденія. *) Имена первыхъ князей и ихъ дружинниковъ тоже сходны съ именами скандинавскими или, вообще, германскими **). Наконецъ, какъ одинъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу своей теоріи, норманисты приводятъ свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей подъ 839 г., гдѣ россы, пришедшіе изъ Византіи во Францію, названы шведами, и свидѣтельство арабскаго писателя IX в. Ахмедъ-Эль-Катиба о томъ, что въ 844 г. испанскій городъ Севилью разграбили „язычники, именуемые Русью“, подъ которыми, очевидно, надо разумѣть нормановъ, извѣстныхъ своими нападеніями въ IX в.

*). Вотъ нѣкоторыя названія пороговъ, приведенныя Константиномъ въ его сочиненіи „Объ управленіи имперіей“ (X в.).

Славянскія:	*Русскія.*	*Значеніе.*
Ессупи.	Ессупи.	Не спи.
Островунипрахъ.	Ульварси.	Островъ порога или порогъ острова.
Неясыть.	Айфаръ.	Неясыть (птица пеликанъ).
Вулнипрахъ.	Варуфорсъ.	Водоворотъ.

**) *Имена встрѣчающіяся въ лѣтописи и договорахъ:*	*Имена Германск. кор.*	*Имена Славянскія.*
Олегъ.	Helgi.	Olek (чешск.).
Игорь.	Ingwarr.	—
Малфрѣдъ.	Malmkridth.	—
Рюрикъ.	Hroerek.	Рерихъ (чешск.).

Этимъ аргументомъ пользуется для себя и славянская школа.

Финны до сихъ поръ называютъ Швецію Ruotsi, въ передѣлкѣ на славянскій языкъ Русь. Отъ нихъ то и переняли славяне это имя для варяговъ.

Славянскія теоріи.

Норманская теорія еще въ XVIII в. встрѣтила противниковъ (напримѣръ въ лицѣ академика Ломоносова, и др.). Въ послѣднее время наиболѣе рѣзкимъ противникомъ ея является Иловайскій; онъ отвергнулъ лѣтописное сказаніе, какъ басню, и вмѣстѣ съ Гедеоновымъ и Забѣлинымъ основали *славянскую школу*, которая, отличаетъ варяговъ отъ Руси. Иловайскій, признавая варяговъ норманами, считаетъ Русь туземнымъ племенемъ, съ незапамятныхъ временъ, еще до Р. Х., поселившимся въ восточной Европѣ, при чемъ различаетъ Русь приднѣпровскую и Русь черноморскую. Гедеоновъ и Забѣлинъ считаютъ варяговъ балтійскими славянами, при чемъ первый Русь помѣщаетъ на черноморскомъ побережьи, а второй вмѣстѣ съ варягами на балтійскомъ, хотя признаетъ и отдѣльную Русь черноморскую. Сторонники славянской теоріи постарались подорвать значеніе лѣтописнаго сказанія, какъ легенды. Они указывали на то, что Русь, какъ многочисленный, воинственный и варварскій народъ, извѣстна византійцамъ еще задолго до такъ называемаго „призванія варяговъ“: этотъ народъ дѣлалъ нападенія на Константинополь (напр. походъ Дира), и на греческіе города Херсонеса Таврическаго. Русь также хорошо извѣстна арабамъ, которые называли ее славянами. Маленькое племя, призванное „княжити и володѣти“ въ Новгородъ, очевидно въ столь короткое время не могло сдѣлаться такъ широко извѣстнымъ и передать свое имя среднему Приднѣпровью. Между тѣмъ арабы именно среднее Приднѣпровье называютъ „Русь“. Въ послѣдующее время это наименованіе прилагалось только къ Кіевской Руси, и только много позже оно покрываетъ собою остальныя племена. Та же теорія указываетъ, что славяне не подвергались вліянію норманов въ правовомъ и религіозномъ отношеніи, чего слѣдовало бы ожидать, если бы норманское племя стояло нѣкоторое время во главѣ государственнаго управленія. Названія пороговъ у Константина Багрянороднаго и другія варяжскія имена на Руси объясняются съ точки зрѣнія этой теоріи торговыми связями съ норманами, присутствіемъ варяжскаго наемнаго элемента въ древне-русской княжеской дружинѣ.

Славянская теорія указала на то, что норманская теорія не можетъ считаться безспорной, но и сама не могла удовлетворить нашу науку.

Готская теорія. Въ послѣднее время возникла новая теорія—готская, сторонниками которой является проф. Варшавск. унив. Будиловичъ и Васильевскій.—Ту Черноморскую Русь, о которой свидѣтельствуютъ греки, и которую норманисты считаютъ выходцами съ сѣвера, норманами, а сторонники славянской школы—славянами, новая теорія считаетъ готами, основываясь на названіи Hroth (Гросъ), въ которомъ эта теорія видитъ имя Руси. Готы, по ея представленію, остались послѣ разгрома ихъ въ южной Руси гуннами, и они то извѣстны были своими набѣгами на грековъ и они дали славянамъ первыхъ князей. Теорія эта новая и еще очень не разработанная.

Въ поискахъ за удостовѣреніемъ личности загадочныхъ варяговъ—руси выдвигались и другія, теперь совсѣмъ оставленныя теоріи. Эверсъ считалъ ихъ хазарами, Костомаровъ литовцами, Щегловъ—финнами.

Споръ сторонниковъ норманской, славянской и готской теорій еще не разрѣшенъ. Большинство ученыхъ держится въ этомъ вопросѣ нейтрально, признавая, впрочемъ, пока большую вѣроятность за норманской теоріей.

Что же касается лѣтописнаго извѣстія, то оно теперь считается народнымъ преданіемъ, и на вѣру его никто не принимаетъ.

Н. Кореневскій.

Междукняжескія отношенія.

I.

Порядокъ распредѣленія земель между князьями.

Довольно трудно опредѣлить, можно ли отношенія между князьями и между землями всего до-татарскаго періода объяснить преобладаніемъ какого-нибудь единаго господствующаго принципа. Очень возможно, что въ различные періоды и въ различныхъ земляхъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ соотношеній, дѣйствовали различные принципы. Во всякомъ случаѣ въ фактахъ этого періода можно уловить различныя начала, которыя оказывали вліяніе на между-княжескія и между-земельныя отношенія, опредѣляли ихъ отношенія. Съ этой фактической стороной мы сейчасъ и познакомимся.

Право Рюриковичей на волости.

Прежде всего несомнѣнно, что всѣ русскіе князья, происшедшіе отъ одного предка—отъ Рюрика, составляли одинъ родъ, между членами котораго существовала тѣсная связь. Эта связь ярче всего выражалась въ томъ взглядѣ, въ томъ убѣжденіи, что Русь принадлежитъ не одному или нѣсколькимъ князьямъ, а всѣмъ князьямъ, всему княжескому роду. Вотъ почему каждый взрослый князь считалъ своимъ правомъ получить во временное владѣніе отдѣльную волость. Если число волостей превышало количество наличныхъ князей, то нѣкоторые князья получали не одну, а двѣ и даже три волости. Этотъ принципъ является общепризнаннымъ въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время великое княжество Кіевское обыкновенно доставалось старшему въ княжескомъ родѣ: остальныя волости распредѣлялись между другими князьями тоже по степени старшинства: чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ болѣе богатое княжество доставалось на его долю. Если умиралъ какой-нибудь князь, то его волость переходила не къ его сыну, а

къ слѣдующему за нимъ по старшинству князю; вмѣстѣ съ тѣмъ передвигались ближе къ Кіеву и нѣкоторые другіе князья. Подобное передвиженіе охватывало всѣхъ или почти всѣхъ князей въ случаѣ смерти великаго князя. Всѣ волости представляли изъ себя какъ бы лѣстницу, верхнюю ступень которой занимало Кіевское княжество; и князья постепенно, соблюдая очередь, поднимались по этой лѣстницѣ, пока не достигали ея верхней ступени,—великаго княжества Кіевскаго, вожделѣнной цѣли всѣхъ князей. Эта постепенность передвиженія князей изъ волости въ волость по направленію къ Кіевскому княжеству хорошо выражена въ слѣдующихъ словахъ князей: „Какъ прадѣды наши *лѣствицею* восходили на великое княженіе Кіевское, такъ и намъ должно достигать его *лѣствичнымъ восхожденіемъ*". Отсюда этотъ порядокъ называется очереднымъ.

Примѣры распредѣленія волостей.

Прежде всего приведемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ въ дѣйствительности распредѣлялись волости между членами княжескаго рода, между отдѣльными князьями.

Святославу, умершему въ 972 г., наслѣдовали 3 сына, которые такъ размѣстились по различнымъ столамъ: старшій, Ярополкъ, сѣлъ въ Кіевѣ, второй, Олегъ,—въ землѣ Древлянской, а младшему, Владиміру, достался Новгородъ. Послѣ смерти Владиміра Святого (въ 1015 г.) старшій сынъ его Святополкъ сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ, а другіе сыновья распредѣлились по волостямъ слѣдующимъ образомъ: въ Новгородѣ былъ Ярославъ, въ Ростовѣ—Борисъ, въ Муромѣ—Глѣбъ, въ Древлянской землѣ—Святославъ, во Владимирѣ Волынскомъ — Всеволодъ, въ Тмутараканскомъ княжествѣ — Мстиславъ.

По смерти Ярослава I (въ 1054 г.) всѣхъ взрослыхъ князей было шестеро: пять сыновей Ярослава и внукъ его Ростиславъ, сынъ старшаго Ярославова сына Владиміра, умершаго еще при жизни отца. Между этими князьями волости были распредѣлены такимъ образомъ: старшій Ярославовъ сынъ, Изяславъ, получилъ Кіевъ, т.-е. сдѣлался великимъ княземъ и Новгородскую волость; второму сыну, Святославу, достались Черниговская волость, Муромо-Рязанская и Тмутараканская; третій сынъ, Всеволодъ, получилъ Переяславское княжество, Суздальское и Бѣлозерское; четвертому сыну, Вячеславу, досталось

Смоленское княжество, а самому младшему, Игорю,—Владимиро-Волынское; что касается Ростислава, то на его долю досталось Ростовское княжество.

Въ 1057 г. умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, князь смоленскій, оставивъ послѣ себя сына; но Смоленское княжество досталось не этому сыну, а Игорю, князю владимиро-волынскому, на Волынь же былъ переведенъ изъ Ростова князь Ростиславъ.

Въ 1060 г. скончался младшій сынъ Ярослава, Игорь, смоленскій князь, оставившій сыновей. Старшіе братья не отдали Смоленскаго княжества ни этимъ сыновьямъ, ни Ростиславу, какъ бы слѣдовало, на основаніи очереди родового старшинства. Князь Ростиславъ, считая себя обиженнымъ, убѣжалъ въ Тмутаракань собирать войско, чтобы отомстить своимъ дядьямъ.

Въ 1073 г. Святославъ и Всеволодъ заподозрѣли своего старшаго брата Изяслава въ какихъ-то направленныхъ противъ нихъ козняхъ и выгнали его изъ Кіева. Послѣ этого великимъ княземъ кіевскимъ сдѣлался Святославъ, а на его мѣсто въ Черниговъ перешелъ Всеволодъ. Когда въ 1076 г. Святославъ умеръ, великимъ княземъ сдѣлался Всеволодъ. Но скоро Изяславъ возвратился на Русь съ польскимъ войскомъ; тогда Всеволодъ уступилъ ему Кіевское княжество, а самъ ушелъ въ Черниговъ. По смерти Изяслава (въ 1078 г.) Всеволодъ снова занялъ Кіевское княжество. Когда умеръ Всеволодъ (въ 1093 г.), то уже не было въ живыхъ ни одного Ярославова сына, и Кіевское княжество досталось старшему сыну старшаго Ярославича, Святополку Изяславичу.

Родовое старшинство—главное основаніе распредѣленія волостей

Приведенные факты показываютъ, что главнымъ основаніемъ, по которому происходило распредѣленіе волостей между князьями, было именно родовое старшинство, и что, въ частности, великокняжескій столъ доставался обыкновенно самому старшему въ родѣ. О томъ же свидѣтельствуютъ и прямыя заявленія нѣкоторыхъ князей,—заявленія, которыя мы находимъ въ лѣтописи. Такъ, когда дружина предложила сыну Владимира Святого, Борису, князю ростовскому, отнять великокняжескій столъ у Святополка, онъ далъ такой отвѣтъ: „не могу я поднять рукъ на своего брата; хоть и умеръ у меня отецъ, онъ будетъ мнѣ вмѣсто отца“. Въ 1023 г.

Мстиславъ, княжившій въ Тмутаракани, явился въ русскихъ предѣлахъ искать волостей послѣ умершихъ братьевъ. Въ это время изъ сыновей Владимира Святого оставались въ живыхъ только онъ да Ярославъ. Мстиславъ разбилъ Ярослава у Листвена (верстахъ въ 40 къ сѣверо-востоку отъ Чернигова). Несмотря на одержанную побѣду, Мстиславъ не хотѣлъ добывать Кіевскаго княженія мимо старшаго брата и послалъ сказать ему: „Садись въ своемъ Кіевѣ, потому что ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона", т.-е. восточный берегъ Днѣпра.

Итакъ, оба названные князя, и Борисъ и Мстиславъ, были глубоко убѣждены, что на Кіевскомъ столѣ долженъ сидѣть старшій въ княжескомъ родѣ.

Лѣтопись сообщаетъ, что князь Ярославъ однажды обратился къ своему любимому сыну Всеволоду съ такими словами: „Если, Богъ дастъ, ты сдѣлаешься великимъ княземъ, *послѣ своихъ братьевъ, съ правдою, а не съ насиліемъ*, то, когда Богъ отведетъ тебя отъ этой жизни, ты ляжешь тамъ, гдѣ и я лягу, возлѣ моего гроба, потому что я люблю тебя больше твоихъ братьевъ".

Значитъ, въ Ярославѣ жило сознаніе, что переходъ Кіевскаго стола отъ князя къ князю долженъ былъ происходить „съ правдою", т. е. въ извѣстномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ очереди старшинства.

Мысль о той же „правдѣ" крѣпко сидѣла въ головѣ и у Владимира Мономаха; послѣ смерти отца своего Всеволода, у него явилось было намѣреніе овладѣть кіевскимъ столомъ, но онъ отогналъ отъ себя это намѣреніе такими словами: „Если я сяду на столѣ своего отца, то мнѣ придется выдержать борьбу съ Святополкомъ, потому, что *его отецъ раньше моего отца занималъ великокняжескій столъ*".

Въ 1174 г. на кіевскомъ столѣ сѣлъ Ярославъ Изяславичъ. Тогда черниговскій князь Святополкъ Всеволодовичъ напомнилъ ему о бывшемъ между ними раньше уговорѣ и просилъ надѣлить его какой-нибудь волостью на западной сторонѣ Днѣпра. Ярославъ Изяславичъ сказалъ черниговскому князю: „Зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ нѣтъ дѣла до этой (т.-е. Кіевской) стороны". На это Святославъ Всеволодовичъ далъ

такой отвѣтъ: „Я не угринъ и не ляхъ; мы внуки одного дѣда—и сколько тебѣ дѣла до Кіева, столько и мнѣ". Такимъ образомъ, въ противоположность Ярославу Изяславичу, который склоненъ былъ считать Кіевское княжество наслѣдственнымъ владѣніемъ въ потомствѣ Владимира Мономаха, Святославъ Всеволодовичъ высказалъ глубокое убѣжденіе въ нераздѣльности княжескаго рода и въ томъ, что каждый князь обладаетъ правомъ перехода на лучшіе столы по очереди старшинства.

Хотя описанный порядокъ княжескаго владѣнія считался правильнымъ, нормальнымъ для древнѣйшаго періода, но онъ рано уже сталъ нарушаться. Наряду съ мыслью о нераздѣльности владѣнія русской землей всѣмъ княжескимъ родомъ по принципу старшинства, который лежитъ въ основаніи очередного порядка, дѣйствовали другія начала, подрывавшія этотъ порядокъ.

Прежде всего, слѣдуетъ назвать *ряды* или *договоры* между князьями. Договоры между князьями.

Иногда князья заключали другъ съ другомъ договоры либо съ цѣлью возстановить нарушенное право старшинства, либо для того, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ распредѣлить волости. Иные изъ этихъ договоровъ носили характеръ частныхъ соглашеній между отдѣльными князьями, а другіе заключались на княжескихъ съѣздахъ.

Какъ на примѣръ частнаго соглашенія между князьями, можно указать на такой фактъ: въ 1102 г. между Святополкомъ Изяславичемъ и Владиміромъ Мономахомъ состоялся уговоръ, по которому сынъ Святополка долженъ былъ сѣсть въ Новгородѣ, а сынъ Мономаха—во Владимирѣ-Волынскомъ.

Изъ княжескихъ съѣздовъ мы остановимся на двухъ—на любечскомъ и витичевскомъ.

Съѣздъ въ г. Любечѣ состоялся въ 1097 г. Этому съѣзду предшествовала довольно шумная усобица, затѣянная черниговскимъ княземъ Олегомъ Святославичемъ; въ ней принимали участіе великій князь Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, и сыновья послѣдняго. Сначала Олегъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, и, хотя лишился Чернигова, зато захватилъ всю Муромо-Ростовскую волость, посадилъ по городамъ своихъ посадниковъ и началъ собирать съ жителей дань. Но вскорѣ счастье измѣнило Любечскій съѣздъ

ему: Мономаховъ сынъ Метиславъ разбилъ его и выгналъ изъ занятой имъ волости. Тогда Олегъ принужденъ былъ смириться и, по совѣту Мстислава, обратился къ князьямъ съ просьбой, чтобы они не лишали его доли въ русской землѣ. Эта усобица и вызвала княжескій съѣздъ въ Любечѣ. Сюда пріѣхало нѣсколько князей, а именно: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давидъ и Олегъ Святославичи. Съѣхавшись, они стали говорить другъ другу: „Зачѣмъ мы губимъ русскую землю, затѣвая усобицы? А половцы опустошаютъ нашу страну и рады тому, что мы воюемъ другъ съ другомъ. Будемъ же отнынѣ въ согласіи и станемъ блюсти русскую землю". Затѣмъ князья уговорились, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ своей „отчиной", т.-е. той волостью, которую занималъ его отецъ; кромѣ того, нѣкоторые князья должны были сидѣть въ тѣхъ городахъ, которые раздалъ имъ князь Всеволодъ: Давидъ Игоревичъ—во Владимирѣ-Волынскомъ, Василько Ростиславичъ—въ Теребовлѣ (въ теперешней Подольской губ.), а его братъ Володарь—въ Перемышлѣ (въ нынѣшней Галиціи). Такимъ образомъ, на Любечскомъ съѣздѣ были возстановлены права Святославичей на Черниговъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ волости были распредѣлены между князьями на началѣ, несогласномъ съ основаніями очереднаго порядка—на началѣ *отчинномъ*.

Дѣло въ томъ, что при жизни великаго князя Всеволода Черниговскіе Святославичи были объявлены изгоями и лишены владѣнія въ Черниговской землѣ. Изгоями назывались такіе князья, отцы которыхъ умерли, не достигнувъ кіевскаго стола. По правиламъ очерднаго порядка подобные князья лишались права на лучшіе столы, исключались изъ очереди; они становились какъ бы отщепенцами въ княжескомъ родѣ.

Вскорѣ послѣ Любечскаго съѣзда, началась новая княжеская усобица, главнымъ виновникомъ которой былъ Давидъ Игоревичъ. Онъ задумалъ отдѣлаться отъ своего опаснаго сосѣда, теребовльскаго князя Василька Ростиславича; ему удалось склонить на свою сторону Святополка. Василько былъ схваченъ и ослѣпленъ. Тогда въ усобицу вмѣшались Владиміръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ съ братомъ Давидомъ: они заставили Святополка выступить противъ Давида Игоревича и наказать

его. Между тѣмъ, за Василька вступился братъ его Володарь и началъ борьбу съ Давидомъ. Святополкъ не удовольствовался тѣмъ, что прогналъ этого безпокойнаго князя изъ Волынской волости, а рѣшилъ захватить въ свои руки владѣнія Ростиславичей. Вслѣдствіе этого, Володарь и Василько начали войну съ княземъ Святополкомъ. Вернувшійся изъ Польши Давидъ Игоревичъ соединился съ Ростиславичами противъ кіевскаго князя. Святополкъ пригласилъ на помощь венгровъ, а Давидъ—половцевъ. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Давида, но затѣмъ онъ былъ принужденъ вторично покинуть Владиміръ-Волынскій и бѣжать въ Польшу.

Съѣздъ въ Витичевѣ.

Однимъ изъ результатовъ описанной усобицы былъ новый княжескій съѣздъ, состоявшійся 1100 г. въ Витичевѣ, недалеко отъ Кіева. На этомъ съѣздѣ присутствовали: Святополкъ, Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи. Сюда же явился Давидъ Игоревичъ и спросилъ: „Зачѣмъ призвали меня? Вотъ я пришелъ; кому до меня дѣло?“ Владиміръ Мономахъ отвѣтилъ ему: „Ты самъ прислалъ сказать намъ: хочу прійти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; вотъ ты пришелъ и сидишь со своими родственниками на одномъ коврѣ; что же ты не жалуешься? на кого изъ насъ у тебя жалоба?“ Давидъ Игоревичъ ничего на это не сказалъ. Тогда князья, посовѣтовавшись между собою, рѣшили наказать Давида Игоревича за то, что онъ затѣялъ кровавую усобицу: они отняли у него Владиміро-Волынскую волость, а дали ему нѣсколько незначительныхъ городовъ: Бужскъ, Острогъ, Дубенъ и Черторыйскъ *). Затѣмъ князья послали сказать Володарю Ростиславичу: „возьми брата своего Василька къ себѣ и пусть будетъ у васъ одна волость—Перемышль; если же не хочешь, отпусти Василька къ намъ—мы его будемъ кормить“. Такимъ образомъ, у Василька была отнята Теребовльская волость.

*) Бужскъ—теперешній Бускъ, въ Золчевскомъ округѣ Галиціи. Острогъ—теперь уѣздный городъ Волынской губ., на р. Горыни. Дубенъ—нынѣ г. Дубно (Волынской губ., на р. Иквѣ, притокъ Стыри). Черторыйскъ—теперь мѣстечко Черторискъ на р. Стыри, въ Луцкомъ у. Волынской губ.

Этотъ поступокъ князей нельзя назвать справедливымъ: не было достаточныхъ основаній отнимать у несчастнаго князя его волость.

Насильственное пріобрѣтеніе столовъ.

Кромѣ договорнаго начала, вліявшаго на распредѣленіе волостей между князьями и подрывавшаго очередной порядокъ, дѣйствовало начало *добыванія столовъ* т.-е. насильственнаго пріобрѣтенія волостей, вопреки очереди старшинства.

Нѣкоторые князья, отличавшіеся храбростью, предпріимчивостью и настойчивостью, не обращали вниманія на правила дѣйствовавшаго порядка, не дожидались терпѣливо, пока дойдетъ до нихъ очередь, а силой, вооруженной рукой, добывали себѣ Кіевскую и другія волости. Такіе князья держались, очевидно, взгляда, что первенствующее положеніе должно принадлежать не старѣйшему, а способнѣйшему; они больше цѣнили личные доблести и таланты, чѣмъ родовое старшинство. Примѣромъ подобнаго князя можетъ служить внукъ Владимира Мономаха, Изяславъ Мстиславичъ, который сказалъ однажды, что „не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту“, т.-е. что положеніе не достается человѣку даромъ по одному только старшинству, а добывается, пріобрѣтается усиліями и трудами. Изяславъ Мстиславичъ долго и упорно боролся изъ-за Кіевскаго стола со своимъ дядей Юріемъ Долгорукимъ. Несмотря на то, что Юрій Долгорукій по родовому счету былъ, несомнѣнно, старше Изяслава Мстиславича, послѣдній ни за что не хотѣлъ уступить дядѣ. Князь Юрій два раза выгонялъ его изъ Кіева; наконецъ, Изяславъ пригласилъ своего старшаго дядю Вячеслава и отъ его имени управлялъ Кіевомъ вплоть до своей смерти.

Начало добыванія столовъ вносило много смуты въ междукняжескія отношенія, порождало усобицы. Это начало, какъ начало *личное*, было прямо противоположно, враждебно очередному порядку, покоившемуся на *родовомъ* началѣ.

Воля народа.

На размѣщеніе князей по волостямъ оказывала также вліяніе *воля народа*, который на вѣчѣ нерѣдко избиралъ и выгонялъ князей.

Дѣло въ томъ, что уже съ Ярославичей русская земля дѣлится на отдѣльныя земли; первоначально политическое единство и самостоятельность каждой земли проявлялись особо, но

съ теченімъ времени эти земли совершенно обособляются получаютъ собственныя династіи изъ среды тѣхъ же Рюриковичей. Отдѣльныя земли (Полоцкое, Смоленское, Чернигово-Сѣверская и др.) въ свою очередь дробятся на болѣе мелкія княженія. Во главѣ этихъ княженій становятся пригородки, т. е. младшіе города земли. Параллельно съ ростомъ политической самостоятельности земель, растетъ и участье мѣстнаго вѣча въ государственныхъ дѣлахъ земли. Отсюда и вытекаетъ усиленное вліяніе вѣча на избраніе и утверженіе князей.

Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ.

Въ 1068 г. кіевляне, недовольные своимъ княземъ Изяславомъ, прогнали его, а на его мѣсто выбрали полоцкаго князя Всеслава.

16 апрѣля 1113 г. умеръ великій князь Святополкъ. На другой день послѣ его смерти, кіевляне собрались на вѣче и выбрали кіевскимъ княземъ Владимира Мономаха, несмотря на то, что по очереди старшинства великокняжескій столъ долженъ былъ перейти къ Давиду Святославичу.

Въ 1146 г. жители Друцка, собравшись на вѣче, избрали княземъ Глѣба Ростиславича; черезъ 12 лѣтъ, въ 1158 г., онъ былъ выгнанъ и замѣненъ Рогволодомъ Борисовичемъ.

Изъ 50 князей, занимавшихъ Кіевскій столъ до нашествія татаръ, 14, т.-е. нѣсколько болѣе четверти, были призваны народнымъ вѣчемъ.

Отчинное начало въ распредѣленіи волостей.

Кромѣ перечисленныхъ началъ, вліяніемъ на распредѣленіе волостей между князьями, нужно упомянуть еще о началѣ *отчинности*, т.-е. наслѣдованія волостей отъ отца къ сыну. Это начало дѣлается замѣтнымъ съ конца XI ст., благодаря тому, что въ нѣкоторыхъ земляхъ прочно утверждаются династіи князей. (Напримѣръ въ Полоцкой, Смоленской, Волынской, Суздальской, Чернигово-Сѣверской и др.). Населеніе привыкаетъ къ династіямъ, признаетъ ихъ.

Въ 1096 г. уже извѣстный намъ Олегъ Святославичъ подошелъ къ Мурому, гдѣ княземъ въ то время былъ Мономаховъ сынъ Изяславъ. Олегъ послалъ сказать Изяславу: „Ступай въ волость своего отца—въ Ростовъ, а это—волость моего отца“. Значитъ, Олегъ предъявилъ свои права на Муромскую волость на томъ основаніи, что это была его отчина, т.-е. такая волость,

которая принадлежала его отцу. Любопытно, что лѣтописецъ высказываетъ сочувствіе претензіи Олега: онъ говоритъ, что Изяславъ не послушался Олега, „надѣясь на множество воиновъ; Олегъ же надѣялся на *правду потому онъ, дѣйствительно, былъ правъ въ этомъ дѣлѣ*“. Мы знаемъ, что Ярославъ I считалъ „правдой“ очередной порядокъ княжскаго владѣнія; Олегъ Святославичъ и сочувствовавшій ему лѣтописецъ признавали „правдой“ отчинное владѣніе столами, переходъ волостей по наслѣдству отъ отца къ сыну. Отчинное начало было провозглашено, какъ намъ извѣстно, и на княжескомъ съѣздѣ въ Любечѣ, гдѣ было постановлено, чтобы „каждый князь владѣлъ своей отчиной“.

Знакомый намъ внукъ Владимира Мономаха, Изяславъ Мстиславичъ сдѣлалъ Волынь своей отчиной: послѣ него здѣсь княжилъ его сынъ, потомъ внукъ и т. д.

Мы уже говорили, что великій князь Ярославъ Изяславичъ считалъ Кіевскую волость своимъ наслѣдственнымъ владѣніемъ.

Заключеніе. Итакъ, въ Кіевской Руси первоначально дѣйствовалъ очередной порядокъ княжскаго владѣнія, но онъ, впрочемъ, дѣйствовалъ не безусловно и не исключительно: одновременно съ нимъ проявляли свое дѣйствіе начала, съ нимъ несогласныя; мы уже знаемъ эти начала—то были: договорное начало („ряды“ между князьями), личное (умственныя и нравственныя качества князей), земское или выборное (воля народа) и отчинное (передача волостей по наслѣдству отъ отца къ сыну). Съ теченіемъ времени эти начала являются преобладающими и оттѣсняютъ очередной порядокъ, который иногда примѣняется только въ отдѣльныхъ земляхъ. Очередной порядокъ, по запутанности родовыхъ счетовъ, оказался неудобнымъ при *разростаніи* княжеской силы и вслѣдствіе проявленія личныхъ интересовъ князей.

Кромѣ того, интересующій насъ порядокъ стѣснялъ народную волю, выразителемъ которой было вѣче: онъ не принималъ въ расчетъ интересовъ населенія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ назначеніе князя въ ту или другую волость. А между тѣмъ вѣче было довольно крупной политической силой, съ которой нужно было считаться, и вотъ вѣче стало вмѣшиваться въ распредѣленіе волостей между князьями. Для волости важно было

имѣть не очередного, а хорошаго князя, который радѣлъ бы объ интересахъ населенія; но вѣдь не каждый очередной князь былъ непремѣнно хорошимъ княземъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, гдѣ вѣче достигло особеннаго развитія и значенія, очередной порядокъ совсѣмъ не дѣйствовалъ: такъ было въ Новгородской области, въ которой съ XII в. избраніе и низложеніе князей всецѣло зависѣло отъ вѣча.

Разсмотрѣвши факты государственныхъ отношеній древнѣйшаго періода естественно задаться вопросомъ, являлась ли древняя Русь единымъ государствомъ и вообще какую форму государства она представляла собою. Древнерусскій земско-вѣчевой порядокъ трудно подвести подъ какую-либо форму государственныхъ отношеній, извѣстныхъ въ настоящее время. Такъ, прежде всего, Русь кіевскаго періода не представляла изъ себя одного государства; въ ней не было политическаго единства. Нельзя назвать ее, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, и союзнымъ государствомъ, федераціей. Союзное государство предполагаетъ существованіе союзнаго правительства, постановленіямъ котораго подчиняются части, входящія въ составъ федераціи. Но союзнаго правительства не было въ Кіевской Руси: въ ней были только намеки на такое правительство, зародыши его. Мы имѣемъ въ виду великаго князя и княжскіе съѣзды. Власть великаго князя не простиралась на всѣ русскія области или хотя бы на большую часть ихъ: ему принадлежала верховная власть только въ Кіевской волости. Отношенія великаго князя къ остальнымъ князьямъ носили родственный характеръ, а не политическій: онъ не былъ для нихъ государемъ, а „въ отца мѣсто“, названнымъ отцомъ; онъ не имѣлъ права приказывать имъ, и они не обязаны были ему повиноваться. Правда, нѣкоторые кіевскіе князья, какъ, напр., Владимиръ Мономахъ и сынъ его, Мстиславъ, пріобрѣтали значительную власть и заставляли другихъ князей повиноваться своимъ приказаніямъ; но это была фактическая власть, а не юридическая.

Что касается княжескихъ съѣздовъ, то и они не были союзнымъ правительствомъ. Прежде всего нужно сказать, что княжескіе съѣзды происходили очень рѣдко; кромѣ того,

присутствіе на нихъ всѣхъ наличныхъ князей было, повидимому, необязательно; наконецъ, необязательны были и постановленія княжескихъ съѣздовъ. Такъ, напр., на съѣздѣ князей въ Витичевѣ было постановлено, между прочимъ, отнять у Василька Теребовльскую волость; но Василько и братъ его Володарь не сочли нужнымъ подчиниться этому постановленію и остались безнаказанными.

Итакъ, Кіевская Русь не представляется намъ въ политическомъ отношеніи опредѣленнымъ государственнымъ организмомъ: это—группа отдѣльныхъ княжествъ, отдѣльныхъ волостей, связанныхъ между собою единствомъ династіи и религіи, языка и племени.

Гр. Шмелевъ.

II.

Андрей Боголюбскій и его политическіе идеалы. *)

Своеобразный государственный строй древней Руси вызывалъ къ себѣ критическое отношеніе со стороны разныхъ слоевъ населенія; въ общемъ населеніе сильно страдало отъ княжескихъ междуусобій; экономическое процвѣтаніе юга было подорвано къ половинѣ XII вѣка перерывомъ торговыхъ сношеній съ Византіей; все это вызывало недовольство населенія, которое въ княжескихъ междуусобіяхъ видѣло причины многихъ своихъ бѣдствій. Стоитъ вспомнить весьма недружелюбный отзывъ автора „Слова о полку Игоревѣ". Лѣтописецъ тоже, описывая княжескія междуусобія, проводитъ тенденцію о необходимости „покоренія младшихъ князей старшимъ и населенія—князю." Тотъ же взглядъ начинаютъ развивать и проповѣдники; такъ анонимный проповѣдникъ XII в., говорившій свою проповѣдь въ Черниговскомъ соборѣ въ присутствіи князей, начинаетъ ее: „Слышите, князи, противящеся своей братію и рать воздвижуще" и кончаетъ призывомъ къ князьямъ: „постыдитеся враждующи на братію свою". Онъ приводитъ въ поученіе князьямъ примѣръ Бориса и Глѣба, уступившихъ старшему брату; между тѣмъ какъ „Вы, обращается онъ къ современнымъ ему князьямъ, до слова братоу стерпѣти не можете и за малоу обидоу враждоу смертоносною въздвижете, помощь пріемлете отъ поганыхъ на свою братію".

Условія зарожденія новыхъ идей въ Суздальской Руси.

---

*) *Литература: М. Погодинъ.* „Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій" *С. М. Соловьевъ.* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. II, гл. IV, V и VI; *И. Д. Бѣляевъ.* „Разсказы изъ русской исторіи". кн. II, разсказъ 7-й. *Н. И. Костомаровъ.* „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей" I-й отд., V („Князь Андрей Боголюбскій"). *Забѣлинъ*—„Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія". *Костомаровъ* „Начало русскаго единодержавія". (Монографіи 7, XII.)

Поученія древне-русскихъ книжниковъ не могли имѣть вліянія на югѣ и въ Новгородской области, гдѣ государственная жизнь прочно уложилась. Кромѣ того среднее Поднѣпровье бѣднѣло и оказывало пассивное сопротивленіе уходомъ на сѣверо-востокъ.

Здѣсь же строй жизни и взаимоотношенія складывались совсѣмъ иначе, нежели то было въ Руси юго-западной. Переходя на сѣверъ, населеніе прочно осѣдаетъ на облюбованныхъ мѣстахъ, превращается преимущественно въ посадское-промышленное или сельское земледѣльческое; на новыхъ мѣстахъ оно съ большимъ трудомъ добываетъ средства къ жизни благодаря менѣе благопріятнымъ природнымъ условіямъ, что уже само по себѣ заставляетъ дѣлаться болѣе ровнодушнымъ къ къ дѣламъ государственнымъ, а глухія, лѣсистыя мѣстности препятствуютъ удобному сообщенію съ городами; вѣче дѣйствуетъ не такъ интенсивно въ сельской Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ мѣняться и характеръ князей—югъ образовываетъ предводителя дружины, помыслы котораго были направлены на добываніе лучшаго стола, князь сѣверо-востока превращается въ рачительнаго хозяина, устроителя своего княжества, на которое онъ начинаетъ смотрѣть, какъ на свою наслѣдственную вотчину. Еще первый устроитель хозяинъ Владиміро-Суздальской Руси совмѣщалъ въ себѣ хозяйственныя наклонности сѣверовосточнаго князя и военныя доблести южно-русскаго, и, устраивая Суздаль, онъ все-таки стремился въ Кіевъ. Но уже его сынъ, Андрей Боголюбскій, явился выразителемъ новыхъ идеаловъ княжеской власти. Суздальскій князь-хозяинъ воспринялъ тѣ самые идеалы, которые мы встрѣчаемъ у книжниковъ, и съ которыми знакомились на Руси изъ литературныхъ и другихъ сношеній съ Византіей. Андрей впервые поставилъ себѣ задачу сдѣлаться княземъ, „самовластцемъ всея Руси“ и, по характеру своихъ стремленій, онъ является предшественникомъ великихъ князей Московскихъ.

Личность Андрея Боголюбскаго.

Андрей Боголюбскій родился *), выросъ и провелъ больше

*) Мы не можемъ сказать навѣрное, когда родился Андрей Боголюбскій. Есть извѣстіе, что онъ былъ убитъ 63 лѣтъ отъ роду; а такъ какъ годъ его смерти хорошо намъ извѣстенъ (1174), то можно думать, что онъ родился въ 1111 г.

половины своей жизни въ Суздальской волости, вдали отъ шума и толкотни кіевской Руси. Онъ получилъ отъ отца въ управленіе Владиміръ на Клязьмѣ, небольшой, недавно возникшій пригородъ. Здѣсь, въ лѣсной глуши, онъ привыкъ къ тишинѣ и порядку, привыкъ хозяйничать по своему усмотрѣнію, распоряжаться самовластно. Онъ пока не обращалъ вниманія на то, что происходило на югѣ: южно-русскіе интересы были чужды ему; были ему чужды и южно-русскіе князья, его близкіе и дальніе родственники. Въ 1149 г. отецъ вытащилъ его изъ глуши и заставилъ принять участіе въ борьбѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ изъ-за Кіевскаго стола. Извѣстно, что эта борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ; Юрій Долгорукій два раза овладѣвалъ великокняжескимъ столомъ и дважды былъ изгоняемъ изъ Кіева. Во время борьбы своего отца съ Изяславомъ Мстиславичемъ Андрей Боголюбскій обнаружилъ, съ одной стороны, выдающуюся храбрость, возбуждавшую удивленіе даже на югѣ, гдѣ не было недостатка въ неустрашимыхъ витязяхъ, а съ другой—нѣкоторыя черты характера, чуждыя южно-русскимъ князьямъ. Андрей Боголюбскій, этотъ суровый, угрюмый, замкнутый въ себѣ человѣкъ, способенъ былъ увлекаться бранными подвигами, любилъ биться впереди всѣхъ. Но любопытно, что и въ пылу битвы онъ не терялъ головы; въ минуты даже крайней опасности онъ сохранялъ присутствіе духа, не утрачивалъ способности хладнокровно обсуждать свое положеніе, чтобы найти изъ него выходъ.

Князь Андрей довольно скоро отрезвлялся отъ ратнаго опьянѣнія и становился благоразумнымъ и осторожнымъ. Онъ вообще не любилъ рисковать и старался, если это было возможно, кончить дѣло миромъ, не прибѣгая къ оружію. Когда Изяславъ Мстиславичъ, доведенный до крайности, сталъ просить у князя Юрія мира, то Андрей началъ уговаривать своего отца, чтобы онъ помирился съ Изяславомъ.

Переходъ Андрея на сѣверъ.

По смерти своего энергичнаго противника (въ 1154 г.), Юрій Долгорукій въ третій разъ занялъ великокняжескій столъ и продержался на немъ до своей смерти (1157 г.). Своего сына Андрея онъ посадилъ у себя подъ бокомъ—въ Вышгородѣ, конечно, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, поскорѣе призвать его на помощь. Но Андрею не нравилось

на югѣ: его тянуло на сѣверо-востокъ, въ лѣсную глушь. Въ одной лѣтописи мы находимъ указаніе на то, что именно не нравилось Андрею на югѣ: „Онъ смущался, видя нестроеніе своей братьи—племянниковъ, сродниковъ и всѣхъ вообще родственниковъ: всегда они были въ мятежѣ и волненіи; много лилось крови; всѣ сильно добивались великаго княженія кіевскаго; ни у кого ни съ кѣмъ не было мира—и отъ того всѣ княжества запустѣли; Андрей много скорбѣлъ объ этомъ, болѣлъ душою и сердцемъ и, наконецъ, рѣшилъ уйти въ Ростовско-Суздальскую волость, потому что тамъ было покойнѣе“.

Итакъ, въ 1155 г. князь Андрей, безъ отцовской воли, покинулъ Вышгородъ и ушелъ въ свою Залѣсскую сторону, гдѣ не было княжескихъ усобицъ, гдѣ можно было жить тихо и покойно. Онъ взялъ съ собой изъ Вышгорода чудотворную икону Божіей Матери, написанную, по преданію, апостоломъ Лукой и привезенную однимъ купцомъ изъ Царьграда *).

Андрей поселился во Владимирѣ-Клязьменскомъ. По смерти Юрія Долгорукаго (въ 1157 г.) ростовцы и суздальцы, по общей думѣ, посадили Андрея на отцовскомъ столѣ въ Ростовѣ и Суздалѣ, т.-е. Андрей сдѣлался княземъ Ростовско-Суздальской волости, но продолжалъ жить во Владимирѣ на Клязьмѣ.

Отношеніе Андрея къ братьямъ и боярамъ.

Свое княженіе въ названной волости Андрей ознаменовалъ довольно характернымъ для него дѣйствіемъ: въ 1162 г. онъ выгналъ изъ нея своихъ младшихъ братьевъ — Мстислава, Василька и Михаила, какъ такихъ лицъ, которыя могли быть для него опасными соперниками: (дѣло въ томъ, что, по завѣщанію князя Юрія, именно имъ, а не Андрею должна была достаться Ростовско-Суздальская земля). Кромѣ братьевъ, Андрей постарался удалить изъ своей волости и другихъ лицъ, присутствіе которыхъ онъ считалъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, опаснымъ для себя или просто неудобнымъ: онъ прогналъ двухъ своихъ племянниковъ, сыновей умершаго Ростислава, и отцовскихъ бояръ. Мы склонны видѣть въ этомъ

*) Эту икону Андрей поставилъ въ построенной имъ во Владимирѣ церкви Успенія Божіей Матери. Въ 1395 г. названная икона была принесена, по случаю нашествія Тамерлана, въ Москву и здѣсь осталась: ее помѣстили въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ она находится и въ настоящее время.

поступкѣ Андрея, кромѣ вполнѣ понятнаго желанія сдѣлать свое положеніе болѣе безопаснымъ и прочнымъ, также проявленіе его властолюбиваго, деспотическаго характера. Одна лѣтопись по поводу сейчасъ упомянутаго поступка князя Андрея замѣчаетъ, что онъ „желалъ быть *самовластцемъ* всей Суздальской земли“, т.-е. хотѣлъ *нераздѣльно* властвовать въ этой землѣ; въ другихъ лѣтописяхъ мы читаемъ, что Андрей, „будучи одержимъ властолюбіемъ, желалъ быть *единодержателемъ* отцовскому наслѣдію“.

Утвердившись въ своей волости, Андрей сталъ понемногу осуществлять свой политическій планъ, состоявшій въ томъ, что этотъ князь хотѣлъ сдѣлаться „самовластцемъ“ не только всей Суздальской, но и всей Русской земли, т.-е. онъ хотѣлъ такъ же самовластно распоряжаться въ Русской землѣ, какъ онъ распоряжался въ своей отчинѣ: онъ мечталъ занять первенствующее положеніе среди русскихъ князей, мечталъ заставить ихъ безпрекословно подчиняться своимъ приказаніямъ, иначе говоря—онъ намѣревался превратить князей въ своихъ *подданныхъ*. Политическій планъ Андрея.

Невольно возникаетъ вопросъ: при какихъ условіяхъ, подъ какими вліяніями зародился въ головѣ Андрея такой планъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего припомнить, что князь Андрей былъ натура властолюбивая, деспотическая. Кромѣ того, обстановка, въ которой Андрей выросъ и провелъ большую часть своей жизни, была такова, что могла впитать въ него властолюбивыя замыслы. Мы отчасти уже знаемъ эту обстановку: это—уединенная Ростовско-Суздальская область. Извѣстно, что заселенію и оживленію названной области много содѣйствовали Юрій Долгорукій и самъ Андрей. Когда князь Юрій началъ строить новые города, то онъ населялъ ихъ, призывая людей отовсюду, съ разныхъ сторонъ, при чемъ для привлеченія большого количества поселенцевъ давалъ имъ „немалую ссуду“, т.-е. оказывалъ матерьяльную помощь; благодаря этой мѣрѣ въ построенные Юріемъ города приходили въ большомъ количествѣ не только русскіе, но и болгары и мордва и „предѣлы яко многими тысячами людей наполняли“. Что касается князя Андрея, то онъ продолжалъ колонизаторскую дѣятельность своего отца. Однажды онъ не безъ гордости сказалъ своимъ боярамъ: „Я всю Бѣлую (т.-е. Суздальскую) Русь городами Условія зарожденія плана Андрея.

и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ". Колонизаторская дѣятельность Юрія и Андрея, результатомъ которой было заселеніе дотолѣ малолюдной Ростовско-Суздальской области, должна была внушить князю Андрею мысль, что упомянутая область—созданіе отцовскихъ и его собственныхъ рукъ, что она—*его* область; слѣдовательно, онъ въ ней полный хозяинъ, онъ можетъ распоряжаться въ ней по своему усмотрѣнію.

Стремленіе подчинить князей.

Итакъ, князь Андрей сосредоточилъ въ своихъ рукахъ сильную власть. Это обстоятельство разожгло его властолюбіе и побудило выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ своей волости на болѣе широкую дорогу и наложить свою тяжелую руку на русскихъ князей. Андрей не былъ мечтателемъ, не любилъ строить воздушныхъ замковъ: онъ былъ человѣкомъ съ трезвой головой и брался лишь за такіе планы, которые можно было осуществить: такимъ осуществимымъ планомъ онъ считалъ и свое намѣреніе превратить русскихъ князей въ своихъ подданныхъ. Андрей, повидимому, хорошо понималъ слабость русскихъ князей, заключавшуюся въ томъ, что между ними не было согласія, что они не довѣряли другъ другу: значитъ, легко было однихъ изъ нихъ натравить на другихъ. Кромѣ того, существовала вражда между отдѣльными землями. Не могли остановить Андрея и родственныя связи съ русскими князьями: сидя въ своей глуши, долгое время не принимая никакого участія въ событіяхъ Руси, онъ мало-по-малу отвыкъ отъ своей братьи-князей, пересталъ чувствовать свою связь съ ними, сталъ считать ихъ чужими.

Попытка подчинить Новгородъ.

Задавшись цѣлью установить единодержавіе на Руси, князь Андрей началъ осуществленіе своего плана съ попытки подчинить своей власти Великій Новгородъ. При этомъ онъ дѣйствовалъ не только при помощи военной силы, но пользовался также и экономической зависимостью Новгорода отъ Ростовско-Суздальской земли; кромѣ того, онъ опирался на суздальскую партію, образовавшуюся въ Новгородѣ еще при Юріи Долгорукомъ. Эта партія завязала съ Андремъ тайныя сношенія и стала приглашать его занять Новгородъ. Андрей, воспользовавшись этимъ приглашеніемъ, послалъ сказать новгородцамъ: „Да будетъ вамъ вѣдомо, что хочу искать Новгорода *добромъ и лихомъ;* вы цѣ-

ловали ко мнѣ крестъ на томъ, что имѣть вамъ меня своимъ княземъ, а мнѣ вамъ хотѣть добра". Дѣйствительно, не смотря на пораженіе, понесенное Андреемъ Боголюбскимъ въ открытой борьбѣ съ Новгородцами, ему все таки удалось подчинить ихъ своей волѣ, главнымъ образомъ благодаря зависимости Новгорода отъ подвоза хлѣба изъ Суздальщины съ одной стороны, а также и своей настойчивости съ другой.

Въ южно-русскія дѣла и отношенія Андрей Боголюбскій вмѣшался тогда, когда кіевскій столъ занялъ Мстиславъ Изяславичъ, правнукъ Владиміра Мономаха. Андрей, не любившій и самъ Мстислава, воспользовался для своихъ цѣлей тѣмъ, что у этого послѣдняго было много завистниковъ и недоброжелателей среди князей; они сами пошли навстрѣчу властолюбивымъ стемленіямъ суздальскаго „самовластца". Въ одной лѣтописи мы читаемъ, что когда Мстиславъ, по просьбѣ новгородцевъ, отправилъ къ нимъ въ качествѣ князя своего сына Романа, то вражда князей къ Мстиславу еще болѣе усилилась—и начали они сноситься и уговариваться между собой о томъ, чтобы имъ общими силами прогнать Мстислава изъ Кіева; свой уговоръ они скрѣпили крестоцѣлованіемъ. Вполнѣ естественно, что Андрей Боголюбскій сдѣлался руководителемъ, душой враждебнаго движенія, направленнаго противъ кіевскаго князя. Онъ двинулъ на югъ, противъ кіевскаго князя, свои полки подъ начальствомъ своего сына Мстислава; къ нему присоединилось десять князей, въ томъ числѣ смоленскій князь, дорогобужскій, вышгородскій и др. 8 марта 1169 г. соединенное ополченіе одиннадцати князей взяло Кіевъ, при чемъ Мстиславъ Изяславичъ съ братомъ Ярославомъ убѣжали во Владиміръ-Волынскій. Въ первый разъ Кіевъ былъ захваченъ вооруженной рукой. „Два дня,—говоритъ лѣтописецъ,—побѣдители грабили городъ, монастыри, Софійскій соборъ, Десятинную церковь; никому и ничему не было пощады; церкви горѣли; однихъ жителей убивали, другихъ вязали; женъ разлучали отъ мужей и вели въ плѣнъ; младенцы плачемъ провожали своихъ матерей. Грабители захватили много имущества; они взяли изъ церквей иконы, книги и ризы, сняли колокола—словомъ, ограбили всю святыню... Были тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя".

Отношеніе къ Кіеву.

Такому униженію, такому позору подверглась „мать городовъ русскихъ“ — и отъ кого же? не отъ „поганыхъ“, а отъ своихъ. Это — знаменательный фактъ. Онъ показываетъ, что Кіевъ утратилъ свое былое обаяніе, потерялъ значеніе русскаго центра, что его историческая роль кончилась; волна исторической жизни укатилась туда, гдѣ сидѣлъ суздальскій „самовластецъ“, на сѣверовостокъ. Одинъ лѣтописецъ говоритъ: „Кто не полюбитъ кіевскаго княженія? — вѣдь здѣсь вся честь и слава и величіе; глава всѣмъ землямъ русскимъ Кіевъ; сюда отъ многихъ дальнихъ царствъ стекаются всякіе люди и купцы и всякое добро отъ всѣхъ странъ собирается въ немъ“. Однако, нашелся князь, который былъ совершенно равнодушенъ къ кіевскому княженію: то былъ Андрей Боголюбскій. Прогнавъ изъ Кіева Мстислава Изяславича, онъ не поѣхалъ туда, а остался въ своемъ Владимирѣ-Клязьменскомъ; великокняжескій столъ онъ отдалъ, какъ бы подарилъ, своему младшему брату Глѣбу. Мы уже знаемъ, что Андрей хотѣлъ быть болѣе, чѣмъ великимъ княземъ: онъ хотѣлъ быть „единодержателемъ“ русской земли. Послѣ 1169 г. онъ сталъ смотрѣть на Кіевское княжество, какъ на такую волость, которой онъ можетъ распоряжаться по своему произволу.

Въ 1171 г. Глѣбъ умеръ. Ростиславичи, сидѣвшіе около Кіева, позвали на старшій столъ своего дядю Владиміра Мстиславича. Само собою разумѣется, что Андрей не могъ допустить, чтобы кіевскій столъ былъ занятъ безъ его вѣдома, безъ его позволенія. Онъ приказалъ Владиміру идти вонъ изъ Кіева, а на его мѣсто послалъ Романа Ростиславича смоленскаго. Смерть избавила Владиміра отъ изгнанія: онъ умеръ въ Кіевѣ, просидѣвъ на великокняжескомъ столѣ только четыре мѣсяца. Романъ, согласно приказанію Андрея, пріѣхалъ въ Кіевъ. Но согласіе Андрея съ Ростиславичами продолжалось недолго. Кто-то донесъ суздальскому князю, что братъ его Глѣбъ умеръ не своей смертью, а былъ убитъ тремя боярами: Григоріемъ Хотовичемъ, Степанцемъ и Олексой Святославичемъ. Андрей послалъ сказать Ростиславичамъ: „Выдайте мнѣ Григорія Хотовича, Степанца и Олексу Святославича; это враги всѣмъ намъ: они уморили моего брата Глѣба“. Ростиславичи, находя, вѣроятно, обвиненіе Андрея неосновательнымъ, не послушались его, а только отпустили отъ себя Григорія Хотовича. Суздаль-

скій князь, любившій, чтобъ его волю исполняли безпрекословно, послалъ сказать Роману: „Не ходишь ты въ моей волѣ вмѣстѣ со своей братьей, — такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давыдъ—изъ Вышгорода, а Мстиславъ—изъ Бѣлгорода; есть у васъ Смоленскъ—тамъ и дѣлитесь“. Романъ исполнилъ желаніе Андрея и ушелъ въ Смоленскъ, остальные же Ростиславичи сильно обидѣлись на суздальскаго князя и послали ему такой отвѣтъ: „Братъ, мы назвали тебя отцомъ себѣ, цѣловали къ тебѣ крестъ и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, желая тебѣ добра; а нынѣ ты нашего брата Романа вывелъ изъ Кіева, да и намъ показываешь дорогу изъ русской земли, хотя мы ни въ чемъ передъ тобой не виноваты; такъ пусть насъ разсудитъ Богъ и сила крестная“. Несмотря на то, что Андрей отдалъ Кіевъ своему брату Михаилу, Ростиславичамъ удалось посадить на старшемъ столѣ своего брата Рюрика, и вообще они обнаружили явное намѣреніе не очень-то слушаться суздальскаго князя и хозяйничать самостоятельно въ южной Россіи. Андрей не могъ стерпѣть этого; по словамъ лѣтописца, „онъ исполнился высокоумья, сильно возгордился, надѣясь на матерьяльную силу и огородившись множествомъ воиновъ, онъ распалился гнѣвомъ и послалъ къ Ростиславичамъ мечника Михна, наказавъ ему: „Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: не ходите вы въ моей волѣ, такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; а Давыду скажи: ты иди въ Берладъ, а въ русской землѣ не велю тебѣ оставаться; Мстиславу же молви: такъ какъ ты всему зачинщикъ, то запрещаю тебѣ находиться въ русской землѣ“. Лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ съ юныхъ лѣтъ привыкъ никого не бояться, кромѣ одного Бога. Онъ остригъ Андрееву послу голову и бороду и сказалъ ему: „Поди къ своему князю и скажи ему: до сихъ поръ мы почитали тебя, какъ отца, но если ты прислалъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, а какъ къ *подручнику* и *простому человѣку*, то дѣлай, что замыслилъ, а насъ разсудитъ Богъ“.

Мстиславъ вѣрно опредѣлилъ то положеніе, которое стремился занять Андрей Боголюбскій: онъ именно хотѣлъ сдѣлаться единодержавнымъ правителемъ всей русской земли, вотъ почему онъ сталъ обращаться съ князьями, какъ съ Борьба съ Ростиславичами

простыми людьми, намѣревался превратить ихъ въ своихъ подручниковъ, т.-е. въ своихъ подданныхъ. Мстиславъ былъ представителемъ уже поколебавшейся старины, былъ приверженцемъ очередного порядка княжескаго владѣнія, когда великій князь кіевскій занималъ не властное, а лишь почетное положеніе въ семьѣ князей, будучи не государемъ, а только первымъ среди равныхъ. Поэтому вполнѣ понятно, что именно Мстиславъ далъ рѣзкій отпоръ властолюбивымъ стремленіямъ суздальскаго князя. Легко представить себѣ гнѣвъ „самовластца“, когда онъ узналъ о дерзкомъ поступкѣ князя Мстислава и познакомился съ его смѣлымъ отвѣтомъ. Недолго думая, онъ двинулъ на югъ большую сборную рать. Болѣе 20 князей приняло участіе въ этомъ походѣ. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что Андрей завоевалъ себѣ выдающееся положеніе въ русской землѣ и былъ близокъ къ осуществленію своей цѣли. Хотя посланное Андреемъ войско воротилось ни съ чѣмъ, однако, властное положеніе, занятое Боголюбскимъ, не поколебалось: черезъ нѣкоторое время Ростиславичи „съ братьей своею“ обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ предоставилъ кіевскій столъ Роману. Андрей отвѣтилъ имъ: „Погодите немного: послалъ я къ своимъ братьямъ въ Русь; какъ будетъ мнѣ отъ нихъ вѣсть, такъ я и дамъ вамъ отвѣтъ“. Но ростиславичи не дождались отвѣта отъ князя Андрея, потому что 29 іюня 1174 г. онъ былъ убитъ.

Отношеніе къ церкви.

Князь Андрей властно вторгался также и въ церковныя отношенія. Онъ задумалъ выдѣлить Владиміръ въ самостоятельную митрополію и послалъ объ этомъ просьбу къ патріарху Лукѣ Хризорвегу. Патріархъ, однако, не согласился на раздѣленіе русской митрополіи. Тогда Андрей задумалъ было низложить митрополита Константина, родомъ грека, поставить митрополита соборомъ русскихъ епископовъ, и вообще отдѣлиться отъ Константинопольской патріархіи. Безъ собора епископовъ и согласія другихъ князей Андрей этого сдѣлать не могъ, а въ ихъ средѣ онъ не нашелъ сочувствія. Тогда его любимецъ, епископъ суздальскій *Өедоровецъ*, бывшій главной причиной предыдущихъ сношеній и уже намѣченный въ митрополиты ростовскіе, отправляется въ Контантинополь и хлопочетъ у патріарха о поставленіи въ митрополиты кіевскіе

подъ тѣмъ предлогомъ, что митрополита уже нѣтъ въ живыхъ. Патріархъ, хотя точныхъ свѣдѣній не имѣлъ, но не рѣшился на такой шагъ и посвятилъ Θеодора только на вакантную каѳедру въ Ростовъ. Явившись на Русь, Θеодоръ не хотѣлъ подчиняться митрополиту и произвелъ цѣлую смуту въ церкви, такъ что былъ низложенъ и даже казненъ. Для характеристики Андрея Боголюбскаго этотъ фактъ очень интересенъ, такъ какъ онъ показываетъ настойчивость князя и вскрываетъ его широкіе замыслы.

Мы видѣли, какъ Андрей обращался съ князьями; легко представить, какъ онъ обращался со своими боярами; отъ князей онъ требовалъ покорности и прогонялъ непокорныхъ изъ русской земли; того же и даже еще въ большей степени онъ требовалъ и отъ бояръ и не только прогонялъ, но, вѣроятно, и казнилъ непослушныхъ. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что онъ казнилъ одного изъ своихъ родственниковъ по женѣ, Кучковича. Эта казнь и послужила ближайшей причиной убійства князя Андрея. Очевидно, что еще до казни Кучковича образовался кружокъ людей, недовольныхъ Боголюбскимъ, раздраженныхъ его деспотизмомъ и самодурствомъ: въ этотъ кружокъ вошли нѣкоторые бояре и вообще лица, близко стоявшія къ князю, а во главѣ его стояли братъ казеннаго Якимъ, зять послѣдняго Петръ и Андреевъ ключникъ Анбалъ. Они стали говорить другъ другу: „Сегодня князь казнилъ Кучковича, а завтра казнитъ и насъ—такъ раздѣлаемся съ нимъ„. Заговорщики, въ числѣ 20 человѣкъ, рѣшили 28 іюня убить Андрея, а на слѣдующій день выполнили свое рѣшеніе.

Отношеніе къ боярамъ и смерть Боголюбскаго.

Жители Ростовско-Суздальской земли отнеслись болѣе чѣмъ равнодушно къ событію 29 іюня. Какъ только разнеслась вѣсть объ убійствѣ князя Андрея, боголюбцы и владимірцы принялись за грабежъ. Ростовцы, суздальцы и переяславцы, узнавъ о смерти Боголюбскаго, съѣхались къ Владиміру и спокойно сказали: „Дѣлать нечего, такъ уже случилось,—князь нашъ убитъ“..

Ясно, что въ Ростовско-Суздальской землѣ не любили Андрея, этого суроваго и угрюмаго князя, съ крутымъ, тяжелымъ характеромъ. Выдвинутая имъ идея единодержавія не нашла поддержки въ средѣ современниковъ, была неподходящей для того времени.

Г. Шмелевъ.

III.

Литературныя мнѣнія о сущности государственныхъ отношеній древней Руси (Дополнительныя замѣчанія) *).

Вопросъ о сущности между-княжескихъ отношеній древней Руси, вызвалъ въ нашей исторической литературѣ рядъ теорій пытавшихся установить тѣ начала, которыми руководствовались, князья въ отношеніяхъ между собою и въ правахъ на занятіе столовъ. Эти теоріи въ большинствѣ случаевъ были высказаны лучшими представителями науки, (какъ Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Сергѣевичъ, Кавелинъ, Градовскій, Бестужевъ-Рюминъ, Чичеринъ, Забѣлинъ, Ключевскій), почему знакомство съ этимъ научнымъ вопросомъ представляетъ собою большой интересъ, такъ какъ онъ знакомитъ съ мнѣніями видныхъ представителей науки и можетъ послужить къ уясненію столь важнаго вопроса русской исторіи.

Всѣ эти теоріи по ихъ принципамъ можно приблизительно раздѣлить на двѣ группы. Къ первой группѣ мы отнесемъ тѣ

---

*) *Литература предм.*: *Карамзинъ.* „Исторія государства Россійскаго". *С. Соловьевъ.* „Исторія отношеній между русск. князьями Рюриковскаго дома" М. 1847 г. и „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси". Собран. соч. т. I. *К. Аксаковъ.* Собраніе соч. т. I „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у рус. въ особенности".—*Сергѣевичъ.* „Вѣче и князь" Юридическ. древности, т. II. — *Самоквасовъ.* „Исторія русскаго права".—*Ключевскій.* „Боярская дума"; „Учебникъ русской исторіи".—*Пассекъ.* „Княжеская и до-княжеская Русь". Чтенія въ общ. ист. и др. Рос. 1870 г. т. III. *Прѣсняковъ.* „Княжое право въ древней Руси" Спб. 1909 г. *Градовскій.* „Государственный строй древней Руси", Собр. соч. т. I. *Бестужевъ-Рюминъ.* „О характерѣ власти варяжскихъ князей". (Труды IV Археологич. съѣзда въ Казани, т. I).—*Чичеринъ.* „Опыты по исторіи русск. права". — *Сонцовъ.* „Справочн. книга для занимающ. удѣльн. періодомъ", М. 1869 г. *Павловъ-Сильванскій.* „Феодализмъ въ древней Руси". Спб. 1907 г.

теорiи, которыя построены на нормахъ права: семейнаго, родового, общиннаго и государственнаго. Ко второй группѣ отнесемъ теорiи, построенныя на совокупности факторовъ конкретныхъ—экономическихъ, этнографическихъ и географическихъ и тѣхъ же нормъ права.

Разсмотримъ сначала теорiи первой группы. Въ XIX в. первымъ по времени коснулся этого вопроса Карамзинъ.

Карамзинъ является выразителемъ и послѣдователемъ такъ называемой государственной теорiи. Первые князья кiевскiе были, по его мнѣнiю, самодержцами: „славяне, говоритъ онъ, добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленiе и требуютъ государства отъ варяговъ“. Съ Рюрика устанавливается монархiя и продолжаетъ свое существованiе до Ярослава. „Ярославъ, говоритъ Карамзинъ, ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бѣдствiямъ.“ „Здравая политика, основанная на опытахъ и знанiи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствiю слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновенiе“. Теорiя Карамазина.

Такимъ образомъ, Карамзинъ объясняетъ происхожденiе удѣловъ очень просто—личной слабостью князей, ихъ любовью къ дѣтямъ. Слѣдовательно, Карамзинъ совершенно игнорируетъ вѣче и придаетъ слишкомъ большое значенiе господству государственной идеи, что случилось гораздо позже при посредствѣ церкви и влiянiи татарскаго ига. Съ болѣе обоснованной теорiей выступилъ С. М. Соловьевъ, выдвинувшiй и развившiй теорiю родового быта, впервые научно обоснованную Эверсомъ.

Теорiя Соловьева.

По мнѣнiю Соловьева, князья владѣли русскою землею сообща, не раздѣляясь. Старшiй въ родѣ владѣлъ старшимъ княжествомъ или столомъ, какъ тогда говорили; другiе князья владѣли другими волостями тоже по старшинству; ни великiй князь, ни младшiе князья не владѣли своими волостями вѣчно и не передавали ихъ своимъ дѣтямъ; но со смертью великаго князя его мѣсто заступалъ не старшiй сынъ, а старшiй братъ (родной, двоюродный и троюродный), или старшiй племянникъ,—вообще старшiй въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Другiе же князья передвигались такимъ же образомъ отъ одной волости къ другой—изъ „худшей въ лучшую“. Такой порядокъ владѣнiя по принципу родового старшинства измѣняется, по

мнѣнію Соловьева, съ переходомъ политическаго центра въ сѣверо-восточную Русь. Здѣсь растетъ новое начало—территоріальное, послужившее переходомъ къ государственному. Начало это Соловьевъ ставитъ въ связь съ новыми городами въ Ростово-Суздальской землѣ. Эти города обязаны были своимъ возвышеніемъ княжеской колонизаціи, поэтому княжеская власть здѣсь значительно усиливается, а съ ней вмѣстѣ усиливается и идея государственности, выразителями которой являются московскіе князья.

Теорія Соловьева при своемъ появленіи вызвала возраженія со стороны славянофиловъ, а впослѣдствіи со стороны Сергѣевича. Возражая Соловьеву, славянофилы высказали и свои взгляды на „удѣльный періодъ“.

Теорія К. Аксакова.

Удѣльный періодъ, по мнѣнію славянофила К. Аксакова, есть періодъ отдѣльныхъ областей и общинъ, соединенныхъ въ земскомъ отношеніи единствомъ вѣры православной, а также единствомъ народнаго быта и языка; въ отношеніи государственномъ соединенныхъ кровнымъ единствомъ князей, тѣмъ, что князья общинъ родные между собою, одного происхожденія. Иногда общины воюютъ другъ съ другомъ, и князья являются ихъ предводителями, иногда князья воюютъ между собою, и общины, смотря по обстоятельствамъ, помогаютъ имъ. Борьба между князьями идетъ за Кіевъ, не какъ могущественное княжество, но какъ почетнѣйшій престолъ. Во Владимірскій же періодъ борьба князей, по словамъ К. Аксакова, принимаетъ другой характеръ: родственная связь слабѣетъ, и борьба идетъ за могущественное княжество, за матеріальную силу. Послѣ нашествія татаръ государственный элементъ усиливается и, наконецъ, переходитъ въ господство. Такова схема славянофильскаго объясненія удѣльной Руси. Въ основѣ его лежитъ ихъ ученіе объ общинѣ. Общинѣ славянофилы давали значеніе чисто нравственно-христіанское. Ни о какой ассоціаціи съ политическими или съ экономическими цѣлями славянофилы не говорили. Славянофильская община есть только нравственный союзъ безъ всякихъ цѣлей. Это не есть какое-либо учрежденіе, а только духовный союзъ. Но доказательствъ точныхъ и убѣдительныхъ о существованіи такой общины у славянъ славя-

нофилы не дали, поэтому и теорія ихъ, построенная на такой общинѣ, является очень шаткой.

Болѣе вѣскія возраженія противъ родовой теоріи выставилъ Сергѣевичъ. По мнѣнію Сергѣевича, теорія Соловьева основана на немногочисленныхъ фактахъ. Искать какого бы то ни было одного начала въ порядкѣ преемства княжеской власти въ древней Руси будетъ тщетнымъ трудомъ. „Преемство, говоритъ онъ, опредѣлялось весьма разнообразными началами". „Нормальнаго законнаго порядка преемства государственной власти въ древней Руси не было, а было господство обычая, представлявшее собою крайне разнообразную политику—хаотическое состояніе. Теоріи Сергѣевича и Чичерина

Въ противоположность родовой теоріи Сергѣевичъ выдвинулъ договорное, т. е. частноправовое начало. „Взаимныя отношенія князей, говоритъ онъ, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другого правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ничто иное, какъ исторія договоровъ... Право вступать въ договоры принадлежитъ князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости". Обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ служили княжескіе съѣзды, не имѣвшіе впрочемъ обязательнаго характера. Здѣсь, какъ и вообще въ княжескихъ отношеніяхъ, основаніемъ всего является свободная воля участниковъ. Въ отношеніяхъ князя къ народу Сергѣевичъ видитъ тоже договорное начало: въ моментъ призванія князь и народъ заключаютъ между собою „рядъ", т. е. договоръ.

Главнѣйшіе элементы древне-русскаго общества—властъ князя и вѣча—Сергѣевичъ выводитъ изъ договорнаго начала. Какъ Соловьевъ всѣ взаимныя отношенія князей сводитъ къ родовому принципу, такъ Сергѣевичъ сводитъ ихъ къ договорному. Такова теорія Сергѣевича.

Наряду съ договорнымъ началомъ Сергѣевичъ признаетъ также и начало „вотчины", выдвинутое еще раньше его Чичеринымъ, по мнѣнію котораго князья, осѣвшіе въ своихъ областяхъ, сдѣлались просто хозяевами, изъ начальниковъ дружины превратились въ вотчинниковъ. Вотчины явля-

ются для нихъ частной собственностью, которою они распоряжаются, какъ хотятъ.

Теорія Кавелина. Далѣе, теоріей, объединяющей отчасти теоріи—родовую, общинную и вотчинную, является теорія Кавелина. Вся исторія „удѣльно-вѣчевого періода“ есть, по мнѣнію Кавелина, исторія родового начала, представленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка. Ярославъ первый задумалъ установить государственный порядокъ на родовомъ началѣ. Вся Русь должна была находиться въ общемъ владѣніи всего рода Ярославова. Но едва только стали обозначаться линіи, какъ уже онѣ начали забывать свое общее происхожденіе, стали преслѣдовать свои частныя особенныя цѣли; частный, болѣе кровный, семейный союзъ исключалъ болѣе общій родовой; между ними идетъ борьба, которая заканчивается побѣдою семейнаго вотчинаго начала. Сначала князья,—полуправители—полувотчинники, живутъ между собою согласно, но потомъ происходитъ борьба дядей съ племянниками—родового начала съ семейственнымъ, начинаются вообще безпрерывныя войны изъ-за удѣловъ. Устраиваются княжескіе съѣзды, но и они не въ состояніи поддержать падающаго родового начала. Во время и подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ распрей развивается политическое значеніе общинъ, выражающееся въ расширеніи власти вѣча. Особенно усилилась Новгородская община, такъ что она является типическимъ образцомъ русско-славянской общины съ ясно обозначенными формами быта.

Далѣе, съ разграбленіемъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, падаетъ прежній центръ Россіи, и вмѣстѣ съ нимъ и всякій признакъ политическаго единства. Потомство Ярослава распадается на нѣсколько вѣтвей, которыя теряютъ всякое сознаніе родового единства. Выступаетъ на первый планъ вотчинное начало: чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ желаютъ владѣть и ихъ потомки; княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ осѣдлость, семья одерживаетъ верхъ надъ родомъ. Далѣе князья уже получаютъ новый характеръ: они дѣлаются просто вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Вѣче теперь мало по малу теряетъ свое государственное значеніе. Прежніе вольные дружинники дѣлаются великокняжескими слугами. Самое управленіе областей получаетъ другой характеръ:

дѣлается болѣе домашнимъ, вотчиннымъ; прежде областями управляли дѣти княжескія, теперь воеводы, получающіе ихъ въ кормленіе.

Окончательное господство новыхъ понятій ускорило монгольское иго. Для хановъ, которые утверждали князей на ихъ столахъ, родовое старѣйшинство уже не имѣло значенія. Кромѣ того монгольское иго усилило великокняжеское достоинство, которое обратилось было уже въ пустой титулъ, а теперь сдѣлалось орудіемъ, и выраженіемъ всемогущей ханской власти... Такимъ образомъ, отрицательнымъ путемъ, татарскіе ханы способствовали окончательному паденію у насъ удѣльной системы. Но положительнымъ путемъ дѣйствовали Московскіе князья-собиратели, которыхъ и нужно признать создателями новаго государственнаго порядка. Для достиженія своей цѣли они не пренебрегали никакими средствами: родовое начало пало; нужно было еще ослабить и уничтожить начало семейственное въ собственной семьѣ, и это было сдѣлано. Чтобы отвратить соперничество въ собственной семьѣ великіе князья Московскіе мало по малу уменьшаютъ области младшихъ сыновей, пока, наконецъ, Иванъ Грозный не дѣлается единственнымъ владѣльцемъ всего Московскаго государства. Вотчинная теорія, только въ иномъ освѣщеніи, выдвигается въ послѣднее время Прѣсняковымъ.

Теорія Прѣснякова.

Въ основѣ княжескаго владѣнія волостями, по мнѣнію Прѣснякова, лежало понятіе семейнаго владѣнія, обшее всѣмъ славянскимъ народамъ. Князь-отецъ заботится о надѣленіи волостями всѣхъ своихъ сыновей, стремится ни одного изъ нихъ не оставить безъ наслѣдства. Вотчинное право—самое полное и безспорное въ сознаніи князей. Борьбу-же князей за старшинство и подчиненіе однихъ князей другимъ, онъ объясняетъ личными стремленіями князей къ созданію крупнаго государства.

Всѣ вышеизложенныя теоріи разсматриваютъ интересующій насъ періодъ съ точки зрѣнія правовой. Онѣ игнорируютъ совершенно факторы этнографическаго и экономическаго характера. Такая точка зрѣнія является нѣсколько односторонней. Поэтому мы разсмотримъ еще теоріи Пассека, Костомарова и Ключевскаго, дополняющія ихъ съ вышеуказанной стороны.

Теорія Пассека и Костомарова.

Два начала, по мнѣнію Пассека, лежатъ въ основѣ удѣльнаго періода. Первое начало—семейное. Отношенія князей

между собою, говоритъ Пассекъ, были ничто иное, какъ приложеніе отношеній семейныхъ къ быту общественному. Второе начало—племенное. Къ приходу Рюрика предки наши раздѣлены были на племена или области. Даже впослѣдствіи, когда исчезли имена древлянъ, полянъ, радимичей и др., племенная независимость не погасла между ними: различныя части государства борятся другъ съ другомъ, и смуты кипятъ внутри жизни самого народа. Народная пословица: „что городъ, то норовъ“ указываетъ, по мнѣнію Пассека, на разнообразность древнихъ городовъ. Сближеніе границъ городскихъ вело уже само собою къ спорамъ, а эти споры къ войнамъ. Вотъ причина удѣльныхъ войнъ.

„Распаденіе государства на части, говоритъ Пассекъ, крылось какъ въ семейныхъ отношеніяхъ князей, такъ, преимущественно, въ племенномъ областномъ началѣ, которое было главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній“. Костомаровъ изъ тѣхъ же этнографическихъ особенностей племенъ создалъ цѣлое ученіе о федеративномъ строѣ древней Руси. Это федеративное начало вело, по словамъ Костомарова, къ образованію политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью. Еще лѣтописецъ подмѣтилъ, что славяно-русскія племена „имяху обычаи и законъ отецъ своихъ и преданъ кождо свой нравъ“. Эти извѣстія лѣтописи подтверждаются цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній. И географическія условія мѣстностей и историческія обстоятельства вели къ различію особенности племенъ. Каждое племя представляло изъ себя этнографическую единицу; всѣ они находились другъ съ другомъ въ федеративной связи: такова была до-княжская Русь. Но и послѣ водворенія рюриковичей во внутренней жизни народа отъ этого ничто не перемѣнилось. „Народные интересы, говоритъ Костомаровъ, сами собой стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междуусобій, совершенно подчинили своему побужденію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но зато и характеръ княжескихъ отношеній совершенно сообразовался съ ними“. Русь X—XII в.в. представляла изъ себя, такимъ образомъ, рядъ областей, дробившихся на множество мелкихъ кня-

жествъ, находившихся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи; дѣленіе могло продолжаться постоянно, но въ предѣлахъ данной этнографической группы: каждая народность образуетъ землю со стольнымъ городомъ во главѣ; къ этому главному городу тянутъ пригороды, съ пригородами—волости. Это-то сознаніе земельнаго единства и выражается словами: „Новгородская земля", „Сѣверская земля" и т. д. Всѣ эти земли тянули другъ къ другу и образовали вмѣстѣ Русскую землю. Единство ихъ основывалось на общности происхожденія, быта, языка, княжескаго дома и христіанской православной вѣры. Особенно сильнымъ объединяющимъ началомъ служили единый княжескій родъ и единая православная вѣра съ ея книжнымъ языкомъ, іерархіей и церковными законами. „Такъ Русь, говоритъ Костомаровъ, стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться".

Такимъ образомъ и Пассекъ и Костомаровъ въ основу своихъ теорій кладутъ этнографическія особенности различныхъ племенъ, которыя, по ихъ мнѣнію, совпадали съ княжествами. Но точность соотвѣтствія границъ княжествъ съ границами племенъ опровергается тѣмъ замѣчаніемъ, что нерѣдко племя раздроблено между двумя или тремя княжествами, на что не разъ указывали историки: Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и Ключевскій.

Что касается федеративной теоріи Костамарова, то подъ федераціей разумѣютъ обыкновенно такое политическое устройство, при которомъ части подчиняются какому-либо общему учрежденію (конгрессу, сейму), каковаго въ древней Руси мы не видимъ. Княжескіе съѣзды такимъ учрежденіемъ быть не могли, такъ какъ они были явленіемъ чисто случайнымъ и рѣдкимъ. Эта федеративная теорія Костомарова имѣла очень большое значеніе въ нашей наукѣ, такъ какъ направила ее на изученіе отдѣльныхъ областей древней Руси, и это изученіе областной исторіи значительно выяснило многія стороны древней русской жизни.

Иначе самостоятельность городскихъ общинъ объясняетъ Ключевскій. Ключевскій дѣлитъ „удѣльно вѣчевой періодъ" на два періода.

Теорія Ключевскаго.

Первый періодъ это Кіевскій—очередной, второй періодъ верхне-волжскій—удѣльный.

Въ основѣ перваго періода лежатъ два начала—единство экономически связанныхъ областей и единство княжескаго рода. Вся русская земля, говоритъ Ключевскій, представляла лѣствицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Всѣ различные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣствицу. Порядокъ княжескаго владѣнія основывается на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ лѣствицъ—генеалагической и территоріальной, лѣствицы лицъ и лѣствицы областей. На верху лѣствицы лицъ стоялъ старшій изъ наличныхъ князей, великій князь Кіевскій.

Распредѣленіе и перемѣщеніе князей происходило по очереди старшинства, почему и періодъ этотъ Ключевскій называетъ очереднымъ.

Единство русской земли покоилось, по мнѣнію Ключевскаго не только на связяхъ политическихъ черезъ князей, но, главнымъ образомъ, на связяхъ экономическихъ, племенныхъ, соціальныхъ и церковно-нравственныхъ.

Второй періодъ, удѣльный, держался, по мнѣнію Ключевскаго, на двухъ основаніяхъ: на географическомъ и политическомъ. Онъ созданъ былъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ природы страны и ея колонизаціи. При содѣйствіи физическихъ особенностей верхне-волжской Руси колонизація выводила здѣсь мелкіе рѣчные округа, уединенные другъ отъ друга, которые и служили основаніемъ политическаго дѣленія страны, т. е. удѣльнаго ея дробленія. Мелкіе верхне-волжскіе удѣлы XIII и XIV в.в. это—рѣчные бассейны.

Подъ вліяніемъ колонизаціи страны первый князь удѣла привыкалъ видѣть въ своемъ владѣніи не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую онъ самъ заселялъ и устраивалъ въ общество. Поэтому понятіе о князѣ, какъ личномъ собственникѣ удѣла, было юридическимъ слѣдствіемъ значенія князя, какъ заселителя и устроителя удѣла. Такъ объясняетъ Ключевскій происхожденіе удѣльной Руси.

Въ теоріи Ключевскаго очень важнымъ и вѣрнымъ является впервые имъ выдвинутый экономическій факторъ, какъ объединяющій элементъ Кіевской Руси. Но врядъ ли можно согласиться съ тѣмъ же значеніемъ объединяющаго элемента за княжескимъ родомъ. Схему очередного старшинства весьма

трудно уловить въ Кіевской Руси. Что касается дѣленія на два періода—очередной и удѣльный, то, конечно, во второмъ періодѣ удѣлъ, какъ таковой, является болѣе типичнымъ, но тѣ же удѣлы-отчины были и въ Кіевскій періодъ, въ принципѣ они были признаны еще на Любечскомъ съѣздѣ.

Теоріи Забѣлина и Павлова-Сильванскаго.

Изъ мнѣній другихъ ученыхъ нельзя не упомянуть Забѣлина и Павлова-Сильванскаго. По мнѣнію Забѣлина, единственной связью русской земли въ удѣльномъ періодѣ было чувство національнаго единства, жившее въ народѣ. Князья совершенно забыли это единство.

Павловъ-Сильванскій въ „удѣльной Руси“ видитъ тоже два періода.

„Въ первомъ періодѣ... до XII в. основнымъ учрежденіемъ, по мнѣнію Павлова-Сильванскаго, является община или міръ, мірское самоуправленіе, начиная съ низшихъ самоуправляющихся вервей до высшаго самоуправляющагося союза: земли, племени, съ полновластнымъ народнымъ собраніемъ, вѣчемъ“. „Во второмъ періодѣ съ XIII до половины XVI в. основное значеніе имѣетъ крупное землевладѣніе, княжеская и боярская вотчина или боярщина — сеньерія. Мірское самоуправленіе сохраняется въ ослабленномъ значеніи... Центръ тяжести отношеній переходитъ отъ міра къ боярщинѣ, къ крупному землевладѣнію, и на основѣ его развивается удѣльный феодальный порядокъ“.

Такимъ образомъ, въ Кіевской Руси Павловъ-Сильванскій видитъ общину, въ Московской Руси феодализмъ. Таковы наиболѣе извѣстныя мнѣнія о государственныхъ отношеніяхъ древней Руси.

Г. Максимовичъ.

Вѣче*).

I.

Факты вѣчевой жизни. Опредѣленіе вѣча.

Въ древней Руси вѣчемъ называлась народная сходка самаго разнообразнаго характера. Собирается ли вся земля для обсужденія такого важнаго вопроса, какъ выборъ новаго князя, для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ,—такое собраніе называется вѣчемъ. Во время похода земское ополченіе не желаетъ слѣдовать за княземъ далѣе извѣстнаго пункта, потому что оно изнемогло, лагерь превращается въ народное собраніе,—вѣче. Партіи тайно по почамъ собираются по дворамъ своихъ вожаковъ для того, чтобы сговориться о дѣйствіяхъ противъ князя, и эти сходки на древнерусскомъ языкѣ назывались „дѣяти вѣчь“. Возбужденная народная толпа собирается на площади, совершаетъ цѣлый переворотъ, изгоняетъ одного князя и призываетъ другого, и въ данномъ случаѣ народъ дѣйствуетъ вѣчемъ.

Итакъ, въ древнерусскомъ быту подъ именемъ вѣча разумѣлось всякаго рода народное собраніе, сходка, совѣщаніе. Вѣче, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, представляло

---

*) *Важнѣйшая литература: В. Дьячанъ.* „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненія ихъ устройства въ XIV и XV вѣкахъ“ 1882. *А. Лимбертъ.* „Предметы вѣдомства вѣча въ княжескій періодъ древней Россіи“. 1877. *С. М. Соловьевъ.* „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ 1847. *Сергѣевичъ.* „Вѣче и князь“ (Русскія Юрид. древности, т. 2. вып. 1-й). *Линниченко.* „Вѣче въ Кіевской области“ Кіевъ, 1885, *Шпилевскій.* „Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана IV“ (Юрид. жур. 1861 № 5). *Щаповъ*: „Городскіе и мірскіе сходы“. Историческій очеркъ древне-русскихъ городовыхъ вѣчей (Соб. соч.). *Чичеринъ.* „О народномъ представительствѣ“. *Градовскій.* „Государственный строй Россіи“.(Соб. соч., т 1).

собой органъ политической жизни земли. Вѣче никогда и нигдѣ, ни въ какой землѣ, не имѣло строго опредѣленныхъ формъ, никакой законъ не опредѣлялъ правъ вѣча, его круга дѣятельности, способовъ рѣшенія и т. п.: народъ свободно, когда хотѣлъ, и въ той формѣ, какая ему казалась наиболѣе удобной, выражалъ свою волю. По взглядамъ самаго тогдашняго общества и представителей власти—князей, такое выраженіе воли народа было дѣломъ вполнѣ естественнымъ и всѣми признавалось.

Такъ какъ вѣче не было связано никакими формулами, то характеръ его, какъ и всякаго бытового явленія, можетъ быть понятъ только въ томъ случаѣ, если присмотрѣться къ вѣчу въ той самой обстановкѣ, въ какой оно было въ дѣйствительности. Мы такъ и сдѣлаемъ и прежде всего разскажемъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ случаевъ вѣчевыхъ собраній.

Нѣсколько фактовъ.

Когда въ 1174 г. былъ убитъ владиміро-суздальскій князь, знаменитый Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, то жители важнѣйшихъ городовъ Суздальской земли, изъ Ростова, Суздаля и Переяславля, съѣхались отъ „мало и до велика“ во Владиміръ и тутъ стали разсуждать на вѣчѣ объ избраніи новаго князя. Вотъ какъ говорили на этомъ вѣчѣ: „Вотъ такъ ужъ сотворилось, убитъ нашъ князь, а дѣтей у него нѣту: сынокъ его малъ въ Новгородѣ, а братья его на Руси. За кѣмъ же изъ князей намъ послать? Князья муромскіе и рязанскіе намъ сосѣди, а мы боимся мести ихъ, если внезапно они пойдутъ на насъ, когда у насъ нѣтъ князя. Пошлемъ мы къ Глѣбу (князю рязанскому) и скажемъ ему: князя нашего Богъ взялъ, а мы хочемъ твоихъ шурьевъ, Мстислава и Ярополка Ростиславичей“. Какъ видно изъ послѣдующаго разсказа, самимъ избраннымъ князьямъ послы отъ вѣча должны были сказать: „Вашъ отецъ былъ добръ, когда у насъ княжилъ, поѣзжайте къ намъ княжить, а иныхъ мы не хочемъ“.

Такъ рѣшенъ былъ во Владимирѣ вопросъ о выборѣ новаго князя. Въ томъ, что жители сами намѣтили себѣ князя и выбрали, не было ничего необычнаго: какъ въ другихъ земляхъ, такъ и въ Суздальской землѣ, народное вѣче привыкло обсуждать этотъ вопросъ, разъ преемникъ не былъ намѣченъ при

жизни правящаго князя или если князь оказывался неугоднымъ вѣчу.

Правящій князь иногда съ большими осторожностями подходитъ къ вопросу о своемъ преемникѣ: это зависѣло отъ того, насколько князь былъ популяренъ.

Въ 1146 г. кіевскій князь Всеволодъ, изъ нелюбимыхъ кіевлянами черниговскихъ Ольговичей весьма сильно заболѣлъ. Возвращаясь изъ похода, онъ остановился подъ Вышгородомъ и сюда призвалъ къ себѣ „кіянъ", т.-е., конечно, наиболѣе вліятельныхъ представителей кіевскаго вѣча. „Я очень боленъ,— говорилъ имъ князь.—А вотъ братъ мой Игорь, согласитесь принять его". Кіевляне ему отвѣтили: „Княже, мы рады имѣть Игоря". Присутствовавшіе у одра больного кіевляне вмѣстѣ съ Игоремъ отправляются въ Кіевъ, собираютъ народное вѣче, куда пришли уже „всѣ кіяне" и подтверждаютъ Игорю его избраніе. „Ты намъ князь", говорили они ему, цѣлуя крестъ. На слѣдующій день Игорь отправился въ Вышгородъ, и тутъ ему цѣловали крестъ вышгородцы. Такая сложная процедура понадобилась потому, что Всеволодъ и Игорь хотѣли связать кіевлянъ предварительнымъ обѣщаніемъ съ ихъ стороны: сначала потребовались переговоры съ „лучшими" изъ кіевлянъ, за ними новаго князя признала и чернь.

Но кіевляне не были искренни. Когда умеръ Всеволодъ, Игорь собралъ новое вѣче на горѣ, на Ярославовомъ дворѣ, и тутъ снова кіевляне цѣловали ему крестъ. Очевидно, тутъ, на виду у князя и его дружины, кіевляне не могли пуститься въ свободныя разсужденія. Тогда съ Ярославова двора они отправились къ мѣсту, называвшемуся Туровой Божницей, вѣроятно, на рыночной площади. Тутъ вѣче рѣшило, что съ Игоремъ надо заключить „рядъ", выговорить нѣкоторыя условія. Сговорившись, вѣчники послали къ князю сказать: „Княже, пріѣдь къ намъ". Игорь отправился со своею дружиною и со своимъ братомъ Святославомъ и остановился, не доѣзжая толпы. Въ средину вѣча князь послалъ брата своего Святослава. Ему вѣчники начали „складывати вину" на кіевскаго и вышгородскаго тіуновъ: „Ратша погубилъ Кіевъ, а Тудоръ—Вышгородъ. А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ съ братомъ своимъ на томъ: если кому изъ насъ будетъ обида, такъ ты

суди“. Какъ Святославъ, такъ и кіевляне во время этихъ переговоровъ сидѣли на коняхъ. Святославъ сошелъ съ лошади и цѣловалъ всему вѣчу крестъ на томъ, что „не будетъ вамъ никакого насилія, а тіунъ вамъ по вашей волѣ“. Тогда и всѣ кіевляне сошли съ лошадей и снова крестъ цѣловали за себя и за дѣтей своихъ, что имъ не „льстить“ подъ Игоремъ и Святославомъ. Въ сопровожденіи „лучшихъ“ кіевлянъ Святославъ съ вѣча отправляется къ брату Игорю и говоритъ ему: „Брате, на томъ я цѣловалъ къ нимъ крестъ, что ты будешь имѣть ихъ въ правду и любить“. Игорь сошелъ съ коня и тоже цѣловалъ къ нимъ крестъ „на всей ихъ волѣ и на братней“.

Итакъ, кіевляне сначала признали Игоря своимъ княземъ, очевидно, не рѣшаясь ему предложить „ряда“ относительно суда. Неизвѣстно, что удерживало кіевлянъ отъ предложенія своихъ условій: вѣрнѣе всего, они чувствовали свою слабость въ виду черниговской дружины Игоря. Всеволодъ имъ не нравился, потому что поставилъ такихъ тіуновъ судьями, которые ихъ грабили; оттого и только что описанное вѣче кончилось взрывомъ народнаго негодованія: толпа устремилась на дворъ Ратши и на дворы мечниковъ и разграбила ихъ.

Разсказанный эпизодъ очень живо рисуетъ намъ тогдашнюю жизнь. Въ другихъ случаяхъ, чувствуя за собой силу, кіевское вѣче прямо и ясно высказываетъ свое желаніе относительно князя. Теперь оно колеблется, можетъ быть и потому еще, что само вѣче не было единодушнымъ, что и въ его средѣ были приверженцы черниговскихъ Ольговичей. Не удивительно поэтому, что и потомъ противники Ольговичей продолжали тайно совѣщаться, какъ бы „перельстити“ Игоря. Впрочемъ, очень скоро они и „перельстили“ своего князя и посадили на кіевскомъ столѣ Мономахова внука Изяслава Мстиславича.

Не надо, однако, думать, что кіевляне не считали себя въ правѣ посадить того князя, котораго сами хотѣли: дѣло было не въ теоретическомъ признаніи права, а въ практическомъ его примѣненіи. Что вѣче иногда вело сложную политику съ князьями, можетъ показать слѣдующій эпизодъ изъ исторіи Полоцкой земли. Полоцкъ со своими многочисленными пригородами по отношенію къ своимъ князьямъ занялъ такое же положеніе, какъ и Новгородъ: изгнаніе князей и водвореніе

новыхъ было здѣсь дѣломъ обычнымъ какъ для самого Полоцка, такъ и для его пригородовъ. Въ 1151 г. полочане посадили у себя княземъ Ростислава Глѣбовича, а своего князя Рогволода Борисовича посадили въ заточеніе въ городѣ Минскѣ. Черезъ 8 лѣтъ освободившійся изъ заключенія Рогволодъ съ вспомогательной дружиной Святослава Ольговича черниговскаго появляется въ предѣлахъ Полоцкой земли и начинаетъ пересылаться съ пригородомъ Полоцка—Друцкомъ. Дручане „рады ему были“, выѣхали къ нему навстрѣчу и приняли съ превеликою честью. А своего князя Глѣба Ростиславича прогнали, не позабывъ разграбить и дворъ его. Когда въ Полоцкѣ стало извѣстно о появленіи Рогволода въ Друцкѣ, тутъ тоже начался „великій мятежъ“, потому что многіе хотѣли Рогволода. Ростиславъ съ трудомъ успокоилъ толпу, одаривъ недовольныхъ многими дарами и приведя ихъ къ крестному цѣлованію. Однако, это мало помогало. Рогволодъ прочно утвердился въ Друцкѣ и въ самомъ Полоцкѣ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Видимо, для изгнанія Ростислава не было серьезной причины, а между тѣмъ полочане цѣловали ему крестъ, что никакого „извѣта“ не искать на Ростислава, т.-е. безъ причины не взводить никакого обвиненія на него, не вѣрить никакимъ напраснымъ слухамъ. Эта формула клятвы, очевидно, многихъ смущала, однако, въ концѣ концовъ полочане рѣшили отступить отъ своего князя и призвали Рогволода. Они отправили къ нему втайнѣ пословъ въ Друцкъ и велѣли сказать ему: „Княже нашъ, согрѣшили мы Богу и тебѣ, что возстали на тебя безъ вины съ твоей стороны и добро все твое и твоей дружины разграбили, а тебя самаго, поймавши, выдали Глѣбовичамъ на великую муку. Если ты не вспомнишь теперь всего того, что мы своимъ безуміемъ тебѣ сотворили и крестъ къ намъ цѣлуешь, то мы твои люди, а ты нашъ князь. А Ростислава мы поймаемъ и отдадимъ тебѣ въ руки, да что хочешь, то и сотвори ему“. Дѣйствительно, полочане пытались измѣною схватить своего князя Ростислава, но это не удалось имъ, и Ростиславъ, узнавъ въ чемъ дѣло, долженъ былъ уйти изъ Полоцка въ Минскъ. Рогволодъ водворился въ Полоцкѣ на столѣ дѣда и отца своего „съ честью великою, и такъ рады были полочане“.

Это эпизодъ изъ жизни окраинъ тогдашней Руси. Полочане схватываютъ одного князя и выдаютъ его „на муку“ его сопернику; то же самое они хотятъ сдѣлать и съ другимъ княземъ, только это не удалось имъ. Вѣроятно, въ первомъ случаѣ народное вѣче имѣло какой-нибудь извѣтъ на Рогволода, хотя, какъ потомъ дѣло выяснилось, дѣйствительной вины и не было. Полочане очень хорошо сознаютъ за собой право мѣнять князей: они раскаиваются только въ томъ, что безъ вины выгнали. Также безъ вины прогнанъ Глѣбъ изъ Друцка и его отецъ Ростиславъ изъ Полоцка.

Выше приведены описанія вѣчевыхъ собраній, когда дѣло касалось установленія княжеской власти. Теперь познакомимся съ другими сторонами вѣчевой жизни.

Вѣчевыя партіи.

Не всегда вѣче рѣшало дѣло единодушно: иногда граждане раскалывались на партіи. Особеннымъ упорствомъ отличались партіи въ Новгородѣ, и тутъ борьба между партіями доходила до кровавыхъ столкновеній. Вотъ, напр., какой произошелъ расколъ среди новгородцевъ по слѣдующему поводу. Княземъ былъ арестованъ нѣкто Матвѣй Душильцовичъ. Новгородцы отняли его, и начался въ городѣ мятежъ: граждане были возмущены тѣмъ, что Матвѣй былъ арестованъ безъ вины, чего нельзя было сдѣлать по новгородскимъ законамъ. Разнесся слухъ, будто Матвѣя выдалъ князю посадникъ Твердиславъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые концы стали „копить“ людей на Твердислава. Неревскій конецъ за ночь приготовился къ битвѣ. За Твердислава стали Людинъ конецъ и Пруссы. Нѣкоторые концы заняли выжидательное положеніе. Между обѣими партіями сначала завязалась сѣча у городскихъ воротъ, потомъ противники выѣзжали въ лодкахъ такъ какъ мостъ былъ разрушенъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, много ранено. Цѣлую недѣлю продолжались вѣча въ городѣ. Наконецъ, дѣло пришло къ концу: всѣ граждане сошлись „одно-душно“ и цѣловали крестъ, такъ какъ выяснилась правота Твердислава. Но тутъ князь Святославъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и удалить нелюбимаго имъ посадника. Онъ послалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать: „Не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю отъ него посадничество“. Твердислава новгородцы не долюбливали и готовы были вѣрить всякому

извѣту на него, но заявленіе князя имъ тоже не понравилось тутъ задѣвалась честь Господина Великаго Новгорода. Какъ раньше поднялась цѣлая буря изъ-за одного только предположенія, что посадникъ могъ выдать подъ арестъ князю новгородца, такъ теперь вѣче стало за своего посадника. На вѣче спросили княжескаго посланца: „А есть ли вина на посадникѣ?“ И получили отвѣтъ: „Безъ вины“. Тогда Твердиславъ сказалъ: „Я радъ, что на мнѣ нѣтъ вины: А вы, братіе, въ посадничествѣ и князьяхъ вольны“, т.-е. вы свободно избираете какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Тогда новгородцы отвѣтили князю: „Княже, ты намъ крестъ цѣловалъ, чтобы не лишать мужа должности. А мы тебѣ кланяемся. Это нашъ посадникъ, и на смѣну мы не согласны“, т.-е. можешь себѣ уходить, если не хочешь быть съ этимъ посадникомъ. Князь долженъ былъ примириться съ посадникомъ.

Конечно, разъ народное собраніе превращается въ бранное поле, то такой моментъ нельзя считать нормальнымъ. Въ дѣйствительности въ древней Руси такіе случаи бывали весьма рѣдки и не безъ серьезныхъ поводовъ. Это показываетъ и только что разсказанный случай, потому что новгородцы очень внимательны были къ своимъ правамъ.

Всѣ разсказанные случаи вводятъ насъ въ вѣчевую жизнь того времени. Лѣтописцы иногда такъ ярко описываютъ народную жизнь, что она какъ бы происходитъ передъ нашими глазами. Вотъ еще такого же рода эпизодъ, богатый бытовыми подробностями.

Обстановка вѣчевыхъ собраній.

Мы уже знаемъ, что въ 1146 г. вмѣсто Игоря, попавшагося въ плѣнъ, на кіевскомъ столѣ сѣлъ Изяславъ Мстиславичъ. Этотъ князь, какъ извѣстно, велъ многолѣтнюю борьбу со своимъ дядей Юріемъ Долгорукимъ. Въ 1147 году Изяславъ заключилъ союзъ съ черниговскими князьями противъ своего дяди. Изяславъ созвалъ кіевское вѣче и объявилъ ему о предполагаемомъ походѣ. Кіевляне не совѣтывали ему воевать съ дядей и дружить съ Ольговичами, потому что имъ нельзя давать вѣры. Поэтому кіевляне отказались дать своему князю военную помощь: „Княже, ты на насъ не гнѣвайся, не можемъ мы поднять руки на Мономахово племя. А вотъ на Ольговичей такъ мы готовы идти—хоть и съ дѣтьми“. Тогда Изяславъ

сказалъ: „А тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ“. И собралъ многихъ охотниковъ. Итакъ, князь заключаетъ союзъ, объявляетъ войну и ведетъ ее съ своею дружиною и съ охотниками: земство не пожелало вести войны, объявленной княземъ, и князь считаетъ такое отношенiе земства вполнѣ естественнымъ, нормальнымъ.

Но вотъ обстоятельства измѣнились. Изяславъ отправился на войну, но оказалось, что его союзники устроили засаду, чтобы схватить Изяслава. Изяславъ немедленно посылаетъ гонцовъ къ своему брату Владимiру, оставленному имъ въ Кiевѣ. Присланные мужи, Добрынька и Радила, именемъ брата сказали Владимiру: „Брате, поѣзжай къ митрополиту и созови всѣхъ кiевлянъ: пусть эти мужи разскажутъ лесть черниговскихъ князей“. Владимiръ такъ и сдѣлалъ. Множество народа собралось передъ св. Софiей и тутъ усѣлись на площади. Вѣчемъ руководилъ самъ митрополитъ. Добрынька и Радила выступили передъ народомъ и сказали: „цѣловалъ тебя братъ (т.-е. князя Владимiра), а митрополиту кланялся и Лазаря (тысяцкаго) цѣловалъ и всѣхъ кiевлянъ“. Произнеся это привѣтствiе, послы замолчали, ожидая вопросовъ. Тогда изъ толпы ихъ спросили: „Молвите: съ чѣмъ васъ князь прислалъ?“ Послы отвѣтили: „Такъ молвитъ князь: Цѣловали ко мнѣ крестъ Давыдовичи... а нынѣ убить лестью хотѣли меня... А нынѣ, братiе, пойдите за мной къ Чернигову, кто на конѣ, а кто въ ладьѣ, потому что не меня одного хотѣли убить, но и васъ искоренить“. Вѣче согласилось: „Идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты хочешь“. Тутъ изъ толпы поднялся одинъ ораторъ, который напомнилъ кiевлянамъ, что въ самомъ Кiевѣ врагъ сидитъ—прежнiй князь Игорь (онъ былъ заточенъ въ монастырь); какъ бы у него не нашлось сторонниковъ, когда всѣ граждане уйдутъ на войну; когда-то такъ было съ княземъ Всеславомъ полоцкимъ. Толпа зашумѣла, заволновалась. Всѣ бросились къ монастырю св. Θеодора и тамъ убили ни въ чемъ неповиннаго князя Игоря.

Разсказанные факты даютъ намъ много любопытныхъ подробностей вѣчевой жизни древней Руси. Древняя лѣтопись обыкновенно не очень обилуетъ детальными разсказами о томъ, что творилось на вѣчѣ. Она больше довольствуется коротень-

кими замѣчаніями: „сотвориша вѣче“, говоритъ она обыкновенно, „совѣтъ сотвориша“, „совѣтъ совѣщати“, или просто: „послаша“, „сдумавша“, „рекоша“.

II.

Порядокъ собраній и компетенція вѣча.

Разберемся въ подробностяхъ вѣчевого уклада. Прежде всего надо выяснить внѣшній порядокъ собранія.

Способъ и время созванія вѣча.

Не было одинаковаго *способа созванія* народа на вѣче. Въ Кіевѣ князь обыкновенно созывалъ народъ на вѣче—„вабилъ“, т.-е. разсылалъ биричей по городу съ приглашеніемъ собраться. Въ рѣдкихъ случаяхъ вѣче собиралось звукомъ трубъ, но чаще всего колокольнымъ звономъ: „звонити вѣчь“—обыкновенный терминъ созванія вѣча въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь были и особые вѣчевые колокола. Въ вѣчевой колоколъ ударяли особымъ образомъ—били въ одинъ край, какъ теперь бьютъ въ набатъ.

Не было опредѣленнаго времени для созванія вѣча: вѣче собиралось тогда, когда настояла нужда въ совѣщаніи съ народомъ или когда самъ народъ желалъ высказать свою волю. Въ Новгородѣ, когда разгоралась борьба партій, то народъ даже по ночамъ „копился“, т.-е. сходился къ мѣсту, назначенному для сбора партій.

Мѣсто собраній.

Что касается *мѣста вѣчевыхъ собраній*, то въ городахъ иногда бывало по нѣскольку такихъ мѣстъ, гдѣ собиралось вѣче; по крайней мѣрѣ это извѣстно относительно большихъ городовъ. Такъ, въ Кіевѣ мѣстомъ собраній былъ Ярославовъ дворъ, площадь передъ Софійскимъ соборомъ; у св. Софіи мѣсто было приспособлено для собраній, такъ какъ здѣсь были скамьи для сидѣнья; затѣмъ кіевское вѣче собиралось подъ Угорскимъ, у Туровой Божницы, на Торговищѣ; послѣднее, очевидно,—торговая площадь на Подолѣ. Здѣсь народная толпа, какъ и у Туровой Божницы, скоплялась подъ руководствомъ своихъ вожаковъ и не разъ придумывала непріятные сюрпризы для князей и ихъ тіуновъ. Оттого князь Изяславъ Ярославичъ перенесъ было торговую площадь съ Подолія на гору, близъ княжьяго терема. Въ Великомъ Новгородѣ было два обычныхъ мѣста народнаго собранія: у св. Софіи и на Ярославовомъ

дворѣ. Вообще главный храмъ города служилъ обыкновенно мѣстомъ, у котораго чаще всего собирались вѣча. Такъ какъ результатомъ вѣчевыхъ собраній иногда бывало крестное цѣлованіе, или „рядъ“ съ княземъ, то для этихъ цѣлей вѣче въ полномъ составѣ входило въ храмъ и здѣсь „весь порядъ положьше“, т.-е. князь цѣловалъ крестъ на старинѣ или на какихъ-либо другихъ рядахъ, и граждане ему цѣловали крестъ. Очевидно, что вѣче продолжалось въ самомъ храмѣ, который, такимъ образомъ, превращался въ мѣсто для собранія. Такъ, по крайней мѣрѣ, бывало во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ его знаменитомъ соборѣ Пресвятой Богородицы.

Порядокъ собраній не былъ строго опредѣленъ. Предсѣдательствовалъ обыкновенно князь, а въ Новгородѣ—или князь или посадникъ. Но это потому, что у князя (какъ и у новгородскаго посадника) было наибольше поводовъ созывать вѣче для того, чтобы спросить мнѣніе народа, или сказать ему свое. Если князя не было въ городѣ, на вѣче предсѣдательствовалъ митрополитъ (въ Кіевѣ), или какое-нибудь другое видное лицо. Если же вѣче собиралось по почину частныхъ лицъ, то предсѣдательство на немъ держали тѣ, кто созвалъ. Народное вѣче всякій могъ созвать и помимо оффиціальныхъ лицъ; но не надо думать, что городское вѣче постоянно собиралось, если кому вздумается созвать его изъ-за всякаго пустяка: шутить тутъ было весьма опасно. Порядокъ собраній. Предсѣдатель

Для вѣчевого собранія не требовалось также опредѣленнаго *числа собравшихся*, такъ какъ никогда не было устанавливаемо, при какомъ числѣ собравшихся вѣче считается законнымъ. Законнымъ оно было при всякомъ числѣ, лишь бы это число было достаточнымъ, чтобы постановленное имъ рѣшеніе могло быть принято всей землей или поддержано, если нужно, достаточной силой.

Вѣче было всенародной сходкой въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Всякій свободный житель даннаго города и даже всей земли имѣлъ *право принимать участіе въ вѣчѣ*. Лѣтопись иногда перечисляетъ классы общества, явившагося на вѣче, называя бояръ, дружину, купцовъ, лучшихъ людей, а также: меньшихъ, черныхъ, смердовъ, худыхъ мужиковъ. Такимъ образомъ, всѣ названія, прилагавшіяся въ древности Право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ

для обозначенія различныхъ свободныхъ классовъ общества, встрѣчаются и на вѣчѣ. Но гораздо чаще лѣтопись обозначаетъ народъ, принимающій участіе на вѣчѣ, словами: новгородцы, кіяне и пр., или: люди ростовскіе, вся земля Галицкая, всѣ переяславцы и т. п. Итакъ, независимо отъ богатства или бѣдности, всѣ могли принимать участіе на вѣчѣ. Требовалось только, чтобъ участвующій былъ свободнымъ человѣкомъ и не состоялъ бы подъ отеческою властью, или въ какой-нибудь частной зависимости, напр., въ закупничествѣ. Такимъ образомъ, отцы рѣшали за дѣтей. Мы уже видѣли, что кіевляне выражаютъ желаніе пойти сражаться за Изяслава противъ Ольговичей и „съ дѣтьми“. Конечно, они не малолѣтнихъ дѣтей собираются брать съ собой на войну. Тѣ же кіевляне приносятъ князю Игорю присягу и „за дѣтей“; опять-таки легко догадаться, что не за малолѣтнихъ. Впрочемъ, въ Новгородѣ такіе „дѣти“, за которыхъ рѣшали на вѣчахъ отцы, появлялись сами на площади, но только тогда, когда надо было поддержать отцовъ кулаками или оружіемъ—„въ броняхъ, аки на рать“. Итакъ, взрослые сыновья, находящіеся подъ опекой отцовъ, не принимали участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ. Этимъ только условіемъ и ограничивалась для свободнаго человѣка его политическая правоспособность.

Ходъ совѣщанія.

Въ теоріи вѣче всегда представляло собой собраніе всей земли и постановляло рѣшеніе ея именемъ. Но въ дѣйствительности это было собраніе горожанъ главнаго города. Остальные жители земли, т.-е. пригорожане, могли присутствовать на вѣчѣ и тогда они пользовались полными правами. Но, разумѣется, не всегда жители пригородовъ могли попадать на вѣче, не всегда имъ давали знать о собраніи вѣча, еще чаще для этого и времени не бывало.

Когда собиралась толпа по какому-нибудь всѣхъ охватившему вопросу, кричала и шумѣла,—въ такомъ собраніи, конечно, порядка не было. Мы видѣли, что цѣлую недѣлю новгородцы стояли вооруженные, пока, наконецъ, успѣли убѣдиться, что посадникъ Твердиславъ не причастенъ къ лишенію свободы одного изъ новгородцевъ: такъ трудно было въ шумной толпѣ привести всѣ необходимыя доказательства. Иное дѣло, если народъ созывался на вѣче по почину князя или посадника или

другого оффиціальнаго лица. Тогда соблюдался и извѣстный порядокъ въ собраніи. Такъ въ Кіевѣ, когда народъ собирался толпой у Туровой Божницы, онъ съѣзжался верхами на лошадяхъ, можетъ-быть, и съ нѣкоторымъ оружіемъ въ рукахъ, чтобы поддержать свое рѣшеніе. Напротивъ, на Софійскую площадь народъ сходился по приглашенію князя. Здѣсь онъ разсаживался, и начиналось вѣчевое собраніе. Князь или его посланецъ прежде всего обращался къ народу въ почтительно-вѣжливыхъ выраженіяхъ: князь шлетъ поклонъ митрополиту (какъ старшему), цѣлуетъ тысяцкаго и всѣхъ горожанъ (какъ равныхъ); обращаясь къ гражданамъ, князь употребляетъ слово „братіе". Княжескую рѣчь прерываютъ вопросами голоса изъ собранія: это „лучшіе" мужи, занимающіе, конечно, первыя скамьи. Изяславовы посланцы, какъ мы видѣли, стараются только отвѣчать на вопросы: какъ требовалъ тогдашній этикетъ, чтобы „меншіе" отвѣчали на вопросы „большихъ". Свое мнѣніе народъ выражаетъ шумными криками. Вопросъ подвергается всестороннему обсужденію. Подымается кто-либо изъ толпы и говоритъ князю рѣчь, выражающую мнѣніе вѣча. Зная древне-русскую жизнь, легко догадаться, что въ числѣ такихъ вѣчевыхъ ораторовъ выступали старики, убѣленные годами и умудренные опытомъ, пользующіеся вліяніемъ въ городѣ. Только въ эпоху паденія Великаго Новгорода на вѣчахъ горланили худые мужики, вѣчники. Въ древнѣйшей же Руси руководительство вѣчемъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежало только лучшимъ людямъ. Это вліяніе иногда обращалось даже въ крайность. Галицкая земля являетъ собой примѣръ, когда лучшіе люди, боярство, одно время образовали даже олигархію. Рѣчи.

Порядокъ вѣчевыхъ собраній уже самъ собой показываетъ, что для опредѣленія вѣчевого рѣшенія не могъ быть примѣняемъ *счетъ голосовъ*. Опытный слухъ предсѣдателя вѣча или вожаковъ партіи по силѣ выражаемаго вѣчемъ одобренія или неодобренія даннаго вопроса угадывалъ, согласенъ народъ или несогласенъ. Вся суть въ томъ, что рѣшеніе должно было быть принято такимъ количествомъ участниковъ вѣча, которое могло бы настоять на его исполненіи. Понятія большинства древне-русское вѣче не имѣло. По тогдашнему взгляду, каково бы ни было большинство, принявшее данное рѣшеніе, считалось, что Счетъ голосовъ.

всѣ „стали за одинъ“, т.-е. наступило полное единеніе, „однодушно“: „и ноугородци отвѣщаша единѣми усты: цѣловали есмы крестъ содного, а грамоты пописали и попечатали и душу запечатали“. Такъ гласитъ формула новгородскихъ вѣчевыхъ постановленій. Таково было пониманіе силы вѣчевыхъ рѣшеній.

Рѣшенія. Рѣшенія вѣча обыкновенно выражались въ краткой формѣ; примѣры такихъ постановленій мы уже видѣли. Въ древнѣйшее время вѣчевыя рѣшенія никогда не записывались. Только въ XIII вѣкѣ на вѣчевыхъ собраніяхъ Новгорода составлялись грамоты, представлявшія результатъ вѣчевыхъ рѣшеній. Но эти грамоты касаются или „ряда“ съ князьями, или международныхъ отношеній. Вообще же вѣче устно постановляло рѣшеніе. Если рѣшеніе это надо было исполнить, то это было дѣломъ обычныхъ органовъ исполнительной власти, т.-е. князя, посадника, тысяцкаго. Иногда отъ имени вѣча выбирались исполнители вѣчевого рѣшенія, напр., когда дѣло касалось выбора князя или переговоровъ со своимъ княземъ. Такими выборными были „лучшіе“ люди, которые тотчасъ же и приступали къ исполненію вѣчевого постановленія. Но это были исключительныя постановленія.

Компетенція вѣча. Теперь надо выяснить, какихъ же *вопросовъ касались вѣчевыя рѣшенія*. Вѣче обладало верховными правами въ государствѣ; но вопросы, которые оно обыкновенно разсматривало, были не многочисленны.

Призваніе и утвержденіе князя. Прежде всего компетенціи вѣча подлежали вопросы, касающіеся *занятія стола княземъ*. Какъ извѣстно, въ древней Руси княжескіе столы рѣдко занимались вопреки народной волѣ: обыкновенный порядокъ требовалъ, чтобы народное вѣче въ той или въ другой формѣ признало князя. Поэтому князь садился на столъ, получая признаніе со стороны вѣча, выражаемое крестнымъ цѣлованіемъ. Простого признанія достаточно было тогда, когда населеніе не сомнѣвалось въ добрыхъ качествахъ новаго князя. Иногда же населеніе требовало, чтобы князь учинилъ съ нимъ „рядъ“, „порядъ“, „утвердился бы“ съ народомъ. Рядъ заключался въ нѣкоторыхъ обязательствахъ со стороны князя. Обязательства эти были не сложны, заключаясь иногда въ подтвержденіи „ходить по старинѣ“ „любити и никого не обидѣти“ тогда и жизнь была проста. Только въ Новгородѣ

порядъ съ княземъ принялъ болѣе сложную форму и даже сталъ предметомъ особыхъ конституціонныхъ грамотъ.

Мы уже видѣли факты, когда вѣче распоряжалось приглашеніемъ или изгнаніемъ князя. Въ этихъ фактахъ мы отмѣтили самое главное—именно господствующее убѣжденіе въ средѣ населенія и князей въ томъ, что именно вѣче имѣетъ право располагать столомъ. „Вы вольны въ князьяхъ", говорилъ въ 1215 г. князь Мстиславъ новгородскому вѣчу. И эта „вольность" признавалась не за одними новгородцами. Въ 1212 г. умеръ князь суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ, назначивъ сыну своему Ярославу Переяславское княженіе (сѣверное). Всеволодъ былъ сильный князь и любимый народомъ, однако его сынъ Ярославъ, явившись послѣ смерти отца въ Переяславль, созвалъ народное вѣче и велъ къ нему такую рѣчь: „Братія переяславцы! вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ мнѣ отдалъ, а меня вамъ далъ въ руки. Да скажите мнѣ, братія, хотите ли меня имѣть у себя княземъ, какъ отца моего имѣли, и головы свои за меня сложить?" И вѣче ему отвѣчало: „Весьма (желаемъ), господине, да будетъ такъ, ты нашъ господинъ, ты—Всеволодъ". Итакъ, сынъ любимаго и сильнаго князя и не думаетъ, что для населенія небольшого пригорода воля покойнаго князя имѣетъ значеніе: надо еще имѣть согласіе самого населенія. Недаромъ поэтому владимірцы, сосѣди тѣхъ же переяславцевъ, говорили своему князю Ярославу, будучи имъ не довольны: „Мы вольны принимать къ себѣ князей".

Все это указываетъ на *политическія убѣжденія*, господствовавшія въ древне-русскомъ обществѣ.

Признаніе князя въ той или въ другой формѣ—только одна сторона вѣчевыхъ правъ. И выбравъ князя, вѣче продолжало имѣть руководящее вліяніе въ направленіи политики всей земли.

Прежде всего рѣшенію вѣча подлежали вопросы, касающіеся *войны* и *мира*. Выше уже былъ приведенъ разсказъ лѣтописи о рѣшеніи кіевлянъ во время войны Изяслава съ Юріемъ: князь объявилъ войну и пошелъ воевать со своею дружиною да съ охотниками, потому что земство считало для себя такую войну не подходящей. Иногда, напротивъ, вѣчевые собранія высказывались за войну, когда князь не одобрялъ ея; а между

Вопросы войны и мира.

тѣмъ князь былъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ. „Аще ты миръ даси ему, то мы ему не дамы", говорили въ 1177 г. ростовцы своему князю Мстиславу Ростиславичу. Иногда вѣче и само заключало мирный договоръ. Такъ поступили въ 1186 г. полочане, когда на нихъ пришли новгородцы и смольняне. Вообще про полочанъ, какъ и про новгородцевъ, лѣтопись, говоря объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ землямъ, обыкновенно выражается: „послаша" „сдумаша". Хотя отношеніе между князьями, ихъ личные счеты и не касались земства, но, тѣмъ не менѣе, оно поневолѣ часто принимало участіе въ этихъ распряхъ: князь начиналъ войну со своею дружиной и съ охотниками, но въ результатѣ такой войны могла быть осада города и всѣ сопряженныя съ нею бѣдствія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно даже наблюдать, что представители вѣча ведутъ переговоры вмѣстѣ съ княземъ. Такія отношенія вырабатывались, очевидно, на основаніи простого практическаго соображенія: между княземъ и вѣчемъ не могло уже быть разногласія по вопросамъ внѣшней политики. Такъ, когда въ 1159 г. сыновья умершаго князя Изяслава Мстиславича заняли Кіевъ и предложили княженіе въ немъ своему дядѣ Ростиславу Мстиславичу, то князь послалъ къ своимъ племянникамъ для детальныхъ переговоровъ двухъ мужей — одного отъ смольнянъ, а другого отъ новгородцевъ (въ это время сынъ Ростислава, Святославъ, княжилъ въ Новгородѣ).

Внутреннее управленіе.

Что касается внутреннихъ *вопросовъ управленія*, то вѣче, хотя и имѣло на нихъ сильное вліяніе, однако, вмѣшивалось рѣдко, представляя главную роль избранному имъ князю. Наиболѣе широкой компетенціей въ этомъ отношеніи пользовалось новгородское вѣче. Оно избирало посадниковъ, епископовъ, выбирало посадниковъ для нѣкоторыхъ пригородовъ; а въ позднѣйшее время и все законодательство Пскова и Новгорода проходило черезъ вѣче (какъ это видно изъ Псковской Судной грамоты). Вообще вліяніе вѣча на все управленіе здѣсь было очень велико, но оно проявлялось въ формѣ обсужденія дѣятельности должностныхъ лицъ: князя, посадника и даже епископа. Впрочемъ, и въ другихъ княженіяхъ вѣче такимъ же образомъ высказывалось о направленіи внутренней политики. Слѣдуетъ вспомнить, какъ кіевляне потребовали у князя Игоря смѣны прежнихъ судей, для чего по-

надобилось обсужденіе ихъ дѣятельности; братъ Игоря, Святославъ, обѣщалъ кіевлянамъ тіуна по ихъ волѣ. Очевидно, такого тіуна надо было выбрать, или назначить на вѣчѣ же.

Итакъ, права вѣча распространялись на признаніе или избраніе новаго князя, на рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, а во внутренней политикѣ вѣче обсуждало, главнымъ образомъ, вопросы управленія и отправленія суда, именно обсуждало, но не законодательствовало (за исключеніемъ Новгорода и Пскова и то въ позднѣйшее время). При несложной политической организаціи древнерусскихъ земель, судъ, война и миръ и были главными, почти исключительными, предметами управленія. Но самый судъ понимался не въ смыслѣ изданія для него законодательныхъ правилъ, но въ смыслѣ общаго направленія его, зависящаго отъ личности князя и назначенныхъ имъ тіуновъ.

Такимъ образомъ, вѣче было направляющимъ ограномъ въ государствѣ. Само оно не имѣло исполнительныхъ органовъ въ своемъ распоряженіи. Главная задача вѣча состояла въ *въ контролѣ* надъ дѣятельностью князя и его управленія, а въ Новгородѣ—и надъ дѣятельностю посадника. Новгородская исторія представляетъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ примѣровъ такого контролирующаго значенія вѣчевой власти. Выше было разсказано, какъ возмутился весь Новгородъ, узнавъ объ арестованіи одного изъ своихъ согражданъ. Новгородская исторія знаетъ случаи, когда посадникъ былъ судимъ за то, что далъ князю плохой совѣтъ, или за то, что плохо управлялъ. Подобнаго рода вины ставились и князьямъ. Князю Всеволоду въ 1136 г. было представлено нѣсколько обвиненій, побуждавшихъ вѣче удалить своего князя. Въ числѣ этихъ обвиненій было и то, что князь не блюдетъ смердовъ, т.-е. не защищаетъ ихъ отъ сильныхъ людей, что князь оставилъ сраженіе прежде другихъ, что князь хотѣлъ было уйти на Переяславское княженіе, наконецъ, что князь сначала далъ совѣтъ Новгороду войти въ союзъ съ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, а потомъ потребовалъ разрыва этого союза. Тутъ князя обвиняли какъ разъ въ томъ, что цѣликомъ составляло предметъ его исполнительной власти. Князь былъ прежде всего судья и полководецъ, но Всеволодъ оказался и въ томъ и въ другомъ случаѣ плохимъ: въ то время еще и въ Новгородѣ внѣшняя по-

литика составляла главнымъ образомъ предметъ заботъ князя. Но Всеволодъ и тутъ показалъ свою неустойчивость.

Итакъ, вѣче имѣло только направляющій и контролирующій характеръ по отношенію къ внутреннему и внѣшнему управленію

III.

Значеніе вѣча, его происхожденіе и упадокъ.

Знакомство съ вѣчевымъ строемъ, съ его бытовымъ колоритомъ даетъ возможность ближе заглянуть въ его сущность. Для этого надо разсмотрѣть вопросы о томъ, каково было соотношеніе вѣча къ княжеской власти, и затѣмъ надо уяснить себѣ происхожденіе и прекращеніе вѣчевого начала въ древней Руси.

Для насъ, наблюдающихъ вѣчевой строй въ отдаленіи многихъ вѣковъ, вѣчевыя сходки могутъ показаться явленіемъ безформеннымъ, безпорядочнымъ: народная толпа ведетъ себя буйно и измѣнчиво. Съ внѣшней стороны такъ въ дѣйствительности и было. Но слѣдуетъ вникнуть въ тогдашнія отношенія, отвлечься отъ современныхъ намъ представленій и перенестись въ понятія того отдаленнаго прошлаго. Не надо слишкомъ большого значенія придавать внѣшности вѣчевыхъ дѣйствій: древность не успѣла выработать строго опредѣленныхъ внѣшнихъ проявленій государственной власти; да о нихъ она и не заботилась. Надо прежде всего себѣ представить жизнь тогдашняго города: самый мелкій пригородъ совсѣмъ не похожъ на теперешніе сонные уѣздные и губернскіе города; жизнь била ключомъ и населеніе живо интересовалось самыми разнообразными вопросами. Стоитъ вспомнить, какъ житіе св. Авраамія смоленскаго, написанное его современникомъ и ученикомъ, описываетъ оживленіе города, когда св. Авраамія его противники обвинили въ ереси: оживился весь городъ — и на торгу и по улицамъ, вездѣ полно народа, мужи говорятъ, и жены, и дѣти. Не менѣе оживлялся городъ, когда подымался вопросъ политическаго характера. Иногда возбужденіе бывало такъ велико, что въ городѣ начинался мятежъ и грабежъ имущества лицъ, которыми народъ былъ недоволенъ, вѣче превращалось въ военный лагерь. Но о вѣчѣ несправедливо было бы судить по этимъ мятежнымъ вспышкамъ подвижнаго городского населенія. Разумѣется, такія вѣча будутъ ненормальными.

Характеръ вѣча какъ учрежденія.

О вѣчѣ надо судить по тѣмъ его проявленіямъ, которыя выясняются при нормальномъ ходѣ вещей. Въ такомъ случаѣ сущность вѣчевого начала имѣетъ общую точку соприкосновенія съ правомъ современныхъ намъ государствъ. Каждое независимое государство является носителемъ верховной власти. Эта верховная власть въ древней Руси находилась въ обладаніи двухъ элементовъ—вѣча и князя. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, перевѣсъ власти находился то у вѣча, то у князя. Это зависѣло отъ тѣхъ условій, изъ которыхъ слагалась жизнь каждой отдѣльной земли. Такъ, напр., въ Новгородѣ, въ Полоцкой землѣ, въ Кіевской, частью въ Ростово-Суздальской вѣче достигло широкаго развитія. Въ другихъ земляхъ участіе народа въ управленіи было менѣе значительно, но оно вездѣ существовало и вездѣ сознавало свои права. Конечно, не надо удивляться тому, что на практикѣ возможность большаго или меньшаго проявленія вѣчевой воли зависѣла еще и отъ характера и силы другого элемента власти—князя. Если князь пользовался значительнымъ личнымъ вліяніемъ, вѣче бездѣйствовало. Иногда у князя былъ перевѣсъ силы. Иногда князь силою занималъ столъ или держался съ помощью военнаго контингента, и тогда прерывались нормальныя отношенія между вѣчемъ и княземъ.

Итакъ, вѣче не было случайнымъ, мятежнымъ явленіемъ въ древней Руси; съ точки зрѣнія государственной, оно было носителемъ верховной власти къ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ русское вѣчевое собраніе имѣло такое же значеніе, какъ народное собраніе въ Римѣ или въ Аѳинахъ. Но вѣче рѣзко отличается отъ нихъ своею неорганизованностью. Это вполнѣ понятно: мы имѣемъ дѣло съ народнымъ учрежденіемъ въ его древнѣйшей формѣ. И греческая исторія знаетъ періодъ такихъ безформенныхъ народныхъ сходокъ съ такимъ же неопредѣленнымъ соотношеніемъ власти царской къ вѣчу. Для этого надо только вспомнить, какъ описываютъ гомеровскія поэмы народную сходку. И въ обычаяхъ древнихъ германцевъ можно найти буквальную аналогію съ древнерусскимъ бытомъ. Слѣдовательно вѣчевая жизнь древней Руси не представляетъ собою исключительнаго явленія: она вообще свойственна народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Поэтому вѣчевая жизнь не

представляетъ собою такъ сказать болѣзненнаго явленія. Правда, у нѣкоторыхъ народовъ безформенная вѣчевая жизнь выработалась съ теченіемъ времени въ стройное государственное учрежденіе (напр., въ древней Греціи,—въ народное собраніе, въ средне-вѣковой Англіи—въ представительное учрежденіе, въ Германіи—въ избирательные сеймы). На Руси этого не случилось. Трудно сказать—почему: не умѣло ли древнее общество отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ вѣчевой жизни (какъ это отчасти можно видѣть на исторіи Новгорода въ періодъ его паденія), или же причиной тому являются особыя условія дальнѣйшей жизни, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Мы задались еще вопросомъ о просхожденіи и прекращеніи вѣчевого начала.

Происхожденіе вѣча.

Древнерусское вѣче не зародилось на глазахъ исторіи: начало его лежитъ въ древнѣйшихъ обычаяхъ славянъ. Уже писатель VI вѣка, Прокопій, сообщаетъ, что славяне не повинуются одному лицу, но изстари живутъ при народномъ управленіи. Описанный этимъ писателемъ обычай относительно русскихъ славянъ доказывается первыми страницами нашей начальной лѣтописи. Она приводитъ неоспоримыя доказательства тому, что въ эпоху образованія государства, т.-е. когда еще продолжали господствовать формы племенного быта, вѣче было необходимымъ органомъ, на которомъ обсуждались всѣ дѣла, касающіяся племени или одного какого-нибудь города. Изъ разсказа лѣтописи о возстаніи древлянъ противъ Игоря хорошо видно, какъ древлянское племя всѣ дѣла свои рѣшаетъ на вѣчѣ: дѣйствуетъ вся Деревская земля. Древнѣйшіе русскіе договоры, именно договоры съ греками, заключаютъ въ себѣ уже указанія на то, что они заключаются „отъ всѣхъ людей русской земли“. Интересно, что даже русскіе люди XII вѣка были глубоко увѣрены въ изначальномъ существованіи вѣча.

Итакъ, вѣче представляетъ собой исконнее учрежденіе среди русскихъ племенъ. Уже въ древнѣйшее время можно различить, что оно собиралось, когда нужно было рѣшить вопросъ, касавшійся всего племени, какъ рѣшала, напр., Деревская земля, или какъ „думали поляне“ о дани хазарамъ и т. п.; когда же вопросъ касался какого-нибудь одного города, то онъ со-

бирался на вѣче, какъ это, напр., было въ Бѣлгородѣ во время нападенія на него печенѣговъ. Хотя мы очень мало знаемъ объ этомъ древнѣйшемъ вѣчѣ, но не трудно подмѣтить, что на немъ главное значеніе имѣли старцы и бояре. Но во всякомъ случаѣ это племенное вѣче представляло собой очень первобытную форму народоправства.

Племенное вѣче является первымъ періодомъ въ развитіи этого учрежденія. Оно не оставалось неизмѣннымъ на протяженіи нашей древней исторіи. При господствѣ первыхъ князей вѣче не могло имѣть большого значенія. За исключеніемъ Новгорода и Кіева, т.-е. племени полянъ и новгородскихъ славянъ, въ средѣ остальныхъ племенъ русскіе князья держались военною силою. Когда князь господствовалъ съ помощью наемнаго войска, притомъ большею частью иноземнаго, то голосъ вѣча не могъ сказываться. Однако вѣчевая жизнь не была совершенно подавляема военною силою. Вѣче продолжало вѣдать дѣла, касающіяся племени или отдѣльныхъ городовъ, такъ какъ князья совершенно не вмѣшивались въ управленіе, довольствуясь одною данью. Значеніе вѣча всякій разъ подымалось, какъ только начинались междоусобицы въ княжеской семьѣ, какъ это было, напр., по смерти Владиміра Св.: Святополкъ задабриваетъ кіевское вѣче, а новгородцы ведутъ Ярослава на кіевлянъ. Съ развитіемъ княженій, вѣче теряетъ свой племенной характеръ, потому что княжества не всегда совпадали съ древними границами племени. Въ эту эпоху, т. е. съ конца XI вѣка, начинается быстрое развитіе вѣчевыхъ отношеній. Въ главнѣйшихъ древнихъ племенныхъ центрахъ появляются князья. Здѣсь они застаютъ уже вѣчевое собраніе. Уже внуки Ярослава слишкомъ слабы для того, чтобы не подчиняться рѣшеніямъ вѣча. Значеніе княжеской власти поэтому сильно понижается. Кромѣ того, князья этого періода не настолько богаты, чтобы содержать дружину изъ иноземцевъ: ихъ дружинники—мѣстные земскіе люди или люди, слившіеся съ земствомъ. Къ этимъ причинамъ ослабленія княжеской власти и роста вѣча присоединилось еще слѣдующее: княжеская политика представляла собой систему грубаго эгоизма. Безконечныя междоусобицы, передѣлы волостей, переходы князей съ одного стола на другой въ связи съ вѣчными поисками лучшихъ дохо-

Племенное вѣче.

довъ,—такая политика не могла, конечно, внушать къ себѣ большого довѣрія со стороны населенія. Вѣче поэтому принуждено само заботиться о собственной безопасности. Оттого мы и видимъ такое странное раздвоеніе: князь объявляетъ войну, вѣче не хочетъ ее вести, или наоборотъ; или же городъ осажденъ непріятелями,—вѣче предлагаетъ князю уйти и впускаетъ непріятеля: зачѣмъ ему погибать изъ-за князя. Всѣ эти факты (а они весьма многочисленны) являются протестомъ противъ эгоизма князей. Все это возвышаетъ значеніе вѣча. Но, съ другой стороны, въ немъ открывается слабая сторона. Очень долго держался порядокъ, по которому рѣшеніе вѣча центральнаго города было обязательно и для его пригородовъ. Но центральные города, впутывая пригороды въ свою политику, поступаютъ также эгоистично, такъ какъ они не всегда могутъ или желаютъ предотвратить для пригородовъ непріятныя послѣдствія своей политики, напр., осаду, разореніе пригорода и т. п. Оттого каждый пригородъ стремится превратиться въ самостоятельное княженіе. А это выдѣленіе уже ослабляло силу всей земли.

Итакъ, съ послѣдней четверти XI вѣка замѣчается усиленіе вѣча въ связи съ ослабленіемъ княжеской власти, но уже съ половины XII вѣка замѣчаются признаки ослабленія силы вѣча центральнаго города, вслѣдствіе выдѣленія пригородовъ.

Паденіе вѣча Князь

Высшее развитіе вѣчевого начало какъ разъ совпадаетъ съ весьма крупными измѣненіями въ положеніи Руси. Эти измѣненія повели къ прекращенію вѣчевого начала и прервали его ростъ. Такихъ причинъ, поведшихъ къ паденію вѣча, было нѣсколько. Эти причины не одинаковы для восточной (Московской) и для западной (Литовской) Руси. Нашествіе татаръ было одною изъ серьезнѣйшихъ причинъ, прекратившихъ существованіе вѣча въ сѣверо-восточной Руси. Главное право вѣча было въ избраніи князя и контролированіи его дѣятельности. Теперь ханъ давалъ ярлыкъ князю на княженіе; вѣче не могло ни выбирать князей ни изгонять ихъ. Контроль надъ такимъ княземъ былъ и безполезенъ и невозможенъ. Но эта внѣшняя причина не была единственной. Вѣче—созданіе городовой Руси, созданіе подвижного торговаго населенія. Въ сѣверо-восточной Руси условія жизни были совершенно иныя:

это—земледѣльческая Русь, противоположность торговой Днѣпровской и Волховской. Сельскому человѣку трудно было откликаться на всѣ явленія политической жизни, у него, безъ сомнѣнія, и интересъ къ нимъ былъ меньше. Этотъ переворотъ въ хозяйственномъ бытѣ населенія, въ связи съ татарскимъ погромомъ, и слѣдуетъ считать причинами, остановившими здѣсь дальнѣйшее примѣненіе и развитіе вѣча. Княжество превратилось въ вотчину князя, которой князь могъ распоряжаться какъ ему угодно.

Въ западной Руси татарскій погромъ не имѣлъ такихъ послѣдствій, какъ въ сѣверо-восточной: татары прошли не по всѣмъ землямъ (они были въ Смоленской, Черниговской, Кіевской и Галицко-Волынской земляхъ, не были въ Полоцкой и Турово-Пинской), власть ихъ была здѣсь непродолжительна и несильна. Поэтому вѣче здѣсь вездѣ продолжало свое существованіе. Въ земляхъ осѣли свои мѣстныя династіи. Вѣче работаетъ болѣе спокойно и, за немногими исключеніями, мирно уживается съ наслѣдственной княжеской властью. Но уже съ половины XIII вѣка западно-русскія земли подвергаются захватамъ со стороны сосѣднихъ литовскихъ князей и къ половинѣ XV вѣка окончательно объединяются въ обширное Литовско-русское государство. Вѣче нѣкоторое время продолжало свое существованіе и при литовскихъ князьяхъ, хотя, конечно, лишенное своего политическаго значенія. Потеря политической самостоятельности превратила здѣсь вѣче изъ органа политическаго въ мѣстную самоуправляющуюся единицу. Но и эта форма вѣча съ начала XV вѣка постепенно измѣняется вслѣдствіе переработки государственнаго и общественнаго строя Литовской Руси: государство начинаетъ объединяться, въ немъ развиваются сословія, и нарождается новый политическій органъ—сеймъ.

М. Довнаръ-Запольскій.

Князь, его дума и администрація *).

I.

Къ строю древнихъ государствъ нельзя прилагать той мѣрки, которою мы опредѣляемъ государственное устройство нынѣшняго времени. Современное намъ государство живетъ и дѣйствуетъ на основаніи строго опредѣленныхъ законовъ. Оно представляетъ собой очень сложный организмъ, въ которомъ каждый отдѣльный органъ управленія вѣдаетъ только какою-нибудь частностью управленія. Характеръ управленія опредѣляется законами, а не личными качествами управляющаго лица. Совсѣмъ иной типъ представляютъ собою многія государства древности въ томъ числѣ и древне-русскія княженія. Подробнаго законодательства, формулъ, опредѣляющихъ государственный строй, не существуетъ. Правда, для нѣкоторыхъ случаевъ, существуетъ народный обычай, взглядъ, по которому только и можно составить себѣ представленіе о характерѣ управленія; но и обычай далеко не все охватываетъ.

Простота государственнаго строя.

Оттого въ древней Руси государственная машина была очень проста: при небольшомъ запасѣ основныхъ политическихъ воззрѣній, которыя твердо были усвоены обществомъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ весь строй опирался на личныя отношенія. Это особенно сказывается на томъ положеніи, ка-

---

*) *Важнѣйшая литература: Сергѣевичъ.* „Русскія юридическія древности“, т. 2.—*Павловъ-Сильванскій.* „Государевы служилые люди“.—*Хлѣбниковъ.* „Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи“ СПБ. 1872.—*Малиновскій.* „Рада Великаго княжества Литовскаго въ связи съ Боярской думой въ древней Россіи“, т. 1.—*Соловьевъ.* „Объ отношеніи Новгорода къ Великимъ князьямъ“ 1846 г.—*Его же.* „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“ 1847.—*Ключевскій.* „Боярская дума древней Руси“ изд. 3.

кое занимала княжеская власть. Потребность въ княжеской власти живо сознавалась древне-русскимъ обществомъ, и, однако, не существовало одинаковыхъ воззрѣній на качества и широту этой власти: все сводилось къ личнымъ качествамъ носителя власти: князь долженъ быть „добръ", какъ тогда выражались. Князь добръ—вѣче живетъ въ ладахъ съ нимъ; князь не добръ—вѣче прогоняетъ его, если онъ слабъ, и мирится съ такимъ княземъ, если онъ силенъ, до тѣхъ поръ, пока „лестью" не освободится отъ нелюбимаго правителя.

Итакъ, качества княжескаго управленія основывались исключительно на личности князя.

Владиміръ Мономахъ о достоинствахъ князя.

Древняя Русь была проникнута такимъ воззрѣніемъ. Подтвержденіе сказанному можно найти въ лучшемъ памятникѣ этой эпохи, наиболѣе точно отражающемъ ея житейскіе идеалы,— въ Поученіи Владиміра Мономаха. Слѣдуетъ посмотрѣть, какія качества въ князѣ считаетъ Мономахъ наилучшими. Навѣрно, этими качествами долженъ былъ обладать хорошій князь, по мнѣнію тогдашняго общества: такъ поступалъ самъ Мономахъ, а онъ воплощалъ въ себѣ идеалъ князя и княжеской власти. Вотъ что рекомендуетъ Мономахъ своимъ дѣтямъ: защищать слабыхъ, вдовицъ и сиротъ, не казнить смертью ни правыхъ, ни виноватыхъ, самимъ вездѣ во все вникать; въ домѣ не полагаться на тіуновъ, въ походѣ—на воеводъ, при объѣздахъ княженія для суда и дани удерживать отроковъ, чтобы они не дѣлали „пакостей" жителямъ, вообще не лѣниться. Все это очень примитивныя качества, необходимыя для всякаго человѣка. Но лучшій князь эпохи еще не додумался до того, чтобы дать совѣтъ: управлять государствомъ при посредствѣ хорошихъ и честныхъ помощниковъ. Во всѣхъ этихъ совѣтахъ видна еще крайняя неразвитость политическихъ понятій. Но идеалы Мономаха вполнѣ соотвѣтствовали взглядамъ эпохи. По этимъ взглядамъ князь долженъ быть „добръ" и „хотѣть добра всѣмъ сердцемъ". „Доброта" эта заключается въ томъ, что Богъ ставитъ князей „волостелями" „въ месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ", какъ объяснялъ галицкій князь Владиміръ. Князь долженъ быть грозою всѣхъ насилующихъ слабыхъ, какъ говоритъ извѣстный Даніилъ Заточникъ въ своемъ Словѣ, потому что простого человѣка всякій можетъ

обидѣтъ, если онъ не будетъ огражденъ страхомъ грозы княжеской. Отъ князя требуется, чтобы онъ держался старины, т.-е. не нарушалъ бы установленныхъ обычаевъ, чтобы онъ самъ не грабилъ и не давалъ грабить своимъ тіунамъ. Если во всемъ этомъ нѣтъ „извѣта" на князя, то населеніе продолжаетъ его любить, т.-е. продолжаетъ ему повиноваться и не прогоняетъ его. Такого „добраго" князя всякая земля хотѣла бы имѣть у себя, какъ говоритъ лѣтописецъ о Мстиславѣ Ростиславичѣ, потому что этотъ князь всегда „тосняшется", т.-е. и стремился къ хорошимъ дѣламъ: готовъ былъ умереть за русскую землю въ борьбѣ съ погаными и не копилъ себѣ богатства, т.-е., значитъ, и не грабилъ населенія.

Княжая правда.

Таковы несложныя качества князя. Они нужны были князю для того, чтобы „правду дѣяти на семъ свѣтѣ; въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованіи стояти". Такъ говорилъ знаменитый печерскій игуменъ Поликарпъ внуку Мономахову Ростиславу Мстиславичу. Изъ этого опредѣленія обязанностей князя совершенно ясно, что княжеская „доброта" нужна для суда и для военнаго дѣла. Законы, регулирующіе судъ, весьма неполны, почему возможенъ совершенный произволъ судьи. Тогда думали, что не изданіемъ законовъ можно помочь дѣлу, но надо подыскать хорошаго князя. Надо, чтобы отъ этого князя (говорили тогда) людямъ доходила „княжая правда", каковой, напр., не могли дождаться кіевляне отъ Всеволода Ярославича. „Я уже въ старости,—говорилъ Вячеславъ Владиміровичъ Мономашичъ своему племяннику Изяславу,—и всѣхъ рядовъ не могу рядить". Сдѣлался князь старъ, не можетъ лично „рядовъ рядить", „людей оправливати",—и управлять не можетъ: сейчасъ тіуны начнутъ грабить.

Итакъ, отъ князя требовался прежде всего личный судъ и личная управа.

Военное дѣло.

Съ другой стороны, князь ведетъ военное дѣло. Онъ вступаетъ въ крестное цѣлованіе съ князьями, т.-е. ведетъ внѣшнюю политику, онъ и поддерживаетъ ее силою своей дружины или всего земства. Въ древней Руси полководцемъ могъ быть только князь, просто потому, что безпорядочное земское ополченіе только слушалось и боялось князя. Дружина служила князю и только ему повиновалась. На нашъ взглядъ это очень

странно, но такими взглядами была проникнута древняя Русь. Тогда князь могъ потерять сраженіе, если князя не было при войскѣ, потому что „боярина не всѣ слушаются", какъ разсказываетъ лѣтопись про одно сраженіе въ 1151 году. Черезъ 100 лѣтъ на военномъ совѣтѣ князя Даніила галицкаго „бранніи мужи" такъ говорили своему предводителю: „Ты король, голова всѣмъ полкамъ; если кого-нибудь изъ насъ пошлешь впередъ, то будутъ ли слушать? Ты знаешь воинскій чинъ и ратный обычай: всякій тебя усрамится и убоится; изыди самъ впередъ". Итакъ, члены военнаго совѣта, такъ сказать, главный штабъ цѣлой арміи сознается, что онъ безсиленъ, что воеводъ не слушаютъ на войнѣ и ихъ не боятся.

Сообразивши все сказанное, не трудно понять, что разъ нѣтъ въ городѣ князя, то нѣтъ судебной и военной власти, вмѣстѣ съ чѣмъ нарушается и порядокъ. Послѣ смерти Святополка Изяславича въ 1113 г. въ Кіевѣ начинается анархія, потому что избранный вѣчемъ князь Владиміръ Мономахъ медлитъ пріѣздомъ. Благомыслящіе кіевляне торопятъ его: „Если не пойдешь, то знай—много зла воздвигнется... Люди разграбятъ и дворъ твоей мачехи, и бояръ, и монастыри". И Мономахъ поторопился пріѣхать. Не удивительно поэтому, что людямъ становилось „тяжко", когда у нихъ не бывало князя. Даже новгородцы не могли долго утерпѣть безъ князя.

Разнообразіе княжеской дѣятельности.

Все сказанное разъясняетъ намъ господствующій въ древней Руси взглядъ на княжескую власть, рисуетъ намъ идеалъ ея и въ то же время указываетъ, въ чемъ заключались основныя обязанности княжеской власти. Въ сущности все тогдашнее управленіе находилось въ рукахъ князя. Поэтому сфера его дѣятельности была широка и разнообразна. Вѣче, какъ извѣстно, только контролировало дѣятельность князя. Такимъ образомъ, въ частности князь вѣдалъ сношенія съ другими князьями и государствами, заключалъ союзы и договоры, наконецъ, объявлялъ войну и заключалъ миръ. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи онъ иногда долженъ былъ совѣщаться съ вѣчемъ. Въ военномъ дѣлѣ князь былъ полнымъ хозяиномъ. Дружина находилась на личной службѣ у князя; сборы земскаго ополченія и назначеніе начальниковъ его (тысяцкихъ воеводъ) находилось всецѣло въ рукахъ князя. Князь

назначалъ начальниковъ гарнизона въ пригороды. На войнѣ власть князя была очень велика, чѣмъ и объясняется тотъ страхъ, который внушало войску княжеское командованіе. Управленіе княжествомъ, хотя оно было несложно, тоже находилось въ вѣдѣніи князя. Князь назначалъ всѣхъ чиновниковъ, посадниковъ, тіуновъ, тысяцкихъ, мытниковъ и другихъ. Эти чиновники вѣдали полицію, финансовое управленіе и судъ. Судъ, какъ это мы уже знаемъ, составлялъ главнѣйшую обязанность князя: онъ судилъ лично и при помощи своихъ тіуновъ. Въ то время управленіе не было строго отдѣляемо отъ законодательства, потому что законъ только служилъ средствомъ управленія. Оттого древнѣйшіе законы издавались самими князьями. Но такъ какъ изданіе новыхъ законовъ дѣло очень важное, то князья обыкновенно при изданіи законовъ совѣтовались съ княжеской думой. Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить, что князья принимали очень широкое участіе въ церковномъ управленіи.

Вотъ весь кругъ обязанностей, которыя несъ князь. Хотя по взгляду тогдашняго общества отъ князя требовалось много личной дѣятельности, но, конечно, князь всего управить самъ не могъ. Въ управленіи и судѣ ему помогали особо назначемыя имъ лица. Но сверхъ этихъ чиновниковъ при князѣ былъ еще особый княжескій совѣтъ, дума княжеская. Присутствіе такой думы при особѣ князя вызывалось цѣлымъ рядомъ условій древнерусской жизни. Управленіе и судъ основывались главнымъ образомъ на личности князя. Тутъ для князя необходимъ совѣтъ свѣдущихъ лицъ и вліятельныхъ на вѣче: такія лица не допустятъ „извѣта“ на князя. Съ другой стороны, отношенія князя къ дружинѣ держались на товарищескихъ началахъ. Оттого князь долженъ былъ совѣтоваться или со своей дружиной или только со старшими мужами.

II.

Княжеская дума. Древнѣйшая дума.

Посмотримъ теперь, что представляла собой княжеская дума, и каковы были обязанности чиновниковъ княжеской администраціи. Особыя условія древнерусской жизни поставляли князя въ необходимость совѣщаться въ дѣлахъ то съ вѣчемъ, то съ дружиною, то съ одними только боярами. Это происходило

оттого, что въ древней Руси было слабо сознаніе государственной связи, объединявшей общество и его правителя—князя. Напротивъ, между княземъ и его подданными преобладали отношенія личнаго характера: князь созывалъ къ себѣ дружинниковъ, они ему служили. Но князь не могъ приказывать дружинѣ, такъ какъ дружина исполнила бы только то, что ей кажется наилучшимъ. Садясь на столъ, князь рядился съ вѣчемъ. Но онъ не могъ давать приказаній населенію, если вѣче не одобрило предположенія князя. Отсюда ясно, что князь могъ управлять только при помощи совѣщаній съ окружающими его вѣчемъ, дружиною, боярами.

Въ исторіи думы княжеской можно намѣтить два періода. Первый періодъ относится къ эпохѣ древнѣйшихъ князей, заканчиваясь при Владимірѣ Святомъ. Во всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ князья ведутъ совѣщанія со всею дружиною. Но дѣла управленія раздѣляются очень немногими. Обыкновенно при князѣ мы встрѣчаемъ одно лицо или два, имѣющее, очевидно, громадное вліяніе на дѣла. Такъ, при князѣ Игорѣ встрѣчаемъ Свенельда, при Святославѣ такими же мужами были Свенгельдъ и Асмудъ, конечно, варяги. Сынъ Святослава, Ярополкъ, сначала находится подъ сильнымъ вліяніемъ того же Свенгельда, а потомъ Блуда, которымъ и былъ преданъ Владиміру. Въ первую половину своего княженія Владиміръ Святой находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего дяди Добрыни. Всѣ эти мужи, повидимому, начальники большихъ отрядовъ. Они пользовались громаднымъ вліяніемъ на князя и весьма напоминаютъ майордомовъ франкскаго двора. Правда, и при послѣдующихъ князьяхъ мы встрѣчаемъ особыхъ милостниковъ, съ которыми князь держитъ совѣты, но большого значенія они не имѣютъ.

Расширеніе состава ея.

Съ Владиміра Св. замѣтенъ поворотъ, расширеніе круга княжескихъ совѣтниковъ. Уже Владиміръ Св. приглашаетъ на совѣщанія свои, на думу къ себѣ, своихъ бояръ, градскихъ старцевъ, вызываетъ посадниковъ, сидящихъ въ разныхъ городахъ, наконецъ, совѣщается, даже по гражданскимъ дѣламъ, съ епископами. Такимъ образомъ, кругъ княжескихъ совѣтниковъ весьма расширился: въ составъ княжеской думы вошли лица, которыхъ мы здѣсь встрѣчаемъ и во все послѣдующее

время. Такъ сложился княжескій совѣтъ—изъ бояръ, мужей-правителей и (въ рѣдкихъ случаяхъ) изъ епископа.

Тутъ является прежде всего вопросъ, почему именно съ эпохи Владимира Св. начинаетъ складываться составъ княжеской думы. Отвѣтомъ можетъ служить то соображеніе, что съ Владимира Св. самый характеръ княжеской власти измѣняется: князь-дружинникъ осаживается, начинаетъ все свое вниманіе обращать на управленіе; онъ разстается съ сборной ватагой дружинниковъ, большею частью нормановъ съ ихъ предводителями. При такихъ условіяхъ со стороны князя было естественнымъ обращаться за совѣтами не только къ своимъ мужамъ, но и къ земскимъ боярамъ, къ старцамъ и даже къ епископамъ.

Если при древнѣйшихъ князьяхъ мы не видимъ княжеской думы, то, однако, несомнѣнно, что и эти князья совѣщались со всею своею дружиною: такія совѣщанія, напр., держитъ Святославъ Игоревичъ. Эти совѣты князя съ дружиною, обращеніе къ ней князя, бывали и въ послѣдующее время, но ихъ не должно смѣшивать съ совѣщаніями съ думой княжеской.

Совѣты со всею дружиною касались только военныхъ дѣлъ или же такихъ, когда дѣло касалось и князя и дружины. Наша лѣтопись очень часто разсказываетъ объ этихъ княжьихъ думахъ съ его дружиною. Вотъ, напр., совѣщаніе новгородскаго князя Святослава Ростиславича (сына Ростислава Мстиславича Смоленскаго). Въ 1160 году пріятели Святослава изъ новгородцевъ приходятъ къ нему и заявляютъ, что новгородцы собираютъ вѣче, хотятъ плѣнить Святослава. Разспросивъ новгородцевъ, князь являетъ рѣчь ихъ дружинѣ. И сказала ему дружина: „А прежде они тебѣ крестъ цѣловали послѣ смерти твоего отца; но они всегда не вѣрны къ своимъ князьямъ. Промыслимъ мы сами о себѣ прежде, чѣмъ люди начнутъ о насъ промышлять“. Князю оставалось только послѣдовать совѣту своей дружины. Рѣшеніе уйти изъ Новгорода не могло быть дѣломъ только думы князя съ небольшимъ кружкомъ своихъ бояръ, такъ какъ касалось всей дружины. Совѣщаніе князя съ дружиной не было простой декораціей. Въ очень многихъ случаяхъ даже и очень самостоятельные князья прислушивались къ голосу своей дружины. Достаточно напомнить,

что даже и такой любимый въ древней Руси князь, какъ Владиміръ Мономахъ, прислушивался къ голосу своей дружины. Въ 1095 году два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, подошли къ Переяславлю, гдѣ княжилъ Владиміръ, для того чтобы заключить миръ съ нимъ. Итларь вошелъ на ночь въ городъ къ своему пріятелю, Владимірову боярину Ратибору, взявъ заложникомъ сына Владиміра, Святослава. Дружина стала настаивать на избіеніи Итларя съ его воинами. Владиміръ не соглашался: „Какъ я могу это сдѣлать, когда я присягалъ?“ говорилъ князь. И дружина все-таки настояла на своемъ: она выкрала Стятослава изъ лагеря и коварно убила обоихъ хановъ.

Совѣщанія князя со всею дружиною были очень часты. Но, тѣмъ не менѣе, это были экстраординарныя совѣщанія. Къ нимъ князья прибѣгали во время войны или вообще въ такихъ случаяхъ, когда надо было „изострить“ сердца дружины. Текущая жизнь, управленіе княжествомъ проходила при ближайшемъ участіи небольшой группы старѣйшаго боярства, окружавшаго князя. Эти бояре составляли при князѣ его княжескую думу.

Прежде всего очень важно опредѣлить, какіе бояре могли входить въ княжескую думу, т.-е. были ли въ княжествѣ совѣтники, которыхъ князья обязаны были приглашать на совѣщанія, или же князь обращался за совѣтомъ къ кому ему угодно изъ свой дружины, и составъ совѣта каждый разъ мѣнялся.

Выборъ совѣтниковъ принадлежалъ самому князю. Когда въ 1169 году между княземъ Владиміромъ Мстиславичемъ дорогобужскимъ и его боярами произошла распря, то князь, посмотрѣвъ на своихъ дѣтскихъ, сказалъ: „Такъ вотъ эти будутъ моими боярами“, т.-е., иными словами, объявилъ, что онъ будетъ призывать своихъ младшихъ дружинниковъ на княжескіе совѣты. Такимъ образомъ, князь пользовался свободой въ выборѣ своихъ думцевъ; но на практикѣ древнерусскіе князья очень рѣдко прибѣгали къ такому выбору. Съ теченіемъ времени около князей образовались группы бояръ изъ постоянныхъ совѣтниковъ. Выборъ думцевъ.

Былъ цѣлый рядъ условій, которыя связывали князя съ боярской группой его княжества. Князь выростаетъ среди бояръ своего отца и, переходя на самостоятельное княженіе, переходитъ съ отцовскими же боярами. Эти бояре являются, конечно, княжескими совѣтниками и тогда, когда князь занимаетъ отчій столъ. Еще въ молодости князь привыкаетъ съ большимъ почтеніемъ относиться къ похвалѣ или порицанію своихъ отчихъ бояръ. Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій первыя похвалы своей храбрости услышалъ отъ отчихъ мужей. Когда Владиміръ Мономахъ и Святополкъ задумали покончить многолѣтнія распри съ Ольговичами, они звали Олега Святославича на совѣщаніе, чтобы „положить рядъ передъ епископами, игуменами и мужами отцовъ нашихъ“. Понятно, что такимъ образомъ въ боярскомъ классѣ князья находятъ рядъ очень близкихъ лицъ, къ которымъ и обращаются за совѣтами.

Значеніе бояръ.

Бояре были помощниками князя во всѣхъ отношеніяхъ: они отъ имени князя правятъ посольства, управляютъ городами въ качествѣ посадниковъ, держатъ тысячу, т.-е. являются военачальниками земскаго ополченія. Бояре ведутъ войска въ тѣхъ случаяхъ, когда этого не можетъ сдѣлать князь. Князь издавалъ законы по совѣту со своими боярами. Обыкновенно въ законодательный актъ записывались имена бояръ, по совѣту съ которыми изданъ законъ. Такъ, послѣ смерти Ярослава его три сына собрались вмѣстѣ съ тремя своими мужами: Коснячкомъ, Перенѣгомъ и Никифоромъ, и сообща издали постановленіе, отмѣняющее обычай кровавой мести и замѣняющее его вирой. Владиміръ Мономахъ для обсужденія и изданія своего закона о рѣзахъ, т.-е. о процентахъ, созвалъ на совѣщаніе въ село Берестово нѣкоторыхъ своихъ мужей, въ числѣ которыхъ было три тысяцкихъ: кіевскій—Ратиборъ, бѣлогородскій—Прокопій и переяславскій—Станиславъ. Весьма замѣчательно, что великій князь для этого важнаго совѣщанія вызвалъ изъ городовъ тысяцкихъ. Въ законахъ, изданныхъ князьями вмѣстѣ со своими мужами, всегда говорится: „уставили“, „уставиша“ (т.-е. князья съ боярами), т.-е. мужи были призваны не только для совѣщанія, но и для изданія законовъ. Изъ предыдущаго, между прочимъ, видно, что въ со-

вѣтѣ князя сидятъ административныя лица. Но въ этомъ совѣтѣ сидѣли не только тысяцкіе, но и другіе администраторы, напр., окольничіе, дворскіе, т.-е. дворецкіе, печатники, намѣстники. Вообще слѣдуетъ сказать, что къ XIII вѣку княжеская дума представляетъ собою совѣтъ, въ которомъ большею частью сходились бояре, вѣдавшіе какою-нибудь отраслью управленія. Въ важныхъ случаяхъ въ совѣтъ призывался мѣстный епископъ или его намѣстникъ.

Боярскій совѣтъ не былъ многочисленъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ источники перечисляютъ его и насчитываютъ человѣкъ шесть, семь, иногда десять. Бояре приходили къ князю ежедневно. Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи совѣтуетъ дѣтямъ дѣлать такъ, какъ и онъ самъ дѣлалъ: встрѣчать восходъ солнца молитвами и, сходивъ въ церковь, садиться думать съ дружиною и оправливать людей, т.-е. заниматься текущею административною и судебною дѣятельностью. Преподобный Ѳеодосій печерскій, какъ разсказываетъ его жизнеописатель, ѣдучи на разсвѣтѣ изъ княжескаго терема къ себѣ въ монастырь, встрѣчалъ на дорогѣ вельможъ, направляющихся къ князю. Значитъ, это раннее думанье князя съ дружиною было дѣломъ обычнымъ въ то время.

Засѣданія думы.

Итакъ, вся дѣятельность князя—административная, судебная, законодательная проходитъ при совѣщаніяхъ съ боярами; даже его личныя дѣла обсуждаются имъ вмѣстѣ съ тѣми же боярами. Чтобы отчетливѣе себѣ представить ту тѣсную связь, которая существовала между княземъ и мужами, мы разскажемъ нѣсколько совѣщаній. Такъ, въ 1111 г. Владиміръ Мономахъ сталъ побуждать великаго князя кіевскаго Святополка къ походу на половцевъ. Святополкъ передалъ своей дружинѣ предложеніе Владиміра Мономаха. Дружинники отвѣтили Святополку: „Теперь не время, придется оторвать смерда отъ его плуга“. Святополкъ не рѣшился настаивать и послалъ къ Владиміру сказать: „Съѣдемся и подумаемъ вмѣстѣ съ дружиною“. Князья со своими совѣтниками съѣхались въ Долобскѣ. Очень интересно дальнѣйшее описаніе самой думы. Оба князя сѣли въ одномъ шатрѣ; съ одной стороны Владиміръ съ дружиной, а съ другой—Святополкъ. Никто изъ собравшихся не рѣшался начать рѣчь. Наконецъ, Владиміръ сказалъ, обра-

щаясь къ Святополку: „Братъ, ты старше, почни говорить, какъ бы намъ промыслить о русской землѣ“. Святополкъ предложилъ, однако, Владиміру начать рѣчь, и тотъ сказалъ: „Я бы и хотѣлъ говорить, да мнѣ возражаетъ и твоя и моя дружина, говоря: онъ хочетъ погубить смердовъ и ихъ пашни. Но вотъ что мнѣ дивно, братіе, что смердовъ вы жалѣете и ихъ коней, а вотъ о томъ не подумаете, что на весну начнетъ смердъ пахать своей лошадью, и пріѣдетъ половчинъ, пронзитъ смерда стрѣлой, заберетъ его лошадку, и жену его, и дѣтей его, и гумно его сожжетъ. Такъ вотъ почему вы объ этомъ не думаете?“ И сказала тогда вся дружина: „Право, воистину такъ“. Тогда и Святополкъ сказалъ: „Я, братъ, готовъ съ тобой“. Хотя по лѣтописному обыкновенію здѣсь вездѣ говорится о совѣщаніи князей съ дружиною, но здѣсь выступаетъ только старшая дружина обоихъ князей. Изъ этого совѣщанія видимъ также обычай, господствовавшій въ думѣ; рѣчь начиналъ старшій. Видно также и то, что князь не могъ ничего приказать своей дружинѣ: надо было ее убѣдить, какъ это сдѣлалъ Мономахъ, или согласиться съ ея мнѣніемъ — уступить ей, какъ это вначалѣ сдѣлалъ Святополкъ.

Въ древнѣйшей лѣтописи разсказано множество случаевъ такихъ совѣтовъ князя со своими мужами. Остановимся еще на одномъ эпизодѣ, довольно продолжительномъ, который показываетъ намъ, что древнерусскій князь постоянно, во всѣхъ дѣлахъ, совѣщался съ боярами. Князь Рюрикъ Ростиславичъ въ 1194 году сѣлъ на княженіе въ Кіевъ. Но въ самомъ началѣ его княженія случился эпизодъ довольно щекотливаго свойства. Самымъ сильнымъ княземъ на Руси, старѣйшимъ изъ всѣхъ князей, былъ Всеволодъ Большое Гнѣздо, князь суздальскій. Онъ прислалъ къ Рюрику своихъ пословъ съ требованіемъ отдать ему тѣ волости въ Кіевской землѣ, которыя уже отдалъ Рюрикъ своему зятю Роману Мстиславичу и крестъ на томъ цѣловалъ. Противникъ былъ сильный. Рюрикъ началъ думать съ мужами своими, и сначала онъ былъ склоненъ довести дѣло даже до войны. Митрополитъ Никифоръ, призванный въ думу, совѣтывалъ отступить отъ крестнаго цѣлованія во избѣжаніе кровопролитія. Князь Романъ соглашался на замѣну городовъ. Рюрикъ, обдумавъ все дѣло съ мужами

своими, передалъ города Всеволоду. Но Всеволодъ, получивъ города, лучшій изъ нихъ, Торческъ, отдалъ своему зятю Ростиславу, сыну самого Рюрика. Князь Романъ во всемъ этомъ увидѣлъ обманъ и сталъ готовиться къ войнѣ въ союзѣ съ черниговскими Ольговичами. Снова собралъ князь Рюрикъ своихъ мужей, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было послать къ Всеволоду съ просьбой о помощи, а къ самому Роману—послать мужа, чтобъ обличить его неправду. Дѣло не дошло до войны, такъ какъ Романъ успѣлъ проиграть битву въ войнѣ съ поляками и долженъ былъ самъ извиняться передъ Рюрикомъ. Митрополитъ ходатайствовалъ за Романа. На совѣтѣ съ мужами своими Рюрикъ отпустилъ вину Роману и установилъ условія, на которыхъ готовъ съ нимъ помириться. На совѣтѣ съ тѣми же мужами были выработаны и способы, какъ помирить князя Всеволода съ черниговскими Ольговичами.

Этотъ маленькій эпизодъ показываетъ, что дума съ боярами была зауряднымъ, необходимымъ условіемъ княжеской дѣятельности. Всѣ узлы этого эпизода обсуждались мужами въ думѣ.

Обязанность князя совѣтываться съ думой.

Но теперь спрашивается: долженъ ли былъ древнерусскій князь совѣщаться со своими боярами и въ какихъ именно случаяхъ? Княжескій совѣтъ создался въ силу обычая и удобствъ. Существованіе такого совѣта, конечно, не было опредѣлено никакими законами, и на князя не налагалось никакихъ обязательствъ призывать бояръ въ свой совѣтъ. Точно такимъ же образомъ не существовало и обязательнаго состава совѣта. Но если рядъ особыхъ условій, какъ мы видѣли, побуждалъ князя пользоваться совѣтами лицъ не только тѣхъ, какія ему были пріятны, такъ точно и совѣщаніе съ этими думцами вызывалось практическою необходимостью и поддерживалось обычаями. Конечно, если князю не люба была рѣчь его думцевъ, онъ могъ не повѣдать имъ своей думы, могъ, наконецъ, не послушать ихъ совѣта. Такіе случаи иногда и бывали, но для князей часто оканчивались печальными послѣдствіями, такъ какъ лишиться помощи бояръ въ нужную минуту было дѣломъ очень опаснымъ. Князь Владиміръ Мстиславичъ въ 1169 году преступилъ крестное цѣлованіе и вошелъ въ союзъ съ предводителями берендичей противъ кіевскаго князя Мсти-

слава Изяславича. Задумавъ это, онъ послалъ къ своимъ боярамъ съ извѣстіемъ. Но тѣ ему отвѣтили: „О себѣ, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ мы съ тобой. Мы того не вѣдали“. Старшая дружина не поѣхала съ Владиміромъ. Когда же берендичи увидѣли Владиміра безъ союзниковъ и безъ мужей, то встрѣтили его стрѣлами, и князь принужденъ былъ бѣжать.

Даже сильному князю было небезопасно пренебрегать совѣтами мужей. Противъ Владиміра, князя галицкаго, который „думы не любилъ съ мужами своими“, возстали галицкіе бояре, выступили противъ него со своими полками, такъ что Владиміръ принужденъ былъ бѣжать. Извѣстно, что и Андрей Боголюбскій прогналъ „переднихъ мужей отца своего“, но конецъ его былъ весьма печаленъ. Бояре были сильны не только своими полками, но и своимъ вліяніемъ на населеніе и даже на другихъ князей. Независимо даже отъ силы и значенія каждаго отдѣльнаго боярина, само древнерусское общество было проникнуто воззрѣніемъ, обязывавшимъ князя обращаться къ совѣту бояръ и притомъ преимущественно мѣстныхъ бояръ, къ руководству которыхъ привыкло населеніе. Поэтому населеніе всегда враждебно относилось къ такимъ князьямъ, которые, садясь на столъ, приходили съ своею дружиною чуждаго племени.

Итакъ, тогдашнія условія дѣлали княжескую думу, состоящую изъ вліятельныхъ и преимущественно мѣстныхъ бояръ, необходимымъ элементомъ въ управленіи.

III.

Княжеская администрація.

Княжеская дума была только совѣщательнымъ органомъ. Въ ней засѣдали и нѣкоторые изъ представителей княжеской администраціи. Теперь нужно разсмотрѣть характеръ и обязанности послѣдней. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что древнерусская администрація отличалась большою простотою своего устройства. Она не была похожа на современный государственный механизмъ. Теперь, напримѣръ, въ каждомъ государствѣ установилось большое отличіе мѣстныхъ органовъ управленія, завѣдующихъ какою-нибудь областью, отъ центральныхъ органовъ государства, завѣдующихъ какою-нибудь отраслью управ-

ленія по всему государству. Въ настоящее время также отличаются личные слуги государя отъ администраторовъ, завѣдующихъ государственнымъ управленіемъ, такъ что дѣла осударственнаго управленія вовсе не смѣшиваются съ частными дѣлами монарха. Древность не знала такихъ разграниченій.

Княжеская администрація состояла изъ чиновниковъ, которыхъ можно разбить на двѣ группы: къ первой группѣ относятся такіе чиновники, которые являются органами государственнаго управленія въ собственномъ смыслѣ; вторая группа состояла изъ личныхъ слугъ князя, исполнявшихъ дворцовыя обязанности, но въ то же время имѣвшихъ порученія по управленію княжествомъ. Поэтому, будучи слугами князя, они были и государственными чиновниками.

Во главѣ первой группы стоятъ должности *посадниковъ* и *тысяцкихъ*.

Посадникъ замѣнялъ собою въ городѣ или въ цѣлой области лицо князя. Посадники были во всѣхъ городахъ, такъ что „посадить посадниковъ по городамъ“ означало тоже, что занять города, присоединить ихъ. Только въ томъ городѣ, гдѣ жилъ князь, посадника не было, за исключеніемъ Новгорода, гдѣ выборный посадникъ былъ рядомъ съ княземъ. Такъ какъ посадникъ замѣнялъ собою лицо князя, то тѣмъ самымъ опредѣляются и его обязанности: посадникъ вѣдалъ судъ, полицію. Для исполненія полицейскихъ обязанностей у посадниковъ были свои отроки. Вѣроятно, они же и составляли гарнизонъ города, начальникомъ котораго былъ тотъ же посадникъ. Такое положеніе посадника вызывалось простою необходимостью: нерѣдко мы узнаемъ, что князья сажаютъ посадниковъ въ только что завоеванные города среди враждебно настроеннаго населенія. Надо думать, что въ такихъ случаяхъ въ распоряженіи посадниковъ была военная сила. По своей военной обязанности посадники, вѣроятно, назывались иногда воеводами; званіе воеводъ обыкновенно прилагалось къ тысяцкимъ; но тысяцкихъ было очень немного, только въ большихъ округахъ, и тысяцкіе были близкими къ земству людьми; между тѣмъ иногда воеводы небольшихъ городовъ имѣли достаточно силы, чтобы держать городъ противъ воли вѣча въ подчиненіи своему князю. Со второй половины XII вѣка вмѣсто простыхъ

Посадникъ.

мужей посадничать въ города посылаются мелкіе князья; такъ, напр., въ Кіевской землѣ было нѣсколько городовъ, въ которыхъ посадничали подручные князья въ зависимости отъ великаго князя. Такое совмѣщеніе должности посадника въ лицѣ зависимаго князя было тѣмъ легче, что должность посадника замѣняла собой князя. Посадничать въ городѣ было выгодно, потому что съ судомъ и управленіемъ соединялось собираніе доходовъ, часть которыхъ шла въ казну князя. Оттого съ конца XII вѣка стали говорить объ управленіи городами, какъ о раздачѣ „кормовъ“: „Даніилъ,—говоритъ лѣтопись, роздалъ города боярамъ своимъ и воеводамъ, и было у нихъ корма много“.

Тысяцкій.

Другимъ очень древнимъ чиновникомъ былъ *тысяцкій,* иногда называвшійся еще воеводою. Тысяцкій былъ начальникомъ земскаго ополченія, такъ что подчиненный ему округъ назывался тысячею. Въ нѣкоторыхъ княженіяхъ было по нѣскольку тысяцкихъ; напр., въ Кіевскомъ были: кіевскій, бѣлгородскій и вышгородскій тысяцкіе. Кажется, что вмѣсто тысячи иногда употреблялось еще названіе полка, какъ для дѣленія территоріи, такъ для военнаго отряда. Тысяцкому были подвѣдомственны сотскіе и десятскіе. Такимъ образомъ, земское ополченіе имѣло своихъ особыхъ начальниковъ и было раздѣлено на тысячи, сотни и десятки. Но это числовое дѣленіе въ дѣйствительности не соблюдалось и тысяча была просто, какъ и сотня, округомъ.

Происхожденіе какъ тысяцкихъ съ ихъ подчиненными, такъ и числового раздѣленія объясняется такимъ образомъ: до объединенія русскихъ племенъ подъ главенствомъ Кіева такого дѣленія не могло быть; но когда понадобилось при первыхъ князьяхъ собирать земское ополченіе для тогдашнихъ частыхъ походовъ, то, очевидно, должна была возникнуть военная организація и, конечно самая простая—по числовому принципу. Начальниковъ этого ополченія—тысяцкихъ—назначалъ князь. Такъ это велось и впослѣдствіи. Тысяцкій вообще былъ очень важнымъ чиновникомъ: въ княжеской думѣ онъ занимаетъ самое видное мѣсто, пользуется большимъ вліяніемъ на населеніе.

Сотскіе не только были представителями военной администраціи: они вообще были представителями общинъ. Посадники и тысяцкіе съ ихъ подчиненными являются чиновниками съ характеромъ государственнымъ. Съ такимъ же характеромъ были еще слѣдующіе чины. *Печатникъ* прилагалъ княжескія печати къ грамотамъ; это было важное лицо. Были довольно важные чиновники финансоваго вѣдомства. Такимъ былъ, напр., *таможникъ*, завѣдывавшій сборомъ пошлинъ съ привозимыхъ для продажи товаровъ. Ему были подчинены особые сборщики—*куноемцы*. Такой таможникъ былъ въ Смоленскѣ. Въ Кіевѣ важнѣйшее лицо, собиравшее пошлины съ товаровъ и вѣдавшее торговой полиціей,—называлось *осмникъ*. Въ Новгородѣ осмники наблюдали за постройкою мостовъ. Мелкіе сборщики, стоявшіе на мостахъ, на перевозахъ, на рынкахъ у вѣсовъ, назывались *мытниками*. Лицо, завѣдывавшее постройкою мостовъ, называлось *мостникомъ*, а *городникъ* вѣдалъ постройкою городскихъ стѣнъ. При судѣ были особые чиновники, какъ *вирники**), *мечники*, *метельники*, *дѣтскіе*, *отроки*. Два послѣднія названія, дѣтскихъ и отроковъ, были собственно названіемъ младшихъ дружинниковъ. Какъ таковые, они иногда получали отъ князя самыя разнообразныя назначенія, посылались даже посадниками въ города и пр. Низшіе органы.

Какъ видимъ, эта администрація очень немногочисленна; ее дополняла администрація княжескаго двора. Сравнительно съ первою, т.-е. собственно, съ посадниками и тысяцкими, эта дворовая администрація болѣе поздняго происхожденія и она входитъ въ силу только съ половины XII вѣка, особенно въ XIII. Это понятно, потому что стоитъ вспомнить только простой образъ жизни такихъ князей, какъ Олегъ, Святославъ, чтобы сообразить, что при нихъ не было мѣста княжескому двору и придворному штату. Ольгѣ, Святославу прислуживали нѣсколько отроковъ. Но уже Владиміръ Мономахъ, который за всѣмъ самъ смотрѣлъ въ домѣ, который самъ, напримѣръ, вѣдалъ весь снарядъ, относящійся къ охотѣ, охотничьимъ соколамъ и ястребамъ, былъ уже исключеніемъ среди князей.

---

*) Нѣкоторые ученые полагаютъ, что посадникъ и вирникъ одно и то же лицо; другіе,—что вирникъ былъ сборщикомъ виръ при княжескомъ судѣ или при посадникѣ.

Важнѣйшія обязанности при княжескомъ дворѣ лежали на тіунахъ.

Чины княжескаго двора. Тіуны.

Тіунство значитъ прежде всего наемъ въ услуженіе. Въ то время слуги большею частью были холопами, гораздо рѣже свободными. Русская Правда предвидитъ, что человѣкъ, сдѣлавшійся тіуномъ или ключникомъ безъ договора, становился холопомъ; изъ этого видно, что тіунъ и ключникъ обыкновенно были изъ рабовъ. Тіуны бывали и у частныхъ лицъ съ такими же обязанностями, какъ и у князя. Тіунами назывались слуги для самыхъ разнообразныхъ порученій по княжескому хозяйству. Такъ, тіуны вмѣстѣ съ ключниками вѣдали княжеское добро, драгоцѣнности, одежду, домашнюю утварь. Тіуны завѣдывали стадами, а особые сельскіе тіуны изъ холоповъ были старшими надъ прочею челядью. Такимъ образомъ, тіуны являются прежде всего приставниками къ различнымъ отраслямъ хозяйства.

Но близость къ князю дѣлала то, что тіунамъ поручались и дѣла по управленію княжествомъ. Такъ, встрѣчаемъ тіуновъ, которые посылаются для постройки города. Въ Смоленскомъ княжествѣ на волокѣ, соединявшемъ одну часть великаго воднаго пути съ другой, былъ особый тіунъ, который наблюдалъ за порядкомъ при перегрузкѣ товаровъ, заботился о безопасности пріѣзжихъ иностранныхъ купцовъ. Такимъ образомъ, онъ исполнялъ полицейскія обязанности. Это уже тіуны, исполнявшіе государственную службу и вышедшіе изъ приниженнаго положенія слуги, большею частью раба. Обыкновенно князья поручали своимъ тіунамъ судъ вмѣсто себя. Оттого тіунъ, какъ чиновникъ,—судья по преимуществу.

Среди тіуновъ мы встрѣчаемъ и близкихъ къ князю лицъ. Съ теченіемъ времени выдѣляется одна тіунская должность. При княжескомъ хозяйствѣ можно различить три главнѣйшія должности тіуновъ: сельскаго тіуна, конюшаго тіуна и огнищнаго тіуна. Сельскій тіунъ—самъ холопъ и начальникъ надъ холопами же въ порученномъ ему селѣ; это сельскій приказчикъ. Конюшій тіунъ, это—старшій конюхъ, впослѣдствіи, въ московскій періодъ, превратился въ очень важную должность ближайшаго при царѣ конюшаго боярина. Но въ древнѣйшій періодъ выше всѣхъ поднялся огнищный тіунъ, т.-е. начальникъ надъ

княжескимъ огнищемъ, дворомъ. По своей должности дворецкаго это былъ тотъ же ключникъ; такимъ именемъ огнищный тіунъ иногда и назывался. Уже XII вѣкѣ это было очень сильное лицо. Даже такой самостоятельный человѣкъ, какимъ былъ князь Андрей Боголюбскій, не избѣжалъ вліянія своего слуги: у него былъ ключникъ Анбалъ, который „ключъ держалъ у всего дома, и во всемъ ему князь волю давалъ". И такой сильный человѣкъ былъ, по всей видимости, или рабомъ или, по крайней мѣрѣ, совершенно случайно возвысившимся человѣкомъ: онъ родомъ былъ съ Кавказа и началъ свою службу въ рубищѣ, а кончилъ въ багряницѣ.

Около половины XII в. или немного позже тіунъ огнищный, или главный ключникъ, большею частью называется дворскимъ, т.-е. дворецкимъ (это названіе буквально соотвѣтствуетъ „огнищному"). Раньше всего высокое значеніе должность дворскаго получила въ Галицкомъ княженіи. На дворѣ Даніила это — первый сановникъ. Онъ уже вѣдаетъ не только дворомъ княжескимъ, но и командуетъ войсками, начальствуетъ въ городѣ въ отсутствіе князя. Впослѣдствіи и въ Московскомъ государствѣ должность дворецкаго возлагалась на самаго важнаго боярина.

Итакъ изъ огнищнаго тіуна, большею частью раба, постепенно выработалась высшая должность въ государствѣ.

Съ теченіемъ времени изъ княжихъ дворовыхъ слугъ вышло и еще нѣсколько важныхъ чиновниковъ. Такими были, напримѣръ, *ловчіе*, которые вѣдали княжеской охотою. Они сдѣлались финансовыми чиновниками. Затѣмъ *стольники*, первоначально служившіе за княжескимъ столомъ, стали употребляться для дипломатическихъ и административныхъ порученій. *Окольничій* завѣдывавшій приготовленіемъ помѣщенія для князя, сидитъ уже въ княжеской думѣ вмѣстѣ съ передними боярами.

Ловчіе стольники и окольничій.

Такъ слуги постепенно, вслѣдствіе близости къ князю, сдѣлались видными чиновниками. Обязанности этихъ слугъ, сначала невидныя, недостойныя свободнаго человѣка, съ теченіемъ времени дѣлаются весьма почетными. Конечно, дворскій, окольничій и др. въ XIII вѣкѣ уже не несутъ постоянно тяжелой службы по управленію княжескимъ хозяйствомъ: для этого есть настоящіе слуги—холопы. Только въ парадныхъ

случаяхъ дворскій появляется со своими ключами, стольники прислуживаютъ за княжимъ столомъ и пр.

Такъ въ представленіи людей того времени смѣшивались понятія о службѣ государственной съ понятіями княжескаго слуги.

Заключенія.

Обзоръ чиновъ княжеской администраціи показываетъ, что она была весьма немногочисленна, не отличалась строгою системою. Больше того, можно сказать, что системы совсѣмъ не было. Только низшіе чины имѣли должности съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей (въ родѣ мытниковъ, вирниковъ и т. п.). Но обязанности крупныхъ должностныхъ лицъ не отличались такою опредѣленностью, какъ должности посадниковъ, тысяцкихъ. Своимъ дворовымъ слугамъ князь даетъ разнообразныя порученія. Все это объясняется тѣмъ взглядомъ на княжеское управленіе, который существовалъ въ деревней Руси. Все сводилось къ личнымъ качествамъ князя, и для управляемыхъ было безразлично, какіе чиновники будутъ при князѣ, и какъ будутъ распредѣлены ихъ обязанности. Князь долженъ былъ нести лично бремя управленія, а если гдѣ не могъ успѣть, посылалъ вмѣсто себя своихъ бояръ или своихъ личныхъ слугъ.

Отношеніе населенія къ княжеской администраціи.

Теперь, въ заключеніе нашего очерка княжеской администраціи, интересно задаться вопросомъ о томъ, какъ относилось само населеніе къ княжеской администраціи, было ли оно ею довольно. Разумѣется, тутъ не можетъ быть одной общей мѣрки. Но древность оставила намъ рядъ безконечныхъ жалобъ населенія на княжескихъ тіуновъ и бояръ: не даромъ такъ поддерживался и идеалъ князя, лично ведущаго все управленіе. Каждый тіунъ сдѣлался синонимомъ грабителя населенія, человѣка алчнаго, у котораго нѣтъ правосудія.

Сохранился разсказъ, передающій разговоръ тверского епископа Симеона съ княземъ Константиномъ полоцкимъ (XIII в.). Князь однажды освѣдомился у епископа: „Гдѣ быть тіунамъ нашимъ на томъ свѣтѣ?—„Тамъ, гдѣ будетъ и князь“, отвѣчалъ епископъ. Князь обидѣлся.—„Тіунъ неправо судитъ, мзду емлетъ, зло дѣлаетъ, а я что дѣлаю?“ говоритъ князь. На это епископъ далъ такое поученіе: добрый князь избираетъ и волостелемъ добраго и праведнаго мужа; такой князь будетъ въ раю, а съ нимъ и тіунъ. Напротивъ, недобрый князь, жадный

къ деньгамъ, требуетъ, чтобы тіунъ добывалъ ему побольше денегъ, напускаетъ его на людей, какъ голоднаго пса на мясо: такой князь будетъ въ аду, а тіунъ съ нимъ. Въ древнерусской литературѣ есть рядъ поученій о судьяхъ и князьяхъ, неправо судящихъ и мзду пріемлющихъ. Эти поученія, частью оригинальныя, частью переводныя съ греческаго, угрожаютъ судящимъ неправо, безъ милосердія наказаніемъ, судомъ Божіимъ. Въ то время вошелъ даже въ поговорку совѣтъ: не имѣй двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что его тіунъ, какъ огонь отъ сухихъ дровъ, а рядовичи его (т. е. помощники), какъ искры: если остережешься отъ огня, то отъ искръ не можешь остеречься, не можешь уберечь своего платья. Такъ говоритъ Слово Даніила Заточника. Даже пріятели тіуновъ грѣшатъ тѣмъ же. Про св. Никиту, угодника печерскаго, его житіе разсказываетъ, что до своего подстриженія въ монастырѣ онъ велъ дружбу съ мытарями и судьями, почему причинялъ людямъ много мятежей и напастей и неправды.

Не удивительно поэтому, что до насъ дошло немало извѣстій, разсказывающихъ о народныхъ волненіяхъ, направленныхъ противъ судей, тіуновъ, тысяцкихъ и другихъ правителей, а также и противъ князей, назначавшихъ такихъ лицъ. Эти народныя вспышки обыкновенно кончались грабежомъ такихъ судей.

Прежде чѣмъ окончить изложеніе вопроса о княжеской администраціи, надо обратить вниманіе еще на одну сторону дѣла. Княжеская администрація вообще была немногочисленна и не пользовалась, какъ мы видимъ, особенно лестной репутаціей въ средѣ населенія. Однако, населеніе вовсе не находилось въ полномъ и безотвѣтномъ подчиненіи, во всѣхъ отношеніяхъ, этой администраціи. Оно имѣло и свои органы управленія и контролировало дѣятельность княжеской администраціи. Населеніе разбивалось на „міры“ (терминъ, уже хорошо извѣстный Русской Правдѣ). Міры, общины, были сельскіе (верви) и городскіе (послѣдніе въ большихъ городахъ еще разбивались на кончанскіе и уличанскіе) и имѣли своихъ выборныхъ представителей. Всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались на сходкахъ, здѣсь же обсуждалась, какъ и на вѣчахъ всей земли, Мѣстные міры.

дѣятельность посадниковъ и др. лицъ. Изъ перечня чиновъ немногочисленной княжеской администраціи легко замѣтить, что она больше всего развита по финансовой части, т.-е. по сбору пошлинъ, и по судебной. Собираніе пошлинъ вполнѣ находилось въ рукахъ сборщиковъ, но уже на судѣ постоянно фигурируютъ „добрые люди“ и вообще представители общинъ, самый процессъ судебный отправляется публично: все это служило защитою членамъ общины отъ несправедливости княжескихъ посадниковъ и тіуновъ.

М. Довнаръ-Запольскій.

Судъ въ эпоху Русской Правды*).

I.

Судебная власть въ эпоху Русской Правды, т.-е. въ XI и XII вв., принадлежала князю. Онъ осуществлялъ эту власть, т.-е. творилъ судъ и расправу, или самъ лично или чрезъ посредство своихъ чиновниковъ—посадниковъ и тіуновъ. Можно сказать, что отправленіе княземъ правосудія было его обычнымъ занятіемъ. Владиміръ Мономахъ говоритъ въ своемъ Поученіи, что князь, вставъ раннимъ утромъ и воздавъ хвалу Богу, долженъ либо совѣтоваться съ дружиной о разныхъ дѣлахъ, либо „оправливати", т.-е. судить людей. О полоцкомъ князѣ Всеславѣ говорится въ „Словѣ о полку Игоревѣ", что онъ *судилъ людей*.

Судъ происходилъ на княжескомъ дворѣ. Само собой разумѣется, что въ то отдаленное время, о которомъ мы говоримъ, обстановка суда отличалась необыкновенной простотой, была совершенно чужда той торжественности, которая присуща современному суду. Вѣроятно, въ опредѣленное время князь выходилъ *въ сѣни*, садился и начиналъ чинить судъ и расправу: къ нему приходили тяжущіеся, къ нему приводили преступниковъ. Поймалъ ли кто вора на мѣстѣ преступленія, онъ связывалъ его и приводилъ на княжескій дворъ; возникалъ ли споръ между братьями о наслѣдствѣ, они шли къ князю. Внѣшняя обстановка суда.

Понятно, что князь могъ лично отправлять правосудіе только въ своей резиденціи, въ томъ городѣ, гдѣ онъ имѣлъ мѣстопребываніе; но и здѣсь онъ далеко не всегда самъ могъ судить людей: различныя дѣла и преимущественно походы заставляли его довольно часто покидать свою резиденцію. Вотъ почему онъ назначалъ въ помощь себѣ *тіуна*, особенное долж- Лица, отправлявшія правосудіе.

---

*) *Важнѣйшая литература:* см. слѣд. статью.

ностное лицо, которое обязано было чинить судъ и расправу въ отсутствіе князя, а иногда, можетъ быть, даже и при немъ. Любопытенъ разсказъ лѣтописи подъ 1146 г. Изъ него мы узнаемъ, что кіевляне, собравшись на вѣче, стали жаловаться на Ратшу и Тудора, кіевскаго и вышгородскаго тіуновъ. „Ратша погубилъ Кіевъ,—говорили они,—а Тудоръ—Вышгородъ; теперь, князь Святославъ, цѣлуй крестъ вмѣстѣ съ твоимъ братомъ (Игоремъ Ольговичемъ) на томъ, что, если кому изъ насъ будетъ обида, ты самъ долженъ судить насъ". Святославъ сказалъ имъ: „Я цѣлую крестъ и за себя и за своего брата на томъ, что не будетъ вамъ никакого насилья, и что будетъ у васъ тіунъ *по вашей волѣ*". Святославъ хотѣлъ этимъ сказать, что тіунами будутъ назначаться лица угодныя кіевлянамъ.

Областными правителями были, какъ извѣстно, *посадники:* они являлись замѣстителями князя въ области, поэтому имъ принадлежала и судебная власть. Посадниками обыкновенно назначались члены старшей дружины, т.-е. бояре. Впрочемъ, иногда, въ видѣ исключенія, посадничество давалось и дѣтскимъ, т.-е. младшимъ дружинникамъ. Такъ, напр., въ 1176 г. Ростиславичи роздали посадничество въ Ростовской землѣ южно-русскимъ дѣтскимъ, которые „многую тяготу творили людямъ продажами и вирами", т.-е. денежными штрафами. Какъ въ княжеской резиденціи мѣстомъ суда служитъ княжескій дворъ, такъ въ томъ городѣ, гдѣ жилъ посадникъ, мѣстомъ суда былъ дворъ посадника. При судьѣ состояло нѣсколько чиновниковъ, между которыми были распредѣлены различныя обязанности. Таковы *отрокъ* или *дѣтскій* и *метальникъ*, или *метельникъ.* Отрокъ былъ, повидимому, чѣмъ-то въ родѣ теперешняго судебнаго пристава: онъ, напр., по приказанію судьи, помогалъ истцу схватить и связать его бѣглаго холопа; онъ же принималъ участіе въ дѣлежѣ наслѣдства между братьями тягавшимися о немъ передъ княземъ или посадникомъ. Метальникъ былъ писцомъ или, лучше сказать, секретаремъ суда, записывавшимъ суммы взысканій, налагаемыхъ судьей. Кромѣ отрока и метальника, были и другіе судебные чиновники—*мечникъ* и *ябетникъ;* но за неимѣніемъ данныхъ трудно сказать, въ чемъ заключались ихъ обязанности. Одни думаютъ, что

мечникъ держалъ на судѣ мечъ, какъ знакъ правосудія; другіе сближаютъ мечника съ метальникомъ. Что касается ябетника, то нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что это былъ чиновникъ, который помогалъ потерпѣвшимъ отыскивать воровъ и покражу по слѣдамъ преступленія. Можно вообще думать, что въ XI и XII вв. не было точнаго разграниченія обязанностей между различными судебными чиновниками: ихъ обязанности тѣсно соприкасались и даже переплетались между собой; они отличались другъ отъ друга больше названіями, чѣмъ характеромъ или кругомъ своихъ обязанностей. Вѣроятно, въ значительной степени отъ судьи зависѣло давать имъ тѣ или другія порученія.

Всѣ перечисленные судебные чиновники не имѣли самостоятельнаго значенія: они всецѣло зависѣли отъ судьи и должны были исполнять его приказанія.

Посадникъ и судебные чиновники не получали отъ князя опредѣленнаго вознагражденія, похожаго на теперешнее жалованье; они, можно сказать, кормились отъ суда. Въ ихъ пользу шла извѣстная часть отъ виръ и продажъ, т.-е. денежныхъ штрафовъ, которые налагались судомъ и поступали въ княжескую казну. Кромѣ того, они получали съ тяжущихся извѣстное вознагражденіе за нѣкоторыя судебныя дѣйствія. Такъ, напр., при испытаніи раскаленнымъ желѣзомъ, мечникъ и дѣтскій получали съ обвинителя, подвергавшаго обвиняемаго этому испытанію, опредѣленную денежную сумму. Точно такъ же братья, спорившіе объ отцовскомъ наслѣдствѣ, платили дѣтскому, который дѣлилъ ихъ.

Таковы были судьи и судебные чиновники въ эпоху Русской Правды.

Посмотримъ теперь, какъ происходилъ самый судъ. Суду, как извѣстно, предшествуетъ слѣдствіе. Въ настоящее время производство слѣдствія находится въ рукахъ государства, принадлежитъ общественной власти; для этого существуютъ особые чиновники. Не то было въ XI и XII вв.: тогда слѣдствіе было въ значительной степени дѣломъ частныхъ людей, велось заинтересованными лицами: кто [былъ обиженъ, тотъ искалъ своего обидчика. Въ Русской Правдѣ мы находимъ много указаній на производство слѣдствія самимъ истцомъ. Самъ истецъ, Судопроизводство. Сводъ.

напр., производилъ такъ называемый „сводъ“, т.-е. старался отыскать настоящаго отвѣтчика. Онъ же и „закликалъ на торгу“, т.-е объявлялъ на базарной площади, на рынкѣ, о пропажѣ у него какой-нибудь вещи или холопа. Предполагалось, что „закличъ“, т.-е объявленіе, сдѣланное хозяиномъ пропавшей или украденной вещи, долженъ былъ стать извѣстнымъ въ городѣ впродолженіе трехъ дней. Если по истеченіи трехъ дней послѣ „заклича“ истецъ находилъ свою вещь у какого-нибудь человѣка, то человѣкъ этотъ признавался отвѣтчикомъ: онъ былъ обязанъ не только возвратить вещь владѣльцу, но и уплатить уголовный штрафъ. Если же вещь была найдена до „заклича“, либо до истеченія трехдневнаго срока послѣ „заклича“, то начинался „сводъ“. Человѣкъ, у котораго находили пропавшую или украденную вещь, не признавался отвѣтчикомъ, потому что онъ могъ пріобрѣсти эту вещь отъ третьяго лица. Вотъ почему онъ не отдавалъ вещи собственнику, а долженъ былъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ идти къ третьему лицу, у котораго купилъ вещь. Если и третье лицо ссылалось на законный способъ пріобрѣтенія вещи, то сводъ продолжался всѣми заинтересованными. Истецъ не всегда обязанъ былъ идти до конца „свода“: это бывало только въ томъ случаѣ, если „сводъ“ вращался въ городѣ; если же онъ выходилъ за предѣлы города, переносился въ область, подчиненную городу, то истецъ долженъ былъ идти лишь до третьяго „свода“; тогда тотъ, до кого доходилъ третій „сводъ“, уплачивалъ истцу денежную сумму, равную по цѣнѣ вещи, а самъ продолжалъ „сводъ“ дальше. Если нужно было отыскать холопа, то собственникъ *во всякомъ случаѣ* шелъ только до третьяго „свода“. Третій пріобрѣтатель холопа обязанъ былъ отдать истцу своего раба, а самъ съ украденнымъ челядиномъ продолжалъ „сводъ“ дальше.

„Сводъ“ могъ имѣть троякій конецъ: 1) послѣдній владѣлецъ не былъ въ состояніи доказать, что онъ пріобрѣлъ вещь законнымъ способомъ; онъ признавался поэтому воромъ и долженъ былъ уплатить уголовный штрафъ и частное вознагражденіе; 2) послѣдній владѣлецъ, хотя и могъ доказать, что вещь перешла къ нему законнымъ путемъ, но не могъ указать того лица, отъ котораго онъ пріобрѣлъ вещь; 3) иногда случалось,

что „сводъ“ приводилъ къ границамъ государства. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ на владѣльцѣ, до котораго доходилъ „сводъ“, лежала обязанность доказать, что онъ купилъ вещь, а не укралъ ея; доказывалось это присягой двухъ свидѣтелей, присутствовавшихъ при покупкѣ, или одного мытника, т.-е. сборщика мыта—пошлины съ товаровъ, взявшаго мытъ съ проданной вещи.

Итакъ, производство довольно сложнаго „свода“ всецѣло лежало на истцѣ. Кромѣ того, истецъ и отвѣтчикъ сами должны были позаботиться объ отысканіи и представленіи на судъ свидѣтелей. Только въ одномъ случаѣ общественная власть оказывала содѣйствіе частному лицу: посадникъ былъ обязанъ помогать при поимкѣ бѣглаго холопа, давая истцу отрока; впрочемъ нужно сказать, что эта помощь не была даровой; истецъ долженъ былъ уплатить извѣстную денежную сумму. Въ иныхъ случаяхъ истцу при веденіи имъ слѣдствія оказывала помощь „вервь“, т.-е. община: такъ, члены „верви“ должны были ѣхать по слѣдамъ вора, должны были отыскивать вора въ предѣлахъ общины, искать убійцу, не захваченнаго на мѣстѣ преступленія. Впрочемъ, если „вервь“ находила всѣ эти поиски обременительными для себя, то могла отказаться отъ нихъ, уплативъ только штрафъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что каждый истецъ, каждый потерпѣвшій самъ исполнялъ обязанности судебнаго слѣдователя.

Вполнѣ естественно, что въ эпоху Русской Правды судебное разбирательство отличалось простотой, несложностью. Формы его были различны, смотря по характеру разбираемыхъ дѣлъ. Прежде всего неодинаково разбирались уголовныя и гражданскія дѣла. Кромѣ того, была также разница въ ходѣ судебнаго разбирательства по отдѣльнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Такъ, напр., если приходилъ въ судъ и приносилъ жалобу человѣкъ, избитый до синяковъ и крови, то все дѣло ограничивалось тѣмъ, что судья свидѣтельствовалъ истца, убѣждался въ присутствіи на его тѣлѣ крови и синяковъ и затѣмъ произносилъ приговоръ. Допроса свидѣтелей не было. По преступленіямъ противъ здоровья и чести, по такимъ дѣламъ объ убійствѣ, когда виновный былъ схва-

Судебное разбирательство.

ченъ на мѣстѣ преступленія, и по дѣламъ о воровствѣ, если были очевидцы этого преступнаго дѣянія, судъ состоялъ въ томъ, что допрашивался истецъ и „видоки", т.-е. свидѣтели-очевидцы, и только; при чемъ показанія этихъ послѣднихъ должны были быть вполнѣ согласны между собой и съ показаніемъ истца.

Нѣкоторой сложностью отличался судъ при „поклепѣ", когда извѣстное лицо привлекалось къ судебной отвѣтственности лишь по подозрѣнію въ совершеніи преступленія. Въ такомъ случаѣ прежде всего допрашивался истецъ; затѣмъ шелъ допросъ свидѣтелей, выставленныхъ истцомъ; эти свидѣтели знали только второстепенныя обстоятельства, наводившія на подозрѣніе. Чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, отвѣтчикъ долженъ былъ съ своей стороны выставить семь или, если онъ былъ иностранецъ, двухъ „послуховъ", т.-е. свидѣтелей его добраго поведенія—лицъ, которыя могли бы засвидѣтельствовать, что они знаютъ обвиняемаго съ хорошей стороны, что онъ извѣстенъ имъ, какъ человѣкъ добраго поведенія. Если обвиняемый не могъ выставить указанныхъ „послуховъ", то онъ подвергался испытанію желѣзомъ или водой, либо приносилъ присягу, въ зависимости отъ того, въ какомъ преступленіи онъ обвинялся—въ убійствѣ или воровствѣ; если на него падало подозрѣніе въ убійствѣ или воровствѣ на крупную сумму, то онъ подвергался испытанію посредствомъ желѣза; въ случаѣ обвиненія въ менѣе крупной кражѣ, примѣнялись испытаніе водой или присяга.

Что касается хода судебнаго разбирательства по гражданскимъ дѣламъ, то онъ сводился въ сущности къ двумъ видамъ: обыкновенно судъ заключался въ томъ, что допрашивались свидѣтели, выставленные истцомъ, и затѣмъ произносился приговоръ; рѣже допросу подвергались обѣ тяжущіяся стороны, потомъ отвѣтчикъ приносилъ присягу, послѣ чего постановлялось судебное рѣшеніе.

Судебныя доказательства.

Таково было въ общихъ чертахъ *судоговореніе* по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Теперь остановимся на *судебныхъ доказательствахъ*, практиковавшихся въ эпоху Русской Правды.

На первомъ планѣ нужно поставить *свидѣтельскія показанія*, которыми пользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и которыя примѣнялись въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Свидѣтели.

Въ Русской Правдѣ упоминаются двоякаго рода свидѣтели: во-первыхъ, „видоки"—свидѣтели въ нашемъ смыслѣ, свидѣтели-очевидцы, которые всегда выставлялись истцомъ; во-вторыхъ, „послухи"—это либо свидѣтели добраго поведенія обвиняемаго, либо свидѣтели совершенія какого-нибудь договора, напр., займа. Послухи обыкновенно выставлялись отвѣтчикомъ.

Свидѣтелями могли быть только свободные люди; къ „послухамъ" это правило примѣнялось безъ исключенія; что касается „видоковъ", то ими могли быть, въ случаѣ нужды, за неимѣніемъ свободныхъ людей, и люди несвободные и полусвободные. Само собой понятно, что „послухи", въ качествѣ свидѣтелей добраго поведенія, сами должны были отличаться такимъ же поведеніемъ, не могли быть людьми опороченными.

Въ эпоху Русской Правды свидѣтельскія показанія имѣли безусловную силу; имъ безусловно вѣрили, ихъ нельзя было оспаривать. Впрочемъ, для того, чтобы показанія „послуховъ" пріобрѣли значеніе неоспоримаго свидѣтельства, ихъ должно было быть опредѣленное число: если они были свидѣтелями добраго поведенія, то ихъ должно было быть семь человѣкъ (для иноземца—2); если же они являлись въ качествѣ свидѣтелей совершенія какого-нибудь договора, то ихъ требовалось не менѣе двухъ.

Кромѣ свидѣтельскихъ показаній, въ эпоху Русской Правды практиковались и другія судебныя доказательства, а именно: испытаніе посредствомъ желѣза и воды, „поле", т.-е. судебный поединокъ, и „рота", т.-е. клятва или присяга. Испытаніе желѣзомъ и водой; поле, присяга.

Испытаніе желѣзомъ и водой состояло, повидимому, въ томъ, что обвиняемый въ совершеніи убійства или кражи бралъ въ руку кусокъ раскаленнаго желѣза или опускалъ ее въ кипятокъ; оправдывался тотъ, у кого по истеченіи извѣстнаго времени пропадали слѣды отъ ожоговъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что это испытаніе было судомъ Божіимъ. Предполагалось, что самъ Богъ поможетъ невинному и быстро излѣчитъ на его рукѣ слѣды отъ обжоговъ. Такимъ же судомъ Божіимъ являлось и „поле", или судебный поединокъ. Хотя

въ Русской Правдѣ мы не находимъ ни одного слова о судебномъ поединкѣ, однако едва ли можно сомнѣваться, что въ XI и XII вв. прибѣгали къ этому виду суда Божія *). Главнымъ условіемъ судебнаго поединка было равенство сторонъ. Равенство это было двоякаго рода: во-первыхъ, люди, вступавшіе въ поединокъ, должны были обладать приблизительно одинаковыми физическими силами; поэтому мужчина выступалъ противъ мужчины, женщина — противъ женщины, но никогда мужчина не боролся съ женщиной; поэтому же люди старые и увѣчные, несовершеннолѣтніе, священники и монахи могли вмѣсто себя выставлять „наймитовъ", т.-е. наемныхъ бойцовъ; во-вторыхъ, лица, выходящія на поединокъ, обязаны были имѣть одинаковое оружіе; у насъ оружіемъ при поединкахъ были, повидимому, мечи и дубины. Можно предполагать, что мечами пользовались высшіе классы, а дубинами — низшіе.

Кто оставался побѣдителемъ въ судебномъ поединкѣ, тотъ и выигрывалъ дѣло, тотъ и признавался правымъ.

Что касается „роты" — присяги или клятвы, то она имѣла широкое примѣненіе при разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ, хотя употреблялась также (но гораздо рѣже) и въ уголовныхъ дѣлахъ.

Исполненіе приговора.

Послѣднимъ, заключительнымъ моментомъ судебнаго разбирательства было произнесеніе приговора. Но мало произнести приговоръ: нужно позаботиться о томъ, чтобы онъ былъ приведенъ въ исполненіе. Кто же заботился объ этомъ въ эпоху Русской Правды? Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебный приговоръ приводился въ исполненіе торжествующей стороной, лицами, выигравшими дѣло: такъ, напр., кредиторъ самъ уводилъ несостоятельнаго должника къ себѣ домой или на торгъ для продажи; спорную вещь собственникъ самъ отбиралъ у отвѣтчика; точно такъ же месть совершалась самимъ истцомъ. Но въ другихъ случаяхъ постановленія суда приводились въ исполненіе общественной властью: такъ, князь или посадникъ подвергали нѣкоторыхъ преступниковъ „потоку и разграбленію", т.-е. лишенію правъ и конфискаціи имущества;

*) Описаніе судебнаго поединка приводитъ арабскій писатель Ибнъ-Даста.

князь же или посадникъ взыскивали денежные штрафы, поступавшіе въ княжескую казну.

Общій характеръ суда.

Итакъ, мы видимъ, что судъ эпохи Русской Правды отличался прежде всего *сильнымъ формализмомъ*, т.-е. слѣпой приверженностью къ формѣ. Этотъ формализмъ особенно ясно обнаруживается въ отношеніи къ свидѣтельскимъ показаніямъ: къ нимъ не относились критически, ихъ не разбирали по существу, а заботились единственно о томъ, чтобы была соблюдена извѣстная форма; такъ, напр., показанія „послуховъ" имѣли значеніе безспорнаго доказательства лишь въ томъ случаѣ, если „послуховъ" этихъ было опредѣленное число.

Кромѣ формализма заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что въ судѣ эпохи Русской Правды главная роль принадлежала частнымъ лицамъ, тяжущимся, а не представителю общественной власти, не судьѣ; судья игралъ страдательную роль: онъ скорѣе былъ зрителемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ. Тяжущіеся дѣлали все или почти все: они вели слѣдствіе, они находили и приводили на судъ „видоковъ" и „послуховъ", они, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводили въ исполненіе судебные приговоры.

Если господство формализма свидѣтельствуетъ о слабости умственнаго развитія въ эпоху Русской Правды, то первенствующая роль, принадлежавшая на судѣ частнымъ лицамъ, доказываетъ слабость общественной власти.

II.

Наказанія

Теперь остановимся на нѣкоторое время на тѣхъ *наказаніяхъ*, которыя примѣнялись въ эпоху Русской Правды. Наказанія эти были таковы: 1) месть, 2) денежные штрафы и 3) потокъ и разграбленіе.

Месть.

Месть была въ употребленіи до второй половины XI стол. Со словомъ „месть" мы привыкли соединять понятіе о чемъ-то произвольномъ и безпорядочномъ; но если это до извѣстной степени справедливо относительно древнѣйшихъ временъ, тѣхъ временъ, когда безраздѣльно господствовалъ родовой бытъ, то подобное представленіе слѣдуетъ признать ошибочнымъ относительно эпохи Русской Правды. Въ занимающую насъ эпоху месть была вдвинута въ извѣстныя рамки: она перестала быть

самосудомъ и превратилась въ *уголовное наказанiе,* которое налагалось судомъ и приводилось въ исполненiе самимъ потерпѣвшимъ или его родственниками. Месть примѣнялась при убiйствѣ, увѣчьѣ и тяжкихъ побояхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ родственники убитаго и лица, подвергшiяся побоямъ или увѣчью, не могли самовольно осуществлять своего права мести, а должны были обратиться къ суду, и судья, разобравъ дѣло и установивъ фактъ преступленiя, произносилъ приговоръ о мести; только послѣ этого потерпѣвшiе или родственники убитаго могли мстить. Значитъ, месть была ихъ правомъ, но это право они могли осуществлять лишь по приговору судьи. Въ чемъ же заключалась месть? Она заключалась въ томъ, что преступникъ подвергался той же участи, какой онъ подвергъ другое лицо: если онъ совершилъ убiйство, то и самъ предавался смерти; если онъ отрубилъ кому-нибудь руку, то и самъ лишался руки, т.-е. имѣло силу извѣстное правило: око за око, зубъ за зубъ. Едва ли можно думать, что это суровое правило дѣйствовало безусловно, примѣнялось рѣшительно во всѣхъ случаяхъ—иначе сказать, едва ли можно думать, что месть была *обязательна*: мы уже сказали, что она была правомъ, а не обязанностью; значитъ, можно было отказаться отъ мести; вмѣсто того, чтобы проливать кровь преступника, можно было взять съ него выкупъ, извѣстное матерьяльное вознагражденiе. Первоначально размѣры этого вознагражденiя обусловливались, надо думать, соглашенiемъ заинтересованныхъ сторонъ; но впослѣдствiи, когда участились случаи замѣны мести выкупомъ, величина этого послѣдняго была прочно установлена обычаемъ. Бывали случаи, когда *поневолѣ* нужно было отказаться отъ мести и удовольствоваться матерьяльнымъ вознагражденiемъ: таковъ, напр., случай бѣгства убiйцы и невозможности отыскать его. Подобный случай указывается въ договорѣ Олега съ греками 911 г.: „Если русскiй убьетъ грека,—читаемъ мы здѣсь,—или грекъ русскаго, то убiйца долженъ быть убитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ убiйство. Если же онъ скроется, то, буде послѣ него осталось имущество, ту часть его, какая установлена обычаемъ, пусть возьметъ родственникъ убитаго". То обстоятельство, что въ началѣ X в. сумма выкупа была уже установлена обычаемъ, свидѣтельствуетъ о частой замѣнѣ мести

выкупомъ задолго до 911 г. Позднѣе (между прочимъ и подъ вліяніемъ христіанства) такая замѣна стала происходить все чаще и чаще—и къ половинѣ XI стол., надо думать, случаи осуществленія права мести сдѣлались рѣдкими. Наконецъ, во второй половинѣ XI в. сыновья Ярослава, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, собравшись вмѣстѣ, „отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“, т.-е. отмѣнили месть за убійство, постановивъ вмѣсто того платить денежный выкупъ.

Денежный штрафъ.

Послѣ отмѣны мести преобладающей формой наказанія въ эпоху Русской Правды сдѣлался денежный штрафъ. Это любопытное обстоятельство нужно привести въ связь съ тогдашнимъ взглядомъ на преступленіе. Въ настоящее время, какъ извѣстно, существуетъ *формальный* взглядъ на преступленіе, т.-е. преступленіемъ считается дѣяніе, нарушающее законъ; а въ интересующую насъ эпоху господствовалъ *матерьяльный* взглядъ на преступленіе, т.-е. въ то время считали преступленіемъ такое дѣяніе, которое приносило матерьяльный вредъ, которое заключало въ себѣ матерьяльное, непосредственное зло. Вполнѣ естественно, что при такомъ взглядѣ на преступленіе и наказаніе отличалось грубо-матерьяльнымъ характеромъ: человѣкъ, совершившій преступленіе, т.-е. причинившій другому матерьяльный вредъ, долженъ былъ вознаградить этотъ вредъ, т.-е. уплатить потерпѣвшему или его родственникамъ извѣстную денежную сумму. Но, кромѣ *частнаго вознагражденія*, преступникъ уплачивалъ еще *уголовный штрафъ* въ пользу князя, какъ представителя общественной власти. Это обстоятельство указываетъ на то, что въ эпоху Русской Правды уже перестали смотрѣть на преступленіе, какъ на дѣяніе, затрогивающее исключительно частные интересы, а стали видѣть въ немъ такое дѣяніе, которое, кромѣ частныхъ, нарушаетъ и общественные интересы.

Вира.

Русская Правда различаетъ двоякаго рода уголовный штрафъ—*виру и продажу*: вира взималась за неумышленное убійство *) свободнаго человѣка, а продажа—за всѣ другія преступленія, кромѣ умышленнаго убійства, поджога и конокрадства. Вира была либо двойная (въ 80 гривенъ), либо простая (въ 40

*) Неумышленнымъ убійствомъ признается въ Русской Правдѣ убійство во время ссоры и на пиру—очевидно, въ состояніи опьяненія.

гривенъ): первая платилась за убійство боярина, т.-е. члена старшей княжеской дружины, и княжескаго тіуна, а вторая—за убійство всѣхъ остальныхъ людей свободнаго состоянія. За убійство чужого холопа платилась не вира, а „продажа“ въ размѣрѣ 12 гривенъ, потому что холопъ, будучи человѣкомъ не (свободнымъ, разсматривался, какъ вещь. Любопытно, что за кражу или уводъ холопа взималась такая же продажа, какъ и за его убійство; слѣдовательно, убійство холопа разсматривалось, какъ истребленіе чужой вещи. Если находили трупъ человѣка съ ясными признаками насильственной смерти, а убійца не могъ быть отысканъ, въ такомъ случаѣ виру обязана была уплатить та община (вервь), на территоріи которой былъ найденъ трупъ. Такая вира носила названіе *дикой*. Въ уплатѣ „дикой“ виры принимали участіе обыкновенно всѣ члены общины, и уплата ея разсрочивалась на нѣсколько лѣтъ.

Членъ общины, совершившій убійство, не одинъ уплачивалъ виру, а при содѣйствіи общины, если только самъ онъ раньше не отказывался принимать участіе въ уплатѣ „дикой“ виры. Кромѣ виры, убійца долженъ былъ уплатить еще родственникамъ убитаго частное вознагражденіе, называвшееся „головничествомъ“. Размѣры его не указаны въ Русской Правдѣ; можно догадываться, что они совпадали съ размѣрами виры.

Уголовный штрафъ въ 20 гривенъ носилъ названіе „полувирья“; онъ взимался за убійство невѣрной жены, а также за причиненіе тяжкихъ увѣчій—именно, за отсѣченіе руки, ноги, носа и за лишеніе глаза.

Продажа. Что касается „продажи“, то размѣры ея находились въ зависимости, очевидно, отъ большей или меньшей тяжести преступленія. Такимъ образомъ, на основаніи размѣровъ „продажи“, взимавшейся за то или другое преступленіе, мы можемъ судить о томъ, какія преступныя дѣянія считались въ эпоху Русской Правды болѣе тяжкими и какія—менѣе тяжкими. Было 4 вида продажи: въ 12 гривенъ, въ 3 гривны 30 кунъ, въ 3 гривны и въ 60 кунъ.

Двѣнадцатигривенная продажа взималась прежде всего за преступленія противъ чести. Къ категоріи этихъ преступленій относились: нарушеніе цѣлости бороды и усовъ, лишеніе зуба и нанесеніе ударовъ необнаженнымъ мечомъ и рукояткой,

палкой, чашей, рогомъ (изъ котораго пили), рукой и кулакомъ, т.-е. такихъ ударовъ, которые не столько причиняли боль, сколько были оскорбительны. Значитъ, въ эпоху Русской Правды честь свободнаго человѣка цѣнилась довольно высоко. Одинаковая продажа въ 12 гривенъ платилась за кражу и убійство холопа, за продажу въ холопство закупа и за кражу бобра. Такимъ образомъ, законъ одинаково охранялъ бобра, свободу закупа и жизнь холопа. Воръ, захваченный на мѣстѣ преступленія и сопротивлявшійся задержанію (вѣроятно, съ оружіемъ въ рукахъ), могъ быть безнаказанно убитъ; если же онъ былъ умерщвленъ послѣ того, какъ позволилъ себя связать, то убившій платилъ „продажу“ въ 12 гривенъ.

„Продажа“ въ 3 гривны взималась за отсѣченіе пальца, за побои до крови и синяковъ, за нанесеніе раны мечомъ, за ударъ дубиной и жердью; та же „продажа“ платилась за незаконное пользованіе чужимъ конемъ, за кражу пчелъ и нѣкоторыя другія преступленія. За похищеніе хлѣба съ гумна или изъ ямы, а таже за кражу скота изъ хлѣва взималась „продажа“ въ 3 гривны 30 кунъ: но если скотъ былъ украденъ въ полѣ, то воръ платилъ только 60 кунъ „продажи“: такое же наказаніе полагалась за похищеніе ладьи. Итакъ, уже въ эпоху Русской Правды различалась кража со взломомъ и кража простая, причемъ первая считалась болѣе тяжелымъ преступленіемъ и поэтому строже наказывалась.

На ряду съ „продажей“, за перечисленныя преступленія нужно было платить частное вознагражденіе, носившее названіе „урока“. Въ большинствѣ случаевъ размѣры „урока“ были меньше размѣровъ „продажи“; такъ, напр., за отсѣченіе пальца, за нанесеніе раны мечомъ и за выбитый зубъ платился одинаковый „урокъ“ въ 1 гривну, а за побои до крови и синяковъ — 60 кунъ. Украденныя вещи обыкновенно возвращались хозяину; если же онѣ не могли быть возвращены, то уплачивалась ихъ цѣна, установленная закономъ. Мы уже знаемъ, что за убійство холопа платилась не вира, а „продажа“. Размѣры „урока“ за убитыхъ холоповъ были разнообразны, въ зависимости отъ ихъ принадлежности и качества: за убійство нѣкоторыхъ княжескихъ холоповъ „урокъ“ равнялся двойной вирѣ, т.-е. 80 гривнамъ, а за обыкновеннаго холопа, принадлежавшаго Урокъ.

простому свободному человѣку, платилось въ 16 разъ меньше—5 гривенъ. Холопъ, знавшій какое-нибудь ремесло, цѣнился выше: за его убійство взимался „урокъ“ въ размѣрѣ 12 гривенъ.

Потокъ и разграбленіе.

За умышленное убійство, поджогъ и конокрадство назначалось самое тяжелое наказаніе—„потокъ и разграбленіе“, т.-е. лишеніе правъ и конфискація имущества; значитъ, эти три преступленія считались въ разсматриваемую эпоху наиболѣе тяжкими. Любопытно, что за умышленное убійство „потоку и разграбленію“ подвергался не только самъ преступникъ, но и его семья.

Гр. Шмелевъ.

Происхожденіе и составъ Русской Правды *).

Лѣтопись застала славянъ на той ступени патріархальнаго быта, когда они имѣли „обычаи свои и законы отецъ своихъ и преданья кождо свой нравъ“, которые переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе частью въ видѣ обрядовъ, частью въ видѣ устной традиціи. Но съ теченіемъ времени, когда инте- Время составленія Русской Правды.

---

*) Наиболѣе доступныя изданія „Русской Правды: *Проф. Владимірскій-Будановъ*. „Христоматія по исторіи Русскаго права“. Вып. I. *Проф. Сергѣевичъ*. „Русская Правда и ея списки“. Ж. М. Н. Пр. 1889, № 1 и отдѣльное изданіе 1904 г. *Калачевъ. Н. В.* „Изслѣдованіе о Русской Правдѣ. I Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“. М. 1846. (Послѣднее изданіе 1880 г.).

Важнѣйшія изслѣдованія о Русской Правдѣ и о древнѣйшемъ Русскомъ правѣ въ связи съ Русской Правдой: *Погодинъ. М. П.* „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи“. I. М. 1846. (Глава X: Русская Правда). *Мрочекъ-Дроздовскій П.* „Изслѣдованія о Русской Правдѣ“. Вып. I: „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды“. Вып. II. Текстъ Русской Правды съ объясненіями отдѣльныхъ словъ. М. 1881—1885. *Ланге Н.* „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ по Русской Правдѣ“, въ приложеніяхъ къ Архиву историческихъ и юридическихъ свѣд. Калачева. 1859 г. *Дювернуа Н.* „Источники права и судъ въ древней Россіи“, 1869. *Никольскій В.* „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ“. М. 1859. *Цитовичъ П.* „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія“. Харьковъ 1870. *Леонтовичъ*. „Русская Правда и Литовскій Статутъ“ (Кіевъ. Унив. Изв. 1865 г. № 2—4.) *Д. Мейчикъ*. „Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря и по Правдѣ Ярослава“. (Юрид. Вѣст. 1875 Янв.—Мар.) *Рожковъ*. „Очерки юридическаго быта по Русской Правдѣ“. (Ж. М. Н. Пр. 1897 № 11—12). *Максимейко*. „Русская Правда и Литовскій статутъ“ въ „Сборникѣ статей по исторіи права, посвященномъ *М. Ф. Владимірскому-Буданову* его учениками и почитателями“. Кіевъ 1904. *Бѣляевъ П.* „Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды“. *Максимейко*. „Русская Правда и обычное право Литовско-Русскаго государства до изданія статута. „Труды XII археолог. съѣзда. Харьковъ 1905 г.

ресы стали выходить изъ узкихъ предѣловъ рода, отношенія человѣческія становились сложнѣе, сталкивались обычаи различныхъ группъ, старые взгляды встрѣчались съ новыми, — тогда словесной передачи нормъ обычнаго права оказалось недостаточно, и стала чувствоваться необходимость въ формулировкѣ и записи ихъ, а также въ пополненіи новыми нормами, отвѣчавшими народившимся потребностямъ.

Такимъ сборникомъ у насъ является „Русская Правда“, которая дошла до насъ въ большомъ числѣ списковъ, озаглавленныхъ: „Судъ Ярославль Володимеричъ“ или „Уставъ Великаго князя Ярослава Владиміровича о судѣхъ“.

Мнѣнія о происхожденіи Русской Правды.

Эти заголовки, а равно и то обстоятельство, что впервые списокъ „Русской Правды“ былъ найденъ въ Новгородской лѣтописи, подъ 1016 г. послѣ разсказа о томъ, какъ Ярославъ, отпустивъ новгородцевъ послѣ побѣды надъ Ярополкомъ, одарилъ ихъ и далъ имъ „правду и уставъ списавъ“, послужили основаніемъ первымъ изслѣдователямъ считать ее оффиціальнымъ сборникомъ. Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ и др. приписывали ее одному Ярославу, но это мнѣніе не выдерживаетъ критики уже въ силу того, что въ „Русской Правдѣ“ встрѣчаются ссылки на дѣятельность сыновей Ярослава и Владиміра Мономаха, (ст. 18 и 21 Академическаго, 2 и 66 Карамзинскаго списковъ), а кромѣ того въ ней ничто не указываетъ на какія бы то ни было привиллегіи для новгородцевъ, что было бы вполнѣ естественно, если бы она была дана имъ въ знакъ милости. Болѣе поздніе изслѣдователи—Погодинъ, Бѣляевъ, Ланге видятъ въ ней тоже оффиціальный сборникъ, но составленный разными князьями, первая часть—Ярославомъ, послѣдующія—его сыновьями и Владиміромъ Мономахомъ. Но противъ такого предположенія говоритъ самая форма изложенія—уставы князей передаются въ третьемъ лицѣ и имѣютъ характеръ историческаго повѣствованія: „по Ярославѣ совокупишася сынове его“ (ст. 2 Кар.), или „оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ его же оубилѣ Дорогобудьци“ (ст. 21 Ак.), тогда какъ въ уставахъ князей рѣчь ведется въ первомъ лицѣ: „се язъ князь Владиміръ“, или: „се язъ, князь великій Ярославъ“ и т. д.

Противъ оффиціальнаго происхожденія ея говорятъ и комментаріи, которыми снабжены многія статьи, съ цѣлью мотивировать тотъ или другой указъ: такъ, въ статьѣ о „челядиномъ изводѣ“ говорится, что рабъ „есть не скотъ, нельзя рещи: не вѣдаю у кого купилъ“ (ст. 34 Кар.). На неоффиціальное происхожденіе сборника указываетъ и разнообразіе его содержанія, а также и характеръ нѣкоторыхъ статей, совершенно неумѣстныхъ и непонятныхъ въ оффиціальномъ сборникѣ (ст. 49—65 Кар.), говорящихъ о размѣрѣ заработной платы женщины съ дочерью за 12 лѣтъ или возможномъ приплодѣ скота и урожаѣ сѣна и хлѣба. Въ настоящее время большинство изслѣдователей видитъ въ „Русской Правдѣ“ неоффиціальный сборникъ, составленный въ разное время или однимъ лицомъ, какъ то полагаетъ проф. Сергѣевичъ, или же нѣсколькими лицами, какъ думаютъ проф. Владимірскій-Будановъ, Филипповъ и др.

Особое мѣсто занимаетъ мнѣніе проф. Ключевскаго, который считаетъ, что „Русская Правда“ была составлена спеціально для нуждъ церковнаго суда, которому были подсудны зависимыя отъ церкви люди, и который совершался духовными лицами, преимущественно греками, незнакомыми съ мѣстными обычаями. Основанія для такого предположенія онъ видитъ въ томъ, что „Русская Правда“ обыкновенно помѣщается среди „Кормчей книги“, „Закона Суднаго“ и другихъ памятниковъ каноническаго характера, а также и въ отсутствіи указаній на примѣненіе смертной казни и поединковъ или „поля“, существовавшихъ въ древней Руси, въ чемъ онъ видитъ протестъ церкви противъ несимпатичныхъ ей институтовъ. Но этому мнѣнію противорѣчитъ самое содержаніе „Русской Правды“, носящее исключительно свѣтскій характеръ; въ тоже время остается недоказаннымъ, почему нужда въ писанномъ сборникѣ ощущалась только на судѣ церковномъ, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ допускаетъ пользованіе „Русской Правдой“ и въ свѣтскихъ судахъ, но только въ болѣе позднѣе время. Многочисленные списки „Русской Правды“ указываютъ на то, что, хотя она и была составлена частными лицами, но пріобрѣла широкое распространеніе и, въ силу своихъ достоинствъ, употреблялась при судопроизводствѣ въ качествѣ

удобнаго пособія, подобно Швабскому и Саксонскому зерцаламъ, которыя, будучи сборниками частныхъ лицъ, пріобрѣли оффиціальное значеніе.

Мѣсто составленія Русской Правды.

Что касается мѣста, гдѣ была составлена „Русская Правда" и племени, для котораго она предназначалась, то первоначально считали, что такимъ мѣстомъ былъ Новгородъ. Указанія на это проф. Загоскинъ видитъ въ терминахъ „варягъ" и „колбягъ", противополагающихся „роусину и славенину", а также въ статьѣ „о городскихъ мостехъ" (134 Кар.), имѣющей прямое отношеніе къ Новгороду. Но послѣдняя статья могла быть и случайнымъ добавленіемъ, что же касается названныхъ терминовъ, то они употреблены для обозначенія иностранцевъ, людей настолько чужихъ, что они не могутъ найти нужное число свидѣтелей (ст. 9 Ак.), и скорѣе могли быть примѣнены для Руси южной, нежели сѣверной, гдѣ такихъ иноземцевъ было гораздо больше. У насъ больше основаній предполагать, что „Русская Правда" впитала право Руси южной, уже въ силу того, что всѣ князья, уставы которыхъ вошли въ нее, княжили въ Кіевѣ—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ, и лишь одинъ Ярославъ недолгое время княжилъ въ Новгородѣ, и потому вполнѣ естественно, что въ ихъ постановленіяхъ отразилось право той мѣстности, гдѣ имъ приходилось дѣйствовать. Наконецъ, указаніемъ на это можетъ служить и заглавіе ея „Правда Русская", такъ какъ въ пору составленія ея терминъ „русскій" прилагался къ Руси Кіевской.

Интересна параллель, проводимая проф. Максимейко между „Русской Правдой" и „Литовскимъ Статутомъ": онъ отмѣчаетъ близкую связь между положеніями этихъ памятниковъ, во взглядахъ на увѣчье, оскорбленіе чести, наслѣдованіе, и т. д. Онъ указываетъ что термины „закупъ", „обельный холопъ", не перешедшіе въ Новгородское и Московское законодательство, сохранились въ Литовской Руси и удержали прежнее значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объясняетъ отсутствіе указаній „Русской Правды" на примѣненіе „поля" тѣмъ, что въ Руси ю.-з. этотъ обычай не существовалъ. Все это даетъ основаніе предполагать, что „Русская Правда" была составлена въ Руси ю. з., и отразила право этой Руси, потому что главнымъ источниковъ ея послужило право мѣстное, національное, обычное.

Источники Русской Правды.

Оно отразилось въ статьяхъ, трактующихъ о кровной мести, (ст. 1, 2, 5 Ак., 20 Тр. и др.), о круговой порукѣ членовъ верви (3, 4, 5, 6 Кар.), о веденіи процесса (15, 17, 27, Кар. и др.). Вторымъ источникомъ ея служили уставы князей, которые частью вводили новыя положенія, каковъ, напримѣръ уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ (ст. 66 Кар.), частью же только оформливали, легализировали уже раньше дѣйствовавшее обычное право—таковы статьи, приписываемыя Ярославу о мести и сыновей его о замѣнѣ ея выкупомъ. (ст. 2 Кар., 1 Ак., и др.). Третьимъ источникомъ „Русской Правды“ можно считать судебные приговоры, частью носящіе имя князя, какъ рѣшеніе Изяслава объ убійцахъ его конюха (ст. 21 Ак.), частью—безъименные,—напримѣръ—приговоръ надъ 10 ворами, укравшими одну овцу (ст. 40, 29 Ак.). Интереснымъ представляется то, что нѣкоторые изъ этихъ приговоровъ встрѣчаются въ болѣе позднихъ редакціяхъ „Правды“, гдѣ уже въ обобщенной, безличной формѣ говорится объ отвѣтственности за убійство вообще конюшаго князя, о наказаніи нѣсколькихъ участниковъ кражи и т. д. (ст. 10 и 38 Кар.).

Наконецъ, четвертымъ источникомъ „Русской Правды“ является рецепція византійскаго права. Первые изслѣдователи ея придавали даже преувеличенное значеніе заимствованіямъ изъ законодательствъ чужихъ народовъ, но, воздерживаясь отъ крайностей, нельзя не признать того вліянія, которое оказывала Византія на міровоззрѣніе нашихъ предковъ. Торговыя сношенія съ Византіей велись Русью съ давнихъ поръ, и начало X вѣка ознаменовалось писанными торговыми договорами, которые были первой попыткой согласовать право русское съ византійскимъ. Живя подолгу въ Царьградѣ, славяне привозили оттуда не одни „паволоки и товары заморскіе“, но и первые зачатки культуры. Принятіе христіанства открыло еще болѣе широкій путь для византійскаго вліянія, такъ какъ греческое духовенство стало руководить новыми христіанами не только въ вопросахъ религіозныхъ, но и нравственныхъ, а отчасти и судебныхъ, такъ какъ церкви отводилось широкое участіе въ дѣлѣ суда. Слѣды византійскаго вліянія замѣтны и въ „Русской Правдѣ“, въ статьяхъ, говорящихъ о холопствѣ (131,132,128 Кар.), о наслѣдованіи, (85, 88,

93, 94, 95, 97, Кар.). Характерно, что въ „Русскую Правду“ нормы византійскаго права попадали въ значительно переработанномъ видѣ,—такъ измѣнены статьи объ опекѣ, (III Кар.), о холопахъ, (132 Кар.); членовредительныя наказанія, распространенныя въ Византіи, совершенно не перенесены въ „Русскую Правду“—очевидно здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ слѣпымъ заимствованіемъ, но съ разумнымъ примѣненіемъ лишь того, что соотвѣтствовало духу народа.

Редакціи Русской Правды.

Какъ уже было замѣчено выше, первоначально въ Русской Правдѣ видѣли единовременно составленный сборникъ, но уже Тобіенъ указалъ, что она была составлена въ разное время, и раздѣлилъ ее на двѣ редакціи, при чемъ указалъ, что первая, краткая, является болѣе древней, нежели пространная. Въ настоящее время господствующимъ является дѣленіе „Русской Правды“ на три редакціи, такъ какъ наряду съ редакціями, указанными Тобіеномъ, установлена третья, получившаяся благодаря сокращенію пространной. Наилучшіе списки этихъ редакцій таковы: краткой—Академическій, пространной—Карамзинскій и Троицкій, и сокращенной—князя Оболенскаго. Самая ранняя изъ редакцій краткая, на что указываетъ характеръ входящихъ въ ея составъ статей, нѣкоторыя изъ которыхъ занесены сюда въ видѣ казуальныхъ рѣшеній, которыя въ пространной редакціи принимаютъ формы обобщеній, на что указывалось выше (ст. 21 и 29 Ак., 10, 40 и 38 Кар.). Кромѣ того, при сравненіи ея съ аналогичными статьями „Русской Правды“ пространной редакціи, обращаетъ на себя вниманіе слабо проведенная дифференціація общества—краткая Правда не знаетъ такого числа привиллегированныхъ лицъ, какъ пространная; наконецъ, въ краткой мы встрѣчаемъ древнее выраженіе „скотъ“ для обозначенія денегъ. (15 Ак.) Кромѣ того нѣкоторыя статьи краткой Правды приписываются пространной редакціей непосредственно Ярославу, надъ другими же находится заголовокъ, что онѣ были составлены сыновьями его. Все это даетъ возможность предполагать, что краткая редакція „Русской Правды“ была составлена въ XI вѣкѣ. Пространная редакція „Русской Правды“ появилась много позже первой: помимо ссылки на участіе Владиміра Мономаха въ составленіи нѣкоторыхъ статей ея, на это указываетъ и большая опредѣленность въ кодифи-

каціи, и стройность въ расположеніи матерьяла. Пространную редакцію относятъ къ XII столѣтію, сокращенную же редакцію къ XIII. Такимъ образомъ „Русская Правда“ составлялась и перерабатывалась на протяженіи не менѣе двухъ столѣтій, но и послѣ того она продолжала пополняться, такъ какъ нѣкоторыя вводныя статьи ея относятся къ XIV и даже XV столѣтіямъ. Это можетъ служить указаніемъ на то, насколько она соотвѣтствовала запросамъ общества и, въ свою очередь, чутко воспринимала и отражала современную жизнь.

Н. Полонская.

Дружина и боярство *).

I.

Земское боярство и дружина при первыхъ князьяхъ. Отсутствіе сословій въ древн. Руси.

Въ древней Руси не было сословнаго дѣленія: никто не пользовался какими-нибудь преимуществами сравнительно съ другими жителями, напримѣръ, въ силу своего рожденія, соединеннаго съ какими-нибудь привиллегіями **). Человѣкъ считался знатнымъ, выдающимся, „свѣтлымъ“, „честнымъ“,

*) *Важнѣйшая литература: Н. Хлѣбниковъ.* „Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи“. С.-Пб. 1872. *Н. Н. Дебольскій.* „Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка“. С.-ПБ. 1903. *Н. Павловъ-Сильванскій.* „Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства“. 1898. *И. Загоскинъ.* „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси“. 1876, очеркъ первый. *В. Ключевскій.* „Боярская Дума древней Руси“ изд. 3-е т. I и II. *Н. Дашкевичъ.* „Княженіе Даніила Галицкаго“. *Малиновскій.* „Рада Великаго княжества Литовскаго въ связи съ Боярской Думой древней Россіи“, ч. 1-я Боярская дума древней Россіи. Томскъ 1903. *М. П. Погодинъ.* „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“ т. 3. *Сергѣевичъ.* „Русскія Юридическія древности“ т. 1. Территорія и населеніе. *П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій.* „О древне-русской дружинѣ по былинамъ“. (Рѣчь и отчетъ Императорскаго Московскаго Университета 1896 г.; отд. 1896).

**) Для того, чтобы признать общество того или другого государства или народа раздѣленнымъ на сословія, необходимо опредѣлить, обладаютъ ли отдѣльныя группы даннаго общества какими-нибудь привиллегіями, признаваемыми обычаемъ или закономъ: 1) въ силу своего происхожденія или по способамъ пріобрѣтенія своихъ правъ; 2) по своимъ правамъ и привиллегіямъ въ государствѣ; 3) а въ древности (обыкновенно) и по своимъ занятіямъ и обязанностямъ по отношенію къ государству. Такъ, напр., патриціи и плебеи древняго Рима различались тѣмъ, что 1) принадлежность къ сословію патриціевъ или плебеевъ обусловливалась рожденіемъ; 2) патриціи пользовались широкими правами сравнительно съ плебеями (напримѣръ, въ занятіи выборныхъ должностей); 3) наконецъ

только въ силу лично ему присущихъ качествъ, напр., вліятельнаго положенія при князѣ или въ средѣ своего города, что достигалось умомъ, опытностью. Богатые, какъ вездѣ, имѣли первенство въ средѣ мѣстнаго общества: но съ потерею богатства терялось и значеніе даннаго лица. Человѣкъ близкій къ князю пользовался, конечно, почетомъ, уваженіемъ, силою, но всего этого онъ не могъ сообщить своимъ дѣтямъ: послѣднія должны были собственнымъ трудомъ создавать себѣ положеніе.

Итакъ, въ древней Руси сословій въ собственномъ смыслѣ не было. Но это, конечно, не устраняло различій въ общественномъ быту между лицами, семьями. Надъ обыкновенной сѣрой массой горожанъ или сельчанъ выдѣлялись отдѣльныя лица и группы лицъ, пользовавшіяся въ силу тѣхъ или другихъ причинъ почетнымъ и выдающимся положеніемъ. Такія лица бывали въ средѣ племени или городской общины: они пользовались вліяніемъ въ силу своего ума, богатства; съ появленіемъ князей въ окружающей ихъ средѣ они оказались совѣтниками, помощниками въ управленіи. Были цѣлыя семьи, члены которыхъ въ лицѣ ряда поколѣній пользовались вліяніемъ въ силу своего богатства или въ силу того, что члены этихъ семей долгое время стояли во главѣ родовъ.

Древне-русскій языкъ очень мѣтко опредѣлялъ положеніе Лучшіе люди. такихъ лицъ, именуя ихъ *большими людьми*, *болярами* (отъ прилагательнаго болій), *лучшими людьми*, *лепшими*, *первыми людьми*, *нарочитыми мужами*, *княжьими мужами* или просто *мужами*, *сильными людьми*, наконецъ, *вельможами*. Всѣми

обязаности тѣхъ и другихъ по отношенію къ государству были различны, равно и занятія: патриціи были землевладѣльцами, плебеи почти исключительно земледѣльцами. Столь же рѣзкое сословное различіе наблюдается, напримѣръ, и въ средневѣковой Европѣ. Всѣ рыцари принадлежатъ къ одному благородному сословію. Всѣ они пэры, т.-е. равные, хотя одинъ изъ нихъ владѣетъ цѣлымъ королевствомъ или герцогствомъ, другой занимается грабежомъ изъ своего маленькаго горнаго замка. Рыцарство пріобрѣтается рожденіемъ (принадлежность къ благородному сословію) и посвященіемъ въ рыцари (спеціальный актъ пріобщенія лица къ военному званію). Между высокородовитымъ рыцарствомъ и низкороднымъ бюргерствомъ, тѣмъ болѣе вилланами,—по тогдашнему понятію,—лежитъ цѣлая пропасть: даже богатый и образованный бюргеръ не могъ и мечтать о такой высокой чести, какъ ношеніе рыцарской шпаги.

этими почетными терминами въ древней Руси отличали передовыхъ людей отъ *меньшихъ людей*, *худшихъ людей*, *простой чади* или прямо *людій*, *кіянъ*, *смолянъ* и т. п.

Теперь присмотримся, въ чемъ ближайшимъ образомъ выражалось въ древнѣйшій періодъ это различіе большихъ отъ меньшихъ людей, и въ какія формы оно отлилось къ концу древне-русскаго поріода. При этомъ надо прежде всего замѣтить, что въ исторіи древне-русскаго боярства замѣчается два періода: древнѣйшій—до-княжескій вмѣстѣ съ эпохой господства первыхъ князей и періодъ со времени Ярослава Мудраго, особенно съ Ярославичей.

Земское и дружинное боярство.

Въ древнѣйшее время довольно рѣзко выдѣлялись двѣ группы лепшихъ людей: первую группу составляло мѣстное боярство какого-нибудь племени, вторую—бояре, бывшіе при князѣ и входившіе въ составъ его дружины. Первыхъ обыкновенно называютъ *земскимъ боярствомъ*, вторыхъ—*дружиннымъ боярствомъ*. Составитель первоначальной лѣтописи обыкновенно называетъ земскихъ бояръ очень почетнымъ въ то время именемъ *старѣйшинъ*, *градскихъ старцевъ;* этотъ эпитетъ соотвѣтствуетъ греческому γέρων или латинскому senator *); это было почетное прозвище. Такое же значеніе имѣло и прозвище *нарочитые люди*, „бояре“.

Градскіе старцы.

Очень понятно, что древняя до-княжеская Русь, жившая отдѣльными племенами, выдѣляла уже особымъ почетомъ извѣстную группу лицъ. Таковыми были, напр., представители родовъ, старѣйшины въ буквальномъ смыслѣ. Даже и съ разложеніемъ родового быта у рядовыхъ членовъ племени осталась привычка съ вниманіемъ и почтительностью относиться къ совѣтамъ и указаніямъ своихъ старѣйшинъ или ихъ потомковъ, сохранять за ними почетное названіе старѣйшинъ, старцевъ, наконецъ, предоставлять имъ первое мѣсто и первый голосъ на племенномъ вѣчѣ. Очень вѣроятно, что эти старцы были и болѣе богатыми людьми, что тоже поддерживало ихъ вліяніе на населеніе. Одни изъ нихъ довольствовались только вліяніемъ въ своемъ городѣ, племени, другіе были градоправи-

*) При переводѣ соотвѣтственныхъ мѣстъ въ Библіи лѣтописецъ слово senator передаетъ словомъ старцы.

телями. Наша древняя лѣтопись считаетъ очень многихъ князей въ средѣ русскихъ племенъ, находящихся подъ властью кіевскаго князя Олега. Очень вѣроятно, что эти племенные князья были такими же родовыми старѣйшинами. Съ объединеніемъ Руси они затерялись въ средѣ мѣстнаго земскаго боярства. У племенъ было довольно значительное количество лицъ, отличаемыхъ почетомъ. Такъ, племя древлянъ, очень бѣдное городами, выслало въ посольствѣ къ Ольгѣ нѣсколько десятковъ своихъ нарочитыхъ людей, кромѣ оставшихся у нихъ.

Богатство не только поддерживало старинныя семьи, къ вліянію которыхъ привыкло населеніе, но и выдвигало новые элементы. Дѣло въ томъ, что періодъ объединенія Руси, т.-е. IX столѣтіе и начало X, сопровождается весьма интенсивнымъ развитіемъ торговыхъ операцій, заводимыхъ русскими купцами. Въ то время торговля соединяла въ себѣ и военное ремесло: купецъ отправлялся въ Царьградъ или Итиль во главѣ дружины, способной защищать караванъ судовъ. Купеческая дружина давала большія преимущества своему господину въ средѣ роднаго города. Вооруженное купечество легко становилось и во главѣ города: защита города, постройка стѣнъ, содержаніе гарнизона—все это болѣе всего интересовало купцовъ и могло быть наилучше ими выполнено. Въ самомъ дѣлѣ, на Руси былъ рядъ торговыхъ городовъ, расположенныхъ на торговыхъ трактахъ (Кіевъ, Любечъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ и др.). Торговый ростъ этихъ городовъ дѣлалъ ихъ приманкою для нападенія пиратовъ-норманновъ, хазаръ или своихъ же соплеменниковъ. Не удивительно поэтому, что оборона торговыхъ центровъ могла попадать въ руки торговой же аристократіи; это была и военная аристократія, имѣвшая готовыя дружины, и аристократія капитала, скупавшая продукты у „меньшихъ“ людей для транспорта за границу. Среди этой аристократіи было не мало варяговъ, иногда уже изъ Греціи пришедшихъ на Русь и здѣсь поселившихся.

Итакъ, купеческая аристократія торговыхъ городовъ была *другою* составною частью градскихъ старцевъ, наряду съ потомками родовыхъ старѣйшинъ. Фактическаго различія между этими слоями нарочитыхъ мужей не было; было лишь мѣстное различіе: среди болѣе торговыхъ племенъ преобладало купечество

среди удаленныхъ отъ торговыхъ путей преобладали старцы мѣстнаго происхожденія. Такъ боярская аристократія Новгорода, Кіева имѣла преимущественно купеческое происхожденіе.

Значеніе градскихъ старцевъ.

Чтобы представить себѣ положеніе старцевъ, нарочитыхъ мужей средѣ своего племени, лучше всего обратиться къ фактамъ. Напомнимъ одинъ изъ нихъ, всѣмъ очень хорошо извѣстный. По разсказу лѣтописной легенды, древляне послѣ убіенія князя Игоря хотѣли получить руку великой княгини Ольги для своего князя Мала. Съ этой цѣлью древляне отправляютъ къ Ольгѣ нѣсколько разъ почетныя посольства. Сначала они посылаютъ къ Ольгѣ двадцать „лучшихъ мужей своихъ“. Ольга собралась ихъ принять съ „великою честью“— какъ принимаетъ князь очень почетныхъ гостей; но она приказала бросить ихъ въ яму. Вторично въ посольствѣ къ Ольгѣ пришли люди „нарочиты“: по объясненію Ольги, ей нужны были именно такіе послы отъ древлянъ для того, чтобы ей съ „великою честью“ можно было явиться къ своему жениху Малу. По ея требованію древляне избрали лучшихъ мужей, „которые держатъ Деревскую землю“, т.-е. управляютъ ею. Эти нарочитые мужи были столь почетными гостями, что Ольга, справляя тризну по своемъ мужѣ, приказала своимъ отрокамъ служить во время пира этимъ древлянскимъ мужамъ. Разсказанный эпизодъ указываетъ на ту силу и значеніе, которыми пользовались въ средѣ древлянскаго племени ихъ нарочитые мужи. Такое же явленіе можно наблюдать и въ средѣ другихъ племенъ. Древній лѣтописецъ, описывая сватовство Мала, разсказываетъ его съ той стороны, которая видна была полянамъ. Но, несомнѣнно, въ средѣ племени собирались вѣча для обсужденія этого вопроса, а на нихъ нарочитые мужи играли первую роль. Какъ это происходило въ дѣйствительности, объясняетъ намъ одинъ эпизодъ, относящійся уже ко времени Владиміра Святого. Въ 997 году полянскій городокъ Бѣлгородъ осадили печенѣги. Жители готовы были сдаться печенѣгамъ, что и рѣшили на народномъ вѣчѣ. Одинъ старецъ не былъ на этомъ вѣчѣ и только потомъ узналъ, что на немъ было рѣшено. Тогда онъ посылаетъ „по старѣйшины градьскіи“ и говоритъ имъ: „Я слышалъ, что вы хотите передаться печенѣгамъ. Старѣйшины отвѣтили: „Не стерпятъ людіе голода“. Старецъ,

однако, просилъ подождать съ сдачей города и исполнить то, что онъ посовѣтуетъ: онъ посовѣтовалъ развести кисель въ кадкахъ, врытыхъ въ землю, и печенѣги были обмануты, такъ какъ повѣрили, что бѣлгородцы изъ земли черпаютъ себѣ пищу. Для насъ въ этомъ разсказѣ важно то значеніе, которымъ пользовался въ городѣ одинъ изъ старцевъ. Изъ разсказа видно также, что рѣшеніе вѣча главнымъ образомъ зависѣло отъ рѣшенія старѣйшинъ.

Владиміръ Св. совѣщается съ градскими старцами.

Не только простое населеніе, но и князь кіевскій, объединивъ всю русскую землю, считался съ вліяніемъ земскаго боярства: старцы являются почетными совѣтниками князя наряду съ боярами княжеской дружины. Когда Владиміръ Святославичъ сталъ колебаться въ язычествѣ и началъ принимать посольства съ предложеніями перемѣнить религію, онъ призвалъ на совѣтъ къ себѣ своихъ бояръ и старцевъ градскихъ. На этомъ совѣтѣ рѣшено послать посольства для испытанія вѣры. На такомъ же совѣтѣ рѣшено принять христіанство. Вообще, Владиміръ Святой во всѣхъ случаяхъ держитъ совѣтъ не только со своими боярами—дружинниками, но и съ старцами градскими. Этихъ же земскихъ почетныхъ людей онъ приглашалъ на свои знаменитые пиры.

Таково было *происхожденіе и значеніе высшаго земскаго элемента:* онъ игралъ первенствующую роль до образованія государства, и ему же принадлежитъ почетное положеніе при первыхъ князьяхъ.

Княжеская дружина.

Но наряду съ земскими боярами при первыхъ же князьяхъ появляется еще особая группа людей, особенно близкая къ князю и управленію. Это—*княжеская дружина.* Первые князья очень много воевали, имъ надобились большія по тому времени силы. Въ войскахъ князя были „вои“, т.-е. земскіе люди, отправлявшіеся на войну, были наемники, обыкновенно варяги, бравшіеся совершить походъ за условленное вознагражденіе. Но въ основѣ этого воинства стояла группа воиновъ, очень близкая къ князю—его дружинники. Всякій воинъ могъ явиться къ князю и сдѣлаться его дружинникомъ. Для этого не надо было ни богатства, ни знатности происхожденія. Знатность дружинника, честь, которою онъ въ дружинѣ пользовался, опредѣлялась испытанной его храбростью и мощными его руками. Если

князь считалъ свою дружину малочисленною, онъ кликалъ кличъ и собиралъ новое подкрѣпленіе. Знаменитый Святославъ Игоревичъ потерялъ въ борьбѣ съ греками много своихъ дружинниковъ и рѣшилъ, по словамъ лѣтописи, согласиться на миръ, заявивъ: „Пойду въ Русь и приведу болѣе дружины".

Составъ ея.

При такихъ условіяхъ, дружины первыхъ русскихъ князей являлись сборищемъ людей различныхъ національностей. Тутъ были лихіе норманскіе мореходы, пришедшіе на Русь поискать счастья, добычи, прославиться; тутъ были финны, литовцы, славяне различныхъ племенъ, даже люди съ далекаго Кавказа. Вотъ, напр., списокъ дружинниковъ князя Олега, посланныхъ заключить договоръ съ греками: „Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемиръ, иже послани отъ Олга, великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ". Въ числѣ дружинниковъ князя Игоря, посланныхъ съ тою же цѣлью къ грекамъ, встрѣчается такое же разнообразіе именъ, преимущественно варяжскихъ, но есть и славяне и ятвяги (литовское племя).

Съ тѣмъ же явленіемъ встрѣчаемся мы и при послѣдующихъ князьяхъ. Стоитъ вспомнить о бояринѣ Свенгельдѣ (очевидно, норманъ), который игралъ видную роль при Ярополкѣ Святославичѣ. У того же князя былъ любимый слуга Варяжко. Это былъ человѣкъ сильный и близкій къ князю, въ родѣ другого боярина, предавшаго Ярополка Владиміру, Блуда. Когда Ярополкъ былъ убитъ, Варяжко бѣжалъ къ печенѣгамъ, и съ ними приходилъ „много воевать" на Владиміра, такъ что тотъ съ трудомъ помирился съ Варяжкомъ. Были на Руси и болѣе рѣдкіе гости, чѣмъ варяги: напр., у святого князя Бориса былъ любимый его отрокъ Георгій, родомъ угринъ (т.-е. мадьяръ).

Отношеніе между князьями и дружиной.

Эти люди, которые приходили служить къ кіевскому князю, составляли одно товарищество, во главѣ котораго былъ князь. Между княземъ и его дружиной устанавливались чисто личныя отношенія, т.-е. дружинникъ служилъ князю, съ нимъ связывалъ свою судьбу. Это былъ союзъ храбрыхъ, крѣпкій нравственною связью. Никто не могъ заставить дружинника служить, если онъ самъ того не хочетъ. Но, съ другой сто-

роны, князь могъ быть увѣренъ, что въ минуту опасности головы дружинниковъ лягутъ тамъ, гдѣ ляжетъ голова князя, какъ заявила дружина Святославу Игоревичу. Это было общимъ правиломъ. Въ этомъ союзѣ храбрыхъ всѣ были равны, всѣ были братья. И даже князь, когда обращался къ дружинѣ, начиналъ свою рѣчь словами: „братіе и дружино". Въ силу нравственной связи дружины съ княземъ, исполненіе долга въ ней ставилось выше всего, и неисполненіе его наказывалось съ безпощадностью, свойственной тому времени. Воевода Претичъ стоялъ за Днѣпромъ, когда печенѣги обложили Кіевъ. Узнавъ объ этомъ, Претичъ предлагаетъ своимъ воямъ отправиться на выручку Ольги и кіевлянъ: „Погубитъ насъ Святославъ", говоритъ онъ, „если мы не пойдемъ".

Дружиники вмѣстѣ съ вождемъ своимъ клали головы на поляхъ битвы, но они же дѣлили съ вождемъ и удачу. Удача заключалась въ грабежѣ, добычѣ или въ даняхъ съ подчиненныхъ. Первые князья, какъ Олегъ, Святославъ, Игорь, много воевали и привозили съ собою богатую добычу. Олегъ возвратился изъ греческаго похода въ Кіевъ, „неся золото, и паволокы и овощи, и вина, и всяко узорочье". Съ такимъ же богатствомъ явилась его дружина. Святославъ бралъ добычу не только на воевъ, вышедшихъ невредимыми изъ боя, но также и на долю убитыхъ, говоря, что „родъ возьметъ". Корыстолюбіе Игоревой дружины было причиной смерти князя, потому что дружина побудила князя дѣлать насилія древлянамъ, собрать новую дань; этой данью съ подчиненаго племени князь дѣлился съ дружиною.

Товарищество на войнѣ вело къ сотовариществу и въ мирное время. Въ мирное время князь кормилъ свою дружину на своемъ дворѣ и задавалъ ей пиры. Очень хорошо извѣстны пиры, которые задавалъ дружинѣ Владиміръ Красное Солнышко: эти пиры поразили современниковъ и до сихъ поръ воспѣваются въ былинахъ.

Наконецъ, дружинники были не только сотоварищами князя по войнѣ, но и его совѣтниками, помощниками въ управленіи и личными слугами.

Князь дорожитъ дружиной.

Князь очень дорожилъ дружиною. Древняя лѣтопись сохранила нѣсколько отзывовъ князей о дружинѣ, въ которыхъ проглядываетъ эта любовь князя. Такъ, разсказывая о пирахъ

Владиміра Святого, лѣтописецъ говоритъ, что однажды дружинники подвыпили и начали роптать на князя, говоря: „Злоесть нашимъ головамъ! Да намъ ясти древяными лжицами, а не серебряными“. Услышавъ это, Владиміръ повелѣлъ приготовить серебрянныя ложки, говоря: „Серебромъ и золотомъ я не добуду дружины, а съ дружиною я найду и серебро и золото, какъ дѣдъ мой и отецъ мой доискались съ дружиною и золота и серебра“. Еще интереснѣе отзывъ лѣтописца о той любви, которую имѣлъ къ дружинѣ братъ Ярослава Мудраго Мстиславъ. Мстиславъ очень любилъ свою дружину и щадилъ ее въ битвахъ, выставляя въ первую голову простыхъ воиновъ. Такъ онъ сдѣлалъ и въ знаменитой Лиственской битвѣ, въ которой онъ побѣдилъ Ярослава и послѣ которой онъ раздѣлилъ съ нимъ русскую землю. Въ этой битвѣ Мстиславъ поставилъ свое ополченіе изъ сѣверянъ какъ разъ противъ Ярославовыхъ наемныхъ варяговъ, а за сѣверянами свою дружину. Началась сѣча, и когда варяги хорошо „потрудились“, избивъ сѣверянъ, то Мстиславъ выступилъ со своею дружиною и поразилъ уже утомленнаго врага. Осматривая потомъ поле сраженія, покрытое убитыми сѣверянами и наемными варягами, Мстиславъ пришелъ въ большую радость: „Кто этому не будетъ радоваться“, говорилъ онъ на полѣ битвы: „вотъ лежитъ сѣверянинъ, а вотъ варягъ, а моя дружина цѣла“. Мстиславъ былъ витязь, въ сильной мѣрѣ напоминавшій своего дѣда Святослава. Характеризуя Мстислава, лѣтописецъ говоритъ про него, что онъ очень любилъ свою дружину и не щадилъ для нея имѣнія и не жалѣлъ для нея ни питья, ни пищи.

Качество дружинниковъ; дѣленіе младшей дружины

Братство въ дружинѣ нисколько не исключало различія, существовавшаго въ ея средѣ. Братія въ дружинѣ была *большая* и *меньшая*. Тотъ былъ больше, кто выдѣлялся своими подвигами, кто ближе осуществлялъ собою идеалъ древне-русскаго мужа. Этотъ идеалъ сводился къ тому, что мужъ долженъ быть „бодръ“, „дерзокъ“ (въ бою), „ратенъ“ и даже „красенъ лицомъ“; это мужи „бранніи“ и „храборствующіе“. Но, кромѣ идеализаціи физической силы, въ древней Руси цѣнили и „мужа думающаго“, „мужа совѣта“, и „старѣйшаго“ (опытомъ), „добраго“, „честнаго“ (т.-е. почтеннаго). По своему значенію у князя дружина дѣлилась на *младшую и старшую.* Младшая дружина

называлась еще „*молодью*“, „*пасынками*“, или чаще „*гридями*“ (гридьбою), „*отроками*“, „*дѣтскими*“. Названіе гридей происходитъ отъ гридница, палата въ теремѣ; отсюда гридь равняется дворянину. Терминъ „дѣтскій“ употреблялся преимущественно тогда, когда хотѣли назвать княжескаго дружинника, исполняющаго какую-нибудь должность по управленію. „Отроки“ было общее названіе для младшей дружины. Въ военное время молодшая дружина представляла собою часто передовой отрядъ, авангардъ, который выпускался на непріятеля, или который употреблялся для мелкихъ набѣговъ и экспедицій. Въ мирное время молодшая дружина является въ качествѣ слугъ князя. Вообще князь всегда представляется окруженнымъ дѣтскими и отроками. Такъ, во время пира, на который пригласила княгиня Ольга древлянскихъ старѣйшинъ, прислуживаютъ за столомъ отроки. Подарки, которые были принесены византійцами Святославу Игоревичу, были спрятаны, по приказанію князя, отроками. Значитъ, различными отраслями княжескаго двора завѣдывали отроки. Отроки сопровождаютъ князя въ качествѣ его тѣлохранителей, изъ нихъ наряжается стража при плѣнныхъ и т. п. Въ своемъ поученіи Владиміръ Мономахъ не совѣтуетъ дѣтямъ полагаться ни на тіуновъ, ни на отроковъ: „Да не посмѣются приходящіе къ вамъ ни дому вашему, ни обѣдамъ вашимъ“, т.-е. и княжескій дворъ и обѣдъ находились въ ихъ завѣдываніи. Но сверхъ личной службы у князя отроки, гриди, дѣтскіе посылались князьями, какъ правители, напр., посадниками во второстепенные города. Конечно, изъ младшей дружины былъ естественный переходъ въ старѣйшую дружину.

Старѣйшая дружина.

Вторымъ и высшимъ элементомъ въ составѣ княжеской дружины была старѣйшая дружина, бояре; на ряду съ названіемъ бояръ, старѣйшихъ дружинниковъ называли *мужами* или княжьими мужами, *огнищанами* *). Старѣйшая дружина пользовалась особымъ почетомъ у князя и населенія. Совѣщаніе съ нею считалось для князя нравственно обязательнымъ. Къ числу старѣйшей же дружины принадлежали и бояре, занимавшіе наиболѣе важныя должности въ княжествѣ, напр., посадниковъ, тысяцкихъ и т. д.

---

*) Отъ слова *огнище*, т. е. дворъ; слѣдовательно, огнищанинъ — тоже, что дворянинъ.

Таковъ былъ двойственный составъ княжеской дружины.

Такъ какъ дружинники были нужные князю люди, такіе, которыми онъ дорожилъ, то понятно, князь, какъ судья, взыскивалъ наибольшую пеню съ тѣхъ, кто рѣшался оскорбить личность боярина. Поэтому Русская Правда за убійство княжого мужа назначаетъ двойную виру, за пораненіе его („муку“) установлена была двойная „продажа“. Боярамъ же принадлежала привиллегія передавать остающееся послѣ ихъ смерти имущество по наслѣдству дочерямъ, если нѣтъ наслѣдниковъ мужского пола; между тѣмъ имущество смерда отбиралось въ такомъ случаѣ въ пользу князя.

II.

Земское боярство.

Въ теченіе всего древне-русскаго періода княжеская дружина занимала весьма видное мѣсто въ составѣ древне-русскаго общества. Однако она въ теченіе этого періода пополнялась далеко неоднородными элементами, и уже въ XI—XII вѣкахъ характеръ окружавшей князя дружины сильно измѣняется. Перемѣна въ составѣ и положеніи дружины произошла вслѣдствіе сліянія земскаго боярства съ княжьимъ, такъ какъ дружина изъ бродячаго элемента дѣлается осѣдлымъ и мѣстнымъ.

Сліяніе земскаго и дружиннаго боярства.

Съ появленіемъ центральной княжеской власти въ Кіевѣ мы видимъ два рода боярства—*княжеское* и *земское* боярство. Первое имѣетъ значеніе въ управленіи землей, второму принадлежитъ вліяніе въ средѣ населенія. Князь со своимъ сборнымъ дружиннымъ элементомъ не могъ обойтись безъ поддержки градскихъ старцевъ. И мы видимъ, какъ внимательно относятся къ этому классу князья, напримѣръ, Владиміръ Святой. Дружина первыхъ князей наполнялась преимущественно варяжскимъ элементомъ, но съ теченіемъ времени въ составъ княжеской дружины привходятъ въ большомъ числѣ и мѣстные элементы, преимущественно земское боярство. Такой поворотъ особенно замѣтенъ при князьяхъ Владимірѣ Святомъ и сынѣ его Ярославѣ. Оба князя не интересовались далекими походами и все свое вниманіе обратили на внутреннее устроеніе государства. Очень понятно, что для нихъ весьма важно было опереться на мѣстный, земскій элементъ. И дѣйствительно, оба князя этому элементу оказывали особенное предпочтеніе. Кромѣ того

пришлый элементъ, особенно варяжскій, былъ очень пригоденъ для далекихъ походовъ, но вовсе не пригоденъ и даже не безопасенъ для мирнаго управленія. Варяги были очень требовательны, ихъ предводители окружали князя наподобіе франкскихъ майордомовъ. Это замѣтили Владиміръ Св. и его сынъ Ярославъ и постарались избавиться отъ варяжскихъ дружинниковъ. Когда Владиміръ побѣдилъ Ярополка и водворился въ Кіевѣ, то варяги заявили ему: „Это городъ нашъ, мы его взяли и мы желаемъ взять окупъ по двѣ гривны съ человѣка". Владиміру не хотѣлось выдавать такого окупа съ жителей своей столицы и онъ отвѣчалъ варягамъ: „Подождите съ мѣсяцъ, пока вамъ соберутъ деньги". Это онъ сказалъ только для того, чтобы оттянуть время и не дать имъ окупа. Прошелъ мѣсяцъ, и варяги это сообразили. „Обманулъ ты насъ,—сказали они Владиміру, такъ покажи намъ путь въ Грецію". Владиміръ охотно ихъ выпроводилъ въ Царьградъ, оставивъ, однако, на службѣ у себя людей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ. Насколько эта Владимірова дружина была неудобнымъ элементомъ, видно изъ того посланія, которое Владиміръ отправилъ вслѣдъ за варягами къ греческому царю: „Вотъ идутъ къ тебѣ варяги, не держи ихъ въ городѣ, а не то они тебѣ сдѣлаютъ то же, что и здѣсь сдѣлали; но разошли ихъ по разнымъ мѣстамъ, а сюда ни одного не пускай". Ярославъ, по разсказу Эймундовой саги, имѣлъ тоже столкновеніе съ норманами вслѣдствіе ихъ жадности къ золоту. Вслѣдствіе этой жадности норманы готовы были служить тому, кто больше дастъ. По словамъ той же саги, варяжскій предводитель такъ предлагалъ Ярославу свои услуги: „Мы хотимъ быть защитниками этого владѣнія, говорили норманы, хотимъ сойтись съ вами на условіяхъ и получить отъ васъ золото и серебро и хорошее платье; а если вы не намѣрены тотчасъ согласиться на наше предложеніе, мы получимъ то же самое отъ другихъ конунговъ, когда вы отъ насъ уклоняетесь".

Эти факты показываютъ, что бродячій иноземный элементъ утрачиваетъ наиболѣе вліятельное положеніе въ дружинѣ князя. Дѣйствительно, уже при первыхъ Ярославичахъ княжескія дружины состоятъ изъ мѣстнаго русскаго элемента, или изъ обрусѣвшихъ потомковъ иноземцевъ. Мало того, княжеская дру-

жина преимущественно пополняется боярствомъ той области, гдѣ княжитъ князь. Самое названіе старцевъ, старѣйшинъ, выходитъ изъ тогдашняго языка, замѣняясь общимъ именемъ боярина, мужа. Вмѣстѣ съ тѣмъ боярскій классъ пріобрѣтаетъ новый характеръ. Сліяніе мѣстнаго боярства съ княжьимъ въ одну группу состоитъ въ томъ, что эта объединенная группа является, во-первыхъ, *правительственнымъ* классомъ, во-вторыхъ *землевладѣльческимъ*. Чисто товарищескія связи по военному ремеслу, которыя объединяли древнихъ дружинниковъ, теперь приняли совершенно другой характеръ. Дружина попрежнему окружаетъ князя, въ ея обычаяхъ сохраняется древняя традиція. Но члены ея не только боевые товарищи, случайно сошедшіеся: все это люди, объединенные интересами управленія и интересами землевладѣнія. Въ XII вѣкѣ нарождаются новые понятія и взгляды. Русь разбивается на много земель и княженій. Почти во всѣхъ этихъ земляхъ осаживаются мѣстныя династіи Ярославичей (за исключеніемъ Новгорода и Кіева). Мѣстные князья проникаются мѣстными интересами—интересами хозяйства, управленія: стоитъ вспомнить о такихъ князьяхъ—хозяевахъ, какими были суздальскія князья, Юрій Долгорукій и его сынъ Андрей. И не одни суздальскіе князья отличались указанными качествами: они были только болѣе типичными представителями эпохи, когда начало создаваться понятіе о княжеской отчинѣ. Въ каждой землѣ образовывается свой боярскій классъ. Онъ составился частью изъ мѣстныхъ видныхъ элементовъ, частью изъ тѣхъ, которые пришли съ княжеской дружиной. Какъ князь, обжившійся въ своей отчинѣ и дѣдинѣ, не хочетъ ея покидать, такъ и для боярства мѣстные интересы дѣлаются дорогими и сливаются съ ихъ собственными. Пользуясь своимъ вліяніемъ на вѣче и матеріальными средствами, оно предпочитаетъ призвать къ себѣ угоднаго ему князя вмѣсто того, чтобы скитаться въ княжеской дружинѣ и искать счастья на новыхъ мѣстахъ. При каждомъ князѣ и въ каждомъ городѣ, какъ это нетрудно видѣть изъ лѣтописи, есть своя боярская группа. Князья же являются на свои столы съ незначительною дружиною, потому что населеніе каждаго города не любило пришлыхъ княжескихъ совѣтниковъ и бояръ. Отсюда видно, что вообще въ каждомъ княженіи

бразованіе одного мѣстнаго боярскаго класса.

было мало пришлыхъ бояръ, явившихся съ князьями, и что около князя образовалась правительственная группа изъ мѣстнаго боярства.

Объединеніе мѣстнаго боярства интересами землевладѣнія и управленія.

Мы сказали, что боярство каждой земли было объединено интересами управленія и интересами злемлевладѣнія. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ наросли интересы того и другого рода въ боярской средѣ.

Первые князья кормили свою дружину и послѣ походовъ дѣлили съ нею свою добычу. Съ раздѣленіемъ Руси на многія княженія, войны сдѣлались мельче, добыча ничтожна, да и характеръ ея былъ не тотъ: вмѣсто золота и паволокъ, которыя забирали на югѣ древніе князья, ихъ потомки грабятъ села, гдѣ добычей служитъ челядь и кони, а хлѣба увезти нельзя. Потому богатство дружинниковъ заключалось въ селахъ, въ житницахъ, богатыхъ погребахъ, въ массѣ скота. Въ самомъ дѣлѣ, современники XII, XIII вѣка представляли себѣ боярина какъ крупнаго землевладѣльца, у котораго много селъ, всякаго добра и челяди. Даже богатые новгородскіе бояре и тѣ соединяютъ землевладѣніе съ торговлею.

Въ настоящее время довольно трудно сказать, какимъ образомъ боярство обогатилось землями, т.-е. получало ли оно эти земли отъ князя и покупало ихъ, или же само осваивало и населяло своими людьми. Вполнѣ возможно то и другое, въ зависимости отъ эпохи и отъ мѣстности. Такъ, въ XII вѣкѣ мы уже имѣемъ извѣстія о продажѣ земли, значитъ, были земли, имѣвшія цѣнность, и значитъ, уже были заняты, по крайней мѣрѣ, наиболѣе удобныя земли, знаемъ также, что селища поступаютъ въ даръ, записываются монастырямъ, церквамъ, князья осаживаютъ выведенными изъ другихъ земель людьми города, т.-е. садятъ ихъ въ укрѣпленныхъ пунктахъ и раздаютъ земли вокругъ такого поселка, наконецъ, осаживаютъ населеніе по берегамъ рѣкъ. По крайней мѣрѣ, въ центральныхъ частяхъ Руси, т.-е. въ Поднѣпровьи, въ Галиціи и на Волыни, въ Новгородской области уже тогда земли были освоены, т.-е. имѣли собственниковъ, а собственникомъ всѣхъ незанятыхъ считался князь или вѣче. Разумѣется, въ болѣе удаленныхъ отъ древнѣйшихъ поселеній мѣстностяхъ, напр., въ Окскомъ бассейнѣ, громадныя простран-

ства земли еще въ XII в. не были никѣмъ заняты и только тогда подлежали колонизаціи.

Во всякомъ случаѣ ясно одно: какъ только земля получила въ общественныхъ отношеніяхъ значеніе извѣстной цѣнности, она оказалась въ рукахъ князя или его бояръ. Владѣя многими селами, княжеская дружина уже не сидитъ въ княжеской гридьбѣ за пированьемъ, но разсѣяна въ мирное время по своимъ селамъ. По окончаніи войны князья распускаютъ свою дружину, а когда нужно выступить въ походъ, то князь собираетъ свою дружину. Итакъ, мы видимъ большую перемѣну въ томъ, что дружинники осѣдаютъ на земляхъ, сливаются съ мѣстнымъ боярствомъ и превращаются въ землевладѣльцевъ.

Дружинное боярство.

Крупные бояре служатъ теперь своему князю не тольк о лично, но со своею *боярскою дружиною, отроками, чадью*. У нѣкоторыхъ бояръ количество такой чади было весьма значительно: Борисова чадь изъ Пскова могла захватить цѣлый городъ Изборскъ. Симонъ варягъ пришелъ на службу къ своему князю съ цѣлымъ войскомъ въ 3000 отроковъ; даже великіе князья, насколько извѣстно, не имѣли такой дружины. Боярская чадь увеличивала и украшала княжеское войско. Галицкая земля, гдѣ могущественнѣйшее боярство являлось преобладающимъ элементомъ, славилась красотою и богатствомъ коней и доспѣховъ своего войска. Лѣтописецъ, разсказывая подъ 1211 годомъ, что у князя Даніила было больше воиновъ, чѣмъ у другихъ князей, объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что „бяху бояре велицiи отца его его всѣ у него", т.-е. красу войска составляли боярскіе полки. При тогдашнихъ условіяхъ, при грубости нравовъ, боярская дружина имѣла не только служилое значеніе для князя, но она была и защитою самого боярина и средствомъ держать въ страхѣ менѣе сильныхъ.

Отсутствіе замкнутости въ боярскомъ классѣ.

Таковъ былъ бояринъ-дружинникъ, какъ землевладѣлецъ. Не надо только думать, что эти бояре представляли собой сплоченную группу общества, въ которую нельзя было бы проникнуть свѣжимъ элементамъ. Напротивъ, боярство не было замкнутымъ классомъ, его права не были ограждены какими-либо особыми законами: вліяніе бояръ держалось на ихъ фактической силѣ. Поэтому всякій могъ сдѣлаться бояриномъ: даже въ Галиціи, гдѣ боярскія тенденціи были сильно развиты, въ средѣ

важнѣйшихъ бояръ былъ нѣкто Судьичъ, поповъ внукъ, а Лазарь Домажиричъ съ Иворомъ Молибожичемъ были „отъ племени смердья". Но отсутствіе кастовой исключительности нисколько не мѣшало зарожденію въ боярской средѣ древней Руси извѣстнаго рода родовитости. Богатство удерживается надолго въ семьѣ и доставляетъ ей преимущества. Съ другой стороны, очень понятно, что князь, выростая въ боярской средѣ, обращался къ дѣтямъ своихъ старыхъ бояръ въ дѣлахъ управленія. Оттого, несмотря на скудость извѣстій, можно указать на нѣкоторыя боярскія семьи, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній занимаютъ видныя должности или именуются боярами. Такъ, напримѣръ, можно указать на фамилію Жирославичей, которые почти въ теченіе двухсотъ лѣтъ были воеводами въ Кіевѣ, начиная со Всеволода Ярославича и при его потомкахъ. Нечего и говорить о томъ, что довольно обычно, когда сыновья занимаютъ тѣ же мѣста, что и ихъ отцы. Неудивительно поэтому, что въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчаются даже упоминанія о „черниговскихъ быляхъ", т.-е. о людяхъ опытныхъ въ походахъ. Это были боярскія фамиліи Могутовъ, Татрановъ, Шельбировъ, Топчаковъ, Ребуговъ: все это фамиліи, пріобрѣвшія славу въ битвахъ съ половцами—„они съ засапожными ножами полки побѣждаютъ, звоня въ прадѣднюю славу". Такимъ образомъ, въ рукахъ боярства скоплялись богатства, административное значеніе. Неудивительно поэтому, что бояре пользовались громаднымъ вліяніемъ среди остального населенія. Сѣрая масса находилась въ зависимости отъ этого боярскаго класса, или какъ арендаторы отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, или какъ ремесленники, или вообще мелкіе продавцы разныхъ продуктовъ отъ крупныхъ капиталистовъ и оптовыхъ торговцевъ. Очень многіе попадали въ неоплатные долги къ этимъ боярамъ, и часто экономическая захудалость вела къ рабству. Кромѣ того, сильный человѣкъ, имѣвшій много рабовъ, цѣлый полкъ военныхъ людей въ своемъ распоряженіи, всегда могъ явиться насильникомъ, нанести обиду, при условіяхъ жизни того времени. Такъ и смотрѣли въ древней Руси. Взглядъ этотъ отразился въ извѣстномъ литературномъ патятникѣ XII в.—Словѣ Даніила Заточника. Авторъ его говоритъ, что его всѣ обижаютъ, потому что онъ не огражденъ страхомъ грозы кня-

Вліяніе боярства на мѣстное общество.

Сильные люди притѣсняютъ слабыхъ.

жеской. И это терпитъ не одинъ авторъ Слова: люди безъ защиты, какъ сироты и вдовицы, тоже терпятъ отъ вельможъ, даже близкіе князю люди готовы сдѣлать насиліе. „Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села", потому что такому неосторожному сосѣду принесетъ бѣду или княжій тіунъ, или подчиненные ему люди. Вотъ почему Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи совѣтуетъ своимъ дѣтямъ, чтобы они, проѣзжая по своимъ землямъ, не позволяли бы отрокамъ „дѣлать пакости ни своимъ людямъ, ни чужимъ, ни въ селехъ ихъ, ни въ житахъ ихъ, чтобы не проклинали люди"; авторъ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ не давать въ обиду сильнымъ людямъ ни худого смерда ни убогой вдовицы. Итакъ, только князь, по представленію русскихъ людей, какъ наиболѣе сильный изъ сильныхъ, могъ быть оградою сѣрой массѣ отъ насилія боярства. Впрочемъ, практика древне-русской жизни показываетъ, что не всегда князья, сами слабые, зависящіе отъ тѣхъ же бояръ, боящіеся боярскихъ крамолъ, могли быть дѣйствительною защитою слабыхъ. Весьма интересную характеристику даетъ лѣтописецъ великому князю суздальскому Всеволоду: „Всеволодъ не обинуяся лицъ и сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меньшихъ и работящихъ сиротъ (т.-е. обращающихся въ рабство беззащитныхъ людей) и насилія творящихъ". Итакъ, этотъ могущественный князь заслужилъ похвалу современниковъ тѣмъ, что не потворствовалъ насилію бояръ.

Простой народъ далеко не вездѣ жилъ въ ладахъ съ боярствомъ, отчего иногда происходили вспышки худыхъ людей противъ богатыхъ. Такое, напр., возстаніе городской черни въ Кіевѣ въ 1113 году имѣло весьма важныя послѣдствія. Это было какъ разъ послѣ смерти великаго князя Святополка Изяславича, нелюбимаго народомъ за покровительство евреямъ-ростовщикамъ и мѣстнымъ богачамъ, тоже взимавшимъ громадные проценты. Чернь стала грабить дома княжескихъ чиновниковъ и мѣстныхъ аристократовъ. Только своевременное появленіе Владиміра Мономаха на кіевскомъ столѣ прекратило дальнѣйшій грабежъ, остановило „крамолу, сущую въ людяхъ". Это возстаніе побудило Владиміра Мономаха издать законы о процентахъ: онъ установилъ максимальный процентъ — 20%, что считалось въ то

время облегченіемъ; подъ вліяніемъ того же мятежа Владиміръ Мономахъ издалъ законы о закупахъ и холопахъ, регулирующіе отношенія ихъ къ господамъ.

Таковы общія черты въ развитіи боярскаго класса въ древней Руси, каковымъ этотъ классъ является къ концу періода, т.-е. въ половинѣ XIII вѣка. Этотъ классъ произошелъ изъ слиянія земскаго элемента, т.-е. древнихъ старѣйшинъ и ихъ потомства и древняго купечества торговыхъ городовъ, и княжеской дружины, превратившейся изъ бродячей и часто иноземной въ осѣдлый классъ общества. Образовавшійся такъ боярскій классъ, обладалъ обширнымъ вліяніемъ на княжеское управленіе и мѣстное общество, и въ основѣ своего богатства имѣлъ землевладѣніе.

III.

Конечно, при разнообразіи мѣстныхъ условій древне-русской жизни въ различныхъ земляхъ наблюдаются нѣкоторыя различія какъ въ происхожденіи этого класса, такъ и въ особенности занятаго имъ положенія въ средѣ мѣстнаго общества. Такъ, въ Кіевѣ, центрѣ древней Руси, рано сложилась мѣстная аристократія. Торговое положеніе города преимущественно выдвигало богатыхъ людей, капиталистовъ, промышленниковъ и купцовъ. Одну группу съ ними представляло и то боярство, которое создалось путемъ службы у князя. Въ силу торговаго положенія города, привлекавшаго какъ русскихъ людей изъ другихъ земель, такъ и иноземцевъ, кіевское боярство было весьма разнородно по своему происхожденію. Боярство это имѣло громадное значеніе въ землѣ, оно первенствовало на вѣчѣ. Зависимость простыхъ людей отъ бояръ была зависимостью экономическаго характера—бѣдныхъ отъ богатыхъ. Среди боярства было много лицъ, отдававшихъ деньги или вещи подъ большіе проценты. Отсюда возникла нелюбовь черныхъ людей къ боярству.

Особенности положенія боярства въ различныхъ земляхъ.

Кіевскіе бояре.

Если въ Кіевѣ боярскій классъ составился изъ очень различныхъ по происхожденію своему элементомъ, то въ Новгородѣ наблюдается совершенно противоположное явленіе.

Новгородскіе бояре.

Въ Новгородской землѣ боярство исключительно мѣстнаго

20*

происхожденія, потому что здѣсь установился порядокъ, по которому князь и его дружина не могли пріобрѣтать земель. Новгородскія боярскія фамиліи обладали огромными владѣніями на сѣверѣ, въ Бѣломорьѣ и Пріуральѣ: здѣсь ихъ приказчики и слуги занимались сборомъ мѣховой дани съ инородцевъ, торговлею. Такимъ образомъ, новгородскимъ боярствомъ торговля объединялась съ землевладѣніемъ. Какъ извѣстно, новгородское боярство пользовалось въ своей землѣ огромнымъ вліяніемъ. Это значеніе поддерживалось зависимостью черни отъ ихъ богатства. На землѣ бояръ сидѣли арендаторы-смерды, которые, какъ это обыкновенно бывало, находились въ долгу у своихъ землевладѣльцевъ, и для которыхъ было бы тяжело и разорительно сходить съ насиженнаго участка, если бы владѣлецъ пожелалъ ихъ изгнать. Бояре купцы скупали товары у мелкихъ промышленниковъ и продавали заграничные товары мелкимъ торговцамъ, и, конечно, тѣхъ и другихъ держали въ зависимости. Очевидно, всѣ такіе зависимые люди и на вѣчѣ должны были уступать боярамъ и поддерживать ихъ. Задолженность такихъ людей была обыкновеннымъ дѣломъ: недаромъ у бояръ бывали „доски", на которыхъ „безъ числа" были имена должниковъ. Новгородскіе люди, завися отъ бояръ, нерѣдко бросались грабить своихъ притѣснителей, убивали ихъ самихъ. Такимъ образомъ, зависимыя отношенія бѣдныхъ отъ богатыхъ порождали ненависть первыхъ къ послѣднимъ.

Боярство Ростовской земли.

Напротивъ, въ Ростовской области вліятельный элементъ распадался на двѣ группы: бояръ и купцовъ. Хотя лѣтописецъ оба [элемента всегда называетъ отдѣльно, но нельзя не замѣтить, что оба они они составляютъ по своимъ политическимъ взглядамъ одно цѣлое. Вліяніе ихъ на населеніе было невелико, и въ политическихъ вопросахъ очень часто люди становились на одну сторону, а бояре и купцы на другую. Причина, вслѣдствіе которой въ Ростовской землѣ наблюдается раздѣленіе вліятельнаго элемента на бояръ и купцовъ, заключается въ исторіи колонизаціи этой земли. Ростовъ и Суздаль — старые города, и, очевидно, выдающейся группой въ нихъ первоначально было купечество. Съ появленіемъ же князей съ ними явился сюда и дружинный классъ, превратившійся въ

землевладѣльческое боярство. Въ Смоленской землѣ боярство пользуется уваженіемъ и силою, но оно очень тѣсно связано съ мѣстнымъ земствомъ. И когда земство спорило со своими князьями (что случалось очень рѣдко), то во главѣ его оказывались бояре, „лучшія головы". Напротивъ, въ сосѣдней Полоцкой землѣ, повидимому, не наблюдается совсѣмъ развитія боярства. Бояре въ Смоленской и Полоцкой з.

Но самыя интересныя черты въ развитіи боярства мы наблюдаемъ въ Галицкой землѣ. Даже о такомъ князѣ, каковъ былъ Даніилъ Романовичъ, лѣтописецъ говоритъ, что „бояре галицкіе называли Даніила своимъ княземъ, а сами всю землю держали". Въ Галицкой землѣ.

Такое значеніе галицкихъ бояръ создалось подъ вліяніемъ особыхъ мѣстныхъ условій. Плодородная Галиція издавна имѣла обширный классъ земскихъ бояръ. Дружинный элементъ среди галицкаго боярства былъ незначителенъ, такъ какъ Галиція послѣ смерти Ярослава почти всегда представляла одно княженіе, и только въ XII вѣкѣ династія вымершихъ Ростиславичей смѣнилась здѣсь новой династіей Мономаховичей въ лицѣ князя Романа Мстиславича. Поэтому князья не смѣнялись и не приводили съ собой своихъ бояръ. Галиція была большимъ княжествомъ со многими волостями и городами: туда для управленія посылались бояре и, по тогдашнему выраженію, имѣли тамъ „корму много". Кромѣ того, галицкіе бояре имѣли обширныя поземельныя владѣнія, населенныя рабами ихъ и свободными людьми. Галицкій край обладаетъ счастливой почвой; его географическое положеніе было также очень удачно: Галиція удалена отъ степи, откуда появлялись половцы и, напротивъ, приближена къ Западной Европѣ, съ которой удобно было завязать сношенія. Богатство галицкихъ бояръ часто удивляетъ лѣтописца. Полки галицкихъ бояръ отличались численностью и богатствомъ оружія. Дворы бояръ въ самомъ Галичѣ представляли собою арсеналы, въ которыхъ были склады копій и стрѣлъ. Галицкое боярство отличалось сплоченностью и численностью. Многіе роды боярскіе пользовались особеннымъ вліяніемъ, напримѣръ, Арбузовичи, Молибоговичи, Володрысы и др.

Всѣ эти условія сдѣлали изъ галицкихъ бояръ силу, которая уже съ половины XII вѣка стремится фактически распоряжаться

галицкимъ столомъ. Особенно памятно въ исторіи Галиціи проявленіе боярской оппозиціи предъ вокняженіемъ Романа Мстиславича и втеченіе почти 40 лѣтъ послѣ смерти этого князя до окончательной побѣды Даніила Романовича надъ боярствомъ. Много разъ за это время бояре призывали венгровъ въ Галицію, успѣвали нѣсколько разъ захватывать регентство въ правленіе малолѣтняго венгерскаго королевича Коломана и пр. Вообще бояре сажали на столъ того кондидата, который имъ нравился, и только такіе замѣчательные князья, какъ Романъ и его сынъ Даніилъ, могли одолѣть боярскую оппозицію. Насколько могущественно было боярство, можно видѣть изъ слѣдующихъ эпизодовъ. Во время малолѣтства Даніила Романовича бояре посадили было у себя Даніила, но выгнали изъ города его мать, которая хотѣла быть регентшей. Послѣ нѣкоторой борьбы бояре остались совсѣмъ безъ князя, и на княжескій столъ въ Галичѣ сѣлъ одинъ изъ бояръ, Володиславъ (въ 1210 году). Впрочемъ, онъ княжилъ очень недолго, и Галичъ опять попалъ въ руки венгровъ. Но вокняженіе боярина—фактъ совершенно необычный для древней Руси: имъ поражены были современники. Но среди галицкаго боярства это попытка не единственная: послѣ татарскаго нашествія въ г. Дорогичинѣ засѣлъ какой-то „держатель", который не пустилъ въ городъ князя Даніила, и съ которымъ князю пришлось воевать. Вотъ еще фактъ, наглядно выясняющій силу бояръ. При князѣ Даніилѣ сильные галицкіе бояре позахватывали цѣлыя области: бояре Доброславъ и Судьичъ грабили землю, заняли г. Бокоту и все Понизье, цѣлую область; третій бояринъ, Григорій Васильевичъ, захватилъ всю горную Перемышльскую страну. Князь Даніилъ послалъ своего стольника Якова къ Доброслову сказать: „Я князь вашъ, а вы не творите моего повелѣнія: землю грабите. Я не велѣлъ тебѣ, Доброславъ, принимать черниговскихъ бояръ, но раздать волости галицкимъ боярамъ, а Коломыйскій соляной округъ оставитъ мнѣ" (т.-е. не давать боярамъ въ управленіе и для собиранія доходовъ). Доброславъ отвѣтилъ. „Да будетъ такъ!" Пока Яковъ сидѣлъ у Доброслава, къ послѣднему пришли два боярина, Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, и поклонились до земли. Яковъ былъ удивленъ видѣннымъ и спросилъ о причинѣ такихъ низкихъ поклоновъ. „Я отдалъ имъ Коломыю", преспокойно отвѣтилъ Доброславъ.

„Какъ же могъ ты безъ княжья повелѣнія отдать имъ, когда Коломыю держатъ князья великіе для содержанія изъ доходовъ ея оружниковъ?“ Доброславъ засмѣялся и сказалъ: „Что же мнѣ отвѣчать!“ Всѣмъ видѣннымъ княжескій посланецъ былъ крайне пораженъ и разсказалъ о всемъ Даніилу: „Даніилъ же скорбяше и моляшеся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею“, и ничего не могъ сдѣлать съ сильнымъ бояриномъ. Только впослѣдствіи Даніилъ успѣлъ отомстить Доброславу. Послѣдній обвинилъ другого боярина, Григорія, въ измѣнѣ. Оба отправились на судъ къ Даніилу. Лѣтописецъ разсказываетъ о томъ, съ какою гордостью шествовалъ Доброславъ по улицамъ Галича: онъ ѣхалъ съ великою гордынею, въ одной сорочкѣ, гордясь и даже не смотря на землю (т.-е. внизъ, на народъ); галичане же шли у его стремени. Даніилъ воспользовался распрей среди бояръ и велѣлъ ихъ арестовать.

Послѣдній разсказъ лѣтописца показываетъ, какимъ вліяніемъ на населеніе пользовались бояре: толпа народа протискивается къ стремени великаго вельможи, а онъ даже не замѣчаетъ, кто болѣе другихъ усердствуетъ. И это понятно, потому что галицкіе бояре имѣли среди населенія многихъ кліентовъ, отъ нихъ зависящихъ, имена которыхъ значились на тѣхъ долговыхъ доскахъ, къ которымъ питала ненависть новгородская чернь: вѣдь за долговымъ обязательствомъ въ древней Руси стоялъ призракъ рабства. Бояръ боялись, но и не любили: Даніила, напримѣръ, галицкое гражданство очень любило, стекалось къ нему, по словамъ лѣтописца, какъ пчелы къ маткѣ, и, однако, Даніилъ не могъ получить (въ первой половинѣ своего княженія) большой поддержки со стороны галицкой громады, потому что бояръ боялись, а въ силѣ князя не были увѣрены.

Такова фактическая сила древне-русскаго боярства, созданная условіями тогдашней жизни.

М. Довнаръ-Запольскій.

Городское и сельское населеніе *).

„Люди градскіе".

Съ древнихъ временъ на Руси существовали города, жители которыхъ были извѣстны подъ общимъ широкимъ наименованіемъ „людей градскихъ"; въ такомъ широкомъ смыслѣ употребляетъ это опредѣленіе и лѣтопись: „бояринъ боярина плѣниша, повѣствуетъ она, смердъ смерда, градъ града" (Ипат. 1221). Вѣроятно, подъ именемъ „града" первоначально разумѣлись лица, жившія въ городѣ, безъ отношенія къ ихъ профессіи, но уже въ очень раннее время въ этомъ широкомъ кругѣ стали дифференцироваться болѣе опредѣленныя группы лицъ, занятыхъ торговлей и ремеслами, и съ теченіемъ времени терминъ горожанъ или „людей градскихъ" сталъ примѣняться только къ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу различ-

*) *Литература: Лешковъ.* „Русскій народъ и государство". 1858. — *Хлѣбниковъ* „Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи". 1872.— *Дебольскій* „Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в." 1903 г.—*Лаппо-Данилевскій.* „Очеркъ и исторія образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи" (Крестьянскій строй, т. I. 1905 г.) *Рожковъ.* „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія". 1905 г.— *Бѣляевъ.* „Крестьяне на Руси" 1860 г. *Его-же* „Разсказы изъ русской исторіи. Исторія города Пскова и Псковской земли". 1867 г.—*Костомаровъ.* „Сѣверно-русскія народоправства". 1863. *Линниченко.* „Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной Галицкой Руси XIV-XV вв." 1894. *Сергѣевичъ.* „Древнее русское землевладѣніе" (Ж. М. Н. Пр. 1902, III.) *Никитскій.* Очеркъ внутренней исторіи Пскова" 1873. *Его-же* „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода". 1893. *Кальневъ.* „Значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ во времена „Русской Правды". 1879. *Никольскій.* „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ усскомъ рправѣ" 1859 г. *Цитовичъ.* „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія" Харьковъ 1870 г.

наго экономическаго состоянія одни изъ нихъ пріобрѣтали большее вліяніе по сравненію съ другими, большій вѣсъ въ обществѣ, и это обусловливало дальнѣйшее раздѣленіе городского населенія на отдѣльные слои. Верхній слой составили торговцы-гости и купцы, а низшій—ремесленники.

Уже въ договорѣ съ греками 945 г. упоминаются „отъ рода русскаго сли и гостье" и дальше „купецъ". Нѣкоторые историки (Филипповъ и Владимірскій-Будановъ) находятъ различіе въ опредѣленіяхъ „гости" и „купцы" въ томъ, что первые были иностранцами, по преимуществу варягами, подтвержденіе чему видятъ въ именахъ гостей, упоминаемыхъ въ договорѣ Игоря. Съ теченіемъ времени гости ассимилируются съ мѣстнымъ населеніемъ и сливаются съ купцами. Намъ кажется болѣе соотвѣтствующимъ истинѣ объясненіе проф. Сергѣевича, что гостями назывались тѣ же купцы, только торговавшіе не на одномъ мѣстѣ, а „гостившіе", разъѣзжавшіе съ товарами по странѣ и за ея границы. Купцы.

Купцы занимали въ обществѣ высокое положеніе и часто пользовались большимъ значеніемъ,—такъ уже цитированный выше договоръ Игоря съ греками показываетъ, что они являлись въ качествѣ пословъ, они участвовали въ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлахъ: такъ Суздальская лѣтопись говоритъ, что „всташа (на вѣчѣ) бояре и купцы, рекучи: княже, мы тобѣ добра хочемъ, за тя головы своя складываемъ" (1177). Значеніе купцовъ.

Въ другой лѣтописи разсказывается, какъ князья Святополкъ и Владиміръ приглашали Олега Черниговскаго пріѣхать въ Кіевъ, „да порядъ положимъ о Русстѣй земли предо епископы, и предъ мужи отецъ нашихъ и предо людми градскими (Лавр. 1096 г). Въ числѣ „градскихъ людей" были, возможно, и купцы. И „Русская Правда" ставитъ купца на одинъ уровень съ „княжимъ тіуномъ", назначая за убійство его виру въ 40 гривенъ. Память о высокомъ и почетномъ положеніи купцовъ сохранили русскія былины, воспѣвающія Садко—Богатаго гостя, и др. Наравнѣ со всѣмъ свободнымъ населеніемъ они принимали участіе въ походахъ: такъ новгородская лѣтопись говоритъ: „Позва Всеволодъ Новгородцевъ на Черниговъ, и идоша съ нимъ огнищане, и гридьба и купци" (1195 г.); въ договорѣ Игоря съ греками обусловливается, чтобы купцы

входили въ Царьградъ безъ оружія. Изъ этого можно заключить, что въ обычное время они ходили вооруженными, что было вполнѣ естественнымъ, такъ какъ имъ приходилось самимъ защищать свои караваны.

Какъ всѣ свободные, купцы могли имѣть движимую а также и недвижимую собственность (на что указываютъ договоръ съ греками и многія статьи „Русской Правды"), а равно и холоповъ, и въ этомъ отношеніи они не отличались отъ бояръ и дружинниковъ. Вообще, въ тѣ времена еще не было замкнутыхъ сословій, и купцы легко могли переходить въ разрядъ земскихъ и княжескихъ бояръ.

Молодшіе или „черные люди".

Меньше свѣдѣній сохранилось о положеніи низшаго слоя городского населенія, которое позднѣе пріобрѣтаетъ наименованіе „молодшихъ" или „черныхъ" людей. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ встрѣчаются упоминанія, что въ Кіевѣ былъ „гончарный конецъ", лѣтописи говорятъ о существованіи въ Кіевѣ и Курскѣ кузнецовъ, наконецъ археологическія данныя подтверждаютъ, что въ этотъ періодъ въ городахъ Руси была уже довольно широко развита промышленность обрабатывающая; но этихъ свѣдѣній слишкомъ мало, чтобы судить о состояніи этихъ людей Во всякомъ случаѣ, ихъ положеніе тоже не было замкнутымъ, и они могли переходить въ болѣе высокіе слои общества; такъ, лѣтопись передаетъ разсказъ о томъ какъ Владиміръ за побѣду Кожемяки надъ печенѣжскимъ богатыремъ „великимъ мужемъ (бояриномъ) створи того и отца его". (Лавр. 992 г.).

Городское населеніе Новгорода и Пскова.

Болѣе опредѣленныя данныя сохранились относительно городского населенія Новгорода и Пскова.

Кромѣ обычнаго дѣленія на гостей и купцовъ и „молодшихъ людей" въ этихъ городахъ образовался еще слой такъ называемыхъ „житьихъ" людей, стоявшій въ Псковѣ ниже купцовъ, между ними и черными людьми, а въ Новгородѣ—выше, примыкая непосредственно къ боярамъ и образуя отдѣльную самостоятельную группу во всѣхъ случаяхъ, когда посылались куда-либо депутаціи или заключались договоры. Купечество этихъ городовъ составляло торговыя компаніи потомственныхъ или „пошлыхъ" купцовъ, которые совмѣстно вели торговлю и пользовались нѣкоторыми привиллегіями. Все купечество раз-

дѣлялось на сотни: „купецъ пойдетъ въ свое сто“, говоритъ одинъ договоръ; сотни эти имѣли свои земли и дворы и вооруженныя дружины. Нѣтъ точныхъ указаній на то, что дѣленіе на сотни встрѣчалось и въ другихъ городахъ, но это можно предполагать на томъ основаніи, что повсемѣстно встрѣчается должность „тысяцкаго“, а если были тысячи, то были и сотни. Особенностью Пскова въ сравненіи съ Новгородомъ являлись купеческія вѣча, дававшія большой перевѣсъ купцамъ на общемъ вѣчѣ, куда купцы приходили уже обсудивъ дѣло и принявъ рѣшеніе; другой особенностью было болѣе независимое положеніе, которое занимали „черные“ или „молодшіе“ люди, главнымъ образомъ благодаря частымъ войнамъ, которыя велись Псковомъ, и въ которыхъ они составляли ядро войска.

Ниже городскаго населенія стояли „смерды“; на это указываетъ Воскресенская лѣтопись, говоря: „нача Ярославъ вои дѣлити (добычу): старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а ноугородцемъ по 10 гривенъ“ (1019 г.),— какъ видно, смерды получили меньше всѣхъ. Положеніе ихъ представляется тоже мало опредѣленнымъ, и неясности начинаются съ самаго термина „смердъ“, который употребляется въ памятникахъ того времени въ двухъ значеніяхъ. Онъ употребляется для обозначенія всего свободнаго населенія за исключеніемъ князя; такъ Олегъ, на приведенное выше приглашеніе князей „рядъ положить предъ игумены, епископы, и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людми градскими“, отвѣчаетъ: „нѣсть мене лѣпо судить епископу, ли игумену, ли смердомъ“. (Лавр. 1096 г.). Въ такомъ же широкомъ смыслѣ употребляетъ слово „смердъ“ и Русская Правда: „а за княжъ конь 3 гривны, а за смердей—2 гривны“ (Ак. 25.), такъ какъ въ позднихъ редакціяхъ вмѣсто „смердей“ стоитъ „за инѣхъ“ (Тр. 40). Но въ памятникахъ того же времени это выраженіе употребляется и въ болѣе узкомъ смыслѣ: для обозначенія только сельскаго населенія; такъ, приведеное выше лѣтописное извѣстіе противопоставляетъ смердовъ боярамъ и горожанамъ: „бояринъ боярина плѣниша, градъ града, смердъ смерда“. Въ томъ же смыслѣ употребляетъ его и Владиміръ Мономахъ: „начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударить его стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ иметь жену его и

дѣти его и все его имѣніе" (Лавр. 1103 г.). Можно предполагать, что это наименованіе пережило такую же эволюцію, какъ и понятія „мужъ", „христіанинъ", которыя, суживаясь въ своемъ значеніи, стали прилагаться только къ низшему слою населенія, простолюдинамъ.

Права смердовъ. „Русская Правда" ясно указываетъ, что смерды были лично свободны, противопоставляя ихъ холопамъ: холоповъ „князь продажею не казнитъ, занеже соуть несвободни" (ст. 43 Кар.); она перечисляетъ „уроци смердомъ, оже платятъ князю продажу" (Ст. 42 Кар.). На это же указываетъ запрещеніе мучить смерда „безъ княжа слова" (Ст. 31 Ак.), то есть подвергать его наказаніямъ безъ приказа князя. Сводобное состояніе смердовъ видно и изъ ихъ права быть свидѣтелями на судѣ, между тѣмъ какъ этого права были лишены холопы. Но будучи лично свободными, смерды стояли на общественной лѣстницѣ ниже другихъ группъ населенія; это видно, какъ изъ приведенной выше доли смерда въ военной добычѣ, такъ и изъ многихъ статей „Русской Правды". Такъ, за „муку" смерда платилось только 3 гривны, тогда какъ за „муку" огнищанина" 12 гривенъ (ст. 32 Ак.), за кражу коня смерда—2 гривны, а за кражу княжескаго коня—3 гривны (ст. 25 Ак.), за убійство холопа смерда 5 гривенъ *), а княжескаго 12 гривенъ. Такое положеніе объясняется экономической необезпеченностью и вытекавшей изъ нея беззащитностью смердовъ въ сравненіи съ другими слоями населенія. Впрочемъ, состояніе смердовъ не было замкнуто, и, если они и могли спускаться ниже, то есть превращаться въ холоповъ, то могли, вѣроятно, въ очень рѣдкихъ случаяхъ подниматься и выше, переходя въ болѣе привиллегированныя группы. Такъ, Галицкая лѣтопись перечисляя бояръ, упоминаетъ „Лазаря Домажирича и Ивора Молибожича, отъ племени смердья". (Им. 1240).

Отношеніе смердовъ къ землѣ. Долгое время являлся спорнымъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго и до сихъ поръ еще изслѣдователи не пришли къ одному мнѣнію—чью землю обработывали смерды. Хлѣбниковъ и Лѣшковъ утверждаютъ, что они жили только на землѣ князя, находясь

*) Если принять чтеніе Бѣляева ст. 23 Ак. списка „о смердѣи холопѣ" (обычно: „А въ смердѣ и въ холопѣ 5 гривенъ").

отъ него въ непосредственной зависимости. Этому мнѣнію противорѣчатъ, однако, многочисленные факты, указывающіе на то, что они жили и на земляхъ государственныхъ и частновладѣльческихъ, что и дало основаніе Костомарову, Ключевскому, Владимірскому-Буданову, Филиппову и другимъ изслѣдователямъ видѣть въ нихъ исключительно арендаторовъ государственныхъ и частно-владѣльческихъ земель. Такія соотношенія встрѣчались очень часто, и практика выработала различныя условія, на которыхъ земли отдавались въ пользованіе. *) Но кромѣ смердовъ-арендаторовъ, въ древней Руси были смерды, жившіе и на собственной землѣ, которою они владѣли на правахъ или частнаго или общиннаго владѣнія, на что указываютъ Сергѣевичъ, Дебольскій, Лаппо-Данилевскій, Рожковъ и другіе. Цитированные выше слова Владиміра Мономаха опредѣленно говорятъ о селѣ смерда, въ томъ же мѣстѣ лѣтописи Святополкъ упоминаетъ „ролью смердовъ". До насъ не дошло точныхъ данныхъ, касающихся землевладѣнія смердовъ въ болѣе ранній періодъ, но сохранился юридическій памятникъ XIII вѣка, представляющій купчую крѣпость на землю, пріобрѣтенную у „смердовъ Григорьевичей въ вѣкъ", а такъ какъ съ теченіемъ времени положеніе смердовъ не улучшалось, а ухудшалось, приближаясь къ хлопамъ, то можно предполагать, что этотъ актъ являлся скорѣе остаткомъ старины, нежели новостью. Кромѣ недвижимости, смерды владѣли и движимой собственностью,—такъ и Владиміръ Мономахъ и „Русская Правда" говорятъ о конѣ смерда, о его борьти и даже, если принять чтеніе Бѣляева ст. 23 Ак. списка, о холопахъ смерда. На владѣніе собственностью указываютъ и статьи „Русской Правды" о наслѣдованіи послѣ смерда: (103 и 104 Кар.): „Ожо смердъ умретъ безъ дѣти, то задница князю, оже будутъ у него дыцери дома, то дати часть на ня; аже ли боудутъ за мужьями, то не дати части, а иже въ боярѣхъ или въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ". Никольскій и Владимірскій-Будановъ видятъ здѣсь указанія на то, что послѣ смерда наслѣдуютъ только сыновья, дочери же получаютъ только приданное; Сергѣевичъ, Цитовичъ, Дебольскій и др. предполагаютъ, что здѣсь подъ

*) Подробно о положеніи ихъ ст. „Экономическій бытъ".

дѣтьми разумѣются и дочери, и что князю идетъ только выморочное имущество смерда, въ противоположность выморочному имуществу дружинника, боярина, которое шло боярину. Проще всего объясненіе, предложенное Соловьевымъ, который видитъ здѣсь пережитокъ прежняго родового строя,—князь замѣнилъ для смерда родоначальника и получаетъ выморочное имущество, но дружинникъ, какъ вольный слуга князя, другого рода—племени, воленъ передать заработанное имъ, кому хочетъ.

Смерды, какъ и всѣ свободные, принимали участіе въ земскомъ ополченіи, на что указываетъ совѣтъ князя Святополка на Долобскомъ озерѣ подождать осени для нападенія на половцевъ, чтобы не отрывать смерда отъ уборки хлѣба. Кромѣ того они несли и другія обязанности—они платили дани, чѣмъ отличались отъ горожанъ; дань эта шла князю, а въ Новгородѣ и Псковѣ она поступала въ распоряженіе вѣча, которое заступалось за смердовъ, если ихъ тѣснилъ князь; такъ въ перечнѣ винъ, за которыя былъ изгнанъ князь Всеволодъ-Гавріилъ значилось и то, что онъ „смердовъ не блюдетъ“. Для уплаты дани смерды соединялись въ „погосты или потуги“: „смердъ потянетъ въ свой погостъ“. Помимо дани на нихъ лежали еще и натуральныя повинности—полюдье и даровное, въ пользу князя, во время объѣзда имъ своихъ владѣній, а также и „кормъ“ его должностнымъ лицамъ.

Таково было положеніе двухъ среднихъ группъ населенія древней Руси, на сколько можно составить о немъ представленіе по имѣющимся довольно скуднымъ и мало опредѣленнымъ даннымъ.

Н. Полонская.

Холопы *).

„Не любо мнѣ жить въ Кіевѣ, — говорилъ Святославъ Игоревичъ своей матери и боярамъ, — хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тутъ середина моей земли, сюда сходится всякое добро: отъ грековъ—паволоки, золото, вино и различные овощи, изъ чеховъ и изъ угровъ—серебро и кони, а изъ Руси—мѣхъ, воскъ, медъ и челядь“. Развитіе рабовладѣнія въ др. Руси

Итакъ, уже на зарѣ своей исторіи Русь славится на тогдашнемъ торговомъ рынкѣ поставкою рабовъ. Рабовъ у Руси было много, потому что Русь много воевала, а война сопровожалась захватомъ плѣнниковъ, т.-е. уводомъ свободныхъ людей въ рабство. Такъ и княгиня Ольга, отомстивъ древлянамъ за своего мужа, „однихъ людей избила, другихъ предала въ работу мужамъ своимъ, а остатокъ оставила для платежа дани“. Въ періодъ многочисленныхъ, безпрестанныхъ войнъ между русскими князьями „полонъ“ цѣлыхъ селъ и городовъ составлялъ самое обычное явленіе. Поэтому количество людей, попадавшихъ

---

*) *Важнѣйшая литература: Сергѣевичъ.* „Русскія Юридическія древности“ т. I. *Чечеринъ.* „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в.“ въ Опытахъ по исторіи русскаго права; *И. Бѣляевъ.* „Крестьяне на Руси“ (гл. I.). *Проф. Удинцевъ.* „Исторія займа“ Кіевъ. 1908 г. *М. Н. Ясинскій* „Закупы Р. Правды и памятниковъ западно-русскаго права“ Сборн. статей по исторіи права, посвященный В. Буданову 1904 г., здѣсь подробныя указанія на литературу; *Н. Н. Дебольскій.* „Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в.“ СПБ. 1903 г. *Щаповъ.* „Голоса древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“ (Собр. соч.) *В. Ключевскій.* „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“. Русская Мысль, 1886, №№ 5 и 7.

въ „работу“, т.-е. въ рабство, было очень значительно. Разсказавъ о войнѣ или походѣ, древній лѣтописецъ обыкновенно заключаетъ: „и ополонишися дружина“. Болеславъ, король польскій, помогавшій Святополку противъ Ярослава, ушелъ изъ Кіева, забравъ съ собою „имѣніе и бояръ Ярославовыхъ и сестры его и людей множество увелъ съ собою“. Еще черезъ двадцать три года (въ 1043 г.) въ Польшѣ было 800 человѣкъ изъ этихъ плѣнниковъ, свободу которыхъ выговорилъ Ярославъ, выдавая свою сестру за короля Казимира: это, очевидно, были только королевскіе плѣнники, которыхъ онъ и возвратилъ. Ослѣпленный князь Василько разсказывалъ, что его мечтою было „захватить дунайскихъ болгаръ и посадить ихъ у себя“. Это, конечно, мечта смѣлаго князя, но древней Руси извѣстны переселенія плѣнныхъ въ большихъ размѣрахъ. Изяславъ Ярославичъ повоевалъ въ 1058 г. литовское племя голядь и посадилъ его на верховьяхъ р. Протвы въ Смоленской области. Почти черезъ сто лѣтъ, въ 1147 г., сынъ Юрія Долгорукаго, Святославъ, „взялъ голядь“ на Протвѣ и „пополонилась его дружина“: значитъ, теперь эти литовскіе плѣнники переселены въ Ростовскую область. Походъ Изяслава Мстиславича (1149 г.) въ Ростовскую землю стоилъ послѣдней 7,000 жителей, а въ 1160 г. половцы увели изъ Смоленской земли 10,000 человѣкъ: это огромныя цифры при бѣдности древней Руси населеніемъ. Наконецъ, кромѣ плѣна, были и еще другіе пути порабощенія слабыхъ сильными: богатые и сильные по словамъ епископа владимірскаго Серапіона, „аки звѣрье“, стремились къ обогащенію; причемъ и „свободныхъ сиротъ порабощаютъ и продаютъ“, т.-е. насиліемъ или иными способами, напр., долговыми обязательствами, обращаютъ въ рабство бѣдняковъ.

Рабы въ древней Руси были, какъ видимъ, предметомъ обширнаго торговаго оборота. Но рабовъ было много и въ домахъ. Тутъ они выполняютъ весьма важныя службы. Съ теченіемъ времени Русь осаживается и земледѣліе среди русскихъ племенъ начинаетъ играть крупную роль. Рабъ сдѣланъ земледѣльцемъ, посаженнымъ своимъ господиномъ въ селѣ; сельскіе рабы—„огневщина“, какъ тогда ихъ называли, были весьма многочисленны. Въ лѣтописяхъ упоминается одно княжеское село съ 700-ми челяди. Вдова захудалаго князя

полоцкаго Глѣба Всеславича завѣщала на Печерскій монастырь пять селъ съ челядью. Тогдашнія села обыкновенно продавались или жертвовались на монастыри и церкви „съ челядію и съ скотиною“. Съ другой стороны, рабы были личными слугами своихъ господъ, а рабы княжескіе и боярскіе занимали часто отвѣтственныя должности при своемъ князѣ или бояринѣ. Изъ рабовъ обыкновенно бывали тіуны и ключники. Тіуны именемъ князя или своего боярина творили судъ и исполняли другія должности. Итакъ, рабовладѣніе имѣло очень широкое развитіе въ древней Руси. Поэтому и древне-русское законодательство подробно касалось рабства. Русская Правда даетъ много интересныхъ подробностей, объясняющихъ положеніе рабовъ.

Юридическое опредѣленіе рабства.

Вопросъ о рабствѣ имѣетъ нѣсколько интересныхъ сторонъ, съ которыми мы сейчасъ и познакомимся. Рабъ есть вещь; слѣдовательно, важно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ одинъ человѣкъ можетъ сдѣлаться вещью другого. Затѣмъ является вопросъ о томъ, насколько строго древне-русское право проводило взглядъ на раба, какъ на вещь. Извѣстна формула греко-римскаго права, опредѣляющая рабство такъ: „Рабство не дѣлимо: состояніе рабовъ не допускаетъ никакихъ различеній; о рабѣ нельзя сказать, что онъ рабъ болѣе или менѣе“. Такъ гласило греко-римское право, еще не смягченное вліяніемъ христіанства. Интересно сопоставить съ этимъ опредѣленіемъ взглядъ древне-русскаго законодателя. Наконецъ, какъ и вездѣ, на Руси Церковь имѣла вліяніе на смягченіе рабства и въ данномъ случаѣ не безынтересно выяснить предѣлы церковнаго вліянія.

Прежде всего относительно самаго названія. Въ древней Руси слово рабъ не употреблялось (за исключеніемъ церковныхъ книгъ); оно замѣнялось словомъ *холопъ*, но въ женскомъ родѣ всегда употреблялось слово *раба* (отъ работити—обращать въ рабство); въ церковныхъ поученіяхъ иногда употреблялось слово—*сирота*. Полнота рабскаго состоянія выражалась словами *обель*, *обельный*, т.-е. полный, совершенный, продажа въ холопы совершалась обель, или *одеренъ* (*дернъ*),—на вѣчность.

Источники рабства.

Тогдашняя жизнь выработала цѣлую сѣть такихъ условій, при которыхъ свободный человѣкъ легко превращался въ хо-

лопа. Можно отмѣтить два ряда такихъ условій: во-первыхъ, когда человѣкъ добровольно становился холопомъ другого, во-вторыхъ, когда онъ недобровольно превращался въ холопа. Къ первому ряду относятся слѣдующіе случаи: 1) добровольная продажа себя въ холопство, такъ какъ древній законъ предоставлялъ человѣку полное право распоряжаться собой; 2) если кто женился на рабынѣ безъ ряду, т.-е. безъ договора съ ея господиномъ. Договоръ могъ касаться какъ личной свободы вступающаго въ бракъ, такъ и свободы дѣтей отъ этого брака: „Како ся будетъ рядилъ, на томъ же и стоитъ“. Изъ практики послѣдующаго времени извѣстно, что въ такихъ договорахъ опредѣлялась иногда часть дѣтей, дѣлающихся свободными, и часть дѣтей, остающихся у господина въ рабствѣ. Древнее правило о женитьбѣ на рабынѣ смѣнилось въ послѣднее время общимъ правиломъ, по которому бракъ между свободнымъ лицомъ и несвободнымъ все равно велъ свободнаго въ неволю: „по холопу роба, а по робѣ холопъ“, говорили тогда. 3) Если кто сдѣлается тіуномъ или ключникомъ безъ договору: „Тіунство безъ ряда или ключъ къ себѣ привяжетъ“ (ключъ—знакъ должности). Послѣднее условіе очень любопытно: оно показываетъ, насколько человѣкъ долженъ быть остороженъ: простая служба у другого безъ особаго ряда могла лишить человѣка свободы.

Все это случаи, когда человѣкъ становился холопомъ по своей доброй волѣ или по своей оплошности. Далѣе слѣдуетъ рядъ условій, при которыхъ рабство было естественнымъ состояніемъ человѣка, помимо его желаній, напр.: 1) плѣнъ, 2) продажа, напр., родителями дѣтей или однимъ хозяиномъ раба другому; продажа всегда совершалась передъ княжескимъ чиновникомъ-мытникомъ и въ присутствіи самого раба: послѣдній долженъ видѣть хотя мелкую монету, уплачиваемую его новымъ хозяиномъ за него; 3) состояніе холопства опредѣлялось рожденіемъ въ холопствѣ: по Русской Правдѣ „отъ челяди плодъ или отъ скота“ безразлично имѣлъ значеніе имущества. Наконецъ, нѣкоторыя преступленія и несостоятельность должника вели человѣка въ рабство. Если закупъ что-нибудь украдетъ, то его хозяинъ долженъ былъ уплатить истцу стоимость украденной вещи, а закупъ доставался ему

въ качествѣ обельнаго холопа; если хозяинъ не хотѣлъ платить за закупа, то послѣднiй продавался. Если закупъ дѣлалъ попытки къ бѣгству, его отдавали въ холопство. Итакъ, полусвободное состоянiе угрожало человѣку сдѣлаться вполнѣ несвободнымъ. Въ холопство же попадалъ и несостоятельный должникъ: если, напр., купецъ потеряетъ занятый имъ капиталъ вслѣдствiе какой-нибудь не зависящей отъ него случайности, то онъ обязанъ былъ выплатить долгъ; но если онъ пропьетъ занятый капиталъ, или пробьетъ объ закладъ, или истратитъ по неразумiю, то предоставляется кредиторамъ ждать уплаты долга или продать должника. Вообще неоплатный должникъ могъ быть проданъ въ рабство. Это правило дѣлало то, что за малѣйшую неосторожность бѣдный человѣкъ могъ попасть въ холопство. Русская Правда за всѣ преступленiя назначаетъ пени, размѣръ этихъ пеней долженъ былъ многихъ лишать свободы. За ударъ рукояткою меча или вообще какимъ-нибудь тяжелымъ орудiемъ отвѣтчикъ долженъ былъ заплатить 12 гривенъ, т.-е. стоимость 12 воловъ; столько же платилось за вырванный клокъ бороды, за выбитый зубъ и т. п. Въ случаѣ воровства воръ долженъ былъ возвратить украденное и платить еще продажу. Размѣръ виры поднимается до 40 и до 80 гривенъ. Занять такую сумму для уплаты долга при тогдашнихъ процентахъ было немыслимо, отработать,—огда годичная заработная плата двухъ женщинъ равнялась одной гривнѣ,—тоже немыслимо. Во всѣхъ такихъ случаяхъ человѣку угрожала не только личная продажа въ рабство, но и со всею семьею.

Законъ не только не охранялъ отъ впаденiя въ рабство свободныхъ людей, даже въ случаѣ ихъ неосторожности, но, напротивъ, узаконилъ нѣкоторые изъ такихъ случаевъ. Законъ знаетъ только два случая охраненiя свободы человѣка: дитя, отданное родителями въ услуженiе, и свободный человѣкъ, поступившiй въ службу изъ-за прокорма (или за прокормъ съ придачей чего-либо, напр., одежды или ссуды), не подлежали обращенiю въ рабство: они могли оставить хозяина въ условленный срокъ или даже и до срока, возвративъ то, что на нихъ истрачено. Этою статьею имѣется въ виду защитить людей, вслѣдствiе суровой крайности пользующихся „милостью“ другого.

Взглядъ др.-р. законодат. на холопа.

Выше были разсмотрѣны источники рабства. Теперь надо разсмотрѣть, какой взглядъ проводило древне-русское законодательство на этотъ институтъ. Въ основѣ его лежитъ взглядъ на холопа, какъ на вещь. Но съ другой стороны замѣтно нѣкоторое колебаніе, нѣкоторое смягченіе этого взгляда: „Холопъ не есть скотъ, говоритъ Русская Правда, а потому по его указаніямъ можно добиться, кто его укралъ“. Итакъ, холопъ не скотъ, но въ то же время онъ можетъ быть украденъ, какъ всякая вещь или скотъ.

Холопъ можетъ быть проданъ, украденъ и т.п.

Итакъ, въ чемъ же выражается сходство холопа съ вещью? Прежде всего холопъ можетъ быть проданъ, поступить въ наслѣдство. Какъ всякая вещь, холопъ можетъ быть украденъ, утаенъ. Въ послѣднемъ случаѣ Русская Правда опредѣляетъ „продажу“, т.-е. штрафъ въ пользу князя въ 12 гривенъ, независимо отъ возвращенія холопа или убытковъ, понесенныхъ хозяиномъ, если холопъ былъ утаенъ, и господинъ не могъ своевременно схватить его. Весь процессъ поисковъ за холопомъ, по Русской Правдѣ, какъ разъ такой же, какъ и процессъ поисковъ украденной лошади или другихъ вещей. Законъ строго караетъ и укрывательство бѣглаго раба: лицо, снабдившее бѣглеца хлѣбомъ или показавшее ему дорогу, платитъ хозяину 5 гривенъ за холопа и 6 гривенъ за рабыню, т.-е. ихъ стоимость. Это понятно, потому что въ данномъ случаѣ законъ взыскиваетъ убытокъ, понесенный вслѣдствіе потери вещи по винѣ лица, помогавшаго холопу.

Холопъ не отвѣчаетъ за преступленія.

Подобно всякому животному, челядинъ не можетъ лично совершить преступленія (съ точки зрѣнія закона), напр., украсть что-либо и т. п., онъ можетъ только принести своимъ дѣйствіемъ кому-либо уронъ, за который платитъ хозяинъ раба, какъ и хозяинъ лошади, захваченной въ чужомъ огородѣ. Поэтому законъ и не наказываетъ холоповъ „продажею“, т.-е. пенею въ пользу князя,—„потому что они не свободны“, объясняетъ Русская Правда. Если холопъ кого-либо обокрадетъ, то господинъ обязанъ или уплатить стоимость украденнаго или отдать холопа-вора головой; а если у него были соучастники, то и съ соучастниками (конечно несвободными). Выдача холопа—есть вознагражденіе за украденную вещь. Русская Правда содержитъ въ себѣ любопытную статью: за во-

ровство, совершенное холопами княжескими, боярскими и монастырскими, вдвойнѣ взыскивается стоимость вещи. Вѣроятно, этой статьей законъ побуждалъ сильныхъ людей лучше смотрѣть за своими холопами, чтобы они не чинили вреда слабымъ людямъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствія холопа разсматриваются съ точки зрѣнія приносимаго имъ убытка, отвѣтственность за который возлагается на хозяина. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ господинъ можетъ отдѣлаться отъ холопа, выдавъ его головою. Такой же имущественный взглядъ на холопа проводится законодателемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда убійствомъ холопа наносится ущербъ его господину. За убійство свободнаго человѣка преступникъ платитъ виру, т.-е. плату за голову, пеню, это наказаніе за убійство. Убійство же раба разсматривается только съ точки зрѣнія имущественнаго ущерба, такъ какъ тутъ нѣтъ преступленія: „А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣту". Убившій безвинно холопа платилъ его хозяину „урокъ", т.-е. стоимость вещи, а князю—продажу, т.-е. штрафъ за преступленіе, какъ это уплачивалось и въ другихъ случаяхъ, напр., за истребленіе лошади или другой скотины. Русская Правда даетъ и расцѣнку рабовъ различнаго качества. Обыкновенный рядовой рабъ оплачивается 5-ю гривнами, кормилецъ или кормилица—въ 12, а тіунъ княжескій—50 гривенъ; князь Изяславъ Ярославичъ, когда дорогобужцы убили его стараго конюха при стадѣ, назначилъ плату въ 80 гривенъ; такъ эта плата вошла въ законъ и осталась на будущее время. Плата въ 80 гривенъ огромна по тому времени и равна вирѣ за голову убитаго огнищанина. Но это понятно: князь могъ назначить виру за своихъ холоповъ въ любомъ размѣрѣ, а княжьи холопы были значительные люди, оттого и убытокъ былъ великъ. Эта черта роднитъ Русскую Правду съ нѣмецкими варварскими Правдами, по которымъ тоже назначались большія виры за убійство близкихъ къ королю людей.

Убійство холопа—убытокъ владѣльца.

Итакъ, убійца холопа не несетъ за него наказанія. Если холопа можно было убить безъ всякой вины съ его стороны и только оплатить стоимость раба, то тѣмъ болѣе такое дѣйствіе считалось непреступнымъ, если была какая-нибудь вина со стороны раба. Русская Правда не говоритъ, можетъ ли госпо-

динъ убить своего раба за какую-нибудь вину; но это право само собой разумѣлось, какъ право всякаго собственника уничтожить свою вещь. Очевидно, и сторонній человѣкъ могъ убить раба за всякую вину съ его стороны. Русская Правда знаетъ только одинъ случай,—когда рабъ ударитъ свободнаго, рабъ могъ быть немедленно убитъ оскорбленнымъ. Но возможенъ случай, когда рабъ убѣжитъ въ домъ своего господина. Жилище въ древней Руси считалось неприкосновеннымъ, въ него нельзя было войти даже и для поимки преступнаго раба. По этому поводу Русская Правда сообщаетъ три послѣдовательныя узаконенія: самое древнее состояло въ томъ, что господинъ долженъ былъ уплатить 12 гривенъ за укрытаго имъ раба, затѣмъ Ярославъ Владиміровичъ издалъ дополнительный законъ, которымъ истцу разрѣшалось впослѣдствіи схватить, если гдѣ найдетъ, такого раба и потребовать его казни. Наконецъ, Ярославичи отмѣнили это узаконеніе и замѣнили его слѣдующимъ: оскорбленный могъ удовольствоваться штрафомъ въ одну гривну кунъ „за соромъ", или же могъ держать раба въ заключеніи, или же подвергнуть тѣлесному публичному наказанію.

Холопъ не имѣетъ собственности.

Какъ чужое имущество, рабъ не могъ имѣть своей собственности. Хотя Русская Правда проводитъ это узаконеніе, но на практикѣ оно нестрого соблюдалось, такъ какъ съ согласія господина рабъ могъ имѣть имущество. Стоя на своей основной точкѣ зрѣнія, Русская Правда постановляетъ: если господинъ пуститъ холопа въ торгъ, и тотъ задолжаетъ, то господинъ обязанъ выкупить одолжавшаго раба, и отказаться отъ такого раба господинъ уже не можетъ. Это понятно, потому что рабъ отъ своего имени не могъ вступать ни въ какія сдѣлки. Другое дѣло, если рабъ „вылъжетъ куны", т.-е. сдѣлаетъ заемъ, выдавая себя за свободнаго: если заимодавецъ далъ деньги, не зная о рабскомъ состояніи холопа, то господину предоставляется на выборъ: или уплатить долгъ или же отдать своего холопа; если же кредиторъ зналъ о холопствѣ, то онъ лишается денегъ. Но является вопросъ: какъ поступить съ такимъ рабомъ, который дастъ на себя обязательство, превышающее его стоимость, или вообще причинитъ ущербъ выше ея? Очевидно, господину предоставлялось или мириться съ

этимъ или убить раба. Наконецъ, есть еще одно постановленіе въ Русской Правдѣ въ томъ же направленіи. Оно говоритъ, что если бѣглый холопъ добудетъ какое-нибудь имущество, то „господину холопъ и долги, господину же и товаръ". Разумѣется, и въ этомъ случаѣ господинъ могъ выдать головою своего раба.

Житейская практика.

Всѣ эти статьи показываютъ, что законодательство Русской Правды не признаетъ за рабами права собственности. На практикѣ, однако, рабы съ согласія своихъ господъ имѣли собственное имущество: среди княжескихъ рабовъ были вѣдь ключники, тіуны и другіе управители. Вотъ почему, имѣя въ виду эту житейскую практику, одинъ законодательный памятникъ до извѣстной степени узаконяетъ холопскую собственность. Это Смоленская торговая Правда, составленная впервые ок. 1229 года и впослѣдствіи нѣсколько разъ подтверждаемая. Это торговый договоръ между нѣмцами и русскими. Такъ, одна статья этой Правды говоритъ, что если нѣмецъ дастъ взаймы княжьему холопу „или иному доброму человѣку", а тотъ умретъ, то долгъ уплачиваетъ тотъ, кто получаетъ наслѣдство холопа. Въ позднѣйшихъ подтвержденіяхъ Правды, вмѣсто „иному доброму человѣку", говорится „боярскому человѣку". Это значитъ, что и въ первомъ случаѣ тоже разумѣлся подъ именемъ „добраго человѣка" холопъ значительнаго лица. По Русской Правдѣ мы знаемъ, что всѣ обязательства, принятыя въ торговыхъ дѣлахъ холопомъ, переходятъ къ его господину. Значитъ, Смоленская Правда имѣетъ въ виду не такого холопа, который ведетъ торговлю отъ имени князя или боярина—въ такомъ случаѣ платилъ его господинъ,—но такого холопа, который за себя ведетъ торговлю, у него можетъ быть собственность, могутъ быть и наслѣдники. Слѣдовательно, эта статья Смоленской Правды означаетъ: если княжій или боярскій холопъ отъ имени своего господина велъ торговлю, то все или часть наслѣдства переходитъ къ господину, онъ и долженъ уплатить долгъ. Если же холопъ сдѣлалъ данный заемъ, самостоятельно ведя торговлю, то долгъ уплачиваютъ его наслѣдники.

Итакъ, Смоленскій законъ очень осторожно признаетъ за рабами право собственности на имущество, т.-е., вѣрнѣе, узаконяетъ житейскую практику. Тутъ ужъ мы встрѣчаемся съ

нѣкоторымъ колебаніемъ во взглядахъ на рабство, со смягченіемъ его. Древне-русское законодательство знаетъ и еще нѣсколько подобнаго рода смягчающихъ условій. Это можно видѣть, напримѣръ, въ томъ, что законъ разрѣшаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться къ свидѣтельству на судѣ раба. Въ Русской Правдѣ дѣйствуетъ общее правило, по которому рабъ не можетъ быть послухомъ. Впрочемъ, въ случаѣ отсутствія свободнаго свидѣтеля, „по нужи", судъ можетъ обратиться къ свидѣтельству холопа высшаго разряда, къ боярскому дворскому тіуну (т.-е. завѣдующему дворомъ). Впрочемъ, этотъ послухъ не сравнивается со свободнымъ: онъ даетъ показанія, но не можетъ принимать очистительной присяги. Тутъ, хотя съ большими ограниченіями, признается за рабомъ одно изъ гражданскихъ правъ. Какъ мы видѣли, даже въ вопросѣ объ убійствѣ раба законъ стоитъ на строго имущественной почвѣ. Такъ стоитъ и законодательная практика въ договорахъ, заключенныхъ русскими съ нѣмцами. Но въ тѣхъ же договорахъ есть одна черта, вспоминающая о человѣческомъ достоинствѣ раба. Такъ, по Смоленской торговой Правдѣ за насиліе, причиненное рабынѣ, уплачивается (очевидно ей же) штрафъ въ гривну серебра „за соромъ". Значитъ, рабыня имѣетъ соромъ, и нанесенное ей оскорбленіе смывается штрафомъ: это совсѣмъ новая черта, неизвѣстная Русской Правдѣ. Надо только помнить объ ограничительномъ дѣйствіи этого договора: это правило для нѣмцевъ и русскихъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, т.-е. такимъ образомъ на практикѣ охранялись рабыни, принадлежащія той или другой націи. Тотъ же смыслъ имѣетъ и постановленіе новгородскаго договора съ нѣмцами (конца XII вѣка): раба становится свободной, если ей причинено насиліе, „обида, „соромъ". Значитъ, оскорбитель долженъ ее выкупить на свободу. Итакъ, въ этихъ статьяхъ мы видимъ нѣкоторыя уступки гуманности, по крайней мѣрѣ для тѣхъ случаевъ, когда нѣмецъ причинялъ оскорбленіе рабынѣ русскаго или наоборотъ.

Свидѣтельство раба на судѣ.

Охрана закономъ человѣческаго достоинства раба.

Рабичичи.

Намъ остается отмѣтить и еще подобнаго рода черту. Ни Русская Правда ни другія узаконенія не предвидятъ никакихъ условій, при которыхъ рабъ можетъ получить свободу, за исключеніемъ освобожденія со стороны господина. Но Русская

Правда содержитъ только одну смягчающую статью: дѣти, рожденныя рабынею отъ ея господина, получаютъ послѣ его смерти свободу вмѣстѣ съ матерью; только они не получаютъ части въ наслѣдствѣ. Можно думать, что этотъ законъ создался уже послѣ принятія христіанства и подъ вліяніемъ византійскихъ понятій о рабствѣ. Въ языческую пору жены отъ наложницъ не отличались, и потому всѣ дѣти имѣли равныя права и, конечно, свободу: Владиміръ Святой былъ „робичичъ“, т.-е. сынъ рабыни, и по своимъ правамъ онъ ничѣмъ не отличался отъ братьевъ.

Законъ строже житейской практики.

Вотъ тѣ немногія гуманныя начала во взглядахъ на рабовъ, которыя можно найти въ древне-русскомъ законодательствѣ при самыхъ тщательныхъ поискахъ. Уступокъ этихъ немного, и мы видимъ, что законодатель устойчиво стремится выдержать взглядъ на раба, какъ на вещь. Но если законъ былъ строгъ, то житейская практика въ значительной степени его смягчала. Прежде всего въ самыхъ условіяхъ быта древнихъ славянъ не было такихъ сторонъ, которыя усиливали бы для рабовъ ихъ иго: славяне вообще отличались мягостью по отношенію къ рабамъ. Еще писатель конца VI вѣка, византійскій императоръ Маврикій, замѣтилъ, что придунайскіе славяне не обрекаютъ своихъ плѣнниковъ на вѣчное рабство, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, но по истеченіи извѣстнаго срока позволяютъ имъ выкупиться и возвратиться на родину. Это говорилъ писатель VI вѣка относительно дунайскихъ славянъ. Но и писатель X вѣка Ибнъ-Даста, арабъ, хорошо знавшій бытъ русскихъ славянъ, говоритъ, что русскіе „съ рабами обращаются хорошо и заботятся объ ихъ одеждѣ, потому что занимаютъ ихъ при торговлѣ“. Но, понятно, эти свидѣтельства о хорошемъ обращеніи съ рабами надо понимать очень относительно: очевидно, писатели находили среди славянъ лучшіе примѣры обращенія съ рабами, чѣмъ привыкли видѣть въ Византіи или среди арабовъ. Это понятно, такъ какъ на рабовъ возлагались иногда важныя должности. Тогдашніе писатели свидѣтельствуютъ какъ о тяжелой долѣ раба, такъ и о томъ значеніи, какое они иногда занимали при боярскихъ дворахъ. Поученія разсказываютъ, напр., что одни рабы господина страдаютъ отъ насилія со стороны другихъ, не находя управы; поученія говорятъ о рабахъ въ тяжелой работѣ, босыхъ, нагихъ,

голодныхъ и избитыхъ невинно, иные изнурены безмѣрными накладами, лишены господиномъ своихъ селъ (т.-е. взяты съ пашни, на которой они раньше сидѣли) и ограблены. Но, съ другой стороны, древность знала рабовъ, носящихъ дорогую одежду, пользующихся внѣшнимъ довольствомъ, сообразно занимаемому ими положенію; однако, свободный бѣднякъ имъ не позавидуетъ: одно имя холопа наводитъ на него ужасъ. Вотъ какъ говоритъ о такихъ рабахъ извѣстное Слово Даніила Заточника: „Лучше мнѣ видѣть свою ногу въ лаптѣ, нежели въ красномъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ на боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько ни гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мірскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ“. Итакъ, даже въ багряницѣ положеніе холопа было тяжелое.

Смягченіе рабства совершалось подъ вліяніемъ Церкви.

Вліяніе Церкви на смягченіе рабства.

Вліяніе ея шло двоякимъ путемъ: во-первыхъ, проповѣдники своими проповѣдями и личнымъ воздѣйствіемъ старались расположить населеніе къ болѣе мягкому отношенію къ рабамъ, во-вторыхъ, оно стремилось въ томъ же смыслѣ ввести новые обычаи, часто опираясь въ этомъ случѣ на византійское законодательство. Съ канонической точки зрѣнія Церковь не отличала свободныхъ отъ рабовъ, напр., въ вопросахъ, касающихъ брачныхъ отношеній. И въ такихъ случаяхъ Церковь со всею силою поддерживала человѣка въ рабѣ.

Поученія.

Многіе изъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ древности поучали свою паству милостиво относиться къ рабамъ. Одинъ изъ первыхъ такихъ проповѣдниковъ, епископъ новгородскій Лук Жидята, уже поучалъ свою паству: „И своимъ сиротамъ (т.-е. рабамъ) милостиви будите“. Знаменитый туровскій проповѣдникъ XII вѣка, епископъ Кириллъ, въ одномъ изъ своихъ поученій угрожалъ притѣснителямъ рабовъ гнѣвомъ Божіимъ и мытарствами на томъ свѣтѣ. Вообще церковные люди проводили т мысль, что рабы,—это сироты, нищіе своего господина, что ихъ

надо миловать и давать все потребное, наказывать же ихъ надо не съ яростью, „но яко дѣти своя“: господинъ долженъ бояться, чтобы рабы „не вздохнули на него къ Богу“. Другое поученіе XII вѣка, (авторъ его не извѣстенъ), говоритъ, что господинъ долженъ миловать рабовъ и учить ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ отпускать на свободу. Если голодный рабъ проворуется, и его за это убьютъ, то господинъ отвѣтитъ за кровь его на судѣ Божьемъ. И далѣе авторъ даетъ практическіе совѣты господину, какъ надо поучать рабовъ и рабынь: „Лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ“. Не нужно удивляться тому, что проповѣдникъ послѣ общихъ разсужденій о кротости даетъ наставленія умѣренно бить раба: обращеніе къ умѣренности было уже гуманнымъ шагомъ для того времени. Церковь приравнивала господина, который моритъ свою челядь голодомъ и ранами къ самымъ тяжкимъ преступникамъ: къ ворамъ, грабителямъ, разбойникамъ, лжесвидѣтелямъ и проч. Кромѣ общихъ порицаній, представители Церкви часто давали конкретные совѣты господамъ. Митрополитъ Іоаннъ II возставалъ противъ обычая продавать рабовъ-христіанъ въ руки невѣрныхъ. Отцы владимірскаго собора, созваннаго въ 1274 году, запрещали ставить въ попы лицъ, замѣченныхъ въ жестокости по отношенію къ челяди. Иные проповѣдники требовали, чтобы господа своевременно женили своихъ холоповъ, порицали развратъ съ рабами. Наконецъ, Церковь горячо поддерживала еще правило о выкупѣ раба въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Рекомендуя разрѣшать рабамъ выкупаться (плѣнные, напр., это легко могли сдѣлать), духовенство сильно возставало противъ обычая брать за раба больше той суммы, за которую онъ купленъ: барышничать челядью, „прасолить живыми душами“—великій грѣхъ. На Руси существовалъ и особый терминъ получаемаго при такой продажѣ барыша: это называлось изгойствомъ. Спрашивается, почему духовенство было заинтересовано въ искорененіи изгойства? Именно потому, что оно проводило идею, что при извѣстныхъ условіяхъ рабъ можетъ выкупиться. Такъ, повидимому, этимъ правомъ пользовались рабы, сами продавшіеся господину. Этотъ случай вполнѣ соотвѣтствуетъ харак-

Ученіе о выкупѣ рабовъ.

теру византійскаго законодательства и, очевидно, проведенъ въ жизнь духовенствомъ. Можно указать и другой такой случай. Византійскіе законы, проводимые на Руси, между прочимъ, содержатъ статью, по которой плѣнникъ изъ рабовъ признавался свободнымъ, но долженъ былъ уплатить извѣстную сумму своему господину; эту сумму онъ зарабатывалъ. Свободный могъ также отработать господину цѣну рабыни для того, чтобы жениться на ней. Наконецъ, въ эпоху княжескихъ междоусобій, повидимому, признавалось какъ общее правило право плѣнника выкупиться за условленное вознагражденіе. Такъ какъ во многихъ изъ перечисленныхъ случаевъ рабъ не имѣлъ средствъ выкупить себя, то онъ постепенно уплачивалъ свой долгъ, зарабатывая деньги; повидимому, эти долговыя обязательства иногда переходили и на дѣтей рабовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если господинъ какими-либо способами надбавлялъ „уреченную", т.-е. условленную цѣну, то это называлось изгойствомъ. Вотъ противъ такихъ-то поступковъ и боролась Церковь.

Какъ мы видимъ, нѣкоторыя стороны церковнаго ученія проходятъ въ жизнь. Можно добавить и еще одно. Въ сборникѣ статей византійскаго законодательства (въ такъ называемомъ законѣ Судномъ, гдѣ находятся извлеченія изъ Эклоги), бывшемъ въ большомъ ходу на Руси и примѣнявшемся на практикѣ, было помѣщаемо правило, взятое изъ книги Исходъ, по которому господинъ, выбившій зубы или выколовшій глаза своему рабу или рабынѣ, обязанъ былъ отпустить ихъ на свободу. Оказывается, что это статья примѣнялась на Руси уже въ XI вѣкѣ.

Только что были указаны такіе случаи, когда можно было прослѣдить въ жизни вліяніе византійскаго права; но слѣдуетъ еще замѣтить, что сборники выписокъ изъ византійскихъ законовъ, проводившихся духовенствомъ на Руси, содержатъ и еще нѣкоторыя статьи, смягчающія иго рабства, напр., древнерусскій обычай разрѣшаетъ многоженство, при чемъ большая часть женъ были изъ рабынь. Византійское законодательство не только преслѣдывало подобное явленіе, но и предписывало подвергать наказанію господина. Въ тѣхъ же сборникахъ византійскихъ законовъ находимъ статью, предписывающую судить господина за убійство своего раба во время наказанія;

если же наказанный рабъ проживетъ день или два, то судить нельзя: тутъ хозяинъ только понесъ потерю. Въ послѣднихъ случаяхъ требованія византійскихъ сборниковъ очень рѣзко расходились съ русской практикой, и потому трудно сказать, имѣли ли они какое-нибудь примѣненіе въ жизни.

Итакъ, мы разсмотрѣли вопросъ о рабахъ въ древне-русскомъ правѣ. Мы видѣли, что законъ считаетъ раба вещью своего господина: на такой точкѣ зрѣнія стоитъ Русская Правда. Въ ея постановленіяхъ только съ трудомъ можно отыскать одну-другую черту, ослабляющую этотъ взглядъ. Но жизнь гуманнѣе права: въ договорахъ смольнянъ и новгородцевъ съ нѣмцами встрѣчаются признанія собственности у нѣкоторыхъ рабовъ и нѣкоторое огражденіе личности рабынь. Вліяніе Церкви еще болѣе дѣйствуетъ въ смягчающемъ духѣ. Церкви трудно было бороться съ преобладающимъ взглядомъ общества: вѣдь немногіе ея представители, тѣ же русскіе люди, возвышались надъ общимъ уровнемъ. Тѣмъ не менѣе, духовенству кое-что удалось сдѣлать въ данномъ направленіи, провести нѣкоторыя гуманныя понятія. Заключеніе.

М. Довнаръ-Запольскій.

Церковь и духовенство *).

I.

Положеніе церкви въ Византіи.

Христіанство перешло на Русь изъ Византіи. Очень естественно поэтому, что Церковь и духовенство здѣсь стали пользоваться такими же правами и вліяніемъ, какъ въ Византіи. Въ Византіи же Церковь имѣла весьма обширное значеніе. Надо помнить, что древнѣйшая христіанская Церковь, не признаваемая и даже гонимая римскимъ правительствомъ. представляла собой особое духовное общество, связанное не только религіею, но и имѣвшее свое особое гражданское управленіе. Римскіе законы, начиная съ Константина Великаго, признавая существованіе и даже господство христіанской Церкви, признали и право ея на внутреннее управленіе, а также и

---

*) *Важнѣйшія соч.*: *Голубинскій* „Исторія русской Церкви". Т. I. Періодъ первый, кіевскій или домонгольскій. Первая половина тома. М. 1880. *Макарій* митрополитъ. „Исторія русской Церкви" Т. I.—III. *Сергѣевичъ*. „Русскія юридическія древности". Т. II. (Глава о Церкви). *Калачевъ*. „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права". М. 1850. *Никитскій*. „Очеркъ внутренней исторіи Церкви въ Великомъ Новгородѣ". Спб. 1879. *Бѣляевъ*. „Объ общественномъ значеніи христіанской Церкви и ея учрежденій на Руси отъ Владиміра Св. до монгольскаго владычества" (Жур. Мин. Нар. Пр. 1856, ч. XC). *Терновскій*. „Участіе древне-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ". (Труды Кіевской Дух. Акад. 1870, № 2). *Соловьевъ*. „Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси". (Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос"., 1847, № 6). *Неволинъ*. „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго". *Павловъ*. „Первоначальный славянско-русскій номоканонъ" 1869. *Суворовъ*. Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ политическомъ др.-рус. правѣ" 1888.

право представителей Церкви, епископовъ, судить дѣла, касающіяся вѣры; вмѣстѣ съ тѣмъ было освящено и право епископовъ имѣть подъ своимъ покровительствомъ нѣкоторыя учрежденія, а также и право ихъ вмѣшиваться въ нѣкоторыя гражданскія дѣла. Въ Византіи епископъ является однимъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ своего города и имѣетъ вліяніе на управленіе городомъ и областью. Такъ, епископы принимали участіе въ выборѣ нѣкоторыхъ провинціальныхъ чиновниковъ, имѣли надзоръ вмѣстѣ съ почетными гражданами надъ городскими общественными заведеніями, епископы имѣли и нѣкоторое отношеніе къ надзору за торговлей, въ церквахъ подъ наблюденіемъ епископовъ хранились мѣры и вѣсы; епископы же должны были увѣщевать купцовъ, чтобы они не производили противозаконной торговли къ отягощенію людей бѣдныхъ. Вообще, епископъ являлся защитникомъ сирыхъ и угнетаемыхъ: по византійскимъ законамъ благотворительность всякаго рода, завѣдываніе богоугодными заведеніями, пріемъ для этой цѣли пожертвованій и пр. переданы были въ вѣдѣніе Церкви. Сверхъ того епископъ могъ вмѣшиваться въ дѣло защиты слабыхъ, подъ его покровительство отдавались люди, возвратившіеся изъ плѣна, чтобы никто не могъ удержать въ работѣ такихъ людей; епископы обязаны были смотрѣть, чтобы никто не обращалъ въ рабство дѣтей, брошенныхъ ихъ родителями; женщины отдавались подъ покровительство епископской власти, когда имъ угрожало какое-нибудь насиліе. Наконецъ, епископъ обязанъ былъ посѣщать тюрьмы и могъ вмѣшиваться въ управленіе, когда со стороны чиновниковъ замѣчалъ какую-нибудь несправедливость. Кромѣ того, суду епископовъ принадлежалъ цѣлый рядъ дѣлъ гражданскаго и уголовнаго суда. Судебная власть епископовъ возникла изъ того, что древніе христіане избѣгали суда языческихъ судей и обращались во всѣхъ спорахъ между собой къ суду духовныхъ властей. Законы христіанскихъ императоровъ признали судъ епископа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся добровольно къ нему обращались: въ такомъ случаѣ гражданскія власти обязаны были привести въ исполненіе судебное рѣшеніе епископовъ. Но, кромѣ того, законъ предоставилъ исключительно суду епископа цѣлый рядъ дѣлъ: таковы дѣла,

Церковный судъ въ Византіи.

касающіяся условій заключенія и прекращенія брака, такъ какъ бракъ былъ признанъ Церковью таинствомъ. Епископъ принималъ участіе въ опекѣ надъ малолѣтними, если завѣщаніемъ родителей не были опредѣлены опекуны. Наконецъ, императорскими эдиктами епископамъ предоставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ право суда, когда требовалось охраненіе религіи: законами императора Аркадія, Гонорія, Θеодосія епископамъ предоставлено право пресѣкать церковною властью совершеніе обрядовъ языческаго богослуженія; по закону Гонорія и Θеодосія люди, занимавшіеся волхвованіемъ, обязаны были сжечь свои книги предъ епископами, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, наказанія. Императоръ Юстиніанъ издалъ законъ, по которому епископской власти предоставлялось право производить слѣдствія объ азартныхъ играхъ и пресѣкать ихъ. Этотъ законъ передавалъ въ руки епископа наблюденіе за одной изъ сторонъ нравственной жизни гражданъ. Надо замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ, когда Церкви приходилось давать свое рѣшеніе по тому или другому судебному дѣлу, Церковь высказывала только свое осужденіе, наказаніе же налагалось свѣтскими властями.

Только что указаны были размѣры власти и вліянія Церкви и ея представителей въ дѣлахъ болѣе свѣтскаго, чѣмъ церковнаго характера, и по отношенію къ лицамъ, не состоящимъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Церкви. Тѣмъ болѣе основаній Церковь имѣла къ тому, чтобы удержать въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи лицъ, принадлежащихъ къ составу духовенства. Постановленія вселенскихъ соборовъ требовали, чтобы духовныя лица во всѣхъ спорахъ между собой обращались исключительно къ суду епископовъ. Это церковное постановленіе признано было государственными законами. Мало того, по закону императора Юстиніана міряне съ исками по гражданскимъ дѣламъ къ духовнымъ лицамъ должны были обращаться къ церковному начальству; только въ случаѣ недовольства рѣшеніемъ епископскаго суда тяжущіеся обращались къ суду свѣтскому. Но духовное лицо должно было обращаться противъ свѣтскаго лица къ суду гражданскому. Даже въ случаяхъ, когда духовное лицо оказывалось виновнымъ въ тягчайшемъ уголовномъ преступленіи, и тогда дѣло разсматри-

валъ епископъ (по закону императора Ираклія); и если онъ находилъ виновнаго заслуживающимъ наказанія, то, по лишеніи духовнаго сана, передавалъ его въ руки свѣтскихъ властей.

Итакъ, слѣдовательно, по византійскимъ законамъ Церкви принадлежалъ судъ во всѣхъ отношеніяхъ надъ лицами, состоявшими въ полномъ ея вѣдѣніи. Въ другихъ случаяхъ представителямъ Церкви предоставлялась большая доля вліянія на дѣла, не относящіяся непосредственно къ религіи. Нужно замѣтить, однако, что въ жизни Византіи были такія условія, которыя иногда препятствовали нормальнымъ отношеніямъ между церковной и свѣтской властями: многое зависѣло отъ политики того или другого императора; между тѣмъ партіи часто возводили и низводили императоровъ, а съ перемѣною ихъ часто мѣнялась и политика по отношенію къ Церкви.

Съ принятіемъ христіанства древняя Русь приняла къ себѣ греческаго митрополита, греческихъ епископовъ, и, вѣроятно, большинство первыхъ священниковъ было также изъ грековъ. Очень понятно, что греческое духовенство принесло съ собою изъ Византіи весь свой строй, узаконенный постановленіями вселенскихъ соборовъ. Вмѣстѣ съ перенесеніемъ церковныхъ уставовъ греческое духовенство, естественно, стремилось къ тому, чтобы сохранить за собою и то вліяніе на дѣла свѣтскаго управленія, которое было предоставлено ему законами Византійской имперіи. Достигнуть этого было тѣмъ легче, что христіанская Церковь являлась на Руси совершенно новымъ учрежденіемъ, къ которому древне-русскіе князья и общество отнеслись съ уваженіемъ и готовностью итти во многихъ случаяхъ по ея указаніямъ. Къ этому присоединялось удивленіе и благоговѣніе, которое варвары-руссы питали къ блеску императорской власти, мудрости ея узаконеній и къ византійскому просвѣщенію. Все это пролагало широкій путь для церковнаго вліянія на древне-русское общество и государство. Для того, чтобы обнять положеніе Церкви въ древней Руси, надо разсмотрѣть: во-первыхъ, устройство церковнаго управленія въ собственномъ смыслѣ, во-вторыхъ, права Церкви, которыми она пользовалась въ области суда, наконецъ, надо

Вліяніе византійской Церкви на русскую.

присмотрѣться къ тому вліянію, которымъ пользовались представители духовенства въ средѣ общества, независимо отъ правъ, предоставленныхъ имъ законодательствомъ древнихъ князей.

Прежде всего нужно разсмотрѣть строй церковнаго управленія.

II.

Зависимость русск Церкви отъ Константинопольск. патріарха.

Русская митрополія была самой обширной митрополіей константинопольскаго патріархата: она даже превосходила по своимъ размѣрамъ самый патріархатъ. Несмотря на это, русская митрополія по греческимъ счетамъ занимала одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ средѣ епархій, зависимыхъ отъ патріарха: по греческимъ каталогамъ она сначала занимала 61-е мѣсто, а потомъ даже была понижена на 71-е. Между тѣмъ греческія митрополіи представляли собою только небольшія области, провинціи имперіи. Несмотря на то, что русская митрополія обнимала собою самостоятельное государство, представители константинопольской Церкви не признавали ея автокефальной, т.-е. самостоятельной, каковой, напримѣръ, была болгарская Церковь. Это зависимое положеніе русской митрополіи прежде всего выражалось въ томъ, что патріархъ считалъ *своимъ правомъ* поставлять митрополитовъ. Кромѣ того, константинопольскій патріархъ и въ другихъ отношеніяхъ считалъ себя начальникомъ русскаго митрополита: онъ принималъ, напримѣръ, апелляціи на судъ митрополита. На практикѣ, вслѣдствіе дальняго разстоянія и государственной самостоятельности Руси, вмѣшательство патріарха въ дѣла русской Церкви бывало очень рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ. Поэтому, главнымъ образомъ, власть патріарха выражалась въ поставленіи митрополита. Трудно сказать, имѣли ли великіе князья какое-нибудь вліяніе на выборъ патріархомъ митрополитовъ для Руси, такъ какъ едва ли они имѣли какія-нибудь свѣдѣнія о личности того или другого греческаго монаха, поставляемаго патріархомъ въ русскіе митрополиты. Древне-русская лѣтопись большей частью лаконически отмѣчаетъ: пришелъ такой-то митрополитъ. Обычай присылки ми

трополита изъ Константинополя могъ установиться тѣмъ легче, что въ первыя 50 лѣтъ по принятіи христіанства митрополиты жили не въ Кіевѣ, но въ Переяславлѣ (южномъ). Такимъ образомъ, великій князь не могъ имѣть частыхъ личныхъ сношеній съ главою Церкви. Но и послѣдующіе князья, за исключеніемъ одного случая, не заявляли протеста противъ установившагося порядка.

Въ послѣдующее время этотъ обычай представлялъ даже своеобразное удобство. Правда, греческій монахъ, по образному выраженію митрополита Никифора въ посланіи къ Мономаху, „не зная русской рѣчи, стоитъ посреди своихъ пасомыхъ безгласенъ и молчитъ много“ (митроп. Никифоръ приказывалъ переводить свои посланія съ греческаго языка на русскій). Если митрополитъ не могъ наставлять свою паству, то, съ другой стороны, онъ являлся безпристрастнымъ свидѣтелемъ княжескихъ распрей: къ сужденію своего духовнаго владыки русскіе князья поэтому относились съ глубокимъ уваженіемъ. Изъ числа 21 митрополита, управлявшихъ митрополіею въ домонгольскій періодъ, только двое были изъ русскихъ. Первымъ русскимъ митрополитомъ былъ знаменитый проповѣдникъ временъ Ярослава Мудраго, Илларіонъ. Повидимому, съ его времени митрополиты окончательно утверждаютъ свою резиденцію въ Кіевѣ. Повидимому также переходъ сюда митрополитовъ совпалъ съ построеніемъ Софійской соборной церкви (1037 г.). Митр. Илларіонъ до своего поставленія былъ священникомъ церкви св. Апостоловъ на Берестовѣ и былъ извѣстенъ какъ „мужъ благъ, и книженъ, и постникъ“. Дѣйствительно, Илларіонъ былъ перворазряднымъ проповѣдникомъ и литераторомъ своего времени, судя по оставшемуся отъ него „Слову о законѣ и благодати“. Илларіонъ былъ посвященъ въ митрополиты въ 1051 году соборомъ русскихъ епископовъ по приказанію Ярослава. Въ данномъ случаѣ князь не пожелалъ считаться ни съ взглядами константинопольской Церкви ни съ установившимся обычаемъ. Но Ярославъ своимъ поступкомъ не хотѣлъ нарушать ни того ни другого: ему просто хотѣлось видить любимаго своего священника митрополитомъ. Поэтому при преемникахъ Ярослава патріархъ поставлялъ русскихъ митрополитовъ.

Попытки къ церковной самостоятельности.

Въ древне-русской исторіи былъ одинъ только случай, когда великій князь *хотѣлъ нарушить* установившійся порядокъ и поставилъ вопросъ о церковной самостоятельности. Въ 1145 году митроп. Михаилъ уѣхалъ въ Константинополь, взявъ съ епископовъ „рукописаніе“ не служить безъ него въ св. Софіи. Не извѣстна причина его отъѣзда, не извѣстно также, почему патріаршій престолъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ не присылалъ на Русь митрополита. Великій князь Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, былъ недоволенъ такимъ порядкомъ вещей, созвалъ соборъ русскихъ епископовъ и, по рѣшенію большинства собравшихся владыкъ, былъ поставленъ въ митрополиты Климентъ, кандидатъ Изяслава, монахъ смоленскаго Зарубскаго монастыря, „книжникъ и философъ, какого еще не бывало въ русской землѣ“. Изяславъ стремился къ разрыву съ патріархатомъ: такъ на это посмотрѣли трое изъ бывшихъ на соборѣ епископовъ, не признавшихъ Климента. И не всѣ русскіе князья признали его митрополитомъ: Юрій Долгорукій нѣсколько разъ выгонялъ Изяслава изъ Кіева, вмѣстѣ съ нимъ удалялся и митрополитъ; наконецъ, въ 1156 г., когда великокняжескій столъ занималъ Юрій, а Климентъ бѣжалъ изъ Кіева, изъ Константинополя прибылъ второй митрополитъ, Константинъ, грекъ. Онъ былъ встрѣченъ съ честью Юріемъ, наложилъ интердиктъ на священниковъ и дьяконовъ, поставленныхъ Климентомъ, и проклялъ прахъ тогда уже умершаго Изяслава. Когда умеръ Юрій, то снова произошло замѣшательство. Великій князь Ростиславъ Мстиславичъ, другъ и братъ покойнаго Изяслава, не хотѣлъ видѣть Климента митрополитомъ, а союзникъ Ростислава, Мстиславъ Изяславичъ, не хотѣлъ признавать Константина. Послѣ долгихъ пререканій князья пришли къ оригинальному рѣшенію: привести новаго митрополита изъ Царьграда. Такой митрополитъ вскорѣ и явился изъ Константинополя: это былъ митроп. Өедоръ. Это былъ единственный случай, когда великій князь кіевскій выдвинулъ вопросъ о церковной независимости. Но, какъ мы видѣли, эта попытка произвела расколъ въ русской Церкви: не всѣ епископы и князья признали Климента именно потому, что онъ не получилъ благословенія у святой Софіи константинопольской.

Въ исторіи древне-русской Церкви была еще одна любопыт-

ная попытка, о которой слѣдуетъ упомянуть. Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, достигнувъ высокаго политическаго положенія, задумалъ отдѣлить владимірскую епархію отъ кіевской митрополіи. Онъ даже построилъ замѣчательную по своей красотѣ каѳедральную церковь Успенія Богородицы. Князь Андрей отправилъ въ 1162 году посольство къ патріарху Лукѣ Хрисовергу съ просьбою объ учрежденіи митрополіи во Владимірѣ. Имѣлся уже и готовой кандидатъ—монахъ Ѳедоръ, но патріархъ рѣшительно отвергъ домогательство князя Андрея. Переходъ митрополичьей каѳедры во Владиміръ совершился гораздо позже, уже послѣ татарскаго нашествія, именно въ 1299 году, когда митроп. Максимъ окончательно перенесъ свою столицу во Владиміръ на Клязьму.

Таково было отношеніе русской Церкви къ царьградскому патріархату. Теперь надо присмотрѣться къ внутреннему строю русской Церкви.

Власть митрополита.

Во главѣ Церкви стоялъ митрополитъ. *Власть* его была весьма обширна. Ближайшее управленіе Церковью митрополитъ вѣдалъ вмѣстѣ съ соборомъ епископовъ, которыхъ онъ призывалъ для совѣщанія къ себѣ. Митрополитъ являлся главнымъ начальникомъ епархіальныхъ архіереевъ. Онъ посѣщалъ ихъ епархіи, призывалъ къ себѣ епископовъ на судъ. По немногимъ примѣрамъ суда митрополита надъ епископами можно замѣтить, что власть его выражалась иногда въ суровой формѣ, сообразно духу и условіямъ того времени. Такъ, напримѣръ, по разсказу лѣтописи, весьма извѣстный новгородскій епископъ, Лука Жидята, былъ обвиненъ своими же холопами, почему его митрополитъ потребовалъ на судъ и продержалъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи. Точно такъ же поступилъ митрополитъ Климентъ по отношенію къ новгородскому епископу Нифонту и заключилъ его въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Тутъ, впрочемъ, дѣйствовала чисто личная вражда, такъ какъ Нифонтъ не хотѣлъ признавать Климента митрополитомъ. Но самымъ рѣзкимъ случаемъ суда митрополита съ соборомъ надъ епископомъ, это былъ судъ митрополита Константина надъ ростовскимъ епископомъ Ѳедоромъ. Это тотъ самый Ѳедоръ, который былъ предназначенъ Андреемъ Боголюбскимъ во владимірскаго митрополита. Ѳедоръ, когда посольство Андрея потерпѣло у

патріарха неудачу, самъ отправился въ Константинополь и здѣсь былъ поставленъ патріархомъ въ епископы ростовскіе. Возвратившись въ Россію, онъ не пожелалъ взять благословенія у митрополита Константина. Столкновеніе это кончилось призваніемъ Ѳедора на судъ митрополита и собора епископовъ. Въ своемъ опредѣленіи епископскій соборъ исчисляетъ разныя неистовства ростовскаго епископа, грабежи и насилія: будто онъ предавалъ священниковъ казни, распиналъ ихъ, выжигалъ глаза, варилъ въ котлахъ и даже произносилъ хулы на Богородицу. Судъ приговорилъ Ѳедора къ смертной казни: ему сначала отрѣзали языкъ и правую руку, выкололи глаза, наконецъ, отсѣкли голову. Въ настоящее время трудно разобраться во всей этой исторіи съ епископомъ Ѳедоромъ. Безъ сомнѣнія, митрополитъ, присланный изъ Царьграда, когда русская митрополія сдѣлала попытку къ самостоятельности, и правившій какъ разъ въ то время, когда такая же попытка была сдѣлана Андреемъ подъ вліяніемъ того же Ѳедора, не могъ хладнокровно отнестись къ поступкамъ своего противника. Но, съ другой стороны, и въ поведеніи епископа было не все гладко, можно скорѣе заподозрѣть его психическое состояніе; отъ него отступился даже его покровитель, князь Андрей.

Свою, какъ судебную, такъ и административную дѣятельность митрополитъ отправлялъ или съ соборомъ епископовъ или единолично, сообразно требованіямъ обстоятельствъ или церковныхъ правилъ.

Очень важной стороной въ дѣятельности митрополита было его участіе въ поставленіи епископовъ. Древняя Русь въ этомъ отношеніи не знала однообразнаго порядка. Въ греческой церкви избраніе епископовъ производилось соборомъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ митрополита. Въ первое время преобладающее значеніе на Руси имѣлъ выборъ великаго князя, конечно, не безъ согласія самого митрополита. Оттого наша начальная лѣтопись часто говоритъ про нашихъ князей, что такой-то князь „поставилъ епископа“ въ тотъ или другой городъ. Съ теченіемъ времени отдѣльныя земли пріобрѣтаютъ самостоятельность; великій князь теряетъ свой престижъ, почему и характеръ избранія епископовъ измѣняется: главную роль въ выборѣ начинаютъ играть мѣстныя власти. Тогда устанавли-

вается своеобразный порядокъ: болѣе могущественные князья сами избираютъ кандидатовъ и посылаютъ для посвященія къ митрополиту, иногда прилагая весьма значительные подарки. Иногда митрополитъ самъ поставлялъ епископовъ, когда разсчитывалъ на болѣе сговорчиваго князя. Отъ этого изрѣдка происходили коллизіи между митрополитомъ и князьями. Такъ, въ 1185 году митрополитъ Никифоръ поставилъ было въ Ростовъ епископомъ Николая, грека, безъ всякихъ сношеній съ княземъ суздальскимъ, извѣстнымъ Всеволодомъ Юрьевичемъ III. Но князь не принялъ его, пославъ сказать митрополиту: „Не избрали его люди земли нашей". Послѣ долгихъ переговоровъ митрополитъ посвятилъ въ ростовскіе епископы мѣстнаго игумена Луку, княжескаго кандидата, а Николая послалъ епископствовать въ Полоцкъ, гдѣ онъ и былъ принятъ. Изъ этого факта, между прочимъ, явствуетъ, что при избраніи епископа князь совѣтовался если не съ населеніемъ (что едва ли вѣроятно), то по крайней мѣрѣ со своими боярами и мѣстнымъ духовенствомъ. Въ одномъ только Великомъ Новгородѣ вѣче, какъ и во всемъ, принимало участіе въ выборѣ владыки. Это установилось, однако, несразу, только въ половинѣ XII вѣка. Послѣ смерти знаменитаго новгородскаго епископа Нифонта— того самого, который оспаривалъ правильность поставленія Климента,— собрались новгородскіе люди на вѣче и „изволиша себѣ епископъ поставити мужь Богомъ избранъ Аркадія"; весь народъ отправился въ монастырь Пресвятой Богородицы, взяли тамъ монаха Аркадія, повели его во дворъ св. Софіи и поручили ему епархію. Это проявленіе новгородской самостоятельности случилось какъ разъ тогда, когда на митрополіи сидѣлъ Климентъ, не признаваемый Нифонтомъ и новгородцами. Пришелъ новый митрополитъ на Русь, Константинъ, и безпрекословно посвятилъ въ митрополиты народнаго избранника. Съ этого времени за новгородскимъ вѣчемъ утвердился обычай избранія владыки. Избраніе это производилось двумя способами: или когда вѣче „изволиша" Богомъ избраннаго кандидата, единогласно называло новаго владыку, или, когда кандидатовъ было нѣсколько, дѣло рѣшалъ жребій. Новгородъ завоевалъ себѣ исключительныя права, но это объясняется тѣмъ, что въ половинѣ XII вѣка Великій Новгородъ былъ самымъ могуще-

ственнымъ государствомъ среди древне-русскихъ княжествъ. Новгородцы пошли еще дальше и въ 1166 году исхлопотали для своего владыки почетный титулъ архіепископа: по каноническимъ правиламъ этотъ титулъ не прибавлялъ епископу власти и самостоятельности.

Отношенія князей къ Церкви.

Только что были указаны нѣкоторые факты, изъ которыхъ явствуетъ, что древне-русскіе *князья принимали* самое горячее *участіе* въ дѣлахъ Церкви, проявляя свое вмѣшательство даже въ дѣло избранія митрополитовъ и епископовъ: даже народныя вѣча стремились къ установленію такого порядка вещей. Зная высокое положеніе, которое занимали въ древней Руси владыки, нельзя удивляться тому, что князья и населеніе желали видѣть свою каѳедру занятой человѣкомъ, имъ извѣстнымъ и ими уважаемымъ. Правда, такое вмѣшательство плохо согласовалось съ церковнами канонами. Но это былъ вѣкъ, когда величайшее благочестіе спокойно мирилось съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что князья и въ другихъ случахъ вмѣшивались въ церковныя дѣла и проявляли самовластіе въ чисто церковныхъ вопросахъ. Такъ, нѣкоторые князья выказали большое вниманіе и неменьшее самовластіе въ вопросѣ, который сильно интересовалъ древне-русское общество половины XII вѣка,— въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли поститься въ среду и пятокъ, если въ эти дни приходятся Господскіе, Богородичные праздники или дни нарочитыхъ святыхъ. Ростовскій епископъ Несторъ, запрещавшій постъ въ эти дни, за исключеніемъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, былъ прогнанъ населеніемъ, отправленъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ на судъ митрополита съ обвиненіемъ въ какихъ-то проступкахъ (намъ неизвѣстныхъ), былъ оправданъ митрополитомъ, но не рѣшился возвратиться въ Ростовъ и отправился въ Царьградъ. Преемникъ Нестора, Леонъ, былъ изгоняемъ княземъ Андреемъ дважды: въ первый разъ за то, что онъ, будто бы, грабилъ поповъ, а во второй разъ за то, что онъ не разрѣшалъ поста въ среду и пятницу въ Господскіе праздники, тогда какъ князь былъ противнаго мнѣнія. Правда, ученіе Леона было признано ересью и со стороны патріарха. Въ 1168 году черниговскій князь Святославъ прогналъ епископа Антонія, который воспрещалъ

ѣсть мясо во всѣ Господскіе праздники, за исключеніемъ нѣкоторыхъ; епископъ училъ такъ, какъ признано было митрополитомъ и патріархомъ, князь же съ нимъ не соглашался. Интересно, что въ то же самое время митрополитъ держалъ въ заточеніи печерскаго игумена Поликарпа, который какъ разъ разрѣшалъ постъ во всѣ Господскіе праздники. Не менѣе князей и новгородское вѣче вмѣшивалось въ дѣла Церкви. Въ 1211 году вѣче низвело архіепископа Митрофана по неизвѣстной теперь причинѣ, а черезъ 8 лѣтъ опять рѣшило его поставить на каѳедру, заявивъ занимавшему каѳедру архіепископу Антонію: „Иди, куда тебѣ угодно". Преемникъ владыки Митрофана, Арсеній, подвергся той же участи, потому что пришелъ изгнанный прежде владыка Антоній, которому новгородцы „были рады"; Арсенію пришлось уйти. Послѣ удаленія Антонія по болѣзни въ монастырь въ 1228 году, снова новгородцы отдаютъ св. Софію низведенному владыкѣ Арсенію, но черезъ очень короткое время случилась страшная засуха. Чернь возмутилась („по наученію дьявола", объясняетъ лѣтопись), собрала вѣче и на немъ рѣшила, что виновникъ засухи Арсеній. Толпа отправилась на владычній дворъ, и мятежъ представилъ единственное въ древней Руси зрѣлище: владыку, разсказываетъ лѣтопись, „акы злодѣя пьхающе въ шію, выгнаша, малѣ ублюде Богъ отъ смерти", потому что владыка успѣлъ затвориться въ Софійской церкви и оттуда ушелъ въ Хутынскій монастырь. Затѣмъ мятежная толпа привела изъ того же Хутынскаго монастыря больного владыку Антонія: онъ былъ нѣмой, но его снова возвели на каѳедру, а для управленія ею посадили двухъ мужей: Никифора щитника (т.-е. мастера, дѣлающаго щиты) и Якуна Моисеевича. Конечно, разсказанные случаи вмѣшательства свѣтскихъ людей въ дѣла Церкви были единичны, такъ что ни княжеская власть ни народное вѣче обычно не препятствовали правильному ходу церковныхъ дѣлъ.

Познакомившись съ высшимъ управленіемъ Церкви и ея отношеніями къ государственной власти, мы теперь можемъ перейти къ знакомству съ другими сторонами церковной жизни, прежде всего къ жизни епископіи.

III.

Епархіи въ древней Руси.

Число епархій въ древней Руси было невелико сравнительно съ ея пространствомъ. Ко времени монгольскаго нашествія было всего 15 епархій, изъ которыхъ 8 были открыты Владиміромъ Святымъ; это были епархіи: черниговская, ростовская, владиміро-волынская, новгородская, туровская, полоцкая, тмутараканская *), бѣлгородская (послѣдняя въ Кіевской землѣ). Въ послѣдующее время было открыто еще 8 епархій: переяславская и юрьевская (съ городомъ Каневомъ) при Ярославѣ, смоленская въ 1137 году, галичская до 1165 года, рязанская до 1207 года, владиміро-клязьменская въ 1214 году, перемышльская въ 1220 году и угровская (на Западномъ Бугѣ) передъ самымъ татарскимъ нашествіемъ; обособленіе отдѣльныхъ епархій объясняется ростомъ областной самостоятельности: каждому княженію хотѣлось свою политическую самостоятельность заключить и церковной автономіей.

Первые русскіе епископы послѣ принятія христіанства были греки. Но вскорѣ появился и на Руси свой разсадникъ, который преимущественно поставлялъ кандидатовъ на архіерейскія каѳедры: это былъ Кіево-Печерскій монастырь, изъ котораго въ домонгольскій періодъ вышло не менѣе 50 владыкъ.

Власть епископа въ епархіи.

Власть епископа по отношенію къ подчиненному ему духовенству имѣетъ такое же значеніе и такую же силу по каноническимъ правиламъ, какъ и власть митрополита надъ епископами. Безъ сомнѣнія, власть владыки надъ починеннымъ ему духовенствомъ была въ то время весьма значительна: онъ могъ „казнить" по тогдашнему выраженію, т.-е. наказывать подчиненныхъ ему духовныхъ лицъ, и наказанія эти, слѣдуя византійскому законодательству, отличались суровымъ характеромъ. Подобно тому, какъ митрополитъ правилъ Церковью съ помощью собора епископовъ, такъ и каждый владыка управлялъ епархіею съ помощью коллегіи изъ мѣстныхъ священниковъ; эта коллегія называлась *клиросомъ*. Въ эту корпорацію входили всѣ соборные священники, имѣвшіе также и свои приходскія

*) Она прекратила свое существованіе въ концѣ XI или въ нач. XII в.

церкви. Сверхъ ихъ въ составъ клироса, повидимому, входили и свѣтскіе чиновники архіерейской каѳедры. Епархіальное управленіе въ то время отличалось большою сложностью, такъ какъ епископы вѣдали и разныя гражданскія дѣла, затѣмъ имѣли свои источники доходовъ, села и пр. Все это требовало немалаго штата чиновниковъ духовныхъ и свѣтскихъ. Такъ, для обширной области епископскаго суда владыка имѣлъ особаго намѣстника, иногда даже двухъ. Кромѣ чиновниковъ по управленію, были еще чиновники, составлявшіе епископскій дворъ. Владычній дворъ, вѣроятно, во многомъ походилъ на княжескій дворъ, особенно въ епархіяхъ крупныхъ княженій. Такъ, напримѣръ, новгородскій владыка имѣлъ своего стольника, очевидно, очень важнаго при немъ чиновника; притомъ же у владыки были особые владычные бояре, хотя извѣстія о нихъ относятся къ болѣе позднему времени.

Доходы епископа.

Для *содержанія* епископа и его двора нужны были, конечно, немалыя средства. Русскіе князья уже съ момента принятія христіанства старались обезпечить епископа доходами. Источники митрополичьихъ и епископскихъ доходовъ были весьма разнообразны. Прежде всего многія стороны дѣятельности епархіальнаго управленія по обычаю того времени подлежали оплатѣ. Епископской власти подлежала обширная сфера суда. Наказанія по суду выражались пенями въ пользу епископа. Такимъ образомъ, судебныя пошлины составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ доходовъ епископа; затѣмъ епископы взимали со священниковъ плату при ихъ посвященіи. Это былъ очень распространенный обычай, такъ что владимірскій церковный соборъ 1274 года даже опредѣлилъ нормальную плату епископу за поставленіе священниковъ, въ сильныхъ выраженіяхъ осудивъ тѣхъ изъ архипастырей, которые на „мздѣ“ раздавали духовныя должности. Были и еще различные доходы, сопровождавшіе дѣятельность епископа по епархіальному управленію.

Кромѣ этихъ нерегулярныхъ источниковъ дохода, Церковь имѣла еще два крупныхъ источника—собственныя имущества и дарованныя ей князьями десятины княжескихъ доходовъ.

Недвижимыя имущества и разныя драгоцѣнности скоплялись въ церквахъ и монастыряхъ вслѣдствіе пожертвованій благочестивыхъ людей. Уже житіе св. Ѳеодосія печерскаго разсказы-

ваетъ, что этотъ монастырь имѣлъ села, отданныя ему на „попеченіе“; тому же монастырю и въ позднѣйшее время князья и княгини записывали земли; такъ, князь Ярополкъ Изяславичъ завѣщалъ монастырю три волости: Небльскую, Деревскую и Лучскую, и села около Кіева, а его дочь завѣщала тому же монастырю пять селъ съ челядью и большой капиталъ въ золотѣ и серебрѣ. Такія записи дѣлались для того, чтобы было „чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и просфуру его побдѣти“, какъ выражается лѣтописецъ, разсказывая о томъ, что князь Ростиславъ Мстиславичъ раздалъ на церковь, монастыри и нищимъ все имущество, оставшееся послѣ смерти бездѣтнаго его дяди Вячеслава Мономашича.

Если князья старались обезпечить наиболѣе извѣстные монастыри и церкви пожертвованіемъ земельныхъ имуществъ, то тѣмъ болѣе это относится къ обезпеченію каѳедральной церкви. Обыкновенно при основаніи епископіи князь старался обезпечить ее доходами. Такъ, уже Владиміръ Св. обезпечилъ Десятинную церковь Св. Богородицы въ Кіевѣ, назначивъ ей десятину отъ всѣхъ княжескихъ доходовъ. Сверхъ того Десятинной церкви принадлежалъ цѣлый городъ Полоный — „Св. Богородицы градъ десятинный“. Десятина, которую назначилъ Владиміръ Св., принадлежала митрополичьей каѳедрѣ, какъ и Десятинная церковь. Той же каѳедрѣ въ Кіевской землѣ принадлежалъ и городъ Синелицъ (на Сулѣ). Пожалованіе каѳедрѣ городовъ надо понимать въ томъ же смыслѣ, какъ и пожалованіе городовъ боярамъ, т.-е. въ смыслѣ собиранія всѣхъ доходовъ съ города.

Разнообразными доходами была обезпечена епископская каѳедра и въ Новгородѣ. Тутъ подъ наблюденіемъ архіепископа находились городскіе вѣсы и мѣры. Если кто изъ купцовъ допускалъ при обмѣриваніи обманъ, то онъ подвергался потоку: имущество его отбиралось и дѣлилось на 3 части, одна изъ которыхъ шла въ казну св. Софіи, другая — церкви св. Іоанна на Опокахъ и третья — Великому Новгороду. Сверхъ судебныхъ пошлинъ и имѣній, владыка здѣсь еще взималъ плату за антиминсы, раздаваемые по церквамъ епархіи, бралъ такъ называемый „подъѣздъ“, т. е. плату, взимаемую съ церквей Пскова

(вѣроятно и другихъ пригородовъ) во время пріѣзда владыки: подъѣздъ взимался и въ тѣ годы, когда владыка не бывалъ въ Псковѣ. Здѣсь же въ Великомъ Новгородѣ владыка пользовался десятиной съ княжескихъ доходовъ. Вообще новгородская Св. Софія была богатой кафедрой: „Святая бо Софія не убога есть", заявлялъ владыка Іоаннъ уже во второй половинѣ XII вѣка.

Немало интересныхъ подробностей знаемъ мы о матеріальномъ положеніи смоленской каѳедры. Основатель ея, князь Ростиславъ Мстиславичъ, пожертвовалъ каѳедрѣ десятую часть всѣхъ своихъ доходовъ, т.-е. около 300 гривенъ или около 200,000 рублей на наши деньги. Для того времени это была огромная сумма. Кромѣ того, каѳедрѣ были отданы городъ Холмъ, два села, луга, озеро, огородъ; сверхъ того, князь отдалъ Св. Богородицѣ Смоленской извѣстное количество воска ежегодно на свѣчи, десятую часть рыбы, собираемой на князя въ Торопцѣ.

Изъ всего предыдущаго видно, что епископскіе доходы достигали весьма солидныхъ размѣровъ, вызывая иногда чувство зависти въ князьяхъ. Новгородцевъ же богатая софійская казна нерѣдко выручала изъ бѣды, такъ какъ къ ней Великій Новгородъ обращался въ трудныя минуты своей жизни. Надо также замѣтить, что различныя епархіи не одинаковымъ образомъ были обезпечены.

Познакомившись съ источниками доходовъ архіерейской каѳедры, перейдемъ къ другимъ сторонамъ епархіальнаго управленія.

Обязанности владыки въ то время сводились главнымъ образомъ къ тремъ пунктамъ: къ учительству своей паствы, къ поставленію церковно-и священно-служителей и къ управленію какъ духовными, такъ и матеріальными дѣлами епархіи. Въ чемъ выражалось управленіе епархіею, мы сейчасъ увидимъ; теперь же слѣдуетъ выяснить, что представляло собой *епархіальное духовенство.*

Среди бѣлаго духовенства была большая разница: встрѣчались люди образованные и вліятельные, но общая масса городского и сельскаго духовенства не отличалась ни тѣмъ ни другимъ. Въ то время знать грамоту было дѣломъ нелегкимъ, да и мало прибыльнымъ: мечъ воина, вѣсы торговца или ключъ

Уровень развитія духовенства.

тіуна давали человѣку лучшія средства къ жизни. Оттого въ среду бѣлаго духовенства приходилось съ трудомъ вербовать людей которые далеко не были подходящими къ выполненію своей высокой задачи. Уставъ митрополита Георгія дѣлаетъ цѣлый рядъ уступокъ для лицъ, посвящающихся въ духовное званіе. Такъ, по этому уставу можно было посвящать въ священники лицъ, которыя творили грѣхи, будучи некрещенными, за исключеніемъ душегуоства, а послѣ крещенія перестали грѣшить; можно посвятить и такого, который совершилъ какія-нибудь преступленія, но покаялся о нихъ своему отцу духовному, — только бы не былъ въ заточеніи за воровство: послѣднее исключеніе дѣлается, очевидно, потому, что отбываніе этого наказанія могло скомпрометировать посвящаемаго. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ уставъ XII вѣка разрѣшаетъ поставить въ дьяконы такого человѣка, который, хотя и будетъ виновенъ въ воровствѣ, но уладитъ дѣло съ истцомъ безъ огласки; если же дѣло дойдетъ до княжескаго суда, огласится передъ людьми, то такой человѣкъ не достоинъ дьяконства. Церковь очень настаивала на совершеніи браковъ съ церковнымъ вѣнчаніемъ. Однако уставъ митроп. Георгія и тутъ дѣлаетъ уступку: можно поставить попомъ такого человѣка, который раньше заключилъ бракъ по языческимъ обрядамъ, лишь бы только онъ повѣнчался въ церкви передъ поставленіемъ. Положеніе священника иногда принижалось до того, что сильные люди отдавали въ ученіе грамотѣ рабовъ, иногда даже плѣнниковъ изъ нехристіанъ и, приводя ихъ къ епископамъ, доставляли имъ посвященіе въ духовный санъ. Такой обычай, когда слухъ о немъ дошелъ до царьградскаго патріарха, вызвалъ сильный протестъ со стороны послѣдняго.

Духовный санъ не всѣ охотно принимали потому, что онъ далеко не всѣхъ посвященныхъ обезпечивалъ матеріально. Безспорно, многіе изъ духовныхъ лицъ пользовались полнымъ благоденствіемъ, потому что прихожане охотно приносили имъ „дарокъ“. Инымъ зато приходилось плохо. Приходское духовенство жило исполненіемъ требъ, которыя, судя по одному извѣстію XII вѣка, оплачивались довольно дорого и едва ли были сподручны бѣдному человѣку. Зависимость отъ требъ иногда вызывала совсѣмъ нежелательныя явленія: напр., вла-

димірскій соборъ 1274 г. запретилъ ященникамъ требовать исполненія полевыхъ работъ отъ людей, живущихъ подъ церковнымъ покровительствомъ.

IV.

Выше шла рѣчь только объ одной сторонѣ церковнаго управленія. Но на Руси, подобно тому какъ и въ Византіи, Церковь пользовалась столь широкимъ значеніемъ, что имѣла отношеніе къ гражданскому строю общества. На Руси вѣдомство Церкви было даже гораздо шире, чѣмъ въ Византіи. Это произошло оттого, что въ языческомъ обществѣ многое не считалось преступнымъ изъ того, что таковымъ считалось съ точки зрѣнія Церкви: языческіе обычаи столкнулись съ церковными взглядами. Были и такія стороны жизни, въ которыя языческое государство не вмѣшивалось; между тѣмъ съ церковной точки зрѣнія дѣйствіе считалось преступнымъ. Напримѣръ, многоженство было въ обычаѣ древней Руси, но оно было недопустимо съ точки зрѣнія церковной, было грѣхомъ; судъ о такомъ поступкѣ перешелъ на Руси въ вѣдѣніе Церкви, хотя самый поступокъ, конечно, не имѣетъ церковнаго характера. Церковь скрѣпляла бракъ. Но она не могла примириться съ языческимъ обычаемъ браковъ. Всѣ такого рода дѣла уже при первыхъ князьяхъ переходятъ въ вѣдѣніе *епископскаго суда*. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи этого суда оказался цѣлый рядъ дѣлъ такихъ, которыя въ Византіи карались свѣтскою властью. Церковь была защитницею слабыхъ и вѣдала дѣла благотворительности и покровительства надъ нѣкоторыми разрядами людей. Эта сторона дѣятельности доставляла Церкви новую сферу суда. Наконецъ, судъ въ древней Руси былъ въ то же время доходной статьей: желая увеличить эти статьи, князья передаютъ вѣдѣнію Церкви дѣла, ранѣе подлежавшія вѣдѣнію ихъ княжескаго суда. Отношеніе церкви къ обществу

Объемъ церковнаго суда на Руси опредѣленъ былъ княжескими грамотами *). На основаніи ихъ представители Церкви Объемъ церковнаго суда.

*) Права Церкви, выходящія изъ сферы чисто церковной, были опредѣляемы уставными княжескими грамотами. Такихъ грамотъ до насъ дошло нѣсколько, именно: грамота Владиміра Св., Ярослава,

творили судъ. Во внутреннемъ же своемъ управленіи Церковь руководствуется канонами, изданными св. апостолами и вселенскими соборами; собраніе этихъ правилъ носитъ названіе Номоканона. На Руси собранія церковныхъ правилъ получили названіе Кормчей книги (Кормчій—управитель). Въ спискѣ Кормчей заносились списки Номоканона, древне-княжескихъ уставныхъ грамотъ, каноническія постановленія древнихъ русскихъ іерарховъ, наконецъ, разные списки переводовъ и извлеченій изъ законодательныхъ сборниковъ византійскихъ императоровъ. Сборниками византійскихъ законовъ весьма интересовались у южныхъ славянъ и въ древней Руси, такъ какъ къ законодательной мудрости византійскихъ императоровъ относились съ большимъ уваженіемъ. Но въ русскомъ церковномъ правѣ византійское законодательство имѣло еще особое значеніе: въ рукахъ духовенства была обширная группа дѣлъ гражданскаго и уголовнаго характера, переданныхъ Церкви княжескими грамотами. Въ грамотахъ же вовсе не опредѣляется объемъ наказаній, слѣдуемыхъ за преступленіе, или же назначены только штрафы въ пользу Церкви (въ одномъ только уставѣ Ярослава), но зато не обозначенъ объемъ тѣхъ „казней",

---

двѣ грамоты новгородскаго князя Всеволода Мстиславича--одна о церковныхъ судахъ и о торговыхъ мѣрахъ, а другая—уставъ Церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ (относятся къ 1125—1135 годамъ), церковный уставъ новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 года и уставная грамота Смоленской епископіи, данная княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ въ 1150 году. Къ сожалѣнію, первыя изъ этихъ уставныхъ грамотъ, конечно самыя важныя, дошли до нашего времени въ такомъ видѣ, что возбуждаютъ много сомнѣній въ своей подлинности: въ древности грамоты переписывались и переписчики вставляли въ нихъ новыя статьи по своему усмотрѣнію; оттого встрѣчаются списки грамотъ болѣе пространные и менѣе пространные. Больше всего сомнѣній возбуждаетъ уставъ Ярослава. Впрочемъ, хотя въ виду разныхъ списковъ нельзя въ точности сказать, какія статьи церковнаго суда прибавлены переписчиками въ уставъ Ярослава, но одно достовѣрно, что оба устава князей Владиміра и Ярослава, и притомъ въ самыхъ пространныхъ спискахъ, были признаваемы подлинными въ половинѣ XIII вѣка, и всѣ судебныя дѣла, опредѣленныя въ уставахъ, рѣшались на епископскомъ судѣ. Значитъ, еще ранѣе этого времени весь обширный кругъ судебныхъ дѣлъ, охваченный пространными списками Ярославова устава, на практикѣ перешелъ въ вѣдомство церковнаго суда.

которыя князь налагаетъ на обвиненнаго по церковному суду. Церковные судьи не могли, конечно, найти отвѣта въ Русской Правдѣ, которая и не содержитъ въ себѣ статей о преступленіяхъ, переданныхъ въ вѣдѣніе Церкви. Вполнѣ естественно, что церковный судья искалъ руководящихъ статей въ византійскомъ законодательствѣ. Отсюда понятно значеніе сборниковъ византійскаго права, обращавшихся на Руси: ими пользовались церковные судьи.

Теперь посмотримъ, въ чемъ же заключалась сфера церковнаго суда согласно названнымъ уставнымъ грамотамъ.

Сфера церковнаго суда.

Прежде всего, какъ и въ Византіи, на Руси былъ цѣлый классъ людей, который по всѣмъ преступленіямъ уголовнаго или гражданскаго характера находился въ вѣдѣніи Церкви: это церковные люди. Но въ Византіи классъ церковныхъ людей ограничивался клиромъ. На Руси этотъ классъ оказывается весьма широкимъ: въ него входятъ монахи, священно- и церковно-служители, дѣти ихъ, просвирни, паломникъ, свѣчегасъ, странникъ, попадьи (очевидно вдовыя), поповичи, т.-е., очевидно, не только дѣти, но и потомки священниковъ. Затѣмъ идетъ разрядъ лицъ, находящихся въ церковныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, т.-е. въ больницахъ и страннопріимницахъ: „то люди церковные, богадѣльные“. На ряду съ ними, очевидно, попалъ въ число церковныхъ людей и лѣкарь. Къ числу церковныхъ людей относятся также и люди, находящіеся подъ особымъ покровительствомъ Церкви; таковы прощенники, т.-е. люди, получившіе исцѣленіе вслѣдствіе какого-нибудь чуда, задушные люди, т.-е. вольноотпущенные по духовному завѣщанію, наконецъ, изгои. Изгоями, находившимися подъ покровительствомъ Церкви и подъ ея судомъ, называли лицъ троякаго рода: 1) поповъ сынъ, не научившійся грамотѣ и, слѣдовательно, не смогшій принять священническаго сана; 2) холопъ, выкупившійся изъ неволи; 3) обанкротившійся купецъ. Въ древней Руси понятіе изгойства прилагалось и къ княжескому роду, когда старшая линія князей въ концѣ XI вѣка старалась оттѣснить представителей младшей линіи отъ владѣнія княжествомъ. Такимъ образомъ, это все люди, выбившіеся изъ житейской колеи и нуждавшіеся въ поддержкѣ такого сильнаго учрежденія, какъ Церковь. Такимъ образомъ, кругъ лицъ,

находящихся подъ ея вѣдѣніемъ и ея судомъ, былъ весьма обширенъ. Изгои и прощенники жили цѣлыми селами на церковныхъ земляхъ. По Смоленской грамотѣ, напримѣръ, прощенники отдавались въ вѣдѣніе епископа съ медовыми и денежными данями и со всѣми судебными пошлинами: „Ни надобѣ ихъ судити никакому же человѣку“, говоритъ грамота. Изгои отдаются цѣлыми селами съ землею, на которой сидятъ. Тутъ же епископу отдаются и нѣкоторые люди, можетъ-быть, несвободные, работавшіе на княжескихъ хозяйственныхъ статьяхъ: бортникъ (т.е. наблюдающій за бортями) съ землей, огородъ съ „тѣмъ капустникомъ“, т.-е. съ человѣкомъ, занимавшимся разведеніемъ капусты на немъ, съ его женою и дѣтьми. Всѣ эти лица, какъ церковныя, такъ и не имѣющія отношенія къ Церкви, отдаются подъ присудъ епископа. Если случится искъ церковнаго человѣка къ нецерковному, то тогда дѣло разбирается на „обчемъ“ судѣ, т.-е. княжескій и церковный судьи судятъ вмѣстѣ.

Итакъ, разрядъ *церковныхъ людей* оказывается весьма расширеннымъ. Церковь выдѣляетъ изъ государства въ свое исключительное вѣдѣніе не только лицъ, отдающихъ себя благочестивымъ цѣлямъ (напр., паломники), или лицъ, требующихъ защиты по своей слабости, но также и лицъ, фактически порвавшихъ всякую связь съ Церковью, напр., поповичей, вдовъ.

Судъ епископа надъ церковными людьми простирался во всѣхъ отношеніяхъ, хотя бы то было убійство и т. п. Но затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ проступковъ, которые подлежатъ епископскому суду, *кѣмъ бы они ни были совершены*. Въ числѣ ихъ прежде всего стоятъ дѣла, не считавшіяся преступленіемъ въ языческомъ обществѣ. Такъ, съ появленіемъ Церкви нужно было прежде всего охранить Церковь съ ея установленіями. Дѣла такого рода, конечно, не могли быть переданы въ руки свѣтскихъ судей-язычниковъ, или только что вышедшихъ изъ язычества. Поэтому уже уставъ Владиміра Святого передаетъ въ вѣдѣніе Церкви слѣдующія преступленія, составляющія святотатство: кражу церковнаго имущества, ограбленіе могилъ, порчу крестовъ (на могилахъ или въ церквахъ), порчу церковныхъ стѣнъ и введеніе въ церковь собакъ или дугихъ животныхъ,

охраняя церковное имущество и церковные уставы. Церковь была призвана и разсматривать проступки противъ чистоты вѣры. Она призвана была бороться духовно съ волхвами и вообще со всякаго рода проявленіемъ язычества. Но княжескіе уставы даютъ въ распоряженіе Церкви еще и право суда по такимъ преступленіямъ. Поэтому вѣдомство, волхвованіе посредствомъ травъ, ядовъ, вообще всякаго рода чародѣйство, подлежало церковному суду. Наряду съ этимъ и упрекъ, сдѣланный кѣмъ-либо другому въ занятіяхъ чародѣйствомъ или же въ ереси, т.-е. въ отступленіи отъ правилъ религіи, переданъ въ вѣдѣніе Церкви. Тогдашняя Русь, полуязыческая, конечно, полна была такого рода преступленіями. Уставъ князя Всеволода передаетъ церковному суду еще и тѣхъ, которые молятся подъ овинами, въ рощахъ или у воды, т.-е., иными словами, всѣхъ тѣхъ, кто продолжаетъ совершать еще языческія жертвоприношенія. Надо, однако, замѣтить, что древне-русская Церковь, обладая столь важными правами для борьбы съ ересями и остатками языческихъ обрядовъ, пользовалась своими правами весьма умѣренно, снисходя къ той трудности, съ которой мало культурный народъ могъ воспринять догматы христіанства. Въ древне-русскихъ памятникахъ можно много найти указаній на то, что духовенство словомъ убѣждало свою паству оставить языческіе обычаи, до насъ дошло много поученій въ томъ же направленіи, такъ что едва ли власть церковнаго суда въ этомъ отношеніи была тяжела для паствы: встрѣчаются случаи наказаній духовныхъ лицъ, но не свѣтскихъ.

Вліяніе церкви на бракъ.

Церковь внесла въ древне-русское общество совершенно новое понятіе о бракѣ и о многихъ сторонахъ семейныхъ отношеній. Проводимыя Церковью понятія были совершенно противоположны тѣмъ, какими жило языческое общество. Оно признавало многоженство, не считало преступнымъ вступленіе въ бракъ съ родственникомъ, имѣло свои формы заключенія брака и т. п.; наконецъ, языческое общество признавало сильную власть отца семьи, не допускавшую никакого вмѣшательства со стороны княжескаго суда. Насколько твердо держались семейные обычаи, можно заключить изъ того, что втеченіе первыхъ вѣковъ послѣ принятія христіанства церковное вѣнчаніе было слабо распространено. Многіе простолюдины были

убѣждены, что церковное вѣнчаніе нужно только для бояръ, а не для простыхъ людей. Церковь получила въ свое вѣдѣніе вопросы, касающіяся брака. Свѣтская власть не вмѣшивалась въ эти дѣла и признавала какъ языческія формы заключенія брака, такъ и церковное вѣнчаніе. Въ иныхъ же случаяхъ, хотя судилъ князь, но судебные штрафы шли епископу. Такъ, по княжескимъ грамотамъ, такія преступленія какъ умыканіе невѣстъ, т.-е. похищеніе ихъ,—„уволочская тяжа (преступленіе), ажъ уволочетъ кто дѣвку“, рѣшалъ князь или его посадникъ, но штрафъ князь или его судья дѣлилъ съ епископомъ пополамъ. Это потому, что „умчаніе дѣвки“, хотя дѣлалось съ цѣлью заключенія брака, но свѣтская власть разсматривала это дѣяніе, какъ всякое похищеніе, насиліе, если похищеніе совершается безъ согласія невѣсты. Оттого уставъ Ярослава назначаетъ большую пеню за „соромъ“ дѣвушки и штрафъ епископу, при чемъ размѣръ штрафа опредѣляется положеніемъ родителей дѣвушки: за боярскую дочь платится больше, чѣмъ за дочь „добрыхъ“ людей.

Расторженіе брака, какъ заключеннаго Церковью, такъ и не заключеннаго ею, находится уже въ вѣдѣніи Церкви. Разводъ во всякомъ случаѣ признавался законнымъ только тогда, когда поводъ къ расторженію представлялся со стороны жены; однако, супруги могли разводиться по обоюдному согласію, безъ вины одного изъ нихъ: въ случаѣ расторженія брака нужно было, согласно уставной грамотѣ Ярослава, уплатить штрафъ епископу въ 12 гривенъ, если бракъ былъ освященъ Церковью; если бракъ былъ заключенъ безъ церковнаго вѣнчанія (по обрядамъ языческимъ), то за разводъ уплачивалось вдвое менѣе. Значитъ, расторженіе брака даже при согласіи супруговъ считалось проступкомъ, караемымъ денежнымъ штрафомъ. Если же мужъ оставлялъ жену безъ ея согласія, то онъ платилъ ей за „соромъ“ сообразно состоянію ея родителей и, сверхъ того, подвергался наказанію со стороны свѣтской власти.

Къ брачнымъ дѣламъ относились также всѣ тяжбы, возникающія изъ предбрачныхъ договоровъ, заключаемыхъ при сватовствѣ. Церковь наблюдала также, чтобы браки не совершались среди лицъ, находящихся въ извѣстныхъ степеняхъ род-

ства. Къ бракоразводнымъ дѣламъ относились также дѣла о двоеженствѣ—„ажъ водивѣ кто двѣ женѣ“. Вступленіе во второй бракъ безъ законнаго развода съ первой женой угрожало супругу принужденіемъ къ сожительству съ первой женой, а вторая удаляема была въ церковный домъ, что, вѣроятно, означало монастырь или нарочито устроенный домъ для заключенія. Однако одновременное сожительство съ двумя женами наказывалось такимъ же образомъ и, сверхъ того, весьма большимъ штрафомъ въ пользу епископа. Всякаго рода преступленіе, возможное въ брачной жизни, разсматривалось церковнымъ судомъ. Сюда относятся безнравственное поведеніе супруговъ, споры ихъ между собою объ имуществѣ, или когда мужъ украдетъ ленъ или „порты“, т.-е. платье, принадлежащее женѣ, и т. п. Уже послѣдняго рода тяжбы являются надставкой къ брачнымъ дѣламъ въ собственномъ смыслѣ; то же надо сказать и о дѣлахъ по спорамъ между членами семьи, напр., между родителями и дѣтьми. Вмѣшательство въ эту сферу церковнаго суда можно объяснить какъ стремленіемъ передать въ распоряженіе Церкви побольше дѣлъ съ цѣлью увеличить ея доходы, такъ и тѣмъ, что княжескій судъ ранѣе никогда не вѣдалъ тяжбъ, возникающихъ между членами семьи; разборъ такихъ дѣлъ раньше предоставлялся усмотрѣнію старшаго въ семьѣ или родѣ. Такъ, церковному суду предоставлены такіе случаи: если сынъ или дочь подымутъ руку на отца или на мать, нѣкоторые споры о наслѣдствѣ (между двоюродными братьями) и т. п.

Вліяніе Церкви на нравы общества.

Уже въ проступкахъ, касающихся брака и семьи, отданныхъ на судъ Церкви, нельзя не замѣтить одной общей тенденціи: получая въ свое вѣдѣніе судъ по этимъ дѣламъ, церковь является органомъ, который свѣтская власть дѣлаетъ наблюдающимъ за нравственностью гражданъ. Это наблюденіе со стороны церковнаго суда выходило далеко за предѣлы церковнаго строя: Церковь получала въ данномъ случаѣ руководящее значеніе потому, что Церковь на этомъ поприщѣ являлась наставницей новой паствы. Преступленіе противъ нравственности считалось прежде всего грѣхомъ, предупреждать который Церковь стремилась своимъ ученіемъ и своею дѣятельностью. Оттого въ княжескихъ уставныхъ грамотахъ мы встрѣ-

чаемъ цѣлый рядъ статей, опредѣляющихъ различные виды преступленій противъ нравственности. Особенно тщательно грамоты охраняютъ болѣе слабую половину общества: всякаго рода оскорбленіе, имъ причиняемое, или „соромъ“ подлежатъ церковному суду.

Но, сверхъ указанныхъ категорій тяжбъ, княжескія грамоты передаютъ тому же суду дѣла, какъ бы совершенно случайно выхваченныя изъ уголовной практики. Такъ, напримѣръ, Церковь судитъ дѣло о душегубствѣ, т.-е. о непреднамѣренномъ убійствѣ. Положимъ, тутъ еще можно предположить тотъ мотивъ, что Церковь брала такого непроизвольнаго убійцу подъ свое покровительство и, заботясь объ его спасеніи, назначала ему церковное покаяніе. Но уже нельзя подыскать какого бы то ни было оправдательнаго мотива для тяжбъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: „Ажъ бьетася двѣ женѣ“, т.-е. если подрались между собой двѣ женщины; или „два мужа имутся бити“, т.-е. драка между двумя мужчинами, или если одинъ мужчина укуситъ другого во время драки или вырветъ клокъ бороды.

Если вспомнить рядъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и, сверхъ того, церковныхъ въ собственномъ смыслѣ, то легко видѣть, что *область* церковнаго суда въ древней Руси была чрезвычайно *обширна*. Съ теченіемъ времени дѣятельность его еще болѣе расширялась, и церковный судъ въ такомъ объемѣ дожилъ до реформъ Петра Великаго. Какъ мы видѣли, дѣла, составлявшія сферу церковнаго суда, представляютъ собою весьма своеобразную амальгаму. Положимъ, можно указать нѣкоторую группу дѣлъ, которыя и по церковнымъ уставамъ по праву принадлежатъ Церкви, напр. бракоразводныя. Была и другая группа дѣлъ, появленіе которой въ составѣ церковнаго суда можно объяснить тѣмъ особымъ положеніемъ, которое заняла христіанская Церковь въ русскомъ языческомъ обществѣ, напр.: дѣла, касающіяся заключенія брака, многоженства, наблюденія за нравственностью. Но сверхъ этихъ разрядовъ преступленій, такъ сказать естественно вошедшихъ въ вѣдомство Церкви, была отмѣчена и группа дѣлъ гражданскаго и уголовнаго характера, случайно, безъ опредѣленной цѣли оторванныхъ отъ княжескаго суда.

Различіе въ положеніи церквей рус. и византійск.

Если сообразить теперь тѣ права, которыми пользовалась Церковь на Руси согласно княжескимъ грамотамъ, и сопоставить ихъ съ положеніемъ Церкви въ гражданскомъ обществѣ Византійской имперіи, то не трудно замѣтить большую разницу. Византійскіе законы предоставляли представителямъ Церкви широкое право вмѣшательства въ сферу суда и администраціи, отправляемыхъ императорскими чиновниками: главнымъ образомъ епископу предоставлялась возможность имѣть вліяніе и наблюденіе за цѣлымъ рядомъ дѣлъ. На Руси же епископъ получилъ права, предоставлявшія ему обширныя судебныя полномочія. По закону онъ не могъ вмѣшиваться въ княжескую администрацію или судъ. Но зато самъ епископъ представлялъ собою судью по преимуществу. Епископскій дворъ превращался въ судебный трибуналъ, при немъ были и особые церковные дома для заключенія виновныхъ.

Тутъ представляется одинъ чрезвычайно интересный вопросъ: въ чемъ заключались наказанія, къ которымъ виновныхъ могъ присуждать епископскій судъ? Дѣло въ томъ, что грамоты Владиміра Св., Всеволода и Ростислава опредѣляютъ только характеръ тяжбъ, вѣдаемыхъ церковнымъ судомъ. Но нигдѣ не указываютъ, по какимъ же законамъ долженъ судить епископъ, и къ какимъ наказаніямъ онъ можетъ присуждать виновныхъ. Уставъ Ярослава назначаетъ только штрафы въ пользу епископа, а затѣмъ обыкновенно прибавляетъ: „А князь казнитъ". Спрашивается: на основаніи какихъ же *законовъ* казнитъ князь тѣхъ лицъ, которыя осуждены церковнымъ судомъ? Вообще даже не ясно, въ чемъ заключалась эта передача обвиненныхъ церковнымъ судомъ лицъ суду свѣтской власти *). Между тѣмъ, грамоты только называли категоріи дѣлъ (напр. „вѣдьство", т.-е. колдовство, „зелье", т.-е. волхованіе посредствомъ травъ и т. п.), не опредѣляя ни характера ихъ, ни рода наказаній. Чѣмъ же руководствовались судьи? Легко догадаться, что епископъ-грекъ и даже русскій инокъ отвѣта

---

*) Уставъ Ярослава, какъ мы знаемъ, наиболѣе возбуждаетъ сомнѣній: его система штрафовъ составлена по такой монетной системѣ, которая не употреблялась въ древнѣйшее время (она относится къ XIII—XIV вѣкамъ и, значитъ, передѣлана переписчиками).

на этотъ вопросъ станетъ искать не въ русскихъ законахъ и обычаяхъ (тамъ и отвѣта не было), но въ законодательствѣ Византійской имперіи. Въ древней Руси даже и свѣтскіе судьи обращались къ тому же источнику, когда не находили отвѣта въ Русской Правдѣ. Да и на самой Правдѣ сказалось вліяніе византійскаго законодательства. Очень естественно поэтому, что церковный судья обращался къ сборникамъ законовъ, состоявшихъ изъ извлеченій изъ законовъ византійскихъ царей. Списки этихъ законовъ находились въ любой Кормчей. Но въ такомъ случаѣ каковъ же характеръ наказаній, налагаемыхъ византійскимъ законодательствомъ? Этотъ характеръ весьма разнился отъ древне-русскаго. Русская Правда знала систему штрафовъ и возмездія за причиненный вредъ, какъ бы велико ни было преступленіе. Византійское законодательство преимущественно основано на системѣ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, весьма любитъ членовредительство, иногда присоединяя и церковное наказаніе въ объемѣ, трудно выполнимомъ для истиннаго христіанина. Для примѣра возьмемъ нѣсколько такихъ преступленій, которыя подлежатъ церковному суду, и посмотримъ, какое наказаніе полагалось за эти преступленія въ тѣхъ византійскихъ сборникахъ, которые въ переводахъ обращались въ древней Руси. Такъ, княжескія грамоты предаютъ церковному суду лицъ, вступившихъ въ бракъ, находясь между собой въ степени родства или свойства по каноническимъ правиламъ. По византійскимъ законамъ, если кумъ жениться на кумѣ или крестный отецъ на своей воспріемницѣ, полагается: „По людскому закону обоимъ отрѣзать носы и развести, а по церковному закону—тоже развести и назначить постъ и покаяніе на 15 лѣтъ: 5 лѣтъ стоять внѣ церкви и плакать во время литургіи, 4 года стоять въ церкви до чтенія евангелія, 3 года до пѣнія символа вѣры, да 3 года поститься на хлѣбѣ и водѣ“. Поженившихся родственниковъ нужно бить и развести, двоеженца должно „тепуть твердѣ“, т.-е. надо хорошо исколотить и назначить ему постъ на 7 лѣтъ; „гробнаго татя“, т.-е. ограбившаго гробъ, полагается подвергнуть 300-мъ ранамъ (эта статья византійскихъ законовъ совсѣмъ повторена во Владиміровомъ уставѣ, но опредѣленіе наказаній пропущено: законодатель зналъ, что

судья найдетъ опредѣленіе наказанія), церковному татю выкалывали глаза и урѣзывали носъ и т. д. Однимъ словомъ, характеръ наказаній, примѣняемыхъ византійскимъ законодательствомъ, отличался совершенной противоположностью съ древне-русскимъ. Однако, онъ, несомнѣнно, употреблялся въ церковной практикѣ: печальная исторія епископа ростовскаго Ѳедора показываетъ, что членовредительныя наказанія прилагаемы были церковнымъ судомъ или, по его постановленію, свѣтскимъ даже и къ виновному епископу; а въ обвинительномъ актѣ противъ епископа Ѳедора говорится, что онъ несправедливо прилагалъ такого же рода наказанія къ лицамъ, вовсе не виновнымъ, т.-е. владыка обвиняется въ несправедливомъ судѣ, а не въ самомъ способѣ наказанія, между тѣмъ по его суду виновнымъ выкалывали глаза, отсѣкали члены и т. п.

V.

Общественное положеніе духовенства.

Теперь, когда мы познакомились съ тѣмъ положеніемъ, которое по древне-русскимъ законамъ занимала Церковь, намъ не трудно составить представленіе о томъ положеніи, которое было занято въ обществѣ представителями Церкви—духовенствомъ.

Уже изъ предыдущаго ясно, что духовенство успѣло стать очень высоко.

Въ нашей древней лѣтописи мы постоянно встрѣчаемъ характеристику древнихъ князей: они „преизлиху“ любили чернеческій и поповскій чинъ. Дѣйствительно, князья оказывали имъ большое уваженіе. „Любовь“ эта, между прочимъ, выражалась въ томъ, что князья часто сами посѣщали наиболѣе уважаемыхъ духовныхъ лицъ для бесѣдъ съ ними, а еще чаще призывали къ себѣ на обѣды и пиры епископовъ, игуменовъ, чернецовъ и бѣлыхъ поповъ, одаряя ихъ и стараясь ихъ получше угостить. Нѣкоторые изъ князей даже славились гостепріемствомъ такого рода. Конечно, появленіе духовенства на княжескихъ пирахъ частію и ограничивалось мірскимъ дѣломъ—пированіемъ. Но не менѣе часто мірское замѣнялось на такихъ пирахъ и духовнымъ: не забудемъ, что и такой святитель, какъ св. Ѳеодосій печерскій, посѣщалъ княжескіе пиры и велъ на нихъ съ княземъ бесѣды; по желанію св. Ѳеодосія князь Свя-

тославъ даже удалялъ съ своихъ пировъ скомороховъ, впрочемъ только тогда, когда являлся святой. Но появленіе поповъ, игуменовъ и епископовъ на княжескихъ пирахъ на ряду съ боярами и дружиною имѣетъ еще другой смыслъ: тѣмъ самымъ представителямъ духовенства оказывался почетъ такой же, какъ и боярамъ, думцамъ княжескимъ и сильнымъ людямъ. Владиміръ Св. на своемъ пиру первый столъ ставилъ митрополиту съ духовенствомъ. Почетъ, оказываемый духовному чину, выражался и еще одной любопытной особенностью: въ договорахъ съ иноземцами, напр., съ нѣмцами, за всякую обиду, нанесенную попу или послу, виновный отвѣчалъ вдвое, „аже послови пригодится пакость или попови, во всякой обидѣ за два человѣка платити“. Итакъ, попъ стоилъ двухъ человѣкъ, хотя бы и бояръ.

Если въ области суда компетенція духовенства далеко выходила за предѣлы чисто церковныхъ интересовъ, то легко догадаться, что и текущая дѣятельность духовенства весьма нерѣдко выходила за предѣлы церквей. Та кипучая политическая жизнь, которая охватывала древнюю Русь, весьма часто привлекала и представителей духовенства. Такъ, священникъ былъ обычнымъ посломъ при междукняжескихъ дипломатическихъ переговорахъ. Конечно, и тогда, какъ и въ настоящее время, дипломатическая служба не могла быть съ успѣхомъ выполнена человѣкомъ свѣжимъ, несвѣдущимъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ. Конечно также, дипломатическія порученія давались и тогда людямъ, отличающимся и своимъ авторитетомъ и тактомъ. Ко всему этому священники (большею частью княжескіе духовники) могли подготовиться заранѣе, участвуя, напр., въ княжескихъ совѣщаніяхъ. Иногда роль иныхъ пословъ священниковъ была весьма отвѣтственной: такой случай представлялся при заключеніяхъ договоровъ съ нѣмцами. Такъ, при заключеніи смоленскаго договора съ нѣмцами въ числѣ пословъ въ Ригу ходилъ и попъ Еремей; на него, вѣроятно, падала и канцелярская часть при заключеніи этого договора, требовавшая знанія латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Что священники могли получать подготовку къ дипломатической службѣ, это вполнѣ возможно. Мы встрѣчаемъ ихъ въ числѣ членовъ княжескихъ совѣщаній: на княжескомъ совѣтѣ по поводу заключенія того

же договора сидятъ епископскій намѣстникъ Лаврентій (конечно, духовное лицо) и попъ Андрей. Кромѣ того, вѣроятно, вообще канцелярская служба того времени, хотя и очень несложная, преимущественно падала на лицъ, принадлежащихъ къ церковному клиру. Этимъ, между прочимъ, объясняется, отчего слово дьякъ, обозначавшее церковнаго служителя (нынѣ дьячекъ), стало обозначать вообще лицо, назначенное вести письмоводство: первоначально при священникахъ черновую работа исполняли служители ихъ приходской церкви—дьяки.

Указанныя выше стороны—служба священниковъ по гражданской части. Но духовный чинъ не только служилъ князьямъ,—онъ громко возвышалъ свой голосъ, стремился подчинить рѣшеніе князя своему авторитету. Это въ особенности бывало тогда, когда нужно было сдержать междоусобія среди князей. Немного находилось такихъ лицъ среди бѣлаго и чернаго духовенства, не легко было удержать гнѣвъ древне-русскаго князя или его тонкій дипломатическій расчетъ, но все-таки и такіе случаи вмѣшательства духовенства извѣстны. Такъ, игуменъ Андреевскаго монастыря въ Кіевѣ, Григорій, желая удержать князя Мстислава Мстиславича отъ войны съ княземъ Ярославомъ, сначала самъ рѣзко выступилъ противъ войны, наконецъ созвалъ весь „сборъ іерейскій“ для того, чтобы убѣдить князя.

Выше приведено нѣсколько фактовъ, гдѣ фигурируютъ представители бѣлаго духовенства или простые монахи. Но само собою разумѣется, что главную роль въ княжествѣ игралъ митрополитъ или епископы. Владыка—самое почетное лицо города. Это хорошо знали и сосѣдніе народы, напр., нѣмцы, которые свои грамоты въ Смоленскъ, Полоцкъ и пр. озаглавливали: „Благословеніе отъ митрополита рижскаго къ своему милому сыну князю великому Θеодору, и его дѣтямъ, и *владыкѣ*, и намѣстнику, и всѣмъ боярамъ“. На договорахъ съ нѣмцами новгородскихъ и смоленскихъ стоитъ и печать мѣстнаго владыки: этимъ подтверждалась святость договора, а для иноземцевъ такой договоръ представлялся болѣе крѣпкимъ, чѣмъ договоръ, скрѣпленный только княжескою печатью и согласіемъ.

Участіе духовенства въ свѣтскихъ дѣлахъ.

Мы видимъ архіереевъ принимающими участіе въ важнѣйшихъ свѣтскихъ дѣлахъ, и вездѣ имъ отводится первенствующая роль. Владиміръ Св., какъ извѣстно, совѣщался съ епис-

копами даже при изданіи законовъ, не имѣющихъ отношенія къ Церкви, напр., при изданіи своего закона о вирахъ съ разбойниковъ. И въ послѣдующее время въ важнѣйшихъ случаяхъ въ княжескую думу призывался епископъ, или же онъ посылалъ туда своего намѣстника. Вообще совѣтъ епископа имѣлъ большую цѣну въ глазахъ князей.

Особо важное значеніе этихъ совѣтовъ было тогда, когда нужно было удержать князей отъ напраснаго кровопролитія. Въ такихъ случаяхъ иногда сами князья обращались къ владыкамъ и наиболѣе уважаемымъ духовнымъ лицамъ, иногда послѣдніе сами вмѣшивались въ княжескія распри. Такая традиція въ древне-русскомъ высшемъ духовенствѣ очень хорошо была выражена митрополитомъ Никифоромъ. Въ 1195 году владимірскій великій князь Всеволодъ обратился къ кіевскому князю Рюрику Ростиславичу съ требованіемъ уступить ему 3 города, какъ разъ тѣ самые, которые Рюрикъ только что отдалъ своему зятю Роману, на чемъ и крестъ цѣловалъ. Положеніе Рюрика было очень затруднительно: Всеволодъ былъ весьма силенъ, а Романъ былъ зять и лучшій союзникъ Рюрика. Въ трудную минуту кіевскій князь обратился къ митроп. Никифору и получилъ отъ него такой совѣтъ: „Княже! мы есьмы приставлены въ русской землѣ востягивати васъ отъ кровопролитія. Ты далъ волость младшему, обидѣвъ старѣйшаго, и крестъ къ нему цѣловалъ, но можетъ пролиться кровь христіанская въ русской землѣ: нынѣ я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру на себя, а ты послушай меня, возьми волость у зятя своего и дай старѣйшему, а Роману дашь иную въ тое мѣсто“.

Въ этихъ словахъ сказалось традиціонное мнѣніе, которымъ втеченіе вѣковъ было проникнуто русское духовенство.

Вмѣшательство духовенства въ борьбу князей.

Какъ только начиналась ожесточенная борьба между князьями, владыка уже начинаетъ „ходить между ними“, какъ образно выражается лѣтописецъ. Въ 1135 году митроп. Михаилъ успѣлъ помирить великаго князя Ярополка Владиміровича съ его врагами, черниговскими князьями Ольговичами. Ольговичи подступили подъ Кіевъ, и Ярополкъ готовъ былъ отразить ихъ. Но въ дѣло вмѣшался митроп. Михаилъ, „ходячю между ими честному митроп. Михаилу съ крестомъ“; значитъ, онъ съ крестомъ въ рукахъ переходилъ изъ одного враждующаго лагеря

въ другой, примиряя противниковъ. Митроп. Михаилъ добился того, что великій князь Ярополкъ уступилъ Ольговичамъ и отдалъ тѣ города, которые они требовали; изъ этого видно, что онъ дѣйствовалъ не согласно съ видами великаго князя, но сообразно справедливости. Тотъ же митроп. Михаилъ черезъ три года, въ 1138 году, послѣ смерти Ярополка благословилъ на великое княженіе брата его Вячеслава, но черезъ три недѣли является подъ Кіевъ съ войсками черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ. Митрополитъ снова „заходилъ" между князьями, и дѣло кончилось мирнымъ уходомъ Вячеслава изъ Кіева.

Вообще, во всѣхъ совѣтахъ, во всѣхъ случаяхъ вмѣшательства высшаго духовенства въ междукняжескія отношенія всегда выставлялся одинъ и тотъ же аргументъ—желаніе избѣжать кровопролитія, чтобы не гибла русская земля.

Несмотря на высокое положеніе владыки въ древне-русскомъ обществѣ, несмотря на то, что громадное большинство архіереевъ были русскіе люди, не замѣтно съ ихъ стороны стремленія вмѣшиваться въ политику. При слабости княжеской власти это казалось бы очень возможнымъ. Очевидно, древнерусскіе чернецы выходили изъ стѣнъ монастыря и вступали на каѳедру, проникнутые интересами обще-русской жизни, исключающей мѣстныя выгоды той или другой области. Владыка стоялъ выше узкихъ мѣстныхъ интересовъ и совѣтовалъ князьямъ одно—блюсти миръ въ интересахъ обще-русскихъ. Отношеніе духовенства къ политикѣ.

Въ одномъ только Новгородѣ владычняя каѳедра болѣе активно вмѣшивалась во внутреннія и внѣшнія дѣла своей земли. И здѣсь владыка занимаетъ мѣсто прежде всего блюстителя мира, удаляясь отъ той или другой партіи. Но для самаго соблюденія мира владыкѣ приходилось постоянно вмѣшиваться въ текущую дѣятельность земли. Первымъ новгородскимъ епископомъ, близко принимавшимъ участіе въ земскихъ дѣлахъ, былъ знаменитый Нифонтъ, епископствовавшій съ 1130 по 1156 г. Нифонтъ, повидимому, не былъ природнымъ новгородцемъ—онъ былъ изъ иноковъ Кіево-Печерскаго монастыря, но онъ весь былъ проникнутъ новгородскими интересами и много сдѣлалъ для водворенія спокойствія въ Новгородѣ. Онъ призываетъ въ Новгородъ митроп. Михаила для успокоенія

волненій въ городѣ, онъ отправляется съ новгородскими выборными къ вновь избираемымъ князьямъ, хлопочетъ у Юрія Долгорукаго „мира дѣля“, вмѣшивается въ обще-русскія дѣла и приходитъ въ Кіевъ для того, чтобы помирить кіевлянъ съ черниговцами.

Дѣятельность Нифонта, безспорно, выдвинула значеніе новгородскаго владыки. Послѣ Нифонта Новгородъ самъ сталъ выбирать своихъ владыкъ и выбиралъ ихъ изъ природныхъ новгородцевъ. Не удивительно поэтому, что многіе изъ владыкъ высказали высокій патріотизмъ и глубокое пониманіе мѣстныхъ условій. Благословеніе св Софіи становится обязательнымъ при начинаніи всякаго рода дѣлъ Великимъ Новгородомъ. Владыку же мы видимъ и здѣсь на народной площади, когда споръ между партіями начинаетъ принимать угрожающій характеръ.

Такимъ образомъ, древне-русская Церковь, обладая обширными правами, огромными матерьяльными средствами, въ дѣлахъ политическихъ весьма умѣренно пользовалась своимъ вліяніемъ, употребляя его преимущественно для поддержанія мира.

М. Довнаръ-Запольскій.

Господинъ Великій Новгородъ *).

(въ X—XIV вв.)

Природа Новгородской области.

Новгородъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ, извѣстныхъ въ русской исторіи. Русская древнѣйшая лѣтопись упоминаетъ о Новгородѣ и его пригородахъ, какъ о первыхъ городахъ, пригласившихъ къ себѣ варяговъ. Исторія Великаго Новгорода долгое время, гораздо дольше другихъ русскихъ областей, шла самостоятельно, вырабатывая особыя формы, особый укладъ жизни.

Новгородская область была весьма обширна, она занимала почти всю сѣверо-западную часть великой русской равнины, т.-е. приблизительно то мѣсто, гдѣ теперь находятся губерніи Новгородская, Псковская, Олонецкая, Вологодская и Архангельская. Вся эта страна и теперь еще славится своими дре-

*) *Литература*: *Костомаровъ*. „Сѣверно-русскія народоправства"(Монографіи, т. 1, 2).—*Бѣляевъ*. „Разсказы изъ русской исторіи". Исторія Великаго Новгорода, 1866.—*Никитскій*. „Исторія экономическаго быта В. Новгорода". М. 1893.—*Рожковъ*. „Политическія партіи въ Новгородѣ" Историч. и соціологическіе Очерки, ч. II).— *В. Пассекъ*. „Новгородъ самъ въ себѣ"(чт. въ Моск. Общ. ист. и древ. 1869. IV.)—*А. И. Никитскій*.„Очерки изъ жизни Великаго Новгорода"(Ж. М. Н. Пр. 1869. ч. 141; 1870. ч. 150).—*Д. И. Прозоровскій*.„Великій Новгородъ"(Ж.М.Н.Пр. 1887, т. IV; Зап. Отд. русск. и славян. археологіи Рус. археол. Общ. 1887, IV.) —*А. Никитскій*. „Очеркъ внутренней исторіи Пскова" (Ж. М.Н.Пр. 1872 ч. 160, 163; 1873, ч. 165;от. 1873) —*Никитскій*. „Очеркъ изъ исторіи Великаго Новгорода. Правительственный совѣтъ". (Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10).—*Бережковъ*. „Торговля Руси съ Ганзой".1879.—*Андреевскій*„О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами1270 г.".1855.—*Тихомировъ*.„Торговля и мирныя отношенія русскихъ княжествъ съ Ливоніей".(Ж.М.Н.Пр. 1876, ч. 185).

мучими лѣсами и непроходимыми болотами. Еще и теперь мы можемъ встрѣтить въ этой мѣстности затерянныя въ лѣсахъ деревушки, къ которымъ невозможно пробраться ни въ какое время года, кромѣ зимы, такъ какъ окружающія ихъ болота совершенно непроходимы. А въ старое время и лѣсовъ и болотъ было еще больше, потому что людей было мало, и некому было вырубать дремучіе лѣса и осушать болота. Земля эта, какъ сразу видно, была неудобна для поселенія: нельзя было обрабатывать почву и сѣять хлѣбъ. Кромѣ лѣсовъ и болотъ, этому мѣшала и сама почва. Она была неудобна для земледѣлія — глиниста, а мѣстами камениста. Помимо этого и климатъ въ этой странѣ вредилъ посѣвамъ: отъ лѣсовъ и водъ воздухъ былъ влажнымъ, а потому утренники были очень сильные, съ большимъ количествомъ инея, который замораживалъ молодые посѣвы. Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ въ Новгородской области дуютъ сѣверные холодные вѣтры и вымораживаютъ посѣвы, а зимой, наоборотъ, бываютъ частыя оттепели, которыя тоже сильно вредятъ хлѣбопашеству. Не доброй и нѣжной матерью, а суровой злой мачехой является здѣсь природа для человѣка.

Населеніе Новгородской области.

Съ незапамятныхъ временъ эту дикую страну населяли финскія племена, которыя жили только рыболовствомъ и охотой. Они приспособились къ этой суровой природѣ и вели дикую, суровую и неприхотливую жизнь. Вотъ какъ описываетъ ихъ жизнь римскій историкъ Тацитъ: „У финновъ чистая дикость, гнусная бѣдность: нѣтъ ни оружія ни лошадей, ихъ пища — трава, одежда—кожа, ложе—земля; вся надежда ихъ на стрѣлы, которыя они, за неимѣніемъ желѣза, заостряютъ костями. Охота кормитъ одинаково всѣхъ, и мужчинъ и женщинъ; дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ непогоды и звѣрей, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей“. Таковъ былъ грубый и суровый образъ жизни дикихъ охотниковъ финновъ. Наши русскіе лѣтописцы называютъ всѣхъ вообще финновъ чудью и дѣлятъ ихъ на нѣсколько племенъ. Вотъ что говорятъ лѣтописцы о разныхъ чудскихъ племенахъ, населявшихъ Новгородскую и смежныя съ ней области: „На Бѣлоозерѣ живетъ весь и на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клещинѣ озера тоже меря; по Окѣ рѣкѣ, которая течетъ въ Волгу, живутъ черемисы, мурома и мордва“. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ еще и до сихъ поръ

существуютъ, какъ, напримѣръ, мордва и черемисы, другія же окончательно вымерли или слились съ народомъ русскимъ, но въ древнія времена всѣ эти племена были сильны и могущественны.

Лѣтописныя извѣстія о Новгородѣ.

Такова была природа и жители той страны, въ которую направились славянскія племена для поселенія. Мы видимъ, что вся эта страна была неудобна для поселенія, какъ по своей природѣ, такъ и потому, что ее населяли дикія племена, съ которыми новымъ пришельцамъ непремѣнно нужно было вести упорныя войны для того, чтобы захватить нужныя для себя земли. Но не надо забывать, что эта страна представляла и много удобствъ, въ смыслѣ защиты отъ враговъ. Очень часто, что мы увидимъ дальше, враги, нападавшіе на Новгородскую область, должны были останавливаться, не имѣя возможности итти дальше среди лѣсовъ и болотъ, которые защищали Новгородскую землю лучше городовъ и крѣпостей отъ вражескихъ нападеній; эти свойства мѣстности задержали даже татаръ. Безопасность и была той привлекательной стороной, которая заставила славянъ-поселенцевъ занять этотъ дикій и суровый край.

Та часть славянъ, которая зашла сѣвернѣе всѣхъ другихъ и поселилась на озерѣ Ильменѣ и р. Волховѣ, получаетъ названіе ильменскихъ славянъ и образуетъ постепенно особое и огромное государство Новгородское. Мы не знаемъ, кѣмъ и когда былъ построенъ самъ Великій Новгородъ; лѣтопись вовсе не говоритъ ничего объ его основаніи. Начальная новгородская исторія богата преданіями. Достовѣрные же факты начинаются только со времени Олега. При Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ новгородцы находились въ зависимости отъ Кіева и платили дань кіевскому князю. Но они не были довольны своимъ положеніемъ и воспользовались первымъ же удобнымъ случаемъ, чтобы получить своего князя, хотя бы изъ рукъ кіевскаго. Такимъ княземъ былъ малолѣтній Владиміръ, сынъ Святослава: новгородцы взяли себѣ Владиміра, угрожая его отцу „найти себѣ князя“, если онъ имъ не дастъ сына. Вмѣстѣ съ тѣмъ первое время новгородцы принимали горячее участіе въ княжескихъ междуусобицахъ. Такъ, они помогали Владиміру Св. въ его борьбѣ съ братьями, потомъ Ярославу. Вмѣшательство въ борьбу послѣдняго князя съ

братьями было весьма полезно для новгородцевъ. За ихъ помощь Ярославъ далъ имъ грамоту, въ которой признавалъ самостоятельность Великаго Новгорода. Эта грамота легла въ основаніе всѣхъ вольностей новгородскихъ, и въ дальнѣйшемъ, заключая договоры съ князьями, новгородцы требовали, чтобы новый князь жилъ съ ними „по старинѣ, по грамотамъ Ярославовымъ". Со времени Ярослава, такимъ образомъ, Новгородъ становится самостоятельнымъ государствомъ.

Центромъ всей области Новгородской былъ самъ городъ, Господинъ Великій Новгородъ, какъ величали его новгородцы. Великій Новгородъ былъ, вѣроятно, первымъ поселеніемъ, которое основали прибывшіе въ этотъ край славяне. Поселившись среди дикихъ племенъ, они естественно должны были устроить нѣчто вродѣ крѣпости, чтобы защищаться отъ нападенія враговъ. Городъ и былъ первымъ видомъ всѣхъ новгородскихъ владѣній. Вокругъ самаго города лежала Новгородская земля. Она была вся сплошь населена славянами, финскія племена были совершенно вытѣснены сильнымъ славянскимъ племенемъ съ этихъ мѣстъ. Въ землѣ Новгородской было расположено много городовъ, представлявшихъ новгородскія колоніи; изъ этихъ городовъ самымъ важнымъ и значительнымъ былъ Псковъ. На болѣе далекомъ разстояніи отъ Новгорода тянулись волости новгородскія. Это были земли, на которыхъ жили покоренные Великимъ Новгородомъ финскія племена. Сами славяне населяли новгородскія волости очень слабо, многія волости, какъ, напримѣръ, Заволочье, даже управлялись своими собственными племенными князьями, и покорность ихъ Великому Новгороду выражалась только въ томъ, что они, какъ побѣжденныя племена, должны были платить новгородцамъ дань.

Отношеніе Великаго Новгорода къ пригородамъ.

Такъ разселились славяне по чуждой имъ землѣ. Волости новгородскія, какъ мѣста поселенія главнымъ образомъ дикихъ племенъ, доставляли новгородцамъ немало хлопотъ своими частыми возстаніями, постоянными набѣгами на новгородскія владѣнія. Наоборотъ, города, лежавшіе на землѣ Новгородской, которые сами новгородцы считали не отдѣльными городами, а только пригородами Великаго Новгорода, составляли съ самимъ Новгородомъ нѣчто цѣлое и неразрывное. Тотъ, кто пріѣзжалъ изъ пригорода въ городъ, пользовался въ Новгородѣ тѣми же

самыми правами, что новгородцы. Великій Новгородъ не властвовалъ надъ пригородами, онъ относился къ нимъ не какъ грозный отецъ къ своимъ дѣтямъ, а только какъ старшій къ младшимъ. Это вполнѣ понятно, потому что въ пригородахъ въ большинствѣ случаевъ жили тѣ же новгородцы, а у новгородцевъ вовсе не было въ обычаѣ стѣснять другъ друга. Наоборотъ, они старались помогать другъ другу, въ случаѣ несчастья; такъ, если новгородцы шли на войну, то пригороды присылали на помощь свою дружину, свое войско. Съ другой стороны, когда въ 1371 году погорѣлъ городъ Торжокъ, то новгородцы сами пришли строить стѣны въ этомъ городѣ. Впрочемъ, миролюбивыя отношенія Новгорода къ своимъ пригородамъ сохранялись далеко невсегда. Иногда, наоборотъ, Новгородъ вступалъ въ серьезныя и кровопролитныя войны со своими пригородами. Особенно сильныя были недоразумѣнія съ городомъ Псковомъ, который, благодаря своему значенію и богатству, зачастую выступалъ противъ Новгорода, а во время борьбы его съ Москвой принялъ даже сторону Москвы.

Новгородскія волости.

Города въ то время имѣли большое значеніе для окрестнаго населенія. Въ случаѣ нападенія, все населеніе стремилось уйти въ городъ, гдѣ за стѣнами можно была найти себѣ защиту: поэтому у каждаго города была своя волость. Волостью этой была опредѣленная окрестная страна, которая тянула къ своему городу, подчинялась городскому суду и находила себѣ защиту въ стѣнахъ своего города. Жители, поселившіеся не въ городахъ, образовывали погосты. Это были сельскія общины, члены которыхъ имѣли свой общественный судъ и свою управу и своихъ выборныхъ начальниковъ. Они совмѣстно рѣшали свои дѣла, свои споры и сами раскладывали необходимыя подати. Съ точки зрѣнія юридической, новгородскія земли были двухъ родовъ. Во-первыхъ, были земли черныя. Эти земли не принадлежали никакому отдѣльному лицу, на нихъ могъ поселиться всякій, кто хотѣлъ, и, поселившись, былъ только обязанъ платить дань городу, которому принадлежала эта земля, и подчиняться городскому суду. Онъ не могъ продавать и дарить этой земли кому-либо другому, потому что она была собственностью города. Другимъ видомъ были земли, принадлежавшія отдѣльнымъ, частнымъ лицамъ, боярамъ,

купцамъ, монастырямъ. Владѣльцы этихъ земель могли свободно продавать ихъ кому угодно, только нельзя было продавать другому государству. Эти земли и составляли вотчины новгородскихъ бояръ.

Такъ устроились новгородцы на завоеванныхъ ими земляхъ. Конечно, это случилось несразу, а постепенно. Проникая въ средину финскихъ племенъ, захватывая новыя земли, новгородцы основывали тамъ свои селенія, строили укрѣпленный городъ, и только понемногу между городомъ и окрестными селеніями устанавливались описанныя нами отношенія.

Экономическій бытъ Новгорода.

Занявши новую землю, славяне не могли заниматься землледѣліемъ въ этой странѣ. Суровый климатъ, неудобная почва— все это дѣлало занятіе земледѣліемъ крайне затруднительнымъ. И дѣйствительно, для новгородцевъ, особенно вначалѣ, земледѣліе вовсе не составляетъ главнаго занятія, главнаго промысла.

Зато страна давала возможность заниматься охотой. Край этотъ былъ обиленъ водами, гдѣ водилось очень много рыбы, лѣсами, которые изобиловали разными, преимущественно пушными, звѣрями. Обиліе звѣрей было такъ велико, что нѣкоторые новгородцы разсказывали, что есть гдѣ-то на востокѣ такія страны, гдѣ звѣри падаютъ изъ тучъ. Это, конечно, сказки, но опи показываютъ, что обиліе звѣрей, дѣйствительно, поражало новгородцевъ. О томъ же самомъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторые договоры съ нѣмецкими торговыми городами. Во многихъ древнихъ договорахъ мы встрѣчаемъ указанія на то, что главнымъ занятіемъ новгородцевъ было не земледѣліе, а звѣроловство. Такъ, данью облагалась не только земля, а и „ловища“, т.-е. мѣста для ловли звѣрей. Точно такъ же много было и рыбы. Лѣтопись разсказываетъ, что въ 1354 г. было такъ много рыбы, что всякій новгородецъ ловилъ ее руками. Такое изобиліе звѣрей вело, конечно, къ тому, что новгородцы могли обмѣнивать мѣха звѣрей на необходимый для нихъ хлѣбъ. А эта мѣна была единственнымъ средствомъ для новгородцевъ получать хлѣбъ, потому что вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій населеніе не могло прокормиться своимъ хлѣбомъ. Хлѣбъ новгородцы получали, главнымъ образомъ, изъ сосѣднихъ русскихъ областей. Этимъ обстоятельствомъ очень часто пользовались русскіе князья во время войны съ Новгородомъ. Когда невозможно было

побѣдить новгородцевъ въ открытой борьбѣ, то ихъ заставляли итти на уступки, отрѣзывая подвозъ хлѣба изъ сосѣднихъ областей; тогда во всей странѣ, а особенно въ городахъ, наступалъ голодъ, и новгородцы должны были итти на уступки.

Всѣ указанныя нами неблагопріятныя обстоятельства не оказали особенно дурного вліянія на силу и богатства Новгорода. Онъ въ сущности былъ самой богатой областью изъ другихъ русскихъ областей. Но причина его богатства лежала не въ плодородіи земли, не въ богатствѣ природы и хорошемъ климатѣ, а, наоборотъ, именно дурныя стороны новгородской природы и способствовали его богатству. Новгородъ лежалъ какъ разъ въ той части Россіи, которая изобилуетъ рѣчками и озерами. На этой возвышенности, называемой Алаунской, берутъ начало почти всѣ сколько-нибудь значительныя русскія рѣки, да и текутъ онѣ въ разныя стороны. А въ старину рѣки были самыми удобными путями для сообщенія. Поэтому среди новгородцевъ рано развилась торговля, благодаря которой и разбогатѣлъ Господинъ Великій Новгородъ. Отъ Новгорода шло три великихъ водныхъ торговыхъ пути. Одинъ велъ, какъ говорили въ старину, „изъ варягъ въ греки“, по рѣкамъ Днѣпру, Двинѣ и др. къ р. Волхову; другой по рѣкѣ Волгѣ велъ въ большое царство камскихъ болгаръ, а третій по рѣкѣ Невѣ и Ладожскому озеру велъ въ Балтійское море и давалъ новгородцамъ возможность торговать съ иностранцами.

Торговля Новгорода.

Въ южныя области новгородцы вывозили главнымъ образомъ мѣха, а къ себѣ привозили взамѣнъ ихъ хлѣбъ. Центромъ этой южной торговли былъ Кіевъ. Новгородскіе мѣха, оставленные въ Кіевѣ, кіевскіе купцы возили дальше въ Византію, и такимъ образомъ новгородскіе товары достигали южныхъ странъ. Съ Суздальской Русью Новгородцы тоже вели оживленныя торговыя сношенія: она была для нихъ главнымъ поставщикомъ хлѣба. Но гораздо важнѣе торговли съ русскими землями были для Новгородцевъ торговыя связи съ нѣмцами, шведами и датчанами. По Ладожскому озеру и рѣкѣ Невѣ новгородцы могли на своихъ корабляхъ проникать во всѣ страны, лежавшія вокругъ Балтійскаго моря, и чрезъ приморскіе города ихъ товары распространялись по всей западной Европѣ. Торговля съ Россіей, а чрезъ Волгу и съ Персіей, процвѣтала недолго.

Татарское нашествіе сильно подорвало многія торговыя связи, а нѣкоторые пути вовсе были закрыты для новгородцевъ. Богатое царство камскихъ болгаръ было разрушено татарами, а путь въ Персію преградили татарскія орды. Но Великій Новгородъ вовсе не пострадалъ отъ этого, потому что именно въ это время, т.-е. въ срединѣ XIII вѣка, расширилась его торговля съ Западной Европой. Дѣло въ томъ, что около этого времени богатые нѣмецкіе города соединились въ одинъ обширный торговый союзъ для болѣе успѣшнаго занятія торговлею. Разумѣется, основаніе этого союза было весьма выгодно для новгородцевъ, ибо ихъ торговля чрезъ это стала болѣе прочной и обширной. Да и проѣздъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородъ и новгородцевъ въ чужія земли сталъ болѣе доступнымъ. Этотъ богатый союзъ, называвшійся Ганзейскимъ, особенно заботился о безопасности торговыхъ сношеній, для чего даже держалъ особыя наемныя войска, а въ море отпускалъ купцовъ цѣлыми караванами, настолько большими, чтобы они могли отразить нападеніе морскихъ разбойниковъ. Нѣмецкая торговля приносила особенно много выгоды новгородцамъ, потому что мѣха очень высоко цѣнились въ западной Европѣ. А взамѣнъ ихъ новгородцы получали цѣнныя во всей Россіи заморскія вещи, отчасти серебро, соль и заморскія вина. Новгородцы сами сравнительно рѣдко плавали на корабляхъ въ море, обыкновенно иностранные купцы пріѣзжали въ Новгородъ.

Низшіе классы населенія Новгорода.

Эти торговыя сношенія и создали богатство и славу Великаго Новгорода и отличали его отъ другихъ русскихъ земель. Торговлей занимались главнымъ образомъ города. Въ городахъ происходилъ торгъ, въ городахъ жили купцы. Всю остальную землю новгородскую занимали земледѣльцы. Мелкіе земледѣльцы составляли особый классъ въ Новгородской области и дѣлились на двѣ части: на земледѣльцевъ-собственниковъ и смердовъ. Собственники жили на своихъ небольшихъ клочкахъ земли, которую и обрабатывали, а смерды не имѣли своей земли и жили на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Но, живя на чужой землѣ, смерды черезъ это вовсе не теряли своей свободы и были такими же свободными людьми въ политическомъ отношеніи, какъ и всѣ остальные люди Новгородской области. Главнымъ занятіемъ ихъ была охота и рыболовство, они не

могли добывать себѣ достаточно пропитанія хлѣбопашествомъ вслѣдствіе северныхъ климатическихъ условій. Трудъ этихъ людей, которые по своему положенію сооотвѣтствуютъ нашимъ крестьянамъ, и доставлялъ тѣ дорогіе мѣха, которыми прославился Великій Новгородъ. Въ тѣ времена, въ виду отсутствія денегъ, всѣ подати и оброки уплачивались прямо произведеніями земли или продуктами охоты, и такимъ образомъ въ руки купцовъ и бояръ и попадали мѣха. Кромѣ уплаты податями, мѣха и другіе продукты охоты попадали въ руки купцовъ путемъ непосредственной торговли съ крестьянами. Крестьяне нуждались главнымъ образомъ въ соли и желѣзѣ; эти два продукта они не могли добывать своими средствами, а получали ихъ непосредственно отъ купцовъ, которымъ взамѣнъ отдавали продукты охоты. Все же остальное добывалось ими у себя на дому. Крестьяне сами сѣяли ленъ, сами ткали, сами изготовляли себѣ одежду, даже сами приготовляли всѣ необходимыя орудія для своихъ нуждъ. Правда, и среди нихъ можно уже съ раннихъ поръ замѣтить нѣкоторое раздѣленіе труда: лѣтописи указываютъ на существованіе ремесленниковъ, которые въ деревняхъ изготовляли веретена, на кузнецовъ, которые приготовляли нѣкоторыя необходимыя вещи для домашняго обихода. Но въ деревняхъ ремесленниковъ было очень немного. Они главнымъ образомъ жили въ городахъ. Въ Новгородской землѣ ремесла развились рано, что объясняется, конечно, тѣмъ, что недостатокъ хлѣба вынуждалъ населеніе обращаться къ побочнымъ занятіямъ. Среди многочисленыхъ ремеслъ особенно славились плотники: новгогородскихъ плотниковъ даже приглашали иногда въ другіе города. Такъ, новгородскіе плотники строили нѣкоторыя церкви въ Кіевѣ. Остальные ремесленники занимались тѣми ремеслами, которыя были необходимы въ быту Великаго Новгорода.

И крестьяне и ремесленники вмѣстѣ составляли второй классъ жителей Великаго Новгорода — „черныхъ людей". Они пользовались тѣми же правами, что и другіе классы, и были низшимъ классомъ только по причинѣ бѣдности.

Высшіе классы населенія Новгорода.

Третій классъ въ Новгородской области составляли бояре. Бояре были, собственно говоря, землевладѣльцами, владѣвшими большими пространствами земли, на которой селились смерды,

вступавшіе въ опредѣленные договоры съ владѣльцами земель, обязуясь платить имъ опредѣленный оброкъ за право обрабатывать ихъ землю. Свои имѣнія бояре пріобрѣтали путемъ захватовъ и завоеваній новыхъ земель. При основаніи Новгорода, какъ мы уже говорили, новымъ поселенцамъ приходилось все время расширять свои владѣнія путемъ захвата земель у старинныхъ жильцовъ—финскихъ племенъ. Если новыя земли захватывались цѣлой общиной, то онѣ поступали въ общинную собственность, т.-е. принадлежали цѣлой группѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, но если отдѣльное лицо чувствовало себя достаточно сильнымъ для того, чтобы на свой страхъ и рискъ при содѣйствіи своихъ слугъ захватить какую-нибудь землю, то эта земля становилась его личной собственностью. Путемъ такихъ захватовъ бояре и сосредоточили въ своихъ рукахъ обширныя земли. Бояре, собравши крѣпкую дружину, совершали постоянные походы и либо захватывали въ свою пользу новыя земли, либо облагали данью покоренныя ими племена. Такимъ путемъ бояре постепенно становились самымъ могущественнымъ классомъ въ Великомъ Новгородѣ. Въ своихъ имѣніяхъ они были совершенно полновластными господами и не могли сдѣлать только одного—продать свои помѣстья другому государству, во всемъ же остальномъ бояринъ поступалъ въ своемъ имѣніи, какъ хотѣлъ. Онъ по своему усмотрѣнію облагалъ оброкомъ вольныхъ людей, жившихъ на его землѣ, судилъ ихъ, самъ снаряжалъ торговые караваны для продажи своихъ произведеній и даже держалъ свою особую дружину—ратниковъ, которую набиралъ изъ разнаго рода людей, охочихъ нажиться на чужой счетъ и пограбить. Чувствуя себя полновластными господами въ своемъ имѣніи, пользуясь большой силой въ видѣ своихъ дружинъ, бояре стремились по возможности захватить въ свои руки власть во всемъ Великомъ Новгородѣ, что имъ и удавалось въ значительной степени, потому что обыкновенно изъ среды бояръ новгородцы выбирали себѣ главное должностное лицо посадника, ибо посадникъ долженъ былъ быть силенъ и могущественъ.

Положеніе Церкви въ Новгородѣ.

Кромѣ бояръ, крупными земельными собственниками въ Новгородѣ были монастыри. Христіанство проникло въ Новгородъ вскорѣ послѣ крещенія всей Руси Св. Владиміромъ, и новго-

родская Церковь долго находилась въ зависимости отъ Кіева, т.-е. отъ того города, откуда пришло христіанство. Медленно и трудно утверждалось христіанство въ Новгородѣ, крестили новгородцевъ насильно и дали имъ епископа и другихъ священнослужителей изъ другихъ земель, чуждыхъ новгородскому духу. Но постепенно православное духовенство стало въ Новгородѣ народнымъ. Для этого нужно было, чтобы со времени крещенія прошло больше 200 лѣтъ, и чтобы все духовенство стало выборнымъ. Въ XII вѣкѣ новгородцамъ удалось добиться того, чтобы глава новгородской Церкви, епископъ новгородскій, не присылался изъ Кіева по желанію князя, а выбирался всѣмъ народомъ новгородскимъ, равно какъ и все остальное духовенство. Но когда духовенство стало выборнымъ, когда новгородцы въ своемъ епископѣ и своихъ священникахъ перестали видѣть чужеземцевъ, насильно навязанныхъ имъ княземъ, а стали видѣть въ нихъ своихъ выборныхъ,—христіанская вѣра, Церковь, стали для новгородцевъ тѣмъ же роднымъ и дорогимъ, какъ и все другое новгородское. Еще черезъ 83 года послѣ крещенія въ Новгородѣ произошелъ такой случай. Одинъ языческій волхвъ возмутилъ народъ, и когда князь спросилъ, „кто хочетъ стоять за крестъ христовъ, а кто за старую вѣру“, то весь народъ сталъ на защиту старой вѣры, т.-е. язычества, и только князь со своей дружиной остался защитникомъ вѣры христіанской. Но прошло около ста лѣтъ, духовенство стало выборнымъ новгородскимъ, и новгородцы во всѣхъ тяжелыхъ случаяхъ своей жизни говорили: „постоимъ за святую Софію“. Такъ измѣнилось все въ Новгородѣ, Церковь и христіанская вѣра стали родными и дорогими для новгородцевъ.

Положеніе духовенства.

Новгородское духовенство дѣлилось на двѣ части: на бѣлое и черное. Бѣлое духовенство составляли священники и клирики при соборныхъ и приходскихъ церквахъ, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ его волостяхъ. Главной церковью въ Новгородѣ былъ храмъ св. Софіи, при которой находился и владычень дворъ, гдѣ находилось и все управленіе владыки новгородскаго. Выше бѣлаго духовенства стояли въ Новгородѣ монастыри. Монастырей въ Новгородской землѣ было очень много, и всѣ они владѣли крупными землями. Первоначально монастыри располагались вблизи самаго Новгорода на земляхъ, подаренныхъ

имъ князьями, основателями монастырей. Но съ теченіемъ времени благочестивые иноки уходили въ отдаленныя области и тамъ среди дикихъ лѣсовъ расчищали мѣсто для обработки земли, основывали небольшія селенія, въ которыхъ строили церковь во имя какого-либо святого. Ограждая свои поселенія высокими и крѣпкими стѣнами для защиты отъ дикихъ племенъ, иноки этимъ самымъ создавали укрѣпленное мѣсто, гдѣ могли искать себѣ прибѣжища окрестные жители. Жители стягивались поэтому къ монастырю, и на монастырской землѣ возникали цѣлыя селенія. Поселенцы, пользуясь монастырской землей и защитой, платили монастырямъ оброкъ, подобно тому, какъ и крестьяне, которые жили на боярскихъ земляхъ, платили своему боярину. Богатые монастыри имѣли, конечно, возможность вести правильное и благоустройственное хозяйство, и поэтому монастырскія имѣнія считались самыми благоустроенными среди земель новгородскихъ. Всѣ монастыри были подчинены суду и власти владыки новгородскаго, хотя часто они и хотѣли выйти изъ-подъ этой власти и признать надъ собой власть и покровительство только какой-либо мірской общины или боярина покровителя, но владыка новгородскій дѣятельно противился этому, и монастыри все время состояли подъ его властью.

Власть новгородскаго владыки была гораздо значительнѣе власти другихъ епископовъ русскихъ. Кромѣ власти чисто церковной, владыка новгородскій пользовался огромной властью и въ дѣлахъ мірскихъ. Всѣ преступленія противъ нравственности и Церкви подлежали его личному суду, хотя бы они и были совершены мірянами. Кромѣ того, вообще во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ духовенство играло большую роль, потому что очень многія судебныя тяжбы рѣшались присягой, да и всѣ судьи должны были присягать предъ отправленіемъ правосудія. Духовенство имѣло серьезное значеніе въ жизни Новгорода благодаря тому огромному нравственному вліянію, которое имѣла вѣра у новгородцевъ. Но, помимо этого нравственнаго вліянія, владыка имѣлъ и вліяніе общественное. Его суду подлежали всѣ семейныя дѣла, напр., по раздѣлу наслѣдства, онъ завѣдывалъ всѣми богоугоднымя и человѣколюбивыми заведеніями, но главное значеніе владыки въ такомъ торговомъ

городѣ, какъ Новгородъ, заключалось, конечно, въ томъ, что онъ наблюдалъ за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Въ грамотѣ князя Всеволода Мстиславича епископу прямо поручается наблюдать за правильностью мѣръ и вѣсовъ. „Торговыя всѣ вѣсы, мѣры и скалвы вощански и пудъ медовый и гривенка рублевая и всякій вѣсъ, что на торгу между людьми, епископу блюсти безъ поврежденія: ни умаливать, ни умножать, а на всякій годъ повѣрять“... Совмѣстно съ владыкой наблюдали за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ церковный клиръ св. Софіи и иванскій староста церкви св. Іоанна на Опокахъ. Владыка новгородскій имѣлъ свой собственный полкъ, свою собственную военную силу. Часто случалось, что во время какихъ-либо недоразумѣній съ другими областями или князьями владыка не давалъ своего войска и тѣмъ умалялъ силу новгородскую. Владыка былъ и самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ во всей землѣ Новгородской, въ его владѣніяхъ находились даже цѣлые города. Представляя изъ себя крупную силу, новгородскій владыка выступалъ, какъ важное лицо, и нерѣдко принималъ участіе въ переговорахъ новгородцевъ съ князьями и даже съ другими государствами. Какъ пастырь и учитель, новгородскій епископъ имѣлъ огромную власть надъ ними, и очень часто по его настоянію бурное новгородское вѣче, готовое уже къ тому, чтобы взяться за оружіе и начать кровопролитную междоусобную свалку, смирялось и кончало свои дѣла миромъ, да и безъ благословенія владыки новгородцы и не рѣшались вести какое-нибудь важное дѣло, напр., заключать миръ или объявлять войну. Таково было вліяніе и значеніе новгородскаго духовенства.

Вольные люди въ Новгородѣ.

Мы разсмотрѣли теперь каждый классъ новгородскаго общества. Бояре, черные люди и купцы жили каждый своей особой жизнью, они были соединены каждый въ свои отдѣльныя общины, занимали свои опредѣленныя улицы и во всемъ Новгородѣ и дѣлахъ его внутренней жизни пользовались совершенно одинаковыми правами. Но, кромѣ нихъ, въ самомъ Новгородѣ существовалъ и особый бродячій и неспокойный элементъ населенія—вольные люди. Не принадлежа ни къ какому опредѣленному классу, эти люди составляли буйную и безпорядочную толпу, всегда готовую на всякія безчинства, но

зато они и были лишены, какъ неприписанные ни въ какой общинѣ, права принимать какое-либо участіе въ общественной жизни. Но и этотъ безпокойный элементъ все-таки сослужилъ свою службу Великому Новгороду: изъ вольныхъ людей составлялись цѣлые отряды, получившіе названіе повольниковъ, или ушкуйниковъ. Молодежь, любившая показать свою удаль, любившая опасности военной жизни, соединялась съ этими отрядами и отправлялась, преимущественно на ладьяхъ, грабить окрестныя чужія земли. Впродолженіе цѣлаго ряда лѣтъ эти дружины постоянно покоряютъ для Великаго Новгорода новыя земли и частью даже основываютъ новые города и цѣлыя колоніи въ отдаленныхъ отъ Новгорода земляхъ. Такъ, одна изъ такихъ партій повольниковъ проплыла по Волгѣ до р. Камы, зашла въ эту рѣку и, добравшись до рѣки Вятки, основала тамъ укрѣпленный и богатый городъ Хлыновъ. Повольники совершенно не стѣснялись тѣмъ, кого они грабятъ; они нападали и на вражескія и на русскія земли и вездѣ старались захватить побольше имущества и плѣнныхъ. Эти походы и постоянные набѣги невсегда проходили для новгородцевъ безнаказанно. Часто повольники гибли, побѣжденные сильнымъ врагомъ, а еще чаще Новгороду приходилось вступать въ серьезныя объясненія съ ограбленными странами, и иногда дѣло чуть не доходило до войны: новгородцы отлично понимали ту пользу и выгоду, которую приносили имъ ихъ молодые удальцы-повольники, и сквозь пальцы смотрѣли на ихъ вольности, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Новгородѣ повольники были мирными и честными людьми и ничего новгородскаго не трогали.

Новгородское вѣче.

Въ Новгородѣ главное управленіе всѣми дѣлами принадлежало самому народу, всѣмъ гражданамъ Великаго Новгорода. Для рѣшенія какихъ бы то ни было дѣлъ, имѣвшихъ значеніе для всего Новгорода и его земли, граждане собирались на городскую площадь и послѣ обсужденія нужныхъ вопросовъ постановляли то или другое рѣшеніе. Такія народныя собранія назывались вѣчемъ. Вѣче не собиралось въ какой-нибудь означенный срокъ, напр., два или три раза въ мѣсяцъ, собранія его были по мѣрѣ надобности: если появлялся вопросъ, который нужно было рѣшить, напримѣръ, быть войнѣ или миру, то со-

биралось вѣче; не было вопросовъ, и вѣче могло не собираться очень долгое время. Собрать вѣче могъ кто угодно: для этого нужно было бить въ вѣчевой колоколъ, и народъ стекался на площадь, а ему объявляли лица, собравшія вѣче, зачѣмъ оно собрано; иногда вѣче собиралось по предложенію князя или посадника, и тогда эти лица держали народу рѣчи и разъясняли, какая причина заставила ихъ собрать народъ. Всякій, кто хотѣлъ, могъ говорить на собраніи, которое выслушивало каждаго, а затѣмъ рѣшало, какъ ему быть. Вѣче велось довольно безпорядочно, никогда вопросъ не ставился на голосованіе, а дѣла обыкновенно рѣшались крикомъ. Та партія, которая сразу могла перекричать другую, была, естественно, сильнѣйшей, и къ ея мнѣнію непремѣнно должны были присоединяться тѣ, которые были въ меньшинствѣ. Иногда вѣча принимали характеръ междоусобныхъ войнъ. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ партіи были равны, тогда онѣ шли другъ на друга и дрались между собой до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь изъ нихъ не побѣждала. Такъ что ни собраніе вѣча, ни порядокъ рѣшенія дѣлъ на вѣчѣ не были строго опредѣлены. Вѣче было исконнимъ, старипнымъ правомъ всего народа рѣшать свои дѣла. Всѣ жители Новгорода могли собираться на вѣче, никто не былъ лишенъ этого права, кромѣ невольныхъ людей. Поэтому весь Новгородъ принималъ участіе въ жизни страны: договоры съ другими землями, объявленіе войны или мира— все это дѣлалось не отъ имени князя или какого-либо правителя, а отъ всего народа новгородскаго. Вотъ, напримѣръ, какъ начинались грамоты, данныя Новгороду: „Господину посаднику Великаго Новгорода, степенному Ивану Лукичу и старымъ посадникамъ, господину тысяцкому Великаго Новаго Города Трифону Юрьевичу, и старымъ тысяцкимъ, и боярамъ, и житымъ людямъ, и купцамъ, и чернымъ людямъ, и всему Господину Великому Новгороду“. Изъ этого обращенія видно, что къ Новгороду обращались ко всѣмъ жившимъ въ немъ людямъ, ко всему народу.

Администрація въ Новгородѣ.

Конечно, по мелкимъ незначительнымъ дѣламъ не всегда было удобно собирать вѣче. Кромѣ того, были въ городѣ и дѣла текущія, въ родѣ сбора податей, суда и т. п.; для исполненія этихъ дѣлъ народъ избиралъ должностныхъ лицъ, которыя

и завѣдывали текущими дѣлами. Главными должностными лицами были *посадникъ* и *тысяцкій*. Они оба были представителями В. Новгорода въ его сношеніяхъ съ другими землями. Посадникъ избирался вѣчемъ безсрочно, и вѣче могло смѣстить его по своему желанію, когда угодно. Такія смѣщенія происходили иногда очень часто, потому что жизнь въ В. Новгородѣ далеко не всегда шла покойно. Часто даже случалось, что одно и то же лицо было посадникомъ нѣсколько разъ: брала верхъ одна партія, которой онъ нравился, и онъ становился посадникомъ, брала верхъ противная партія, и онъ лишался своего званія. Посадники въ В. Новгородѣ отличались сильно отъ посадниковъ въ другихъ русскихъ земляхъ. Въ другихъ областяхъ посадникъ былъ только намѣстникомъ князя, въ Новгородѣ онъ былъ выбранное всѣмъ народомъ лицо, которому самъ народъ давалъ по своему желанію власть. А эта власть была очень значительная. Посадникъ велъ отъ имени Новгорода переговоры съ другими государствами, заключалъ союзы, объявлялъ войну, а въ самомъ Новгородѣ онъ слѣдилъ за правильностью княжескаго суда и не давалъ князю въ обиду своихъ новгородцевъ. Кромѣ этого, онъ заботился объ укрѣпленіи городскихъ стѣнъ; если походы предпринимались безъ князей, то посадникъ велъ войско, а если съ княземъ, то посадникъ все-таки вмѣстѣ съ нимъ былъ непремѣнно въ походѣ и принималъ участіе въ управленіи войскомъ. Словомъ, его власть была весьма обширна, и новгородцы сознавали это и выбирали въ посадники людей достойныхъ, такъ что посадникъ, хоть и лишенный своего званія, все-таки продолжалъ называться посадникомъ и пользовался въ городѣ уваженіемъ, какъ человѣкъ выдающійся. Въ отличіе отъ этихъ старыхъ посадниковъ, посадника, который въ данное время управлялъ Новгородомъ, называли степенныхъ. Новгородъ давалъ посадникамъ содержаніе, потому что эта должность была, конечно, связана съ большими хлопотами. Опредѣленнаго жалованья не было, да въ тѣ времена вообще не было на Руси въ обычаѣ платить жалованье служащимъ людямъ, какъ это бываетъ теперь. Тогда вмѣсто жалованья отдавали должностному лицу опредѣленную часть доходовъ, обыкновенно какія-нибудь земли, съ которыхъ собиралась дань, при чемъ тотъ, кому за службу была дана земля, самъ и смотрѣлъ за сборомъ доходовъ. Такъ и въ Нов-

городѣ посаднику были предоставлены доходы съ разныхъ областей, которые и назывались „поралье посадничье“. Новгородцы любили своихъ посадниковъ и не давали ихъ въ обиду, потому что посадники были выбраны ими самими, и тотъ, кто обижалъ посадника, этимъ самымъ обижалъ и весь Новгородъ. Однажды князь Всеволодъ хотѣлъ изгнать посадника Твердислава, но новгородцы взялись за оружіе, стали около Твердислава и не давали князю изгнать его. Въ другой разъ князь Святославъ Мстиславичъ требовалъ, чтобы новгородцы смѣстили того же посадника Твердислава, но новгородцы отвѣтили ему: „Мы тебѣ останемся вѣрными, а это нашъ посадникъ, и его мы тебѣ не выдадимъ“. Такъ высоко ставилъ народъ своего посадника и готовъ былъ защищать его отъ всякихъ обидъ.

Другой важной должностью въ Новгородѣ была должность тысяцкаго. Тысяцкій, наравнѣ съ посадникомъ, былъ представителемъ Великаго Новгорода и имѣлъ тѣ же права и обязанности во внутреннемъ управленіи, что и посадникъ: ему тоже отдавался опредѣленный сборъ и во всѣхъ грамотахъ и договорахъ его имя упоминалось рядомъ съ именемъ посадника. Выбирался тысяцкій отдѣльно отъ посадника и вѣдалъ дѣла, относящіяся не къ богатому классу купцовъ и бояръ, а завѣдывалъ главнымъ образомъ простымъ народомъ, черными людьми, совершенно самостоятельно и отдѣльно отъ посадника и князя. Словомъ, тысяцкій былъ тѣмъ же посадникомъ, но не надъ всѣми сословіями, а только надъ черными людьми.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ должностей, въ Новгородѣ были и другія, болѣе мелкія. Такъ, новгородцы выбирали себѣ еще сотниковъ и старостъ. Старосты были представителями отдѣльныхъ концовъ или даже отдѣльныхъ улицъ Новгорода. Вѣдь въ Новгородѣ каждая улица, каждый конецъ жилъ своей самостоятельной жизнью, собирался на свое „уличанское“ или „кончанское“ вѣче, на которомъ рѣшались дѣла, имѣвшія отношеніе только къ отдѣльной улицѣ или отдѣльному концу. Каждая улица, такимъ образомъ, представляла, изъ себя отдѣльную самостоятельную общину и жила своей самостоятельной жизнью. Вотъ эти-то общины и выбирали каждая своего старосту, которые и завѣдывали дѣлами этой общины, собирали кончанское вѣче и т. п. Они имѣли даже свою печать и иногда

къ постановленіямъ всего Новгорода прикладывались печати не только самаго Новгорода, посадника и тысяцкаго, а и печати отдѣльныхъ концовъ. Старосты были представителями, главнымъ образомъ, купечества, торговаго класса, и поэтому на общемъ новгородскомъ вѣчѣ ихъ мнѣнія имѣли большую силу и пользовались уваженіемъ. Роль сотскихъ совершенно неизвѣстна, изъ лѣтописей и древнихъ дошедшихъ до насъ грамотъ мы знаемъ только, что сотники, дѣйствительно, были въ Новгородѣ, но каковы были ихъ права и обязанности, мы совершенно не знаемъ.

Для приведенія въ исполненіе постановленій вѣча избирались биричи и подвойскіе. Они собирали каждый разъ вѣче по желанію князя, имъ поручался сборъ недоимокъ, выдача денегъ изъ общественной казны и нѣкоторыя другія дѣла. Они, собственно, исполняли, вѣроятно, всѣ тѣ дѣла, которыя выходили изъ ряда обычныхъ дѣлъ и требовали экстренныхъ распоряженій вѣча. Всѣ указанныя должностныя лица выбирались новгородцами изъ своей среды, всѣ они были для нихъ своими городскими людьми.

Положеніе князя.

Совершенно иначе обстояло дѣло съ главнымъ лицомъ въ Великомъ Новгородѣ, съ княземъ. Въ то время, какъ въ другихъ областяхъ земли Русской княжеская власть была довольно прочной, князья владѣли областями цѣлые вѣка и княжеская власть переходила отъ отца къ сыну, въ Новгородѣ своихъ князей не было. Новгородцы постепенно отвоевали свои права, и къ началу XII вѣка народныя собранія, народный голосъ началъ имѣть главное значеніе во всѣхъ дѣлахъ новгородскихъ. Князья постепенно утратили свою власть и стали такими же выборными лицами, какъ и посадники и тысяцкіе. Вся разница только въ томъ, что князь пользовался гораздо большей властью, потому что онъ былъ сильнѣе всякаго посадника. Въ случаѣ несогласій, князь могъ бы даже повести на новгородцевъ дружину и втянуть ихъ въ серьезную войну съ собой. Кромѣ того, у князя всегда было сильное желаніе поступать въ Новгородѣ такъ, какъ ему хотѣлось. Поэтому на первый взглядъ кажется страннымъ, зачѣмъ новгородцы, которые сильно дорожили своей свободой, для которыхъ единственнымъ повелителемъ былъ самъ Господинъ Великій Новгородъ, все-таки

приглашали къ себѣ князя. Дѣло, однако, станетъ яснымъ, если мы вспомнимъ, въ какомъ положеніи были новгородцы по отношенію къ окружавшимъ ихъ финскимъ племенамъ, къ нѣмцамъ и ливонцамъ. Интересы всего Новгорода требовали, чтобы жизнь шла мирно, всѣ сословія новгородскія, естественно, должны были желать мира, ибо это было въ ихъ интересахъ. Дѣйствительно, купцамъ для торговли прежде всего нуженъ былъ безопасный проѣздъ по странѣ, какъ для себя, такъ и для тѣхъ иностранныхъ гостей, которые пріѣзжали въ Новгородъ со своими товарами. Боярамъ тоже нуженъ былъ миръ, потому что въ то время войны велись вовсе не такъ, какъ въ наше время. Воевать, итти войной на кого-нибудь значило въ тѣ времена опустошить всю страну, жителей забрать въ плѣнъ, а жилища ихъ и пашни выжечь. Поэтому-то боярамъ и важно было, чтобы былъ миръ, вѣдь они получали свои доходы съ земель, а деревни и села больше всего и опустошались войной. Наконецъ, черные люди не менѣе другихъ были заинтересованы въ сохраненіи мира, потому что на нихъ, главнымъ образомъ, обрушивались всѣ тяжести войны; ихъ имущество, ихъ жизнь подвергались прежде всего опасности. Такъ вполнѣ понятно, что новгородцамъ всѣмъ нуженъ и важенъ былъ миръ. А чтобы быть въ мирѣ, нужно было всегда быть наготовѣ отразить нападеніе или постоянно ходить въ походы на дикія племена, чтобы держать ихъ въ страхѣ и покорности. Для того, чтобы сохранить миръ, необходимо было быть всегда готовымъ къ войнѣ, быть сильнымъ на войнѣ, чтобы отражать нападеніе враговъ. Вотъ для этого-то и нуженъ былъ новгородцамъ князь, который бы предводительствовалъ ихъ войскомъ: „Когда князь ведетъ войско самъ,—говоритъ лѣтописецъ,—то войско бьется хорошо, а когда его нѣтъ, то худо“. Для войска, для войны былъ непременно нуженъ предводитель, и новгородцы волей-неволей должны были выбирать себѣ князя. Князь былъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, потому что въ тѣ времена князья почти всю свою жизнь проводили въ безпрерывныхъ войнахъ и походахъ. Кромѣ того, у князя была всегда съ собой своя дружина, которая была тоже опытна въ ратномъ дѣлѣ и могла оказать новгородцамъ нѣкоторую поддержку въ случаѣ войны. Итакъ, князя нужно было непремѣнно

выбирать для военныхъ цѣлей. И мы, дѣйствительно, видимъ, что князья совершаютъ постоянные походы на чудь и другія финскія племена, чтобы покорить ихъ, заставить ихъ бросить набѣги на новгородскую землю.

Приглашая къ себѣ князей, новгородцы должны были, конечно, обращать особое вниманіе на тѣ отношенія, въ которыя князь становился къ вѣчу и вольности новгородской. Вѣче имѣло въ Новгородѣ главное значеніе,—князья избирались и свергались по рѣшенію вѣча, и князь вовсе не былъ полновластнымъ хозяиномъ въ Новгородѣ. Новгородцы каждому вновь избранному князю указывали на Ярославовы грамоты и прибавляли: „на всей воли новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь“. То-есть мы считаемъ тебя княземъ только до тѣхъ поръ, пока ты сохраняешь неприкосновенными наши новгородскія вольности и Ярославовы грамоты. Князь оставался въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока этого хотѣли новгородцы; вѣче имѣло право всегда удалить нелюбимаго князя и пригласить къ себѣ другого на его мѣсто. За свою независимость отъ воли другихъ князей новгородцы держались очень крѣпко. Такъ, напримѣръ, въ 1095 году въ Новгородъ по рѣшенію русскихъ князей былъ посланъ княжить Давидъ Святославичъ, но такъ какъ это произошло безъ согласія самого Новгорода, то новгородцы „указали путь“ Давиду, т.-е. не пустили его вовсе въ Новгородъ. Подобный случай произошелъ и въ 1102 году. Святополкъ, князь кіевскій, хотѣлъ послать въ Новгородъ своего сына. У новгородцевъ былъ въ это время свой князь, выбранный ими Мстиславъ, и они послали посольство въ Кіевъ, которое сказало Святополку: „Не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ головы имѣетъ сынъ твой, то пошли его, а Мстислава далъ намъ Всеволодъ, а мы вскормили его себѣ княземъ, ты же ушелъ отъ насъ“. И послѣ этого посольства новгородцы не приняли къ себѣ сына Святополка и даже противъ воли другихъ князей воротили къ себѣ Мстислава, котораго старшіе князья послали въ Ростовъ.

Новгородцамъ была дорога ихъ самостоятельность, и они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы закрѣпить ее и поставить княжескую власть въ зависимость отъ народной власти. Между

тѣмъ власть князя и въ Новгородѣ первоначально была значительна; такъ, напр., онъ могъ своей властью назначать посадника и т. п.

Ограниченіе власти князя.

Поэтому новгородцы впродолженіе всего XII вѣка борются за свою свободу съ князьями и борются весьма успѣшно. Уже въ 1130 году новгородцы начинаютъ брать съ князя присягу, чтобы онъ не оставлялъ Великаго Новгорода самъ, безъ согласія на то вѣча. Съ 1136 года князь уже не имѣетъ права назначать посадника по своему усмотрѣнію, посадникъ выбирается только вѣчемъ, князь же въ эти выборы вовсе не долженъ вмѣшиваться. Съ 1156 года князь уже не имѣетъ права назначать и епископа. Особенно важнымъ завоеваніемъ новгородцевъ нужно считать то, что всѣ князья русскіе на съѣздѣ, бывшемъ въ 1156 году, рѣшили: „вси князи выложиша Новгородъ въ свободу: гдѣ имъ любо, туже себѣ князя поимаютъ“. Этимъ постановленіемъ всѣ русскіе князья торжественно признали за Великимъ Новгородомъ право свободнаго выбора князя. Это право, какъ мы уже говорили, новгородцы всегда считали своимъ, но только теперь оно было оффиціально признано самими князьями. Немного позже, въ 1218 году, князья уже даютъ клятву не лишать никого изъ новгородскихъ должностныхъ лицъ мѣста и не казнить безъ вины и безъ суда со стороны новгородскаго вѣча. Далѣе, князь, всякій разъ какъ принималъ новгородскій столъ, долженъ былъ заключать съ новгородцами особый договоръ и цѣловать крестъ Великому Новгороду въ томъ, что онъ будетъ твердо держаться этого договора и не будетъ уклоняться ни отъ одной изъ статей его. Большую важность представлялъ для новгородцевъ порядокъ управленія своими волостями и пригородами, потому что эти волости и пригороды были населены тѣми же новгородцами и были важны для новгородцевъ, какъ торговые пункты и крѣпости. Тѣсная связь Великаго Новгорода съ пригородами, доходы, получаемые въ видѣ дани новгородцами съ завоеванныхъ ими областей, все это вызывало у новгородцевъ желаніе, чтобы ихъ вліяніе на пригороды и волости не было стѣснено ничьимъ постороннимъ вліяніемъ. Поэтому новгородцы добились того, чтобы и въ правители волостей князья назначали только новгородцевъ, а не своихъ людей, да и для назначенія княземъ на мѣсто управителя

кого-либо изъ новгородцевъ требовалось непремѣнно согласіе посадника: „А безъ посадника, княже, тебѣ волостей не роздавати“, писалось въ договорахъ. Ни одна грамота, ни одно должностное лицо не могло назначаться княземъ въ новгородскія владѣнія безъ согласія посадника. Князь даже былъ ограниченъ въ правѣ творить судъ и расправу въ новгородскихъ владѣніяхъ. Право суда князя и его посланныхъ, тіуновъ, въ новгородскихъ владѣніяхъ было урегулировано тѣмъ, что князь и его посланные для производства суда должны были объѣзжать владѣнія только около Петрова дня и должны были судить по старинѣ, по новгородскому обычаю, и ни въ коемъ случаѣ не вводить своихъ судовъ и своихъ порядковъ. Наконецъ, князь не имѣлъ права выводить изъ Новгорода людей въ свою отчину.

Особенное вниманіе новгородцы обратили на княжескую торговлю. Будучи сами купцами, они, естественно, стремились отстранить отъ торговли такого сильнаго и опаснаго конкурента, какимъ могъ быть князь. Новгородцы вообще, на что мы уже указывали, заботились о томъ, чтобы посредниками между пріѣзжими гостями-нѣмцами и народомъ были свои новгородскіе купцы, а тутъ они начинаютъ заботиться о томъ, чтобы князь не велъ торговли съ иностранцами чрезъ посредство своихъ людей: посредниками должны были быть непремѣнно новгородскіе купцы. Этимъ они хотѣли забрать въ свои руки часть выгодъ, получаемыхъ княземъ отъ торговли. Еще болѣе важнымъ было для новгородцевъ другое ограниченіе княжеской власти, именно въ сферѣ судебной. Первоначально разбиралъ торговыя дѣла новгородцевъ съ нѣмцами самъ князь; но въ виду того, что князь былъ не только управителемъ въ Новгородѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ велъ и торговлю, то, чтобы онъ не оказывалъ серьезнаго вліянія на ходъ торговыхъ оборотовъ, новгородцы стремились ограничить его власть въ судебномъ дѣлѣ. И вотъ, въ 1269 году новгородцы заключаютъ договоръ съ нѣмцами: князь устраняется отъ судебнаго разбора торговыхъ дѣлъ, и этотъ судъ переходитъ въ вѣдѣніе тысяцкаго. Это было очень крупнымъ пріобрѣтеніемъ для новгородской вольности.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, князья постепенно теряли свою власть и независимость въ Великомъ Новгородѣ. Къ началу XIV вѣка, то-есть то именно время, которое пред-

ставляетъ расцвѣтъ новгородской вольности и свободы, въ которое власть, богатство и вліяніе Великаго Новгорода достигли полнаго расцвѣта, князья въ Новгородѣ были въ сущности такими же должностными лицами, какъ и посадники, тысяцкіе и другія выборныя лица Великаго Новгорода. Власть князя ограничивается постепенно только предводительствомъ на войнѣ и административными распоряженіями въ самомъ Новгородѣ. Князь былъ предводителемъ, правителемъ и судьей, но уже въ судебныхъ дѣлахъ новгородцы значительно сокращали его власть тѣмъ, что назначали къ нему посадника, и князь не могъ судить безъ посадника. Поэтому князь изображалъ со своей дружиной въ Новгородѣ своего рода полицейскую власть, которая должна была охранять порядокъ. Новгородцы сами приглашали къ себѣ эту власть и держали ее на опредѣленномъ жалованьи. Князь въ одно и то же время былъ и повелителемъ и слугой Великаго Новгорода. Повелителемъ потому, что получалъ въ свои руки значительную власть, а слугой потому, что новгородцы сами приглашали князя и могли по своей волѣ удалить и смѣстить его, а за его службу сами платили ему жалованье. Это жалованье, какъ и жалованье посадника, заключалось въ томъ, что въ пользу князя были предоставлены доходы съ нѣкоторыхъ областей. Договорныя грамоты Новгорода съ князьями строго опредѣляли, какія именно земли были отданы князю въ кормленіе. Но новгородцы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы князь, пользуясь своей властью и дружиной, не занималъ и не захватывалъ другихъ земель, кромѣ отданныхъ ему по договору. Грамоты повторяютъ всегда, что князь не имѣетъ права занимать другихъ земель ни самъ, ни для своей дружины. Точно такъ же было ограничено и право княжеской охоты, и иногда нарушеніе права охоты было причиною изгнанія князя. Такъ, напримѣръ, князь могъ охотиться на кабановъ только на 60 верстъ въ окружности, а посылать своихъ людей для ловли звѣрей могъ только каждую третью зиму. Это ограниченіе станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что главнымъ занятіемъ и промысломъ новгородцевъ была охота. Ограничивая права князя на охоту, новгородцы тѣмъ самымъ только защищали свои интересы.

Доходы князя.

Другимъ источникомъ княжескихъ доходовъ были пошлины

съ суда,—тѣ доходы, которые князь получалъ отъ судебныхъ дѣлъ. Чтобы ясно представить себѣ, какіе именно это были доходы, необходимо познакомиться съ тѣмъ, что такое былъ судъ въ Великомъ Новгородѣ. Судомъ завѣдывалъ князь и посадникъ. Они судили всѣ вообще дѣла, возникавшія между высшими классами новгородскаго общества. Самый процессъ имѣлъ въ Новгородѣ такой порядокъ: прежде чѣмъ доводить дѣло до княжескаго и посадническаго суда, обѣ враждующія стороны выбирали себѣ двухъ человѣкъ, которые получили названіе „розказчиковъ“. Эти розказчики разсматривали ихъ споръ и старались окончить дѣло миромъ, они старались примирить спорящія стороны. Если тяжущіеся соглашались на мировую, то споръ считался совершенно поконченнымъ, и ни князь, ни посадникъ, никакіе судьи не имѣли права его пересуживать. Это была полюбовная мировая сдѣлка. Если же такая сдѣлка, вслѣдствіе упорства сторонъ, не могла состояться, то дѣло поступало въ новгородскій судъ. Главными судьями, постановлявшими рѣшеніе, были князь и посадникъ, но для наблюденія за правильностью ихъ суда на судѣ должны были присутствовать по боярину и по житому человѣку съ каждаго новгородскаго конца. Этимъ населеніе какъ бы контролировало и провѣряло правильность судебныхъ рѣшеній князя и посадника. Этихъ представителей народа на судѣ называли „докладчиками“, и безъ нихъ нельзя было рѣшить ни одного дѣла. Вмѣстѣ съ докладчиками на судѣ были и „пристава“, т.-е. лица, которымъ было поручено отъ суда разслѣдовать дѣло. Всѣ принимавшіе участіе въ судѣ цѣловали крестъ въ томъ, чтобы судить имъ по правдѣ. Такъ что и въ новгородскомъ судѣ мы встрѣчаемся какъ бы съ двоевластіемъ: съ одной стороны стоитъ приглашенный судья-князь, а вмѣстѣ съ нимъ судятъ и представители народа, выборные докладчики.

Судъ въ Новгородѣ.

Кромѣ княжескаго и посадничьяго суда, въ Новгородѣ былъ еще особый судъ тысяцкаго. Тысяцкій разбиралъ дѣла между черными людьми, и за эти дѣла не бралось никакихъ пошлинъ. Главный же судъ по всѣмъ государственнымъ преступленіямъ и судъ надъ должностными лицами принадлежалъ самому вѣчу, которое имѣло право судить самого князя, что и приводилось

въ исполненіе неоднократно. Другимъ источникомъ доходовъ князя за судебныя дѣла былъ судъ по волостямъ. Въ опредѣленные сроки князь объѣзжалъ волости новгородскія и творилъ тамъ судъ, за что и получалъ въ свою пользу судебныя пошлины. Порядокъ суда въ волостяхъ былъ тотъ же самый, что въ самомъ Новгородѣ. Новгородцы старались не давать князю власти по своей волѣ повышать судебныя пошлины, и поэтому всѣ вновь приглашенные князья должны были цѣловать крестъ Великому Новгороду въ томъ, что они не будутъ повышать судебныхъ пошлинъ, а будутъ держать Великій Новгородъ „по старинѣ и по пошлинѣ“, т.-е. такъ, какъ держали его ихъ предшественники.

Таковы были въ общихъ чертахъ власть и значеніе князей въ Великомъ Новгородѣ. Приглашенные народомъ по его доброй волѣ, они, естественно, должны были подчиняться тѣмъ предписаніямъ, которыя дѣлали имъ новгородцы, и тѣмъ ограниченіямъ своей власти, которыя вызывались постояннымъ и неизмѣннымъ стремленіемъ новгородцевъ сохранить свою свободу и свою самостоятельность. Бороться съ Новгородомъ князьямъ было очень трудно, ибо этотъ богатый, сильный и вольнолюбивый городъ не уступилъ бы даромъ ничего изъ своихъ исконныхъ, старинныхъ, дорогихъ сердцу каждаго новгородца, правъ.

II.

Отношеніе классовъ Новгородскаго Общества между собой.

Хотя новгородцы ограничили власть князя и посадника, однако они пользовались все-таки большимъ вліяніемъ. Такъ какъ интересы всѣхъ жителей Новгорода были далеко неоднородны, то, естественно, въ немъ образовывались партіи, стремившіяся съ избраніемъ князя или посадника направить всю новгородскую политику въ ту или иную сторону.

Несогласія среди новгородцевъ происходили, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ихъ различныхъ интересовъ. Мы уже видѣли, что новгородское общество вовсе не представляло изъ себя чего-либо однороднаго. Мы видѣли, что общество дѣлилось на три совершенно различныхъ группы: бояръ, купцовъ и черныхъ людей. Какъ легко понять, интересы бояръ и черныхъ людей сильно расходились. Бояре были богатыми землевладѣльцами, а черные люди сидѣли на ихъ землѣ и были обязаны уплачивать

имъ опредѣленный оброкъ. Понятно, что чернымъ людямъ хотѣлось платить оброка поменьше, а бояре, наоборотъ, хотѣли, собирать его побольше, поэтому всегда можно было замѣтить борьбу между боярами и черными людьми. Сами бояре тоже не были чѣмъ-либо однороднымъ: изъ ихъ среды уже съ давнихъ поръ выдѣлился особый классъ, который не только былъ землевладѣльческимъ, но принималъ большое участіе въ торговлѣ и постепенно началъ заниматься банкирскими операціями, т.-е. жилъ тѣмъ, что давалъ купцамъ деньги за проценты. Интересы его были рѣзко отдѣлены отъ интересовъ всего остальнаго населенія Великаго Новгорода, но другая часть бояръ, наоборотъ, въ очень многомъ сходилась съ черными людьми. Причины будутъ понятны, если мы вспомнимъ, что говорилось раньше о значеніи войны для Великаго Новгорода. Интересы и землевладѣльцевъ бояръ и землевладѣльцевъ черныхъ людей были тѣсно связаны въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось рѣшать вопросъ о томъ: быть войнѣ или миру, или правильнѣе: стараться жить съ сосѣдями въ мирѣ или нѣтъ.

Съ своей стороны купцы имѣли тоже свои собственные купеческіе интересы, которые съ одной стороны сходились съ интересами народа, черныхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ расходились съ интересами бояръ-банкировъ. Дѣло въ томъ, что купцамъ былъ нуженъ миръ больше, чѣмъ кому-либо другому для ихъ торговыхъ цѣлей, а съ другой стороны они хотѣли, во что бы то ни стало, сломить власть бояръ въ Новгородѣ. Это имъ нужно было вотъ почему. На купцахъ въ значительной степени лежали подати и налоги, которыми пополнялась новгородская казна, между тѣмъ какъ на бояръ падала меньшая часть этихъ налоговъ. Вотъ купцы и хотѣли сложить часть финансовыхъ тягостей на бояръ и, такимъ образомъ, облегчить свое положеніе. Конечно, въ виду того, что у нѣкоторыхъ классовъ населенія Великаго Новгорода интересы сходились, эти классы и объединялись въ одну партію, которая старалась ввести въ Новгородѣ такіе порядки, какіе ей были по сердцу.

Новгородскія партіи.

Въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ подъ вліяніемъ этихъ причинъ начинаютъ постепенно складываться двѣ партіи, изъ которыхъ каждая ведетъ борьбу съ другой и старается провести въ новгородскую жизнь свою опредѣленную программу. Конечно, и

раньше эти двѣ партіи должны были существовать среди новгородскаго населенія, но взгляды ихъ до XII вѣка не были еще опредѣленными, да и ихъ дѣятельность слабо проявлялась, и только въ XII вѣкѣ мы можемъ замѣтить вполнѣ ясно существованіе этихъ двухъ партій. Одну изъ этихъ партій можно назвать аристократической. Она состояла, главнымъ образомъ, изъ бояръ, разбогатѣвшихъ благодаря торговлѣ и занимавшихся отдачей денегъ въ ростъ. Эта партія старалась о томъ, чтобы Новгородъ принималъ самое живое участіе въ обще-русскихъ дѣлахъ. Это означало, что бояре старались выбрать въ новгородскіе князья такого князя, который велъ бы борьбу съ другими князьями и втягивалъ бы Новгородъ въ междуусобицы русской земли. Трудно сказать, что, собственно, побуждало бояръ стремиться къ вмѣшательству въ обще-русскія дѣла. Ясно только одно, что такъ какъ ихъ имущество заключалось, главнымъ образомъ, въ деньгахъ, а не въ земляхъ, то бѣдствія войны, разореніе ихъ помѣстьевъ мало касалось ихъ. Поэтому они всегда держались за суздальскихъ князей, такъ какъ эти князья постоянно принимали участіе въ междуусобіяхъ. Другимъ признакомъ этой партіи было то, что она часто готова была отдать князю многія вольности новгородскія, лишь бы этотъ князь совершалъ походы и былъ княземъ своей партіи. Такъ, одинъ изъ суздальскихъ князей, Рюрикъ Ростиславичъ, въ 1171 году своевольно отнялъ посадничество у нѣкоего Жирослава, и хотя послѣдній былъ выбранъ тоже аристократической партіей, тѣмъ не менѣе она вовсе не протестовала противъ такого поступка князя, несмотря на то, что онъ нарушалъ всѣ новгородскія права и вольности. Боярамъ не были дороги вольности Великаго Новгорода просто потому, что они сами стремились захватить власть надъ народомъ въ свои руки, а это они могли сдѣлать, только опираясь на сильную власть ими выбраннаго князя.

Совсѣмъ иначе смотрѣла на дѣло другая партія, которую можно назвать народной. Она, какъ разъ наоборотъ, стремилась быть въ мирѣ съ русскими землями и очень дорожила свободой и самостоятельностью Великаго Новгорода. Къ этой партіи принадлежали черные люди, купечество и та часть бояръ, которая была по преимуществу землевладѣльческой и мало за-

нималась денежными и торговыми оборотами. Эта партія державшаясь князей мирныхъ и старалась выбрать на новгородскій столъ князей изъ рода Ольговичей, которые отличались своей мирной политикой по отношенію къ другимъ областямъ русской земли. Эта партія зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы князья не попирали старинныхъ новгородскихъ правъ, и старалась, наоборотъ, завоевать у князей новыя права. Для этой партіи князь всегда былъ защитникомъ народа противъ притѣсненій бояръ, и отъ своихъ князей она требовала такого заступничества. Такъ, по рѣшенію этой партіи былъ изгнанъ князь суздальскій, Ярославъ ,за свое своевольство. „Негодовахуть бо ему новгородцы,—пишетъ по этому поводу лѣтописецъ,—зане много творяху пакости волости новгородскія“, а на мѣсто этого князя партія народа выбрала другого, Мстислава Давидовича, между тѣмъ какъ аристократы опять пригласили Ярослава и покорно сносили его обиды и притѣсненія. Другого князя, Всеволода Мстиславича, народная партія изгнала за то, что онъ „не блюдетъ смердовъ“, т.-е. не защищаетъ интересовъ простого народа противъ притѣсненія бояръ.

Борьба партій.

Конечно, борьба партій за главную власть въ Новгородѣ очень часто принимала бурный характеръ. На вѣчѣ часто сталкивались обѣ партіи, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ни одна изъ нихъ не была настолько сильна, чтобы своимъ большинствомъ сразу поразить другую партію, вѣча принимали бурный характеръ и нерѣдко оканчивались свалкой. Иногда дѣло даже доходило до открытыхъ возстаній одной партіи противъ другой. Такъ, въ 1135 году простые люди во время княженія уже упомянутаго Всеволода Мстиславича, возмущенные поведеніемъ бояръ, его сторонниковъ, и его самаго, бросились на бояръ и разграбили ихъ дома и все имущество, а награбленное добро отдали купцамъ, чтобы помочь тѣмъ собраться на войну.

Народная партія не только защищала старинныя права, но ей принадлежитъ заслуга завоеванія одного весьма важнаго права, существенно уменьшившаго власть князя. Благодаря дѣятельности именно народной партіи было отнято у князя право торговаго суда, на что мы указывали уже выше. Это ограниченіе княжеской власти было, несомнѣнно, очень крупной побѣдой Великаго Новгорода, побѣдой надъ княжескимъ

своеволіемъ. Несмотря на то, что именно демократическая партія пріобрѣла такую уступку со стороны князя, въ XII вѣкѣ все-таки преобладала партія аристократическая. Если мы посмотримъ, какіе князья больше правили въ Новгородѣ впродолженіе XII вѣка, то ясно, что управленіе страной находилось большею частью въ рукахъ аристократовъ. Такъ, въ общей сложности суздальскіе князья правили 55 лѣтъ изъ 89, слѣдовательно, князья, посаженные народной партіей, правили только 34 года; разумѣется, тѣ и другіе сидѣли на престолѣ не все время подрядъ, а смѣняя постоянно одинъ другого. Мы ужъ говорили, что общественная жизнь въ Великомъ Новгородѣ вовсе не отличалась спокойствіемъ; это проявлялось главнымъ образомъ въ постоянной смѣнѣ преобладанія то той, то другой партіи; князья то той, то другой партіи смѣняютъ другъ друга, а вмѣстѣ съ ихъ смѣной устанавливаются иныя отношенія Новгорода къ своимъ сосѣдямъ и сама внутренняя жизнь Великаго Новгорода.

Въ концѣ XII вѣка мы замѣчаемъ уже значительную перемѣну въ программѣ народной партіи. Дѣло въ томъ, что торговыя связи новгородцевъ съ остальной Русью все болѣе и болѣе росли, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно возрасталъ и интересъ новгородцевъ къ обще-русскимъ дѣламъ. Поэтому въ концѣ XII вѣка и народная партія желаетъ все большаго и большаго участія Великаго Новгорода въ дѣлахъ всей земли русской.

Эти обѣ партіи, народная и боярская, различно смотрѣли на власть князя, и, сообразно съ этимъ, народная партія боролась съ князьями, а боярская, наоборотъ, давала князьямъ больше власти, позволяла имъ большія своевольства. Но понемногу взглядъ народной партіи на княжескую власть измѣнялся. Бояре старались изо всѣхъ силъ, чтобы народное вѣче имѣло поменьше власти: господствуя надъ черными людьми въ своихъ вотчинахъ, они, естественно, добивались и политическаго преобладанія на вѣчѣ; вѣче, на которомъ всякій человѣкъ имѣлъ голосъ, и на которомъ черные люди составляли большинство, вовсе не нравилось боярамъ: оно стѣсняло ихъ и заставляло ихъ дѣлать уступки народу, уменьшать бремя налоговъ, творить правильный судъ и т. п. Народная партія, наоборотъ, всю свою силу, все свое спасеніе видѣла въ расширеніи правъ вѣча, въ

преобладаніи чисто-народныхъ интересовъ. Но бороться съ боярами народная партія сама по себѣ была не въ силахъ, потому что бояре постепенно захватили въ свои руки всю власть въ Великомъ Новгородѣ: нужна была громадная сила, сила, привыкшая къ борьбѣ съ боярствомъ, чтобы сломить боярскую партію въ Новгородѣ. Бояре достигали сильнаго вліянія на всю новгородскую жизнь главнымъ образомъ чрезъ такъ называемый боярскій совѣтъ. Онъ собирался предъ вѣчемъ для частнаго обсужденія вопросовъ, собирался, вѣроятно, и въ обычное время для тѣхъ же цѣлей. Въ него входили наиболѣе видные и именитые бояре, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ дѣламъ управленія. Надо думать, что въ боярскомъ совѣтѣ очень видную роль играли бывшіе посадники, тысяцкіе и вообще лица, принимавшія раньше участіе въ общественномъ управленіи. Вліяніе этого совѣта выражалось, главнымъ образомъ, въ подготовкѣ общественнаго мнѣнія путемъ частныхъ совѣщаній. Можно предполагать, что боярскій совѣтъ былъ чѣмъ-то въ родѣ организаціоннаго комитета боярской партіи. Его вліяніе, разумѣется, росло параллельно съ ростомъ могущества и экономической силы боярства.

Боярскій совѣтъ.

Новгородское боярство.

Къ концу XIII и началу XIV вѣка бояре собрали въ своихъ рукахъ огромную денежную и земельную силу: большинство черныхъ людей работало и жило на ихъ земляхъ, а большинство купечества было въ долгу у бояръ. Мы уже говорили о томъ, что многіе бояре занимались торговлей и отдавали деньги купцамъ въ ростъ. Эти банкирскія операціи бояръ возрастали вмѣстѣ съ измѣненіями въ хозяйствѣ. Мы знаемъ, что первоначальной формой хозяйства въ Новгородѣ была натуральная форма, но постепенно эта форма начала смѣняться формой хозяйства денежной. Въ XI и XII вѣкахъ въ Новгородѣ господствовало мелкое хозяйство, каждый могъ занимать землю, гдѣ ему угодно, и обрабатывать свой клочекъ земли: самъ своими средствами, не подчиняясь боярамъ; но въ XIII вѣкѣ это сдѣлалось невозможнымъ. Внѣшняя торговля давала возможность боярамъ сосредоточить въ своихъ рукахъ огромные капиталы, а мелкимъ чернымъ людямъ капиталы стали необходимы, потому что нужны были новыя орудія, дорогія по тогдашнему времени, для обработки земли: вѣдь звѣроловство

уже не могло прокормить населенія, которое все возрастало и возрастало. Нужно было приниматься волей-неволей за земледѣліе, а для земледѣлія были необходимыя и особыя орудія, и сѣмена для посѣва, и рабочій скотъ. Ничего этого не имѣлъ черный человѣкъ, принимавшійся за свое хозяйство. Ему необходимы были деньги для всего этого, и бояринъ ссужалъ его и скотомъ и сѣменами и строилъ ему нужныя въ сельскомъ быту постройки, а взамѣнъ этого земледѣлецъ обязанъ былъ давать боярину опредѣленную часть своего урожая и не смѣлъ уходить съ земли до тѣхъ поръ, пока не отдастъ господину всей стоимости того, что получилъ отъ него въ пользованіе. Изъ вольнаго человѣка, имѣвшаго полную свободу селиться, гдѣ угодно, и переходить съ мѣста на мѣсто въ своей волѣ, земледѣлецъ превращается въ зависимаго человѣка, въ крѣпостного; онъ дѣлается вполнѣ зависимымъ отъ своего господина.

Купцовъ бояре захватили въ свои руки другимъ путемъ. Все болѣе и болѣе развивавшаяся торговля при постепенномъ увеличеніи чисто денежныхъ оборотовъ заставляла купцовъ обращаться къ посредничеству бояръ-банкировъ, купцы дѣлались должниками бояръ и такимъ образомъ, естественно, должны были подчиняться вліянію бояръ. То же самое произошло и съ ремесленниками. Они тоже все болѣе и болѣе запутывались въ долгахъ, а кредиторами были тѣ же бояре-банкиры. При такомъ положеніи дѣлъ вполнѣ понятно, что бояре стали самымъ сильнымъ классомъ въ Великомъ Новгородѣ и все больше и больше захватывали власть въ свои руки. Боярская партія постепенно начала управлять всѣми дѣлами новгородскими, а ея управленіе очень невыгодно отзывалось на народѣ. „Неправда и кривда царитъ въ судахъ“, говоритъ лѣтописецъ объ этомъ времени. Больше того: хотя боярская партія всегда поддерживала только сильныхъ князей, на что мы уже указывали, но, сдѣлавшись сильной, она обратила въ свою пользу всѣ тѣ ограниченія княжеской власти, которыхъ добилась народная партія. Ограниченная княжеская власть стала на руку сильнымъ боярамъ, и вліяніе верховнаго совѣта въ новгородскихъ дѣлахъ все росло и росло. Вмѣсто неограниченной власти одного князя народъ ярко и больно чувствовалъ на себѣ власть небольшой кучки бояръ, которая угнетала

и давила его сильными поборами, которая на судахъ всегда рѣшала дѣла въ пользу боярина, которая стремилась собрать съ народа возможно большее количество денегъ.

Сильнѣе всего чувствовалъ эту власть боярства, конечно, черный народъ, смерды. Они вѣдь въ большинствѣ случаевъ находились въ прямой зависимости отъ бояръ, какъ ихъ крѣпостные. И вотъ, среди народной партіи начинается расколъ. Мы знаемъ, что народную партію составляли купцы и черные люди; и вотъ, черные люди начинаютъ расходиться съ купцами во взглядахъ на право княжеской власти. Тяжко приходилось людямъ чернымъ отъ бояръ, а побѣдить ихъ своими силами они никакъ не могли,—оставалось одно: стараться сломить бояръ, не дать имъ мучить и угнетать себя, усиливая княжеску. власть. Эти соображенія черныхъ людей произвели расколъ въ народной партіи: купцы попрежнему боролись за права вѣча, а простой народъ старался дать князю большія права, чтобы этимъ путемъ сломить боярскую силу. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было дѣйствовать противъ бояръ, и купцы и черные люди дѣйствовали вмѣстѣ, но въ вопросѣ о княжеской власти они сильно расходились. Съ другой стороны, и сами бояре перемѣнили свою политику по отношенію къ князьямъ. Они воспользовались ограниченіемъ княжеской власти въ свою пользу и поэтому уже не старались садить на княженіе сильныхъ князей, а только тѣхъ, которые дѣлали большія уступки имъ, боярамъ, но вовсе не всему народу новгородскому. Ихъ программа отличалась, такимъ образомъ, отъ программы прежней народной партіи тѣмъ, что народная партія ограничивала княжескую власть въ пользу всего народа новгородскаго, а бояре разрѣшали князю притѣсненія, но только не надъ собой. Бояре сами хотѣли править Великимъ Новгородомъ и пытались, съ одной стороны, уменьшить власть вѣча, а съ другой стороны, уменьшить и власть князя, и то и другое только для того, чтобы полновластно и безконтрольно самимъ распоряжаться въ Новгородѣ.

Эта перемѣна въ обѣихъ партіяхъ окончательно сложилась и упрочилась къ концу XIV вѣка, и направленіе обѣихъ партій осталось такимъ до конца существованія Господина Великаго Новгорода, какъ самостоятельной области земли рус-

ской. Въ XV вѣкѣ Новгородъ былъ окончательно покоренъ Москвой, при этомъ погибло и вѣче и верховный совѣтъ, и народная и боярская партіи лишились тѣхъ вольностей и той свободы, которыя составляли красу и славу Великаго Новгорода, и которыя столько способствовали его силѣ и его могуществу. Боярская партія была окончательно уничтожена московскимъ самодержавнымъ и единодержавнымъ государемъ, а народная партія приняла на себя, вмѣсто боярскаго, новое иго, московскаго правительства.

Мы закончили теперь разсмотрѣніе внутренняго устройства и внутренней жизни Великаго Новгорода. Мы останавливались на ней главнымъ образомъ потому, что только при правильномъ и точномъ знаніи этой стороны исторіи Великаго Новгорода намъ станутъ ясными и его борьба съ врагами, и смѣна въ немъ князей, и постепенный ростъ могущества, и, наконецъ паденіе Великаго Новгорода. Иначе намъ не было бы понятно, почему новгородцы постоянно мѣняютъ своихъ князей, почему они постоянно мѣняютъ свои отношенія къ другимъ русскимъ землямъ, почему, наконецъ, измѣняется въ Новгородѣ сама княжеская власть. Всѣ эти измѣненія были послѣдствіемъ борьбы партій, борьбы каждаго класса, каждаго сословія въ Великомъ Новгородѣ за свои интересы. Эта борьба сначала возвеличила Новгородъ, а затѣмъ привела его къ паденію, и то и другое было естественнымъ результатомъ самой жизни Великаго Новгорода.

III.

Богатая и обширная Новгородская община, естественно, должна была привлекать вниманіе великихъ князей и, естественно, должна была вызывать у нихъ желаніе подчинить ее своей власти. Поэтому новгородская исторія представляетъ изъ себя почти непрерывную борьбу свободной общины съ великими князьями. Усиливали и обостряли эту борьбу и тѣ несогласія и неурядицы, которыя вызывались различными интересами новгородскихъ партій. Эти раздоры сильно ослабляли силы новгородцевъ и давали большое преимущество князьямъ. Борьба сводилась, главнымъ образомъ, къ защитѣ новгородцами своихъ вольностей отъ посягательства на нихъ со стороны князей.

Борьба Новгорода за свою самостоятельность съ Кіевскими князьями.

Первымъ періодомъ борьбы была борьба съ кіевскими князьями. Мелкія недоразумѣнія и распри новгородцевъ съ кіевскими князьями начались уже лѣтъ сорокъ спустя послѣ смерти Ярослава Мудраго, но своего полнаго развитія борьба достигла при Владимірѣ Мономахѣ. Этотъ сильный и могущественный князь удалилъ изъ Новгорода своего сына, любимаго новгородцами Мстислава, и насильно прислалъ на новгородскій столъ Всеволода, сына Мстислава. Въ виду малолѣтства этого князя главное руководство дѣлами въ Новгородѣ оставалось, конечно, за самимъ Владиміромъ. Новгородцы неоднократно подымались для изгнанія Всеволода, и послѣ одного неудачнаго заговора Владиміръ вызвалъ къ себѣ въ Кіевъ много новгородскихъ бояръ. Часть изъ нихъ онъ заточилъ, а другихъ заставилъ присягнуть себѣ въ вѣрности. Въ самомъ Новгородѣ смуты въ это время достигли громадныхъ размѣровъ. Одна партія стояла за Всеволода, другая противъ него; за семь лѣтъ въ Новгородѣ смѣнилось пять посадниковъ, избиравшихся то той, то другой партіей, смотря по тому, которая изъ нихъ брала перевѣсъ. Въ концѣ концовъ побѣдила было народная партія, Всеволода судили торжественно на вѣчѣ и, обвинивши въ томъ, что онъ угождалъ только боярамъ и притѣснялъ простой народъ, изгнали изъ Новгорода. Но боярская партія не считала своего дѣла проиграннымъ и послѣ неудавшагося заговора противъ избраннаго народной партіей Святослава Ольговича продолжала свои происки. Въ концѣ концовъ, побѣда осталась на сторонѣ боярской партіи; ей удалось возстановить противъ Новгорода почти всѣхъ потомковъ Владиміра Мономаха. Князья кіевскій, суздальскій, смоленскій и полоцкій преградили доступъ хлѣба въ Новгородъ изъ своихъ земель, и послѣ цѣлаго лѣта голода народная партія была вынуждена уступить, и бояре избрали князя суздальскаго, Юрія Долгорукаго, который прислалъ вмѣсто себя сына своего Ростислава; съ этого времени начинается борьба уже не съ кіевскими князьями, а съ возвысившимися въ это время суздальскими.

Борьба съ суздальскими князьями.

Въ этой борьбѣ интересы обѣихъ партій, народной и боярской, обозначились и обособились очень рѣзко. Стараясь пригласить къ себѣ кого-либо изъ суздальскихъ князей, бояре тѣмъ самымъ думали увеличить свою власть. Сильный князь,

игравшій на руку боярамъ, конечно, сильно помогалъ бы увеличенію ихъ власти. Съ другой стороны, и купцамъ и боярамъ было выгодно имѣть самыя тѣсныя сношенія съ Суздальской землей, ибо къ этому вынуждали ихъ торговые интересы. Съ другой стороны, наученная горькимъ опытомъ народная партія старалась изо всѣхъ силъ противиться боярскимъ претензіямъ. Особенно усиливало и обостряло эту борьбу и то обстоятельство, что суздальскіе князья были значительно сильнѣе князей кіевскихъ и обладали громаднымъ стремленіемъ къ увеличенію своихъ удѣловъ. Борьба съ суздальскими князьями началась почти тотчасъ же послѣ того, какъ Ростиславъ сѣлъ на новгородскій столъ.

Борьба съ Юріемъ Долгорукимъ была оченъ упорна и тянулась почти непрерывно впродолженіе девятнадцати лѣтъ. Постоянныя смуты въ Новгородѣ, доходившія часто до кровопролитія и настоящихъ междуусобныхъ войнъ, частыя пораженія, наносимыя новгородскимъ войскамъ Юріемъ, опустошеніе земель—все это тяжело отразилось на новгородской землѣ. Въ конечномъ счетѣ побѣда осталась на сторонѣ новгородцевъ, и притязаніи Юрія не имѣли успѣха. Сильно помогало новгородцамъ то обстоятельство, что Юрію приходилось одновременно вести борьбу за великокняжескій кіевскій столъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ.

Послѣ смерти Юрія во Владимірѣ княжилъ его сынъ Андрей Боголюбскій. Съ этимъ княземъ борьба была еще труднѣе, чѣмъ съ Юріемъ, но въ этой борьбѣ Андрею не удалось побѣдить новгородцевъ въ открытой битвѣ. Андрей Боголюбскій былъ приглашенъ въ Новгородъ боярской партіей, но присылаемые имъ князья вели себя настолько своевольно, что народная партія приложила всѣ усилія, чтобы свергнуть ненавистную зависимость. Андрей, убѣдившись, что Новгородъ нельзя взять силой, рѣшилъ прекратить въ Новгородъ подвозъ хлѣба и этимъ обрекъ страну на голодъ. Новгородцы вынуждены были покориться и, изгнавши Романа, пригласили сына Андрея, Юрія. На этомъ не закончилась борьба Новгорода съ суздальскими князьями. Притѣсненія и обиды, которыя они терпѣли отъ своевластныхъ суздальскихъ князей, застав-

ляли ихъ постоянно возставать противъ суздальцевъ и стараться свергнуть ихъ власть.

Особенно были возмущены новгородцы противъ Всеволода Юрьевича. Посаженный имъ князь Святославъ не исполнялъ никакихъ постановленій вѣча и правилъ въ Новгородѣ, какъ самовластный князь, а Всеволодъ у себя, въ Суздальской землѣ, задерживалъ, грабилъ и всячески притѣснялъ новгородскихъ купцовъ. Одновременно съ этимъ Новгородъ много терпѣлъ отъ частыхъ нападеній нѣмцевъ и финскихъ племенъ. Это печальное положеніе вещей разрѣшилось побѣдой народной партіи и приглашеніемъ въ Новгородъ знаменитаго своими подвигами Мстислава Мстиславовича Удалого (внука Ростислава Мстиславовича Монамоховича, изъ смоленскихъ князей). Военная слава, окружавшая этого князя, была настолько велика, что онъ безъ всякаго сопротивленія занялъ Новгородъ, и при немъ суздальскіе князья не смѣли выступать противъ новгородцевъ открыто. Пользуясь наступившимъ затишьемъ въ борьбѣ съ суздальцами, Мстиславъ Удалой жестоко наказалъ возставшую Чудь и возстановилъ порядокъ въ Новгородской землѣ. Но слава и доблести этого князя не избавили его отъ заговора со стороны бояръ. Узнавъ о готовившемся заговорѣ, Мстиславъ покинулъ Новгородъ и уѣхалъ въ Галичъ. Съ его отъѣздомъ начались новыя притѣсненія со стороны выбраннаго боярами князя Ярослава Всеволодовича. Его княженіе кончилось тѣмъ, что, разссорившись и со своей партіей и съ народной, онъ выѣхалъ изъ Новгорода, занялъ Торжокъ и не пропускалъ въ Новгородъ хлѣба. У новгородцевъ былъ какъ разъ сильный неурожай, и начался страшный голодъ. „И были тогда, по словамъ лѣтописца, въ Новгородѣ печаль и вопль“.

Новгородцамъ пришлось опять обратиться къ Мстиславу. Онъ прибылъ 1216 году въ Новгородъ, немедленно заковалъ Ярославова намѣстника и на вѣчѣ сказалъ новгородцамъ: „Либо возвращу новгородскихъ мужей въ новгородскія земли, либо голову сложу за Великій Новгородъ!“ Вѣче, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтило ему: „На жизнь и на смерть съ тобою!“ Отъ Ярослава потребовали, чтобы онъ ушелъ изъ Торжка, но онъ заковалъ посольство и разослалъ его по различнымъ суздальскимъ городамъ. Тогда было окончательно рѣшено итти

войной на Ярослава. Кстати, нашлась для новгородцевъ поддержка въ лицѣ брата Ярослава, Константина, котораго тотъ обидѣлъ при дѣлежѣ отцовскаго наслѣдства. Съ другой стороны и Ярославъ призвалъ себѣ союзникомъ брата своего Юрія. Войско Мстислава и Константина опустошило берега Волги и встрѣтилось съ непріятельскимъ недалеко отъ города Юрьева. Войска сошлись подлѣ рѣки Липицы и нѣкоторое время не вступали въ бой. Мстиславъ послалъ посольство къ Юрію, которое сказало ему: „Клянемся тебѣ, съ тобой нѣтъ намъ обиды, обидѣлъ насъ Ярославъ". Юрій отвѣтилъ имъ: „Мы одинъ братъ съ Ярославомъ". Переговоры съ Ярославомъ тоже не имѣли успѣха. Послали второе посольство, которое выдвигало на первый планъ обиды, нанесенныя Константину. „Князь Юрій, — говорили послы, — мы пришли не кровь проливать, а управиться между собою. Мы единое племя; дай старѣйшинство брату своему Константину и посади его во Владимірѣ, а вамъ вся суздальская земля". Право на владимірскій столъ было на сторонѣ Константина, и нѣкоторые старые бояре Юрія на совѣтѣ сомнѣвались въ правильности Юрьевыхъ притязаній. Но одержали верхъ молодые бояре города, кричавшіе: „Не бывало никогда того ни при нашихъ прадѣдахъ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ въ Суздальскую землю съ ратью и вышелъ изъ нея цѣлъ". А Ярославъ, надѣясь на свою силу, велѣлъ сказать новгородцамъ: „Не хочу мира, у меня есть мужи! далеко вы зашли, а вышли, какъ рыбы на сухо".

Послѣ этихъ переговоровъ сраженіе было неизбѣжно и принимало характеръ судебнаго поединка, Божьяго суда, гдѣ должна была рѣшиться правота той или иной стороны. Обѣ стороны выбрали для сраженія мѣсто у рѣки Липицы. Всю ночь войска стягивались къ назначенному мѣсту, а наутро оказалось, что суздальскія войска заняли позицію не на ровномъ мѣстѣ, а на горѣ. Когда новгородцы указали имъ на это и потребовали, чтобы они сошли на ровное мѣсто, какъ было условлено раньше, они отвѣтили: „Ступайте, ступайте черезъ болота и дебри: свиньямъ обычно ходить по дебрямъ и корнямъ и въ грязяхъ валяться!" Долго суздальцы уклонялись отъ боя, и новгородцамъ пришлось пуститься на хитрость, чтобы

Липицкая битва.

заставить ихъ вступить въ бой. Мстиславъ, видя нерѣшительность суздальцевъ, приказалъ своимъ войскамъ отступать, а суздальцы, увидѣвъ это отступленіе, рѣшили, что враги бѣгутъ, и напали на нихъ. Тогда новгородцы повернулись обратно, и началась битва. Битва была очень упорна и окончилась полной побѣдой новгородцевъ.

Побѣда была полная и рѣшительная. Новгородъ этой битвой не только воротилъ себѣ свою самостоятельность, но и даже, вмѣшавшись въ ссору Ярослава и Константина, своей волей какъ бы вернулъ великокняжескій столъ Константину. Великое нравственное значеніе Новгорода было весьма поднято этой побѣдой, новгородцы какъ бы распоряжались теперь великокняжескимъ столомъ. Но недолго пришлось имъ торжествовать побѣду. Галицкія дѣла требовали присутствія Мстислава, да и ему самому не сидѣлось безъ дѣла: „Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ лечь у гроба отца моего у св. Софіи!“ говорилъ передъ отъѣздомъ князь на вѣчѣ.

Мстиславъ Удалой выѣхалъ изъ Новгорода; боярская партія вновь подняла голову,—и вновь начались безконечныя смуты. Въ 1218 году уѣхалъ изъ Новгорода Мстиславъ, а уже черезъ четыре года боярской партіи удалось посадить на новгородскій столъ того самого Ярослава, противъ котораго всѣ новгородцы, по настоянію народной партіи, такъ побѣдоносно сражались. Послѣ Ярослава начались опять междоусобія, одни князья смѣняли другихъ, и борьба партій крайне обострилась, потому что какъ разъ въ это время начались нѣкоторыя измѣненія въ обѣихъ партіяхъ. Уже не народная партія, а боярская не могла ужиться съ князьями. Князья постоянно уходятъ изъ Новгорода, въ самомъ Новгородѣ смуты доходятъ до того, что обѣ партіи берутся неоднократно за оружіе, и на улицахъ Новгорода происходятъ ожесточенныя битвы, а тутъ еще громадное бѣдствіе постигло Новгородъ. Въ 1230 году случился страшный голодъ. Такого голода не запоминали старожилы. Трупы людей, умершихъ голодной смертью, валялись по улицамъ, многіе отъ голода начали ѣсть человѣческіе трупы. Доходило до того, что нѣкоторые рѣзали живыхъ людей и ѣли, изъ-за хлѣба рѣзались другъ съ другомъ, родители продавали своихъ дѣтей въ

рабство прiѣзжимъ купцамъ, лишь бы получить немного хлѣба. Въ это время боярская партiя старалась пригласить прежняго князя Ярослава. Народная партiя, послѣ неудачныхъ попытокъ сопротивленiя, вынуждена была пойти на уступки. Ярославъ прiѣхалъ въ Новгородъ, и народная партiя добилась только того, что Ярославъ цѣловалъ крестъ въ томъ, что онъ будетъ сохранять вольности и права, которыя далъ Новгороду Ярославъ Мудрый. Пять лѣтъ прожилъ Ярославъ въ Новгородѣ и за время своего княженiя совершилъ два удачныхъ похода на нѣмцевъ и на литву. Эти побѣды утвердили его власть въ Новгородѣ настолько, что при его возвращенiи изъ литовскаго похода народъ встрѣчалъ его, какъ своего избавителя. Въ 1235 году Ярославъ уѣхалъ изъ Новгорода и оставилъ въ немъ княжить своего сына Александра.

Положенiе Новгорода во время татарскаго владычества.

Послѣ Ярослава заканчивается борьба Новгорода съ судальскимъ княжествомъ. Дорого стоила эта борьба новгородцамъ и все-таки они не вышли изъ нея побѣдителями. Александръ княжилъ у нихъ не по избранiю новгородскому, а по желанiю своего отца. Ясно, что и въ дальнѣйшемъ новгородцамъ пришлось бы окончательно покориться суздальскимъ князьямъ, ибо все болѣе и болѣе росла въ Новгородѣ боярская партiя и все сильнѣе и сильнѣе становились суздальскiе князья; но въ это время надъ всей Русью пронеслась страшная гроза татарскаго нашествiя, и суздальскимъ князьямъ пришлось обратить свое вниманiе на новаго, дотолѣ неизвѣстнаго, страшнаго врага и оставить свои притязанiя на Новгородскую область. Но татарское нашествiе имѣло и другое влiянiе на жизнь Великаго Новгорода: татары заняли и разорили южную Русь и расположились по Волгѣ, благодаря этому торговля и связь новгородцевъ съ южной и восточной Россiей ослабла и даже совершенно прекратилась. Естественно, что это должно было заставить новгородцевъ особенно усилить свою торговлю съ нѣмцами и вообще съ западно-европейскими государствами. Эта торговля и поддержала силу и славу Великаго Новгорода. Въ то время, какъ вся Русь была опустошена и разорена, Новгородъ продолжалъ процвѣтать. Какъ разъ это несчастное время для Руси было для новгородцевъ самымъ лучшимъ временемъ. XIII и XIV вѣка были именно временемъ расцвѣта торговли, силы и

славы Великаго Новгорода. Но торговыя связи съ западной Европой заставляли новгородцевъ постоянно сталкиваться съ нѣмцами, которые утвердились окончательно на рѣкѣ Западной Двинѣ и основали тамъ свой городъ Ригу въ 1210 году. Вообще же западные сосѣди тревожили новгородцевъ. Литва продолжала безпокоить новгородцевъ своими набѣгами, а шведы въ соединеніи съ ливонцами задумывали окончательно покорить Новгородскую землю. Но, не смотря на всѣ испытанныя несчастья, Новгородъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы отражать нападенія враговъ. Побѣды надъ ливонцами и шведами обѣ связаны съ именемъ князя Александра, котораго новгородцамъ оставилъ Ярославъ. Въ жестокой битвѣ онъ наголову разбилъ шведовъ, у которыхъ оказалось убитыхъ однихъ вождей столько, что ихъ трупами наполнили три корабля. Эта побѣда доставила славу Великому Новгороду и надолго отбила у шведовъ охоту нападать на Новгородскія владѣнія. За свою храбрость и умѣнье, показанныя въ этой битвѣ, князь Александръ получилъ названіе Невскаго.

Невская битва.

Эта побѣда и вся слава, доставшаяся съ ней новгородцамъ, не могли, однако, усмирить и успокоить новгородскія партіи, да и самъ князь Александръ, гордый и любившій полную покорность, не могъ ужиться съ новгородцами. Вскорѣ онъ покинулъ страну, а съ его отъѣздомъ опять начались въ Новгородѣ смуты, дошедшія до сраженій между самими новгородцами и окончательно ослабившія Новгородскую землю. Этими раздорами воспользовались нѣмцы. Они, соединившись съ литовцами, напали на Новгородскую землю. Это нападеніе сопровождалось страшнымъ опустошеніемъ. Огнемъ и мечемъ прошли ливонцы по Новгородской землѣ и только 30 верстъ не дошли до Новгорода. Стѣсненные новгородцы вспомнили объ Александрѣ и послали за нимъ посольство. Александръ быстро поправилъ новгородскія дѣла. Въ удачномъ походѣ на нѣмцевъ онъ неоднократно разбивалъ ихъ войска и успѣлъ разрушить городъ, основанный нѣмцами на новгородской землѣ, и возвратилъ Новгороду его области. Рѣшительная битва съ ливонцами произошла зимой въ 1241 году на льду Чудского озера. Александръ нанесъ нѣмцамъ рѣшительное пораженіе и

Ледовое побоище.

массу нѣмецкихъ рыцарей взялъ въ плѣнъ. Послѣ этихъ побѣдъ Александръ побѣдилъ и усмирилъ и литовцевъ.

Александръ недолго оставался въ Новгородѣ. Въ 1253 году, узнавъ о смерти отца, онъ поѣхалъ къ хану получить ярлыкъ на великое княженіе, а у новгородцевъ тотчасъ опять начались смуты, и враги ихъ, литовцы и нѣмцы, продолжали нападать на Новгородъ, но на этотъ разъ безуспѣшно. Новгородцы отбивали всѣ нападенія и наносили имъ одно пораженіе за другимъ. Въ 1257 году произошли опять безпорядки въ Новгородѣ; тамъ княжилъ въ это время Василій, сынъ Александра Невскаго, ставшаго въ это время великимъ княземъ. Въ Новгородъ пришло извѣстіе, что въ немъ будетъ совершена перепись, и всѣ граждане должны будутъ платить поголовную подать хану. Новгородцы возмутились, перебили ханскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ Новгородъ для переписи, и даже возстановили своего князя Василія противъ отца. Александръ Невскій, узнавъ объ этомъ, страшно разсердился, пошелъ походомъ на Новгородъ и усмирилъ новгородцевъ. Этотъ князь хорошо понималъ, что съ татарами нужно жить по возможности въ мирѣ, что Русская земля недостаточно сильна для того, чтобы возстать противъ этихъ сильныхъ враговъ, и поэтому такъ сильно и наказалъ новгородцевъ за ихъ непокорность татарамъ.

Таково было положеніе Новгородской земли ко времени выступленія на политическую арену Московскаго великаго княженія.

А. Гнѣвушевъ.

Промышленность и торговля древней Руси *).

I.

Торговля и промышленность въ древней Руси имѣли огромное значеніе. Въ противоположность позднѣйшему времени, когда Русь была почти исключительно земледѣльческой, древняя приднѣпровская Русь была по преимуществу торговой и промышленной. Чтобы представить себѣ размѣры и условія торговли, надо, прежде всего, выяснить, какіе продукты для торговаго обмѣна могла поставлять тогдашняя Русь. Промышленность, какъ извѣстно, дѣлится на добывающую, къ которой относится и сельское хозяйство, и обрабатывающую. Первые два вида промышленности исключительно зависятъ отъ природныхъ условій данной страны, а въ древнее время въ такой же зависимости отъ природы большею частью находилась и обрабатывающая промышленность.

Вліяніе природныхъ условій древней Руси на характеръ промышленности.

Древняя Русь занимала часть громадной равнины, больше чѣмъ наполовину покрытой дремучими лѣсами, удаленной со всѣхъ сторонъ отъ морского берега. Только южная часть ея, спускавшаяся къ Черному и Каспійскому морямъ, была менѣе лѣсиста и постепенно переходила въ открытую, ровную степь. Климатъ восточно-европейской равнины гораздо суровѣе западныхъ странъ, съ рѣзкими перемѣнами, весьма жаркій лѣтомъ

*) *Важн. литература*: *Аристовъ*. „Промышленность древней Руси"; *Бережковъ*. „О торговлѣ Руси съ Ганзой"; *Забѣлинъ*. „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ"; *Никитскій*. „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода"; *Черепнинъ*. „О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ"—Труды XI Археологическаго съѣзда; *Прозоровскій*. „Монета и вѣсъ въ Россіи"; *Мрочекъ-Дроздовскій*. „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды"; *Голубовскій*. „Исторія Смоленской земли".

и доходившій до трескучихъ морозовъ зимой. Природа требовала здѣсь большихъ усилій со стороны человѣка для того, чтобы сдѣлать ее обитаемой. Такова была страна, выпавшая на долю русскихъ славянъ. Двѣ отличительныя черты составляли основной фонъ ея природы: лѣсъ и степь—поле. Къ этимъ двумъ ея основнымъ свойствамъ должны были примѣняться славяне, разселяясь по ней. Лѣсъ указывалъ на охоту и пчеловодство, какъ на главныя занятія жителей, а поле—на хлѣбопашество. Несмотря на дикость природы, юго-восточная Европа еще во времена Геродота, за пять вѣковъ до Р. Х., когда нашу страну заселяли скиѳы, славилась среди грековъ богатствомъ естественныхъ даровъ природы, которыхъ недоставало промышленному югу. Греки знали, что днѣпровскіе берега отличались плодородіемъ и всегда служили имъ житницей; что въ устьяхъ большихъ рѣкъ и въ Азовскомъ морѣ ловилось невѣроятное множество рыбы, что дальше, въ лѣсахъ, водилось такое обиліе пчелъ, что онѣ, по разсказамъ, заграждали дальнѣйшій путь на сѣверъ; пчелы доставляли медъ и воскъ, одну изъ главныхъ статей торговли туземцевъ съ иностранцами. Но больше всего славился дальній сѣверъ мѣхами пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, чернобурыхъ лисицъ, куницъ. Такимъ образомъ, мѣха, медъ и воскъ были главными статьями вывоза изъ восточной Европы съ древнѣйшихъ временъ. Многочисленныя греческія колоніи, разсыпанныя по черноморскимъ берегамъ между устьями Дуная и Дона, вели оживленную торговлю съ нашимъ краемъ.

Послѣ Геродота прошли вѣка, прежде чѣмъ восточная Европа стала славянской землей. Но видъ и характеръ ея мало измѣнились, и промыслы населенія остались тѣ же. Очень понятно поэтому, что занятія жителей сосредоточились на лѣсныхъ и рыбныхъ промыслахъ и на земледѣліи.

Земледѣліе является однимъ изъ древнѣйшихъ занятій у русскихъ славянъ. Но оно въ древности было сопряжено съ большими трудностями. Земледѣліе.

Землю для пашни населенію приходилось отвоевывать изъ-подъ вѣковыхъ лѣсовъ. Это обстоятельство опредѣляло самую систему примитивнаго, такъ называемаго подсѣчнаго, хозяйства. Въ томъ мѣстѣ, которое облюбовали для пашни, лѣтомъ обыкно-

венно, рубили деревья и поросли и оставляли ихъ лежать на зиму. Весной деревья сжигали и такимъ образомъ освобождали мѣсто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобряли почву для посѣва. Такое вновь расчищенное изъ-подъ лѣса поле называлось „ляда", а пашни, засѣвавшіяся уже не разъ, назывались „старины". Орудія обработки были въ древнія времена у русскихъ славянъ почти тѣ же, какія мы встрѣчаемъ въ современномъ крестьянскомъ быту, а именно: „рало", или соха, плугъ, борона, серпы, косы: вспаханное поле называлось „ролья", а современному глаголу „пахать" соотвѣтствовало „орати". Изъ хлѣбныхъ растеній сѣялись: рожь, ячмень, пшеница, овесъ, горохъ, капуста, хмель, ленъ, конопля, пенька.

Охота. Но въ древнѣйшее время населеніе приднѣпровской Руси отдавало предпочтеніе не земледѣлію, а охотничьимъ промысламъ: послѣдніе давали товаръ, на который можно было вымѣнять любой иностранный предметъ; значитъ, товаръ, т.-е. мѣха, служилъ даже орудіемъ обмѣна, подобно деньгамъ. Земледѣліе же, напротивъ, служило только для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія, и продукты его не могли быть легко переправляемы изъ одной мѣстности въ другую. Кромѣ того, среднее и верхнее Приднѣпровье изобиловало лѣсами при довольно скудной для земледѣлія почвѣ. Къ югу отъ Кіева открывались богатыя черноземныя равнины, но онѣ часто служили гнѣздомъ для степняковъ-кочевниковъ, разбойничьи набѣги которыхъ препятствовали развитію хлѣбопашества у славянъ.

Древняя лѣтопись постоянно говоритъ о звѣриномъ промыслѣ, которымъ занимались славяне. На дикихъ звѣрей охотились всѣ: князья, дружинники и простые поселяне. Мясо убитыхъ звѣрей шло въ пищу, кожи и мѣха—для теплой одежды, мѣха рѣдкихъ звѣрей, соболей, куницъ, шли для украшенія богатой одежды. Излишекъ всѣхъ этихъ товаровъ сбывали на сторону. Особенно много ихъ скоплялось у князей, которые брали дань съ населенія натурой, т.-е. мѣхами, воскомъ, медомъ и проч. Въ древнихъ русскихъ памятникахъ встрѣчаются слѣдующія названія звѣрей, которые были предметомъ охоты: пардусъ или рысь, туръ или зубръ, буйволъ, лось, олень, серна, дикая коза, вепрь или кабанъ, медвѣдь,

волкъ, лисица, куница, боберъ, соболь, бѣлка, горностай, выдра, хорекъ, заяцъ.

Способъ и пріемы охоты были приблизительно тѣ же, которые и нынѣ примѣняются въ глухихъ сѣверныхъ лѣсахъ Россіи. Непроходимые лѣса требовали громадныхъ усилій для того, чтобы извлекать изъ нихъ пользу. Прежде всего, нужно было расчищать, прорубать пути въ лѣсу, чтобы имѣть возможность проникнуть въ эту дикую чащу. И вотъ славянинъ шелъ съ топоромъ въ лѣсу и прорубалъ себѣ путь. Отсюда выраженіе „итти въ путь“ значитъ итти на промыселъ. Дорога въ лѣсу нужна, во-первыхъ, для того, чтобы не заблудиться и найти выходъ обратно, а во-вторыхъ,—чтобы разставлять на ней силки, тенета для птицъ, западни для звѣрей, борти для пчелъ. Разъ топоръ извѣстнаго человѣка прорубилъ такую дорогу, она считается собственностью этого человѣка и переходитъ по наслѣдству къ его дѣтямъ и внукамъ, точно также, какъ нѣкогда считалось собственностью поселянина поле, впервые распаханное его сохою и плугомъ; отсюда становится понятнымъ выраженіе, которое встрѣчается въ нашихъ памятникахъ для обозначенія предѣловъ владѣнія: „куда плугъ, куда соха ходила, куда коса ходила, куда топоръ ходилъ“.

Лѣсные промыслы.

Обиліе лѣсовъ представляло богатый матеріалъ и для собственно лѣсного производства. Такъ, извѣстно, что въ смоленской землѣ въ огромномъ количествѣ гналась смола, которая шла какъ для мѣстнаго употребленія, такъ и для вывоза за границу. Археологическія раскопки, представляющія вообще чрезвычайно важныя данныя для характеристики состоянія промышленности въ древней Руси, свидѣтельствуютъ, какіе большіе запасы смолы заготовлялись и иногда оставались непроданными. Въ 1865 г. въ Рославльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи найдены были такіе древніе запасы смолы въ видѣ кургановъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ огромные вѣковые деревья рубились и сплавлялись внизъ по Днѣпру и Западной Двинѣ; иногда изъ нихъ на мѣстѣ приготовлялись доски и колья, служившіе также предметомъ вывоза. Племя кривичей было извѣстно выдѣлкой лодокъ-однодревокъ, которыя весной они сплавляли по Днѣпру въ Кіевъ, и вели тамъ большой

торгъ этимъ товаромъ. Для домашняго обихода изъ дерева приготовлялись сани, бочки, кадки и проч. домашняя утварь.

Бортничество.

Пчелиный промыселъ назывался въ древности *бортничествомъ*, отъ слова борть—пустое, выдолбленное дерево; отсюда „бортные ухожаи" — пчелиныя угодья—пасѣки въ лѣсу, принадлежащія извѣстному лицу. Бортничествомъ русскіе занимались еще въ языческую эпоху, и о существованіи бортныхъ ухожаевъ упоминается во всѣхъ русскихъ областяхъ. Области Муромская и Рязанская, въ юго-западной Руси—Подолія, издавна славились производствомъ меда и воска. Въ Русской Правдѣ упоминаются „княжи борти"; князья имѣли свои бортныя угодья, въ которыхъ держали своихъ бортниковъ; нѣкоторыя борти князья сдавали на оброкъ, въ аренду; желающіе селились въ лѣсу на княжескихъ угодьяхъ и сами промышляли въ свою пользу, уплачивая въ княжескую казну опредѣленное количество меду и воску по условію. Если князья собирали дань медомъ и воскомъ, то, слѣдовательно, бортный промыселъ былъ очень распространенъ въ массѣ населенія; иначе онъ не могъ бы служить предметомъ дани. Былъ даже извѣстный классъ промышленниковъ - бортниковъ, которые занимались спеціально этою отраслью производства и, конечно, не для своего только потребленія, но для торговаго сбыта.

Предметы внѣшней торговли.

Такимъ образомъ, мѣха, медъ и воскъ, предметы натуральной, добывающей промышленности, вотъ—главные товары древней Руси. Была еще одна важная статья русскаго вывоза, это—живой товаръ, невольники. Византійскіе и арабскіе историки краснорѣчиво описываютъ русскіе невольничьи рынки за границей, въ Константинополѣ и приволжскихъ хазарскихъ городахъ; здѣсь на торговыхъ площадяхъ разставлялись цѣлыя толпы рабовъ всякаго пола и возроста; тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣвушки. Рабовъ доставляла русскимъ война, какъ съ чужеземцами, такъ равно и со своими единоплеменниками, такъ какъ наши предки славяне не отличались большимъ миролюбіемъ по отношенію другъ къ другу. Взятые въ плѣнъ на войнѣ обращались въ рабство.

Продукты, доставляемые скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, солевареніемъ, также сбывались, но они имѣли меньше значенія въ торговомъ оборотѣ.

Мы поймемъ значеніе торговли въ древнерусскія времена, если присмотримся къ процессу зарожденія городовъ на Руси, однимъ изъ важныхъ факторовъ котораго была торговля. Нашъ лѣтописецъ, начиная свою повѣсть о началѣ русской земли, упоминаетъ о большихъ городахъ: Кіевѣ, Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Новгородѣ; но о началѣ ихъ онъ ничего не говоритъ, и, очевидно, самъ ничего не знаетъ о томъ, откуда взялись такіе большіе торговые города, какъ Кіевъ и Новгородъ. При выясненіи этого вопроса обращаетъ на себя вниманіе одинъ фактъ: всѣ древнѣйшіе крупные города вытянулись въ линію по р. Днѣпру и его притокамъ. Днѣпръ былъ издавна большой столбовой торговой дорогой, соединявшей греческій югъ съ варяжскимъ сѣверомъ. Тутъ проходилъ знаменитый встарину путь „изъ варягъ въ греки“. Еще задолго до Р. Хр. проложенъ былъ этотъ путь греками. Главной приманкой для греческихъ купцовъ былъ первоначально одинъ драгоцѣнный товаръ, который можно было достать на небольшомъ по пространству мѣстѣ на всемъ земномъ шарѣ, на берегу Балтійскаго моря, гдѣ позднѣе поселились балтійскіе славяне. Этимъ дорогимъ товаромъ былъ янтарь, который шелъ въ цѣнѣ наравнѣ съ золотомъ *). Какъ ни старались хитрые греки сохранить за собой монополію въ торговлѣ янтаремъ и оставить въ тайнѣ путь, по которому они вывозили его, вслѣдъ за ними стали проникать туда римскіе отважные путешественники и купцы. Живымъ доказательствомъ этого торговаго движенія является множество монетъ, находимыхъ преимущественно въ погребальныхъ урнахъ по южному балтійскому побережью отъ р. Вислы до самого Финскаго залива. Между ними есть древнія греческія монеты: аѳинскія, сиракузскія, македонскія, много римскихъ монетъ временъ имп. Марка Аврелія и Антониновъ, наконецъ, встрѣчаются монеты византійскія, арабскія, германскія. Кромѣ того, при раскопкахъ въ тѣхъ мѣстахъ найдено много римскихъ издѣлій изъ дорогихъ металловъ, изъ бронзы, серебра и золота; найдена, между прочимъ, римская могила, гдѣ стояла урна съ

Значеніе торговли.

*) Въ Греціи, на островахъ архипелага и Малой Азіи, янтарь употреблялся, какъ драгоцѣннѣйшее куреніе въ храмахъ боговъ и палатахъ царей, и какъ самое лучшее украшеніе одежды.

латинской надписью о лицѣ покойника. Такимъ образомъ, эти наглядные показатели посѣщенія балтійскихъ береговъ торговыми людьми съ цѣлью торговаго обмѣна идутъ непрерывно, начинаясь за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и продолжаясь до XII столѣтія нашей эры. Вотъ гдѣ нужно искать начала образованія того пути по Днѣпру, который описываетъ русскій лѣтописецъ. Отсюда понятнымъ становится, почему Днѣпръ такъ манилъ къ себѣ славянское населеніе. Днѣпръ вообще сыгралъ очень важную роль въ древнѣйшей русской исторіи. Онъ былъ главной дорогой, по которой шла славяно-русская колонизація; Днѣпръ соединялъ славянскія племена съ остальнымъ торговымъ міромъ; естественно, что на немъ выросли древнѣйшіе большіе русскіе города. Кіевъ, расположенный на пограничьѣ съ Днѣпровской степью, замыкалъ рядъ этихъ городовъ; выгодное положеніе, занятое имъ, скоро сдѣлано его ключомъ всей русской торговли и сообщило ему притягательную силу въ глазахъ русскихъ князей.

Денежные знаки древней Руси.

Познакомившись съ матерьяломъ, служившимъ для торговли, перейдемъ къ денежнымъ знакамъ, которые являются важнымъ орудіемъ въ торговлѣ. Слово деньги—татарскаго происхожденія и въ русскомъ разговорномъ и литературномъ языкѣ не встрѣчается до XIII в. Въ исторіи развитія нашей денежной системы наблюдается такая постепенность. Въ самую глубокую старину у славянъ вспомогательнымъ способомъ обмѣна, мѣновой единицей цѣнности, служилъ скотъ. Затѣмъ на денежномъ рынкѣ его замѣняетъ менѣе громоздкая цѣнность; пушной товаръ, мѣха и шкурки звѣрей. Какъ пережитокъ этой отдаленной эпохи, остались термины: *скотъ* и *куны* (отъ слова *куницы*), которые употребляются еще въ эпоху Русской Правды вмѣсто слова *деньги*, а затѣмъ—названія: *куны*, *бѣлки*, *вѣкши*, служащія для обозначенія нѣкоторыхъ видовъ старинной металлической монеты. Обиліе находимыхъ на пространствѣ восточной Европы денежныхъ кладовъ свидѣтельствуетъ, что славяне уже съ конца VIII в. вели не только мѣновую торговлю, но и получали за свои товары монеты арабскія, византійскія и западно-европейскія. Въ особенности до XI в. много шло денегъ на Русь съ востока, отъ арабовъ. По этому поводу одинъ русскій изслѣдователь-археологъ говоритъ: „Денегъ съ востока, денегъ VIII—X вѣка, было въ

землѣ Русской множество: это доказываютъ безпрерывно умножающіяся находки кладовъ, находки случайныя, находки только одной части того, что въ свое время было зарываемо кладами. Ихъ открываютъ во всѣхъ областяхъ древней Руси въ очень разныхъ мѣстахъ, въ столь разныхъ, что не должно сомнѣваться въ томъ, что не какіе-нибудь одни пришельцы, колонисты, а коренные жители клали эти клады, сберегая отъ насильниковъ пришельцевъ“ *). Дѣйствительно, арабскія деньги, такъ называемые диргемы, были въ такомъ ходу среди русскихъ славянъ, что въ концѣ IX в., какъ видно изъ лѣтописи, племя радимичей этими деньгами платило дань, сначала хазарамъ, а потомъ кіевскому князю Олегу. На основаніи этихъ же кладовъ видно, что на Руси была въ ходу почти исключительно серебряная монета, какъ заграничная, такъ и, позднѣе, своя русская; мѣдной монеты совсѣмъ не встрѣчается, золотой было немного. Наши предки въ данномъ случаѣ поступали такъ же, какъ и многіе другіе народы, которые до введенія монеты своего чекана употребляли монету сосѣднихъ государствъ, стоявшихъ по культурѣ и политическому строю на болѣе высокой ступени развитія. До XI в. арабскій диргемъ былъ преобладающей монетой на Руси; съ X в., когда торговля съ Востокомъ у насъ начинаетъ ослабѣвать, и усиливаются торговыя сношенія съ Византіей и западной Европой, на ряду съ диргемами идутъ греческія, англо-саксонскія, нѣмецкія и др. заграничныя монеты. Эти монеты наши предки старались приспособить къ своему обиходу. Цѣлый диргемъ**) представлялъ единицу значительной цѣнности; поэтому для торговли и другихъ житейскихъ нуждъ требовалась болѣе мелкая монета. Это затрудненіе устранялось просто: славяне мельчили монету, разрубая ее на части, разрубая на $^1/_2$, $^1/_4$ и т. д., до $^1/_{20}$ и даже $^1/_{24}$ цѣлаго диргема. Такой рубленой серебряной мелочи въ кладахъ встрѣчается очень много. Затѣмъ къ диргемамъ, къ опредѣлен-

*) Изъ болѣе значительныхъ кладовъ замѣчательны слѣдующіе: въ 1802 г. открытъ былъ кладъ близъ г. Великихъ Лукъ, по берегу р. Ловати, въ 7 пудовъ серебра. Въ 1868 г. около г. Мурома найденъ кладъ въ 11,000 монетъ, вѣсомъ въ $2^1/_2$ пуда.

**) Серебряная монета, вѣсившая до X в. 63-65 долей, а въ X и слѣд. в.—до 80 долей, стоила около 15 к. по современной цѣнѣ серебра. Стоимость же дорогихъ металловъ вообще была выше нынѣшней въ 8 разъ.

ному числу ихъ и къ дробнымъ частямъ диргема, они пріурочили свои, уже ранѣе бывшіе въ употребленіи для обозначенія денежныхъ цѣнностей, термины: гривны, ногаты, куны или рѣзаны, веверицы, бѣлы и вѣкши. Той же системы они придерживались и по отношенію къ византійской монетѣ.

Такимъ образомъ въ основу древне-русской денежной металлической системы легли иностранныя, арабскія и византійскія, денежныя системы, тѣмъ болѣе, что мелкая византійская серебряная монета, полумилліарезій *), по вѣсу приближался къ арабскому диргему (71—73 доли). Диргемы и полумилліарезіи ходили на Руси подъ названіемъ *кунъ* или *рѣзанъ*; 50 кунъ составляли *гривну кунъ*, $2^1/_2$ куны равнялись *ногатѣ*, каждая куна дѣлилась на *веверицы*, *бѣлы* и *вѣкши*. Приспособляясь къ такому счету, славяне перешли къ чеканкѣ своихъ собственныхъ національныхъ денежныхъ знаковъ. Такой древнѣйшей денежной единицей русскаго происхожденія и литья была *кіевская гривна*, употреблявшаяся уже въ концѣ IX и началѣ X в.в. Съ виду она представляетъ изъ себя серебряную шестиугольную толстую пластинку съ гладкой нижней и выпуклой ноздреватой верхней поверхостью **). Наряду съ гривной серебра была въ ходу и золотая гривна, хотя послѣдняя была мало распространена. По стоимости она равнялась 12 гривнамъ серебра. Были въ XI в.

---

*) 120-я часть греческой основной единицы вѣса, литры, равнявшейся 75 нашимъ золотникамъ.

**) Гривны въ разныхъ областяхъ: Кіевской, Смоленской и Новгородской, различались по вѣсу и формѣ. Вѣсомъ кіевская гривна, приближаясь къ греческой полулитрѣ ($37^1/_2$ золотниковъ), была не всегда одинакова, отъ 34—39 золотниковъ, въ зависимости отъ вѣса диргемовъ и милліарезій, который, по мѣрѣ приближенія къ XI в., возрасталъ. Поэтому, для сохраненія одинаковой стоимости между слиткомъ серебра русской гривны и 50 ходячими серебряными монетами, приходилось время отъ времени измѣнять вѣсъ денежныхъ гривенъ. Къ XIII в. кіевская гривна доходила до 46—48 золотниковъ и по вѣсу и внѣшнему виду стала приближаться къ новгородской полуфунтовой гривнѣ, въ основу которой была положена уже западно-европейская нѣмецкая полуфунтовая марка серебра. Къ тому времени русская торговля на востокѣ и югѣ упала, и первенствующее мѣсто заняла новгородская торговля съ Западомъ.

Въ XII—XIII ст. русская гривенная система осложняется, такъ какъ обнаруживается разница между *гривной кунъ*, какъ *счетной денежной единицей*, состоящей попрежнему изъ 50 ходячихъ монетъ, кунъ, и между

и чеканныя русскія металлическія монеты. Это доказываютъ найденные во второй половинѣ XIX въ Нѣжинѣ и Кіевѣ клады, состоящіе изъ золотыхъ монетъ (златницъ), вѣсомъ въ нашъ золотникъ съ небольшимъ, съ именемъ кн. Владиміра (не установлено—Св. или Мономаха), и серебряныя (сребреники) съ именами князя Владиміра, Святополка (Владиміровича) и Ярослава (Мудраго).

II.

Переходя къ изложенію вопроса о самомъ ходѣ торговыхъ сношеній въ древне-русскій періодъ исторіи, надо замѣтить, что торговый обмѣнъ между различными пунктами Руси, т.-е. внутренняя торговля была сравнительно невелика, такъ какъ отдѣльныя мѣстности не имѣли такихъ произведеній, которыми онѣ могли бы снабжать другія. Исключеніе составлялъ только Новгородъ, который въ цвѣтущее время своей жизни потреблялъ хлѣбъ, обрабатывавшійся въ другихъ областяхъ, и перепродавалъ товары, добывавшіеся и внѣ его территоріи. Напротивъ, внѣшняя торговля была весьма обширна, такъ какъ Русь лежала среди богатыхъ и очень торговыхъ странъ: Византіи, Хазаріи, Болгаріи и балтійскихъ нѣмецкихъ городовъ. Въ этой торговлѣ можно отмѣтить два періода: древнѣйшій, когда главная торговля идетъ чрезъ Кіевъ съ иностранными землями: Византіей, Черноморьемъ и Хазаріей; расцвѣтъ его относится къ

гривной серебра, серебрянымъ слиткомъ, который пріобрѣтаетъ значеніе опредѣленной *вѣсовой денежной единицы*. До XII в. онѣ были равноцѣнны, что видно изъ того, что въ лѣтописныхъ памятникахъ и Русской Правдѣ гривны не считаются на серебро или куны, а въ этихъ памятникахъ поставлено просто слово „гривна". Въ XIII ст. слово „гривна" уже постоянно сопровождается опредѣленіемъ—серебра или кунъ. Равноцѣнность гривны серебра и гривны кунъ нарушилась, стоимость гривны кунъ стала понижаться по отношенію къ стоимости гривны серебра, такъ что послѣдняя стала заключать въ себѣ двѣ и болѣе гривны кунъ. Это произошло вслѣдствіе того, что къ тому времени сократился на Руси притокъ диргемовъ и полумилліарезій, а взамѣнъ ихъ вошли въ обращеніе другія серебряныя западно-европейскія и отчасти византійскія монеты низшей стоимости, чѣмъ диргемы и полумилліарезіи; въ то время какъ число ихъ въ гривнѣ кунъ осталось прежнее—50, вѣсъ гривны серебра не уменьшался.

IX—X вв.; второй періодъ представляетъ значительное пониженіе торговли въ XI и XII вв. вслѣдствіе паденія Хазаріи и препятствій со стороны степняковъ, занявшихъ южное Поднѣпровье. Кіевъ постепенно уступаетъ первенствующее положеніе въ торговыхъ оборотахъ Вел. Новгороду, который является главнымъ очагомъ торговли съ нѣмцами.

Такимъ образомъ наша заграничная торговля въ древности шла на три главныя стороны: югъ, востокъ и западъ.

Торговля въ Византіей.

На югѣ торговыя сношенія славянскаго Приднѣпровья съ Византіей во второй половинѣ IX в. были уже въ полномъ ходу. Въ пользу рано установившихся сношеній Кіевскаго Приднѣпровья съ греками говорятъ какъ вещественные, такъ и письменные памятники старины. Въ кіевскихъ пещерахъ, которыя тянутся непрерывною цѣпью по берегу Днѣпра къ югу отъ Кіева на 20—30 верстъ, и въ курганахъ Кіевской губерніи найдены, помимо кладовъ съ византійскими монетами, различные предметы греческаго происхожденія: бронзовые шлемы, топоры и наконечники стрѣлъ, бронзовыя вазы греческой работы, золотыя украшенія отъ одежды, греческія амфоры для храненія вина и даже хорошо сохранившаяся росписная ваза III ст. до Р. Х.

Договоры Руси съ греками.

Начиная съ IX в. впродолженіе всего X и половины XI в. слѣдуетъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ походовъ кіевскихъ князей въ Византію *). Они обыкновенно заканчиваются мирными договорами торговаго характера, которые придаютъ всѣмъ имъ одинаковый смыслъ. До насъ дошли въ лѣтописи 2 договора Олега, одинъ договоръ Игоря и отрывокъ договора Святослава. Вотъ какія требованія предъявляютъ послы Олега послѣ его блестящаго похода па Царьградъ въ 907 г., поводомъ къ которому послужило, вѣроятно, нарушеніе греками договора, заключеннаго Аскольдомъ и Диромъ. Русскіе хотятъ, говорится въ договорѣ, чтобы греки безпрепятственно пропускали русскихъ купцовъ и сопровождавшихъ ихъ пословъ, принимали бы ихъ гостепріимно и давали содержаніе втеченіе полугода; не послѣднее мѣсто въ числѣ требованій

*) Всего 6 походовъ: походъ Аскольда и Дира, походъ Олега, два похода Игоря, одинъ—Святослава и одинъ Владиміра, сына в. к. Ярослава.

русскихъ, между прочимъ, занимаетъ баня: „да творятъ имъ (греки) мовь, сколько хотятъ",—характерная, національная черта; наконецъ, они требовали, чтобы греки снабжали ихъ провіантомъ и судоходными снастями на обратный путь. Греки вынуждены согласиться на такія льготныя для русской торговли условія; но они считаютъ русскихъ варварами и боятся ихъ, какъ огня. Этимъ объясняются ихъ мѣры предосторожности противъ русскихъ. Греки требуютъ, чтобы русскіе приходили не съ какими-либо другими цѣлями, а только съ мирными, торговыми; въ виду этого всѣ пришедшіе въ Византію русскіе должны быть переписаны греческими чиновниками; во-вторыхъ,—чтобы русскіе не безчинствовали въ столицѣ: „Пусть приходитъ Русь въ Царьградъ,—говорили греки,—но если придутъ безъ купли, то мѣсячины не получаютъ. Да запретитъ князь своимъ словомъ, чтобы приходящая Русь не творила пакости въ нашихъ селахъ". Русскіе должны жить не въ городѣ, а въ окрестности его, около монастыря св. Мамонта, и входить въ городъ безъ оружія, не болѣе 50 человѣкъ заразъ. По договору Игоря 945 г. греки уже требуютъ отъ русскихъ людей особой грамоты, такъ сказать паспорта, который долженъ выдавать имъ кіевскій князь. Этотъ документъ являлся гарантіей, что русскіе пришли въ Константинополь „съ миромъ", съ торговыми, а не завоевательными цѣлями. Слѣдующее ограниченіе для русскихъ со стороны грековъ состояло въ томъ, чтобы всѣ приходившіе торговать руссы возвращались въ свою страну осенью и не оставались зимовать у св. Мамы. Это ограниченіе было вызвано тѣмъ, что многіе торговые русскіе люди, пользуясь правомъ гостей въ Константинополѣ и располагая полугодовымъ содержаніемъ по Олеговому договору, до поздней осени не выѣзжали на родину. Пріѣзжая въ іюнѣ, они оставались до декабря. Въ декабрѣ же возвратъ по Черному морю былъ невозможенъ. Остававшіеся на зиму русскіе доставляли много безпокойства для грековъ, можетъ быть самоуправствомъ въ ссорахъ съ туземцами и буйствомъ. Вотъ почему грекамъ было пріятнѣе, если къ зимѣ гости оставляли ихъ въ покоѣ.

Приведенные здѣсь статьи договоровъ достаточно рисуютъ характеръ отношеній между греками и русскими.

Разсказъ Константина Багрянороднаго о торг. Руси.

Сношенія съ греческимъ міромъ опредѣляли теченіе жизни, ежегодный кругооборотъ Русской земли кіевскаго періода. Греческій императоръ Константинъ Багрянородный, современникъ Игоря и Олега, хорошо знавшій Русь по разсказамъ самихъ русскихъ, жившихъ въ Константинополѣ, и грековъ, бывшихъ въ Кіевѣ, сообщаетъ очень любопытныя подробности *). При наступленіи ноября мѣсяца, по разсказу Багрянороднаго, русскіе князья со всею дружиною выходятъ изъ Кіева и отправляются въ „полюдье“, къ древлянамъ, дреговичамъ, кривичамъ, сѣверянамъ, и къ другимъ племенамъ, данникамъ руссовъ-кіевлянъ. Тамъ они проводятъ зиму, а весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда вскрывается Днѣпръ, по полой водѣ отъѣзжаютъ обратно въ Кіевъ. Собираемая князьями дань состояла изъ мѣховъ, воску, меду, т.-е. тѣхъ самыхъ ходкихъ товаровъ, которые князь съ весны отправлялъ въ Византію. Жители верхняго Поднѣпровья рубили зимой деревья, дѣлали изъ нихъ лодки, и весной изъ Новгорода, Смоленска, Лебеча, Чернигова и Вышеграда сплавляли на Днѣпръ и по вскрывшейся ото льда рѣкѣ—въ Кіевъ; здѣсь лодки вытаскивали на берегъ и продавали ихъ кіевскому князю и всякимъ торговымъ людямъ. Кіевляне оснащивали суда сами, по замѣчанію К. Багрянороднаго, потому что лучше умѣли приготовить всѣ необходимыя снасти для плаванія. Приблизительно въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ того какъ весенній разливъ уже спадалъ, большой торговый караванъ отправлялся въ Царьградъ. Тутъ были княжескія лодки, боярскія и простыя купеческія, нагруженныя всякими русскими товарами. Собирались всѣ вмѣстѣ потому, что по дорогѣ въ Грецію предстояли большія опасности отъ нападенія кочевниковъ, которые всегда поджидали караваны на нижнемъ Днѣпрѣ, чтобы поживиться богатой добычей. Въ виду того, что въ благополучномъ плаваніи этого каравана былъ заинтересованъ самъ князь и всѣ племена, то на помощь торговымъ людямъ и княжескимъ приказчикамъ давалась большая дружина. Такъ плыли безъ препятствій до первыхъ днѣпровскихъ пороговъ, которые сами по себѣ представляли не малую опасность для плаванія. Тутъ требовались соединенныя усилія массы людей для того,

*) Въ своемъ сочиненіи: „Объ управленіи имперіей“.

чтобы благополучно перебраться черезъ нихъ. Днѣпръ, плавно несущій свои воды по верхнему теченію, превращается здѣсь въ бурную водяную громаду, стремительно несущуюся среди скалистыхъ утесовъ. Приходилось держаться какъ можно ближе къ берегу и съ величайшею осторожностью проводить суда. Самымъ страшнымъ былъ четвертый порогъ, такъ называемый Ненасытецкій. Здѣсь-то обыкновенно и поджидали торговый караванъ печенѣги. Чтобы предупредить нападеніе, прежде всего посылали на берегъ для защиты храбрую дружину; затѣмъ выгружали товары и несли ихъ сухимъ путемъ. Живой товаръ, невольниковъ, скованными вели по берегу пѣшкомъ, а лодки тащили на себѣ волокомъ или несли на плечахъ. Далѣе плыли опять безъ большихъ препятствій до устья Днѣпра, выплывали въ море и направлялись къ Дунаю, придерживаясь береговъ. У Дуная снова встрѣчали русскихъ печенѣги, владѣвшіе степью отъ самаго Дона и до этого мѣста. Опасность заключалась въ томъ, что совсѣмъ нельзя было приставать къ берегу, а часто случалось, что волненіе моря прибивало къ нему. Тогда всѣ выходили на берегъ и отбивались отъ врага общими силами. Наконецъ, приставали къ греческимъ берегамъ и достигали желанной Византіи. Весь путь продолжался дней 40 или около мѣсяца. Въ обмѣнъ на свои товары русскіе покупали у грековъ паволоки, *) вина, золотыя и серебряныя вещи, дорогіе сосуды, богатыя одежды, ковры, сукна, перецъ и „разное узорочье"—предметы, относящіеся къ роскоши. Къ осени, не позднѣе октября, они возвращались въ Кіевъ, а въ ноябрѣ князь опять шелъ „въ полюдье". Такъ текла жизнь древней Руси изъ года въ годъ.

Торговые пути отъ Кіева.

Только что описанный имп. Константиномъ Багрянороднымъ путь изъ Кіева въ Византію былъ главнымъ южнымъ торговымъ путемъ и носилъ названіе греческаго. Но Кіевъ стоялъ въ узлѣ торговыхъ сношеній, которыя шли изъ него не только по этому направленію. Изъ южныхъ русскихъ торговыхъ путей нужно еще отмѣтить путь, который шелъ изъ Кіева въ Галицію и Волынь, связывая столицу древней Руси съ богатыми торговыми городами этихъ областей. Далѣе изъ Галиціи этотъ

*) Дорогія шелковыя матеріи.

путь разветвлялся на нѣсколько торговыхъ дорогъ, однѣ изъ которыхъ шли на западъ, въ Польшу и Венгрію, а другія тоже въ Византію или по Днѣстру или же черезъ придунайскіе города; изъ нихъ торговое значеніе Переяславца на Дунаѣ отмѣтилъ въ свое время кн. Святославъ Игоревичъ, который хотѣлъ даже промѣнять на него Кіевъ, какъ княжескую резиденцію. Сухопутьемъ до р. Дона изъ Кіева шелъ торговый трактъ на юго-востокъ, направляясь далѣе по Дону въ Азовское море и къ берегамъ Крыма, гдѣ находились большіе торговые города Херсонесъ и Судакъ, или Сурожъ. На значеніе послѣдняго указываетъ то, что руссы встарину называли и самое Азовское море Сурожскимъ. Черезъ эти города также шли греческіе товары. Сюда же русскіе купцы пріѣзжали за солью.

Печенѣги и половцы наводнили черноморскія и прикаспійскія степи въ X—XI вѣкахъ. Раньше же этого времени, до половины X в., обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали развитію русской торговли далеко на Востокъ. Здѣсь было два торговыхъ государства—Хазарія и Болгарія.

Торговля съ хазарами.

На устьѣ Волги раскинулась богатая столица хазарскаго царства, Итиль, куда съѣзжались для торговли люди самыхъ разнообразныхъ религій и націй: тутъ были евреи и магометане, язычники и христіане. Хазары завязали торговыя сношенія съ Византіей и Крымомъ, а съ другой стороны,— съ камскими болгарами и съ азіатскими промышленно-торговыми народами, персами, арабами и Туркестаномъ, на западъ—со славянами. Благодаря такимъ условіямъ, русская торговля достигла здѣсь полнаго расцвѣта въ IX в. Объ этой торговлѣ очень подробно разсказываютъ арабскіе ученые IX—X вв. Арабскій писатель Ибнъ-Хордадбе, современникъ Аскольда, писавшій въ 70-хъ гг. IX ст., говоритъ, что русскіе купцы изъ дальнихъ славянскихъ земель вывозятъ свои товары къ Черному морю, въ Византію, въ Итиль, откуда спускаются въ Каспійское море, къ юго-восточнымъ берегамъ его, и иногда провозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ. Такимъ образомъ въ столицу Персіи проникали русскіе предпріимчивые купцы уже въ IX в. Не мало времени, не одно столѣтіе, конечно, нужно было для того, чтобы торговля проложила такіе отдаленные пути. Есть, кромѣ того,

вещественныя доказательства, подтверждающія свидѣтельство Ибнъ-Хордадбе, это—многочисленные клады, состоящіе преимущественно изъ арабскихъ диргемовъ, о которыхъ уже говорилось у насъ выше. Въ нашихъ кладахъ больше всего монетъ IX и X вв., времени наибольшаго развитія восточной торговли русскихъ при посредствѣ хазаръ. Съ востока приходили къ намъ: индійскія и китайскія бумажныя и шелковыя ткани, ковры, перецъ и пряныя зелья, дорогіе камни, золотыя и серебряныя вещи, особенно пояса и конскій уборъ; отсюда же приходило оружіе: дамасскіе булатные клинки, ножи и сабли. Однако, хазарская торговля круто оборвалась во второй половинѣ X в., чему въ значительной степени способствовали сами русскіе: Святославъ Игоревичъ въ 965 г. разгромилъ Хазарію, и съ тѣхъ поръ она уже не могла подняться, открывъ путь въ южную Россію кочевникамъ.

Торговля съ болгарами.

Одновременно съ хазарами и позднѣе, вплоть до татарскаго нашествія, русскіе славяне очень энергично поддерживали торговыя связи съ другимъ народомъ нашей восточной приволжской окраины. То были сѣверные сосѣди хазаръ, болгары, царство которыхъ лежало по средней Волгѣ и нижней Камѣ. Болгары были предпріимчивый, промышленный народъ. Они вели обширную торговлю, подобно хазарамъ, являясь посредниками въ этомъ отношеніи между востокомъ съ одной стороны и славянами и финнами съ другой, однимъ словомъ, между Европой и Азіей. Ихъ главный городъ, Болгаръ на Волгѣ, имѣлъ значеніе подобное тому, какъ Казань и Нижній-Новгородъ въ позднѣйшее время. Сюда шли торговые караваны изъ Туркестана, Персіи и Аравіи, и плыли купеческія суда по Волгѣ изъ хазарскаго Итиля и обратно. Этихъ восточныхъ гостей болгары, обыкновенно, не пускали далѣе своей столицы на сѣверъ и западъ, скупали у нихъ товары, и уже сами перепродавали издѣлія азіатской промышленности славянамъ и финнамъ, обмѣнивая ихъ на драгоцѣнные мѣха, медъ, воскъ и невольниковъ, и отправляя огромныя партіи этого товара на востокъ. Сношенія съ русскими славянами облегчались тѣмъ, что славянская колонизація очень рано, еще въ IX в., проникла далеко на Востокъ и подошла черезъ финскія земли почти къ самымъ владѣніямъ болгаръ. Такимъ крайнимъ предѣломъ

славянскихъ поселеній въ IX в. нужно считать г. Муромъ на р. Окѣ. Но славянъ было много и въ самой болгарской землѣ. Въ Болгарѣ, какъ и въ Итилѣ, были торговыя колоніи славянскихъ купцовъ; славяне находились на службѣ и въ войскѣ царя болгарскаго. Важность торговыхъ сношеній древней Руси съ болгарами подтверждается извѣстіями о двухъ торговыхъ договорахъ, одинъ изъ которыхъ былъ заключенъ съ болгарами въ началѣ XI в. (въ 1006 г.) кіевскимъ княземъ Владиміромъ Св., а другой—въ первой половинѣ XIII в. (въ 1229 г.) суздальскимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ. Обоими этими договорами обезпечивается право свободной взаимной торговли между купцами славянскими и болгарскими.

III.

Торговля съ Западн. Европой.

Намъ остается разсмотрѣть торговое движеніе въ древней Руси, идущее на западъ, въ Балтійское море и въ зап. Европу. Главными отправными пунктами въ данномъ случаѣ были наши города: Смоленскъ и Новгородъ.

Смоленскъ.

Въ Смоленскѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Приднѣпровья, скрещивались Великій греческій водный путь и восточный торговый путь, идущій изъ средняго и нижняго Поволжья частью черезъ Новгородъ, частью же черезъ Смоленскъ, въ р. Касплю, *) Зап. Двину и въ Балтійское море. Такимъ образомъ, Смоленскъ, получая товары съ востока, изъ Азіи, и изъ Кіева и Византіи, часть ихъ отпускалъ дальше, на западъ. На торговыя связи древняго Смоленска съ культурными странами востока указываютъ находимыя при раскопкахъ кургановъ въ древней землѣ кривичей бронзовыя лампы восточно-азіатскаго происхожденія, шелковыя ткани и драгоцѣнные камни. Эти товары отпускали персы, арабы и Туркестанъ черезъ посредство болгарскихъ купцовъ. Являясь посредниками въ торговлѣ между Азіей и Европой, смольняне вывозили сами свое сырье на западъ или же продавали его нѣмецкимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ съ этой цѣлью въ Смоленскъ. Свидѣтелями древнѣйшихъ торговыхъ сношеній Смоленска съ зап. Европой являются находимые въ могильныхъ насыпяхъ предметы западно-европейскаго

---

*) Притокъ Западной Двины, близко подходящій верховьями къ Днѣпру.

происхожденія, таковы, напр., янтарныя бусы, нѣмецкіе мечи, монетные клады, въ которыхъ встрѣчается много монетъ англо-саксонскихъ, англійскихъ, датскихъ и нѣмецкихъ IX—XI вв.

Торговыя сношенія Смоленска съ западомъ въ XIII в. развиваются настолько, что является нужда юридически обусловить эти сношенія, что и было сдѣлано въ первой половинѣ этого столѣтія, когда (въ 1229 г.), при князѣ смоленскомъ Мстиславѣ Давыдовичѣ, заключенъ былъ особый торговый договоръ съ Ригой и островомъ Готландомъ, извѣстный теперь подъ названіемъ *Смоленской торговой Правды*. Этотъ важный документъ содержитъ въ себѣ несомнѣнныя данныя, свидѣтельствующія о размѣрахъ заграничной торговли въ Смоленскѣ. Изъ него видно, что въ первой половинѣ XIII ст. нѣмецкіе купцы живутъ постоянной колоніей въ Смоленскѣ, имѣютъ тамъ своего старосту, свою церковь, свой дворъ, разрастающійся потомъ въ цѣлую нѣмецкую слободу по берегу Днѣпра и рѣчки Рачевки. Западные гости, пріѣхавъ въ Смоленскъ, должны были поднести княгинѣ подарокъ,—кусокъ „частины", т.-е. плотно вытканнаго холста заграничнаго издѣлія. Затѣмъ они открывали торговлю въ городѣ и могли, безъ уплаты *проѣзжихъ* пошлинъ—мыта, разъѣзжать съ товарами по всей Смоленской землѣ, скупая русское сырье не только у смоленскихъ купцовъ, но и у мѣстнаго населенія, изъ первыхъ рукъ. Изъ Смоленскаго княжества нѣмцы имѣли право выѣзжать въ другія русскія области. Въ договорѣ есть указаніе, съ какими заграничными городами смольняне вели торговое дѣло, откуда къ нимъ пріѣзжали купцы, и куда они сами совершали путешествія,—это: островъ Готландъ, городъ Рига, Любекъ, Бременъ, Сестъ, Кассель и др. Главнымъ предметомъ отпуска на западъ изъ Смоленска былъ воскъ, единицей вѣса котораго служила *капь*, содержавшая въ себѣ 4 современныхъ пуда. Слѣдующую важную статью отпуска составляли мѣха, продававшіеся большими количествами: тысячами, полутысячами, четвертями (250 штукъ), сороками, дюжинами, десятками и пятками; счетъ отдѣльными единицами въ продажѣ встрѣчается рѣдко. Болѣе цѣнные мѣха шли въ продажу обыкновенно меньшими единицами, больше всего сороками; менѣе же цѣнные—тысячами и даже десятками

тысячъ. Кромѣ воска и мѣховъ отпускались и другіе, преимущественно сырые продукты: медъ, пенька, кожи, лѣсъ, смола, скотъ. Изъ зап. Европы провозили въ Смоленскъ: сукна, перчатки, чулки, миндаль, инбирь, семгу, треску, сладкія вина, соль.

Новгородъ.

Еще большую роль въ русской торговлѣ игралъ Новгородъ-Великій, заключавшій на сѣверѣ, въ предѣлахъ Руси, Великій водный путь и торговую дорогу съ востока. Торговое значеніе его для сѣверной Руси было такъ же велико, какъ значеніе Кіева на югѣ, съ той разницей, что оно продолжалось еще долго послѣ паденія Кіева въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Новгородъ представлялъ собою типичный старый русскій городъ, главныя нити жизни котораго сводились къ торговлѣ, что видно изъ его внѣшняго расположенія и общественнаго устройства.

Новгородское купечество.

Къ XII в. торговый бытъ получилъ въ Новгородѣ слѣдующую прочную организацію. Мѣстное купечество вело свои дѣла товариществами или компаніями. Это былъ общій обычай, существовавшій въ средніе вѣка не только на Руси, но и въ зап. Европѣ. Отсутствіе гарантій, обезпечивающихъ безопасность личности, заставляло торговыхъ людей соединяться группами въ цѣляхъ лучшей обороны отъ лихихъ людей, которые могли легко ограбить отдѣльнаго купца въ городѣ и на пути, на сушѣ и на морѣ, у себя на родинѣ и за границей. Сообразно направленію торговли или же по предметамъ торговли, купцы новгородскіе носили названіе: заморскихъ, низовыхъ, суконниковъ, рыбныхъ, хлѣбныхъ и пр. Изъ купеческихъ общинъ въ XII—XIII в.в. въ Новгородѣ самыми значительными были Ивановская и Пятницкая; первую составляли мѣстные купцы, а вторую—заморскіе*). Ихъ названіе произошло отъ имени церквей св. Ивана на Опокахъ и св. Пятницы, къ которымъ примыкали эти товарищества: въ древнее время было общимъ обычаемъ, что купеческія компаніи искали покровительства той или другой церкви, того или другого святого патрона. Ивановская община прои-

*) Заморскихъ русскихъ купцовъ нужно отличать отъ заморскихъ иноземныхъ купцовъ, нѣмецкихъ, готландскихъ и др.

зошла первоначально изъ соединенія торговцевъ воскомъ; и позднѣе воскъ составлялъ главный предметъ торговли ивановскихъ купцовъ. По уставу, взвѣшиваніе воска происходило въ притворѣ церкви св. Ивана или же въ подвальномъ помѣщеніи подъ храмомъ. Взвѣшиваніе воска составляло право купеческихъ старостъ. За провѣсъ бралась пошлина, называвшаяся *вощанымъ вѣсомъ*, который брался въ меньшемъ размѣрѣ съ купца новгородскаго и въ большемъ—съ купца иногородняго; онъ шелъ въ пользу церковной казны. Позднѣе, кромѣ воска, и другіе товары входили въ кругъ торговли Ивановскаго купечества, напр.: олово, свинецъ, желѣзо, ладанъ, скотъ и пр. Въ церкви было обширное подвальное помѣщеніе, которое служило складомъ для товаровъ, принадлежавшихъ членамъ товарищества. Въ храмѣ хранились книги, куда записывались торговыя сдѣлки. Кромѣ подвала, для склада товаровъ при храмѣ были особыя пристройки; иногда товары лежали въ самой церкви; на это указываютъ разные закоулки и ниши, до сихъ поръ существующіе въ Новгородскихъ церквахъ. Изъ церковныхъ складовъ городскіе купцы отпускали товары покупателямъ. Торговля велась, главнымъ образомъ, оптомъ, а не по мелочамъ. Если нужно было сдѣлать закупку, то покупатель отправлялся прямо къ купцу на домъ; купецъ доставалъ ему товаръ изъ своей домашней клѣти или шелъ въ церковь и оттуда бралъ товаръ.

Гостинные дворы.

Пріѣзжіе купцы торговали въ гостинныхъ дворахъ, которые служили для нихъ какъ мѣстомъ жительства, такъ и мѣстомъ торговли. Въ Новгородѣ были дворы *нѣмецкій и готскій*, *тверской*, *псковскій*, *полоцкій*, *смоленскій* и др. Гостинные дворы представляли длинныя зданія съ амбарами и лавками внутри. Товары лежали въ коробьяхъ или висѣли на жердяхъ; подвальныя помѣщенія амбаровъ назначались для громоздкихъ товаровъ: тамъ кучами лежала соль, сухая рыба, яблоки, шерсть въ рогожахъ и пр. Съѣстные припасы и разные мелкіе хозяйственные предметы повседневнаго обихода продавались на торгу, обыкновенно, съ возовъ и саней, на которыхъ пріѣзжали поселяне въ извѣстные дни недѣли.

Торговые пути изъ Новгорода

Отъ Новгорода Великаго начинались всѣ три важнѣйшіе торговые пути, по которымъ древняя Русь вела заграничную

торговлю: по Ловати и Днѣпру въ Константинополь, по Волгѣ въ Болгаръ и Итиль, по Волхову, Невѣ и Финскому заливу—въ Балтійское море. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новгородъ представлялъ столицу обширной территоріи, раскинувшейся по всему сѣверно-русскому краю, отъ Балтійскаго моря до Урала, и отъ средней Волги до Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана; финское населеніе этого края находилось съ данническихъ отношеніяхъ къ Новгороду, являясь въ то же время предметомъ промышленно-торговой эксплуатаціи для предпріимчивыхъ новгородцевъ, которые въ данномъ случаѣ конкурировали съ камскими болгарами. Эти два обстоятельства надолго обезпечили то торговое значеніе Новгороду, которое восходитъ ко временамъ арабской торговли и продолжается до конца XV в. Черезъ Новгородъ шли восточные и византійскіе товары въ Скандинавію, на островъ Готландъ и въ прибалтійскіе славянскіе города, а позднѣе—къ прибалтійскимъ нѣмцамъ, когда послѣдніе вытѣснили отсюда слявянъ. Сюда же Новгородъ отправлялъ избытокъ товаровъ, который доставлялъ ему сѣверно-русскій и финскій край и торговля Новгорода съ внутренними русскими областями.

Торговыя сношенія съ Готландомъ.

Но западная торговля Новгорода развилась позже южной и восточной, именно въ XII в., вмѣстѣ съ возвышеніемъ острова Готланда на Балтійскомъ морѣ. Находясь посреди земель, замыкающихъ со всѣхъ сторонъ Балтійское море, Готландъ какъ бы самой природой предназначенъ былъ служить главнымъ торговымъ пунктомъ, притокомъ для всего сѣверно-европейскаго купечества. Кромѣ мѣстнаго готскаго населенія, Готландъ принималъ къ себѣ купцовъ и другихъ націй, особенно нѣмцевъ. Торговля съ Новгородомъ и черезъ него съ азіатскимъ востокомъ была важнѣйшимъ факторомъ въ возвышеніи Готланда. О постоянныхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ между Готландомъ и Новгородомъ въ XII в. свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ это время уже въ Новгородѣ имѣется особая готская факторія, называвшаяся готскимъ дворомъ, и готская, или варяжская, церковь, гдѣ пріѣзжіе гости удовлетворяли свои религіозныя потребности и имѣли складочное мѣсто для товаровъ. Новгородцы не играли только пассивной роли въ торговлѣ съ готландскимъ купечествомъ. Они сами предпринимали путешествія на Готландъ, называвшійся у новгородцевъ готскимъ

берегомъ, и имѣли въ Висби, главномъ городѣ на Готландѣ, свой гостинный дворъ и русскую церковь. Однако, Новгородъ не развилъ свою заграничную торговлю настолько широко, чтобы обзавестись своимъ собственнымъ морскимъ флотомъ. Если новгородцы и располагали судами, то только рѣчными; заграничныя путешествія они совершали на чужихъ судахъ, каждый разъ подряжая подъ свои товары суда у какого-либо иноземнаго шкипера или же поручая товары на комиссію иноземнымъ купцамъ. Посѣщая островъ Готландъ, новгородцы сталкивались тамъ съ торговыми представителями другихъ народностей и заводили съ ними сношенія. Особенно важное значеніе получаютъ торговыя сношенія съ нѣмцами. Появленіе ихъ въ Новгородѣ относится къ концу XII в. Къ этому времени нѣмцы уже успѣли пробиться черезъ славянъ къ южнымъ берегамъ Балтійскаго моря и обзавестись тамъ, въ Любекѣ, гаванью, пріобрѣвшей постепенно громадное значеніе въ балтійскомъ торговомъ мірѣ, благодаря, между прочимъ, льготной грамотѣ, данной этому городу герцогомъ саксонскимъ Генрихомъ Львомъ, освбождавшей отъ пошлинъ всѣхъ купцовъ, посѣщавшихъ Любекъ. Граждане его не только приняли дѣятельное участіе въ торговлѣ съ Готландомъ, но постарались завести непосредственныя сношенія съ Великимъ Новгородомъ. Въ концѣ XII в. въ Новгородѣ, на торговой сторонѣ, неподалеку отъ готскаго двора, возникъ другой—нѣмецкій; онъ былъ сначала какъ бы отдѣленімъ готскаго и состоялъ подъ однимъ главнымъ управленіемъ нѣмецко-готской купеческой компаніи въ Висби. Скоро вліяніе нѣмцевъ въ балтійской торговлѣ настолько возрастаетъ, что главное значеніе въ торговлѣ Новгорода переходитъ къ нѣмецкому двору. Такому обороту дѣла не мало содѣйствовало то обстоятельство, что нѣмцы около того времени прочно утвердились въ Ливоніи и, такимъ образомъ, кромѣ Великаго воднаго пути, пріобрѣли для сношеній съ Новгородомъ рѣчныя и сухопутныя дороги, напр., пути Вотскій—черезъ Вотскую пятину, лужскій—по р. Лугѣ, Псковскій—изъ Риги черезъ Псковъ.

Ганзейскій союзъ.

Въ XIII в. политическое неустройство Германской имперіи побудило сѣверо-германскіе торговые города заключить союзъ,

извѣстный подъ именемъ ганзы. Въ теченіе XIII—XV вв. ганза широко развиваетъ свою дѣятельность; число союзныхъ городовъ достигаетъ 73; они заводятъ большой морской флотъ, значительную военную силу, добиваются у иностранныхъ государей важныхъ торговыхъ привиллегій и раскидываютъ свои конторы въ Англіи, Голландіи, скандинавскихъ государствахъ, въ сѣверной Руси. Во главѣ союза сталъ городъ Любекъ, соперничавшій въ XIII—XIV вв. съ Висби, а въ XIV в. окончательно получившій перевѣсъ надъ послѣднимъ. Новгородскій нѣмецкій дворъ находился въ зависимости отъ нѣмецкаго купечества Висби и Любека, а въ XV в. верховный надзоръ надъ конторой, какъ и вообще въ дѣлахъ всей ганзы, переходитъ къ сейму союзныхъ городовъ.

Отношенія нѣмецкаго двора къ Новгороду опредѣлялись договорами, которые Новгородъ неоднократно заключалъ съ ганзой. На основаніи договорныхъ актовъ, дошедшихъ до насъ, и утвержденныхъ Ганзейскимъ союзомъ правилъ *), регулирующихъ внутренній бытъ и управленіе двора, положеніе нѣмцевъ въ Новгородѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Духъ безусловной корпораціи, обособленности отъ мѣстнаго, туземнаго, населенія царилъ въ нѣмецкой колоніи. Нѣмцы имѣли право свободнаго пріѣзда въ Новгородъ и проживали въ своемъ дворѣ на основаніи постановленій и законовъ, изданіе которыхъ исходило отъ сейма ганзейскихъ городовъ или совѣта—„стевена“ новгородскаго нѣмецкаго купечества. Мѣстныя русскія власти не имѣли ни малѣйшаго права вмѣшиваться во внутреннія дѣла факторіи. Если новгородецъ имѣлъ дѣло до нѣмца, то онъ долженъ былъ обращаться къ начальству нѣмецкаго двора и только въ случаѣ недовольства его судомъ обращался къ своему правительству въ лицѣ высшихъ его представителей, посадника и тысяцкаго. Насилія и обиды съ обѣихъ сторонъ наказывались денежной пеней. Новгородцы обязывались принимать подъ свою отвѣтственность иноземныхъ купцовъ, въ смыслѣ охраны ихъ личности и имущества, какъ только тѣ вступали въ предѣлы Новгородской земли. Съ этой цѣлью нѣмцы должны были брать за условленную

*) Эти правила, называвшіяся „скры“, были прибиты на доскахъ въ нѣмецкомъ дворѣ для всеобщаго свѣдѣнія.

плату новгородскихъ проводниковъ по Невѣ до Ладоги и отъ нея по Волхову до Новгорода. По прибытіи въ городъ, нѣмцы уплачивали небольшую проѣзжую пошлину и при продажѣ товаровъ—также весьма ограниченную вѣсовую пошлину. Отличительный характеръ новгородской нѣмецкой конторы заключался, между прочимъ, въ томъ, что въ ней не было постоянныхъ иноземныхъ купцовъ: новгородскую контору только посѣщали; поэтому устройство двора носило характеръ дорожной компаніи, и должностныя лица, съ ольдерманомъ во главѣ, завѣдывавшія управленіемъ двора, выбирались каждый разъ путешественниками, пріѣзжавшими въ Новгородъ. Пріѣзжіе купцы дѣлились на лѣтнихъ и зимнихъ, или морскихъ и сухопутныхъ. Время пребыванія ихъ было ограничено: лѣтніе жили до послѣдней навигаціи, зимніе—до послѣдняго зимняго пути. Правилами скры строго регулировалась вся жизнь нѣмецкаго купечества внутри двора, такъ же, какъ отношенія къ русскимъ покупателямъ и купцамъ. Контора запрещала отдѣльнымъ членамъ своей общины вступать съ русскими въ торговое сообщество и давать имъ въ кредитъ товары или деньги. Дѣятельность каждаго лица была связана и ограничена. Сближеніе съ русскими дозволялось настолько, насколько это могло быть полезно для всей компаніи. Всѣ эти ограниченія имѣли цѣлью то, чтобы нѣмецкая контора могла удалить всякую кункуренцію и располагать цѣнами товаровъ по своему усмотрѣнію, продавая нѣмецкіе товары какъ можно дороже и покупая русскіе какъ можно дешевле. Въ этихъ видахъ, напримѣръ, запрещалось торговцамъ привозить отдѣльно товары сверхъ положенной нормы, чтобы избѣжать избытка товаровъ и, слѣдовательно, пониженія цѣнъ на нихъ: съ другой стороны,—чтобы русскіе товары держались всегда на низкой цѣнѣ, запрещалось купцамъ для покупки ихъ привозить болѣе 1000 марокъ серебра, подъ угрозой конфискаціи лишняго. Цѣны па всѣ товары назначала контора.

Благодаря такой организаціи, нѣмцы, дѣйствительно, прекрасно достигало своей цѣли. Къ этому нужно присоединить еще и постоянныя притѣсненія, встрѣчаемыя русскими въ нѣмецкихъ гаваняхъ, затруднявшія имъ пользованіе тѣми привиллегіями, на которыя новгородцы имѣли право расчитывать въ силу взаимности

условій, составлявшихъ основное правило тогдашнихъ торговыхъ трактатовъ.

Однако, нужно замѣтить, что новгородцы, если и не могли противопоставить монопольной нѣмецкой торговой организаціи таковой же, то все же они пытались до извѣстной степени отстоять свои интересы какъ на мѣстѣ, въ Новгородѣ, такъ и за границей. Если они для заграничныхъ путешествій не могли зафрахтовать достаточно нѣмецкихъ судовъ, то они обращались къ посредству шведскихъ мореходовъ, которые издавна были имъ знакомы и которые меньше стѣснялись ограничивающими постановленіями ганзы. Затѣмъ новгородцы постарались сдѣлать вспомогательныя торговыя операціи у себя на родинѣ исключительною принадлежностью своихъ гражданъ, разсчитывая этимъ путемъ доставить имъ извѣстный заработокъ. Къ числу такихъ операцій относится извозъ рѣчной и сухопутный, также перевозка и переноска товаровъ съ берега въ гостинные дворы въ самомъ Новгородѣ. Право торговли нѣмецкихъ гостей новгородцы на практикѣ старались ограничить предѣлами Великаго Новгорода, не допуская, по возможности, нѣмцевъ до сношеній съ другими городами, какъ своей области, такъ и другихъ русскихъ княжествъ. Въ самомъ Новгородѣ иноземнымъ купцамъ дозволялось торговать съ гостями другихъ русскихъ земель не иначе, какъ при посредствѣ новгородцевъ. Этимъ путемъ новгородцы до нѣкоторой степени удерживали цѣны на русскіе товары отъ низкаго паденія.

Товары, привозившіеся съ запада въ Новгородъ и отпускаемые новгородцами за границу, по характеру своему были однородны съ тѣми, которые имѣли мѣсто въ смоленской торговлѣ. Впрочемъ, смоленская нѣмецкая контора стояла внѣ зависимости отъ новгородской, тогда какъ конторы во Псковѣ и Полоцкѣ были подчинены послѣдней.

Что касается вопроса о томъ, какъ велики были торговые обороты новгородско-ганзейской торговли, объ этомъ можно заключать только на основаніи косвенныхъ указаній; въ Новгородѣ въ одинъ сезонъ бывало, напр., отъ 50 до 150 нѣмецкихъ купцовъ, привозившихъ съ собою товаровъ ва сотню тысячъ марокъ.

Значенiе торговли съ нѣмцами

Не смотря на эксплуататорскiй характеръ, который нѣмцы стремились придать новгородской торговлѣ, она имѣла большое значенiе для туземнаго края. Какъ бы то ни было, предпрiимчивые новгородцы сумѣли создать внѣшнiй заграничный рынокъ, обслуживавшiй громадный районъ сѣверо-восточной Руси; это было тѣмъ болѣе важно, что этотъ рынокъ оставался единственнымъ съ конца XII в., когда древне-русская торговля на югѣ и востокѣ заглохла. Черезъ посредство новгородцевъ въ международное обращенiе были введены не только продукты собственно русской земли, но и произведенiя самыхъ отдаленныхъ окраинъ настоящей Россiи и даже продукты восточныхъ азiатскихъ странъ. Доставляя Руси возможность сбыта произведенiй добывающей промышленности, Новгородъ обогащалъ русскiй мiръ произведенiями запада, который, несомнѣнно, стоялъ на высшей ступени экономическаго развитiя, такъ какъ въ обмѣнъ на русскiе продукты съ запада шли произведенiя обрабатывающей промышленности. Въ области культуры полезное влiянiе торговли съ западомъ сказывается въ усовершенствованiяхъ торговаго и домашняго быта, заимствованныхъ новгородцами отъ иноземцевъ, каковы, напр.: орудiя вѣса, мѣны, денегъ, причемъ новгородская и псковская монетныя системы складываются, несомнѣнно, подъ иноземнымъ влiянiемъ. Благодаря частымъ торговымъ сношенiямъ и примѣру жившихъ въ Новгородѣ нѣмцевъ, въ немъ прогрессируетъ искусство въ постройкѣ частныхъ жилищъ и храмовъ. Новгородцы и псковичи славились въ древней Руси, какъ лучшiе плотники и каменьщики.

Причины паденiя торговли съ Ганзой.

Но, къ сожалѣнiю, условiя торговли съ Ганзой по существу заключали въ себѣ такiя черты, которыя препятствовали развитiю ея и въ XV в. привели къ окончательному паденiю. Одной изъ главныхъ причинъ этого былъ монопольный, узко-эгоистическiй характеръ торговли, который стремились придать ей влiятельнѣйшiе города—заправилы ганзейскаго союза. Пока главное направленiе торговли зависѣло отъ готландскаго купечества, которое было сборнымъ центромъ разныхъ торговыхъ элементовъ, до тѣхъ поръ не было особенныхъ поводовъ къ стѣсненiю однѣхъ мѣстностей въ пользу другихъ. Морскiе же города, Висби и особенно Любекъ, занявши выдающееся

положеніе въ союзѣ въ XIV в., начали стремиться къ полному уничтоженію сухопутной торговли съ Новгородомъ черезъ Лифляндію, отчего терпѣли ущербъ прежде всего прусскіе города. Затѣмъ Ганза наложила запретъ на нидерланскіе города, отпавшіе отъ союза, въ началѣ XV в. и на Швецію. Далѣе, съ обѣихъ сторонъ, нѣмецкой и русской, трудно было выполнить обязательства, гарантирующія личную имущественную безопасность торговыхъ людей.

Недоразумѣнія происходили отъ обмана и фальши въ поставкѣ товаровъ, что часто практиковалось съ обѣихъ сторонъ, слѣдствіемъ чего былъ неоднократный разгромъ и закрытіе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ втеченіе XIV и XV вв. Сюда же нужно прибавить политическія затрудненія между Россіей и Ливонскимъ Орденомъ, во владѣніи котораго оказалась большая часть торговыхъ русскихъ дорогъ. А политика Ордена была крайне неблагопріятна для мирнаго теченія торговли. Ливонскій Орденъ съ самаго начала стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ Руси и старался вовлечь въ эту вражду и нѣмецкіе города. Въ 1224 г. нѣмцы успѣли захватить у русскихъ Юрьевъ и предъявляли притязанія на ближайшія новгородско-псковскія владѣнія. Зная, что торговля давала средства къ усиленію его противниковъ, Орденъ старался устранить изъ нея тѣ статьи, которыя могли вести къ увеличенію военнаго могущества русскихъ, какъ, напр., оружіе и лошадей. Въ нужныхъ случаяхъ Орденъ старался расположить нѣмцевъ даже къ общему закрытію торговли.

Общій упадокъ торговыхъ сношеній.

Такъ стали портиться отношенія между новгородцами и нѣмцами. Въ XIV и особенно въ XV вв. замѣчается уже и постепенный упадокъ этой торговли. Все Поднѣпровье и бассейнъ Западной Двины оказываются въ обладаніи литовско-русскаго государства, тѣ же товары, которые шли въ Европу изъ одного только Новгорода, теперь идутъ непосредственно туда же изъ западно-русскихъ городовъ, къ устьямъ Вислы и Западной Двины. Новгородцы теряютъ свой престижъ въ окскомъ бассейнѣ, гдѣ выростаетъ Москва; она вытѣсняетъ Новгородъ и изъ Пріуралья и изъ Перми, богатыхъ источниковъ пушного товара. Итакъ, пушной и восковой рынокъ ускользаетъ въ значительной мѣрѣ изъ рукъ новгородцевъ; о восточномъ и говорить нечего: вѣдь Поволожье и степи были въ рукахъ

татаръ. Съ другой стороны, европейская торговля тоже принимаетъ иное направленіе: европейцы ищутъ въ XV в. непосредственнаго морского пути въ Индію. Итакъ, слѣдовательно, съ обѣихъ сторонъ слабѣли торговыя связи помимо мелкихъ дрязгъ и споровъ ганзейскаго союза съ Новгородомъ. Споры эти явились поводомъ, повлекшимъ къ временному прекращенію торговли. Иванъ III, присоединившій Новгородъ къ Москвѣ въ 1478 г., закрылъ въ 1494 г. нѣмецкую контору въ Новгородѣ.

Вообще, независимо отъ мѣстныхъ причинъ, положеніе мірового рынка, азіатскаго и европейскаго, во вторую половину среднихъ вѣковъ имѣло громадное значеніе въ исторіи древне-русской торговли. Благопріятныя условія этого рынка въ до-татарской Руси содѣйствовали процвѣтанію промышленности и торговли. Во вторую половину до-монгольскаго періода перемѣна условій во внѣшнемъ рынкѣ, помимо внутреннихъ неурядицъ удѣльнаго времени, сыграла рѣшительную роль въ русской торговлѣ въ неблагопріятномъ смыслѣ. Россія, служившая въ древности посредницей въ сношеніяхъ между азіатскимъ, греческимъ и европейскимъ міроъм, втеченіе XII—XV вв. постепенно отрѣзывается отъ внѣшняго міра, лишается своихъ торговыхъ путей, окружается какъ бы каменной стѣной, стѣснявшей ее все болѣе и болѣе. Эти мировыя событія, повліявшія такъ гибельно на русскую торговлю, вкратцѣ были таковы: водвореніе на юго-востокѣ Руси и въ юго-западной Азіи, на мѣстѣ торговыхъ народовъ—хазаръ, болгаръ и арабовъ,—татарскаго и турецкаго владычества; постепенное паденіе Византійской имперіи, образованіе въ предѣлахъ русской территоріи Литовскаго княжества и рыцарскихъ орденовъ, враждебныхъ Россіи, усиленіе богатыхъ итальянскихъ городовъ, обладавшихъ большими капиталами и собственными факторіями на востокѣ, откуда они имѣли возможность подвозить восточныя богатства въ Европу болѣе удобнымъ и дешевымъ путемъ, наконецъ, открытіе Новаго Свѣта и проложеніе новыхъ морскихъ путей, повлекшее за собою паденіе Ганзейскаго союза и торговое усиленіе Голландіи и Англіи. Въ результатѣ—великій древній путь изъ варягъ въ греки, пути черезъ Днѣпръ, Донъ и Западную Двину на громадномъ пространствѣ перешли въ чужія

руки, доступъ къ Черному, Каспійскому и Балтійскому морямъ прекратился. Понадобились вѣковыя усилія Московскаго государства, чтобы снова пробить брешь въ непроницаемой стѣнѣ и возобновить торговыя и политическія сношенія съ внѣшнимъ міромъ.

И. Катаевъ.

Очеркъ экономическаго строя древней Руси.

Исторія не застаетъ русскихъ славянъ въ періодѣ примитивнаго быта*). Археологическія данныя и письменные источники впервые знакомятъ насъ съ русскими славянами, когда характерной чертой ихъ экономическаго быта является широко развитая торговля съ очень отдаленными странами. И весь древне-русскій періодъ характеризуется тѣмъ же направленіемъ экономической жизни. Судя по находкамъ монетъ, этотъ періодъ начинается на рубежѣ VII—VIII вѣковъ и продолжается во всю до-татарскую эпоху, постепенно превращаясь изъ быта преимущественно промысловаго и торговаго въ бытъ, характеризующійся преобладаніемъ сельскаго хозяйства и землевладѣнія.

---

*) Ученые экономисты, изслѣдуя исторію народнаго хозяйства, пытаются опредѣлить стадіи его развитія. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ первыхъ ученыхъ, пытавшихся опредѣлить періоды экономической жизни, Левассеръ, устанавливаетъ слѣдующія ступени развитія ея: періоды охотничьяго быта, пастушескаго, земледѣльческаго, промышленнаго и, наконецъ, торговаго. Новѣйшіе экономисты древнѣйшимъ періодомъ экономическаго быта считаютъ періодъ натуральнаго хозяйства, при которомъ все необходимое для себя производитъ домъ, семья, слѣдовательно это хозяйство характеризуется отсутствіемъ обмѣна (Родбертусъ, Бюхеръ и др.). Но, кажется, намѣченныя экономической наукой ступени хозяйственнаго развитія не вполнѣ оправдываются историческими фактами, почему существующія теоріи требуютъ пересмотра. Трудно приложить ихъ и къ русской древности, въ которой преобладаніе земледѣльческаго хозяйства наступило послѣ періода преобладанія промысловаго и торговаго хозяйства, связаннаго съ торговымъ обмѣномъ.

Не вдаваясь въ подробности, мы здѣсь только отмѣтимъ основные моменты направленій этой широкой торговой дѣятельности.

Первый, арабскій періодъ торговли.

Торговая дѣятельность древнихъ руссовъ начинается съ торговли съ арабами и вообще съ дальнимъ востокомъ. Это первый періодъ торговли. Тогда Русь играла двоякую роль: во-первыхъ, роль торговаго посредника между арабскимъ востокомъ и Балтійскимъ побережьемъ, во-вторыхъ, она самостоятельно вывозила на востокъ и на западъ продукты собственной земли, главнымъ образомъ мѣха. Крайнимъ западнымъ пунктомъ этого торговаго движенія является скандинавскій городъ Готландъ, на островѣ котораго найдено до настоящаго времени огромное количество арабскихъ монетъ отъ 698—1010г., преимущественно же относящихся къ концу IX и къ первой половинѣ X в. (изъ 20,000 арабскихъ монетъ, найденныхъ въ Швеціи, 13,000 принадлежатъ территоріи Готланда). Путь, по которому направлялась арабская торговля этого періода, очень точно обозначается именно находками монетъ: отъ Прибалтійскаго побережья, черезъ нынѣшнія губерніи Псковскую, Новгородскую, Петербургскую, Вологодскую, Тверскую, Ярославскую, Московскую, Тульскую и Рязянскую,—этотъ путь переходитъ въ нынѣшнюю Казанскую губ., т.-е. въ страну древнихъ булгаръ; здѣсь и въ южной части Волги, въ Хазарскомъ Итилѣ, находились восточные пункты этой торговли. Сверхъ того, съ этимъ путемъ, несомнѣнно болѣе древняго происхожденія, тѣсно былъ соединенъ Днѣпровскій путь, центромъ котораго былъ Кіевъ. Городъ Куяба былъ очень хорошо извѣстенъ арабамъ. „Куяне (Кіевъ),—пишетъ анонимный персидскій писатель X в.,—ближайшій городъ руссовъ къ мусульманству. Мѣсто благодатное и мѣстопребываніе царей. Изъ него вывозятъ разнообразные мѣха и цѣнные мечи“. На другомъ концѣ того же пути былъ другой такой же большой торговый городъ. „Селябе (городъ славянъ, Новгородъ),—говоритъ тотъ же писатель,—городъ благодатный. Изъ него приходятъ торговать въ страну болгаръ, когда бываетъ миръ“. Вѣроятно, Кіевъ, кромѣ Днѣпровскаго пути, соединенъ былъ съ южнымъ центромъ арабской торговли, Итилемъ, и непосредственно:

этотъ путь, судя по находкамъ арабскихъ монетъ, тянулся изъ средняго Поднѣпровья черезъ Подонье на юго-востокъ къ устью Волги.

О широтѣ торговли можно судить по отзывамъ арабовъ, по находкамъ массы монетъ и разныхъ вещей восточнаго происхожденія. Русскіе купцы появлялись въ Багдадѣ и другихъ городахъ средней Азіи, но главное свое мѣстопребываніе они имѣли въ Итилѣ и Булгарѣ. Арабскій писатель Ибнъ-Фодланъ очень подробно описываетъ русскую колонію въ Итилѣ, отличавшуюся богатствомъ и имѣвшую своего судью. Сами арабы доходили только до Итиля, очень рѣдко появляясь въ Булгарѣ. Поэтому торговля находилась исключительно въ рукахъ русскихъ купцовъ*). Они связывали не только востокъ съ западомъ, но доставляли на востокъ и византійскіе товары, о чемъ можно судить по той десятинѣ, торговой пошлинѣ, которую русскіе купцы платили Римскому императору (очевидно въ городахъ на Черноморскомъ побережьи).

Второй византійскій періодъ торговли.

Къ началу XI столѣтія европейско-азіатская торговля прекращается. Это объясняется, какъ упадкомъ арабской торговли подъ вліяніемъ усиливавшагося владычества турокъ и внутреннихъ междуусобій различныхъ мухамеданскихъ династій средней Азіи, такъ и вслѣдствіе того, что европейская торговля получила иное направленіе.

Какъ разъ въ періодъ наиболѣе сильнаго развитія арабской торговли, именно въ концѣ IX и началѣ X в.в., замѣтно особенное оживленіе въ области Византійской торговли. Несомнѣнно, торговыя связи Руси съ Византіей издавняго происхожденія, но къ этому времени, надо полагать, относится оживленіе ихъ, которое, повидимому, находится въ связи съ ростомъ торговли арабской. Въ связи съ этимъ особенно видную роль въ торговлѣ и вообще въ экономическомъ строѣ страны занимаетъ среднее Поднѣпровье. Развитіе торговыхъ сношеній съ Византіей представляетъ собою второй періодъ въ исторіи торговли древней Руси. Одновременно развиваются и торговыя сношенія средняго Поднѣпровья съ западомъ. Раф-

*) Участіе въ ней скандинавовъ на русской территоріи можетъ относиться лишь къ древнѣйшему періоду.

фельштетенскій таможенный уставъ, данный для восточной марки въ 903 г., хорошо знаетъ славянъ изъ руссовъ, привозящихъ въ предѣлы восточной марки воскъ, рабовъ и лошадей. Въ Чешской Прагѣ та же Русь, несомнѣнно Кіевская, встрѣчалась мусульманскими и еврейскими купцами.

Торговля съ западомъ.

Главнымъ пунктомъ, куда направлялась торговля изъ Кіева въ это время, былъ Регенсбургъ. Кіевскіе купцы доставляли въ Германію не только произведенія своей страны, но, главнымъ образомъ, были транспортерами византійскихъ товаровъ. Можно сдѣлать довольно интересное наблюденіе, заключающееся въ томъ, что въ X и XI столѣтіяхъ преимущественно кіевскіе купцы появлялись въ южной Германіи, но затѣмъ начинаютъ преобладать извѣстія, что нѣмецкіе купцы сами стали появляться въ городахъ Волынской и Кіевской земли, т.-е. нѣмцы стали обходиться безъ посредничества русскихъ по доставкѣ товаровъ отъ Кіева до Регенсбурга. Въ XII в. въ послѣднемъ городѣ уже есть довольно значительная корпорація купцовъ, ведущихъ торговлю съ Русью; эти купцы назывались рузаріями. Въ XII и XIII в.в. русская лѣтопись говоритъ о нѣмцахъ, постоянно живущихъ въ различныхъ городахъ Волыни и Галиціи.

Паденіе кіевской торговли

Около половины XII столѣтія торговля Кіева начинаетъ постепенно падать. Торговыя сношенія съ Византіей оказываются въ высшей степени затруднительными вслѣдствіе захвата степи половцами и современемъ совершенно прекращаются. Кромѣ степняковъ кіевскую торговлю ослаблялъ и рядъ другихъ обстоятельствъ. Быть можетъ, наросшая мѣстная промышленность, состоявшая въ грубомъ подражаніи византійскимъ образцамъ, стала удовлетворять потребностямъ по крайней мѣрѣ низшихъ слоевъ населенія и своею дешевизною конкурировать съ византійскими привозными товарами. Вывозъ пушного товару уменьшился, вслѣдствіе естественнаго уменьшенія количества звѣря. Въ началѣ XII в. въ Крыму возникаютъ венеціанскія колоніи Кафа и Тана, откуда греческіе товары стали непосредственно направляться на Львовъ въ Нюренбергъ, минуя Кіевъ, такъ что Кіевъ теряетъ западный рынокъ. Со второй половины XII в. Новгородъ оказывается самостоятельнымъ центромъ торговли, завязывая торговыя сношенія

съ сѣверно-нѣмецкими городами. Вслѣдъ за Новгородомъ тотъ же рынокъ привлекъ Полоцкъ, Смоленскъ и обширный Суздальскій край. Торговлей съ сѣверно-нѣмецкими городами начинается третій періодъ ея исторіи. Тогда Кіевъ уже не могъ играть въ ней роли посредника, такъ какъ къ югу отъ Кіева не было потребителя.

Возникновеніе торговли съ нѣмецкими городами.

Не останавливаясь на деталяхъ, мы такимъ образомъ указали основные моменты въ развитіи экономическаго строя древней Руси. Этотъ строй окрашивается сильнымъ преобладаніемъ торговли, которая заключалась, какъ въ торговомъ посредничествѣ, такъ и въ самостоятельномъ вывозѣ мѣстныхъ произведеній. Причины такихъ явленій лежатъ, какъ въ міровомъ рынкѣ, такъ и въ тѣхъ географическихъ условіяхъ, которыми пользовалась древняя Русь. Вообще экономическій бытъ каждаго народа, въ первичной стадіи своего развитія, опредѣляется природой страны. Русскіе славяне занимали равнинную страну, представлявшую собою чрезвычайное удобство для передвиженія. Верховья Днѣпра, Волги, Оки представляютъ собою рѣчной узелъ, дающій возможность передвигаться по всей обширной равнинѣ и сообщаться съ крайнимъ востокомъ, югомъ и западомъ. Въ исторіи русскихъ славянъ рѣки сыграли такую же крупную роль, какую море имѣло въ исторіи финикіянъ, карѳагенянъ и грековъ. Кромѣ нѣкоторыхъ частей средняго Поднѣпровья, Русь растянулась среди болотъ и лѣсовъ, раскинулась по непроходимымъ дебрямъ, заселяя пространства малоплодородной земли. Эти особенности почвы, равнымъ образомъ какъ и особенности суроваго климата, въ одинаковой мѣрѣ способствовали торговому и промысловому развитію страны: русскій славянинъ предпочиталъ лѣсные и водные промыслы трудной работѣ земледѣльца.

Экономическій бытъ и природа страны.

Въ силу всего сказанаго неудивительно, что все направленіе древне-русской жизни было проникнуто интересами, связанными съ торговлей. Княжеская политика, уже съ самаго зародыша государства въ Поднѣпровьи, руководствуется исключительно торговыми интересами. Такъ, этими интересами вызывались знаменитые походы первыхъ русскихъ князей на Византію. Результатъ нѣкоторыхъ изъ этихъ походовъ,—дошедшіе до

Торговая политика.

насъ торговые трактаты съ Византіей, являютъ собою замѣчательные памятники торговыхъ сношеній и сложной торговой политики и притомъ именно сознательно проводимой княжескимъ правительствомъ. Такое значеніе имѣютъ и извѣстные походы Святослава на Болгарію и Хазарію. Такой же исключительно торговый интересъ проявляютъ и договоры русскихъ земель съ нѣмцами. Эти договоры, какъ памятники древнѣйшаго права, наряду съ Русской Правдой представляютъ собою замѣчательные памятники, рисующіе намъ высокую степень развитія торговаго права въ этотъ періодъ. Русская Правда, напримѣръ, дѣлаетъ весьма тонкое различіе между различными видами торговыхъ товариществъ, знаетъ условія конкурснаго процесса, интересуется вопросами о процентахъ, ремесленникахъ, бортничествѣ и т. п.

Внутренняя торговля.

Выяснивъ широту внѣшнихъ торговыхъ сношеній, естественно задаться вопросомъ о размѣрахъ внутренняго торговаго обмѣна. Въ нашей литературѣ встрѣчаются указанія на незначительность внутренней торговли въ древней Руси. Но это не совсѣмъ справедливо, ибо малое развитіе внутренней торговли не соотвѣтствовало бы широтѣ внѣшней, такъ какъ иноземныя произведенія, по крайней мѣрѣ предметы украшенія, утварь, орудія, проникали въ самые разнообразные слои населенія. Несправедливо также предположеніе, основанное на извѣстномъ сообщеніи Константина Порфиророднаго, о томъ, что отпускная торговля велась преимущественно княземъ и его дружиной. Извѣстія арабовъ и другихъ иностранцевъ о русскихъ купцахъ во многихъ случаяхъ относятся къ эпохѣ непосредственно предшествующей сложенію большого государства въ Поднѣпровьи. Для послѣдующаго же времени мы имѣемъ уже рядъ письменныхъ извѣстій, начиная съ извѣстныхъ договоровъ русскихъ князей съ греками, о русскихъ купцахъ и гостяхъ. Размѣры вывоза и ввоза, несомнѣнно значительные, вліяли на обороты внутренняго рынка. Къ этому надо прибавить, что часть населенія, занятая исключительно торговлей, военнымъ дѣломъ или ремесломъ, нуждалась съ самыхъ обыкновенныхъ предметахъ потребленія, пріобрѣтая ихъ на городскомъ рынкѣ. Все это указываетъ на то, что древне-русское хозяйство не было замкнутымъ,—по крайней мѣрѣ это можно утверждать по отно-

шенію къ извѣстной части населенія, притомъ довольно значительной.

На широту внутренней торговли указываетъ также постановленіе Русской Правды, гдѣ говорится, что если у кого украдутъ какую-нибудь вещь, то онъ обязанъ объявить объ этомъ на торгу. Слѣдовательно, торги были часты и повсемѣстны. То же подтверждаютъ и лѣтописныя извѣстія. Новгородскіе купцы въ XII вѣкѣ встрѣчаются во всѣхъ крупныхъ городахъ: въ Суздалѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Черниговѣ, Владимірѣ Волынскомъ и др.; въ Кіевѣ была цѣлая колонія новгородскихъ купцовъ, имѣвшая здѣсь свою новгородскую божницу, т.-е. храмъ. И въ другихъ городахъ новгородскіе купцы имѣли свои потрональные храмы, напримѣръ, въ Русѣ, въ Новомъ Торжкѣ; въ иныхъ городахъ они имѣли торговые компанейскіе дома. О количествѣ новгородскихъ купцовъ, пребывавшихъ въ городахъ, можно судить по слѣдующему факту: князь Ярославъ Суздальскій въ 1215 году захватилъ въ Новомъ Торжкѣ болѣе 2.000 новгородцевъ, бывшихъ здѣсь, конечно, съ торговыми цѣлями.

Въ крупныхъ центрахъ купцы группировались въ торговыя компаніи, имѣвшія опредѣленную спеціальность. Такъ, были извѣстны купцы „гречники“, ведшіе торговлю съ Византіей. Въ Новгородѣ извѣстна Иванковская компанія „пошлыхъ“ купцовъ: судя по вступательному взносу, въ нее принимались только очень богатые купцы; она имѣла свою церковь св. Ивана, своихъ старостъ, судъ и проч. Можно думать, что и въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Смоленскѣ, были такія же привиллегированныя купеческія компаніи.

Вообще на весь укладъ древне-русской жизни торговые интересы наложили своеобразный и сильный отпечатокъ. Вся жизнь сосредоточивается въ городахъ, многіе изъ которыхъ, особенно стоявшихъ на торговыхъ путяхъ, имѣли многочисленное населеніе и производили впечатлѣніе большихъ и богатыхъ городовъ. Уже Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя. По нѣкоторымъ извѣстіямъ въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ было до 600 церквей. Своимъ богатствомъ и размѣрами отличался не одинъ Кіевъ, но и другіе крупные города: въ Смоленскѣ въ 1230 году отъ моровой язвы умерло 32 тыс. жителей, а въ Новгородѣ въ 1211 году сгорѣло 4300 дворовъ.

Скопленіе капиталовъ.

Всѣ эти данныя подготовляютъ насъ къ признанію широты торговыхъ оборотовъ. Естественнымъ спутникомъ широкой торговли или промышленности является скопленіе капиталовъ или цѣнностей въ однѣхъ рукахъ. Богатство выдѣляло однихъ и ставило въ зависимость по отношенію къ нимъ болѣе бѣдные элементы населенія. У насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ для того, чтобы судить о размѣрахъ богатствъ, скоплявшихся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, но все таки нѣкоторое представленіе объ этомъ можно получить. Только тогдашній размѣръ капитала очень трудно перевести на наши деньги. Впрочемъ, сопоставленіе съ современными цѣнами можно сдѣлать при помощи тѣхъ статей Русской Правды, которыя опредѣляютъ стоимость различныхъ животныхъ или труда. Такъ, по Русской Правдѣ лошадь оцѣнивается въ одну гривну кунъ, волъ стоитъ столько-же, корова—2 гривны кунъ; работа одной женщины съ дочерью втеченіе года оцѣнивается въ одну кунную гривну. При этомъ надо помнить, что скотъ, особенно лошади, стоили дорого въ древней Руси, потому что скотоводство не было развито, и скотъ обычно пріобрѣтался у степняковъ. Такимъ образомъ, переводя размѣры тогдашнихъ капиталовъ на число воловъ или лошадей, можно хотя бы приблизительно сопоставить ихъ съ размѣромъ богатствъ въ наше время. Такъ, ежегодный доходъ смоленскаго князя (Смоленское княженіе обнимало нынѣшнюю Смоленскую губ., часть Можайскаго уѣзда Московской и нѣкоторыя мѣстности Калужской) исчислялся до 31,000 гривенъ серебра, кромѣ ряда сборовъ, неисчислявшихся точно; такъ какъ гривна серебра въ это время стоила $7^1/_2$ гривенъ кунъ, то оказывается, что за эти деньги можно было купить ок. 23,000 воловъ; кстати, приведемъ и такую справку: въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія населеніе Смоленской губ. платило въ казну 2.241.000 р. прямого налога. Такимъ образомъ, доходъ смоленскаго князя едва ли былъ значительно меньше размѣра тѣхъ прямыхъ налоговъ, которые населеніе уплачивало въ имперскую казну въ указанное время. Далѣе, новгородцы въ княженіе Ярослава давали Кіевскому князю 2000 гривенъ серебра ежегодно: разумѣется, они еще платили дани и своему князю. Для того, чтобы населеніе могло уплачивать столь значительныя подати, оно должно было быть богатымъ, и богатство это скоплялось посредствомъ

торговли. Между тѣмъ мы нигдѣ въ древней Руси не слышимъ жалобъ населенія на налоговую тяготу. Княжеская казна также отличалась своимъ богатствомъ. Владиміръ Св. однажды роздалъ бѣднымъ 300 гривенъ серебра, хотя гривна его времени была значительно дороже гривны XII столѣтія. Владиміръ Мономахъ подарилъ своему отцу 300 гривенъ золота (золото было дороже серебра въ 8—12 разъ), а тогда онъ занималъ Переяславскій столъ. Князь Глѣбъ Полоцкій отказалъ Кіево-Печерскому монастырю 500 гривенъ серебра и 50 грив. золота, а его жена—100 грив. золота и столько же серебра. Было бы ошибочно думать, что столь значительныя богатства скоплялись только въ рукахъ князей. Тоже можно сказать и относительно частныхъ лицъ. Симонъ Варягъ при своемъ постриженіи въ Кіево-Печерскій монастырь дѣлаетъ вкладъ въ 100 гр. золота и даетъ еще золотой поясъ въ 60 гривенъ., т.-е. сумму, почти равную стоимости 10,000 воловъ (если принять цѣнность золота только въ 8 разъ больше серебра); но семья Симона всетаки осталась очень богатой, потому что его сынъ впослѣдствіи пожертвовалъ на тотъ же монастырь 500 гривенъ серебра и 50 грив. золота. О богатствѣ значительной группы лицъ, составлявшихъ Иванковскую кампанію въ Новгородѣ, можно судить по вступительному взносу, который равнялся 50 гр. серебра. Даже неустоечныя записи совершались на весьма значительную сумму: новгородцы Тешата и Якимъ совершаютъ сдѣлку и записываютъ неустойку въ 100 гр. серебра. Вообще, подобнаго рода примѣровъ можно привести много, всѣ они указываютъ на большіе капиталы, заключавшіеся въ благородныхъ металлахъ и находившіеся у частныхъ лицъ.

Бѣдные и богатые.

Наряду съ крупными капиталистами древняя Русь знала и элементъ бѣднаго населенія. Вообще, различіе между богатствомъ и бѣдностью было очень велико: князь Ярославъ, собираясь войною противъ отца своего Владиміра Св., облагаетъ новгородцевъ данью въ такомъ размѣрѣ, что съ бояръ взимаетъ по 18 гр. серебра, со старостъ по 10, а съ простыхъ людей по 4 куны, т.-е. состоятельность простыхъ людей оцѣнивалась въ сорокъ разъ меньше. Когда въ Новгородѣ на вѣчѣ поднимались споры, то чернь набрасывались на дома богачей и прежде всего искали „досокъ“, т. е. долговыхъ обязательствъ, которыя записывались на доскахъ. Въ 1209 году новгородская

чернь разграбила дворъ посадника Дмитра Мирошковича, раздѣлила его сокровища между собою, такъ что каждому новгородцу пришлось по три гр., а „доски“ Дмитровы отданы были князю,—„и поима князь сребро безъ числа“. Это значитъ, что въ древне-русскихъ городахъ чувствовался антогонизмъ между богатымъ классомъ населенія и бѣднотою, и что разстояніе между бѣднякомъ и богачемъ было очень значительно.

Въ предшествующемъ изложеніи установлено нами два важныхъ факта, характеризующихъ экономическій строй древней Руси: широта торговаго обмѣна и накопленіе значительныхъ капиталовъ у отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ группъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предыдущаго можно считать установленнымъ, что русскія области съ одной стороны принимали самостоятельное участіе въ торговлѣ, а съ другой стороны служили транзитнымъ путемъ товарообмѣна между дальнимъ востокомъ и западомъ. Эти явленія имѣли огромное вліяніе на всю древне-русскую жизнь. Это вліяніе сказывается какъ на культурномъ строѣ древне-русскихъ земель, такъ и на политическомъ состояніи тогдашняго общества.

Преобладаніе добывающей промышленности.

Занятія жителей и внѣшняя обстановка ихъ жизни всецѣло находились въ зависимости отъ условій торговой дѣятельности. Русскіе купцы получали произведенія далекаго востока, вымѣнивая ихъ на произведенія своей страны. Русь давала восточнымъ странамъ то, что она могла дать, т.-е. мѣха, невольниковъ и воскъ. Отсюда понятно преобладаніе въ занятіяхъ жителей добывающей промышленности, именно,—добычи пушного звѣря и пчеловодства. Поэтому торговый оборотъ вліялъ на древне-русскую жизнь прежде всего въ томъ смыслѣ, что эти отрасли промышленности стояли на первомъ планѣ.

Обрабатывающая промышленность стоитъ на второмъ планѣ, и среди нея земледѣліе занимаетъ очень скромное мѣсто.

Вліяніе культуры сосѣднихъ народовъ.

Потребности населенія въ различнаго рода предметахъ домашняго обихода,—въ оружіи и украшеніяхъ, которыя играли столь видную роль въ тогдашнемъ быту, въ сильной мѣрѣ удовлетворялись привозными издѣліями. Обиліе привозныхъ издѣлій вліяло на опредѣленіе эстетическихъ вкусовъ населенія. Отсюда проистекаетъ отсутствіе въ развитіи самостоятельныхъ видовъ ремесла. Наши курганы весьма богаты всевозмож-

наго рода издѣліями—украшеніями, оружіемъ, предметами домашняго обихода; всѣ эти предметы обычно обилуютъ различнаго рода украшеніями, представляющими собою иногда очень любопытные образцы искусства. Но всѣ эти предметы—привознаго характера, продуктъ торга. „Какого-либо самостоятельнаго русскаго искусства (говоритъ г. Спицынъ о курганной культурѣ VIII—X вѣковъ) въ это время нѣтъ и проблесковъ: все нужное цѣликомъ заимствуется отъ народовъ съ установившимися вкусами“. Среди курганныхъ предметовъ почти нѣтъ такихъ, которые могли бы дать намъ понятіе объ особенностяхъ жизни отдѣльныхъ племенъ: все это предметы арабскаго или скандинавскаго издѣлія или, въ крайнемъ случаѣ, грубое подражаніе этимъ издѣліямъ мѣстнаго происхожденія. Можно указать развѣ только на то, что среди южныхъ племенъ вещи скандинавскаго происхожденія встрѣчаются сравнительно очень рѣдко, тогда какъ среди сѣверныхъ онѣ обычны.

Для того, чтобы уяснить самый фактъ отсутствія самостоятельной русской культуры въ древнѣйшее время и тѣ культурныя вліянія, которыя проникали въ бытовую обстановку древне-русскихъ племенъ, мы возьмемъ для примѣра 2—3 населенныхъ пункта того времени и постараемся указать характеръ бытовой ихъ обстановки.

Характеръ культурныхъ центровъ.

Въ сѣверной части тогдашней Руси мы остановимся на такомъ пунктѣ, какъ Старая-Ладога на рѣкѣ Волховѣ, т.-е. на Великомъ водномъ пути (Альдейгобургъ скандинавскихъ сагъ). Это одно изъ наиболѣе старинныхъ славянскихъ поселеній па тогдашнемъ сѣверѣ. Торговыя сношенія Старой-Ладоги прежде всего опредѣляются монетами VIII—XI вв.: изъ восточныхъ монетъ здѣсь найдены аббасидскія и сассанидскія, изъ западно-европейскихъ—аугсбургскія, зальцбургскія, страсбургскія, утрехтскія, богемскія, саксонскія, англо-саксонскія, нашлась и одна византійская. Это опредѣляетъ кругъ торговыхъ сношеній поселенія. Въ курганномъ инвентарѣ Старой Ладоги встрѣчаемъ прежде всего рядъ предметовъ, которые своимъ происхожденіемъ имѣютъ далекій востокъ или западъ. Для примѣра укажемъ на скорлупообразныя фибулы норманскаго типа, извѣстныя въ то же время на всемъ сѣверѣ Россіи. Или вотъ еще—обильное количество украшеній, представляющихъ собою конеобразные

привѣски; эти украшенія находятся въ курганахъ, начиная отъ Балтійскаго моря, на югѣ продолжаясь въ Смоленской губ. и кончая на востокѣ—во Владимірской; эти привѣски типичны для инвентаря Булгаръ. Бусы представляютъ собою обычную принадлежность кургановъ, особенно женскихъ, и здѣсь эти бусы типичной восточной работы. Тоже можно сказать и о другихъ предметахъ. Остановимся еще на одномъ столь же типичномъ примѣрѣ; это—обширный Гнѣздовскій могильникъ близь самого Смоленска. Погребенія этого могильника относятся преимущественно къ X вѣку, совершенно заканчиваясь къ началу XI-го. По замѣчанію изслѣдователя, земледѣліе не играло въ жизни мѣстныхъ жителей видной роли; зато на первомъ планѣ стояли: пчеловодство, овцеводство, коневодство, рыболовство и особенно охота. „Основываясь на находкахъ въ курганахъ Гнѣздова мы должны утверждать, —говоритъ Сизовъ,—что самыя оживленныя торговыя сношенія жителей Гнѣздова были съ близкими и отдаленными странами востока при посредствѣ Волжскаго воднаго пути: такъ, напр., бронзовая лампочка, росписная тарелка и росписной сосудъ формы чашки, стеклянные слитки и тонкіе фрагменты зеленоватаго стекла относятся къ странамъ, близкимъ къ Кавказу, и суть произведенія арабской индустріи“.

Такимъ образомъ, наша древнѣйшая культура VIII—X вв. представляетъ собою культуру восточнаго происхожденія. Правда, эта культура относительно слабо была развита у южно-русскихъ племенъ, полянъ, древлянъ и др., такъ какъ ея мѣсто здѣсь стало замѣнять византійское вліяніе, шедшее сначала преимущественно изъ Херсонеса Таврическаго (такъ называемый Корсунскій періодъ), а послѣ принятія христіанства смѣнившееся непосредственнымъ вліяніемъ Царьграда. Указанное обиліе привозныхъ предметовъ прежде всего отражалось на слабомъ развитіи мѣстнаго производства. Мѣстное ремесло удовлетворяло лишь наиболѣе простымъ потребностямъ домашняго обихода: такъ, керамическія издѣлія, желѣзныя издѣлія (но не всегда предметы вооруженія) въ большинствѣ производились на мѣстахъ, сюда же относятся деревянныя издѣлія и нѣкоторыя другія. Правда, встрѣчаются иногда и мѣстныя мастерскія предметовъ украшенія и роскоши, т.-е. предметовъ, удовлетворявшихъ высшимъ

эстетическимъ потребностямъ, но эти предметы легко отличить отъ привозныхъ, такъ какъ они представляютъ собою грубое подраженіе восточнымъ или византійскимъ.

Есть много основаній полагать, что мѣстная обрабатывающая промышленность съ теченіемъ времени стала получать все большее и большее значеніе; это особенно относится къ XII в. Потребность въ плаваніи вызывала развитіе древодѣлательной промышленности. Въ нѣкоторыхъ городахъ мы встрѣчаемъ группы ремесленниковъ, которыя заселяютъ различныя части городовъ (гончары, кузнецы и кожемяки въ Кіевѣ, плотничій конецъ въ Новгородѣ, встрѣчаемъ также извѣстія о серебреникахъ и проч.).

При сказанныхъ условіяхъ земледѣльческая промышленность вполнѣ естественно не могла имѣть первенствующаго значенія. Земледѣліе въ древней Руси было слабо развито, удовлетворяя лишь, и то въ недостаточной мѣрѣ, насущнымъ потребностямъ населенія. Это вполнѣ понятно, потому что земледѣльческіе продукты при тогдашнихъ путяхъ сообщенія не могли служить предметомъ обмѣна: за хлѣбъ нельзя было купить у арабовъ или византійцевъ тѣ прекрасныя вещи, которыя находятся въ такомъ изобиліи въ курганахъ. По словамъ Ибнъ-Даста, арабскаго писателя X вѣка, „Русь не имѣетъ ни недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашенъ; единственный промыселъ ихъ—торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату же, получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ пояса свои“. Вообще въ представленіи арабовъ тогдашняя Русь—это народъ торговцевъ и воиновъ. Разумѣется, арабскія извѣстія о томъ, что у Руси совсѣмъ не было пашенъ нельзя понимать буквально: здѣсь арабъ только отмѣчаетъ, что тѣ руссы, которыхъ арабы знали на Волгѣ, не занимались земледѣліемъ. Съ другой стороны и тѣсно связанное съ земледѣльческой промышленностью скотоводство было тоже слабо развито: Константинъ Багрянородный въ извѣстномъ своемъ сочиненіи говоритъ о томъ, что Русь покупала у печенѣговъ лошадей и овецъ, такъ какъ этихъ животныхъ Русь у себя не разводила. Итакъ, земледѣліе было слабо развито, хотя этотъ родъ промышленности и былъ извѣстенъ русскимъ славянамъ

Земледѣліе.

въ очень раннее время. Древнѣйшій лѣтописецъ уже говоритъ о земледѣльческихъ орудіяхъ—ралѣ и плугѣ; раскопки даютъ намъ образцы сошниковъ и особенно часто серповъ. Слабое развитіе земледѣлія объясняется и трудностью обработки земли, которая при подсѣчной системѣ состояла въ выжиганіи лѣса, корчеваніи его и вспахиваніи; подготовленіе такой нови требовало очень большихъ усилій.

Земледѣліе весьма медленно получаетъ преобладающее значеніе. Еще въ XII вѣкѣ всякій недородъ хлѣба очень сильно отражался на населеніи, что свидѣтельствуетъ объ отсутствіи хлѣбныхъ запасовъ. Такъ, Великій Новгородъ страдалъ отъ хлѣбнаго недостатка каждый 11-й годъ и со второй половины XII вѣка систематически сталъ пользоваться подвозомъ хлѣба изъ Суздальскаго княжества.

Однако, съ теченіемъ времени земледѣльческая промышленность становится въ русскихъ областяхъ, за исключеніемъ Великаго Новгорода, преобладающей. Этотъ переворотъ относится къ XII вѣку и объясняется извѣстнымъ намъ упадкомъ торговли южныхъ областей въ связи съ усиленнымъ отливомъ населенія въ Окскій бассейнъ. Развитіе земледѣлія находится въ непосредственной связи съ формами землевладѣнія и землепользованія, къ изложенію которыхъ мы сейчасъ и перейдемъ.

Въ древнѣйшее время земля не была предметомъ собственности, почему и не была предметомъ обмѣна. Древнѣйшія формы землепользованія на Руси были, вѣроятно, такими-же, какія мы наблюдаемъ у многихъ народовъ на первичныхъ ступеняхъ ихъ экономическаго развитія, когда земледѣлецъ или звѣроловъ впервые занимаетъ еще не освоенное и не обработанное пространство земли. Такъ было у древнихъ германцевъ, у которыхъ извѣстный округъ или село захватывало территорію, которою и распоряжалось сообща; отдѣльные дворы или семьи опахиваютъ среди этой территоріи потребное для нихъ пространство земли и при томъ на опредѣленный срокъ; лѣсомъ же и сѣнными покосами вся волость пользуется сообща. Только съ увеличеніемъ населенія является потребность въ установленіи граней и въ опредѣленіи правъ владѣнія. Почти такой же процессъ захвата земли, совмѣстнаго владѣнія участками можно наблюдать и при занятіи колонистами дѣвствен-

ной почвы Сибири. Безспорно, въ древней Руси повторились тѣ же явленія: вервь, т.-е. волостной союзъ, союзъ нѣсколькихъ селъ (древне-русское село представляло собою 1—2 двора, населенныхъ одною большою семьею, состоящею какъ изъ родственниковъ, такъ и изъ постороннихъ лицъ; это была сябринная семья, или складническая, аналогичная южно-славянской задругѣ) занималъ извѣстную территорію, которою и распоряжался. Такъ среди глухихъ лѣсовъ и болотъ устраивался земледѣлецъ и звѣроловъ. Мы уже подготовлены къ той мысли, что эксплоатація природныхъ богатствъ въ это время на первомъ планѣ заключалась въ звѣроловствѣ, а земледѣліе было лишь подспорнымъ промысломъ. Такъ земля заселялась свободными смердами.

Землевладѣніе.

Но, наряду съ свободнымъ захватомъ земли, постепенно появляется и понятіе объ освоеніи земли, т. е. созрѣваетъ понятіе о землѣ, какъ о собственности, о капиталѣ, представляемомъ ею. Такъ, земля получаетъ значеніе цѣнности. Такая эволюція происходитъ подъ вліяніемъ различныхъ условій и вполнѣ отчетливо вырисовывается уже въ XII вѣкѣ. Прежде всего увеличеніе населенія вліяло на уменьшеніе земельнаго фонда, т. е. на уменьшеніе такихъ земельныхъ богатствъ, эксплуатація которыхъ представляла наименѣе трудностей. Это осваиваніе земли, признаніе ея частной собственностью извѣстнаго лица, совершается болѣе сильными людьми, князьями, боярами: уже въ XI стол. мы встрѣчаемъ упоминаніе о княжескихъ селахъ, а въ XII вѣкѣ боярскія и княжескія села представляютъ собою довольно обычное явленіе и уже составляютъ предметъ обмѣна, даренія, наслѣдованія. Такъ идетъ развитіе частнаго землевладѣнія *). Усиленіе этого процесса находится въ непосредственной связи съ исторіей торговаго обмѣна: съ прекращеніемъ восточной торговли и съ ослабленіемъ къ половинѣ XII вѣка византійской торговли, происходитъ переломъ въ самомъ направленіи промышленности: земледѣліе начинаетъ заступать мѣсто звѣроловства. Въ Суздальской землѣ развитіе земледѣльческой промышленности получаетъ особый толчокъ еще и потому, что хлѣбъ дѣлается

*) См. ст. „Дружина и бояре“, стр. 398.

предметомъ сбыта, идетъ въ населенный Новгородъ, и отсюда взамѣнъ хлѣба получаются западно-европейскіе товары. Параллельно съ этимъ совершается и эволюція, способствующая развитію землевладѣльческаго класса. Русскій князь древнѣйшаго періода былъ окруженъ дружинниками, съ которыми онъ ходилъ на войну и охоту, дѣлилъ охотничью и военную добычу. Князья XII вѣка отдаленныхъ походовъ уже не совершаютъ, междуусобныя войны даютъ незначительную добычу, притомъ преимущественно въ видѣ плѣнныхъ рабовъ, которые уже не могутъ поступить на рынокъ за отсутствіемъ сбыта. Эта живая добыча теперь заселяетъ боярскія и княжескія села. Такъ постепенно наростаетъ типъ землевладѣльца, хозяйственное вниманіе котораго преимущественно обращается на земледѣліе и скотоводство. Разумѣется, такой переходъ совершается очень медленно, не во всѣхъ земляхъ въ одинаковой мѣрѣ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Такъ, Галицкая земля, обладавшая богатой почвой и другими благопріятными для земледѣлія условіями, на рубежѣ XII—XIII-го вѣка является страной крупнаго боярскаго землевладѣнія съ преобладающей земледѣльческою промышленностью. Въ Суздальской землѣ земледѣліе также играетъ крупную роль, вслѣдствіе причинъ, на которыя было указано. Новгородская земля покрывается въ тотъ же періодъ богатыми боярскими лятифундіями, но съ преобладающимъ промысловымъ характеромъ хозяйства, вслѣдствіе особенностей здѣшней почвы и климата, а равно и вслѣдствіе потребностей здѣшняго рынка.

Частновладѣльческія села.

Вся эта очень сложная эволюція станетъ для насъ болѣе ясной когда мы ознакомимся съ формами хозяйства на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ, съ боярскимъ и княжескимъ селомъ.

Двинскія новгородскія грамоты, купчія, духовныя и т. п., XIII—XIV в.в., хотя и относятся къ болѣе позднему времени, но возстанавливаютъ намъ картину болѣе древнихъ формъ хозяйства въ частныхъ владѣніяхъ: вслѣдствіе особенностей новгородской торговли и природныхъ условій, здѣсь сохранились черты, которыя уже въ XII в. исчезаютъ на югѣ и въ Суздальской землѣ. По этимъ Двинскимъ грамотамъ предметомъ владѣній служатъ: ловища, перевѣсища, рѣчные участки, водныя пространства, лѣсъ, т. е. промысловыя угодья; среди

нихъ лоскуты земли, т. е. небольшія обработанныя пространства. Въ духовной грамотѣ новгородца Климента XII вѣка мы тоже встрѣчаемъ на первомъ планѣ: борти, колоды (пчеловодныя угодья), затѣмъ уже огородъ и „малыя селища". Что касается средняго Поднѣпровья и вообще южной Руси, то тамъ уже въ XII вѣкѣ, наряду съ бортями и охотниками, мы встрѣчаемъ въ селѣ и элементъ, занимающійся земледѣліемъ. Тутъ является весьма важнымъ и интереснымъ вопросъ о томъ, кто живетъ въ княжескихъ и боярскихъ селахъ и исполняетъ хозяйственныя работы. Частновладѣльческое село XII в. было населено рабами: наши источники о нихъ только и говорятъ при упоминаніи о частновладѣльческихъ селахъ. Уже житіе св. Ѳеодосія Печерскаго разсказываетъ о томъ, что 13-ти лѣтній Ѳеодосій началъ свои труды тѣмъ, что „исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ великимъ смиреніемъ". Смоленскій князь Ростиславъ, основывая самостоятельную епархію въ Смоленскѣ, жалуетъ мѣстному епископу: земли, озера, сѣножати, „огородъ съ капустникомъ съ женою и дѣтьми" (т.-е. раба, занимавшагося огородничествомъ), „тетеревника съ женою и дѣтьми", наконецъ, села Дросенское и Ясенское съ бортникомъ и съ изгоями, т.-е. опять таки съ зависимымъ элементомъ. Новгородецъ Варлаамъ даритъ св. Спасу земли, огороды, ловища съ челядью и со скотиною и перечисляетъ эту челядь. Жена полоцкаго князя Глѣба даритъ Кіево-Печерскому монастырю пять селъ съ челядью. Однимъ словомъ, по характерному выраженію лѣтописца, „жизнь" князей и бояръ, т.-е. ихъ села, населены были челядью, на которой и лежали хозяйственныя работы. Количество такой сельской челяди иногда было очень велико: въ одномъ селѣ черниговскаго Святослава Ольговича было захвачено его противниками до 700 человѣкъ челяди.

Но развивающееся землевладѣніе далеко не сразу освоило всѣ свободныя земли, этотъ процессъ произошелъ уже значительно позже. Земли было много, и цѣнность ея несомнѣнно заключалась въ томъ трудѣ, который былъ положенъ на устройство путиковъ, перевѣсищъ, бортей, поженъ и нивъ. На земляхъ, не составлявшихъ частной собственности, жили свободные смерды. Древне-русскихъ смердовъ именно слѣдуетъ

представлять себѣ въ качествѣ свободныхъ земледѣльцевъ, селившихся на никѣмъ не занятыхъ земляхъ. Такое занятіе земли не является правомъ собственности въ нашемъ смыслѣ слова, да вообще это понятіе, въ періодъ, когда лишь вырабатывалась юридическая конструкція княжеской и боярской собственности, не могло быть прилагаемо къ смердьимъ участкамъ. Только позже, именно съ конца XII в. и особенно въ XIII, развивается понятіе о принадлежности всей незанятой частными собственниками земли всей землѣ, т.-е. признаніе ея государственною собственностью; но такой ростъ юридическихъ понятій первоначально наблюдается только въ Новгородской землѣ, судя по договорамъ съ князьями, и затѣмъ уже распространяется на другія княженія, что относится къ болѣе позднему времени. Итакъ, древнѣйшій смердъ пользовался землей, относительно которой еще не установилось понятіе собственности, принадлежащей частному лицу или государству. Это не препятствовало смердамъ иногда дѣлаться собственниками своихъ участковъ, или пріобрѣтать таковые, или получать признаніе права собственности отъ государственныхъ учрежденій: новгородскіе своеземцы, т.-е. мелкіе свободные землевладѣльцы позднѣйшаго времени, по всей видимости, являются прямыми потомками смердовъ древнѣйшаго времени. Съ другой стороны, наряду съ несвободнымъ населеніемъ частновладѣльческихъ селъ, на нихъ жили и полу-свободные зависимые элементы (мы уже знаемъ объ изгояхъ, населявшихъ села); равнымъ образомъ и свободные элементы встрѣчаются въ частновладѣльческихъ селахъ. Такъ, мы знаемъ о сельской администраціи, которая состояла изъ рабовъ или изъ свободныхъ, иногда изъ закуповъ, иногда встрѣчаемъ и свободныхъ земледѣльцевъ въ собственномъ смыслѣ слова: это тѣ самые сябры, жившіе наряду съ изгоями въ частновладѣльческихъ селахъ (здѣсь сябръ въ смыслѣ соучастникъ въ работѣ, сдольникъ), о которыхъ упоминается въ посланіи епископа смоленскаго Климента.

На предшествующихъ страницахъ изложенъ весь тотъ рядъ чрезвычайно сложныхъ явленій, которыя характеризуютъ народнохозяйственныя отношенія древнѣйшаго періода. Теперь можно подвести итоги сказанному и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризовать

соціально-политическія послѣдствія, стоящія въ непосредственной зависимости отъ направленія экономической жизни.

Связь нар. хоз. съ др. стор. жизни.

Направленіе народнаго хозяйства находится въ непосредственной связи съ природными богатствами страны и съ положеніемъ ея на міровомъ рынкѣ. Древняя Русь занимала счастливое положеніе въ томъ смыслѣ, что явилась страной транзита товаровъ между крайнимъ востокомъ и западомъ. Но чрезъ нее не только транспортировались товары: она сама принимала живое участіе въ торговлѣ вывозомъ продуктовъ собственной земли. Поэтому мѣновое хозяйство, т.-е. торговля, въ связи съ добывающей промышленностью, является характернымъ фономъ тогдашней экономической жизни. Въ самой исторіи торговли мы замѣчаемъ въ данный періодъ извѣстнаго рода смѣны, находящіяся въ непосредственной зависимости отъ мірового рынка: исторія русской торговли открывается блестящимъ періодомъ арабской торговли; параллельно съ ней къ началу X столѣтія получаетъ такое же развитіе торговля съ Византіей. Но арабская торговля прекращается къ концу X столѣтія, и наступаетъ кратковременный періодъ преобладанія одной византійской торговли. Въ началѣ XII столѣтія и эта торговля терпитъ сильный ущербъ. Но экономическій строй не стоитъ изолированно въ жизни страны; напротивъ, онъ подчиняетъ своему мощному вліянію цѣлый рядъ явленій народной жизни, и прежде всего соотношенія политическія и соціальныя. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ экономическихъ явленій, характеризующихъ жизнь страны, въ сильнѣйшей мѣрѣ опредѣляется и характеръ государственнаго устройства ея, какъ равно и другія стороны народной жизни. Мы уже имѣли случай наблюдать смѣну культурныхъ вліяній востока, Херсонеса Таврическаго и Византіи: рисунокъ, встрѣчаемый на какой-нибудь фибулѣ, рукояткѣ меча, орнаментъ горшка и т. п. проявленія примитивнаго искусства отражаютъ собою культурный ростъ, направленія развитія древнѣйшей эпохи; а всѣ эти явленія, какъ мы видѣли, оказались въ зависимости отъ условій экономической жизни. Въ неменьшей мѣрѣ развиваемое положеніе—можно сказать историческій законъ—приложимо и къ области политической и соціальной жизни народа.

Колонизація. Извѣстія иностранныхъ писателей, наравнѣ съ преданіями, сохранившимися въ древнѣйшей лѣтописи, рисуютъ намъ періодъ такъ называемаго племеннаго быта славянъ, не составлявшихъ единаго государства и далекихъ отъ расчлененія на общественныя группы или классы. Съ другой стороны, основныя поселенія славянъ древнѣйшаго періода тянутся отъ Прикарпатья лишь къ среднему Приднѣпровью. Изъ мѣстностей, занятыхъ славянами, открывались на югъ богатыя черноземныя пространства, которыя могли бы служить приманкой для колонистовъ-земледѣльцевъ; въ VII—X в.в. эти южныя черноземныя пространства еще не столь плотно заняты степняками, чтобы многочисленное и воинственное племя не рѣшилось вступить съ ними въ борьбу. Но условія экономической жизни не влекли древнѣйшаго славянина къ чернозему, и русская колонизація пріобрѣтаетъ оригинальное направленіе, которое объясняется только участіемъ русскихъ славянъ въ арабской торговлѣ. Все направленіе русской колонизаціи объясняется условіями торгово-промышленной дѣятельности. Колонисты захватываютъ верхнюю часть Великаго воднаго пути, колонизуютъ верховье Днѣпра, Западной Двины и утверждаются на берегахъ Волхова среди непроходимыхъ дебрей и враждебнаго финскаго племени. Захвативъ эту часть путей, колонизація сворачиваетъ отъ Днѣпра къ востоку, тянется къ великому Волжскому пути: древнѣйшая колонизація Ростовскаго края имѣетъ несомнѣнно промысловый и торговый характеръ въ противоположность позднѣйшей земледѣльческой; объ этомъ свидѣтельствуютъ древнѣйшіе курганы Владимірской области (IX—XI в.в.), инвентарь которыхъ связываетъ ихъ съ дальнимъ Востокомъ и верхнимъ Поднѣпровьемъ. Вотъ причины первичнаго направленія русской колонизаціи. Въ связи съ этимъ колонизаціоннымъ движеніемъ находятся и первыя завязи государственнаго правопорядка: удержаніе преобладающаго значенія въ торговлѣ вызывало необходимость обратиться къ военной силѣ. Отсюда мы видимъ зародышъ государства въ Новгородѣ, хотя и можемъ сомнѣваться въ деталяхъ, объясняющихъ его сложеніе. Народившееся государство разрушаетъ племенной бытъ. Тѣ же торговыя условія вызываютъ необходимость обращенія къ

военной силѣ въ центрѣ средняго Поднѣпровья, въ Кіевѣ, (государство Дира). Когда-же Кіевъ, вслѣдствіе своего счастливаго географическаго положенія, сталъ объединять въ себѣ удобство центра, связывающаго выгоды восточной и византійской торговли, и передаточнаго пункта на ближайшій западъ (Регенсбургъ), то здѣсь, въ Кіевѣ, появляется князь, представитель военной силы и торговой политики (о чемъ свидѣтельствуютъ договоры съ греками), объединившій подъ своей властью всѣ остальныя русскія племена: это было господство Кіева не только политическое, но и экономическое. Это господство продолжалось ровно до тѣхъ поръ, пока Кіевъ удерживалъ значеніе центра, т.-е. во второй періодъ арабской торговли и въ первый періодъ византійской. Съ паденіемъ арабской торговли, начинаетъ колебаться положеніе Кіева и созданнаго здѣсь единаго государства. Еще нѣкоторое время Кіевъ удерживаетъ за собою вліяніе и только до тѣхъ поръ, пока, до половины XII в., еще имѣетъ значеніе византійская торговля.

Паденіе Кіева и новые центры.

Паденіе Кіева подготовляется постепенно. Уже при внукахъ Ярослава появляется стремленіе къ созданію новыхъ центровъ, конкурирующихъ съ Кіевомъ (отсюда борьба Кіева съ Черниговомъ). Появленіе провинціальныхъ центровъ вполнѣ понятно: торговля развивала жизнь тѣхъ городовъ, которые находились на пути ея, создавались мѣстные центры, гдѣ начинала процвѣтать мѣстная добывающая и обрабатывающая промышленность, и создавался торговый классъ населенія. Эти мѣстные центры выростаютъ вслѣдствіе толчка къ ихъ экономическому развитію, даннаго въ періодъ процвѣтанія торговли, и по инерціи продолжаютъ расти и въ XII вѣкѣ. Итакъ, появляются мѣстные торгово-промышленные центры въ то самое время, когда доминирующее положеніе Кіева начинаетъ колебаться. Отсюда выясняется намъ основная причина раздробленія древней Руси на земли, волости и отдѣльныя княженія. Отсюда и понятно, почему во главѣ отдѣльныхъ земель стоятъ старые города, являющіеся центрами торгово-промышленной дѣятельности (Черниговъ, Смоленскъ, Ростовъ, Полоцкъ, Туровъ, Великій Новгородъ). На самый характеръ населенія торгово-промышленная дѣятельность налагала сильный отпечатокъ:

звѣроловы и торговцы-воины отличаются смѣлостью, воинственностью и самостоятельностью. Города, въ которыхъ преобладалъ такой элементъ, развиваютъ энергичную городскую жизнь, населеніе стремится къ самостоятельности, что выражается въ ростѣ городового вѣча и въ подчиненіи ему княжеской власти: на фонѣ ослабѣвшей княжеской власти выростаетъ древне-русское народоправство.

Зарожденіе сословій.

Параллельно съ указанными явленіями нарастаетъ и еще одно явленіе черезвычайной важности. Въ торговлѣ не всѣ одинаково могутъ принимать участіе. Отсюда наблюдаемое въ столь рѣзкой мѣрѣ скопленіе капиталовъ и другихъ цѣнностей въ однѣхъ рукахъ и бѣдность другихъ элементовъ общества. Рѣзкое различіе между капиталистомъ и бѣднякомъ полагаетъ начало различія общественныхъ группъ населенія, водворяется соціальное неравенство, при которомъ болѣе состоятельные элементы держатъ въ политической и экономической зависимости менѣе состоятельные. На почвѣ такого экономическаго неравенства зарождаются обособленныя общественныя группы: первоначально болѣе состоятельные классы пользуются извѣстнаго рода привиллегированнымъ положеніемъ въ силу своего экономическаго превосходства, а съ теченіемъ времени это привиллегированное положеніе получаетъ юридическую санкцію, и такимъ путемъ образуется сословное дѣленіе. Этотъ процессъ въ древней Руси не получилъ еще окончательнаго развитія, сословія не успѣли образоваться, хотя уже сложились общественные классы, классъ боярства, готовый отлиться въ привиллегированную сословную группу.

Такъ экономическія соотношенія опредѣлили соціальный строй древней Руси. Разумѣется, въ отдѣльныхъ земляхъ указанныя явленія сказывались въ большей или меньшей мѣрѣ.

Но вернемся къ соотношеніямъ политическимъ и экономическимъ. Мы указали только что на тѣ явленія политической жизни, которыя были обусловлены усиливающимся развитіемъ торговли и промышленности. Но мы помнимъ, что въ половинѣ XII столѣтія торговля Кіева падаетъ и почти совершенно прекращается. Можно съ увѣренностью сказать, что въ этотъ періодъ среднее Поднѣпровье переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ. Этотъ кризисъ совпадаетъ и, быть можетъ, слу-

житъ первоисточникомъ междукняжескихъ смутъ того времени. Экономическій кризисъ побуждаетъ населеніе отдѣльныхъ областей примѣняться къ новымъ условіямъ жизни. Новгородская область съ сосѣдними находитъ выходъ изъ этого положенія въ измѣнившихся обстоятельствахъ міроваго рынка: завязываются новыя торговыя связи съ сѣверно-нѣмецкими городами, и промысловая и торговая жизнь сосредоточивается въ этомъ городѣ и его области. Югъ не могъ принять участія въ этой торговлѣ, потому что она далеко по своимъ размѣрамъ не могла поглотить интересовъ плотно населеннаго юга, къ этому надо прибавить и безспорное уменьшеніе зоологическихъ богатствъ юга наряду съ сдѣланными новгородцами открытіями пушныхъ промысловъ на крайнемъ сѣверѣ и въ Пріуральи. Замѣтимъ, что вслѣдствіе послѣдней причины въ промысловой дѣятельности не могла принимать участія и старинная Ростовская область: уже въ XIV в. рядъ прочныхъ данныхъ подтверждаетъ или полное отсутствіе лучшаго пушного звѣря въ этой области, или количественное уменьшеніе второстепеннаго. Разумѣется, эти явленія стали сказываться въ жизни края задолго до XIV вѣка, очевидно, падая по крайней мѣрѣ на XII вѣкъ. При такихъ условіяхъ въ жизни страны происходитъ очень сложная эволюція: сѣверовостокъ Руси превращается въ сельскую Русь, усиленно пополняемую колонистами съ юга; на югѣ и на западѣ, наряду съ остатками нѣкоторыхъ промысловъ (пчеловодство, добыча соли въ Галиціи и нѣк. др.) преобладающее значеніе получаетъ земледѣліе; сильные элементы, боярство, захватываютъ земли, и нарождается крупное землевладѣніе. Первоначально землевладѣніе пользуется только рабскимъ трудомъ, а съ уменьшеніемъ источниковъ рабства землевладѣлецъ стремится прикрѣпить къ своей вотчинѣ свободнаго земледѣльца: послѣднее явленіе начинаетъ сказываться въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ уже на рубежѣ XIII—XIV вв. (Галиція, частью и Московская область). Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и политическія соотношенія: съ переходомъ центра жизни изъ города въ село, сѣверо-восточная Русь первая являетъ ослабленіе интенсивности политической жизни земли, такъ какъ городовое вѣче постепенно теряетъ здѣсь свое первоначальное значеніе; въ Галиціи и вообще въ западно-

русскихъ областяхъ наросшее землевладѣльческое боярство оттѣсняетъ на вѣчѣ городской классъ черныхъ людей; то же явленіе замѣчается въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ. Такъ падаетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ институтовъ древней Руси, вѣче, уступая мѣсто новому соціально-политическому строю.

М. Довнаръ-Запольскій.

Образованность. *)

Несмотря на значительное количество ученыхъ изслѣдованій, посвященныхъ выясненію размѣровъ древне-русскаго просвѣщенія, вопросъ о состояніи образованности въ Россіи въ до-монгольскій періодъ XI—XIII вв.) не можетъ считаться окончательно порѣшеннымъ. Взгляды ученыхъ на состояніе образованности въ др. Руси.

Еще въ первой половинѣ XVIII в. сотрудникъ Петра В., В. Н. Татищевъ (р. 1686, ум. 1750 г.), опираясь на данныя исчезнувшей безслѣдно Іоакимовской лѣтописи, утверждалъ, что

---

*) *Литература: В. Н. Татищевъ.* „Исторія", I; *Голубинскій.* „Исторія р. Церкви", т. I; *Харламповичъ.* „Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ до-монгольскій періодъ", 1901 г.; *Лавровскій.* „О древне-русскихъ училищахъ"; *Никольскій.* „О литературн. трудахъ Климента Смолятича", 1892 г.; *Лопаревъ.* „Посланіе митр. Климента къ смоленскому преосв. Ѳомѣ" 1892 г.; *Бѣляевъ.* „О изученіи греческ. язык. въ Россіи". Пропилеи, 1851 г.; *Сухомлиновъ.* „О языкознаніи въ др. Руси". Уч. зап. II отд. Акад. Н. I, 1854; *Порфирьевъ.* „О чтеніи книгъ въ древн. времена". Прав. Собес., 1858; *Его же.* „Объ источн. свѣдѣній по разнымъ наукамъ"; тамъ же, 1860; *Семеновъ.* „Древн.-русская Пчела по пергам. списку", Сб. 2 отд. Ак. Н., т. LIV; *Семеновъ.* „Мудрость Менандра" по русск. спискамъ 1892; *Яковлевъ.* „О древне-кіевскихъ религіозныхъ сказаніяхъ"; *Архангельскій.* „Къ изученію древне-русск. литер. Творенія о.о. Церкви въ древне-русск. письменности." Спб., 1888 г.; *Срезневскій.* „Свѣдѣнія и замѣтки", вып. I; *Косма Индикопловъ.*, „Христіанская топографія", изд. Общ. Л. Др. Письм.; *Перетцъ.* „Матеріалы къ истор. апокр. и легенды", I, Громники, 1899; *Карпѣевъ.* „Физіологъ." 1890; *Тихонравовъ.* „Памятники отреч. литер.", т. II; *Бобынинъ.* „О состояніи, матем. наукъ въ Россіи до XVI в." Ж. М. Н. Пр. 1886; *Шахматовъ.* „Начальн. кіевск. лѣтоп. сводъ и его источн.", Юбил. сборн. В. Ѳ. Мюллеру, 1900 г. и др. изслѣд. (Ж. М. Н. Пр., Чт. Общ. Ист. и Др., Сборн. 2 отд. Ак. Н.); *Павловъ.* „Книги законныя". Сборн. 2 отд. Ак. Н. т. XXXVII; *Срезневскій.* „Рязанская Кормчая"; изд. Акад. Наукъ „Памятники древне-русской церк. учит. литературы". вып. I., 1894.

уже въ первые годы по принятіи христіанства „въ Руссіи науки не токмо читать и писать, но языковъ,— греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латинскій языкъ введены, и многія училища устроены были; но нашествіемъ татаръ, какъ власть государей умалилась, а духовныхъ возрасла, тогда симъ для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе явилося народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и церквахъ пресѣкли и оставили". Въ „Исторіи" Татищева встрѣчаемъ неоднократно указанія на особую любовь къ образованію и собиранію книгъ у такихъ лицъ, относительно которыхъ другіе источники говорятъ лишь о благочестіи. Наконецъ, Татищевъ опредѣленно высказывается въ томъ смыслѣ, что въ до-монгольскій періодъ на Руси были многіе философы.

Діаметрально противоположнымъ и особенно опредѣленно формулированнымъ является мнѣніе извѣстнаго историка русской Церкви, акад. и проф. Голубинскаго. Опираясь на данныя лѣтописей и житій, онъ приходитъ къ убѣжденію, что попытка насадить просвѣщеніе при Св. Владимірѣ не удалась, и русскіе въ массѣ остались чужды просвѣщенія, ограничившись лишь грамотностью, да и та не была достаточно распространена во всѣхъ слояхъ населенія. „Грамотность, а не просвѣщеніе—въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владиміра до Петра В.". Эта грамотность—достояніе лишь городскихъ жителей, духовенства; „что же касается жителей селъ, то о нихъ нужно думать за періодъ до-монгольскій такъ, что они оставались еще совершенно безграмотными, или что грамотность была между ними не болѣе, какъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ". Итакъ, два противорѣчивыхъ мнѣнія, взаимно другъ друга исключающихъ. Къ этому же, оба автора, какъ и другіе ученые, примыкающіе къ тому или другому, оперируютъ при рѣшеніи вопроса однимъ и тѣмъ же лѣтописнымъ и агіографическимъ матеріаломъ *). Вопросъ нѣсколько выясняется лишь тогда, когда мы попробуемъ привлечь къ рѣшенію его непосредственно

Агіографія—литература, посвященная житіямъ святыхъ (отъ ἅγιος—святой и γράφειν—писать.

факты изъ области литературы и науки XI—XIV столѣтій и хотя бы въ слабой степени воспользуемся тѣмъ матеріаломъ, который даетъ намъ не лѣтопись, а обширная переводная литература, бывшая въ древней Руси главнымъ источникомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Но въ этой области мы не можемъ почерпнуть столько, сколько хотѣлось бы; масса еще неизслѣдованнаго матеріала и анонимныхъ сочиненій лежатъ не опубликованными въ нашихъ древне-хранилищахъ.

Однако, даже пользуясь опубликованнымъ матеріяломъ, мы убѣждаемся, что истина, какъ часто это бываетъ, и въ нашемъ вопросѣ находится посрединѣ между двумя крайностями.

Любовь и уваженіе къ книгѣ.

Не можетъ подлежать спору, что русскіе въ интересующую насъ эпоху очень любили и уважали чтеніе, конечно, главнымъ образомъ, за его „душеполезность". Въ словѣ нѣкоего калугера (старца, монаха) читаемъ, что чтеніе даетъ познаніе Бога и подвизаетъ на добрыя дѣла. Популярная статья о чтеніи книгъ, извѣстная встарину въ большомъ количествѣ списковъ, говоритъ: „Добро есть, братіе, почитанье книжьное, паче всякому христіанину". „Егда чтеше книги, не тщися борзо исчисти до другыя главизны, но поразумѣй (раздумай, пойми), что глаголютъ книги и словеса та, и трижды обращаяся о единой главизнѣ". „Узда коневи правитель есть и воздержаніе, праведнику же—книгы. Не составить бо ся корабль безъ гвоздій, ни праведникъ безъ почитанія книжьнаго". „Красота воину оружіе и кораблю—вѣтрила, такъ и праведнику почитаніе книжьное". „Приводя примѣры изъ житій св. Василія Вел., (р. 329—у. 378), Іоанна Златоустаго (р. 347—у. 407) и Кирилла Философа, первоучителя славянъ (р. 827—у. 869), авторъ слова замѣчаетъ, что эти святые „измлада прилежааху святыхъ книгъ—то же и на добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятокъ добрыимъ дѣломъ почитаніе святыихъ книгъ!" Такъ мы читаемъ впервые въ Святославомъ Изборникѣ 1076 года. Конечно, идеалъ—одно, жизнь—другое, и не всегда и не всѣ явленія послѣдней удается приблизить къ идеальной нормѣ житія. Но только при глубокомъ пониманіи значенія просвѣщенія и искренней любви къ нему могъ внести лѣтописецъ въ свой трудъ похвалу книгамъ: „Велика польза бываетъ человѣку отъ ученія книжнаго: книгами наставляемы и поучаемы бываемъ мы на

путь покаянія и мудрость находимъ и воздержаніе отъ книжныхъ словесъ; они—рѣки, напаяющія всю вселенную, они — источникъ мудрости; неисчетна глубина книгъ; ими мы утѣшаемся въ печали, они намъ узда воздержанія. Велика мудрость... и если ее поищешь въ книгахъ, и прилежно, то найдешь великую пользу душѣ своей. Кто часто читаетъ книгу, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ или со святыми мужами; читая пророческія бесѣды, евангельскія и апостольскія ученія и житія святыхъ отецъ, душа получаетъ великую пользу".

Князья книголюбцы.

Мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что много было философовъ въ древней Руси, что приведенныя поученія непремѣнно исполнялись, и масса проникалась желаніемъ знать грамоту и читать все, что могли предложить ей тогдашнія книжки. Но среди князей, мы знаемъ, были лица, по справедливости заслужившія прозваніе „книголюбцевъ". Къ числу таковыхъ мы отнесемъ хотя бы вел. кн. Святослава, для котораго сдѣланы списки сборниковъ 1073 и 1076 г.г., кн. Владиміра Васильковича, Владиміра Мономаха (р. 1053—у. 1125), и его отца, Всеволода, „иже дома сѣдя изумѣяше пять языкъ". Особенно же выдѣляется своей любовью къ наукѣ и заботами о просвѣщеніи вел. кн. Ярославъ, которому лѣтописецъ посвящаетъ подъ 1037 (6545) годомъ прочувствованную похвалу:... „и бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и попы любяше повелику, излиха же бѣ любяче черноризьци и *книгамъ прилежа, почитая часто въ день и въ нощи; и собра писцѣ многы и прѣкладаше отъ грекъ на словеньскый языкъ и писмя, и списаша многы книгы*, ими же поучаються вѣрніи людье и наслаждаються ученія божественнаго гласа". Подобно тому, какъ одинъ оретъ землю, а другой засѣваетъ сѣмя, такъ и Св. Владиміръ умягчилъ Русь крещеніемъ, а Ярославъ „насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей", а мы пожинаемъ, „ученіе пріемлюще книжное". Ярославъ собралъ много книгъ и положилъ ихъ въ св. Софіи, то же дѣлая и въ другихъ церквахъ.

Дѣятельность Ярослава, повидимому, не была единичнымъ явленіемъ, чѣмъ-то выходящимъ изъ ряду вонъ. Несмотря на нашествіе татаръ, продолжительныя и разорительныя войны, опустошавшія города и села, церкви и монастыри, бывшіе главными очагами книгописанія, до насъ дошло значительное

количество пергаменныхъ рукописей XI—XIV вв., а также въ болѣе позднихъ спискахъ немало такихъ литературныхъ произведеній, которыя, несомнѣнно, восходятъ къ первымъ тремъ-четыремъ вѣкамъ существованія у насъ письменности. Это громадное количество рукописныхъ книгъ, которое мы лишь приблизительно можемъ себѣ представить по мелкимъ остаткамъ былого богатства, свидѣтельствуетъ о томъ, что не напрасны были призывы къ „книжному почитанію", и не напрасно лѣтописцы хвалили любителей книгъ: такая любовь къ книгѣ могла существовать лишь въ болѣе или менѣе образованной средѣ, цѣнящей ученость и умственный трудъ.

Потребность въ грамотныхъ людяхъ.

Да и помимо любви къ литературѣ и душеполезному чтенію, необходимо было хотя бы начальное знаніе грамоты въ широкихъ кругахъ: писарь нуженъ былъ не только князю и его судебнымъ органамъ, но и любому сколько-нибудь значительному боярскому хозяйству, не говоря уже о купечествѣ, торговавшемъ не только внутри Россіи, но и съ востокомъ и западомъ, съ Византіей, Азіей и ганзейскимъ союзомъ. Лѣтопись сохранила извѣстія о школахъ при св. Владимірѣ и кн. Ярославѣ, и мы не имѣемъ основаній думать, что этотъ болѣе практичный и экономный способъ ученья долженъ былъ уступить мѣсто одиночному преподаванію. Естественнѣе всего школы могли и должны были сосредоточиться у епископскихъ каѳедръ, гдѣ всегда чувствовалась необходимость въ грамотныхъ людяхъ для поставленія въ священно-и церковно-служители. Такъ было у грековъ, и трудно допустить, чтобы первые митрополиты и епископы-греки отступили отъ этого порядка, установившагося въ практикѣ ихъ родины.

Итакъ, школы, несомнѣнно, должны были существовать. Но другое дѣло—вопросъ, чему учили въ этихъ школахъ, какова была программа преподаванія въ нихъ. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ данными, позволяющими думать, что въ этихъ школахъ преподавалось что-либо большее, чѣмъ элементарная грамота—чтеніе и письмо, пѣніе и, пожалуй, необходимыя наставленія для будущихъ пастырей. Но отъ такой школы до учености разстояніе очень большое.

Огранич. кругъ грамот. людей.

Къ тому же, можно думать, и эта школа была достояніемъ очень немногихъ: несмотря на все уваженіе къ книгѣ, грамотность не была обычнымъ явленіемъ даже въ княжескихъ семь-

яхъ, и на нее указываютъ, какъ на особую заслугу или достоинство; о кн. Борисѣ Несторъ пишетъ, что онъ читалъ книги, и поясняетъ, видимо не безъ значенія: „бяше бо и грамотѣ наученъ“.

Картина образованности древней Руси представляется намъ пустыней, въ которой изрѣдка встрѣчаются оазисы, кружки людей, болѣе или менѣе образованныхъ по своему времени; иногда эти образованные люди кажутся даже единицами, затерявшимися въ массѣ не только необразованнаго, но и проституки неграмотнаго народа. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ основаній полагать, чтобы степень грамотности въ простонародьѣ XI—XIV вв. была выше, чѣмъ въ XIX в. до начала реформъ Александра II, когда грамотные люди въ деревнѣ считались единицами.

Какъ на общемъ фонѣ бѣдной промышленности и искусства древней Руси рѣзко выдѣляются драгоцѣнныя эмали, несомнѣнно русскаго, точнѣе кіевскаго, происхожденія, появленіе коихъ обусловливается, вѣроятно, высокими культурными потребностями княжеской семьи и дружины, такъ и среди неграмотной массы поражаютъ взглядъ историка такія явленія въ области литературной, какъ Слово о полку Игоревѣ, а еще болѣе—требовавшіе большой учености трактаты историко-апологетическаго и полемическаго содержанія, какъ, напримѣръ, Толковая Палея, Слово о законѣ и благодати митр. Иларіона и др., сочиненія, доказывающія удивительное умѣнье литераторовъ XI—XIII вв. если не творить вновь всецѣло, то такъ искусно пользоваться оригиналами, что трудно отличить заимствованное отъ своего, которое порою по ораторскому искусству, одушевленію и остроумію даже превышаетъ заимствованное, какъ это видимъ, напр., у Кирилла, еп. Туровскаго.

Въ вопросѣ о степени образованности древне-русскихъ писателей видное мѣсто занимаетъ полемика Климента-смоленца (Смолятича) и пресвитера Ѳомы, въ которой есть любопытныя ссылки на ученыхъ знатоковъ греческаго языка, тогда существовавшихъ, и упоминанія о Гомерѣ и Платонѣ. Не передавая подробно посланія Климента (XII в.), мы отмѣтимъ здѣсь лишь одно: оно важно для насъ само по себѣ, какъ фактъ полемики между двумя направленіями богословской мысли; одно держалось строго отцовъ Церкви и св. Писанія, другое—при-

знавало возможнымъ въ своихъ философско-богословскихъ разсужденіяхъ черпать матеріалъ и изъ писателей свѣтскихъ, принадлежавшихъ античной языческой древности. Важна, стало-быть, наличность полемики, показывающей степень напряженія философскихъ и богословскихъ интересовъ среди выдающихся русскихъ людей XII вѣка.

Сознаніе недостаточн. одной грамотности.

Приступимъ теперь къ характеристикѣ того, изъ чего слагалось понятіе объ образованномъ человѣкѣ въ интересующій насъ періодъ. Какъ видно изъ предыдущаго, просвѣщенные люди древней Руси, хотя, можетъ-быть, ихъ было и немного, не могли удовлетвориться одною элементарной грамотностью. Первымъ и самымъ важнымъ въ древней Россіи считалось знаніе религіи и ея требованій, которое было бы невозможно безъ знанія греческаго языка: многое очень важное еще до XI вѣка не было переведено на славянскій языкъ на югѣ, и къ тому же XI—XII вѣка были въ Византіи вѣками возрожденія интереса въ наукѣ, что не могло не отразиться и на Россіи.

Итакъ, прежде всего необходимъ былъ греческій языкъ— ключъ къ источнику самыхъ разнообразныхъ знаній, помимо спеціально богословскихъ. Знаніе греческаго языка, по крайней мѣрѣ практическое, было необходимо при постоянныхъ сношеніяхъ съ греками по дѣламъ церковнымъ и дипломатическимъ. Можетъ быть, такихъ знатоковъ по части языковъ, какимъ былъ кн. Всеволодъ, отецъ Владиміра Мономаха, было и очень мало, однако, они, несомнѣнно, были, хотя бы для установленія общенія между греками-епископами и ихъ русской паствой: мы знаемъ, что сочиненія этихъ епископовъ, писавшіяся на греческомъ языкѣ, переводились затѣмъ на русскій. Кромѣ того, несомнѣннымъ, на основаніи анализа языка, является и переводъ значительнаго числа сочиненій съ греческаго непосредственно на русскій языкъ, минуя южныхъ славянъ, бывшихъ обычными до XI в. передатчиками и посредниками въ области литературной. О такихъ русскихъ переводчикахъ мы уже дали выше выписку изъ лѣтописи.

Склонность къ риторикѣ.

Вѣнцомъ писательскаго умѣнія не была, однако, простая передача оригинала. Хотя многіе изъ древне-русскихъ переводчиковъ съ трудомъ справляются съ оригиналомъ, грѣша часто противъ смысла, однако мало-мальски образованный, на-

читанный, литературный, такъ сказать, человѣкъ избѣгалъ простого разсказа, предпочитая парить подобно Іоанну Златоустому, слова и поученія котораго были, безъ сомнѣнія, извѣстны всякому образованному человѣку древней Руси. Такимъ подражателемъ І. Златоустаго, и подражателемъ блестящимъ, является у насъ Кириллъ еп. Туровскій (р. 1130, у. около 1182). Вѣнцомъ знанія являлся литературный стиль, но онъ пріобрѣтался почти исключительно практическимъ путемъ: *грамматика* І. Дамаскина (р. ок. 673—676 г., ум. ок. 717), извѣстная въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго (X в.), давала лишь самыя общія понятія о частяхъ рѣчи и не могла служить регуляторомъ чистоты и правильности литературнаго языка; что касается риторики, то у насъ была извѣстна, хотя едва ли имѣла широкое распространеніе, статья „объ образѣхъ" Георгія Хоуровьска (Херобоска) (к. IV и нач. V в.), вошедшая въ Святославовъ Изборникъ 1073 года. Здѣсь толкуется то, что въ риторикѣ именуется тропами и фигурами: аллегорія, метафора, олицетвореніе и т. п., но толкуется не особенно вразумительно, даже и для современнаго намъ читателя. Напримѣръ: „инословіе (*аллегорія*) убо есть оно нѣчто глаголющи, а инъ разумъ указающи, якоже еже е (т.-е. есть): „рѣчено отъ Бога змии проклята ты и отъ всѣхъ звѣрій" слово бо акы змии есть, на диявола же инорѣчьнѣ змьемь нарицаема разумѣваемъ". Вотъ какъ объясняетъ эта же статья *иронію*: „Поиграніе же есть слово, акы добры словесы безчестье указая, яко же се, въ творимѣй чести кого суща и въ зло впадша и тѣми укаряема, смѣющася речемъ: въ велику ся еси славу и честь въвелъ друже!".

Знакомство съ классич. авторами.

Для большей красоты, а также убѣдительности, старинный писатель любилъ пользоваться цитатами изъ классическихъ авторовъ. Правда, въ посланіи упомянутаго выше Климента Смолятича говорится, что онъ, будто бы, писалъ „оставль почитаемая писанія"—„отъ Омира и отъ Аристотеля и отъ Платона", но, насколько намъ извѣстно, ни въ славянскомъ ни въ древне-русскомъ переводахъ этихъ писателей не было. Объ Аристотелѣ еще могло быть кое-что извѣстно изъ діалектики Іоанна Дамаскина, но другіе классическіе авторы были знакомы старому русскому читателю едва ли не исключительно

изъ „Пчелы“, сборника мудрыхъ и назидательныхъ изреченій, почерпнутыхъ, какъ изъ библейскихъ книгъ Притчъ и Премудрости Соломона, Іисуса сына Сирахова и др., такъ и изъ сочиненій классическихъ языческихъ авторовъ.

Изъ этихъ послѣднихъ, въ видѣ цитатъ, могли читатели ознакомиться съ Аристотелемъ, Платономъ, Гомеромъ, Плутархомъ, Пиѳагоромъ, Ксенофонтомъ, Демокритомъ, Еврипидомъ, Геродотомъ, Епиктетомъ, Демосѳеномъ, Исократомъ, Эпикуромъ, Зенономъ и другими философами, историками и поэтами классической древности. Но каковы были цитаты и каковъ былъ переводъ—дѣло другое; порою переводъ хотя и нѣсколько свободенъ, но все же передаетъ мысль цитируемаго автора, напримѣръ: „Аристотель рече: крѣпльши есть, иже желаніе побѣждаеть, негли ратника: се бо есть лютъ и храборъ, аще отъ собѣ одолѣеть“. Порою же старинный переводчикъ давалъ читателю нѣчто несообразное съ подлинникомъ, напримѣръ: „Трьпястькъ гнѣва и ласковника любви равно есть“, въ въ оригиналѣ же—„Равно слѣдуетъ цѣнить гнѣвъ обезьяны и угрозу лжеца“. Гомеръ цитируется лѣтописцемъ (Ипатск. сп. 573) также весьма своеобразно, напр.: „О лесть, зла есть, яко же Омиръ пишетъ: „до обличенья сладка есть, обличѣна же зла есть, кто въ ней ходить, конѣцъ золъ приимешь, о злѣе зла зло есть!“—мѣсто неизвѣстное изъ сочиненій Гомера.

Изъ этого сборника, изъ мудрости Менандра, изъ библейскихъ книгъ почерпалъ читатель и правила морали, которымъ также посвящено поученіе Ксенофонта и Ѳеодоры, включенное въ Святославовъ Изборникъ 1073 года.

Гораздо болѣе солиднымъ могло быть знакомство древне-русскаго образованнаго человѣка съ сочиненіями богословскими. Здѣсь, помимо обширной проповѣднической литературы (Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и др.), читатель располагалъ и рядомъ другихъ отеческихъ писаній, вводившихъ его въ детали вѣроученія православной Церкви. Житійная литература, богатая историческими данными объ эпохѣ первыхъ христіанскихъ подвижниковъ и мучениковъ, вызывала въ читателѣ невольное стремленіе къ подражанію. Изслѣдованіе древне-русскихъ житій нашихъ святыхъ обнаруживаетъ сильное воздѣйствіе на авторовъ ихъ со стороны пе-

Знакомство съ богословск. сочиненіями.

реводной агіографической литературы: древній писатель не держалъ втунѣ то, что пріобрѣталъ чтеніемъ, а какъ умѣлъ пользовался пріобрѣтеннымъ богатствомъ.

Характеръ міросозерц. др.-р. образ. общества.

Судя по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ древне-русская литература, мы можемъ думать, что въ образованной части общества XI—XIV вв. преобладали надо всѣмъ и задавали тонъ религіозные интересы. Большая часть дошедшихъ до насъ писателей разработываетъ темы, завѣщанныя имъ ихъ византійскими учителями. И въ разработкѣ этихъ темъ сказываются замѣтно два направленія: съ одной стороны, мы видимъ остроумнаго и солидно образованнаго богослова, какъ митр. Иларіонъ, вдохновеннаго ученика и послѣдователя Іоанна Златоустаго, русскаго „златословеснаго витію“, Кирилла еп. Туровскаго, философа Климента Смолятича; съ другой—писателей и проповѣдниковъ-практиковъ, каковы Ѳеодосій Печерскій и громадная масса анонимовъ, весьма популярныхъ и за предѣлами до-монгольскаго періода. Безъ сомнѣнія, первыхъ было меньшинство, вторые же оставили такія произведенія, которыя не могутъ не указывать на слабость богословскихъ познаній и узость міровоззрѣнія и понятій; такъ, Ѳеодосій, съ нетерпимостью аскета запрещающій общеніе съ иновѣрцами-латынянами, въ посланіи своемъ смѣшиваетъ серьезныя отличія католичества отъ православія въ догматахъ, и обычай, вездѣ особый, и правила общежитія, и даже вкусы представителей запада, запрещая православнымъ слѣдовать ихъ примѣру и ѣсть заячину и бобровину, считая послѣднее нарушеніемъ закона апостольскаго и схизмой наравнѣ съ привнесеніемъ новыхъ догматовъ. Такъ смѣшиваются у писателей XI—XIV вв. существенное и несущественное въ ихъ религіозной полемикѣ. Однако, нельзя, съ другой стороны, не отмѣтить, правда единичное, явленіе: извѣстное слово Серапіона, еп. Владимірскаго (XIII в.), возстающаго противъ преслѣдованія волхвовъ, которыхъ въ то время въ Россіи, какъ и на западѣ, то ублажали, то жгли и топили за самыя невѣроятныя дѣянія, вродѣ наведенія засухи или дождей.

Только свѣтская и точная наука могла, казалось бы, разсѣять мракъ суевѣрія, царившій въ тогдашнемъ обществѣ людей, только что пріобщившихся къ міровой образованности; но она была въ жалкомъ состояніи и немного могла дать древне-рус-

скому читателю, жаждавшему пріобрѣсти новыя знанія. И въ этомъ отношеніи, безспорно, факты говорятъ намъ болѣе согласно съ Голубинскимъ, чѣмъ съ Татищевымъ и его послѣдователями. Прежде всего, свѣтская наука не могла свободно развиваться, ибо ей, какъ человѣческой мудрости, и въ Византіи и у насъ противополагалась божественная мудрость, открываемая религіей. Отсюда—невѣроятное самомнѣніе религіозно настроенныхъ писателей. „Много о естествѣ бесѣдоваша еллинстіи философи, тоже—ни едино слово въ нихъ не можетъ ся утвердивъ стати, не позыбая себе, но послѣдняя словеса ихъ—первыя разоряють" пишетъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени, Іоаннъ, экзархъ болгарскій; изъ сочиненій древнихъ онъ, какъ и другіе, выбираетъ кое-что, не противорѣчащее, по ихъ мнѣнію, Библіи; получается странная система, не имѣющая ни единства, ни общей идеи, ни научной цѣнности, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Начнемъ съ обозрѣнія понятія о мірѣ и его устройствѣ, какое могъ почерпнуть русскій читатель изъ переводной литературы (до начала XV вѣка). Понятіе о мірѣ.

Источникомъ здѣсь были Шестодневы, т.-е. описаніе шести дней творенія міра Богомъ, принадлежавшіе перу Василія Вел. и переработавшему его Шестодневъ Іоанну экзарху. Въ основаніи міра по Іоанну экзарху и Василію Вел.—четыре стихіи: „четыре състави быша: земля, огнь, вода, воздухъ". Земля была создана Богомъ; она, какъ учитъ Косьма Индикопловъ (его „Христ. топографія" сост. въ 535—547 гг.),—четырехугольная площадь, длиною вдвое болѣе ширины, стоитъ сама по себѣ, согласно словамъ Писанія: „ты утвердилъ землю на ея основаніи". Земля окружена океаномъ, за которымъ—стѣна и земля, гдѣ живутъ святые,—рай. Закругляющаяся кверху стѣна образуетъ небесный сводъ. Огонь—свѣтъ, созданъ также Богомъ, онъ источникъ жизни и теплоты. Воздухъ—дыханіе Божіе. „Духъ зоветъ вѣтръ, якоже глаголетъ и инождe рекый... не мни бо ино сущь воздухъ, ино же вѣтръ; то бо самъ воздухъ пойдя творитъ вѣтры", читаемъ у Іоанна экзарха. Кромѣ этихъ представленій о землѣ и мірѣ, было извѣстно и другое, столь же правдоподобное: землю держитъ вода, воду—камень плоскій, а его, въ свою очередь,—четыре кита.

По Космѣ Индикоплову, солнце, луна и звѣзды движутся по небесной тверди специально назначенными къ тому ангелами; Іоаннъ Дамаскинъ признаетъ вліяніе звѣздъ на погоду. По Іоанну экзарху солнце, звѣзды, мѣсяцъ и молнія,—все это—разновидности божественнаго огня.

Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить у того же Іоанна экзарха попытки и раціональнаго объясненія небесныхъ явленій, напр., затменія: „На крьстѣ Христу сущю тма бысть—не нощи пришедши, но слънцю заступлену бывшю мѣсяцемь мракъ бысть“; однако, это объясненіе популярнаго и уважаемаго въ древности писателя мало повліяло на нашихъ предковъ: лѣтописецъ неоднократно, отмѣчая затменія, объясняетъ ихъ какъ примѣту, угрожающую наказаніемъ за грѣхи и посылаемую Богомъ для вразумленія людей. Дождь производится, по Епифанію Кипрскому (р. 310 или 332 г., ум. 403), ангелами, собирающими нарочно для этого морскую воду на небо особыми трубами. Громъ и молнія толковались различно, но равно мало научно. Громъ, по однимъ мнѣніямъ,—шумъ отъ разрыва облаковъ нѣкимъ вѣтромъ, по другимъ—стукъ отъ столкновенія облаковъ, по третьему—грохотъ колестницы пророка Иліи, поражающаго нечистую силу, по четвертому—звукъ ударовъ Самого Бога, преслѣдующаго змія, соблазнителя человѣчества, и его потомство.

Таковы были представленія о природѣ, господствовавшія въ Россіи XI—XIV вв. благодаря переводной литературѣ. Но, судя по тому, что сочиненія упомянутыхъ авторовъ до насъ въ древнихъ спискахъ не дошли, можно думать, что и цитированныя выше свѣдѣнія были достояніемъ сравнительно узкаго круга тогдашней интеллигенціи и лишь позже, съ умноженіемъ рукописей, въ XVI и XVII вв., перешли въ народную среду, хранящую и доселѣ многое изъ завѣщаннаго сѣдой стариной и пережитой и забытой образованностью XI—XIV столѣтій.

Свѣдѣнія по естествознанію.

Свѣдѣнія изъ области естественныхъ наукъ почерпались образованными людьми этого періода, кромѣ Шестоднева Василія Вел., изъ Физіолога, символической книги, описывающей камни, растенія и, главнымъ образомъ, животныхъ примѣнительно къ понятіямъ христіанской морали. Кромѣ того, полезны были и отдѣльныя мелкія статьи, послужившія составителю

Толковой Палеи и Изборника 1073 г. Въ обзорѣ свѣдѣній этого рода начнемъ съ минералогіи.

Статья св. Епифанія о камняхъ трактуетъ о свойствахъ камней: сардіона, пазноя, смарагда, анѳракса, сапфира, ясписа, гіацинта, ахатиса, аметиста, хрисолита и вируліона, которыми былъ украшенъ платъ еврейскихъ первосвященниковъ. Толкованія о каждомъ, то краткія, то пространныя, вродѣ слѣдующаго: смарагдъ зеленъ есть, его вырубаютъ варвары, копая въ индійскихъ горахъ, и сила его—„лице видѣти въ немъ". Анѳраксъ (рубинъ), добываемый въ Кархидонѣ Ливійскомъ, обладаетъ способностью свѣтиться сквозь платье. Гіацинтъ добывается въ дебри, лежащей въ великой Скиѳіи. Ободравъ агнца, бросаютъ его въ пропасть, и когда орлы выносятъ его наверхъ вмѣстѣ съ прилипшими гіацинтами, то, съѣвъ мясо, оставляютъ камень на горахъ, а люди, выслѣдивъ ихъ, подбираютъ камни. Свойство гіацинта: будучи брошенъ на угли, самъ не повреждается, а гаситъ огонь; онъ же помогаетъ рождающимъ женамъ. Другія объясненія въ томъ же родѣ. Физіологъ описываетъ камни: алмазъ (дважды), кремень, магнитъ, агатъ, жемчугъ и какой-то индійскій камень. Примѣромъ его толкованій можетъ служить статья объ алмазѣ. Онъ обрѣтается въ странѣ восточной по ночамъ, самъ не испытывается ничѣмъ, но испытываетъ по своей твердости всѣ другіе камни; такъ и Христосъ всѣмъ судитъ, а не судится никѣмъ; далѣе—подходящіе библейскіе тексты. Иногда присоединяются къ описанію и толкованію медицинскія замѣчанія: такъ, индійскій камень излѣчиваетъ отъ водянки. Минералогія.

Столь же своеобразны были и понятія въ области ботаники. „Въ растеніяхъ,—говоритъ Василій В.,—найдешь признаки, похожіе на человѣческую юность и старость: одни деревья, будучи срѣзаны, прозябаютъ вновь; а срубленныя и обожженныя сосны превращались, замѣтили, даже въ дубы. Извѣстно и то, что въ нѣкоторыхъ деревьяхъ естественный порокъ исправляется заботами садовниковъ, напримѣръ: кислые гранаты и горькіе миндали, когда стволъ у корня будетъ провернутъ, и въ самую середину сердцевины впущенъ тучный клинъ изъ певга, перемѣняютъ горькій свой сокъ на пріятный",—странная смѣсь эмпиризма и фантазіи. Ботаника.

Зоологія. Руководствомъ по зоологіи, за отсутствіемъ чего либо другого, могъ служить въ Россіи XI—XIV вв. тотъ же Шестодневъ Василія Великаго (седьмая бесѣда). Здѣсь читаемъ: „Что для земныхъ животныхъ воздухъ, то для породы плавающихъ—вода. Причины сему очевидны. Въ насъ есть легкое, наполненное пустотами и скважинами, и грудобрюшная преграда, чрезъ расширеніе груди принимающая въ себя воздухъ, провѣтривающая и прохлаждающая внутренній жаръ, а у нихъ расширеніе жаберъ, принимающихъ и выпускающихъ воду, заступаетъ мѣсто дыханія". Василій В. обозрѣваетъ различные роды пресмыкающихся: „Къ иному роду принадлежать такъ называемыя черепокожныя, напр.: раковины, гребенки, морскія улитки, веретенки и тысячи разнообразныхъ устрицъ. Иной родъ составляютъ мягкочерепныя: крабы, раки и т. п. Къ иному роду принадлежать такъ наз. слизняки, имѣющіе плоть мягкую и губчатую, полипы, каракатицы и имъ подобные. И между сими опять есть безчисленныя различія: ибо драконы, мурены, угри, водящіеся въ илистыхъ рѣкахъ и озерахъ, по сходству природы своей, приближаются болѣе къ ядовитыхъ пресмыкающимся, нежели къ рыбамъ. Иной родъ мечущихъ икру, и иной—живородящихъ. Живыхъ дѣтей рождаютъ вьюны и мокрицы и вообще животныя, такъ называемыя хрящеватыя. Живородящія суть: большая часть китовъ, дельфины и тюлени, о которыхъ разсказываютъ, что они новорожденныхъ дѣтей своихъ, чѣмъ-нибудь испуганныхъ, принявъ опять въ чрево, прячутъ тамъ". Авторъ разсказываетъ о кочующихъ рыбахъ и объясняетъ ихъ передвиженія; о птицахъ и разныхъ породахъ ихъ, о насѣкомыхъ—пчелахъ, кузнечикахъ, саранчѣ и т. п. Все это клонится къ тому, чтобы показать величіе Творца вселенной.

Другимъ источникомъ зоологическихъ общихъ и частныхъ свѣдѣній былъ упомянутый Физіологъ. Здѣсь безъ особой системы описываются: левъ, пеликанъ, сычъ, фениксъ, орелъ, дикій оселъ, цапля, змѣя, ехидна, муравей, легендарныя сирены и онокентавры, лиса, левъ, пантера, черепаха, куропатка, бобръ, гіэна, крокодилъ, воронъ, лягушка, олень, ласточка, голубь, серна, слонъ, обезьяна и др. Уже по самому назначенію своему

указать въ животныхъ извѣстный прообразъ божескихъ или человѣческихъ свойствъ и дать символическое изображеніе послѣднихъ, христіанскій Физіологъ не могъ задаваться чисто научными цѣлями. Для примѣра его статей приведемъ хотя бы одну—объ обезьянѣ: „Опиица (ὁ πίθηχος) — самого діавола лице есть, имать бо начатокъ, а конецъ не имать, еже есть ошибъ (хвостъ); яко же дияволъ первѣе бѣ единъ отъ архангелъ, тож конецъ его не преста добрѣ, якоже и си опиицтя, не имущи ошибія, такоже дияволъ не имый конца". О чадолюбивой горлицѣ узнаемъ, что она садится на чужія покинутыя яйца; о лисицѣ—какъ она обманываетъ птицъ, притворяясь мертвой, и поѣдаетъ ихъ, когда онѣ сядутъ клевать ее. О трудолюбіи и мудрости муравья, о возрожденіи престарѣлаго феникса, о львѣ и слонѣ весь запасъ народныхъ преданій и баснословныхъ разсказовъ, вѣроятно, пришедшихъ съ востока въ до-христіанскій греческій міръ, сохранился Физіологомъ въ неприкосновенности и былъ переданъ русскимъ читателямъ. При этомъ каждое животное получило опредѣленное символическое пріуроченіе: Спаситель—левъ, фениксъ, діаволъ—лиса и т. д. Средневѣковыя представленія о животныхъ и птицахъ и живущая до сихъ поръ символика часто восходятъ къ даннымъ Физіолога. Приведемъ еще подробности о тѣхъ птицахъ, которыя являются и до сихъ поръ символическимъ изображеніемъ милосердія, чадолюбія и вѣчности. Такъ, пеликанъ, избивъ чадъ своихъ за ихъ безжалостное клеваніе родителей, жалѣетъ птенцовъ и, расклевавъ свою грудь, выпускаетъ на нихъ свою кровь, — и оживаютъ его птенцы. Вѣчный фениксъ, проживъ 500 лѣтъ, всходитъ въ градѣ Геліополѣ на костеръ изъ благовоній и сгораетъ тамъ. И жрецъ въ пеплѣ въ первый день находитъ червя, на другой день — птенца, на третій—взрослаго феникса: цѣлуетъ его фениксъ и улетаетъ. О львѣ разсказывается здѣсь такое преданіе: львица рождаетъ чадъ мертвыми и слѣпыми; но на третій день придетъ левъ, дунетъ имъ въ ноздри, и они оживутъ. Когда левъ спитъ, очи его бодрствуютъ. Когда онъ бѣжитъ, то заметаетъ хвостомъ слѣдъ, чтобы охотникъ не могъ найти его. Слова псалмопѣвца: „обновится яко орля юность моя", иллюстрируются въ Физіологѣ слѣдующей поэтической легендой: орелъ живетъ сто лѣтъ, и выростаетъ конецъ его клюва, и очи слѣпнутъ, и не можетъ онъ

добывать пищи. Тогда взлетаетъ высоко подъ небо, къ солнцу, бросается на скалы, и обламываетъ носъ, и купается въ золотомъ озерѣ, и садится грѣться на солнцѣ. Когда же онъ согрѣется, то спадаетъ съ него чешуя, и снова онъ становится молодъ, какъ птенецъ: такъ обновляется и человѣкъ, всходя на высоту вѣры, оплакавъ грѣхи и обмывшись слезами, онъ согрѣвается въ церкви и свергаетъ бремя грѣха. Таковы всѣ разсказы Физіолога, болѣе богатые поэзіей и назиданіемъ, чѣмъ естественно-историческими истинами.

Происхожденіе человѣка

Происхожденіе человѣка было извѣстно старинному читателю согласно съ библейскимъ разсказомъ. Но наряду съ нимъ существовали quasi-научныя и легендарныя статьи, интересовавшіяся этимъ вопросомъ. Такъ, статья о составѣ человѣческаго тѣла „отъ Ѳеодорита", (р. 386 или 393, ум. 457), утверждаетъ, что тѣло составлено изъ четырехъ элементовъ: „имать бо отъ огня теплоту отъ воздуха же студеньство, отъ земли же сухоту, отъ воды же мокроту", и, такимъ образомъ, человѣкъ является какъ бы микрокосмомъ. Изъ статьи „отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ" узнаемъ, что тѣло создано изъ земли, кости отъ камня, кровь отъ моря, очи отъ солнца, мысль отъ облака, духъ отъ вѣтра, тепло отъ огня, а душу вдохнулъ Господь. По третьему сказанію, также очень древнему и, вѣроятно, восходящему къ древне-еврейскому источнику, Богъ создалъ и наименовалъ человѣка, взявъ части отъ четырехъ сторонъ свѣта, почему и имя первозданнаго—Адамъ, что есть акростихъ *). Въ связи съ такой фантастической теоріей стоитъ и наука объ излѣченіи болѣзней. Болѣзнь представлялась людьми интересующей насъ эпохи, какъ нѣчто насланное на человѣка либо Богомъ, либо діаволомъ. Извѣстно было апокрифическое сказаніе объ Адамѣ, получившемъ массу недуговъ оттого, что діаволъ во время сна Божія истыкалъ еще неодушевленное тѣло Адама, приготовленное изъ земли. Извѣстно было и библейское сказаніе объ Іовѣ и рядъ эпизодовъ изъ Моисеевыхъ книгъ, въ которыхъ болѣзнь и смерть являются неизбѣжной карой за грѣхъ. Отсюда—широкое распространеніе заклинаній

Врачеваніе.

*) По-гречески: востокъ—ἀνατολή, западъ—δύσις, сѣверъ—ἄρκτος, югъ—μεσημβρία, что даетъ при сложеніи первыхъ буквъ Αδαμ.

и заговоровъ, „лживыхъ молитвъ“, какъ называетъ ихъ списокъ запрещенныхъ книгъ. Какъ мы видѣли выше, кое-какія медицинскія свѣдѣнія сообщались и въ статьяхъ естественно-научнаго содержанія, но намъ неизвѣстно, были ли въ Россіи XI—XIV в.в. какія-либо руководства, спеціально трактующія о лѣченіи болѣзней. Кое-что, конечно, изъ запаса грековъ попадало и къ намъ, но это—жалкіе осколки. Имѣемъ въ виду статью Святославова Изборника 1073 г. о различныхъ мѣсяцахъ „по римлянемъ“. Здѣсь рецепты такого рода: въ мартѣ сладко ѣшь и пей, въ апрѣлѣ рѣпы не ѣшь, въ маѣ поросятъ не ѣшь, въ іюнѣ во второмъ часу пей воды мало, и т. д.; въ сентябрѣ запрещается пить молоко, въ октябрѣ—ѣсть кислое, въ ноябрѣ не совѣтуется часто мыться, въ декабрѣ запрещено ѣсть капусту, въ февралѣ—свеклу, а въ январѣ—питье цѣлаго, неразбавленнаго вина. Врачами являлись обыкновенно пришельцы иностранцы: половчане, армяне, греки, можетъ-быть, и нѣмцы и евреи; послѣднимъ въ средніе вѣка, какъ извѣстно, принадлежала какъ бы монополія по части врачеванія.

Обратимся теперь къ математикѣ. Нельзя утверждать, что бы древняя Русь была въ этой наукѣ болѣе свѣдуща, чѣмъ западъ Европы и Византіи, а тамъ математическія науки стояли далеко не на высокомъ уровнѣ совершенства. Хотя математическія знанія и не могли быть въ Россіи особенно обширны, однако, можно опредѣлить ихъ минимумъ: хозяйство требовало умѣнья считать; Русская Правда знаетъ довольно сложныя дѣйствія надъ именованными числами. Вѣроятно, понятіе о дробяхъ, по крайней мѣрѣ о половинѣ, четверти, трети, были извѣстны русскимъ. До насъ дошелъ образецъ умѣнья считать нѣкоего новгородскаго доместика (регента церковнаго хора) и діакона Кирилла (1136 г.)—„ученіе, имже видати человѣку числа всѣхъ лѣтъ“; здѣсь высчитано число дней съ сотворенія міра по 1136 г., что даетъ въ суммѣ 29,120,652—и вполнѣ точно, принимая тогдашнее счисленіе лѣтъ Врядъ ли этому умѣнью считать выучился Кириллъ изъ книгъ; вѣрнѣе думать, онъ почерпнулъ его изъ школьнаго преподаванія. Помимо сравнительно простыхъ ариѳметическихъ расчетовъ, необходимо было имѣть нѣкоторыя понятія по астрономіи для

Свѣдѣнія по математикѣ.

вычисленія дней пасхи и подвижныхъ праздниковъ, и хотя для этого были уже составлены въ Греціи таблицы вплоть до 1492 г., но и въ этихъ таблицахъ безъ нѣкоторыхъ познаній разобраться было мудрено. Добавимъ къ этому, что всѣ расчеты производились съ помощью цифръ-буквъ, что десятичная система съ нулемъ не была извѣстна,—и мы оцѣнимъ тогда трудность изученія математики и то немногое, что могли знать въ этой области науки наши предки, не отставая въ общемъ отъ средняго уровня европейской образованности своего вѣка.

Науки юридическія.

Такое же прикладное значеніе, какъ и математика, имѣли и юридическія дисциплины. Собственно опредѣленной своей системы права, вродѣ римской, древняя Русь не знала. Но ей были знакомы переводныя съ греческаго „Книги законныя", Номоканонъ, русская же жизнь дала свой вкладъ въ юридическую литературу въ видѣ ряда грамотъ, опредѣлявшихъ права и обязанности, выяснявшихъ нормы гражданскаго общежитія, и, наконецъ, „Русскую Правду".

Географія.

Если мы обратимся къ географическимъ познаніямъ русскаго образованнаго человѣка XI—XIV в.в., то увидимъ, что въ этой области онъ получилъ духовную пищу изъ вступительной главы хроники Амартола, изъ начальныхъ же страницъ лѣтописи, которая въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", кромѣ заимствованныхъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, даетъ и новыя—о славянахъ, объ ихъ племенахъ, о бытѣ ихъ, нравахъ и пр. Паломничество, очень развитое въ древней Руси, давало ей также не мало знаній о чужихъ странахъ и народахъ; впрочемъ, знанія эти порою были чрезвычайно фантастичны и могли удовлетворить лишь невѣжественныхъ и легковѣрныхъ читателей

Историческая литература.

Едва ли не самой богатой, послѣ богословской, была въ интересующую насъ эпоху литература историческая. Она можетъ служить въ значительной степени показателемъ образованности и авторовъ и читателей, для которыхъ предназначалась. Здѣсь мы встрѣчаемъ переводныя хроники Малалы (VII в.), Амартола (IX в.) съ дополненіями, Хронографію Никифора (р. 792, у. 828), Палею Историческую, наконецъ, сложенныя уже въ славянской средѣ Палею Толковую и лѣтопись въ ея разнообразныхъ редакціяхъ. Самое разнообразіе ихъ указы-

ваетъ на интенсивную работу стариннаго книжника надъ записью событій своего времени и на значительную для того времени образованность. Здѣсь, въ лѣтописаніи, авторъ чувствовалъ себя свободнѣе, чѣмъ въ агіографіи, и скорѣе могъ проявить свои вкусы и интересы, избѣгая того готоваго греческаго шаблона, вслѣдствіе вліянія котораго наши древнія житія русскихъ святыхъ такъ скудны бытовыми подробностями, несомнѣнно говорящими о русской жизни.

Выводы.

Вотъ почти все, что можно имѣть въ виду при оцѣнкѣ состоянія образованности въ Россіи XI—XIV в.в. Не обиленъ и не разнообразенъ этотъ матеріалъ, и, пользуясь имъ, трудно говорить о высокой степени образованности *всѣхъ* русскихъ: образованные люди являлись тогда даже не сотнями, а лишь десятками, порою, пожалуй, и единицами, да и самый кругъ ихъ познаній, размѣры образованности были достаточно умѣренны и скромны. Но, съ другой стороны, нельзя ограничиваться утвержденіемъ, что Русь была знакома лишь съ одною грамотою: какъ бы ни были ложны и теологически тенденціозны приведенные нами выше образчики научныхъ свѣдѣній, обращавшихся въ древней Руси, все же это, по-своему, немного выше простой грамотности. Книжникъ, интересовавшійся ими и сохранившій въ спискахъ осколки этой средневѣковой византійской и классической науки, уже не можетъ быть съ легкимъ сердцемъ приравненъ къ только-только грамотному человѣку, умѣющему по складамъ разобрать церковную книгу или подписать подъ документомъ свое имя.

В. Перетцъ.

Монастырь.

Не сразу покорило христіанство языческую старину древней Руси. Новая вѣра, водворявшаяся иногда при помощи грубой внѣшней силы, и язычество, созданное вѣками до-христіанской жизни, столкнувшись послѣ принятія христіанства лицомъ къ лицу, вступили въ долгую и упорную борьбу.

Въ этой борьбѣ однимъ изъ оплотовъ новой вѣры былъ монастырь.

Первые монастыри.

Монастыри появились на Руси вслѣдъ за принятіемъ христіанства. Можно съ увѣренностью предполагать, что первоначально, до Ярослава Мудраго, монастыри русскіе не были монастырями въ собственномъ смыслѣ этого слова: это были скорѣе монастырскія слободки, небольшіе скиты, куда уединялись люди, бѣжавшіе отъ суеты и соблазна міра. Эти монастырскія слободы, скиты, по большей части помѣщались на погостахъ приходскихъ церквей. Жизнь отшельниковъ, уединявшихся въ эти скиты, не управлялась никакимъ опредѣленнымъ уставомъ, не было и особой духовной власти, которая бы управляла этими скитами. Непрочной оказывалась ограда, отдѣлявшая скитъ отъ міра, —монастырская слободка снималась съ мѣста и переселялась на другой погостъ. Настоящіе монастыри, стоявшіе на своей землѣ, имѣвшіе свои церкви и представлявшіе изъ себя нѣчто самостоятельное и прочное, появились на Руси при Ярославѣ. Таковы были два монастыря, мужской и женскій, построенные Ярославомъ послѣ 1037 г. По приблизительному подсчету, всѣхъ собственно—монастырей въ домонгольскій періодъ было у насъ 58. Не менѣе 30 изъ нихъ построены князьями, боярами и вообще богатыми людьми, представляя изъ себя, такимъ образомъ, ктиторскіе или вотчинные монастыри *).

*) Этимъ именемъ у грековъ назывались монастыри, выстроенные царями, боярами и вообще знатными людьми; строители этихъ монастырей владѣли ими, какъ собственностью, и видѣли въ нихъ какъ бы спеціальныя мѣста молитвъ о нихъ, строителяхъ.

На примѣрѣ Кіево-Печерскаго монастыря, наиболѣе прославленнаго въ древней Руси и окруженнаго народной любовью и въ наши дни, лучше всего можно уяснить все значеніе монастыря въ жизни до-монгольской Руси. Вотъ что мы знаемъ о началѣ Кіево Печерскаго монастыря изъ разсказовъ лѣтописи и изъ біографій его первыхъ подвижниковъ. Среди русскихъ людей, отправлявшихся въ Грецію вскорѣ послѣ принятія Русью христіанства, былъ житель города Лебеча, по имени Антипа. Не изъ-за торговыхъ выгодъ, не изъ празднаго любопытства отправился онъ въ Грецію: ему хотѣлось утвердиться въ истинахъ новой вѣры тамъ, откуда она пришла на Русь. Въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей Антипа принялъ постриженіе подъ именемъ Антонія. Старецъ, постригшій Антонія, понимая значеніе, которое могъ имѣть на своей новообращенной родинѣ этотъ сильный вѣрой и твердый характеромъ человѣкъ, вскорѣ послѣ постриженія послалъ его на Русь: „Иди въ Русь,— сказалъ онъ Антонію, и да будетъ надъ тобой благословленіе Святой Горы; отъ тебя умножатся черноризцы“. Этими напутственными словами благочестивое преданіе какъ бы подчеркиваетъ непосредственную связь русскаго монашества съ православнымъ Востокомъ, колыбелью истинной вѣры. Кіево-Печерскій монастырь. Преп. Антоній.

Возвратившись на Русь, Антоній обошелъ всѣ кіевскіе монастыри. Это были, вѣроятно, монастыри ктиторскіе, выстроенные на средства князей, бояръ, людей богатыхъ. Они всѣ пришлись ему не по душѣ. Антоній рѣшилъ жить одинъ и поселился на высокомъ берегу Днѣпра, гдѣ среди густого берестоваго лѣса находилась пещера, выкопанная Иларіономъ, первымъ митрополитомъ изъ русскихъ, еще тогда, когда онъ былъ священникомъ въ княжескомъ селѣ Берестовѣ.

Быстро распространялась слава о подвигахъ Антонія. Люди самые разнообразные по своему общественному положенію стали приходить къ нему: одни, какъ великій князь Изяславъ Ярославовичъ, посѣтившій Антонія немедля по вступленіи на отчій столъ, желали получить благословеніе подвижника, другіе хотѣли поселиться близъ него, чтобы дѣлить съ нимъ радость его духовныхъ подвиговъ. Первымъ изъ поселившихся вмѣстѣ съ Антоніемъ пришелъ къ нему священникъ Никонъ, вторымъ—Ѳеодосій.

Біографія Ѳеодосія, раздѣляющаго съ Антоніемъ славу осно- Преп. Ѳеодосій.

вателя Кіево-Печерскаго монастыря, очень интересна въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Во всякомъ обществѣ, гдѣ старыя понятія еще не отжили свой вѣкъ, а новыя еще не достаточно укрѣпились, неизбѣжна борьба двухъ поколѣній—стараго и молодого. Дѣтство и юность Ѳеодосія прошли въ такой борьбѣ, закаливъ его характеръ. Побѣда, одержанная имъ въ этой борьбѣ, была побѣдой новаго христіанскаго міровоззрѣнія надъ взглядами полуязыческаго общества.

Родомъ изъ Приднѣпровья, изъ города Васильева, Ѳеодосій въ дѣтствѣ еще переселился со своими родителями въ Курскъ. Будучи сыномъ богатыхъ родителей, мальчикъ выучился грамотѣ, сталъ читать книги. Чтеніе это было исключительно религіознаго характера, и всѣ помыслы впечатлительнаго мальчика направились къ одной цѣли: осуществить въ жизни то, чему учили его духовныя книги. Ни одной церковной службы не пропускалъ мальчикъ, а дома, ради духовнаго подвига, работалъ съ рабами. Томимый жаждой подвига и желаніемъ самому увидѣть тѣ святыя мѣста, о которыхъ читалъ онъ въ въ книгахъ, Ѳеодосій убѣжалъ изъ дома и присталъ къ паломникамъ, направлявшимся въ Святую землю. Тутъ впервые пришлось ему рѣзко столкнуться со своей матерью. Это была женщина сильнаго, прямо мужского характера; біографія Ѳеодосія говоритъ, что даже по голосу, по внѣшности, она болѣе походила на мужчину. Узнавъ о побѣгѣ сына, она догнала его, прибила и даже заковала на нѣкоторое время въ цѣпи во избѣжаніе новаго побѣга. Суровое наказаніе не помогло: попрежнему всѣ помыслы Ѳеодосія направлены были къ духовному подвигу, попрежнему не пропускалъ онъ ни одной церковной службы, и такъ какъ для совершенія литургіи недоставало просвиръ, то Ѳеодосій сталъ заниматься ихъ печеніемъ. Мать нашла это занятіе недостойнымъ ея сына и своими преслѣдованіями вынудила Ѳеодосія уйти въ другой городъ. И здѣсь Ѳеодосій остался тѣмъ, чѣмъ былъ: пріютился у священника и пекъ просвиры. Опять нашла его мать и водворила домой. Между тѣмъ, эта семейная драма уже обратила на себя вниманіе постороннихъ лицъ. Нашлись люди, сочувствующіе Ѳеодосію, и въ томъ числѣ люди сильные по своему общественному положенію. Таковъ былъ городской посадникъ,

поселившій Θеодосія при своей церкви. Θеодосій жилъ при самой церкви, работалъ на нее, не пропускалъ ни одной службы. Онъ ходилъ въ рубищѣ и надѣлъ вериги. Случайно узнала про это мать и съ яростью сорвала вериги съ сына. Наконецъ, борьба матери и сына кончилась нравственной побѣдой послѣдняго. Пораженный въ церкви смысломъ евангельскихъ словъ: „кто любитъ отца или мать больше Меня, тотъ не достоинъ Меня", Θеодосій безповоротно рѣшилъ покинуть родительскій домъ и уйти въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей. Ни въ одинъ изъ этихъ монастырей Θеодосія не приняли, вѣроятно потому, что онъ явился туда бѣднымъ скитальцемъ. Θеодосій явился въ пещеру Антонія. „Сынъ,—сказалъ ему Антоній,—тѣсно мѣсто, и жизнь моя скорбна, а ты юнъ".—„Буду все творить, что повелишь. Самъ Христосъ привелъ меня къ тебѣ, да спасусь тобою", отвѣчалъ Θеодосій. Проницательный Антоній быстро понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и по его приказанію Θеодосій былъ постриженъ Никономъ.

Антоній, Θеодосій и Никонъ, по словамъ лѣтописи, были „три свѣтила, сіявшія въ пещерѣ и разгонявшія тьму бѣсовскую постомъ и молитвою" Слава объ ихъ подвижнической жизни распространялась все больше и больше.

Вскорѣ послѣ постриженія Θеодосія число братіи возросло до 12. Нѣкоторымъ изъ этихъ пришельцевъ пришлось нелегкой борьбой купить себѣ отреченіе отъ міра. Съ ними повторилось то же, что было съ Θеодосіемъ, съ той только разницей, что мѣстомъ борьбы двухъ міровоззрѣній была не семья, а болѣе широкіе круги тогдашняго общества. Когда въ скитъ Антонія пришли Варлаамъ, сынъ перваго боярина при дворѣ великаго князя Изяслава, и Ефремъ, любимый придворный того же князя, „придержай у него вся", по выраженію лѣтописца, князь страшно разгнѣвался, хотѣлъ сослать старцевъ въ заточеніе, раскопать ихъ пещеры и требовалъ, чтобы Никонъ убѣдилъ обоихъ пришельцевъ возвратиться въ свои дома. Благодаря доброму заступничеству супруги великаго князя, дѣло кончилось мирно: князь смѣнилъ гнѣвъ на милость, а Варлаамъ и Ефремъ остались въ скиту Антонія. Это столкновеніе, благодаря главнымъ образомъ высокому положенію участвовавшихъ въ немъ лицъ, вызвало, конечно, много толковъ, и лишній разъ передъ молодымъ рус-

скимъ обществомъ рѣзко и опредѣленно вставалъ вопросъ: что влечетъ молодыхъ, богатыхъ и знатныхъ людей изъ шумной и веселой придворной жизни въ тишину бѣдныхъ пещеръ? Рядомъ съ идеаломъ мірской, полуязыческой жизни вырисовывался другой идеалъ, весь смыслъ котораго—въ отреченіи отъ мірскихъ благъ. Словно указывая на это отреченіе, Варлаамъ, прибывшій къ пещерѣ Антонія съ пышной свитой, на богато-убранномъ конѣ, сложилъ къ ногамъ старца весь свой богатый уборъ, всѣ свои блестящіе доспѣхи.

Игуменъ Варлаамъ.

Антоній, воспитанный въ духѣ истаго аѳонскаго пустынножительства, видя умноженіе числа братіи, ушелъ отъ нихъ на другую гору, выкопавъ себѣ тамъ пещеру. Въ игумены оставшимся онъ поставилъ Варлаама. Въ игуменство Варлаама поставлена была надъ пещерами маленькая церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, а когда братіи стало окончательно тѣсно въ маленькихъ пещерахъ, рѣшено было устроить надъ пещерами большой монастырь. Антоній благословилъ намѣреніе братіи и послалъ сказать великому князю Изяславу: „Богъ умножаетъ братію, а мѣста мало; отдай намъ всю гору, которая надъ моею пещерою". Князь согласился. Братія избрала то мѣсто, гдѣ теперь главный соборъ Кіево-Печерской лавры, огородила это мѣсто частоколомъ, устроила кельи и построила деревянную церковь. Такъ устроился въ 1062 г. Печерскій монастырь. Какъ только началась постройкой церковь, Варлаамъ былъ отозванъ въ Кіевъ на мѣсто настоятеля княжаго Дмитріевскаго монастыря. По благословенію Антонія, братія избрала себѣ въ игумены Ѳеодосія. При немъ братія, число которой умножилось до 100 человѣкъ, перешла изъ ветхихъ пещерныхъ помѣщеній во вновь устроеный большой монастырь.

Игуменъ Ѳеодосій.

Первой заботой новаго игумена было дать Печерскому монастырю общежительный уставъ, который бы поставилъ въ строго опредѣленныя рамки монастырскую жизнь. Доставъ у одного грека, прибывшаго въ Кіевъ съ митрополитомъ Георгіемъ, уставъ Константинопольскаго Студійскаго монастыря *), Ѳеодосій прочелъ его братіи и, съ ихъ согласія, далъ имъ его въ руководство. По словамъ лѣтописца, въ уставѣ этомъ

*) Уставъ этотъ составленъ препод. Ѳеодоромъ Студитомъ († 826 г.), настоятелемъ Константинопольскаго Студійскаго монастыря. Въ Россіи этотъ уставъ удержался до половины XIV в.

было „опредѣлено, что и какъ пѣть, что читать, какъ стоять въ церкви и какой соблюдать порядокъ церковнаго богослуженія, какъ сидѣть на трапезѣ, что и въ какіе дни ѣсть".

Строгій игуменъ первый подавалъ всѣмъ примѣръ неуклоннаго исполненія правилъ монастырскаго устава. Питаясь только хлѣбомъ и вареными овощами, одѣтый въ острую власяницу, прикрытую ветхой одеждой, Ѳеодосій цѣлыя ночи проводилъ за молитвой. И днемъ не зналъ онъ отдыха, проводя все свободное отъ церковныхъ службъ время въ заботахъ и наблюденіяхъ за жизнью своей паствы.

Образъ жизни въ монастырѣ.

Все въ монастырѣ дѣлалось по благословенію игумена и освящалось молитвой. Передъ началомъ службы, прежде чѣмъ ударить въ деревянное било, замѣнявшее тогда колоколъ, пономарь бралъ благословеніе у игумена. Поваръ и пекарь просили его благословенія, прежде чѣмъ разводить въ печи огонь, который брали отъ свѣчи изъ алтаря храма. „Господнимъ божественнымъ огнемъ приготовлялся и обѣдъ иноковъ, на одну крупицу котораго промѣнялъ бы я весь лежащій предо мною обѣдъ", писалъ суздальскій архіепископъ Симонъ, бывшій инокъ Печерскаго монастыря. Ежедневныя церковныя поученія, читавшіяся игуменомъ, укрѣпляли братію въ строгихъ правилахъ монастырскаго устава. По этому уставу никто изъ братіи не долженъ былъ имѣть личной собственности, все должно было быть общее, монастырское. Средства къ жизни добывались личными трудами братіи. Монахи плели клобуки изъ волны, корзины изъ лозы, дѣлали деревянную посуду. Продавая все это въ городѣ, они на вырученныя деньги покупали жито, дѣлили между собой и мололи ночью въ ручныхъ жерновахъ. Отъ своего избытка братія дѣлилась съ неимущими. При монастырѣ находился странпріимный домъ для нищихъ и убогихъ, устроенный Ѳеодосіемъ, и на него отпускалась $^1/_{10}$ монастырскихъ доходовъ.

Послѣ повечерія воспрещалось братіи ходить по келіямъ для бесѣды другъ съ другомъ. Отъ обѣдни до вечерни никому не дозволялось входить въ монастырь, который затворялся на все полуденое время, назначенное для отдыха братіи. Привратники строго слѣдили за этимъ, бодрствуя у воротъ монастыря. Взаимное смиреніе, покорность и любовь царствовали среди братіи. Если кто-либо впадалъ въ грѣхъ, его утѣшали, а три-четыре брата принимали на

себя его епитимію, раздѣляя ее между собою по взаимной любви. Такъ разсказываютъ о внутренней жизни Печерскаго монастыря лѣтопись и біографіи первыхъ его подвижниковъ.

Быть-можетъ, горячая любовь къ Печерской обители, водившая перомъ лѣтописца и біографовъ, нѣсколько подкрасила дѣйствительность: въ Печерскомъ монастырѣ имъ видѣлся *идеалъ* русскаго монастыря, Ѳеодосій рисовался имъ начальникомъ общаго монашескаго житія на Руси, а при такомъ идеальномъ отношеніи къ предмету повѣствованія кое-какія тѣневыя стороны могли ускользнуть отъ нашихъ повѣствователей. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно: время Ѳеодосія было лучшимъ временемъ Печерской обители, хотя впослѣдствіи Печерскій монастырь сдѣлался и обширнѣе и богаче. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей внѣшней исторіей Кіево-Печерскаго монастыря. Тѣсно связанный съ жизнью кіевской Руси, онъ дѣлилъ съ нею всѣ политическія невзгоды. Не мало горя пришлось вынести монастырю во время междоусобій, поднятыхъ потомками Ярослава за кіевскій великокняжескій престолъ, особенно, когда враждующіе князья призывали себѣ на подмогу степныхъ кочевниковъ. Тяжко пострадала обитель въ 1096 году, во время нашествія „безбожнаго и шелудиваго половецкаго хана Боняка“. При взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, по словамъ лѣтописи, только Богъ спасъ обитель отъ бѣды. Но всего тяжелѣе пострадалъ Печерскій монастырь отъ Батыя въ 1240 г., когда не была пощажена и „небесиподобная“ великая Печерская церковь, выстроенная цареградскими художниками и освященная въ 1089 г.

Оставляя въ сторонѣ исторію внѣшняго роста обители и подробности перенесенныхъ ею бѣдствій, остановимся на томъ значеніи, которое имѣлъ Кіево-Печерскій монастырь въ жизни кіевской Руси.

Идеалъ монашеской жизни.

Идеалъ монашеской жизни, выработанный православнымъ востокомъ, состоитъ въ полномъ отреченіи отъ міра для дѣлъ духовнаго подвига. Строгое каноническое правило 4-го вселенскаго собора гласитъ такъ: „Монашествующіе въ каждомъ градѣ и странѣ да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ токмо посту и молитвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отреклись отъ міра: да не вмѣшиваются ни въ церковныя, ни

въ житейскія дѣла и да не пріемлютъ въ нихъ участія, развѣ токмо будетъ сіе поручено епископомъ града по необходимой надобности". Таковъ былъ идеалъ монашества, пришедшій къ намъ съ востока вмѣстѣ съ христіанствомъ. Этотъ идеалъ во всей его полнотѣ не былъ осуществимъ въ до-монгольской Руси, даже въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ во время игуменства Ѳеодосія. Невозможность его осуществленія подсказывалась самой жизнью, тѣми задачами, которыя эта жизнь ставила ревнителямъ православія въ новообращенной странѣ. Для того, чтобы успѣшно бороться съ язычествомъ, христіанству на Руси нельзя было бѣжать отъ міра. Подвиги христіанской жизни должны были быть на виду у міра, чтобы дѣйствовать на младенчески-впечатлительный народъ. И древне-русскій монастырь не запирался наглухо отъ міра, а, наоборотъ, всячески заботился о христіанскомъ воздѣйствіи на міръ. Въ этомъ его большая историческая заслуга.

Мы уже упомянули, что Печерская обитель, еще на зарѣ своего существованія, ютясь въ тѣсныхъ пещерахъ, привлекла къ себѣ вниманіе русскихъ людей самыхъ разнообразныхъ по своему общественному положенію, покидавшихъ ради нея жизнь въ полуязыческомъ обществѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ пристальнѣе и глубже становилось это вниманіе. Нравственное воздѣйствіе м-рей на общество.

Всѣхъ, кто приходилъ въ обитель, поражалъ рѣзкій контрастъ исполненной подвиговъ жизни съ тѣмъ, что дѣлалось за стѣнами монастыря, въ обществѣ, христіанскомъ только по имени, гдѣ грубымъ страстямъ давалась полная воля. Для многихъ изъ представителей этого общества, входившихъ въ соприкосновеніе съ монастыремъ, онъ былъ источникомъ новаго, идеальнаго воззрѣнія на жизнь и людей. Идя съ проповѣдью христіанскихъ истинъ въ среду иновѣрцевъ, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Ѳеодосій, проповѣдывавшій среди кіевскихъ евреевъ, печерскіе подвижники умножали число приверженцевъ христіанства не столько проповѣдью, сколько дѣлами христіанской любви.

Надо мысленно перенестись въ среду полуязыческаго общества до-монгольской Руси, въ среду княжескихъ дружинниковъ, гдѣ значеніе человѣка основывалось на силѣ физической и денежной, чтобы исторически вѣрно оцѣнить такой, напримѣръ, эпизодъ изъ біографіи Ѳеодосія,—эпизодъ, на нашъ взглядъ, простой, обыденный. Былъ Ѳеодосій по какому-то дѣлу у великаго князя Изяслава, пробылъ тамъ долго, до вечера. Изяславъ

велѣлъ отвезти преподобнаго въ монастырь въ повозкѣ. По болѣе чѣмъ скромному костюму преподобнаго возница принялъ его за „единаго отъ убогихъ“ и сказалъ: „Черноризецъ! ты по цѣлымъ днямъ ничего не дѣлаешь, а я усталъ и вотъ не могу ѣхать на конѣ. Сдѣлаемъ такъ: я лягу на повозкѣ, а ты займи мое мѣсто“. Ѳеодосій согласился. Почтительныя привѣтствія встрѣчавшихся по дорогѣ прохожихъ и проѣзжихъ, а главное— встрѣча, которую у воротъ монастыря сдѣлала своему игумену братія, убѣдила возницу, что его спутникъ былъ не простой черноризецъ. Онъ испугался за свое грубое обращеніе съ тѣмъ, кого принялъ за „единаго отъ убогихъ“. Къ искреннему изумленію возницы, онъ былъ ласково введенъ самимъ Ѳеодосіемъ въ трапезную, накормленъ и отпущенъ домой съ подаркомъ Не трудно себѣ представить, что въ лицѣ этого возницы въ средѣ княжеской и дружинной челяди появился горячій поклонникъ обители. Горячими приверженцами обители, а въ ея лицѣ и новой вѣры, дѣлались также всѣ обиженные на судѣ, приносившіе на эти обиды жалобы Ѳеодосію: вѣскаго слова преподобнаго бывало достаточно для того, чтобы судья пересмотрѣлъ дѣло.

Съ дѣятельною проповѣдью христіанской любви монастырь шелъ и въ высшіе слои русскаго общества.

Когда Святославъ отнялъ кіевскій престолъ у брата своего Изяслава, внѣ стѣнъ монастыря почти всѣ примирились съ этимъ фактомъ, основаннымъ только на грубой силѣ. Ѳеодосій безтрепетно пошелъ противъ общаго мнѣнія. Въ его обители на ектеніяхъ продолжали поминать Изяслава, какъ стольнаго князя. Святославу Ѳеодосій не боялся говорить въ глаза укоризненную правду и увѣщевать его. Скорбя о распряхъ между князьями, Ѳеодосій былъ устроителемъ мира между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и черниговскими князьями.

Монастырь—разсадникъ просвѣщенія.

Новообращенный народъ нуждался въ наставникахъ, которые бы укрѣпляли его въ правилахъ новой вѣры. Ни священники, мало способные къ учительству, ни богослуженіе, которое было далеко не вполнѣ понятно народу, не могли удовлетворить этой потребности. Учительные иноки въ значительной мѣрѣ помогали этой нуждѣ. Яркій примѣръ монаха, народнаго учителя, имѣемъ мы въ лицѣ Авраамія Смоленскаго. Преданія Печерскаго монастыря даютъ основаніе предполагать, что и среди его иноковъ были такіе учителя. Таковъ былъ, напримѣръ,

преподобный Никита затворникъ, читавшій книги, и, по словамъ сказанія, „подававшій полезное слово приходящимъ къ нему“.

Просвѣщеніе въ до-монгольскій періодъ стояло у насъ на невысокомъ уровнѣ: умѣнье читать и довольно одностороннее приложеніе этого умѣнья къ церковно-учительнымъ книгамъ, переведеннымъ съ греческаго, было удѣломъ лишь незначительнаго меньшинства. Иноки Печерской обители не могли не цѣнить значенія грамотности и книги въ дѣлѣ распространенія и утвержденія христіанства. Если затворникъ Никита безграмотныхъ научалъ тому, что самъ вычиталъ въ книгахъ, если современникъ Ѳеодосія Даміанъ „не спалъ всѣ ночи и почиталъ съ прилежаніемъ всѣ книги“, если Григорій „не имѣлъ ничего, кромѣ книгъ“, то мы имѣемъ право предположить, что среди этой книжной братіи были и такіе, которые учили грамотѣ безграмотныхъ иноковъ. Нѣкоторое подтвержденіе этому находимъ въ сказаніи о преподобномъ Спиридонѣ, который, по словамъ сказанія, „былъ невѣжа словомъ, но не разумомъ; не изъ города пришелъ онъ въ монастырь, а изъ какого-то села. И принесъ онъ страхъ Божій въ сердцѣ своемъ и началъ учиться книгамъ“. Заботились иноки и о книгахъ. Несторъ сообщаетъ, что при Ѳеодосіи былъ въ обители чернецъ Иларіонъ, „хитрый писать книги, который по вся дни и нощи писалъ ихъ въ кельѣ блаженаго“. Преп. Никонъ переплеталъ книги, а самъ Ѳеодосій приготовлялъ нити, нужныя для переплета. Учительная и учебная дѣятельность иноковъ, ихъ книголюбіе, собравшее въ стѣнахъ обители обширную библіотеку, дѣлали изъ Кіево-Печерскаго монастыря важный просвѣтительный центръ древней Руси.

Заслуги м-ря въ распр. и укрѣпл. христіанства.

Чрезъ иноковъ, прошедшихъ суровую школу подвижничества въ стѣнахъ Кіево-Печерскаго монастыря, его вліяніе распространялось далеко за предѣлы Кіева. Много наставниковъ вѣры и благовѣстниковъ ея въ разныхъ областяхъ Россіи вышло изъ Печерской обители. Наиболѣе прославленные изъ нихъ—Леонтій и Исаія ростовскіе, Авраамій смоленскій, Герасимъ вологодскій и Іоаннъ Кукша, просвѣтитель вятичей. Въ XI и XII вв. до 20 иноковъ Печерскаго монастыря занимали святительскія каѳедры въ Новгородѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Суздалѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Юрьевѣ, Полоцкѣ, Черниговѣ, Туровѣ, Тмутаракани. Разбросанные по Руси, всѣ эти иноки хранили горячую любовь

къ воспитавшей ихъ обители и далеко разносили славу о ней. Искреннимъ чувствомъ проникнуты слова Симона, епископа суздальскаго, оставившаго намъ біографіи печерскихъ подвижниковъ: „Всю славу и честь своей каѳедры вмѣнилъ бы я въ ничто, чтобы хотя щепкой торчать за воротами или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ“.

Отношеніе населенія къ Печерской обители.

И народъ окружалъ такою же горячею любовью Печерскую обитель, поставленную, по словамъ лѣтописи, „не отъ богатства, а слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ“. Благочестивая легенда, получившая широкое распространеніе въ народѣ, очень рано окружила несложную исторію обители вереницей чудесныхъ разсказовъ. Все было дивно и чудесно въ этой прославленной обители. Великая Печерская церковь, „подобныя небеси“, служившая образцомъ для многихъ храмовъ до-монгольской Руси, была показана Шимону варягу въ видѣніи еще прежде своего начатія; фундаментъ размѣренъ поясомъ, принесеннымъ по повелѣнію Самого Господа; Богъ Отецъ росою и столбомъ облачнымъ благословилъ начало церкви; Св. Духъ огнемъ сравнялъ мѣсто, на которомъ долженъ былъ быть заложенъ фундаментъ; самъ собою изобразился ликъ Пресвятой Дѣвы на запрестольной стѣнѣ; невидимо ни для кого оказались въ церкви каменныя доски и столбы для устройства престола. Достаточно было умереть въ обители, чтобы тѣмъ самымъ получить оставленіе грѣховъ. Антоній, явившись въ видѣніи иноку Онисифору, сказалъ, по словамъ легенды: „Ради тебя и тѣхъ, которые съ тобою, помилую и спасу грѣшника: если въ твоемъ монастырѣ постигнетъ его смерть, онъ будетъ въ покоѣ“. Ничего дурного не могло быть въ стѣнахъ обители: „Печерскій монастырь есть море, которое ничего дурного не держитъ въ себѣ, а извергаетъ вонъ“, писалъ Симонъ. Такъ же смотрѣлъ на Печерскій монастырь и народъ, въ глазахъ котораго онъ былъ святымъ мѣстомъ, пристанищемъ высокихъ душъ, презрѣвшихъ мірское и занятыхъ вопросами идеальными, обителью людей, по своему времени высоко образованныхъ, къ которымъ всегда можно было прійти за совѣтомъ, „за духовною пользою“; оттуда же ждалъ всегда народъ угрозы Божьяго суда въ случаѣ несправедливости и обидъ отъ сильныхъ міра...

Николай Мендельсонъ.

Искусство Кіевской Руси *).

Многочисленныя данныя нашихъ лѣтописей, извѣстія арабскихъ и византійскихъ писателей свидѣтельствуютъ, что древняя, еще языческая Русь знакомилась съ искусствомъ своихъ сосѣдей—восточныхъ и западныхъ народовъ—посредствомъ торговыхъ, политическихъ сношеній и войнъ. Различные предметы художественнаго быта Индіи, Китая, Персіи, Малой Азіи, Византіи, Болгаріи и западной Европы привозились на Русь купцами, или же появлялись здѣсь въ видѣ даровъ посламъ, или, наконецъ, въ видѣ военной добычи и дани. Роскошныя шелковыя и иныя ткани (паволоки) шли изъ Византіи и Персіи черезъ посредство русскихъ и арабскихъ купцовъ, имѣвшихъ стоянки въ Итилѣ и Болгарахъ на Волгѣ. Съ востока же и запада приходили на Русь золотыя и серебряныя ювелирныя вещи, служившія для украшенія мужскихъ и женскихъ костюмовъ, шла золотая, серебряная и поливная посуда, арабская монета, а затѣмъ византійская и скандинавская.

Художественная промышленность Руси.

Раскопки древнихъ русскихъ могилъ и городищъ показываютъ, что древняя Русь уже въ IX—X столѣтіяхъ не только была знакома съ разнообразными художественными ремеслами

---

*) *Важнѣйшая литература:* „Древности Россійскаго Государства". Кіево-Софійскій соборъ. I—IV, изд. Импер. Русск. Археол. Общ. СПБ. 1871—1881; *Закревскій.* „Описаніе Кіева". 1862; *Н. Сементовскій.* „Кіевъ, его святыни и древности". Кіевъ, 1871; *Фундуклей.* „Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ"; *И. Толстой* и *Н. Кондаковъ.* „Русскія древности" вып. IV; *Д. Айналовъ* и *Е. Рѣдинъ.* „Кіево-Софійскій соборъ". СПБ. 1889; *Д. Айналовъ* и *Е. Рѣдинъ.* „Древніе памятники искусства Кіева". Харьковъ. 1899; *Н. Кондаковъ.* „Русскіе клады". I. I, СПБ. 1896 *Н. И. Петровъ.* „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева". Кіевъ. 1897; *Д. Айналовъ.* „Лѣтопись о начальной порѣ русскаго искусства". Отчетъ СПБ-го У—та за 1903 годъ СПБ. 1904; *Павлиновъ.* „Исторія русской архитектуры". 1874; *Новицкій.* „Исторія русскаго искусства", 1 ч.; *Буслаевъ.* „Общія понятія о русской иконописи". (Сборн. общ. др. рус. искусства. 1866); *Его же.* „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства", т. I—II. 1861 г.; *Евгеній митрополитъ.* „О древностяхъ Кіева". (Тр. Моск. общ. истор. и древн. III, 1826); *Праховъ.* „Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства". (Тр. Моск. Арх. Общ. ч. XI, в. 3., 1887); *Покровскій.* „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства". 1900.

своихъ сосѣдей, но и сама имѣла уже свои мастерскія и своихъ мастеровъ. Эти раскопки показали, что и позднѣе, въ X—XII столѣтіяхъ, въ главныхъ городахъ домонгольской Руси — въ Кіевѣ, Черниговѣ, Суздалѣ, Новгородѣ, существовали самыя утонченныя производства изъ золота, серебра, что художественными ремеслами занимались русскіе мастера и притомъ въ широкихъ размѣрахъ. Ихъ мастерскія изготовляли драгоцѣнныя ожерелья, діадемы, браслеты, кольца, запястья, серебряные и золотые сосуды, посуду, конскую сбрую, художественно украшенную, и оружіе: мечи, стрѣлы, которыми славился Кіевъ еще въ XIV—XV столѣтіяхъ. Множество предметовъ этого рода найдено въ видѣ кладовъ въ почвѣ Кіева и другихъ древнихъ городовъ, особенно Рязани, Владиміра, другіе встрѣчены въ курганахъ или древнихъ могилахъ.

Кромѣ этихъ художественныхъ ремеслъ, въ древней Руси процвѣтала и рѣзьба на рыбьей кости (клыки моржей). Въ нашихъ былинахъ воспѣвается „дорогъ рыбій зубъ", изъ котораго сдѣлана то бесѣдка на кораблѣ Соловья Будимировича, то подворотня княжескаго двора: „Стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ, мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройти". Эта тонкая сквозная рѣзьба прославила русскихъ мастеровъ даже въ такой странѣ, какъ Византія, изобиловавшей всѣми родами искусствъ. Византійскій писатель XII вѣка, Тзецесъ, получилъ отъ своего друга митрополита отъ города Дерстра (Силистріи) въ подарокъ раба-юношу по имени Всеволода и рѣзную коробочку-чернильницу, сдѣланную изъ рыбьей кости такъ искусно, что рѣзьба русскаго мастера напомнила ученому византійцу мудрыя хитрости Дедала.

Рѣзьба на рыбьей кости была тѣсно связана съ рѣзьбой на деревѣ. Русская деревянная архитектура особенно отличалась своими рѣзными украшеніями, которыя и до сихъ поръ можно отчасти наблюдать въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ избы и церкви украшены рѣзьбой, сохранившей во многомъ свой древній характеръ. Издавна на Руси славились плотничьимъ ремесломъ новгородцы, а псковичи считались отличными каменьщиками. Наши лѣтописи упоминаютъ о деревянныхъ палатахъ и теремахъ княжескихъ, упоминаютъ о деревянныхъ избахъ и баняхъ, стоящихъ внѣ селъ и деревень, какъ и теперь на сѣверѣ.

Вслѣдствіе потребностей языческой религіи въ древней Руси рано развилось ваяніе изъ дерева и камня идоловъ или кумировъ.

Кіевъ, мать городовъ русскихъ, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ центровъ древней Руси, въ которомъ, благодаря непосредственнымъ заботамъ великихъ кіевскихъ князей, процвѣтали искусства. Здѣсь начинается исторія русскаго государства, русской образованности, здѣсь же кладутся основы русскому народному искусству послѣдующаго времени. Значеніе Кіева въ развитіи русскаго искусства.

Наша первоначальная лѣтопись говоритъ о Кіевѣ, какъ о славномъ, большомъ великокняжескомъ городѣ съ развитой культурной жизнью, съ военнымъ устройствомъ, который находится издавна въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Византіей, востокомъ и западомъ. Дѣйствительно, Кіевъ, распространившій свою власть на сосѣднія племена сѣвера, сѣверо-запада и востока, велъ обширную торговлю съ иностранными государствами, былъ наполненъ выходцами изъ европейскихъ и восточныхъ странъ и развивался по типу большихъ средневѣковыхъ городовъ тогдашняго міра. Войны Олега, Игоря, Святослава сдѣлали Кіевъ извѣстнымъ всему міру, и пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ съ увлеченіемъ говоритъ о славѣ Святослава, донесшейся до нѣмцевъ, венеціанцевъ, грековъ и моравовъ послѣ побѣды его надъ Кобякомъ. Равнымъ образомъ и митрополитъ Иларіонъ, вспоминая объ Игорѣ, Владимірѣ, Святославѣ, прибавляетъ: „Не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земли“.

Расположенный на живописныхъ возвышенныхъ берегахъ Днѣпра, окруженный лѣсами, Кіевъ представлялъ собою естественно укрѣпленный городъ. Кіевскіе холмы для тогдашняго времени представляли мало доступныя твердыни, какъ и холмы Рима, Царьграда, Іерусалима. По типу этихъ городовъ и вообще всякаго средневѣковаго города-крѣпости Кіевъ имѣлъ свой средній или главный холмъ, представлявшій крѣпость. Со времени Олега главнымъ центромъ города становится холмъ легендарнаго Кія, или та часть теперешняго Кіева, которая извѣстна подъ именемъ Стараго города. Этотъ холмъ защищалъ нижнюю часть города, или Кіево-Подолъ. Отсюда шелъ въ гору подъемъ, Сооруженія въ др. Кіевѣ: архитект. и пластика.

извѣстный подъ именемъ Боричева ввоза *). Земляныя насыпи или валы съ деревянными стѣнами и башнями огибали крѣпость. Изъ одной части города въ другую вели также спуски, и были перекинуты черезъ дебри или рвы деревянные мосты.

На холмѣ Кія еще въ 947 году стоялъ кумиръ Перуна, передъ которымъ клялась языческая дружина Игоря. Этотъ холмъ извѣстенъ въ лѣтописи подъ именемъ Перунова холма. Здѣсь стояли въ X—XI столѣтіяхъ деревянныя палаты и дворы Ольги, Владиміра, Ярослава. Эта часть города особенно сильно развивалась и росла, здѣсь сосредоточились главнѣйшія постройки; на украшеніе и укрѣпленіе именно этого холма обратили свои заботы великіе кіевскіе князья.

Въ томъ же 947 году въ Кіевѣ упоминается уже и христіанская церковь св. Ильи, въ которой присягала крещеная Русь, находившаяся въ дружинахъ Игоря, а св. Ольгѣ, по возвращеніи ея изъ Царьграда, приписывается построеніе церкви св. Софіи. Эти церкви и палаты князей не сохранились до нашего времени, и мы не знаемъ даже ихъ мѣстоположенія въ современномъ Кіевѣ.

Равнымъ образомъ до насъ не дошло ни одного идола. Неизвѣстно, изъ какого матеріала былъ сдѣланъ наиболѣе древній идолъ Перуна, стоявшій въ Кіевѣ во времена Игоря. Несторъ не описываетъ болѣе подробно этого идола, но зато сообщаетъ, что Владиміръ до крещенія своего поставилъ на холмѣ „внѣ двора теремнаго“, т.-е. слѣдовательно насупротивъ его, шесть кумировъ или изваяній языческихъ боговъ въ видѣ статуй: „И постави кумири на холму внѣ двора теремнаго; сотвори Перуна древяна, а главу его серебрену, а усъ златъ, и Хорса, и Даждьбога, и Стрибога, и Сѣмаргла, и Мокошъ“. Изъ приведенныхъ словъ лѣтописца слѣдуетъ, что остовъ Перуна былъ деревянный, голова серебряная, а усы золотые. Русскіе мастера, дѣлавшіе подобныхъ идоловъ, должны были знать, кромѣ своего искусства—ваянія изъ древа, еще и золотыхъ дѣлъ мастерство и литейное дѣло. Изъ этихъ же указаній лѣтописца слѣдуетъ, что русскіе ваятели языческихъ боговъ должны были придавать каждому идолу особыя черты, т.-е. должны были выработать

---

*) Быть-можетъ теперешній Андреевскій спускъ.

особый типъ каждаго языческаго божества. Кромѣ деревянныхъ идоловъ были и каменные. Послѣдніе стояли въ Новгородѣ. Св. Авраамій также разрушилъ каменнаго идола Велеса въ Ростовѣ.

Изъ другихъ указаній древнихъ русскихъ писателей можно догадываться, что идолы стояли не подъ открытымъ небомъ и не на ровныхъ мѣстахъ, ничѣмъ не огороженныхъ, а внутри требищъ и капищъ. Изъ похвальнаго слова перваго русскаго митрополита Иларіона мы узнаемъ, что такія капища устраивались въ языческую эпоху, но что въ его время взамѣнъ ихъ строились церкви: „Уже бо не капищъ *сограждаемъ*, но Христовы церкви строимъ“, говоритъ онъ. Равнымъ образомъ и требища, т.-е. мѣста, „идѣже потребы творяху князь и людіе“, представляли какія-то сооруженія, которыя приходилось разрушать послѣ введенія христіанства: „И прійде Іоакимъ Корсунянинъ къ Новугороду и *требища разори* и идолы сокруши и Перуна разсѣче и въ Волховъ вверже“. По свидѣтельству одного арабскаго писателя, русскіе купцы путешествовали со своими идолами и ставили ихъ въ своихъ баракахъ для молитвы.

Идолы, такимъ образомъ, представляли обширный отдѣлъ русской языческой скульптуры, а требища и капища—такой же отдѣлъ языческой храмовой архитектуры. Оба отдѣла остаются намъ неизвѣстными за разрушеніемъ и уничтоженіемъ самихъ памятниковъ, вслѣдствіе чего мы и не можемъ имѣть о нихъ болѣе или менѣе яснаго представленія. На Руси съ идолами и требищами повторилось то же самое, что и въ другихъ языческихъ странахъ, принявшихъ христіанство. Кіевляне, новгородцы, ростовцы плакали и печалились, видя разрушеніе своихъ кумировъ, а впослѣдствіи долго не могли забыть своихъ языческихъ вѣрованій. Такъ, въ самомъ Кіевѣ явился волхвъ, прорицавшій именемъ пяти языческихъ боговъ. Въ русскихъ былинахъ еще слышатся кое-гдѣ воспоминанія объ языческихъ идолахъ, сдѣланныхъ изъ золота и серебра. Жена Дуная, Настасья Королевична, приноситъ чудного младенца: „по колѣни ножки въ серебрѣ, по локти ручки въ золотѣ, по головѣ, по косицамъ звѣзды частыя“. Или же этотъ младенецъ становится „въюношей-богатыремъ, по колѣни ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ, на лбу красное солнышко, на затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ, по бокамъ часты звѣзды“. Въ этихъ образахъ

былинной поэзіи нельзя не узнать древнихъ кумировъ, наподобіе Перуна, имѣвшаго серебряную голову и златъ усъ. Христіанское отвращеніе отъ идоловъ, какъ издѣлія рукъ человѣческихъ, въ которыхъ обитаетъ бѣсъ или демонъ, повело къ повсемѣстному истребленію кумировъ и прекратило всякую практику въ ваяніи человѣкоподобныхъ статуй. Такъ прекратила свое существованіе русская языческая пластика и связанная съ нею архитектура требищъ и капищъ. Взамѣнъ этихъ двухъ отдѣловъ древне-русскаго искусства развились съ принятіемъ на Руси христіанства церковная архитектура и религіозная живопись. Холмъ Кія одинъ изъ первыхъ сталъ украшаться великолѣпными храмами, и на Русь проникло византійское зодчество съ его роскошными и сложными формами строенія, а также живопись. Съ этихъ поръ формы и содержаніе русскаго искусства заимствуются изъ Византіи и навсегда становятся достояніемъ народнаго русскаго вкуса или стиля.

Тѣмъ не менѣе, если языческіе кумиры были истребляемы, то это не значило, чтобы всякая статуя должна была считаться за идола. Многіе древніе города, каковы: Римъ, Александрія, Аѳины и хорошо знакомые древней Руси Константинополь и Корсунь (Херсонесъ Таврическій), были украшены древними статуями знаменитыхъ гражданъ, императоровъ, статуями христіанскими Добраго Пастыря, Даніила между львовъ, и даже языческими статуями античныхъ боговъ: моря, неба, рѣкъ, статуями слоновъ, группами коней и проч. Но языческія статуи уже не получали прежняго поклоненія, а служили лишь для украшенія площадей, улицъ, частныхъ домовъ и возбуждали въ простомъ народѣ темные слухи о своей волшебной силѣ. Въ Константинополѣ передъ храмомъ св. Софіи стояла конная мѣдная статуя императора Юстиніана, а портики самой церкви и площадь были украшены множествомъ свободно стоявшихъ изваяній. Владиміръ Святой, знакомый съ украшеніями столичныхъ городовъ и особенно Царьграда, послѣ взятія имъ Корсуни, вывезъ оттуда не только церковную утварь, книги, кресты для тѣхъ церквей, которыя впослѣдствіи построилъ въ Кіевѣ, но захватилъ съ собой „двѣ капищи мѣдяны и четыре кони мѣдяны“, которые предназначилъ для украшенія Кіева. Онъ поставилъ ихъ на площади, называвшейся „Бабинъ торжокъ“, т.-е. на мѣстѣ наиболѣе

важномъ и людномъ, подражая въ этомъ отношенiи украшенiямъ площадей столичныхъ городовъ тогдашняго мiра. Корсунь въ это время также представлялъ богатый византiйскiй городъ, украшенный различными статуями императоровъ и знаменитыхъ гражданъ, поставленными въ разное время. Изъ числа именно этихъ статуй взялъ Владимiръ „двѣ капищи мѣдяны“, подъ которыми надо подразумѣвать, повидимому, двѣ мѣдныя человѣческiя статуи. „Четыре кони медяны“ представляли, очевидно, античную четверню коней, стоявшую въ Херсонесѣ и привлекшую вниманiе Владимiра своею красотою и пригодностью украсить Кiевъ на столичный образецъ. Въ Царьградѣ, какъ извѣстно, стояла такая же четверня бронзовыхъ, золоченыхъ коней, похищенная оттуда впослѣдствiи венецiанцами и украшающая теперь фасадъ церкви св. Марка въ Венецiи. Владимiръ поступилъ такъ же, какъ и Карлъ Великiй, похитившiй изъ Равенны конную статую Теодориха и украсившiй ею свою столицу Аахенъ. Такимъ образомъ, древняя Русь, выносившая знакомство съ античными статуями изъ своихъ сношенiй съ Царьградомъ и Корсунемъ, могла теперь близко ознакомиться съ ними чрезъ посредство статуй, привезенныхъ Владимiромъ. Эти статуи стали извѣстны въ народѣ, и нашъ лѣтописецъ, хорошо освѣдомленный насчетъ искусства, съ которымъ онѣ были сдѣланы, нашелъ нужнымъ заявить, что кони были сдѣланы не изъ мрамора, а изъ мѣди, и что многiе „не ведуще мнятъ я мраморяна суща“. Статуи и четверня коней погибли во время татарскаго нашествiя.

Десятинная церковь.

Сокрушивши идоловъ въ Кiевѣ, Владимiръ построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли, церковь имени своего святого, Василiя, а на мѣстѣ убiенiя варяговъ Iоанна и Θеодора—первыхъ русскихъ мучениковъ—воздвигъ великолѣпный храмъ во имя Успенiя Пресвятой Богородицы. Для построенiя ея были вызваны греческiе мастера изъ Византiи: „Пославъ, приведе мастеры отъ грекъ и украси ю иконами, еже бѣ взялъ въ Корсуни“. Храмъ былъ выстроенъ по византiйскому образцу и по правиламъ византiйской архитектуры, которая въ это время отличалась полной зрѣлостью и особенной роскошью и красотой формъ. Въ зодчествѣ византiйскаго храма соединялись всѣ роды тогдашняго искусства, чтобы создать изъ него цѣльное,

единое по замыслу, художественное произведеніе. Снаружи и внутри стѣны и полы покрывались дорогими разноцвѣтными мраморами и инкрустаціями *). Мраморныя, порфировыя и алавастровыя колонны поддерживали своды. Купола, алтарныя абсиды и стѣны покрывались мозаической и фресковой живописью на золотыхъ фонахъ или на пріятныхъ для глаза темносинихъ и голубыхъ. Разнообразный орнаментъ заполнялъ узкія поля стѣнъ, простѣнковъ и оконныхъ арокъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ рамой для отдѣльныхъ фигуръ и цѣлыхъ сложныхъ картинъ. Въ куполѣ, напоминавшемъ небесный сводъ, изображался обыкновенно Господь Вседержитель, въ алтарѣ—Божія Матерь, по стѣнамъ—событія ветхаго и новаго завѣта. Живопись храма должна была представлять ветхозавѣтную исторію человѣчества и искупленіе его крестной смертью Іисуса Христа. Поэтому въ каждомъ храмѣ встрѣчались изображенія страстей Христовыхъ. Столбы, державшіе своды, украшались изображеніями свв. мучениковъ съ крестами въ рукахъ. Украшая столбы, они какъ бы сами служили опорой и „столпами" церкви.

Храмъ Успенія Богородицы, построенный въ Кіевѣ между 989—996 годами, отличался всѣми этими особенностями. Въ развалинахъ этой церкви были найдены остатки золотыхъ мозаическихъ фоновъ, обломки стѣнной штукатурки съ остатками фресковой живописи, порфировыя небольшія квадратныя плитки, отлично полированныя, служившія для настѣнныхъ украшеній или инкрустацій, части мраморныхъ и каменныхъ плитъ, украшенныхъ орнаментами. Полъ церкви былъ выстланъ мраморомъ, а посреди него находился кругъ, выложенный изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, на который становились князья и священнослужители въ надлежащихъ случаяхъ. Въ эту церковь были отданы Владиміромъ всѣ привезенные изъ Корсуня иконы, кресты и сосуды церковные. На содержаніе ея Владиміръ уставилъ завѣтною грамотой выдавать десятую часть княжескихъ доходовъ, вслѣдствіе чего она и стала называться Десятинной церковью. Во время разоренія Кіева Батыемъ въ 1240 году церковь эта служила послѣднимъ оплотомъ для кіевлянъ, кото-

*) Инкрустація—выкладываніе узоровъ посредствомъ различныхъ цвѣтныхъ плитокъ.

рые спасались въ ней вмѣстѣ со своимъ имуществомъ на хорахъ. Церковь не выдержала тяжести и рухнула. По смерти своей Владиміръ былъ похороненъ въ Десятинной церкви въ мраморной гробницѣ.

Дѣятельность Владиміра, направленную на украшеніе и возвеличеніе Кіева, продолжалъ сынъ его Ярославъ Мудрый. Въ его княженіе холмъ Кія принимаетъ видъ настоящаго уголка Царьграда, и наиболѣе важное сооруженіе этого мудраго князя, церковь св. Софіи, становится впослѣдствіи національной русской святыней. Дѣятельность Ярослава оцѣнена была еще его современникомъ, митрополитомъ Илларіономъ. Въ торжественной рѣчи, сказанной въ Десятинной церкви въ присутствіи самого Ярослава, супруги его, княгини Ирины, и всего княжескаго семейства, Илларіонъ, обращаясь мысленно къ умершему Владиміру, сказалъ: Софійскій соборъ.

„Прекрасный свидѣтель твоему благовѣрію, о блаженный князь, —эта церковь (т.-е. Десятинная), которую ты создалъ не на языческой основѣ, а на основѣ истинной вѣры. Такъ же прекрасенъ и другой свидѣтель твоей вѣры, сынъ твой Георгій (Ярославъ), котораго Богъ назначилъ наслѣдникомъ твоей власти, который не только не нарушаетъ твоихъ завѣтовъ, но еще крѣпче ихъ утверждаетъ. Онъ, какъ Соломонъ, сынъ Давида, недоконченное тобою привелъ въ исполненіе и создалъ великій храмъ Премудрости Божіей (т.-е. церковь св. Софіи) и украсилъ его всякою красотою: золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, честными сосудами. Церковь, созданная имъ, стала славной и дивной во всѣхъ окружныхъ странахъ, и на всемъ сѣверѣ земномъ отъ востока и до запада не найдется храма, подобнаго этому. Онъ и знаменитый городъ твой Кіевъ окружилъ стѣнами, какъ величественнымъ вѣнцомъ, и предалъ городъ твой и людей твоихъ Богородицѣ, скорой помощницѣ христіанъ, ибо онъ создалъ церковь наверху Великихъ воротъ (ведущихъ въ городъ) во имя перваго праздника господняго— Благовѣщенія, чтобы привѣтствіе, съ которымъ ангелъ обратился къ Пресвятой Дѣвѣ, обратилось и къ городу: Ей ангелъ сказалъ: „Радуйся, обрадованная, Господь съ тобою“, а городу какъ бы говоритъ: „Радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!“

Какъ бы въ дополненіе и поясненіе словъ митрополита Илларіона о дѣятельности Ярослава Мудраго, наша первоначальная лѣтопись говоритъ: „Заложи Ярославъ городъ великій, у него же града суть Златыя врата; заложи же и церковь святая Софья, митрополью, и по семъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородицы Благовѣщенье, посемъ святаго Георгія монастырь и святыя Ирины“.

Ярославъ, такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ стѣнъ выстроилъ новыя каменныя и, подражая Царьграду, главныя или великія городскія ворота назвалъ Золотыми. Золотыя, серебряныя и мѣдныя ворота были въ обычаѣ въ средневѣковой архитектурѣ. Надъ Золотыми воротами Ярославъ построилъ церковь Благовѣщенія, т.-е. увѣнчалъ массивныя толщи воротъ церковью Благовѣщенія, также въ подраженіе Цареградскимъ Золотымъ воротамъ, имѣвшимъ поверхъ себя церковь того же имени. Огромные остовы Золотыхъ воротъ, построенныхъ Ярославомъ, еще теперь стоятъ въ Кіевѣ, но церковь Благовѣщенія не сохранилась до нашего времени. Эти развалины свидѣтельствуютъ, что Ярославъ, дѣйствительно, построилъ свои Золотыя ворота по типу Цареградскихъ и, быть-можетъ, при посредствѣ византійскихъ мастеровъ.

Подражая столицѣ востока, Ярославъ, по завѣту Владиміра, выстроилъ въ Кіевѣ и церковь св. Софіи. Въ Константинополѣ первую церковь этого имени построилъ еще Константинъ Великій. На мѣстѣ этой первой церкви, уничтоженной пожаромъ, Юстиніанъ Великій воздвигъ роскошный храмъ во имя Премудрости Божіей или св. Софіи, ставшій святыней всего христіанскаго востока. Однако, ни планъ, ни украшенія кіевской церкви не соотвѣтствовали цареградской святынѣ. Кіевскій храмъ напоминалъ о храмѣ Юстиніана лишь однимъ своимъ именемъ. Въ вѣкъ Ярослава византійскіе архитектора строили иначе, чѣмъ въ вѣкъ Юстиніана. Призванные Ярославомъ въ Кіевъ для построенія русской церкви, они создали храмъ по типу, обычному въ Византіи въ ихъ время, т.-е. въ XI столѣтіи (1037 году). Архитектурный типъ храма кіевской Софіи отличается отъ св. Софіи Юстиніана тѣмъ, что вмѣсто одного купола имѣетъ 12. Купола эти стоятъ на высокихъ фонаряхъ или барабанахъ (съ окнами въ главномъ куполѣ); внутри цѣлые

ряды столбовъ держатъ своды и арки; пропорціи въ высоту иныя, болѣе узкія и стройныя. Храмъ Ярослава имѣетъ въ планѣ видъ креста, помѣщеннаго въ четыреугольникѣ, съ тремя абсидами *) на восточной сторонѣ, а по внутреннему устройству арокъ, сводовъ, куполовъ напоминаетъ скорѣе церковь Пантократора въ Константинополѣ.

Ярославъ употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать этотъ храмъ важнымъ центромъ нарождающагося на Руси христіанства, храмомъ, достойнымъ быть митрополіей русской, а потому

Рис. 1. Наружный видъ Кіево-Софійскаго собора.

отстроилъ и украсилъ его со всей роскошью и богатствомъ. Кромѣ того, Ярославъ, много заботившійся о русскомъ просвѣщеніи, основалъ при храмѣ св. Софіи библіотеку. Лѣтописецъ Несторъ говоритъ объ этомъ такъ: „Ярославъ же, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многи написавъ, положи въ церкви св. Софьи, юже созда самъ, украси ю златомъ и сребромъ и сосуды церковными и иконами многоцѣнными“.

Внѣшнія украшенія и облицовка храма современемъ погибли; исчезли также мраморныя, порфировыя и алавастровыя колонны

*) Т.-е. алтарными полукружіями.

передняго (т.-е. западнаго) притвора, но внутри, несмотря на многія бѣдствія, испытанныя храмомъ, онъ сохранилъ много мозаическихъ настѣнныхъ изображеній и фресковую роспись, оставшуюся въ нѣкоторыхъ частяхъ храма безъ поновленія.

Рис. 2. Внутренній видъ Кіево-Софійскаго собора.

Мозаическія изображенія находятся въ куполѣ и въ алтарѣ, фресковая живопись покрываетъ остальныя пространства. Въ куполѣ, внутри радужнаго круга или медальона, находится величественный образъ Вседержителя по грудь. Его окружали

Рис. 3. Образъ Богородицы „Нерушимой стѣны“.

четыре архангела, одѣтые въ роскошныя царскія одежды. Ниже, въ простѣнкахъ, между оконъ купола, были изображены 12 апостоловъ, въ четырехъ углахъ (парусахъ) подъ куполомъ—четыре евангелиста, пишущіе сидя евангелія, а внутри арокъ, держащихъ куполъ,—40 мучениковъ. Изъ числа упомянутыхъ изображеній до нашего времени сохранились лишь фигуры: одного архангела, апостола Павла, евангелиста Марка и 15 погрудныхъ изображеній мучениковъ (рис. 2).

Въ алтарѣ обращаетъ на себя вниманіе не менѣе величественное изображеніе Богородицы, стоящей на особомъ подножіи съ молитвенно поднятыми къ небу руками. Этотъ колоссальный образъ (около 7 аршинъ въ вышину) извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Богородицы Нерушимой стѣны. Ниже находится причащеніе апостоловъ І. Христомъ подъ двумя видами, а подъ этимъ послѣднимъ изображеніемъ представлены святители Церкви (рис. 2 и 3).

На двухъ столбахъ главной алтарной арки изображено Благовѣщеніе. На лѣвомъ столбѣ изображенъ архангелъ Гавріилъ, а на правомъ—святая Дѣва съ пурпурной пряжей въ рукахъ. Въ верху этой арки сохранились три мозаическіе медальона съ погрудными изображеніями І. Христа и Богородицы съ Іоанномъ Крестителемъ по сторонамъ, а также образъ первосвященника Аарона.

Живопись покрываетъ остальныя пространства стѣнъ всего храма. Здѣсь находятся библейскія и евангельскія событія, а въ предѣлахъ Іоакима и Анны, великомученика Георгія и архистратига Михаила—обширные циклы картинъ изъ жизни и дѣяній этихъ священныхъ лицъ. На столбахъ храма по обычаю написаны святые и мученики въ ростъ и по грудь въ медальонахъ.

Византійская живопись XI столѣтія не отличалась техническими совершенствами современной. Фигуры обыкновенно удлинены, движенія ихъ лишены свободы, отдѣльныя части фигуръ нарисованы неумѣло, подъ ногами идущихъ нѣтъ иногда почвы, и они ступаютъ по воздуху, но взамѣнъ этихъ несовершенствъ въ нихъ открывается нравственное величіе и строгое цѣломудренное выраженіе. Какъ изможденныя худыя лица подвижниковъ, такъ и полныя цвѣтущія лица юныхъ мучениковъ спокойны,

строги, углублены въ созерцаніе. Эти лики съ большими серьезными очами смотрятъ на зрителя, встрѣчаютъ его взоръ и какъ бы входятъ въ интимную связь съ настроеніемъ молящагося. Лики І. Христа, Богородицы, святыхъ и мучениковъ чтутся въ христіанской Церкви, какъ портреты ихъ, дошедшіе до нашего времени путемъ художественаго преданія. На нихъ нѣтъ поэтому никакихъ мимолетныхъ житей-

Рис. 4. Украшенія лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора. Охота на звѣрей и четыре цирковыя квадриги (фотогр. сн.).

скихъ настроеній, и входящаго въ храмъ охватываетъ особое глубокое, молитвенное настроеніе. Блестящіе золотые и глубокіе синіе фоны, красота и разнообразіе орнаментовъ чаруютъ взоръ и смягчаютъ техническія несовершенства живописи. Русская религіозная живопись и иконопись навсегда сохранили этотъ стиль, переработавъ его сообразно національному русскому характеру.

Двѣ лѣстницы, ведущія на хоры, также были украшены живописью, отъ которой, однако, сохранились лишь остатки.

Здѣсь представлены охота на кабана, на бѣлку, на волка, медвѣдя, дикую лошадь, травля лося, а затѣмъ рождественскія святочныя увеселенія и танцы скомороховъ подъ звуки духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, акробатическія представленія (рис. 4, 5 и 6). Охота, веселыя пѣсни и пляски скомороховъ были излюбленными развлеченіями кіевскихъ кня-

Рис. 5. Охота на волка.

зей. Владиміръ Мономахъ краснорѣчиво описываетъ свои охотничьи подвиги, часто угрожавшіе опасностью его жизни, а въ житіи Θеодосія Печерскаго описываются увеселенія внутри княжескаго терема, которыя однажды засталъ святитель, пришедши къ князю Изяславу: „Многіе играюще передъ княземъ, овы гусельные гласы испускающе, другые же органные гласы поюще, а инѣмъ замарьные (т.-е. на флейтѣ) пискы гласящимъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, якоже обычай есть

предъ княземь“. Другіе сюжеты представляютъ внутренность византійскаго дворца, императора, сидящаго на тронѣ (рис. 7), выходъ императрицы въ сопровожденіи свиты и, наконецъ, ипподромъ съ четырьмя закрытыми рѣшетчатыми воротами, за которыми видны четверни коней съ ихъ возничими, готовыми къ конному состязанію (рис. 4). Послѣднія изображенія, очевидно, представляютъ воспоминанія объ увеселеніяхъ цареградской жизни, съ которыми были знакомы русскіе князья, находившіеся въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Византіей.

Рис. 6.

Изображеніе скомороховъ, музыкантовъ, плясуновъ и акробатовъ. (фотогр.)

Украшенія лѣстницъ, такимъ образомъ, представляютъ особый отдѣлъ свѣтской живописи, издавна существовавшей въ Византіи. Присутствіе такой живописи на лѣстницахъ храма св. Софіи объясняется тѣмъ, что ранѣе онѣ сообщались съ княжескими палатами, изъ которыхъ князья, проходя въ храмъ, всходили на хоры по указаннымъ лѣстницамъ. Византійскіе императоры украшали свои дворцы сценами разныхъ увеселеній, а иногда приказывали изображать на стѣнахъ свои военные подвиги и удачныя охоты, въ которыхъ участвовали лично. Разнообразные эпизоды охотъ заканчивались приваломъ и отдыхомъ охотниковъ, приготовленіемъ на вертелахъ, утвержденныхъ надъ кострами, убитой дичи, для охотничьяго пира.

Такую роспись приказалъ сдѣлалъ въ своемъ загородномъ дворцѣ византійскій императоръ Василій Македонянинъ. Въ подражаніе такимъ росписямъ и царь болгарскій Борисъ украсилъ свой дворецъ сценами охоты, но затѣмъ приказалъ уничтожить эту живопись и взамѣнъ охоты написать картину Страшнаго Суда.

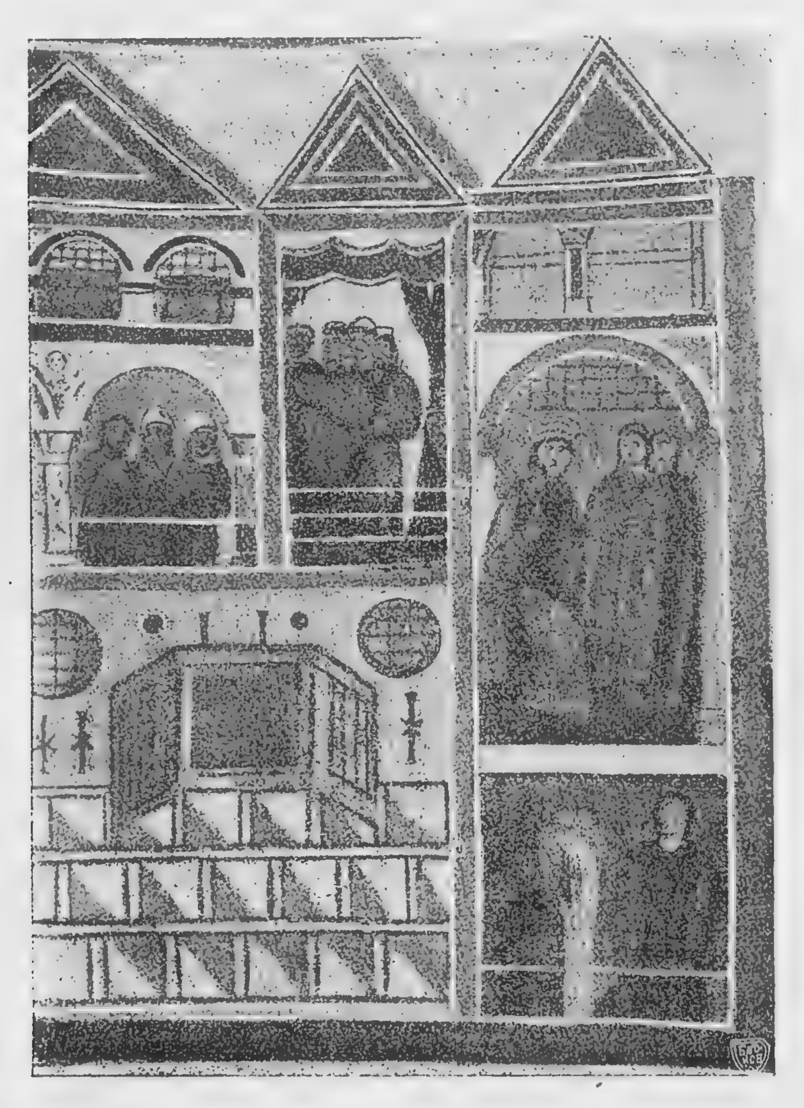

Рис. 7. Императоръ во дворцѣ (фотогр.).

Очевидно, что и русскій князь, руководствуясь вкусами, существовавшими въ Царьградѣ, приказалъ расписать лѣстницы, а быть-можетъ и самыя палаты, любимыми эпизодами охоты и цареградскихъ увеселеній.

При Ярославѣ, возникли также два монастыря. Мужской монастырь св. Георгія построенъ былъ „предъ враты св. Софіи", а женскій св. Ирины—неподалеку отъ той же церкви. По смерти своей Ярославъ былъ похороненъ въ церкви св. Софіи въ великолѣпномъ мраморномъ саркофагѣ (ракѣ), сохранившемся до нашего времени и представляющемъ одну изъ замѣчательныхъ святынь Софійскаго храма. Онъ украшенъ рѣзными изображеніями крестовъ, виноградной лозы, птицъ и рыбъ, представляющихъ собою древніе христіанскіе символы. Саркофагъ этотъ, вырубленный изъ цареградскаго мрамора, былъ сдѣланъ, очевидно, въ Византіи и привезенъ на Русь по заказу (рис. 8) *).

При наслѣдникахъ Ярослава холмъ Кія и весь остальной городъ продолжали украшаться не менѣе великолѣпными храмами и палатами князей. Великій Изяславъ (1054—1078), въ крещеніи Димитрій, основалъ Дмитровской монастырь, отличавшійся богатствомъ и роскошью украшеній. Его сынъ Ярополкъ заложилъ въ этомъ монастырѣ церковь во имя апостола Петра. Ни одинъ изъ этихъ храмовъ, равно какъ и упомянутые монастыри св. Георгія и св. Ирины, не сохранились до нашего времени, но найденные фундаменты и остатки украшеній этихъ храмовъ говорятъ за то, что они украшали холмъ Кія не менѣе другихъ храмовъ и придавали ему величественный видъ.

---

*) При раскопкахъ, производившихся въ усадьбѣ Десятинной церкви въ 1908 г., около сѣверной стѣны храма былъ открытъ саркофагъ изъ темно-краснаго шифера похожій по формѣ и размѣрамъ на гробницу Ярослава, но значительно уступающій ей въ изяществѣ и богатствѣ орнамента: его стѣнки и верхъ украшены равноконечными крестами и простымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ круговъ. Въ немъ находился скелетъ съ почти истлѣвшими остатками обуви и парчевого покрывала: вопросъ о томъ, кому принадлежала эта гробница, вызвалъ много споровъ—одни изслѣдователи считали, что въ ней была погребена Анна, супруга Владиміра, другіе—Ольга, третьи утверждали, что скелетъ принадлежитъ мущинѣ, и предполагали, что это гробница одного изъ князей. Найденные предметы не даютъ основаній для точнаго рѣшенія этого вопроса, свидѣтельства же лѣтописи тоже слишкомъ неясны и скудны. (Снимокъ см. стр. 517).

Н. П.

Михайловскій соборъ.

Въ 1108 г. великій князь Святополкъ Михаилъ Изяславичъ заложилъ на томъ же холмѣ Кія, но на противоположномъ концѣ его, новый храмъ во имя своего святого, архистратига Михаила, названный за свои золоченные купола Златоверхимъ.

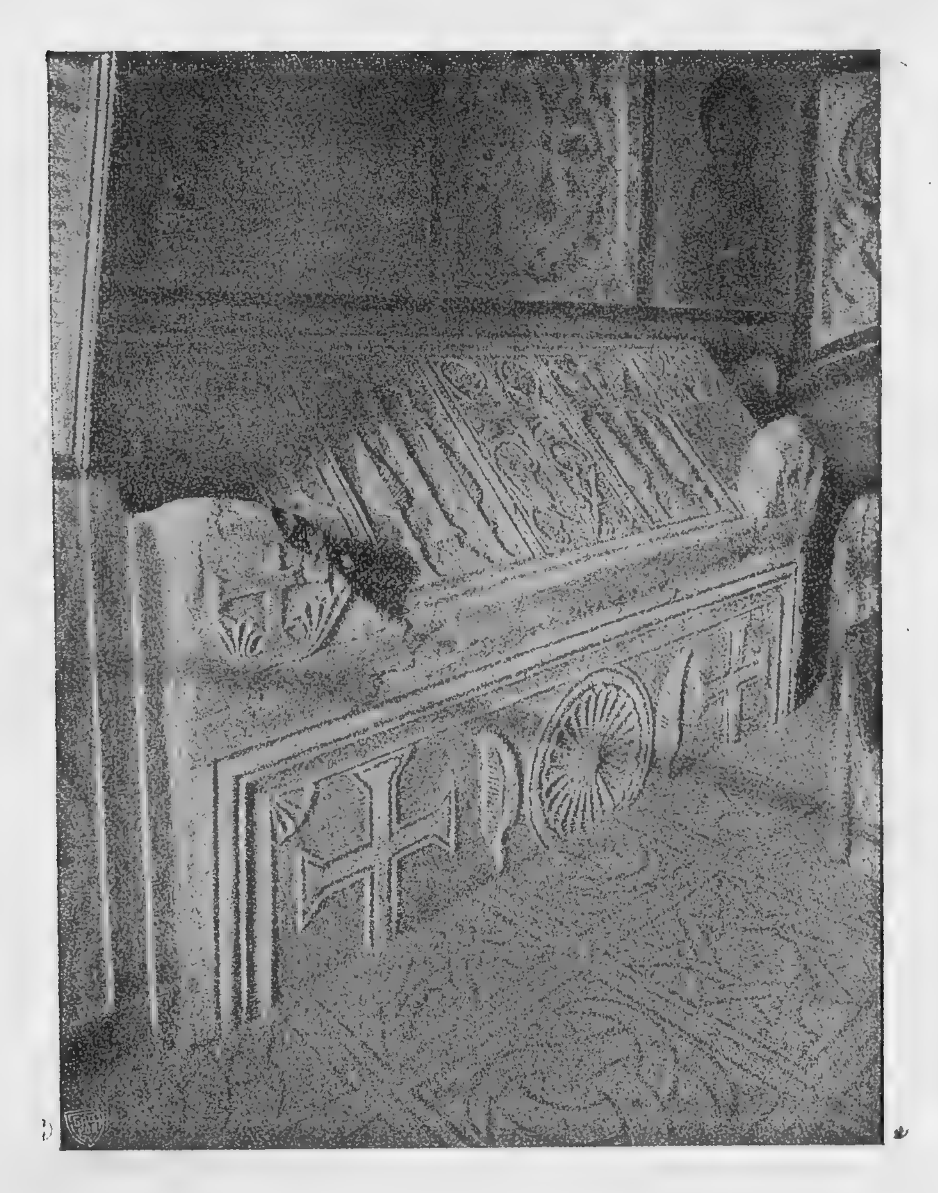

Рис. 8. Ярослава гробница. (фотогр.).

Мозаическая и фресковая живопись этого храма дошла до нашего времени лишь въ незначительныхъ остаткахъ, но и эти остатки представляютъ большую важность для исторіи русскаго

искусства того времени. Вмѣсто греческихъ надписей надъ изображенiемъ Евхаристiи, находящейся въ алтарѣ и выполненной посредствомъ мозаики, находятся славянскiя надписи. Исполненiе самой мозаики ниже, чѣмъ въ церкви св. Софiи, пропорцiи фигуръ менѣе правильны, головы, руки, ступни ногъ несоразмѣрно малы, поступь фигуръ менѣе увѣренная. Мозаика эта, однако, весьма сильно напоминаетъ такое же изображенiе Евхаристiи, или Причащенiя подъ двумя видами, въ Софiйскомъ храмѣ и отличается отъ нея лишь немногими частностями. Мастера, исполнявшiе эту мозаику, были уже не греческiе, а русскiе, ученики грековъ (рис. 9).

Рис. 9. Мозаическое изображенiе Евхаристiи въ алтарѣ Златоверхо-Михайловскаго монастыря.

Въ Златоверхо-Михайловскомъ храмѣ, кромѣ причащенiя апостоловъ, были еще и другiя мозаическiя работы, теперь исчезнувшiя. Старинные путешественники видѣли въ алтарѣ еще изображенiе Богородицы, во всемъ подобное образу Нерушимой стѣны въ Софiйскомъ храмѣ, и изображенiя святителей, но эти мозаики осыпались.

Большая любовь кiевскихъ князей къ украшенiю храмовъ мозаиками и трудность мозаическаго дѣла заставляютъ думать, что эти работы не могли быть выполнены въ Кiевѣ безъ мозаической мастерской. Начиная съ Десятинной церкви, цѣлый рядъ храмовъ, украшенныхъ мозаиками, доказываетъ, что въ Кiевѣ не прекращала своей дѣятельности та мастерская, которая была основана еще Владимiромъ Святымъ для работъ въ Десятинной церкви. Дѣйствительно, кромѣ указанныхъ храмовъ, мозаиками была украшена и знаменитая Печерская церковь Успенiя Богородицы, возникшая въ 1089 году

Печерскій храмъ Успенія Богородицы.

(заложена въ 1073 г.). Этотъ храмъ также былъ выстроенъ по плану византійскихъ церквей греческими мастерами, но въ числѣ ихъ находились уже и русскіе мастера и художники и между ними особенно извѣстный, замѣчательный иконописецъ инокъ Алипій, котораго считаютъ первымъ русскимъ иконописцемъ. Онъ воспринялъ свое мастерство отъ грековъ, и писалъ иконы съ такимъ мастерствомъ, что возбудилъ удивленіе современниковъ, и кисть его считалась чудесной.

Печерскій храмъ Успенія Богородицы лишился всѣхъ своихъ живописныхъ и мраморныхъ древнихъ украшеній, но извѣстно, что онъ былъ отстроенъ съ обычной роскошью и богатствомъ. Церковь была „мусіею (т.-е мозаикой) сложена не токмо по стѣнамъ, но и по землѣ“. Въ куполѣ находился по обычаю колоссальный образъ Христа Вседержителя, въ алтарѣ образъ Богородицы, по стѣнамъ изображенія праздниковъ, а на столбахъ святые. Татары въ 1240 году сбили мозаическій образъ Богородицы по поясъ, но еще въ XVII вѣкѣ древнюю живопись этой церкви видѣли иностранные путешественники и описали ее въ своихъ сочиненіяхъ.

Кирилловскій монастырь

Другой конецъ Кіева, извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ „Дорогожичей“, представлявшій единственный въ древности доступъ къ городу для врага, въ XII столѣтіи обзавелся также обширнымъ храмомъ, построеннымъ княземъ Всеволодомъ, или же его женой Маріей Мстиславной. Это былъ Кирилловскій монастырь, сплошь расписанный однѣми фресками. По своему содержанію роспись эта очень напоминаетъ обычную и описанную въ другихъ храмахъ живопись. Въ алтарѣ изображена Богородица въ типѣ Нерушимой стѣны, ниже—причащеніе апостоловъ, а затѣмъ изображенія святителей. На столбахъ алтарной арки написано Благовѣщеніе, какъ и въ Софійскомъ храмѣ. На стѣнахъ были праздники, на столбахъ—святые. Въ особомъ придѣлѣ, посвященномъ св. Кириллу Александрійскому, находится спеціальная роспись, относящаяся къ жизни и дѣятельности этого святого (рис. 10).

Такимъ образомъ, холмъ Кія и остальной городъ все болѣе и болѣе принималъ видъ благоустроеннаго средневѣковаго города. Въ предмѣстьяхъ Кіева, въ Вышгородѣ, Берестовѣ стояли княжескіе загородные терема съ золотыми верхами. Въ

Словѣ о полку Игоревѣ старый Святославъ, передавая свой вѣщій сонъ, приснившійся ему на кіевскихъ горахъ, говоритъ: „Уже доски безъ кнѣса (т. князька, перекладины) въ моемъ теремѣ златоверсѣмъ". Тѣ же златоверхіе терема и „палаты княженецкія" вспоминаютъ наши былины.

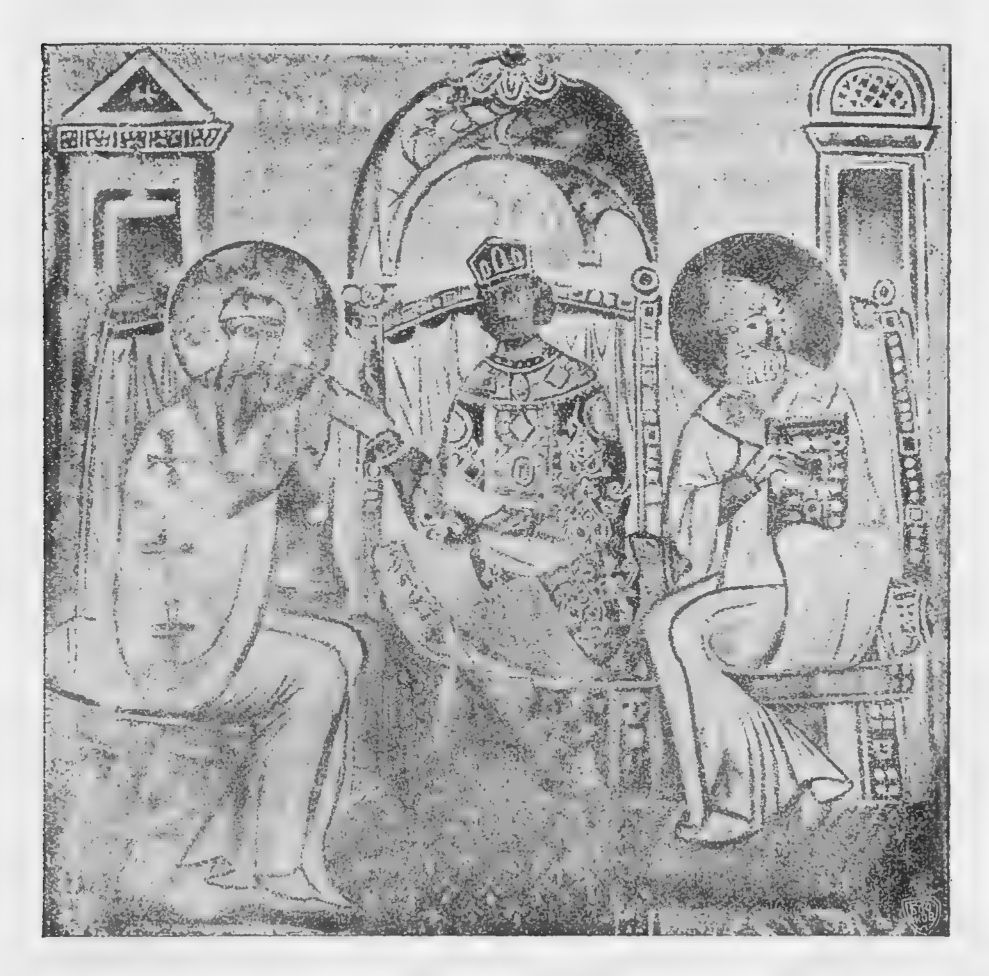

Рис. 10. Фреска Кирилловскаго монастыря. Св. Кириллъ учитъ царя.

Какъ измѣнился внѣшній видъ Кіева со времени язычества, какимъ блескомъ и красотой зданій онъ отличался до татарскаго нашествія, и какая жизнь здѣсь текла, можно судить по краснорѣчивымъ, но и правдивымъ словамъ Илларіона, въ которыхъ онъ кратко и ясно рисуетъ Кіевъ. „Взгляни,—говоритъ онъ въ томъ же похвальномъ словѣ Владиміру,—какъ

сіяетъ величіемъ твой городъ, какъ процвѣтаютъ церкви, взгляни, какъ свѣтится городъ иконами, какъ онъ блистаетъ, наполняется ѳиміамомъ и хвалами, какъ оглашается божественнымъ пѣніемъ“.

Вліяніе Византіи на искусство Кіевской Руси.

Въ кіевской архитектурѣ и живописи ясно выразился характеръ византійскаго искусства. Близкія и постоянныя сношенія съ Царьградомъ дали Кіеву видъ одного изъ богатѣйшихъ городовъ среднихъ вѣковъ. Греческіе мастера утвердили здѣсь основы византійской архитектуры и живописи и образовали школу русскихъ мастеровъ. Кіевскіе храмы стали образцомъ для другихъ русскихъ областей въ церковномъ строительствѣ, и въ Ростовѣ, Суздалѣ первыя церкви были выстроены по образцу Печерскаго храма Успенія Богородицы.

Корсунь, изъ котораго еще Владиміръ вывезъ кресты, иконы и книги, впослѣдствіи также снабжаетъ Русь предметами церковнаго искусства. Все корсунское цѣнилось на Руси какъ древнее, все царьградское считалось за современное, столичное, блестящее. Въ Россіи до сихъ поръ извѣстно до 40 иконъ корсунскаго письма. Историкъ Дитмаръ Мерзебурскій говоритъ, что русскіе брали изъ корсунскихъ церквей разную утварь и предметы и украшали ими кіевскіе храмы.

Однако, въ самомъ Кіевѣ процвѣтали различныя искусства и художественныя ремесла, насажденныя греческими мастерами. Владиміръ Мономахъ, построивъ въ Вышгородѣ каменную церковь свв. Бориса и Глѣба, перенесъ въ нее мощи обоихъ мучениковъ и положилъ ихъ въ драгоцѣнной ракѣ, украшенной такъ роскошно, что иностранцы, приходившіе въ Русь изъ чужихъ краевъ и изъ Византіи, удивлялись искусству, съ которымъ была сдѣлана гробница и сѣнь надъ нею, и говорили, что даже въ Царьградѣ они не видѣли подобной красоты. Опись одной аѳонской обители (Ксилурга) 1143 года упоминаетъ различные предметы русскаго издѣлія и искусства, пожертвованные сюда изъ Россіи въ давнее время. Между ними упоминается епитрахиль, золотая русская, ручникъ Богородицы, русскій съ золотыми оторочками, съ крестомъ, кругомъ и двумя птицами, и иныя древнія русскія вещи и книги.

Княжескій бытъ во многихъ отношеніяхъ сложился подъ вліяніемъ византійскаго быта. Русскіе князья въ своихъ сношеніяхъ съ византійскими императорами принимали чины архонтовъ, игемоновъ, стольниковъ и проч., а потому должны были носить и сотвѣтствующія одежды и знаки отличія, употребительные для чиновъ византійскаго двора Въ этомъ отношеніи крайне интересенъ костюмъ русскаго князя, изображеннаго въ псалтыри Гертруды, который одѣтъ былъ въ византійскій придворный костюмъ, украшенный жемчугомъ

Рис. 11. Перстни Великокняжеской эпохи.

Рис. 12. Шейное ожерелье.

Рис. 13. Цѣпь съ эмалевыми украшеніями.

и драгоцѣнными камнями. Какъ знаки отличія, соотвѣтствующіе нашимъ орденамъ, носили шейныя цѣпи съ крестами, діадемы, вѣнцы, гривны, золотыя и серебряныя печати (у пословъ и

купцовъ). Въ 1213 году убили Михаила Скулу: „глава его усѣкоша, трои чепи сняша“. Слуга св. Бориса, родомъ угринъ, получилъ особый чинъ и носилъ на шеѣ золотую гривну, которую возложилъ на него самъ Борисъ: „его же любаше повелику Борисъ, бѣ бо возложилъ нань гривну злату велику (т.-е. золотой обручъ); въ ней же предстояше предъ нимъ“. Такъ же точно и Владиміръ Святой, по сказанію патріаршей лѣтописи, „возложи (на Александра Поповича) гривну злату и сотвори и вельможа въ палатѣ своей“. Бляхи, составлявшія цѣпи, и медальоны, висѣвшіе на нихъ, обыкновенно имѣли эмалевыя изображенія Христа, Богородицы, свв. Бориса и Глѣба, или же цвѣтовъ, птицъ (рис. 12 и 13).

Русскія книги писались по византійскому и болгарскомъ образцамъ. Извѣстное Остромирово Евангеліе имѣетъ на отдѣльныхъ листкахъ изображенія четырехъ евангелистовъ, какъ и въ византійскихъ рукописяхъ. Въ Изборникѣ Святослава 1073 года находится замѣчательное изображеніе князя Святослава и его семьи, нарисованное по образцу византійскихъ группъ, открывавшихъ собою текстъ владѣльца книги и ея заказчика. Всѣ члены княжеской семьи изображены въ національныхъ костюмахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ. Обѣ рукописи изобилуютъ нарисованными орнаментальными заглавными буквами и заставками, или виньетками, въ началѣ главъ. Въ Византіи школой русской письменности сдѣлался извѣстный Студійскій монастырь, въ которомъ жили русскіе иноки, посвятившіе себя писанію и переводу книгъ съ греческаго на славянскій. Здѣсь они усваивали искусство каллиграфіи и миніатюрной живописи. Мстиславово Евангеліе ,написанное въ 1125 году, сверхъ того имѣетъ драгоцѣнный переплетъ, для изготовленія котораго Изяславъ, писавшій евангеліе, нарочито ѣздилъ въ Царьградъ: „И возивъ Царюгороду и учинихъ химипеть (т.-е. эмаль), Божіею волею возвратихся изъ Царяграда, исправихъ злато и серебро и драгій камень“. Верхняя доска переплета состоитъ изъ тончайшихъ разводовъ золотой проволоки или скани, усаженныхъ эмалевыми образками, жемчугомъ и камнями.

Искусство кіевской Руси до татарскаго нашествія въ общемъ своемъ составѣ отличается рѣзко выраженнымъ византійскимъ характеромъ. Принесенное греческими мастерами на Русь и за-

имствованное въ самомъ Царьградѣ русскими, это искусство прививается на Руси и становится достояніемъ древней русской жизни почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Поэтому русское искусство между X—XIII столѣтіями извѣстно въ наукѣ подъ именемъ русско-византійскаго. Нѣсколько иной характеръ русское искусство принимаетъ въ областяхъ Владиміра и Суздаля *).

Д. Айналовъ.

---

*) *Примѣчаніе*: Въ 1907-9 г. въ Кіевѣ производились раскопки въ усадьбахъ Десятинной церкви и прилегающей къ ней г. Петровскаго, давшія разнообразный и богатый матеріалъ для исторіи, археологіи и исторіи русскаго искусства. Онѣ выяснили, что на этой территоріи жили

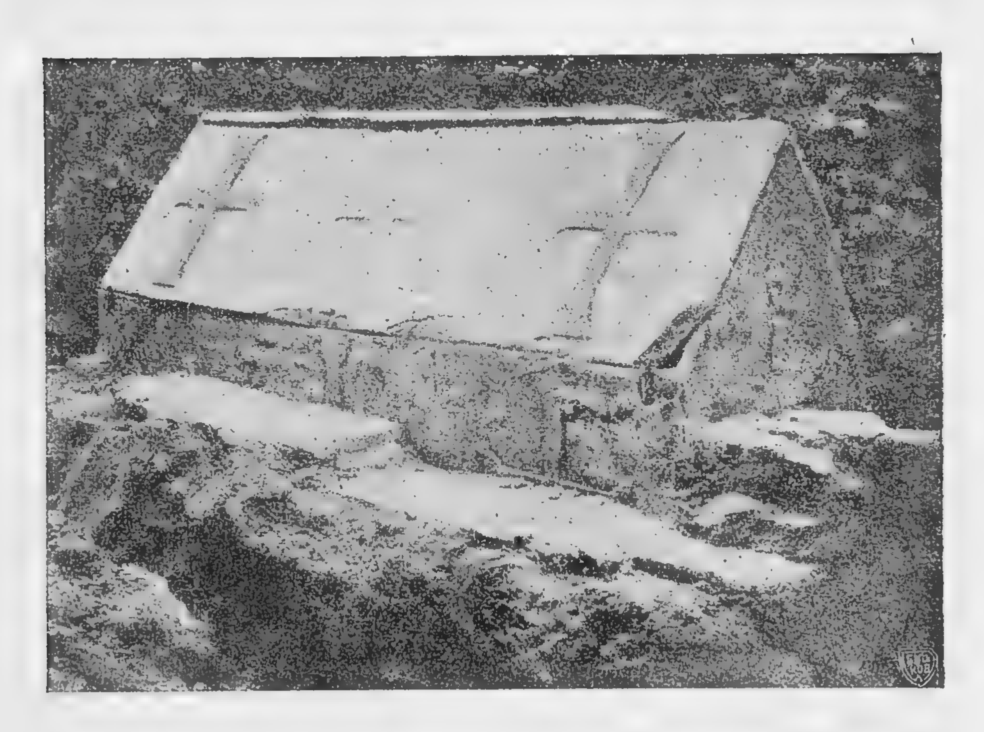

Рис. 14. Саркофагъ, найденный въ усадьбѣ Десятинной церкви.

люди съ очень древнихъ временъ, такъ какъ многія находки должны быть относимы къ каменному вѣку. Таковы найденныя здѣсь жилища первобытнаго человѣка, землянки, съ различнымъ инвентаремъ. Кромѣ того, здѣсь обнаружены остатки нѣсколькихъ зданій, какъ деревянныхъ, такъ и каменныхъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ глубокой древности. Такъ, напримѣръ, подъ стѣной Десятинной церкви была откопана на самомъ материкѣ часть стѣны, сложенной изъ круглыхъ крас-

ныхъ камней, безъ всякаго цемента. Изъ построекъ болѣе поздняго времени, вѣроятно великокняжеской эпохи, интересны, кромѣ фундамента храма, построеннаго Владиміромъ, остатки деревяннаго зданія, повидимому богато украшеннаго внутри фресковою живописью, слѣды которой сохранились на деревянныхъ обломкахъ стѣнъ и балокъ. Еще роскошнѣе были отдѣланы два каменныя зданія, въ развалинахъ которыхъ, подъ грудами мусора, уцѣлѣли остатки колоннъ и украшеній изъ мрамора, шифера, лабрадора и др. породъ.

Рис. 15. Крестъ изъ раскопокъ близь Десятинной церкви.

Большой интересъ представляютъ открытыя здѣсь многочисленныя погребенія, часть которыхъ должна быть отнесена къ очень отдаленной эпохѣ—таковы погребенія сожженаго праха на площадкахъ изъ обожженой глины, въ видѣ токовъ, и тѣ, въ которыхъ соженный прахъ былъ заключенъ въ глиняные сосуды. Отсутствіе предметовъ обихода не позволяетъ точно датировать ихъ, но форма сосудовъ и матеріалъ, изъ которыхъ они были сдѣланы, указываетъ, что они принадлежатъ къ концу каменнаго вѣка. При погребеніяхъ не сожженнаго праха были находимы различнаго вида бусы, изъ кости, глины, стекла, металловъ и т. д., стеклянные и глиняные сосуды, ведра съ желѣзными обручами, желѣзные ножи, копья, стрѣлы, различныя украшенія въ видѣ серегъ, колецъ, браслетовъ, гривенъ и т. п., монеты въ видѣ денегъ и подвѣсокъ, а при погребеніяхъ, относящихся къ христіанской эпохѣ,—кресты, иконки и другіе предметы христіанскаго обихода. Вообще, здѣсь было открыто множество погребеній, относящихся къ различнымъ эпохамъ, начиная съ каменнаго вѣка и кончая эпохой великокняжеской. Здѣсь же было обнаружено каменное сооруженіе, удлиненной, приближающейся къ овалу формы, съ четырмя выступами по сторонамъ, сложенное изъ круглыхъ большихъ камней, не соединенныхъ цементомъ. Оно находилось въ неглубокой выемкѣ, полъ и стѣнки которой были гладко вымазаны бѣлой глиной. Небольшіе размѣры этого сооруженія, а также присутствіе въ огромномъ количествѣ костей различныхъ животныхъ, даютъ основаніе предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, быть можетъ, съ языческимъ капищемъ.

Но наибольшій интересъ изъ всѣхъ находокъ представляютъ обнаруженныя здѣсь въ большомъ количествѣ остатки мастерскихъ. Однѣ изъ нихъ служили для приготовленія издѣлій изъ мрамора, шифера и др. породъ камня, другія для обжиганія различнаго вида и качества керамическихъ издѣлій, здѣсь приготовляли поливенные и эмалевые изразцы шедшіе для украшеній Десятинной и другихъ церквей и дворцовъ. Существовали

здѣсь же мастерскія для выдѣлки предметовъ изъ стекла—сосудовъ и особенно витыхъ браслетовъ. Особенно многочисленны были мастерскія ювелирныя, на что указываютъ во множествѣ находимыя формочки для отливки крестовъ, серегъ, кольтъ, браслетовъ, бусъ и т. п.

Вообще, раскопки въ этой мѣстности доставили очень много интересныхъ данныхъ для русской исторической науки, и нужно надѣяться, что дадутъ еще больше, такъ какъ въ настоящее время онѣ еще далеко не закончены.

Н. П.

Архитектура Владиміро-Суздальскаго края *).

Въ половинѣ XII вѣка, вслѣдствіе княжескихъ усобицъ, набѣговъ кочевниковъ и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, часть южно-русскаго населенія отливаетъ на сѣверъ, и здѣсь, благодаря энергичной дѣятельности Юрія Долгорукаго и въ особенности сына его, знаменитаго Андрея Боголюбскаго, возвышается княжество Владиміро-Суздальское съ г. Владиміромъ во главѣ, который втеченіи около столѣтія играетъ роль столицы великокняжеской.

Общій характеръ искусства Вл. Суздальской Руси.

Въ этотъ короткій періодъ въ Владиміро-Суздальской области воздвигаются города, строются храмы, дворцы, и создается рядъ художественныхъ ремеслъ, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи русскаго искусства.

Первыя каменныя церкви, построенныя во Владиміро-Сузд. области, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ—церковь Спаса (1152) и Бориса и Глѣба въ с. Кидекшѣ на р. Нерли въ 3 в. отъ Суздаля (1152), по плану почти ничѣмъ не отличаются отъ Кіевскихъ древнихъ церквей. Онѣ также просты и не имѣютъ почти никакихъ украшеній, какъ и кіевскія. Въ нихъ появляется только одна новая деталь въ видѣ горизонтальнаго пояса, проходящаго по срединѣ—деталь, составляющая характерный признакъ Владиміро-Суздальской архитектуры того времени.

Самый матеріалъ построекъ здѣсь иной, чѣмъ въ церквахъ Кіевскихъ. Почти во всѣхъ постройкахъ употреблялся бѣлый

Важнѣйшая литература (см. литература къ ст. „Искусство Кіевской Руси“). *Гр. Строгановъ.* „Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ“ 1849: *Гр. Толстой и Кондаковъ.* „Русскія древности въ памятникахъ искусства“ VI. *Берирковъ.* „О храмахъ Владиміро-Суздальскаго княжества“ (Труды Владимір. уч. Арх. Ком. кн. 5); *Артлебенъ.* „Къ вопросу объ архитектурѣ Владиміро-Суздальскихъ церквей“ (Труды I Археол. Съѣзда); *Віолэ де-Дюкъ.* „Русское искусство, его источники, его составные элементы и пр.“ 1877 г.; *Павлиновъ.* „Исторія русской архитектуры“.

камень, привозимый сюда изъ Волжской Болгаріи. Каменная кладка производилась здѣсь по особому способу: выводили параллельно двѣ каменныхъ стѣны и промежутокъ между ними заливали известковымъ растворомъ, иногда съ примѣсью ячменныхъ или ржаныхъ отрубей. Вся эта бутовая кладка со временемъ такъ отвердѣвала, что становилась тверже самого бѣлаго камня. Основной планъ храмовыхъ построекъ оставался византійскимъ и имѣлъ много общаго съ планомъ Кіевскихъ церквей.

Но главныя отличительныя особенности храмовъ Владиміро-Суздальской архитектуры заключаются въ дѣленіи наружныхъ стѣнъ, южной, сѣверной и западной, на три части каждой—тонкими полуколонками, которыя идутъ съ самаго основанія до кровли и, дугообразно соединяясь между собой вверху, образуютъ полукружія, а въ самыхъ стѣнахъ впадины, а также оригинальный узорчатый поясъ, идущій посрединѣ стѣнъ кругомъ всей церкви и состоящій изъ общаго карниза и полуколонокъ съ арочками, поставленными на кронштейнахъ. Такимъ образомъ наружныя стѣны, кромѣ восточныхъ, расчленялись этими полуколонками и поясомъ на три верхнихъ и на три нижнихъ части.

Это дѣленіе составляетъ уже признакъ западнаго вліянія и именно указываетъ на родство этихъ храмовъ съ такъ называемыми „романскими“ постройками, встрѣчаемыми въ западной Европѣ того времени, хотя владимірскіе храмы отличаются отъ романскихъ главнымъ образомъ своими скромными размѣрами, вѣрностью основнымъ требованіямъ византійскаго стиля и отсутствіемъ многихъ архитектурныхъ деталей западныхъ „романскихъ“ построекъ. Еще болѣе яркой особенностью древнихъ храмовъ владиміро-суздальской области является обиліе барельефныхъ украшеній, вырѣзанныхъ прямо на бѣломъ камнѣ, составляющихъ облицовку наружныхъ стѣнъ этихъ храмовъ. Эти барельефы составляютъ явленіе въ исторіи этихъ церквей исключительное и встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ храмахъ также и „романской постройки“ въ западной Европѣ.

Значеніе г. Владиміра въ русскомъ искусствѣ.

Несмотря на краткость періода процвѣтанія Владиміро-Суздальской земли, здѣсь быстро развилась и культура. „Нигдѣ въ Россіи искусство не внѣдрилось столь глубоко въ народную жизнь,—говоритъ глубокій знатокъ древне-русскаго искусства,

академикъ Кондаковъ,—какъ здѣсь, и культурная высота этого края заключается именно въ народномъ усвоеніи Суздальскою Русью всѣхъ формъ гражданственности". Москва до XV в. питалась плодами выращенныхъ Владиміромъ насажденій. Это доказывается и тѣми памятниками искусства, которые сохранились во Владиміро-Суздальской области, и тѣми находками въ кладахъ драгоцѣнностей, которыя свидѣтельствуютъ о высокомъ состояніи культуры этого времени.

Успенскій соборъ.

Вся минувшая слава древнестольнаго Владиміра сосредоточилась преимущественно въ древнихъ стѣнахъ *соборнаго храма Успенія.* Онъ пережилъ вмѣстѣ съ Владиміромъ и славу главнаго храма великокняжеской столицы, и цѣлый рядъ бѣдствій, которыя, наложивъ на него свою печать, тѣмъ не менѣе не могли сокрушить этого древняго памятника искусства.

Какъ рѣдкій памятникъ древне-русскаго церковнаго зодчества, Владиміро-Успенскій соборъ весьма замѣчателенъ тѣмъ, что по архитектурѣ своей представляетъ образецъ величественнаго и архитектурнаго храма, достойнаго славныхъ временъ процвѣтанія византійскаго искусства. Не напрасно вызвалъ Боголюбскій лучшихъ мастеровъ изъ всѣхъ земель (по сказанію лѣтописи) для построенія храма. При взглядѣ на это величественное зданіе, освобожденное въ настоящее время отъ всѣхъ искажавшихъ его ранѣе позднѣйшихъ пристроекъ, всякаго невольно поражаетъ стройность и соразмѣрность всѣхъ его частей, красота арокъ, перекинутыхъ по 18 столбамъ его, поддерживающимъ хоры, своды и купола, изящество главъ его и крѣпость стѣнъ, уцѣлѣвшихъ послѣ цѣлаго ряда ужасныхъ бѣдствій, которыя постигали соборъ втеченіе болѣе чѣмъ семивѣкового его существованія. Не напрасно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ онъ былъ идеальнымъ образцомъ для многихъ древнерусскихъ храмовъ: въ Юрьевѣ, въ Ростовѣ, въ Звенигородѣ и другихъ мѣстахъ по лицу земли русской были выстроены храмы по образцу собора Успенскаго. Когда великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, утверждая единодержавіе въ Москвѣ, пожелалъ устроить въ ней соборный храмъ, приличествующій новой своей столицѣ, то онъ не нашелъ лучшаго образца для него, кромѣ Владимірскаго Успенскаго собора. Его мастера пріѣзжали во Владиміръ и сняли точную мѣру его. Затѣмъ знаменитый зод-

чій, Аристотель Фіоравенти, строившій храмъ Успенія въ Москвѣ, нарочито пріѣзжалъ во Владиміръ для обозрѣнія собора и былъ пораженъ красотой его архитектуры. И понынѣ каждаго, вступающаго въ этотъ храмъ, въ трепетномъ сумракѣ сводовъ его невольно охватываетъ чувство благоговѣнія, хотя стѣны и лишились всѣхъ драгоцѣнностей и богатствъ временъ Боголюбскаго. Онъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ уже въ древности. По сказанію лѣтописцевъ, Андрей Боголюбскій создалъ такой храмъ, „яковаго не бысть на Руси и никогда же не будетъ". „Лѣта 6666 христолюбивый князь Андрей,—повѣствуетъ древній лѣтописецъ,—уподобися царю Соломону и доспѣ въ Володимірѣ церковь камену соборную святыя Богородицы, пречудну вельми, и всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трое золотомъ устрои, каменьемъ дорогимъ и жемчугомъ украси ю многоцѣннымъ и всякими узорочьи удиви ю и всѣми виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломонови святая святыхъ". Соборъ блисталъ золотомъ и многоразличными украшеніями не только извнѣ, но также великолѣпно былъ украшенъ и внутри высокохудожественнымъ расписаніемъ стѣнъ и множествомъ драгоцѣннныхъ иконъ и разныхъ предметовъ богослужебной утвари: золотыми и серебряными паникадилами, золотыми и серебряными сосудами и рипидами, множествомъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ богослужебныхъ облаченій и пеленъ подъ иконы, которыхъ было такъ много, что въ большіе праздники этими пеленами увѣшивался весь путь („въ двѣ верви чудныхъ") отъ собора до Золотыхъ воротъ и до епископскаго дома и, наконецъ, передъ царскими вратами былъ устроенъ „отъ злата и сребра" прекрасный амвонъ въ видѣ небольшой овальной формы часовни. Но драгоцѣннѣе всѣхъ украшеній и сокровищъ храма была поставленная въ немъ чудотворная икона Богоматери, писанная, по преданію, св. евангелистомъ Лукою. Не меньшее значеніе имѣетъ Владиміро-Успенскій соборъ и какъ памятникъ древнерусской иконографіи и искусства съ его фресками XII в., обновленными въ XV в. искустной кистью знаменитаго въ исторіи древне-русскаго искусства Андрея Рублева. Эти фрески, по полнотѣ иконографическихъ сюжетовъ, по художественности исполненія, не имѣютъ себѣ равныхъ среди

памятниковъ древне-русскаго искусства и иконографіи, сохранившихся до сего времени, за исключеніемъ развѣ кіево-софійскихъ мозаикъ и фресокъ Спасъ-Нерѣдицкой, близь Новгорода, церкви. Фрески, украшающія Владимірскій Успенскій соборъ, долгое время были почти всѣ скрыты подъ штукатуркою и открыты при расписаніи собора лишь въ 1882 году. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, соборъ былъ украшаемъ живописью

Рис. 16. Успенскій соборъ.

неоднократно: и въ 1161 году, и при Всеволодѣ III, и, наконецъ, вся живопись внутри собора была возстановлена въ 1408 г. знаменитымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ; знатоки древне-русскаго искусства и относятъ большинство открытыхъ въ соборѣ фресковыхъ изображеній именно къ началу XV в. Особенно хорошо сохранились древнія фрески подъ хорами и на западной стѣнѣ, изображающіе картину страшнаго суда. По звуку трубъ ангеловъ, земля и море отдаютъ своихъ мертвецовъ. Возстаютъ лики святыхъ царей, лики святыхъ мучениковъ въ хитонахъ, лики святителей въ кресчатыхъ фело-

няхъ съ короткими волосами, лики преподобныхъ въ нижнихъ одеждахъ, перетянутыхъ широкими поясами, въ мантіяхъ, наконецъ, лики святыхъ женъ... Судъ совершился. За нимъ слѣдуетъ блаженство праведниковъ и мученіе грѣшниковъ. Ап. Петръ съ ключемъ въ правой рукѣ ведетъ святыхъ въ рай; вдали ап. Павелъ, въ лѣвой рукѣ его свитокъ, въ которомъ написано: „Придѣте со мною благихъ“; правою онъ указываетъ на мѣсто блаженства праведниковъ. Надпись: „Идутъ святіи въ раі“. Тамъ благоразумный разбойникъ съ крестомъ въ лѣвой рукѣ среди райскихъ деревьевъ, съ надписью: „благоразумный разбойникъ свѣтъ не вечерній“. Самое блаженство праведниковъ представлено въ двухъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ изображена кисть правой руки, въ которой находятся праведныя души, очевидно художникъ понялъ буквально извѣстное библейское выраженіе: „Праведныхъ въ руцѣ Божіи“. Въ другомъ мѣстѣ онъ изобразилъ лоно Авраамово: на широкомъ возвышеніи сидитъ Авраамъ въ видѣ старца, Исаакъ въ видѣ зрѣлаго мужа и Іаковъ въ видѣ довольно молодого человѣка: у Авраама въ пазухѣ души праведныхъ въ видѣ дѣтей; рядомъ съ нимъ еще нѣсколько дѣтскихъ фигуръ, въ нимбахъ и бѣлыхъ сорочкахъ, кругомъ райскія деревья. На лѣвой сторонѣ, подъ аркой, ангелъ показываетъ упавшему передъ нимъ пророку Даніилу на сбытіе его прочества, указывая ему рукой на Судію Праведнаго.

Рис. 17. Лоно Авраамово.

Рядомъ почти съ Успенскимъ соборомъ находится другой замѣчательный памятникъ русской старины—*Дмитріевскій соборъ*. Дмитріевскій соборъ.

Дмитріевскій соборъ рѣзко выдѣляется своимъ наружнымъ видомъ среди окружающихъ его зданій и храмовъ. Это простое, но въ то же время прекрасное произведеніе древней архи-

тектуры, невольно останавливаетъ взоры каждаго, поражая своей строгой гармоніей архитектурныхъ линій, богатствомъ, разнообразіемъ и оригинальностью наружныхъ украшеній. Построенный на великокняжескомъ дворѣ, Дмитріевскій соборъ былъ окруженъ дворцовыми постройками, но отъ нихъ не оста-

Рис. 18. Дмитріевскій соборъ.

лось и слѣда, и соборъ сохранилъ только древнія стѣны со всѣми наружными украшеніями. Весь соборъ сложенъ изъ бѣлаго извѣстковаго камня, привезеннаго изъ Волжской Болгаріи. Соборъ имѣетъ видъ правильнаго четыреугольника, продолговатыя стороны котораго обращены къ сѣверу и къ югу.

Восточная сторона алтаря выступаетъ тремя полукружіями, изъ которыхъ среднее больше другихъ. Западная, сѣверная и южная стѣны раздѣляются каждая на три части тонкими колонками, которыя идутъ отъ самой земли до кровли, и, дугообразно соединяясь между собою, вверху образуютъ круглыя кокошники, а въ самыхъ стѣнахъ впадины. Посрединѣ стѣнъ, кругомъ всего собора, идетъ роскошный узорчатый поясъ. Своды, опираясь на четыре внутреннихъ столба, поддерживаютъ высокій куполъ (фонарь, трибунъ), увѣнчанный шлемообразною главою съ мѣднымъ рѣзнымъ четырехконечнымъ крестомъ. Всѣ стѣны на наружныхъ впадинахъ между колонками, начиная отъ пояса до кровли, и самый куполъ были испещрены этими украшеніями, состоящими изъ рельефно высѣченныхъ на камняхъ фигуръ святыхъ, различн. травъ, птицъ и животныхъ, почти исключительно фантастическихъ. Распредѣленіе этихъ украшеній и фигуръ въ основныхъ своихъ чертахъ одинаково во всѣхъ трехъ стѣнахъ, въ особенности въ верхнихъ впадинахъ. Главная и центральная фигура представляетъ юнаго святого, сидящаго на богато убранномъ престолѣ, съ короною на головѣ и съ нимбомъ. Эта фигура повторена въ центрѣ средней впадины на всѣхъ трехъ сторонахъ собора. Ему предстоятъ ангелы (въ западной стѣнѣ), къ нему же съ небесъ устремляются въ быстромъ полетѣ птицы, къ подножію трона идутъ съ трепетомъ львы и страшные грифы, подъ нимъ

Рис. 19. Западныя двери Дмитріевскаго собора.

пышно распускаются декоративныя растенія. Долгое время смыслъ этихъ украшеній былъ недоступенъ изслѣдователямъ; одни видѣли въ этомъ святомъ пророка Давида, другіе Господа, Котораго „хвалитъ всякое дыханіе", и лишь въ послѣднее время академикъ Кондаковъ далъ вѣрное, самое близкое къ истинѣ, объясненіе смысла этихъ берельефовъ. Въ этомъ юномъ святомъ Кондаковъ видитъ царя Соломона, а во всемъ окружающемъ его—преславленіе его премудрости, и всю эту фантастическую композицію онъ считаетъ скульпурной параллелью къ древнему стиху о „Голубиной книгѣ". Эта „голубиная пре-

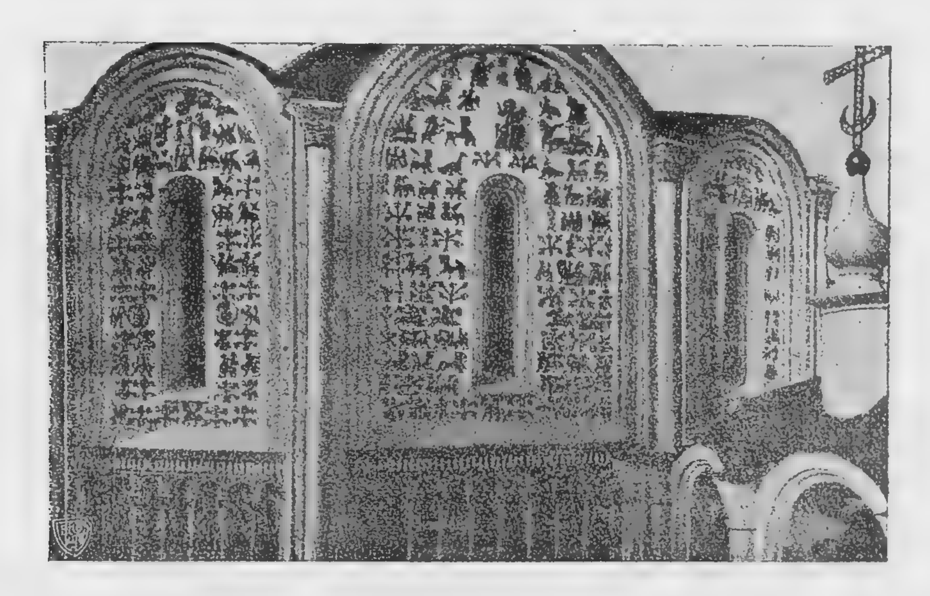

Рис. 20. Деталь Дмитріевскаго собора.

мудрость" представляетъ міръ не простой, не реальный, всѣмъ извѣстный, но міръ премудрости Божіей, открывающейся Божескимъ просвѣщеніемъ, книжнымъ мудрымъ наученіемъ, которое говоритъ намъ о всемъ явномъ и сокровенномъ, реальномъ и чудесномъ, простомъ и волшебномъ, какъ оно открывается писаніемъ. И этотъ смыслъ орнаментаціи Дмитріевскаго собора былъ въ общихъ своихъ чертахъ понятенъ для современника. Отдѣльныя сцены—крещеніе, поклоненіе волхвовъ, ѣдущіе на коняхъ цари, наконецъ, миѳъ объ Александрѣ Македонскомъ, возносящемся на небеса на грифонахъ,—всѣ были такъ же близки по смыслу молебщикамъ-современникамъ, равно какъ и фантастическія травы, звѣри и птицы.

Во время реставраціи была открыта часть древнихъ фресокъ, сохранившаяся подъ штукатуркою, на папирусахъ сводовъ и подъ хорами у западной стѣны. Фрески эти составляютъ часть одной картины страшнаго суда. Эти фрески относятъ ко времени построенія собора, но русскія надписи на нихъ, по мнѣнію знатоковъ палеографіи, принадлежатъ къ началу XV в., а поэтому предполагаютъ, что живопись была реставрирована въ концѣ

Рис. 21. Золотыя ворота во Владимірѣ.

XIV в. русскими мастерами, именно знаменитымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ, расписывавшимъ въ началѣ XV в. и Успенскій соборъ.

Недалеко отъ Успенскаго собора, построеннаго вел. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ г. Владимірѣ, сохраняется до Золотыя ворота.

сихъ поръ еще памятникъ древнерусскаго зодчества временъ Боголюбскаго—*Золотыя ворота.*

Извѣстно, что при устройствѣ г. Владиміра вел. князь Андрей во многомъ подражалъ Кіеву. Подобнымъ подражаніемъ Кіевскимъ Золотымъ воротамъ, устроеннымъ Ярославомъ, была и постройка Золотыхъ воротъ, которыя были созданы Андреемъ Боголюбскимъ въ 1164 г.; по крайней мѣрѣ была освящена въ этомъ году церковь, построенная на Золотыхъ воротахъ одновременно съ ними. Золотыя ворота составляли въ древности часть укрѣпленія, устроеннаго Андреемъ Боголюбскимъ вокругъ всего города въ видѣ высокихъ земляныхъ валовъ, на которыхъ возвышались крѣпкія стѣны. Валы примыкали съ обѣихъ сторонъ къ самому зданію Золотыхъ воротъ, и проѣздъ въ городъ былъ возможенъ только чрезъ эти ворота. Благодаря этимъ валамъ, Золотыя ворота въ древности имѣли видъ неправильнаго четыреугольника, прорѣзаннаго въ срединѣ зданія огромной аркой съ полуциркульнымъ сводомъ (какъ въ настоящее время представляется верхъ воротъ, выдѣляющійся на нѣсколько аршинъ изъ позднѣйшихъ пристроекъ), наверху котораго помѣщается храмъ Положенія ризы Пр. Богородицы.

Въ XVIII вѣкѣ Золотыя ворота потерпѣли существенное измѣненіе. Фигура нынѣшней церкви надъ Золотыми воротами не представляетъ ничего общаго съ постройками храмовъ XIII в.

Стѣны Золотыхъ воротъ почти всѣ цѣлы, преимущественно внутренняя сторона ихъ. Въ особенности хорошо сохранился полуциркульный сводъ огромной арки воротъ, сложенный весь изъ бѣлаго камня, поддерживаемый также бѣлокаменными дугами. Во всѣхъ дугахъ главной арки воротъ въ уровень съ поверхностью нижней арки находятся углубленія внутрь стѣнъ. Эти углубленія служили гнѣздомъ для балокъ накатника, устроеннаго надъ этою нижнею аркою и бывшаго мѣстомъ, на которое выходили владимірцы „биться съ города“ съ осаждающими непріятелями. Балки накатника настилались неплотно, чтобы можно было пускать стрѣлы, лить кипятокъ или бросать камни въ осаждающихъ.

Боголюбовъ монастырь.

Въ десяти верстахъ отъ города Владиміра по направленію къ Ниж.-Новгороду, среди довольно живописной мѣстности, находится *Боголюбовъ монастырь.* Самое названіе „Боголюбовъ“ не-

вольно вызываетъ въ памяти имя перваго могущественнаго великаго князя владимірскаго—Андрея Боголюбскаго.

Онъ создалъ нѣсколько меньшій по размѣрамъ, но не менѣе великолѣпный по богатству украшеній, храмъ и въ Боголюбовѣ, въ честь Рождества Богоматери. Устроивъ здѣсь городъ и храмъ съ монастыремъ, кн. Андрей здѣсь же построилъ себѣ дворецъ и сильно полюбилъ свой новосозданный

Рис. 22. Дворецъ Боголюбскаго (реставрація Потапова).

городъ Боголюбовъ, проводя въ немъ большую часть своего времени. Во время татарскаго погрома городъ и церковь были разрушены. Но всесокрушающее время сохранило намъ часть дворца Андрея Боголюбскаго. Это уцѣлѣвшее зданіе весьма замѣчательно, какъ рѣдкій памятникъ гражданскаго зодчества XII в. Въ этой древней палатѣ преданіе хочетъ видѣть ту ком-

нату, въ которой былъ убитъ Андрей Боголюбскій. У самаго входа въ древнекняжескія сѣни по зади столба, подъ лѣстницей, до сихъ поръ въ неприкосновенности сохраняется та ниша, куда, по преданію, израненный и окровавленный, скрылся князь Андрей, гдѣ онъ, снова найденный и умерщвленный

Рис. 23. Покровская церковь.

убійцами, предалъ духъ свой Богу. Узкая лѣстница ведетъ отсюда въ сѣни и въ комнату князя. Въ настоящее время стѣны этой комнаты украшены живописью, изображающей послѣдніе моменты жизни князя, его смерть и погребеніе. Въ храмѣ находится и знаменитая чудотворная икона Боголюб-

ской Божіей Матери, написанная по повелѣнію Андрея Боголюбскаго.

На разстояніи не болѣе версты отъ Боголюбова, среди заливныхъ луговъ, недалеко отъ сліянія двухъ рѣкъ, Клязьмы и Нерли, одиноко стоитъ древняя церковь *Покрова Пресвятыя Богородицы.* Сохранилось извѣстіе въ рукописномъ житіи кн. Андрея, что эта церковь создана Боголюбскимъ послѣ смерти сына его Изяслава, скончавшагося въ 1165 году. Это зданіе относится по своей архитектурѣ къ XII в. и служитъ прототипомъ Владимірскихъ храмовъ: Дмитріевскаго собора и церкви Рождества Богородицы въ Рождественскомъ монастырѣ. Тѣ же колонки, идущія отъ земли до самой кровли и раздѣляющія стѣны на три части, тѣ же рельефныя украшенія на стѣнахъ, какъ и на Дмитріевскомъ соборѣ, только въ гораздо меньшемъ количествѣ, тѣ же щелеобразныя окна и роскошный поясъ, окружающій все зданіе, съ небольшими колонками, соединяющимися между собой дугообразно. Хотя рельефныхъ фигуръ, украшающихъ снаружи стѣны Покровской церкви, и меньше, чѣмъ на Дмитріевскомъ соборѣ, но онѣ лучше исполнены въ художественномъ отношеніи, чѣмъ тамъ. Въ срединѣ изображенъ царь Давидъ съ струннымъ инструментомъ (псалтырью) въ рукахъ, около него двѣ птицы и два льва, пониже—три головки съ распущенными волосами и еще пониже два льва; на боковыхъ отдѣленіяхъ изображены рельефно грифоны, терзающіе звѣрей, и подъ ними по двѣ головки. Внутри церкви любитель древности не найдетъ ничего древняго и замѣчательнаго. Время и стихія не пощадили ничего, что было древняго. Сырость отъ рѣкъ, заливающихъ церковь въ весеннее время до самыхъ стѣнъ со всѣхъ сторонъ, истребила даже древнюю живопись, остатки которой еще недавно были видны въ куполѣ. Покровская церковь.

Одинокій, въ пустомъ полѣ стоитъ этотъ храмъ, забытый, и какъ бы служитъ нѣмымъ свидѣтелемъ минувшей исторической славы Владиміра, которая навсегда угасла.

В. Георгіевскій.

Византія и вліяніе ея на Русь *).

Сосѣдство Руси съ византійскими владѣніями въ Крыму и временно по Дунаю, а также общій законъ, по которому болѣе могущественные и болѣе культурные народы вліяютъ на народы, выступающіе на историческое поприще позднѣе, притомъ вліяютъ иногда не непосредственно, а черезъ вѣка и че-

---

*) *Литература*: *А. Спасскій*. „Значеніе Византіи въ исторіи западно-европейской цивилизаціи". Троицкая лавра 1902 (Изъ Богосл. Вѣстн. IV); *Н. Соколовъ*. „О византинизмѣ въ церковно-историческомъ отношеніи". СПБ. 1903 (Изъ Христ. Чтенія за 1903 г.); *Х. Лопаревъ*. „Греки и Русь". СПБ. 1898; *В. Иконниковъ*. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ рус. исторіи". К. 1869; *Ф. Терновскій*. „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе къ древней Руси" К. 1875-76; *Ѳ. Успенскій*. „Очерки по исторіи византійской образованности". СПБ. 1892; *Его же*. „Русь и Византія въ X в". Одесса 1888; *В. Васильевскій*. „Русско-византійскіе отрывки" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1877 г: CLXXXIX); *В. Грибовскій*. „Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ". СПБ. 1897 г.; *А. Кургановъ*. „Отношенія между церковной и гражданской властью въ Византійской имперіи". Казань, 1880 г.; *В. Савва*. „Московскіе цари и византійскіе василевсы". Харьковъ, 1901 г.; *К. Леонтьевъ*. „Византизмъ и славянство" (въ книгѣ „Востокъ, Россія и славянство", I, М. 1885); *Шарль Диль*. „Юстиніанъ и Византійская цивилизація въ VI в." СПБ. 1908; *А. Лебедевъ*. „Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца XI в. до половины XV в." М. 1902; *Н. Скобалановичъ*. „Византійское государство и церковь въ XI в." СПБ. 1884; *Его же*. „О правахъ визанійскаго об-ва въ средніе вѣка" („Христ. Чтеніе", 1886. I); *Его же*. „Византійская наука и школы въ XI в." СПБ. 1884; *В. Васильевскій*. „Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI в." (Журн. Мин. Нар. Просв. 1881. VI-VIII); *А. Снегиревъ*. „О богослужебной поэзіи греческой церкви до конца II в.", Харьковъ, 1891 (изъ журн. „Вѣра и разумъ"); *В. Сергѣевичъ*. „Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X в." (Журн. Мин. Нар. Пр., 1882 г. CCXIX); *Лавровскій*. „О византійскомъ элементѣ

резъ громадныя пространства,—эти два крупныхъ фактора въ прошломъ византійско-русскихъ сношеній тонутъ въ факторѣ главномъ: въ принятіи русскими новой вѣры по восточному греческому обряду и въ признаніи этой вѣры государственной. При этомъ изслѣдователю все время надо имѣть въ виду необыкновенно быстрое, безпрепятственное, глубокое и мощное

въ договорахъ русскихъ съ греками" СПБ. 1853; *Соколовскій.* „О договорахъ Олега съ греками" К. 1770; *И. Срезневскій.* „Обозрѣніе древнихъ р. списковъ Кормчей Книги" СПБ. 1897; *А Павловъ.* Книги законныя" и т. д. СПБ. 1885; *А. Веселовскій.* „Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII. в.в." (Журн. Мин. Нар. Пр. 1874, XI, 1875, II-III); *В. Плотниковъ.* „Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-русской образованности" Періодъ I, Казань, 1885; *А. Архангельскій.* „Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности". Казань, 1888, 1889-90 г. г; *Ѳ. Буслаевъ.* „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ" М. 1848; *А. Шахматовъ.* „Розысканіе о древнѣйшихъ р. лѣтописныхъ сводахъ". СПБ. 1908 г.; *Его же.* „Корсунская легенда о крещеніи Владиміра" СПБ. 1906 г. (изъ Сборника въ честь акад. В. Ламанскаго); *М. Сухомлиновъ.* „О языкознаніи въ древней Руси" (Ученыя Записки II отд. Ак. Н. I, СПБ. 1854; Сборникъ Отд. р. яз. и слав. Ак. Наукъ т. LXXXV. СПБ. 1908); *И. Бѣляевъ.* „Объ изученія греческаго языка въ Россіи до Петра Великаго" (Пропилеи), I М. 1851); *А. Соболевскій.* „О древнихъ русскихъ переводахъ въ домонгольскій періодъ" М. 1897 г.; *Его же.* „Славяно-русская палеографія" СПБ. 1908; *Н. Лихачевъ.* „Дипломатика". СПБ. 1901; *Байе.* „Византійское искусство" СПБ. 1888; *Н. Покровскій.* „Очерки русской иконографіи и искусства". СПБ. 1900; *Айналовъ и Рѣдинъ.* „Кіево-Софіевскій соборъ".СПБ. 1890; *Еписк. Христофоръ.* „Иконографія христіанская, какъ выраженіе древне-церковнаго вѣросознанія". М. 1887; *И. Толстой и Н. Кондаковъ.* „Русскія древности", выпуски: IV, V VI; *А. Праховъ.* „Кіевскіе памятники виз.-р. искусства" М. 1887; *Н. Кондаковъ.* „Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей" Одесса 1877; *Попадопуло Керемевсъ.* „Происхожденіе нотнаго музыкальнаго письма у сѣверныхъ и южныхъ славянъ". СПБ. 1906; Общія свѣдѣнія въ первыхъ трехъ томахъ „Исторіи Украины Руси" *М. Грушевскаго*, въ лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи р. права и каноническаго права *А. Павлова, Н. Суворова, М. Владимірскаго-Буданова, В. Сергѣевича, К. Неволина, Н. Калачева, Дьяконова, Д. Самоквасова, М. Ясинскаго*; въ „Исторіяхъ р. церкви" *митр. Макарія* и *Голубинскаго*, „Исторіяхъ литературы" *Порфирьева, Пыпина, Келтуялы, Владимірова* и др., а также въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Byzantinische Zeitschrift, Византійскомъ Временникѣ, Извѣстіяхъ русскаго археол. института въ Константинополѣ.

усвоеніе русскими, какъ внутренней сущности, такъ и всей обрядности новой вѣры, и способность русскихъ втеченіе короткаго сравнительно періода такъ націонализировать ее, что вѣра „греческая“ стала вполнѣ „русской“.

Принятіе христіанства въ западно-римскомъ его выраженіи народами романо-германскими поставило эти народы въ нѣсколько иныя отношенія къ Византіи и ея богатой культурѣ, чѣмъ русскихъ, а потому и вліяніе ея въ средніе вѣка на славяно-русскій міръ и на романо-германскій получило совершенно иныя формы.

Громадное вліяніе Византіи на всю европейскую культуру въ средніе вѣка обнаруживается все болѣе и болѣе, съ каждымъ новымъ разслѣдованіемъ въ этой области, и мало-помалу оцѣнивается по достоинству, безъ тѣхъ отрицательныхъ выводовъ, которыми были проникнуты взгляды ученыхъ на это вліяніе, начиная съ XVIII вѣка.

Фактъ на первый взглядъ внѣшній и случайный—перенесеніе столицы римской имперіи изъ Рима въ Византію при Константинѣ Великомъ въ началѣ IV вѣка—былъ началомъ кристаллизаціи всѣхъ элементовъ, вылившихся впослѣдствіи въ „византинизмъ“, какъ экстрактъ своеобразныхъ историческихъ чертъ особаго міра, его государственныхъ, церковныхъ, соціальныхъ, культурныхъ, бытовыхъ и психологическихъ особенностей, отличающихъ Византію, восточно-римскую имперію съ ея населеніемъ, отъ западной, христіанизованный эллинизмъ отъ романизма, гораздо слабѣе подвергавшагося церковности.

Главные признаки „византинизмовъ“ и отраженій каждаго изъ нихъ въ древне-русской культурѣ мы разсмотримъ во второй части очерка, при обзорѣ главныхъ чертъ правового и культурнаго вліянія Византіи на Русь до татарщины, а теперь сдѣлаемъ обзоръ внѣшнихъ сношеній Руси съ Византіей—политическихъ, дипломатическихъ, торговыхъ, отчасти церковныхъ.

Первыя столкновенія Руси съ Византіей.

Русскіе стали къ византійцамъ въ отношенія, на первыхъ порахъ, враждебныя. Повидимому, еще въ концѣ VIII в. русскіе ѣздили къ мало-азіатскимъ берегамъ и нападали на византійскія владѣнія, такъ какъ къ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія относится достовѣрное извѣстіе о томъ, что ви-

зантійцамъ Русь извѣстна была, какъ племя разбойничье, самое имя которой наводитъ страхъ на мирныхъ жителей. Житіе Георгія Амастридскаго повѣствуетъ о нападеніи русскихъ на Амастру, лежавшую недалеко отъ нынѣшняго Синопа. Житіе Стефана Сурожскаго говоритъ о вылазкѣ русскаго князя Бравлина на Сурожъ, нынѣшній Судакъ въ Крыму. Царьградскій патріархъ Фотій называетъ Русь народомъ безчеловѣчнымъ, воинственнымъ и прибавляетъ, что такая аттестація—общеизвѣстна. Слова эти сказаны были по слѣдующему поводу.

Походы русскихъ на Византію.

Въ 860 г. русскіе обложили Константинополь, держали его въ страхѣ, и безнаказанно грабили окрестности, пока не узнали о возвращеніи изъ похода императора съ войсками, послѣ чего сняли осаду и ушли. Повѣсть временныхъ лѣтъ называетъ участниками похода Аскольда и Дира. Слѣдующій византійскій императоръ заключилъ договоръ съ этимъ „языческимъ“ народомъ, одаривъ русскихъ воиновъ золотыми, серебряными и шелковыми одеждами и убѣдивъ его принять крещеніе и епископа. Послѣднее событіе должно относиться къ 866—867 г.г., и возможно, что Аскольдъ принялъ христіанство.

Къ началу X вѣка относится счастливый походъ князя Олега на богатый Царь-Градъ, походъ, соединенный въ лѣтописи съ красивыми легендами, съ тѣми чисто эпическими подробностями, которыя дали князю право именоваться „Вѣщимъ“. Первый походъ относится, по русской лѣтописи, къ 907 году, но дату и самый фактъ можно заподозрить, вслѣдствіе умолчанія о немъ греческихъ источниковъ. Иное дѣло—911 годъ, къ которому относится знаменитый договоръ Олега съ греками—первый русскій дипломатическій актъ, формулированный письменно. Но восточныя свидѣтельства упоминаютъ о нѣсколькихъ походахъ Олега и Руси (иногда безъ имени князя) или на Византію или же противъ восточныхъ государствъ, не столько въ видѣ организованнаго союза съ Византіей, сколько въ видѣ помощи русскихъ своимъ новымъ друзьямъ. И такіе походы относятъ обыкновенно къ послѣднимъ годамъ правленія Олега, а русскія былины какъ будто подтверждаютъ историческія свидѣтельства тѣми эпизодами, гдѣ поется о похо-

дахъ Вольги Святославича въ „Индію богатую“, въ „Золотую Орду“ или въ „землю турецкую“. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ позднія пріуроченія.

Въ 941 г. на Византію снаряжается князь Игорь. Пользуясь тѣмъ, что греческій флотъ ушелъ въ походъ противъ сарацинъ, русскіе сначала безпрепятственно грабили побережья, но потомъ были отбиты съ помощью греческаго огня *) и должны были спасаться бѣгствомъ, преслѣдуемые возвратившимся изъ похода флотомъ, почти уничтожившимъ русскія лодки. Черезъ три года состоялось перемиріе. Оно закрѣплено было въ договорѣ 944 года, цѣликомъ переданномъ русской лѣтописью въ переводѣ. Обѣ стороны обѣщаютъ не трогать владѣній одна другой (особенно это касалось византійскихъ владѣній въ Крыму); русскій князь обязуется доставлять Византіи военную помощь; возобновлены торговыя льготы русскимъ купцамъ, но почти по всѣмъ пунктамъ онѣ болѣе ограничены противъ прежняго договора. О войнахъ съ Византіей Святослава скажемъ вкратцѣ. Императоръ Никифоръ Фока склонилъ Святослава къ походу противъ болгаръ, которымъ Византія платила унизительную дань. Святославъ совершилъ два удачныхъ похода (968 г.), взялъ Преславъ и другіе города, но не только не захотѣлъ уйти изъ Болгаріи, о чемъ просилъ его новый императоръ Іоаннъ Цимисхій, но задумалъ идти на самый Царьградъ; въ борьбѣ съ греками русскіе были разбиты. Побѣды Іоанна Цимисхія подъ Преславомъ и Доростоломъ, его свиданіе съ Святославомъ и договоръ 971 г.—факты общеизвѣстные. Послѣ смерти Святослава сношенія Руси съ Византіей прекратились до конца 987 г., когда императоры Василій и Константинъ обратились къ Владиміру за помощью противъ претендента на византійскій престолъ; русскіе источники говорятъ, что Владиміръ поставилъ условіемъ выдачу за него сестры ихъ Анны, они же соглашались на это только если онъ крестится, и онъ крестился. Но не смотря на оказанную имъ помощь, Анны за него все-таки не выдали, и

*) Греческимъ огнемъ называли взрывчатый матеріалъ, вродѣ пороха или динамита, производившій свое разрушительное дѣйствіе даже подъ водой.

тогда Владиміръ пошелъ на Корсунь и взялъ его. Тѣснимые новымъ претендентомъ, императоры уступили и прислали Анну въ Корсунь, который Владиміръ вернулъ, какъ „вѣно“, выкупъ за невѣсту.

Рядъ упомянутыхъ выше и другихъ, по всей вѣроятности, не отмѣченныхъ въ источникахъ мелкихъ походовъ прекращается въ концѣ X вѣка. На культуру русскую они едва-ли вліяли въ значительной степени: техника военнаго дѣла, два-три термина въ этой области, привезенные на Русь дары отъ византійскихъ императоровъ или награбленные предметы культуры—вотъ все, что осталось отъ военныхъ дѣйствій князей русскихъ противъ Византіи.

II.

Большее значеніе имѣли сношенія мирныя—торговыя, которыя, какъ видно было по предыдущему, стояли не одиноко, а въ тѣсной связи съ походами, и особенно церковныя, начинавшіяся вслѣдъ за принятіемъ христіанства. Торговыя сношенія.

Въ первоначальной исторіи культурно-торговыхъ сношеній Руси съ Византіей слѣдуетъ различать двѣ эпохи. Первая эпоха характеризуется пассивнымъ отношеніемъ русскихъ: къ нимъ пріѣзжаютъ византійскіе купцы и промышленники, съ ними ведутъ торговлю византійцы, поселившіеся по сосѣдству съ русскими. Во вторую эпоху русскіе уже сами ѣздятъ въ Византію, повидимому, иногда въ ущербъ интересамъ тамошнихъ купцовъ,—и она характеризуется уже активностью русскихъ купцовъ.

Мѣсто многочисленныхъ греческихъ факторій по Черному морю заняли сначала города по Дунаю, а затѣмъ Корсунь-Херсонесъ въ Крыму. О томъ, что въ византійско-русскихъ торговыхъ сношеніяхъ Корсунь играла выдающуюся роль и была первымъ по времени (съ VII вѣка) пунктомъ обмѣна, говоритъ значеніе термина „корсунскій“, ставшаго нарицательнымъ, даже въ сравнительно позднее время, а въ примѣненіи къ предметамъ церковной живописи и художественной промышленности—и до нашихъ дней, преимущественно у старообрядцевъ, у иконописцевъ и др. Напримѣръ, „корсунскіе“

кресты (металлическіе) или „корсунская“ икона значитъ „очень древніе“. Болѣе точныхъ и прямыхъ свѣдѣній о торговлѣ первой эпохи не имѣется.

Съ начала IX вѣка идутъ уже первыя поѣздки русскихъ въ Царьградъ не только съ военными, но и торговыми цѣлями, и на это имѣются точныя указанія, а о значительности торговли и числа русскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Царьградъ, говорятъ договоръ Олега въ 911 году (быть можетъ и 907-го) и особенно Игоря въ 944 году. Вывозили они отсюда главнымъ образомъ предметы роскоши—тонкія шелковыя и другія матеріи, золотыя и серебряныя издѣлія, пряности и вино *).

Вліяніе Византіи на художественную промышленность.

Съ VIII—IX в.в. можно говорить о византійскомъ вліяніи на русскую художественную промышленность, на издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, на технику филиграни, скани, эмали, чеканки и т. п. На многихъ предметахъ, находимыхъ въ могилахъ, среди развалинъ церквей, находимъ или явные признаки ихъ византійскаго происхожденія, или же слѣды подражанія „царьградскимъ“ вещамъ русскихъ мастеровъ, какъ въ рисункѣ, орнаментѣ, подборѣ матеріаловъ, такъ и въ техникѣ. Предметы, относящіеся приблизительно къ XI—XIII в.в., главнымъ образомъ металлическія украшенія, ткани, оружіе, утварь, кресты и т. п., обнаруживаютъ вліяніе византійскаго стиля, не только хорошо усвоеннаго русскими мастерами, но иногда и измѣненнаго въ сторону стиля русскаго. Такимъ образомъ вліяніе торговли съ Византіей имѣло положительные результаты.

III.

Принятіе христіанства.

Еще большее значêніе имѣетъ фактъ крещенія Руси и насажденія у насъ византійской культуры въ области церковной.

Начало вліянія Византіи на Русь въ указанномъ отношеніи обыкновенно относятъ ко времени крещенія Ольги и Владиміра, но наиболѣе достовѣрные факты сводятся къ тому, что крещеніе этихъ двухъ лицъ было ихъ дѣломъ личнымъ, едва ли даже оно связано съ Византіей, и такимъ образомъ начало вліянія послѣдней слѣдуетъ искать нѣсколько позднѣе.

---

*) См. статью „Промышленность и торговля“.

Вопросъ о крещеніи Ольги.

О крещеніи Ольги въ Царьградѣ лѣтопись передаетъ въ стройномъ и занимательномъ разсказѣ, говоритъ подробно, какъ будто опредѣленно, называя даже имена и мелкія обстоятельства, приводя цѣликомъ рѣчи и т. п. Въ центрѣ всего разсказа лежитъ извѣстный эпизодъ о сватовствѣ, о томъ, какъ Ольга перехитрила императора Константина и, предложивъ ему быть ея воспріемникомъ, этимъ самымъ вышла изъ затруднительнаго положенія и, конечно, вконецъ посрамила претендента на ея руку. Всѣ попытки объяснить эту легенду потерпѣли неудачу: помимо того, что Константинъ въ это время былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и имѣлъ законную жену, а сама Ольга была старухой,—не только о сватовствѣ, но и о крещеніи ея въ Царьградѣ ничего не говоритъ подробный придворный отчетъ о пріемѣ русской княгини. Посольство носило оффиціально-дипломатическій характеръ, повидимому, шла рѣчь о военной помощи со стороны русскихъ, и объ этомъ говорятъ нѣкоторые русскіе источники, правда, нѣсколько туманно. Съ княгиней прибыли послы, купцы, переводчики, нѣсколько княгинь и боярынь, племянникъ Ольги, священникъ. Первый пріемъ происходилъ 9 сентября 957 г., сначала у императора, затѣмъ у императрицы, со всѣми требованіями блестящаго придворнаго церемоніала. На первомъ пріемѣ Ольга представлялась стоя и не падала ницъ (другіе падали три раза). Императоръ сидѣлъ на великолѣпномъ тронѣ Соломона. На второмъ пріемѣ, носившемъ болѣе семейный характеръ, Ольга уже сидѣла; за столомъ въ залѣ императрицы она занимала мѣсто между двумя высшими придворными дамами; хоръ двухъ церквей исполнялъ гимны въ честь императора и императрицы, затѣмъ слѣдовали какія-то сцены, представленныя актерами. Свиту княгини угощали отдѣльно, всѣмъ раздавали денежные подарки: Ольга получила 500 драхмъ на эмалированномъ золотомъ блюдѣ, остальные поменьше—по степенямъ. Такой же обѣдъ былъ данъ русскимъ 20-го числа слѣдующаго мѣсяца, какъ думаютъ историки, прощальный, также закончившійся раздачей гостямъ денежныхъ подарковъ. Вообще Ольгу и свиту принимали съ большой торжественностью, особенно, если сравнить незадолго до того происходившій пріемъ сирійскаго посольства; а если вѣрить лѣтопис-

ному извѣстію объ отвѣтѣ Ольги императорскимъ посламъ, пріѣхавшимъ въ Кіевъ за обѣщанными дарами (пусть императоръ сначала постоитъ въ Почайнѣ столько, сколько она ожидала пріема въ Судѣ, т. е. въ цареградской гавани), то русская княгиня держала себя съ достоинствомъ, между прочимъ, при входѣ императрица „только слегка наклонила голову“, за что получила прозвище „гордой“,—такъ какъ не она нуждалась въ Византіи, а наоборотъ. О томъ, что Ольга не была довольна результатомъ сношеній съ Византіей, можно заключить и по показанію одной нѣмецкой хроники, говорящей о посольствѣ ея къ королю Оттону съ просьбой прислать епископа и священниковъ, не приведшемъ, впрочемъ, ни къ чему. Но всѣ наиболѣе достовѣрныя извѣстія объ Ольгѣ, какъ христіанкѣ, говорятъ только слѣдующее: Ольга убѣждала, безъ результата, сына Святослава креститься; ее похоронилъ ея личный священникъ, котораго она держала „втайнѣ“; въ устномъ завѣщаніи она запретила творить по себѣ тризны и насыпать курганъ, и подлежитъ сомнѣнію даже всенародное погребеніе Ольги. Изслѣдователь древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ со стороны литературной, со стороны критики текста, академ. А. А. Шахматовъ выдѣлилъ всѣ вставки въ текстъ начальнаго свода, и интересно то, что вставками оказываются какъ разъ тѣ эпизоды, которые и въ фактическомъ отношеніи отличаются легендарнымъ характеромъ. Во время поѣздки въ Царьградъ Ольга уже была христіанкой; христіанство, повторяемъ, было ея личнымъ дѣломъ, а не государственнымъ, и трудно даже предполагать, чтобы княгиня дѣлала какія-нибудь значительныя попытки для распространенія его, а мѣстомъ ея крещенія скорѣе могъ бы быть Кіевъ, вообще Русь, нежели Греція.

Крещеніе Владиміра.

На крещеніе Руси и распространеніе христіанства по всей землѣ русской, а также на принятіе новой религіи самимъ Владиміромъ, обыкновенно смотрятъ, какъ на дѣло государственное, предпринятое въ цѣляхъ объединенія разныхъ частей русскихъ владѣній. Всѣ источники о крещеніи Владиміра и Руси проникнуты тенденціей, стремятся показать, что новая религія, притомъ принятая по восточному обряду,—выше и лучше остальныхъ. Объ этихъ событіяхъ говоритъ цѣлый рядъ историко-литературныхъ памятниковъ. Критическій пересмотръ

этихъ памятниковъ съ исторической стороны (академ. П. Голубовскаго) и литературной (акад. А. Шахматова) великолѣпно обнаружилъ всѣ легендарные элементы, вставленные въ лѣтопись позднѣе, съ поучительными церковно-ортодоксальными цѣлями, и позволилъ выдѣлить изъ дошедшаго до насъ лѣтописнаго разсказа наиболѣе достовѣрные элементы. Приводимъ главные выводы названныхъ изслѣдователей о легендарности лѣтописнаго разсказа въ формулировкѣ А. И. Боргмана:

1. При внимательномъ изученіи сказанія о крещеніи Владиміра можно очень легко замѣтить его составной компилятивный характеръ: именно, этотъ разсказъ распадается на три искусственно-связанныя между собою части: 1) прибытіе къ Владиміру пословъ-проповѣдниковъ; 2) испытаніе имъ вѣръ черезъ своихъ мужей; 3) походъ на Корсунь и принятіе крещенія благодаря совершившемуся чуду. Разсужденія на эти темы представлены въ формѣ одного разсказа, который, однако, имѣетъ компилятивный и искусственный характеръ.

2. Всѣ рѣчи приводятся, какъ подлинныя выраженія; это невозможно, такъ какъ для того, чтобы ихъ узналъ лѣтописецъ, нужно было или записать ихъ, чего не могло быть, такъ какъ грамотность стала распространяться послѣ крещенія, или же запомнить ихъ дословно, что тоже невозможно, особенно такую длинную, какъ рѣчь философа. Очевидно, онѣ сочинены авторомъ, и притомъ тенденціозно, такъ какъ слова, вложенныя въ уста евреевъ и магометанъ, скорѣе порочатъ ихъ вѣру, нежели хвалятъ. Далѣе, евреи говорятъ, что Іерусалимъ преданъ въ руки христіанъ, чего въ 986 году они говорить не могли, такъ какъ онъ достался христанамъ только въ 1099 г., и эта хронологическая ошибка указываетъ, что разсказъ былъ составленъ послѣ этого года.

3. Показанія лѣтописи противорѣчатъ другимъ источникамъ. Въ „Словѣ о законѣ и благодати“, написанномъ около 1037 г., митр. Илларіонъ говоритъ о крещеніи Владиміра и прославляетъ его за то, что онъ обратился къ христіанству по собственному разуму, а не чьему-либо наставленію; въ томъ же смыслѣ говоритъ „Сказаніе“ о Борисѣ и Глѣбѣ. Имѣются указанія и на то, что онъ крестился въ Василевѣ или въ Кіевѣ,

а въ „Житіи Владиміра" говорится, что походъ на Корсунь совершился на третій годъ послѣ крещенія.

4. Легендарность сказанія подтверждается и тѣмъ, что можно опредѣлить источники, которыми пользовался авторъ: источникомъ повѣсти о приходѣ пословъ-проповѣдниковъ послужилъ разсказъ о крещеніи болгарскаго князя Бориса, описаніе же крещенія Владиміра въ Корсуни—легенда, составленная кѣмъ-либо изъ корсунянъ-грековъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ. Естественно, что корсунское духовенство стремилось возвысить Корсунь въ глазахъ русскихъ. Труднѣе найти источникъ второй части лѣтописнаго разсказа, въ которой идетъ рѣчь объ испытаніи вѣръ мужами, посланными Владиміромъ. Относительно происхожденія этой части пока можетъ быть высказано только такое предположеніе: въ одномъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ (въ Никоновской лѣтописи), подъ 1001 годомъ помѣщено слѣдующее извѣстіе: „Того же лѣта посла Владиміръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другихъ въ Іерусалимъ и во Египетъ и въ Вавилонъ, соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ". Если авторъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи зналъ это извѣстіе, то возможно, что оно дало ему поводъ сочинить свое повѣствованіе объ испытаніи вѣръ.

Разсматривая Сказаніе о крещеніи Владиміра, какъ легенду, все же слѣдуетъ признать его за легенду историческую, такъ какъ въ основѣ его лежатъ три исторически-достовѣрныхъ факта: крещеніе Владиміра, женитьба его на царевнѣ Аннѣ и походъ на Корсунь. Между этими фактами существовала связь, но не такая, какая изображается въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ".

Составитель лѣтописнаго сказанія измѣнилъ дѣйствительную связь между указанными тремя фактами и, пользуясь дошедшими до него преданіями, сочинилъ свой разсказъ, вошедшій въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ", придавъ ему поучительный характеръ. Такой поучительный характеръ легко объяснить, если принять во вниманіе, что время около XII вѣка, когда, по всей вѣроятности, составлялся лѣтописный разсказъ, было временемъ расцвѣта кіевской торговли: въ Кіевъ съѣзжались люди разныхъ народностей, разныхъ вѣроисповѣданій, и они могли, конечно, стараться распространить свое вѣроученіе

и среди русскаго населенія; русское православное духовенство должно было бороться съ такой религіозной пропагандой и отстаивать преимущества греческаго вѣроисповѣданія предъ всѣми другими. Естественно поэтому, что одному изъ духовныхъ лицъ могла придти мысль составить сказаніе о крещеніи Владиміра и объяснить въ немъ тѣ мотивы, которые заставили этого князя предпочесть греческую вѣру всѣмъ другимъ.

Возможно также, что, подобно самому разсказу о крещеніи Владиміра, и все то, что сообщаетъ лѣтопись о характерѣ этого князя до и послѣ крещенія, говорится тоже въ поучительномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, лѣтописецъ намѣренно преувеличиваетъ пороки Владиміра-язычника и подчеркиваетъ достоинства и добродѣтели Владиміра-христіанина, съ цѣлью показать, насколько перерождается человѣкъ отъ принятія христіанства.

Какъ извѣстно, до Владиміра на Руси были христіане среди дружинниковъ, а при Игорѣ едва ли не большинство среди дружинниковъ исповѣдывало христіанство, имѣло церковь въ Кіевѣ и священниковъ; крестилась мать Владиміра и его воспитательница Ольга; изъ пяти законныхъ женъ Владиміра четыре были христіанки и т. д. Словомъ, конечный выводъ сводится къ тому, что Владиміръ не нуждался въ постороннемъ содѣйствіи при перемѣнѣ вѣры, принялъ крещеніе не отъ грековъ, а скорѣе отъ варяжскаго священника, и крестился въ Кіевѣ или въ с. Василевѣ (христіанское имя князя—Василій), въ 987 году. Но затѣмъ, готовясь къ крещенію Руси, онъ долженъ былъ позаботиться о призваніи духовенства. Теперь онъ и обратился къ Византіи и къ южнымъ славянамъ. Вотъ на какомъ основаніи исторію вліянія Византіи въ церковномъ отношеніи слѣдуетъ начинать съ болѣе поздняго времени.

Исторію политическихъ и торговыхъ русско-византійскихъ сношеній мы прервали на вопросѣ о крещеніи Ольги и Владиміра. Съ конца X вѣка сношенія эти принимаютъ исключительно мирный, скорѣе церковно-культурный характеръ, если не считать участія большихъ отрядовъ русскихъ войскъ въ походахъ Византіи на востокъ и на западъ. Изъ важнѣйшихъ фактовъ укажемъ слѣдующіе. Политическія сношенія.

Въ 1043 году Ярославъ предпринялъ походъ противъ Византіи, кончившійся полной неудачей; чрезъ три года послѣ него было заключено перемиріе, и за его сына Всеволода просватали византійскую царевну. Впослѣдствіи Всеволодъ поддерживалъ дружескія отношенія съ Византіей. Между членами византійскаго императорскаго двора и княжескими семействами нерѣдко заключаются браки: такъ, дочь Володаря Ростиславича и внучка Владиміра Мономаха выходятъ замужъ за византійскихъ царевичей, а дочь Владиміра Мономаха за претендента на императорскій престолъ. Лѣтописцы упоминаютъ еще нѣсколько такихъ фактовъ. Свѣдѣнія о церковно-византійскихъ сношеніяхъ на этомъ почти прекращаются. Въ программу внѣшней политики русскихъ князей входятъ сношенія уже съ западными государствами; значеніе Кіева падаетъ; усиливается борьба между князьями; на Русь наступаютъ половцы, а затѣмъ монголы,— и картина совершенно мѣняется.

IV.

Крещеніе Руси и вліяніе его.

Покончивъ съ внѣшней исторіей русско-византійскихъ сношеній, переходимъ къ обзору политическаго, церковнаго и культурнаго вліяній. Начинаемъ съ крещенія Руси. Прибывшее на Русь въ значительномъ количествѣ греческое и южно-славянское духовенство вмѣстѣ съ архитекторами, художниками, разнаго рода техниками, переводчиками и переписчиками книгъ и т. д., вмѣстѣ съ готовыми уже принадлежностями церковнаго богослуженія и необходимыми книгами для назиданія новообращаемыхъ—при моральной и матеріальной поддержкѣ великаго князя, по всей вѣроятности, очень скоро создало здѣсь все необходимое не только для самого крещенія, но и для внѣдренія на Руси всего, чѣмъ богата была тогдашняя Византія въ отношеніи государственно-церковнаго управленія, устройства церквей и монастырей, школьнаго и книжнаго просвѣщенія и т. д. Нечего и говорить, что все это прививалось несразу: насколько быстро совершилось превращеніе языческой полудикой Руси въ христіанскую и культурную съ внѣшней стороны, настолько медленно шло усвоеніе русскими внутреннихъ чертъ христіанства и культуры. Во многихъ областяхъ оно продолжалось до XVII вѣка, а кое-что такъ и осталось въ одной перелицовкѣ

формы, со старымъ содержаніемъ, со старыми идеями. Это и понятно, потому что стоявшій въ это время на высотѣ своего развитія „византинизмъ" долженъ былъ показаться русскимъ конца X вѣка, да и на самомъ дѣлѣ былъ, слишкомъ сложнымъ и недоступнымъ. Многое, повторяемъ, ограничилось внѣшностью не только на первыхъ порахъ.

Причины скораго принятія новой вѣры слѣдуетъ искать въ томъ, что старое русское язычество не отличалось стройной системой вѣрованія: русскіе боги, высшіе и низшіе, моральная и обрядовая сторона язычества, пѣсни, заклинанія, легенды о богахъ и т. д.—все это было бѣдно, жалко, еще не успѣло ни развиться, ни пустить глубокихъ корней въ народномъ міровоззрѣніи, ограничивалось скорѣе одной внѣшней стороной, причемъ не было строгой касты жреческаго сословія, которое боролось бы за свои классовые интересы. Не то представляли собою основные элементы византійскаго міровоззрѣнія, а потому послѣдніе произвели полный переворотъ въ языческомъ міровоззрѣніи русскихъ и какъ бы подавляли послѣднее своей громадностью.

Византійско-христіанское міровоззрѣніе выражалось не въ формѣ отвлеченныхъ богословско-философскихъ трактатовъ, которые были бы совершенно непонятны русскимъ X вѣка, а въ формѣ красивыхъ и удивительно яркихъ легендъ, благочестивыхъ разсказовъ, занимательныхъ притчъ, трогательныхъ поученій и т. п.,—все это усваивалось легко и глубоко. Эти литературныя произведенія распространялись у насъ представителями религіи и такъ сроднились къ тому времени со всей системой „византинизма", что были приняты безъ всякой борьбы, проникли глубоко, вызывали подраженіе.

Вліяніе въ области церковной.

Наиболѣе яркимъ, характернымъ, важнымъ и жизненнымъ принципомъ „византинизма" является, какъ извѣстно, церковность въ формѣ православія. Она клала свой отпечатокъ рѣшительно на всѣ проявленія государственности, общественности и культуры, какъ духовной, такъ и внѣшней. Она была связующимъ элементомъ для всего населенія обширныхъ владѣній Византіи, начиная съ славянъ и грузинъ, кончая иллирійскими и фракійскими племенами, смягчала перипетіи долгой борьбы разныхъ народностей изъ-за преобладающей роли въ

политикѣ, борьбу правящихъ династій, экономическихъ и соціальныхъ кризисовъ. При всей пестротѣ населенія—въ подавляющемъ большинствѣ православнаго—церковность замѣняла здѣсь національное самосознаніе: что въ Римѣ давало званіе римскаго гражданина, то въ Византіи представлялось принадлежностью православной церкви. Византійская церковность больше всего отличаетъ христіанскій міръ востока отъ западнаго. Она проникла настолько глубоко во всѣ мельчайшіе факторы культуры, что измѣнила и самую психологію не только коренного населенія, но и сосѣдей, подчинявшихся вліянію Византіи. Безусловное признаніе основныхъ догматовъ, каноновъ и формъ церковной администраціи, выработанныхъ вселенскими и помѣстными соборами, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что никогда и ни одно уклоненіе не оставалось не наказаннымъ; преданность церкви, внѣшнее благочестіе, строгое соблюденіе красивыхъ, трогательныхъ, сложныхъ, торжественныхъ обрядовъ; авторитетъ представителей прекрасно дисциплинированной іерархіи, объединенной Христомъ, какъ главой церкви, и служеніемъ ему; интересъ къ отвлеченнымъ богословскимъ спорамъ, ставшимъ въ Византіи удѣломъ не однихъ профессіоналовъ, но всѣхъ вѣрующихъ, строго-православныхъ; жестоко-отрицательное отношеніе ко всѣмъ „неправославнымъ“, сонмъ православныхъ святителей, мучениковъ, пустынниковъ, аскетовъ, писателей и учителей греческаго происхожденія, появлявшихся непрерывно и подвизавшихся здѣсь же, въ большихъ городахъ и уединенныхъ монастыряхъ ромейскаго царства. Таковы существенные признаки ортодоксальной церковности византійцевъ.

Нечего и говорить, что большинство этихъ признаковъ церковности перенесено было и на Русь, съ тѣми измѣненіями, которыя всегда отличаютъ копіи отъ оригиналовъ. Христіанство въ его византійскомъ выраженіи положило черты церковности на все рѣшительно, начиная съ политическаго устройства и кончая укладомъ частной, домашней и личной жизни. Новые соборы, правда, не созывались, но, принявъ безъ всякой критики всѣ постановленія бывшихъ у грековъ соборовъ, русскіе іерархи и церковные писатели и сами возбуждали тѣ или иные религіозные споры, съ цѣлью выяснить неустановив-

шіяся еще мелочи и предотвратить неправильное пониманіе ихъ паствой или духовенствомъ, и охотно толковали догматы, каноны, тексты св. писанія, спорные вопросы богослуженія, церковной практики, монастырскаго общежитія, морали и т. д., разъ являлась опасность чистотѣ православія со стороны „еретиковъ". Они оставили, такимъ образомъ, рядъ литературныхъ произведеній на подобныя темы, смѣло цитируя византійскіе авторитеты, а иногда робко предлагая и самостоятельные домыслы. Русское духовенство стояло на стражѣ правильнаго исповѣданія вѣры, точнаго исполненія обрядовъ, полемизировало съ „латинянами", которые собственно для русскихъ далеко не представляли такой опасности, какъ для византійцевъ; въ подражаніе писателямъ византійскимъ, полемизировало даже съ античнымъ язычествомъ, и опровергало классиковъ, съ Платономъ и Аристотелемъ во главѣ, обличало поклоненіе Зевсу, Аполлону, Венерѣ, мелкимъ божествамъ, воскрешая совершенно чуждый намъ Олимпъ. Нечего и говорить, что всякаго рода свѣдѣнія изъ міра античнаго брались уже въ готовомъ видѣ у писателей византійскихъ. Не замедлили появиться у насъ и свои святые. Такъ же, какъ въ Византіи, сначала они были непремѣнно изъ княжескаго рода, при томъ считались оффиціальными дѣятелями по части насажденія на Руси христіанства. Поэтому Константину и Еленѣ, первымъ по времени византійскимъ святымъ, вполнѣ соотвѣтствовали Владиміръ и Ольга, а въ дальнѣйшей исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ замѣчается та же постепенная демократизація, какая наблюдается въ этомъ порядкѣ и въ Византіи. Появляются русскіе монастыри, сильные крѣпостью монашеской традиціи, опять византійскаго происхожденія и характера; монастыри становятся очагами просвѣщенія, благотворительности, носителями культуры, образцами правильнаго хозяйства и т. д. появляются національныя русскія святыни, свидѣтельствующія о томъ, что и русское православіе, благословленное ап. Андреемъ задолго до принятія христіанства (легенда о приходѣ ап. Андрея въ Кіевъ), удостоено высшаго покровительства не меньше, чѣмъ византійское, а впослѣдствіи даже возникаетъ сомнѣніе въ православіи самой Византіи. Можно привести нѣсколько фактовъ, указывающихъ на полное подражаніе русскаго духовенства визан-

тійскому, подражаніе рѣшительно во всемъ, даже въ фактахъ избранія и рукоположенія національныхъ епископовъ, помимо юрисдикціи вселенскаго патріарха, соборомъ русскихъ епископовъ. Прибавимъ къ намѣченнымъ чертамъ аналогіи тѣ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, и мы получимъ полный сколокъ нашей церковности съ византійской.

Вліяніе принятія христіанства на власть князя.

До принятія христіанства вся власть принадлежала одному князю,—съ представителями языческой религіи, съ жрецами, онъ не дѣлился властью. Поэтому не было и тѣни какого-нибудь дуализма власти, нельзя было и говорить объ отношеніи церкви къ государству и обратно. Съ принятіемъ же христіанства князю приходилось считаться съ правами епископа (а затѣмъ митрополита), съ особымъ церковнымъ судомъ, и въ этомъ дѣлѣ на отношеніе правъ князя и епископа должна была повліять Византія. Въ Византіи церковь и государство обладали одинаковыми правами и имѣли въ виду одну и ту же цѣль: „оцерковленіе государства". Императоръ не могъ вмѣшиваться въ церковные догматы, но долженъ былъ провозглашать постановленія церкви въ этой области государственными, православными. Онъ получалъ свою власть отъ Бога черезъ церковь, онъ былъ служителемъ Бога. Представители церкви могутъ его судить, но ненаоборотъ. Далѣе, церковь въ Византіи постоянно стояла на стражѣ государственныхъ и династическихъ интересовъ. Она призывала населеніе къ повиновенію властямъ придержащимъ, отлучала отъ себя и предавала анаѳемѣ ослушниковъ, принимала участіе въ государственныхъ дѣлахъ, начиная съ заключенія договоровъ и кончая объявленіемъ войны или мира, примиряла враждующія партіи, не оставалась чуждой въ борьбѣ изъ-за обладанія престоломъ и т. д. Но въ то же время церковь въ лицѣ патріарха строго относилась къ императорамъ, нарушающимъ законы или обряды, почему лица, желавшія занять престолъ, должны были имѣть на своей сторонѣ, кромѣ войска, и патріарха. За проклатіемъ императора патріархомъ обыкновенно слѣдовало народное возмущеніе, и только въ рѣдкихъ случаяхъ патріархъ снималъ проклятіе и снова принималъ вѣнчаннаго преступника въ лоно церкви: такіе обряды разрѣшенія происходили въ храмѣ св. Софіи, обставлены были необыкновенной торжествен-

ностью. Почти не было случаевъ, чтобы патріархъ разрѣшалъ отъ проклятія, наложеннаго имъ или предшественникомъ его на императора-клятвопреступника, на политическихъ преступниковъ, и большими трудностями обставлялись такія разрѣшенія цѣлыхъ областей, отложившихся отъ Византіи и присягнувшихъ какому-нибудь претенденту, который объявлялъ себя деспотомъ.

Такъ сложились отношенія церкви къ государству въ Византіи къ тому времени, когда и у насъ должны были установиться какія-нибудь отношенія между ними же, и византійскій порядокъ былъ принятъ у насъ, съ тѣми, конечно, видоизмѣненіями, которыя являлись необходимостью въ силу несложности всего государственнаго организма на Руси, особенно—до-удѣльнаго періода. Это понятно еще потому, что вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ перешли изъ Византіи дѣйствующія положенія церковнаго законодательства.

Вліяніе Византіи въ области законодательной.

Къ намъ цѣликомъ были перенесены сборники каноническаго византійскаго права, сначала скорѣе всего въ оригиналахъ, а затѣмъ въ переводахъ, какъ готовыхъ уже южно-славянскихъ, такъ и русскихъ, и тотчасъ сдѣлались дѣйствующимъ законодательствомъ *) Эти сборники и регулировали права государства и церкви, причемъ нерѣдко новыя узаконенія оказывались менѣе гуманными, чѣмъ русскіе обычаи или совѣсть новообращенныхъ христіанъ-князей. Необыкновенно характерно первое же столкновеніе князя Владиміра съ епископами по поводу требованія послѣднихъ казнить разбойниковъ и не довольствоваться одной „вирой" (штрафомъ). Владиміръ протестовалъ, говоря: „я не дерзаю казнить, боясь Бога, чтобы Онъ не вмѣнилъ мнѣ это въ грѣхъ". Епископы же указывали на божественное значеніе „Гражданскихъ законовъ"... Подобную же гуманную мысль еще рѣзче высказываетъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи", запрещая казнить кого бы то ни было. Существуетъ предположеніе, что подъ вліяніемъ византійскаго права у насъ возникли кабальныя записи, писцовыя книги и др.

Вліяніе Византіи на внѣшній бытъ.

Говоря о вліяніи Византіи, нужно дѣлать различіе между XII в. и XIV в.: сначала были восприняты только внѣшнія

*) См. статью „Церковь и государство."

формы—одежда, украшенія, и лишь значительно познѣе, въ XIV в., это вліяніе стало отзываться и на внутреннемъ содержаніи. Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о вліяніи Византіи на просвѣщеніе, остается сказать о вліяніи ея на внѣшній бытъ, связанный съ той же церковностью. Въ древне-русскомъ благочестіи, окрашивающемъ всѣ почти стороны жизни государственной, общественной, семейной и личной, нельзя не видѣть вліянія Византіи съ ея постоянно живыми церковно-религіозными интересами, съ преданностью церкви, особымъ почитаніемъ императора, какъ лица, облеченнаго божественною властью, съ уваженіемъ къ духовенству и т. д. У насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о церковно-политическихъ церемоніяхъ, совершавшихся при дворахъ великихъ князей русскихъ, напримѣръ, о короновании, церковныхъ выходахъ, участіи ихъ въ богослуженіи и т. д., такъ какъ у насъ не было своего историка придворнаго церемоніала, своего Константина Багрянороднаго. Надо думать, что на Руси не было и тѣни той пышной торжественности, съ какой все это совершалось въ Византіи. Это понятно, потому что простота въ жизни князей древняго періода, скромность ихъ средствъ, необходимость отдавать много времени управленію княжествомъ—все это мало гармонировало съ чисто восточнымъ, языческимъ культомъ византійскихъ императоровъ. Но, судя по одѣяніямъ, покрою одежды и орнаментамъ на тканяхъ, формѣ и цвѣту (красному) обуви и по парадной (а не повседневной) обстановкѣ князей въ домонгольскій періодъ, сохранившимся главнымъ образомъ на фрескахъ и въ иллюстраціяхъ рукописей, а также въ описаніяхъ внѣшности былинныхъ богатырей,—нѣчто подобное въ миніатюрѣ было и у насъ.— Андрей Боголюбскій первый проводитъ въ жизнь византійскую теорію о высотѣ княжеской власти, а съ XV вѣка подражаніе пышности византійскаго двора вошло въ правительственную програму московскихъ великихъ князей и царей. Церковность положила печать на жизнь князей древней эпохи и въ другихъ отношеніяхъ. Если припомнимъ хотя бы „Поученіе" Владиміра Мономаха къ дѣтямъ, то идеаломъ рисуется монашеская жизнь: молитва, постъ, воздержаніе, опять молитва, дѣла благотворительности, трудъ, бдительность, снова молитва въ пути, молитва ночная, и т. д. Это напомнитъ намъ обычай византійскихъ

императоровъ не начинать государственныхъ и иныхъ дѣлъ раньше молитвы или службы въ придворной церкви, своей жизнью являть примѣръ подданнымъ, быть вѣчнымъ работникомъ на тронѣ, заниматься дѣлами благотворительности, соблюдать посты, словомъ, во всемъ подражать монашеству, какъ высшему образцу должной жизни христіанства. Такова же должна быть частная, семейная и личная, жизнь каждаго русскаго. Если сравнимъ наставленіе византійскаго боярина XI в. Кекавтена своему сыну съ тѣмъ же „Поученіемъ" Мономаха и рядомъ анонимныхъ наставленій отца дѣтямъ русскаго происхожденія, то увидимъ полную аналогію. Еще ярче эта аналогія выразилась въ нашемъ „Домостроѣ", завершившемъ въ XVI вѣкѣ всѣ прежнія правила церковности, личнаго благочестія и домашняго строительства.

Вліяніе въ области письменности.

Ни въ чемъ не сказалось вліяніе Византіи на Русь ярче и документальнѣе, какъ въ области письменности, просвѣщенія и искусства, почему изученіе древне-русской литературы, образованности, школьнаго дѣла, разныхъ видовъ искусства немыслимо безъ знанія того же въ Византіи.

Знакомство съ греческимъ языкомъ.

О практическомъ знаніи греческаго языка русскими людьми имѣются прямыя и косвенныя указанія. Великій князь Михаилъ Юрьевичъ (XII в.), внукъ Владиміра Мономаха, „съ греки и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко русскимъ". Въ Византію отправлялись для довершенія образованія знатные юноши: Даніилъ Заточникъ говоритъ о себѣ, намекая на такихъ людей: „азъ ни за море ходилъ, ни отъ философовъ научился". Изъ первыхъ по времени митрополитовъ нѣкоторые были, какъ извѣстно, греки: они привозили съ собой греческихъ секретарей, священниковъ, монаховъ, и могли распространять практическое знаніе греческаго языка, переводили на русскій языкъ книги. Безъ знанія греческаго языка едва ли могли обходиться и первые митрополиты изъ русскихъ, а съ XI в. начинаются опредѣленныя указанія на основательное знакомство съ греческимъ языкомъ выдающихся людей изъ русскаго духовенства, оригинальныхъ писателей и переводчиковъ. Знаніе греческаго языка ставилось въ особую заслугу: такіе люди назывались почетнымъ именемъ „философъ". Довольно рано появляются греко-русскіе словари, грамматики, статьи по теоріи греческой

поэзіи. Вмѣстѣ съ христіанствомъ открывается и новый путь для византійскаго вліянія вообще, для знакомства съ греческимъ языкомъ въ частности. Это—паломничество, первые случаи котораго относятся къ первой половинѣ XI вѣка (преп. Антоній Печерскій). Направляясь въ Палестину, богомольцы должны были посѣщать и Константинополь, въ Палестинѣ находиться подъ опекой греческаго духовенства: они вывозили на Русь, вмѣстѣ со священными предметами, иконы и книги византійскаго просхожденія. Рано начинается и паломничество на Аѳонъ, гдѣ византійская культура всегда процвѣтала, гдѣ рядомъ съ греческимъ и южно-славянскими монастырями существовалъ и русскій (по-гречески „Руссикъ“) во имя св. Пантелеймона: Здѣсь книжные люди завершали свое образованіе, переводили, исправляли и переписывали готовые переводы. Было нѣсколько русскихъ описаній Царьграда, по которымъ русскіе читатели могли знакомиться съ святынями византійской столицы. Лучшее изъ такихъ описаній составлено митр. новгородскимъ Антоніемъ въ самомъ началѣ XII вѣка. Нечего и говорить, что безъ знанія греческаго языка писатели и паломники не могли обойтись.

Переводы книгъ съ греческаго языка.

Греческія книги, привезенныя на Русь въ давнія времена, почти не сохранились до нашего времени. Но въ древнѣйшихъ русскихъ библіотекахъ, - княжескихъ, монастырскихъ и церковныхъ, исторію которыхъ можно начинать съ XI вѣка, большая часть книгъ представляла переводы съ греческаго, сдѣланные или у южныхъ славянъ или на Руси. *) Есть свѣдѣнія и о томъ, что опредѣленныя лица заботились о новыхъ переводахъ съ греческаго. Часть византійскихъ литературныхъ произведеній получена была нами, какъ упоминалось уже, въ готовыхъ южнославянскихъ переводахъ, часть переводилась у насъ съ XI в. Лѣтописецъ ясно указываетъ на то, что „собравъ многихъ писцовъ“, тотъ же Ярославъ съ ними „перекладывалъ“ книги съ греческаго. Несмотря на то, что языкъ южно-славянскихъ и языкъ русскихъ переводовъ—одинъ и тотъ же, а руссизмы въ рукописяхъ могутъ относиться въ такой степени на долю переводчика, въ какой и на долю одного изъ переписчиковъ, все-

*) См. статью „Образованность“.

таки, на основаніи словарнаго матеріала, можно съ увѣренностью установить трудъ русскихъ переводчиковъ до-монгольскаго періода въ цѣломъ рядѣ памятниковъ письменности. *)

Переводы дѣлались по большей части дословно, слово въ слово, сохранялся даже порядокъ словъ оргинала, и оставлялись безъ перевода нѣкоторыя выраженія, почему большинство переводовъ были мало понятны, да о смыслѣ переводчики и не заботились. Особенно это касается книгъ съ возвышеннымъ богословскимъ содержаніемъ и витіеватымъ слогомъ. Здѣсь играетъ роль не столько слабая опытность переводчиковъ, сколько авторитетность всего, что касалось вѣры и церкви и происходило изъ Византіи. Это вырабатывало довѣріе къ книгѣ вообще, довѣріе къ буквѣ безъ критическаго отношенія, взглядъ на все византійское, какъ на совершенное, непоколебимое, освященное. Какъ извѣстно, и сама азбука наша, кириллица, взята съ греческаго языка, и только прибавлено нѣсколько новыхъ буквъ, но, конечно, въ стилѣ всей азбуки. Греческая графика, орѳографія, способъ соединять слова въ строки и не отдѣлять одно отъ другого, совершенно излишняя у насъ постановка придыханій надъ начальными гласными, знаки препинанія и т. д., — все бралось цѣликомъ изъ греческихъ рукописей. И если о характерѣ древне-русскихъ школъ при вел. кн. Владимірѣ у насъ почти нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ, то, возникшія на Руси по образцу греческихъ и, по нѣкоторымъ даннымъ, подъ руководствомъ прибывшаго ко времени крещенія греческаго духовенства, онѣ носили тотъ же характеръ, что и въ Византіи, имѣли тѣ же цѣли, пользовались такими же учебниками (Букварь, Часословъ, Псалтырь), образовательными и воспитательными средствами.

Раньше указывалось на то, что византійская наука, литература, искусство носятъ церковно-богословскій характеръ. То Преобл. церковн. литер. въ Византіи.

---

*) Академикъ А. И. Соболевскій считаетъ такими памятниками слѣдующіе: Житіе Андрея Юродиваго, Пандекты Никона Черногорца, Студійскій уставъ, Топографію Козьмы Индикоплова, Исторію іудейской войны Іосифа Флавія, Александрію Псевдо-Каллисѳена, Чудеса св. Николая Мирликійскаго, Житіе Стефана Сурожскаго, апокрифы—„Исходъ Моисея“, „Соломонъ и Китоврасъ“, „Суды Соломона“, Повѣсть о Премудромъ Акирѣ, Физіологъ, Житіе Варлаама и Іоасаѳата, нѣсколько сказаній о чудесахъ святыхъ и другія произведенія византійской литературы.

же замѣчается и у насъ. Все это разрабатывалось, совершенствовалось и распространялось духовенствомъ. Свѣтскіе писатели въ своихъ научныхъ и литературныхъ трудахъ будто еще ревностнѣе выказывали свою преданность церкви, желали ничѣмъ не отличаться отъ писателей духовныхъ. Цѣлью науки, литературы и искусства было служеніе вѣрѣ, спасеніе души, благо церкви и ближнихъ. Все свѣтское, какъ и „мірскія пѣсни“, считалось, недостойнымъ вниманія лицъ образованныхъ и благочестивыхъ. Стоитъ хотя бы бѣгло познакомиться съ исторіей византійской литературы, и мы найдемъ необыкновенное богатство авторскихъ именъ и названій ихъ объемистыхъ произведеній, по большей части вычурныхъ и многообѣщающихъ,—по такимъ отдѣламъ, какъ догматика, апологетика, риторика, агіографія и другія дисциплины богословія. Тѣ же науки преподавались въ высшихъ общеобразовательныхъ (терминъ условный) учебныхъ заведеніяхъ Византіи. Церковно-религіозную окраску найдемъ и въ свѣтскихъ наукахъ. Съ церковно-богословской точки зрѣнія трактовались такіе предметы, какъ, напримѣръ, естественная исторія, космографія, исторія, медицина.

Русская письменность.

Тѣми же чертами отличалась и русская письменность и искусство. Прежде всего, вмѣстѣ съ новой вѣрой, русскіе получили книги св. писанія—наслѣдіе религіозно-философской мысли многихъ вѣковъ, разныхъ культуръ и націй. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ толкованій книгъ св. писанія, составляющій трудъ по большей части византійскихъ ученыхъ. Третье мѣсто занимаютъ книги богослужебныя, съ ихъ великолѣпными пѣснопѣніями-гимнами, вдохновенными одами-прославленіями, скорбными элегіями, которыя въ такой же степени относятся къ литературѣ богословской, какъ и къ церковной поэзіи. Имена Андрея Критскаго, Іоанна Дамаскина, стали извѣстны и русскимъ, вызвавъ подражанія и службы, по ихъ образцу, русскимъ святымъ и праздникамъ. Одновременно съ этимъ, въ обиходѣ русскаго читателя и церкви появились переводы твореній знаменитыхъ византійскихъ проповѣдниковъ, полемистовъ, канонистовъ, аскетиковъ и т. д., какъ Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина и многихъ другихъ. Къ твореніямъ отцевъ церкви примыкаютъ житія святыхъ, повѣсти о подвижникахъ, пустынникахъ, сказанія о чу-

десахъ ихъ. Здѣсь благочестивая идея соединялась съ беллетристической занимательностью, и неудивительно, что популярностью пользовались и цѣлые сборники житій, какъ двѣнадцать книгъ Четьи-Миней, Патерики, Прологи, такъ и отдѣльныхъ святыхъ: Николая Мирликійскаго, Θеодосія Великаго и другихъ. Благодаря своей доступности, наглядности, интересной фабулѣ, живымъ образамъ и трогательнымъ отдѣльнымъ эпизодамъ, поученія и житія давали въ общемъ стройную систему правилъ для личнаго совершенствованія, учили смиренію, дѣятельной любви къ ближнему, гуманному отношенію къ бѣднымъ и гонимымъ, правдивости, стойкости въ несчастьяхъ, обузданію страстей и т. д.

Апокрифы.

Очень давно достояніемъ русской письменности стали апокрифическія сочиненія, представляющія переходъ отъ церковной литературы къ свѣтской или полу-церковной. Какъ общедоступные разсказы, очень занимательные и трогательные, апокрифы читались охотно и повляли на содержаніе русскихъ духовныхъ стиховъ, а также на церковную живопись. Изъ нихъ наибольшей популярностью пользовались апокрифы о сотвореніи міра, объ Адамѣ и Евѣ, о древѣ крестномъ, Сказанія о Давидѣ, Соломонѣ, Видѣнія прор. Исаіи, прор. Даніила, „Преніе Христа съ діаволомъ“, „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, „Сказаніе о двѣнадцати пятницахъ“, „Сказаніе о свѣтлой недѣлѣ“ и нѣсколько апокрифическихъ Евангелій, приписываемыхъ брату Спасителя Іакову, апостолу Θомѣ, тайному ученику Спасителя Никодиму и др. Къ апокрифическимъ сказаніямъ примыкаютъ всякаго рода гадальныя и суевѣрныя книги, вмѣстѣ съ обычаями гадать по книгамъ св. писанія: припомнимъ гаданіе по Псалтыри Владиміра Мономаха.

Свѣтская переводная литература.

Переходимъ къ свѣтской или полусвѣтской переводной литературѣ. Здѣсь находимъ рядъ романовъ, повѣстей, сказаній, поэмъ и другихъ литературныхъ жанровъ—красивыхъ, поучительныхъ, полныхъ восточной яркой фантазіи и движенія, удовлетворяющихъ любопытству древне-русскихъ читателей. Назовемъ „Александрію“, „Сказаніе о Троянской войнѣ“, „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ“, „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ“ и нѣсколько болѣе мелкихъ произведеній. Впрочемъ, большая часть названныхъ романовъ и сказаній не всецѣло принадле-

жить византійской литературѣ. Слѣдующій отдѣлъ составляетъ такую же гордость уже спеціально византійской литературы, какъ и творенія отцовъ церкви. Это—памятники исторіографіи: и на всѣхъ нихъ лежитъ отпечатокъ церковно-богословской тенденціи. Обозрѣвая событія всемірной исторіи, а затѣмъ исторіи греческаго народа, историки-хронисты отдаютъ прежде всего предпочтеніе событіямъ церковнаго, „священнаго" характера; оцѣниваютъ ихъ съ точки зрѣнія христіанской морали, нравственно-поучительной, имѣя въ виду не столько фактическую сторону исторіи и занимательность ея, сколько назиданіе для читателя; пользуясь всякимъ поводомъ для полемики съ инославными, съ „иновѣрцами", „еретиками", „отступниками", приводятъ изрѣченія изъ священнаго писанія; для сравненія они пользуются ветхо- и ново-завѣтными лицами и событіями, почему благочестивыя, по мнѣнію хронистовъ, лица называются у нихъ „новымъ Авраамомъ", „вторымъ Соломономъ" и т. п.; для отрицательныхъ лицъ съ тѣми же прилагательными являются Каинъ, Хамъ, Пилатъ, Іуда. Всѣ перечисленныя отличительныя черты византійской исторіографіи нашли себѣ подражаніе на Руси, хотя изъ большаго числа византійскихъ хронистовъ въ славянскомъ переводѣ существовали очень немногіе.

Наиболѣе бѣднымъ былъ отдѣлъ естественно-научныхъ переводныхъ сочиненій, какъ „Шестодневы" Василія Великаго и Северіана Гавальскаго, „Физіологъ", „Христіанская топографія" Козьмы Индикоплова, „Похвала Богу о сотвореніи всей твари" Георгія Писида и др. Къ сообщаемымъ въ этихъ произведеніяхъ свѣдѣніямъ по системѣ міросозданія, къ географіи, зоологіи и т. д. нельзя относиться критически. Они фантастичны, поэтичны, въ общемъ рисуютъ картину міровой гармоніи, выводятъ читателя изъ круга обыденныхъ понятій, расширяютъ его кругозоръ, удовлетворяютъ любознательность и этимъ возбуждаютъ пытливость къ болѣе отвлеченнымъ вопросамъ.

Вполнѣ поэтому естественно, что и первые по времени русскіе писатели подражали византійскимъ, передѣлывали ихъ произведенія, заимствовали изъ нихъ. Владиміръ Мономахъ подражаетъ византійскимъ наставленіямъ, изъ которыхъ въ „Изборникѣ" Святослава 1076 г. помѣщены два подобныхъ поученія—Ксенофонта и Ѳеодоры; авторъ „Слова о полку

Игоревѣ" пользовался древнимъ переводомъ „Іудейской исторіи" Іосифа Флавія, апокрифическимъ „Словомъ о пророцѣхъ" и однимъ изъ апокрифовъ о сошествіи Спасителя въ адъ; „Моленіе" Даніила Заточника почти цѣликомъ повторяетъ притчи и афоризмы изъ византійскихъ источниковъ, главнымъ образомъ изъ „Пчелы"; составители начальнаго Кіевскаго лѣтописнаго свода хорошо знали хронику Георгія Амартола, „Житіе" Василія Новаго, „Откровеніе" Меѳодія Патарскаго, „Исповѣданіе вѣры" Михаила Синкелла и др. Не мало заимствованій и слѣдовъ подражанія находимъ у другихъ видныхъ писателей—у Луки Жидяты, митр. Кіевскаго Иларіона, Ѳеодосія Печерскаго, Іакова Мниха, препод. Нестора, Климента Смолятича, Кирилла Туровскаго, игумена Даніила, митр. Никифора, архіеп. Иліи и др.

Вліяніе Византіи въ области искусства.

Остается разсмотрѣть еще вліяніе Византіи на древне-русское искусство и сказать нѣсколько словъ о византійскомъ искусствѣ. Архитектура достигла въ Византіи наивысшихъ успѣховъ: ея произведенія до сихъ поръ вызываютъ удивленіе и втеченіе многихъ вѣковъ вліяли на постройки славяно-русскихъ и западныхъ народовъ. Достаточно припомнить вѣнецъ византійской архитектуры—знаменитый и грандіозный храмъ св. Софіи, построенный при Юстиніанѣ архитекторами Анѳиміемъ и Исидоромъ. Храмъ св. Софіи отличается особой легкостью, граціозностью, гармоніей, изяществомъ, благородными линіями общей композиціи, стройностью арокъ, опирающихся на огромныя колонны, необыкновеннымъ куполомъ и, конечно, завидной для нашего времени прочностью. За архитектурой слѣдуетъ мозаика. Ее признаютъ въ нѣкоторомъ родѣ даже спеціально византійскимъ изобрѣтеніемъ, и нельзя спорить о томъ, что разработка этого монументальнаго вида искусства и приспособленіе его къ украшенію церковныхъ стѣнъ на большихъ пространствахъ принадлежитъ всецѣло Византіи. Живопись на стѣнахъ, фрески, также получила широкое примѣненіе въ церквахъ, какъ болѣе доступная, чѣмъ дорогая мозаика, и византійскія фрески также составляютъ своего рода національный видъ искусства, вызвавъ подражанія у славянъ и романо-германскихъ народовъ. Не умирали въ Византіи и остальные виды искусствъ, въ томъ числѣ художественная промышленность: издѣлія изъ слоновой кости, металловъ, вышивки по атласу

шелкомъ и жемчугомъ, парчевыя ткани, инкрустаціи, эмаль, скань, орнаментика во всѣхъ ея примѣненіяхъ, миніатюры рукописей, заставки, концовки, инициалы,—все разнообразное декоративное искусство.

Церковный характеръ византійскаго и русскаго искусства.

Вслѣдствіе того, что византійское искусство развивалось и процвѣтало подъ защитой церкви, существовало почти исключительно ею и для нея, то вполнѣ „свѣтскихъ" памятниковъ византійскаго искусства, за исключеніемъ предметовъ художественной промышленности, почти нѣтъ. Художникъ—слуга церкви; онъ долженъ былъ вдохновляться свыше чтеніемъ божественныхъ книгъ, молитвой и постомъ, выражать религіозную идею въ такомъ видѣ, въ какомъ она была канонизирована, освящена церковью, временемъ и общественнымъ сознаніемъ, безъ привнесенія личныхъ вкусовъ, домысловъ, фантазіи и т. д. То же было и на Руси. Искусство національное, едва-ли знавшее живопись и, конечно, бѣдное, представленное деревянными постройками, скульптурными изображеніями идоловъ, издѣліями изъ металла, дерева, кости, вышивками и т. д., — или должно было уступить мѣсто новому христіанскому искусству, или же видоизмѣниться и стать на службу религіознымъ потребностямъ. Мы не видимъ слѣдовъ борьбы между ними, да и мудрено было молодому и убогому нашему національному искусству бороться съ тѣмъ, за чѣмъ была тысячелѣтняя давность, славныя имена, опытность, вкусъ, строгій стиль, техника, стройная приспособленность къ требованіямъ церкви, своего рода догматичность. Особенно это сказалось на новыхъ видахъ искусства, принесенныхъ на Русь: архитектурѣ каменныхъ церквей, мозаикѣ, фрескахъ, иконной (станковой) живописи. Русскіе мастера, а также народъ и особенно духовенство, настолько подчинялись авторитету грековъ, что нерѣдко выказывали едва ли не большую строгость въ выборѣ и передачѣ религіозныхъ сюжетовъ, чѣмъ ихъ учителя. Такимъ образомъ, о самостоятельномъ русскомъ національномъ искусствѣ въ древнѣйшую эпоху нельзя говорить: національные элементы, но опять таки на фонѣ заимствованнаго византійскаго искусства, появляются много позднѣе, не ранѣе XIII—XIV в.в.

Греческое искусство на Руси.

По свидѣтельству лѣтописей и другихъ литературныхъ памятниковъ, какъ Кіево-Печерскій Патерикъ, Житія русскихъ святыхъ, древнія церкви были построены греческими мастерами, и греческіе же художники ихъ расписывали. Такъ, извѣстны свѣдѣнія о Десятинной церкви, Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ и церкви Кіево-Печерскаго монастыря, церкви Богоматери въ Новгородѣ, Софійскомъ соборѣ тамъ же, и другихъ. Когда, на четвертый годъ послѣ крещенія, Владиміръ рѣшилъ построить каменную церковь Богоматери, онъ, по свидѣтельству лѣтописи, „пославъ, приведе мастеры отъ Грекъ и украси ю иконами, еже бѣ взялъ въ Корсуни“. Кіево-Печерскій Патерикъ передаетъ легенду о чудесномъ прибытіи византійскихъ художниковъ въ Кіевъ для росписи Печерскаго монастыря. Въ 1045 г. князь Владиміръ Ярославичъ началъ строить каменную церковь св. Софіи въ Новгородѣ: „и устроивъ церковь, приведоша иконныхъ писцовъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ (въ куполѣ) и написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа... А писали Спасова образа годишное время и болѣе“. Вызванные на Русь великими князьями и архіереями для опредѣленныхъ работъ, греческіе мастера могли остаться здѣсь надолго или навсегда и обучали русскихъ, что не исключаетъ, конечно, предположенія о поѣздкахъ наиболѣе способныхъ русскихъ мастеровъ въ Византію для совершенствованія въ области искусства. А тѣ предметы церковнаго обихода, которые могли перевозиться, постоянно, начиная со времени подготовленія Руси къ принятію новой вѣры, присылались изъ Византіи или изъ южнославянскихъ земель (разумѣются предметы византійскаго происхожденія въ оригиналахъ, копіяхъ и переводахъ. На первомъ мѣстѣ находятся иконы: наиболѣе древнія изъ нихъ, а потому чтимыя, носили названіе корсунскихъ (см. выше стр. 539). Интересное свидѣтельство объ этомъ новгородской лѣтописи помѣщено подъ 1045 годомъ. Грекъ Димитрій Ласкири осматривалъ иконы Новгородской св. Софіи и, увидавъ образъ Спасителя, спросилъ священниковъ: „вѣдомо-ли вамъ про ту икону? Каковъ слухъ?“ И они отвѣчали: „Слухъ, господине, таковъ, что не одна та икона изъ Корсуни привезена, греческаго письма“. Димитрій подтвердилъ эти слова ссылкой

даже на какой-то письменный византійскій источникъ: „У насъ де въ мудрыхъ людяхъ слухъ идетъ, да и писаніе въ нашей греческой земли есть, что та икона прежде Владимирова крещенія бѣ въ Царѣ-градѣ, а письмо Мануила царя греческаго“. Конечно, авторитетъ заѣзжаго грека въ вопросахъ иконографіи далеко не такой вѣскій, и надо имѣть въ виду распространенныя легенды о написаніи иконъ византійскими царями; но здѣсь важно то, что русское преданіе подтвердилось грекомъ, значитъ, лицомъ, по мнѣнію послѣднихъ, авторитетнымъ. Терминъ „корсунскій“ встрѣчается и позднѣе, особенно часто въ XVI—XVII в.в., когда въ русское искусство проникаютъ „опасныя новшества“, элементы западно-европейскаго Возрожденія, или непосредственно, или чрезъ позднюю греческую живопись, при посредствѣ сѣверной Италіи, славянскихъ и румынскихъ земель. И теперь, какъ упоминалось, у старообрядцевъ и иконописцевъ лучшей похвалой достоинствамъ стиля и живописи, древности и святости иконы служитъ названіе „корсунской“. Если даже на время оставить въ сторонѣ вопросъ о „корсунскихъ“ иконахъ,—фактомъ останется то, что наиболѣе древнія иконы (большею частью считаются чудотворными) написаны въ Византіи, носятъ явныя черты греческаго мастерства, снабжены греческими надписями на нимбахъ, коронѣ, свиткахъ и т. д. Хотя надо имѣть въ виду, что греческія надписи сохранялись и русскими копировальщиками, и съ рѣдкой иконой не соединено преданіе, при томъ древнее и часто давно же записанное, о происхожденіи ея изъ Византіи. То же самое можно сказать о миніатюрахъ древнихъ рукописей, ихъ орнаментаціи, характерѣ и формѣ буквъ, особенно заглавныхъ или прописныхъ, въ наиболѣе роскошныхъ рукописяхъ, объ окладахъ-переплетахъ, священныхъ сосудахъ, тканяхъ и вышивкахъ, всѣхъ предметахъ богослуженія и т. д., а также о церковной музыкѣ и, повидимому, о нотной системѣ, хотя послѣдній вопросъ совершенно пока не разработанъ.

Полученное нами въ готовомъ видѣ, стоявшее на родинѣ своей на высотѣ, какъ въ условно-художественномъ, такъ и въ церковно-каноническомъ отношеніи, скрѣпленное вѣковой традиціей, выработанное многими поколѣніями и окрашенное особымъ авторитетомъ святости, византійское искусство на-

столько превышало художественно-религіозныя пониманіе и требованія русскихъ X-XII в.в., что, вполнѣ естественно, не могло развиваться ни въ какую сторону. „Византинизмъ" здѣсь сдѣлалъ все: онъ завершилъ всѣ требованія возвышенныхъ религіозныхъ идей, воплотивъ ихъ въ реальныхъ образахъ, а русскіе, даже въ лицѣ наиболѣе талантливыхъ художниковъ, не могли прибавлять къ этому своихъ національныхъ чертъ, измѣнять ихъ въ сторону своихъ вкусовъ. Поэтому на дальнѣйшихъ памятникахъ русскаго подражательнаго искусства съ большимъ трудомъ можно угадывать тѣ элементы „варварства", которые такъ цѣнны, напримѣръ, въ эллиническомъ искусствѣ. Съ большой ясностью эти драгоцѣнныя черты національнаго творчества замѣтны на памятникахъ искусствъ слѣдующей уже за татарщиной эпохи.

Подводя итоги, мы видимъ, что вліяніе византійской культуры было громадно, разносторонне и благотворно. Если она и убивала самодѣятельность и наклоняла въ извѣстную сторону ту кривую линію, по которой должно идти развитіе каждаго народа, то не забудемъ, что ни одинъ народъ въ мірѣ не обходился безъ подражанія, а многіе народы никогда не вышли изъ роли учениковъ. Періодъ же подражанія и ученія для Руси продолжался въ сущности недолго. И не вина византійской культуры въ томъ, что къ началу своего вліянія на Русь она была необыкновенно богатой, высокой-утонченной, разнообразной, являлась здѣсь не результатомъ тысячелѣтняго и непрерывнаго воспитанія, и этимъ самымъ она сразу же поразила, какъ бы подавила и на долгое время покорила творческую мысль своихъ учениковъ.

Значеніе визант. культ. въ развитіи русск. народа.

А. И. Яцимирскій.

Татары и порабощеніе ими Руси. *)

Средняя Азія была страной, откуда на западъ, въ Европу, вплоть до XIII ст., слѣдовалъ цѣлый рядъ вторженій азіатскихъ народовъ, угрожавшихъ новой европейской культурѣ. Европѣ нужно было выдержать упорную борьбу, чтобы отстоять свою зарождающуюся цивилизацію. Восточная Европа, нынѣшняя террриторія Европейской Россіи, очень долгое время служила барьеромъ, прикрывавшимъ собой западъ отъ этихъ ударовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — станціей, гдѣ останавливались и часто осѣдали восточные выходцы. Въ XIII в. восточная половина Европы выдержала новое и послѣднее нашествіе азіатскихъ кочевниковъ, втеченіе двухъ съ половиной столѣтій господствовавшихъ надъ ней, это — нашествіе монголо-татаръ. Заслуга Московскаго государства, выросшаго при условіяхъ этого господства, и состоитъ въ томъ, что оно положило конецъ этому наступательному движенію Азіи и даже, наоборотъ, само заняло угрожающее положеніе по отношенію къ ней.

Образованіе царства Чингизъ-хана.

Родиной татаръ было Забайкалье, притоки верхняго Амура и склоны Алтая. Они были кочевниками, жили родовымъ бы-

---

*) *Литература*: *О. Іоакинфъ Бичуринъ*. „Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизова". Спб. 1829 г.; *Васильевъ*. „Исторія и древности восточной части Средней Азіи" (Записки Имп. Русск. Археологич. Общ. т. IV, Спб. 1859); *Паткановъ*. „Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ". Спб. 1873—4; *О. Іоакинфъ Бичуринъ*. „Исторія о народахъ Средней Азіи". Спб. 1848; Wolf. „Geschichte der Mongolen oder Tataren". Breslau 1872; *Пржевальскій*. „Монголія и страна Тангутовъ". Спб. 1875; Léon Cahun. „Introduction à l'histoire de l'Asie". Paris 1896; Hammer. „Purgstall. Geschichte der Goldenen Horde". Pest 1840.

томъ, распадались на племена или орды; отдѣльныя орды имѣли свою аристократію, въ лицѣ старшихъ представителей знатныхъ родовъ—бековъ, которые составляли сходку—„курултай“. Этотъ курултай имѣлъ избирательное право,—могъ выбирать князя-предводителя, хана, и составлялъ совѣтъ при немъ. Племенной бытъ не обезпечивалъ единства татаръ и былъ условіемъ, неизбѣжно вызывавшимъ постоянную борьбу отдѣльныхъ ордъ. Только энергіи и предпріимчивости нѣкоторыхъ хановъ удавалось подавить эту междуусобную борьбу, объединивъ нѣсколько племенъ сосѣдей. Въ началѣ XIII в. геніальнымъ объединителемъ татаръ, создавшимъ обширную, грозную монархію, явился ханъ Темучинъ (род. около 1160 г., ум. 1227 г.). Условія дѣтства и молодости закалили эту даровитую отъ природы натуру. Уже отецъ Темучина, Есукай-Багадуръ, успѣлъ объединить нѣсколько татарскихъ ордъ и создать изъ нихъ внушительную силу. Но онъ умеръ, когда его сыну-наслѣднику было 13 лѣтъ. Подчиненные князья воспользовались случаемъ, возстали и не только объявили себя независимыми, но, пользуясь безпомощностью малолѣтняго Темучина, стали грабить улусы его отца. Жизнь самого маленькаго хана подвергалась много разъ опасности, которой ему удавалось избѣгать только благодаря счастливой случайности или же ловкости и изворотливости. Онъ не разъ попадалъ въ плѣнъ къ своимъ врагамъ и провелъ въ плѣну много лѣтъ въ молодости. Эта упорная борьба тянулась около 40 лѣтъ и закончилась блестящимъ успѣхомъ для Темучина. Онъ отстоялъ владѣнія своего отца, побѣдилъ взбунтовавшихся князей, съ которыми жестоко расправился: по преданію, живьемъ сварилъ ихъ въ 70 котлахъ, и перешелъ далѣе къ наступательному образу дѣйствій противъ своихъ сосѣдей. На курултаѣ подвластныхъ князей 1206 г. онъ объявилъ себя ханомъ всѣхъ татарскихъ ордъ, принявши титулъ Чингисъ-хана—великаго хана.

Завоеванія Чингизъ-хана.

Покореніемъ татарскихъ племенъ не ограничились завоевательныя стремленія Темучина. Онъ пошелъ дальше. Ударамъ Чингисъ-хана подверглись сначала народы Азіи, населявшіе южную Монголію и сѣверный Китай. Эти земли были покорены. На востокъ идти было уже некуда и онъ повернулъ на

западъ. Кстати, представился удобный для этого случай. Магометъ, султанъ Ховарезма или западнаго Туркестана, нынѣшней Бухары, оскорбилъ пословъ Чингисъ-хана и отказался заплатить за разграбленные въ его владѣніяхъ татарскіе торговые караваны. Этого было достаточно для того, чтобы наказать дерзкаго султана, и Чингисъ-ханъ, оставивши полководцевъ въ Китаѣ, пошелъ на западъ. Туркестанъ былъ завоеванъ, и, такимъ образомъ, вся Средная Азія, отъ крайняго востока до Каспійскаго моря, признала власть Чингисъ-хана. Борьба съ султаномъ и была, собственно, поводомъ къ первому столкновенію татаръ съ восточной Европой и, въ частности, съ русскими, такъ какъ, преслѣдуя Магомета и его сына, два полководца Темучина, Чепе и Субудай-Богадуръ, обогнули южные берега Каспійскаго моря, прошли Кавказъ и вышли въ Черноморскія степи, гдѣ столкнулись съ половцами. Половцы послали пословъ просить помощи у русскихъ князей противъ невѣдомаго врага; тѣ вѣрно разсчитали, что враги, покоривъ половцевъ, доберутся до нихъ; они рѣшили первые дать отпоръ, соединились съ половцами и вышли на встрѣчу татарамъ. Произошла битва на рѣчкѣ Калкѣ (притокъ р. Калміуса, впад. въ Азовское море).

Но прежде чѣмъ говорить о покореніи Руси татарами, нужно сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ, содѣйствовавшихъ быстрому завоевательному успѣху татаръ. Эти условія, кромѣ необыкновенно даровитой личности Темучина, заключались въ особенностяхъ характера и быта татаръ.

Внѣшность и бытъ татаръ.

Что касается наружности татаръ, то они имѣли всѣ типичныя черты монгольскаго племени, казавшіяся столь отвратительными для европейцевъ: желтый цвѣтъ кожи, широкое скуластое лицо, узкіе косые глаза безъ верхнихъ рѣсницъ, бритую, почти безусую и безбородую голову, ростъ имѣли средній, хотя отличались коренастой, крѣпкой фигурой. По выраженію китайскаго историка, татары родятся и вырастаютъ на сѣдлѣ и на лошади: не только мальчики съ самыхъ раннихъ лѣтъ скачутъ верхомъ на лошади, но дѣвушки и женщины прекрасно владѣютъ конемъ и лукомъ. Это искусство имъ было нужнѣе всего въ ихъ подвижномъ, кочевомъ быту и въ ихъ обычныхъ занятіяхъ. У татаръ не было городовъ и прочныхъ

деревянныхъ или каменныхъ зданій для жилья. Въ мирное время они кочевали съ огромными стадами лошадей и овецъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ столько времени, пока былъ подножный кормъ; сами они нимало о немъ не заботились. Мужское населеніе въ это время занималось охотой или же лѣниво и безпечно валялось въ своихъ юртахъ, оставляя всѣ хозяйственныя заботы на женщинъ; эти послѣднія вели все несложное татарское хозяйство: смотрѣли за стадами, готовили пищу, шили одежду и обувь. Мясо и кумысъ были главной пищей татаръ. Когда была подъ рукой пища, татаринъ ѣлъ очень много, но зато былъ терпѣливъ въ случаѣ ея недостатка или во время похода; тогда онъ могъ терпѣть голодъ по нѣскольку дней. Ѣли татары очень неопрятно, не отличаясь въ жизни вообще чистоплотностью: немытыми руками хватали прямо жирные куски мяса и рыбы, обтирая затѣмъ руки о полы своихъ кафтановъ; а одежду они не находили нужнымъ мыть и носили ее до тѣхъ поръ, пока она могла служить. Признакомъ самаго лучшаго и радушнаго угощенія считалось, когда гость наѣстся до тошноты, или же напьется такъ, что свалится безъ чувствъ.

Военное устройство и тактика.

Такія условія внѣшняго быта содѣйствовали развитію воинственной жестокой натуры, очень пригодной, какъ военная сила, которой воспользовался Темучинъ и его ближайшіе преемники. Военная организація была основана Темучиномъ на началахъ безусловной субординаціи. Все взрослое мужское населеніе было раздѣлено на десятки, сотни, тысячи, десятки тысячъ, во главѣ которыхъ были поставлены послѣдовательно подчиненные другъ другу десятники, сотники, тысячники, темники. Насколько суровы были военные обычаи у татаръ, видно изъ того, что у нихъ предавались смерти члены десятка, оставшіеся въ живыхъ, за то, что недостаточно храбро сражались въ то время, какъ ихъ товарищи пали въ бою или попали въ плѣнъ, и тѣ ихъ не выручили. Главное оружіе татаръ составляли стрѣлы: они были превосходными стрѣлками изъ лука. Ихъ стрѣлы съ металлическими наконечниками пробивали шлемы и панцыри; но у нихъ были въ ходу также и другіе виды холоднаго оружія: сабли, копья и пр. Ведя наступательную войну, татары держались такой системы напа-

денія: выставляли впередъ противъ врага отряды изъ покоренныхъ племенъ, главныя татарскія силы шли далеко въ обходъ непріятелю; они умѣли сдѣлать это такъ хитро, что совершенно неожиданно съ дикимъ крикомъ нападали на обезкураженнаго непріятеля съ тылу и съ боковъ, стараясь сразу привести его въ замѣшательство. Если этотъ маневръ не удавался, то они прибѣгали къ другому: обращались въ притворное бѣгство, непріятель бросался за ними въ погоню, разстраивалъ ряды, и тогда татары стремительно поворачивали назадъ, осыпая врага тучами стрѣлъ, а потомъ вступали въ рукопашную.

Вторгаясь въ непріятельскую страну, татары посылали сначала развѣдочные отряды; эта часть поставлена была у нихъ превосходно. Татары умѣли удивительно ловко незамѣченными проскользнуть на конѣ и пѣшкомъ. Передовые отряды, не опустошая страны, старались какъ можно больше перебить жителей, а также захватить въ плѣнъ. Плѣнниковъ заставляли тащить приспобленія для осады городовъ, а во время приступа—строить укрѣпленія и исполнять осадныя работы у непріятельскихъ стѣнъ, чѣмъ ставили осажденныхъ въ безвыходное положеніе: имъ оставалось или стрѣлять въ своихъ, или же оставаться бездѣятельными зрителями, какъ городъ постепенно окружается вражескими укрѣпленіями.

Культура. Что касается духовно-культурной стороны татарскаго быта, то въ этомъ отношеніи татары стояли на самой низкой ступени развитія: въ XIII в. они не имѣли ни письменности, ни судебныхъ учрежденій, ни брака, такъ что татарское дитя часто не знало своего отца; въ религіи они были язычниками: поклонялись небу, солнцу, огню; но развитого обрядового культа у нихъ не было; впрочемъ, въ религіозномъ отношеніи они имѣли одну хорошую черту—вѣротерпимость, почему духовенство оказывалось самымъ счастливымъ классомъ населенія во время татарскаго ига на Руси; татары относились къ духовенству съ уваженіемъ, оказывали ему всякія льготы, и самъ ханъ въ ордѣ имѣлъ нѣсколько христіанскихъ священниковъ, совершавшихъ богослуженіе въ татарской столицѣ. Въ нравственномъ отношеніи они были совершенно неразвиты: они признавали только грубую силу и предъ нею склонялись. Все, что безсильно, без-

полезно, а тѣмъ болѣе—опасно, они уничтожали безъ всякаго сожалѣнія. Такъ, напр., татары презирала старость; старикамъ и больнымъ у нихъ приходилось плохо: сильнѣйшіе изъ нихъ во время обѣда хватаютъ большіе и жирные куски; старики же ѣдятъ и пьютъ, что имъ останется; во время похода ихъ безъ сожалѣнія оставляютъ. Впрочемъ, среди своихъ татары отличались до нѣкоторой степени честностью, въ томъ смыслѣ, что у нихъ не было воровства, ихъ юрты никогда не запирались. Но по отношенію къ врагамъ они были коварны и свирѣпы, безжалостно убивая всѣхъ, не разбирая ни возроста ни пола. Поэтому татарское нашествіе и было такъ страшно: разъ попался въ плѣнъ къ татарамъ, отъ нихъ нечего ждать пощады: они измучатъ, опозорятъ, убьютъ.

Таковы были новые азіатскіе кочевники, съ которыми пришлось столкнуться русскимъ въ первый разъ въ 1223 г. Когда одинъ изъ самыхъ сильныхъ половецкихъ князей, ханъ Котянъ, прибѣжалъ къ своему зятю, князю Мстиславу Мстиславичу Удалому, княжившему въ то время въ Галичѣ, то ему безъ большого труда удалось склонить своего храбраго родственика оказать помощь половцамъ противъ страшнаго невѣдомаго врага, о которомъ половцы ничего не могли сказать кромѣ того, что зовутъ его татарами, и что онъ пришелъ чрезъ Кавказъ изъ-за Каспійскаго моря. Мстиславъ Удалой успѣлъ склонить къ союзу противъ татаръ наиболѣе вліятельныхъ южно-русскихъ князей, еще трехъ Мстиславовъ: Мстислава Романовича кіевскаго, Мстислава Святославовича черниговскаго и Мстислава Нѣмого, одного изъ волынскихъ князей—молодого Даніила Романовича волынскаго и др. Составилось большое русское ополченіе, подкрѣпленное отрядами половцевъ, которое двинулось въ глубь половецкихъ степей навстрѣчу врагу. Десять дней шли русскіе полки по степи до р. Калки, когда наконецъ завидѣли на другомъ берегу рѣки полчища татаръ.

Первое столкновеніе Руси съ татарами у р. Калки.

Битва на Калкѣ окончилась полнымъ разгромомъ для русскихъ. Причиной этого были слѣдующія обстоятельства.

Несмотря на то, что князья собрали многочисленное и не хуже татарскаго вооруженное войско, это войско не имѣло единства власти, такъ какъ въ немъ не было главнаго полководца, который бы обезпечилъ дружный натискъ на врага; каждый

князь разпоряжался своимъ отрядомъ, какъ ему вздумается. Поссорились два наиболѣе видные князя: Мстиславъ галицкій и Мстиславъ кіевскій. Князь Мстиславъ Удалой, желая первый быть увѣнчаннымъ лаврами побѣды, не предупредивъ другихъ князей, быстро переправился на другой берегъ съ половцами и съ отрядами волынскимъ и смоленскимъ, которыми онъ распоряжался. За нимъ пошли Мстиславъ Нѣмой и Олегъ курскій. Мстиславы же кіевскій и черниговскій остались на томъ берегу. Когда Даніилъ Романовичъ волынскій стремительно ударилъ на враговъ, и за нимъ врѣзался въ битву Мстиславъ Удалой, татары прибѣгли къ своей обычной тактикѣ: какъ будто заколебались, дрогнули, отодвинулись назадъ. Эта уловка обманула плохо расчитавшихъ силы и средства русскихъ князей, и они увлеклись, зашли далеко и были окружены со всѣхъ сторонъ татарскими полчищами. Дѣло окончательно сгубили половцы; они, уже ранѣе напуганные татарами, не выдержали натиска и первые бросились бѣжать, разстроивъ ряды своихъ русскихъ союзниковъ. Этимъ моментомъ воспользовались татары, чтобы окончательно смять противника и обратить его въ бѣгство. Бѣжалъ Даніилъ Романовичъ, за нимъ бросился Мстиславъ Нѣмой, бѣжалъ Мстиславъ Удалой; опередивъ всѣхъ въ своемъ бѣгствѣ, онъ добѣжалъ до Днѣпра и приказалъ сжечь лодки или оттолкнуть ихъ послѣ переправы, боясь погони. Мстиславъ кіевскій не поспѣшилъ на помощь въ критическую минуту, оставаясь безучастнымъ зрителемъ пораженія своихъ единоплеменниковъ и разсчитывая спастись за укрѣпленіями, наскоро устроенными вокругъ стана. Татары осадили укрѣпленіе. Три дня шелъ жестокій бой, и, наконецъ, Мстиславъ вынужденъ былъ сдаться, положившись на обѣщаніе татаръ отпустить его съ воинами домой. Всѣ были вѣроломно перебиты, а князей, кромѣ того, татары подвергли жестовой пыткѣ: связаныхъ бросили на землю, положили на нихъ доски и сами сѣли на нихъ пировать; несчастные были раздавлены.

Пораженіе было такое, какого, по словамъ лѣтописца, русская земля отъ начала не видала. Татары преслѣдовали бѣгущихъ, все на пути предавая огню и мечу. Только верстъ за 100 до Кіева они остановились, повернули обратно и ушли въ Азію черезъ Уральскія степи, обогнувши, такимъ образомъ,

Каспійское море съ другой, сѣверной стороны. Походъ 1223 г. былъ для татаръ какъ бы первой пробой, развѣдками о томъ, что дѣлается на западѣ, за Ураломъ.

Русскіе же не знали, что дѣлается на востокѣ, въ Азіи, не предвидѣли новаго нашествія и успокоились, объяснивъ себѣ событія 1223 г. „Божіимъ попущеніемъ“, наказаніемъ за грѣхи.

Между тѣмъ въ Азіи собиралась новая гроза на восточную Европу. Чингизъ-ханъ умеръ въ 1227 г. Онъ и передъ смертью обнаружилъ умъ дальновиднаго политика,—обезпечилъ единство татарской монархіи, назначивши своимъ преемникомъ съ титуломъ великаго хана одного изъ своихъ сыновей, Угедея. Другимъ сыновьямъ онъ хотя и выдѣлилъ во владѣніе части завоеванныхъ странъ въ Азіи и Европѣ, но подчинилъ ихъ власти великаго хана. Земли къ сѣверу отъ Аральскаго и Каспійскаго морей Чингизъ-ханъ назначилъ старшему сыну Джучи; но тотъ умеръ при жизни отца, и его часть должна была перейти къ его сыну Батыю, внуку Чингизъ-хана. Эти земли нужно было еще завоевать. Въ 1236 г. Батый получилъ позволеніе отправиться въ свой удѣлъ. Великій ханъ далъ ему въ помощь и руководство храбраго воеводу Бурундая и опытнаго Субудай-Багадура, уже побывавшаго на Руси и, слѣдовательно, знакомаго съ природой страны и съ характеромъ населенія. Съ верховьевъ рѣки Иртыша Батый двинулся на востокъ и вступилъ въ Европу тѣмъ же путемъ, какимъ татары ушли 1223 г., черезъ Уральскія степи, направляясь къ Волгѣ. Съ нимъ шло 300 тысячъ татаръ-воиновъ. Но его армія продставляла уже глубокую разницу съ арміей 1223 г. Тамъ была отборная легкая конница, здѣсь же надвигалась цѣлая орда съ женами, дѣтьми, стадами, кибитками. Орда подвигалась на этотъ разъ медленно, останавливаясь на удобныхъ кочевьяхъ, но подвигалась, повидимому, по строго обдуманному плану, руководимая опытной рукой. Впечатлѣніе отъ этой движущейся массы было таково, по свидѣтельству одного мусульманскаго историка, что „отъ множества воиновъ земля стонала; отъ громады войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы“.

Нашествіе Батыя.

Батый вступилъ въ приволжскія степи. Онъ послалъ отрядъ татаръ подъ начальствомъ Субудай-Багадура для завоеванія камскихъ болгаръ. Субудай-Багадуръ съ успѣхомъ исполнилъ

Разореніе Булгаръ.

это порученіе, стеревъ съ лица земли ихъ столицу Великіе Булгары осенью 1236 г. Самъ Батый перешелъ Волгу и, подвигаясь впередъ по землямъ мордвы и половцевъ, зимой 37 г. медленно приближался къ первому русскому княжеству—Рязанскому. Къ рязанскимъ князьямъ было отправлено посольство, которое отъ имени Батыя предъявило слѣдующее требованіе: „платите мнѣ со всего десятину; въ князьяхъ и простыхъ людяхъ отдавайте десятаго, десятину съ коней вашихъ, бѣлыхъ и вороныхъ, съ бурыхъ и пѣгихъ, и со всякаго скота—десятое; десятину же и со всякаго богатства“. Рязанцы отказали. При отсутствіи сознанія національнаго единства между князьями и необходимости сплотиться въ защитѣ противъ общаго врага, въ каждой отдѣльной области князья не спѣшили съ помощью другъ къ другу, расчитывая на то, что они далеко, и что татары до нихъ не скоро доберутся. Такимъ образомъ, рязанцы были предоставлены самымъ себѣ. Рязанская земля была открыта для татаръ. Ей первой суждено было вынести всѣ бѣдствія вторженія врага. Первые шаги въ русской землѣ татары ознаменовали такими неистовствами, на какія они были способны. Они, по своему обыкновенію, облавой разсѣялись по княжеству, стягиваясь къ одному центру—Рязани. Запылали города, села, деревни, встрѣчавшіеся на пути. Татары жгли, грабили, разрушали, хватали въ плѣнъ, избивали, мучили, подвергали поруганію женщинъ на глазахъ ихъ близкихъ, избивали дѣтей, забирали въ рабство. Населеніе бѣжало и скрывалось, куда могло,—въ лѣса, болота пещеры. Въ декабрѣ 37 г. татары подступили къ Рязани. Защиту города составляло ополченіе, собранное кн. Юріемъ Игоревичемъ; но оно было немногочисленно, приходилось стоять день и ночь безсмѣнно на стѣнахъ, такъ что на шестой день, когда татары по возведеннымъ ими укрѣпленіямъ вторглись въ городъ, истомленные рязанцы, конечно, не могли остановить враговъ. Городъ былъ взятъ, разоренъ и разграбленъ, населеніе вырѣзано, князь Юрій и его семья погибли.

Рязань.

Владиміръ.

Изъ Рязани Батый двинулся къ Владиміру, разорилъ по дорогѣ Коломну и Москву. Дорога на Владиміръ, такимъ образомъ, осталась безъ прикрытія. Великій князь Юрій II Всеволодовичъ (сынъ Всеволода III Большое Гнѣздо) дѣйствовалъ

противъ татаръ очень нерасторопно и неудачно. Еще въ 1223 г., въ битвѣ на Калкѣ, онъ не поспѣлъ со своей помощью къ князьямъ, не соединился своевременно съ рязанскими князьями въ 1237 г., растерялъ свое войско по частямъ въ Коломнѣ и Москвѣ, наконецъ и г. Владиміръ не успѣлъ приготовить къ оборонѣ. Онъ спѣшно оставилъ столицу, поручивши ея защиту двумъ своимъ сыновьямъ, и пошелъ въ сѣверную часть удѣла собирать войско. Между тѣмъ татары, расыпавшіеся облавой по Суздальской землѣ, уже стягивали свои силы подъ Владиміромъ, и 2-го февраля 1238 г. владимірцы увидѣли, что ихъ городъ окруженъ татарами.

Владиміръ выдержалъ осаду не долѣе Рязани. На шестой день татары сразу съ нѣсколькихъ сторонъ ворвались въ городъ. Начался обычный погромъ, погибли оба князя, дружина, большая часть населенія. Княжеская семья вмѣстѣ съ епископомъ владимірскимъ Митрофаномъ заперлась въ соборѣ на хорахъ, думая найти защиту подъ сводами храма. Татары выломали двери, ворвались въ храмъ, сначала разграбили всѣ драгоцѣнности собора, потомъ навалили дровъ и хворосту посреди церкви и подожгли. Несчастные погибли въ дыму и пламени.

Втеченіе февраля татары взяли до 14 городовъ въ Суздальской области.

Юрій Всеволодовичъ получилъ вѣсти о погибели Владиміра и своей семьи, когда стоялъ съ войскомъ, которое ему удалось набрать за Волгой, на берегу рѣчки Сити *). Пораженный скорбью, князь рѣшилъ дать здѣсь битву татарамъ. Этотъ несчастный бой произошелъ 4 марта 1238 г. Русское войско не выдержало натиска татаръ. Русскіе, несмотря на отчаянное мужество, были на-голову разбиты. Вел. князь палъ въ битвѣ. Участь сѣверной Руси была рѣшена. Битва у Сити.

Далѣе Батый повернулъ на югъ-западъ, взялъ Тверь, Торжокъ—пригородъ Новгорода. Слава о богатствѣ Новгорода манила татаръ, и отъ Торжка они прямо направились къ Новгороду. Но, не доходя 100 верстъ до него, Батый круто повернулъ на югъ и быстро пошелъ обратно въ придонскія половецкія степи, избѣгая начавшейся распутицы. Это обстоятельство

---

*) Впад. въ прит. Волги Мологу съ правой стороны.

и спасло Новгородъ отъ погрома. На обратномъ пути спѣшившихъ на югъ татаръ задержала на нѣсколько недѣль осада маленькаго городка въ Черниговской землѣ, Козельска, жители котораго оказали татарамъ упорное сопротивленіе.

Наиболѣе трудная половина предпріятія была выполнена Батыемъ съ блестящимъ успѣхомъ: сильнѣйшая часть Руси была покорена. Около двухъ лѣтъ Батый употребилъ на отдыхъ въ привольныхъ придонскихъ степяхъ, успѣвъ разорить въ 39 г. Переяславль и Черниговъ. Наконецъ зимой 1240 г. Батый снова тронулся большимъ походомъ, направляясь къ Днѣпру и къ столицѣ южной Руси—Кіеву.

Кіевъ.

Кіевомъ въ это время владѣлъ Даніилъ Романовичъ галицкій. Южные князья, напуганные прежними побѣдами татаръ, далеко не оказали того мужества, какое проявили князья на сѣверѣ. Города на югѣ предоставлялись самимъ себѣ: князья всѣ спасались бѣгствомъ на западъ, въ Венгрію или Польшу. Къ этому же средству прибѣгъ и сильнѣйшій южно-русскій князь, Даніилъ Романовичъ. Защита Кіева была предоставлена тысяцкому Дмитрію и кіевскому населенію. Татары перешли Днѣпръ и обложили древній городъ, напирая, гланымъ образомъ, съ западной, слабѣе укрѣпленной,части города. Кіевляне проявили необыкновенное мужество, хотя положеніе города было безнадежно. Стѣнобитныя орудія, не переставая, громили городскія стѣны, и 6-го декабря 1240 г. Кіевъ палъ. Послѣднюю защиту кіевляне думали найти въ наскоро укрѣпленномъ Десятинномъ храмѣ Богородицы, но и это укрѣпленіе продержалось лишь нѣсколько часовъ. Ожесточенные упорной обороной татары жестоко расправились съ населеніемъ. Впрочемъ, израненный тысяцкій Дмитрій былъ оставленъ Батыемъ въ живыхъ „ради его мужества“, по словамъ лѣтописца, но вѣрнѣе—съ расчетомъ, что онъ могъ сослужить Батыю службу въ дальнѣйшемъ походѣ.

Походъ на Венгрію и Польшу.

Опустошивъ Кіевскую землю, татары прошли разрушительнымъ потокомъ далѣе на западъ черезъ Волынь и Галицкое княжество. Въ началѣ 1241 г. татары перевалили черезъ Карпаты и разгромили богатую Венгрію и Польшу. Лѣтомъ 1242 года Батый повернулъ обратно и пошелъ долиной Дуная въ южно-русскія степи. Нѣсколько причинъ заставили его отка-

заться отъ дальнѣйшаго движенія въ западную Европу: смерть великаго хана Угедея и происшедшія, вслѣдствіе этого, въ Азіи политическія перемѣны, отдаленность отъ татарскаго центра—Азіи, лучше укрѣпленные на западѣ города и замки, хорошо вооруженное войско. Все это было причиной того, что татары потерпѣли нѣсколько отдѣльныхъ неудачъ въ западной Европѣ. Батый возвратился въ юго-восточныя русскія степи и здѣсь, на нижней Волгѣ, приступилъ къ устройству Золотой Орды.

И. Катаевъ.

Русское общество и татарское иго. *)

Въ 1242 году Батый возвратился изъ своего опустошительнаго похода въ предѣлы западной Европы и утвердилъ резиденцію на восточномъ берегу Волги недалеко отъ ея устья. Въ томъ же году онъ послалъ своихъ намѣстниковъ-баскаковъ на Русь для сбора податей и пошлинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ великому князю Ярославу Всеволодовичу явиться на поклонъ въ Орду.

Такимъ образомъ, Русь стала улусомъ „царя“,—татарскаго хана, и началось иго. Какъ же русское общество отнеслось къ татарамъ?

Представленіе о татарахъ.

Судя по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, представленіе о татарахъ было неясное. Ими какъ-то и не заинтересовались. Послѣ перваго набѣга никто не постарался узнать, что это за народъ, можетъ ли онъ опять прійти, и, если придетъ, какъ лучше и удобнѣе бороться съ нимъ. Подъ 1223 годомъ лѣтопись занесла на свои страницы упоминаніе о нихъ, какъ о какомъ-то народѣ, котораго никто не знаетъ, кто онъ, откуда пришелъ, какой языкъ его, какого онъ племени и какой вѣры. Зовутъ ихъ иные—татары, а иные говорятъ—таурмены, а

*) *Литература*: Брунъ. „О резиденціи хановъ Золотой Орды“ (Труды III Арх. Съѣзда К 1878); *Григорьевъ*. „О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ“ М. 1842; *Гаманъ Гамбоевъ*. „О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, описанныхъ у Плано Карпини“ (Записки Имп. Русск. Арх. Общ., кн (XIII); *Бансаровъ*. „Черная вѣра, или шаманство у Монголовъ“ (Уч. Зап. Казан. Унив., 1896., кн. III); *Буслаевъ*. „Историческіе очерки народной словесности и искусства.“ Спб. 1861; *Стасовъ*. „Происхожденіе русскихъ былинъ“ (въ Полн. Собр. Соч.).

иные—печенѣги. Это, очевидно, добавляетъ лѣтописецъ, тотъ народъ, о которомъ повѣствуетъ Меѳодій Патарскій.

Сказаніе Меѳодія Патарскаго было уже давно извѣстно въ литературѣ *). Меѳодіевъ разсказъ касается какихъ-то нечистыхъ народовъ, Гога и Магога, которыхъ Александръ Македонскій заключилъ за высокія горы въ полуночныхъ странахъ. Со всѣхъ сторонъ эти нечистые народы окружены горами, только въ одномъ мѣстѣ горы не сошлись на двѣнадцать локтей. Поэтому здѣсь устроены мѣдныя ворота, которыя Александръ затворилъ и замазалъ сунклитомъ, составомъ, не поддающимся дѣйствію ни огня ни желѣза. Только въ послѣднія времена, передъ концомъ свѣта, выйдутъ по повелѣнію Божію эти народы на землю. И вотъ, по мнѣнію лѣтописца, эти невѣдомые враги и есть тѣ народы, которые пришли покарать за грѣхи русскую землю. Указывая лишь на ихъ безбожіе, жестокость и коварство, лѣтопись продолжаетъ смотрѣть на событія съ поучительной точки зрѣнія. Главная причина несчастія, по ея мнѣнію, заключается въ тѣхъ грѣхахъ, въ которые впалъ народъ, несмотря на постоянныя предупрежденія духовенства. Самихъ татаръ, какъ уже выше указано, лѣтопись пріурочила къ фантастическимъ народамъ, Гогу и Магогу, долженствующимъ исполнить надъ народомъ кару Божію, чтобы призвать его къ покаянію.

Итакъ, все тогдашнее общество, выраженіемъ идей котораго была литература, не имѣло стремленія поближе узнать своихъ поработителей. Въ нихъ, повторимъ, оно видѣло наказаніе Божіе, ниспосланное на русскую землю за грѣхи. Если бы не грѣшили,—не прогнѣвали бы Бога, не было бы и такихъ бѣдствій,—вотъ точка отправленія современниковъ. Не трудно видѣть, что она очень пассивна.

Тѣ же самыя мысли повторилъ въ своихъ поученіяхъ и лучшій представитель духовенства конца XIII вѣка—владимірскій епископъ Серапіонъ. „Вы все еще не перемѣнились!—говорилъ онъ своей паствѣ.—Какихъ только наказаній не приняли мы отъ Бога! Не плѣнена ли земля наша? Не взяты ли города наши? Не усѣяли ли наши отцы и братья трупами

*) „Памятники отреченной русской литературы“ ч. II.

землю? Не уведены ли жены и дѣти наши въ плѣнъ? А кто остался въ живыхъ,—не порабощены ли они на горькую работу отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ лѣтъ продолжается это томленіе и мука!"—Въ другомъ своемъ поученіи Серапіонъ выражается еще обстоятельнѣе: „Богъ,—говоритъ онъ,—видя, что умножаются наши беззаконія, видя, что мы отвергли Его заповѣди, показалъ намъ много знаменій и страха, а мы ничѣмъ не сдѣлались лучше. И вотъ навелъ Онъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій красоты юношей, немощи старцевъ, младости дѣтей. Воздвигли мы на себя ярость Бога нашего, разрушены Божественныя церкви, осквернены священные сосуды, потоптана святыня, святители преданы мечу, тѣла монашескія брошены птицамъ, кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, словно вода, обильно напоила землю. Изчезло мужество князей и воеводъ нашихъ, храбрецы наши, исполненные страха, обратились въ бѣгство. А сколько ихъ уведено въ плѣнъ! Села поросли сорною травою; смирилось величіе наше, погибла красота наша. Богатство, трудъ, земля—все достояніе иноплеменныхъ. Сосѣдямъ нашимъ служимъ мы въ поношеніе и стали предметомъ смѣха для враговъ нашихъ" *).

То же самое, въ подобныхъ же выраженіяхъ, повторяли и другіе пастыри. Въ Правилѣ митрополита Кирилла, читанномъ на соборѣ 1274 г. во Владимірѣ, находится такое мѣсто: „Какую прибыль получили мы, оставивши Божьи правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по всей землѣ? Не взяты ли города наши? Не пали ли князья отъ острія меча? Не поплѣнены ли дѣти наши? Не запустѣли ли церкви Божіи? не томятъ ли насъ ежедневно безбожные поганцы?"

Такимъ образомъ, церковные учители только призывали народъ къ покаянію, которое, по ихъ мнѣнію, одно могло отвратить гнѣвъ Божій. Кромѣ того (это не трудно заключить по вышеприведеннымъ выдержкамъ), всѣ подобныя поученія носятъ, главнымъ образомъ, литературный или риторическій характеръ: на первомъ планѣ въ нихъ стоятъ красивыя, но общія, книжныя фразы. Такія мѣста можно было встрѣтить въ

*) „Прибавленія къ твореніямъ свв. отецъ". 1843 г.

любой литературной повѣсти, напримѣръ,—О взятіи Рязани Батыемъ, въ лѣтописи—при описаніи любого бѣдствія, посѣтившаго землю.

Легко догадаться, какое впечатлѣніе производила такая проповѣдь на паству. Будущее благочестіе Московскаго государства, несомнѣнно, по содержанію и по формѣ отличавшееся отъ благочестія Кіевскаго государства, есть результатъ этого подъема религіознаго духа. Слова проповѣдниковъ не прошли даромъ: если и не исправились въ грѣхахъ, зато стали усерднѣе молиться Богу.

Но татары вѣдь не являлись спеціальными гонителями вѣры и Церкви. Митрополиты часто ѣзжали въ Орду, противъ ханской ставки находилась православная церковь, наконецъ, въ Сараѣ была даже учреждена особая епархія. Эти обстоятельства волей-неволей должны были ставить Церковь въ болѣе тѣсныя сношенія съ Ордою. Должно было, постепенно хотя бы, вырабатываться то или другое отношеніе къ татарамъ. Одной формулы для объясненія этихъ отношеній оказывалось недостаточно. Поэтому и вышеприведенная точка зрѣнія не могла быть выдержана долго, дѣйствительность требовала болѣе точнаго опредѣленія взаимоотношеній. Отношеніе духовенства къ татарамъ.

И вотъ, у того же епископа Серапіона, въ пятомъ его поученіи, находится непосредственное упоминаніе о татарахъ. Всего болѣе примѣчательно въ этомъ поученіи то, что у проповѣдника, который, несомнѣнно, отъ чистаго сердца печаловался за свою любимую землю и горько скорбѣлъ о ней, отрицательнаго отношенія къ татарамъ нѣтъ. Наоборотъ, Серапіонъ ставитъ ихъ въ примѣръ своей паствѣ. „Поганые,— говоритъ онъ,—хоть и ни знаютъ закона Божія, однако не убиваютъ своихъ единовѣрцевъ, не грабятъ, не съѣдаютъ завистью, не возводятъ клеветы, не крадутъ, не запираются въ чужомъ: никто изъ поганыхъ не продастъ брата своего; а если кого изъ нихъ постигнетъ бѣда, то выкупятъ его и дадутъ на промыселъ; что находятъ,—то въ торгу заявляютъ“. Здѣсь уже видно отношеніе къ татарамъ, какъ къ опредѣленному народу; это—не риторическій пріемъ, потому что проповѣдникъ, какъ антитезой, могъ бы воспользоваться любымъ книжнымъ заимствованіемъ. И, какъ оказывается, это отношеніе—далеко не отрица-

тельное. Нужно думать, что оно выработалось благодаря тѣмъ льготамъ, которыя давались ханскими ярлыками.

Вмѣстѣ съ развитіемъ религіозности шло въ описываемую эпоху отмѣчаемое всѣми историками огрубѣніе нравовъ. Только со второй половины XV вѣка явилось на Руси стремленіе войти въ болѣе близкое общеніе съ христіанскими государствами запада. Да и то выработанная въ достаточной степени эгоистическая религіозная точка зрѣнія мѣшала сообщаться съ ними въ той полнотѣ, какъ это было бы нужно. Въ XIII—XIV вѣкахъ, наоборотъ, замѣчается полнѣйшая замкнутость Руси, объясняемая не однимъ только географическимъ отдаленіемъ ея отъ западныхъ государствъ. Причинъ этого уединенія было двѣ: татарское нашествіе и переходъ отъ одного внутренняго порядка вещей къ другому.

Вліяніе татаръ на удѣльное общество.

Русь явилась плотиной, о которую стали разбиваться татарскія волны, не затопляя западной Европы. Долговременное состояніе Руси въ качествѣ улуса великаго хана, несомнѣнно, должно было отразиться на измѣненіи нравовъ. Московское государство стало формироваться на новомъ мѣстѣ, въ финской средѣ, тоже монгольской по происхожденію, состояло оно изъ колонистовъ, пришедшихъ изъ Поднѣпровья. На новомъ мѣстѣ еще не было старыхъ традицій, въ такой степени укоренившихся, чтобы онѣ дали отпоръ каждому новому вліянію. Поэтому и татарское вліяніе въ обычаяхъ, установленіяхъ, одеждѣ, даже языкѣ, несомнѣнно было немалое, не смотря на то, что нѣкоторые историки оспариваютъ это.

Вліяніе на княжескую власть.

Не безъ вліянія татарщины явилось и измѣненіе княжеской власти. На сѣверѣ, какъ и прежде на югѣ, усобицы не прекращались Но сѣверные князья боролись не за старшинство, а за силу. Началось „собираніе“ земли, т. е. князья имѣли въ виду увеличить свои волости, сдѣлаться болѣе богатыми помѣщиками съ той цѣлью, чтобы подчинить себѣ всѣхъ остальныхъ князей, лишивъ ихъ владѣній. Конечно, должна была быть борьба: извѣстная распря Москвы съ Тверью кончилась въ пользу первой потому, что московскій князь былъ богаче и первый успѣлъ въ Ордѣ. Черезъ послѣднюю велось всякое разрѣшеніе внутреннихъ споровъ. Орда и не имѣла ничего противъ этого: во всякомъ случаѣ, къ ней притекали деньги,

а удѣлы ослабѣвали. Историкъ Соловьевъ назвалъ этотъ переходъ „болѣзненнымъ". Онъ считаетъ его очень неблагопріятно повліявшимъ на нравы. „Нравы грубѣли,—говоритъ онъ,—привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода матерьяльныхъ побужденій надъ нравственными, грубость нравовъ должна была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ человѣка". Борьба сильныхъ и слабыхъ была неравная, и если со стороны первыхъ было насиліе, то со стороны вторыхъ—хитрость и коварство *).

Огрубѣніе нравовъ.

Литературные источники даютъ много примѣровъ этого огрубѣнія нравовъ. Лѣтописи жалуются на дурное состояніе правосудія, у Серапіона—цѣлое поученіе направлено къ народу по поводу усиленія суевѣрій и сопряженныхъ съ ними жестокостей: въ междукняжескихъ отношеніяхъ отмѣчается та же жестокость: сплошь и рядомъ выкалываютъ глаза, отрѣзаютъ носъ, уши, руки; воровство и разбой—повсемѣстны. Иванъ Калита, между прочимъ, прославился тѣмъ, что хоть немного очистилъ свою землю отъ татей; ссоры, драки и убійства—постоянны: мы имѣемъ цѣлый рядъ грамотъ, имѣвшихъ въ виду упорядочить извѣстныя братчины, складочные пиры, гдѣ, надо думать, постоянно бывали смертоубійственныя драки. „На братчину не званъ ѣздитъ никто", постоянно повторялось въ этихъ грамотахъ. Народная старина о Василіи Буслаевѣ воспѣваетъ такую драку, случившуюся по поводу того, что Василій „не званый" пришелъ на братчину Никольщину (т. е. на пиръ въ складчину, устроенный въ Николинъ день). Ко всему этому нужно еще прибавить, что по всей водной границѣ Московскаго государства,—Волгѣ, широко разгуливали ушкуйники, будущая волжская вольница, занимаясь грабежомъ и убійствомъ. Въ Вяткѣ, колоніи, основанной этими ушкуйниками, какъ видно изъ посланія митрополита Іоны, многіе женились на пяти, шести, семи женахъ, а то жили и вовсе безъ вѣнчанія, монахи разстригались и вступали бракъ. Какъ ни странно, но вся эта дикость нравовъ уживалась съ отмѣченной выше религіозностью. Изъ той же старины о Василіи Буслаевѣ можно привести характерную выдержку: не вѣруя „ни въ сонъ, ни въ чохъ",

*) „Исторія Россіи." т. IV, гл. 3.

Василій вдругъ обращается къ дружинѣ съ предложеніемъ итти во Святую Землю: „съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти“, говоритъ онъ. При наличности подобнаго огрубѣнія нравовъ нечего было думать о литературѣ и образованности. Если князья XIV и XV вѣка не всѣ знали грамоту (Дмитрій Донской, Василій Темный), то для конца XIII и начала XIV в. отсутствіе образованности не могло быть меньшимъ.

Упадокъ литературной дѣятельности.

Разсматриваемый періодъ не былъ благопріятнымъ для литературы. Тексты священнаго писанія, богослужебныя книги, сохранившіеся въ переводахъ, сдѣланныхъ еще для кіевской Руси, благодаря частому переписыванію, при чемъ отсутствовало всякое наблюденіе надъ исправностью переписки, до такой степени исказились, что мѣстами стали представлять непреодолимыя трудности для пониманія. Остальной же запасъ литературныхъ произведеній, скомпилированныхъ или же составленныхъ самостоятельно въ Кіевской Руси, какъ, напримѣръ, лѣтописи, хронографы, поученія, житія, поэтическія сказанія, хотя и сколько-нибудь сохранился, но пока не былъ предметомъ пользованія, и сильно страдалъ отъ вражескихъ нашествій и пожаровъ. Списокъ такого памятника, какъ Слово о полку Игоревѣ, дошелъ до насъ въ единственномъ экземплярѣ, да и то сильно испорченномъ безграмотной перепиской.

Лѣтописаніе, такъ широко развитое въ Кіевщинѣ, правда, не прекращалось. Но лѣтописи сѣверо-восточной Руси въ описываемую эпоху утратили живость изложенія южныхъ. Лѣтописецъ сухъ, не многорѣчивъ, несмотря на то, что грамоты, которыя все болѣе и болѣе увеличиваются количествомъ, могли бы дать ему обильный матеріалъ. Кромѣ того, всѣ лѣтописи—мѣстныя, т.-е. онѣ ведутся въ одномъ какомъ-либо городѣ, для одной земли. Еще нѣтъ обще-русскаго свода, который бы объединилъ это разсѣянное, единичное лѣтописаніе. Такой сводъ впервые является только въ княженіе Василія Дмитріевича, т.-е. уже въ XV вѣкѣ *).

Наконецъ, Византія и южно-славянскія страны, постоянные поставщики оригиналовъ для переводовъ или для переписки и

*) Шахматовъ. „Обще-русскіе лѣтописные своды XIV и XV вв.“ (Ж. М. Н. П., 1900).

компиляцій, оказываютъ весьма незначительное вліяніе на литературу за конецъ XIII и начало XIV вѣка. Усилились сношенія съ Константинополемъ и Аѳономъ только съ половины XIVвѣка, и тогда отмѣчается, дѣйствительно, сильное вліяніе южно-славянской письменности на русской литературѣ. Въ разсматриваемый періодъ—наоборотъ: сношенія Руси съ южными болгарами почти совсѣмъ прекратились послѣ покоренія Болгаріи греками; что касается Византіи, то она только что воскресала послѣ прекратившей свое существованіе въ 1263 году Латинской имперіи. Такимъ образомъ, питающій источникъ изсякъ на время, и литература русская влачила жалкое существованіе въ разсматриваемый періодъ.

Выше говорено было о Серапіонѣ, оставившемъ поученія къ народу, какъ о человѣкѣ съ литературнымъ талантомъ. Остается прибавить сюда ростовскаго епископа Кирилла и тверского—Симеона, которые, по словамъ лѣтописи, тоже были „учительны и сильны въ книгахъ божественнаго писанія“. Но такихъ лицъ было очень немного, какъ вообще было немного и достойныхъ пастырей Церкви. При приближеніи татаръ часто случалось, какъ такіе пастыри бѣжали въ безопасныя мѣста, оставляя на произволъ свою паству.

Пустынножительство.

Суровое время, съ одной стороны, развитіе религіознаго міросозерцанія—съ другой, заставляли многихъ уходить спасаться въ непроходимыя дебри, куда „мірской чади мало входно“. Этими отшельниками въ малозаселенномъ, дикомъ краю по сю и по ту сторону верхней Волги стали созидаться основанія будущихъ чтимыхъ монастырей сѣверо-восточной Руси. Основатели ихъ—люди, удалившіеся не отъ „соблазновъ“ міра, ихъ не было въ это время, а отъ тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ было тогдашнее общество, начитавшись теоретическихъ разсужденій о томъ, что все спасеніе и выходъ изъ этого тяжелаго положенія—въ покаяніи, были далеки отъ основанія разныхъ общежитій. Но молва о такихъ пустынникахъ быстро расходилась.

Въ мистически-религіозно настроенномъ обществѣ каждый такой пустынножитель будилъ соотвѣтствующія желанія: если не было иниціативы, то тронутый аккордъ заставлялъ дрожать одинаково настроенные звуки. И вокругъ каждаго пустынника

въ очень скоромъ времени начинали селиться другіе, и мало-по-малу образовывался монастырь. Это общежитіе часто приходилось не по нраву удалившемуся „отъ мірской чади“ основателю, и онъ уходилъ вторично, куда-нибудь еще глуше. Но и тамъ находили его послѣдователи, и изъ одного источника образовалось иногда два монастырскихъ братства. Такъ, напримѣръ, изъ Пафнутіева монастыря вышелъ извѣстный Іосифъ Волоколамскій. Эти монастыри были основнымъ факторомъ въ колонизаціи междурѣчья Оки и Волги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они же такъ или иначе поддерживали гаснущую литературу разсматриваемаго періода и, что особенно нужно отмѣтить, явились очагомъ зарожденія на Руси національной литературы.

Пустынножитель селился въ лѣсу, часто въ дуплѣ большого дерева (напр. св. Павелъ Комельскій), въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не нашелъ бы его ни одинъ человѣкъ. Нилъ Сорскій поселился тамъ, гдѣ „мірскій чади мало входно“, т.-е. на мѣстѣ, не посѣщаемомъ людьми. Въ такомъ дикомъ мѣстѣ пустынникъ предавался созерцанію и молитвѣ. Но недолго онъ жилъ одинокимъ. Вскорѣ собиралась вокругъ него братія, мѣсто вырубалось, обстраивалось, и мало-по-малу выросталъ монастырь, поселокъ во всякомъ случаѣ культурный. Культурный потому уже, что для богослуженія требовалось имѣть книги и умѣть читать ихъ. Зерна библіотеки и грамотности были, такимъ образомъ, налицо. Пустынножитель являлся игуменомъ этого монастыря, слава его святой жизни доходила до окрестныхъ городовъ, до мѣстнаго удѣльнаго князя, а то—и до Москвы. Князья, богатые и торговые люди начинали дѣлать вклады въ возникающую обитель, ей отводились земельныя угодья, и монастырь богатѣлъ. Вскорѣ онъ обносился деревянной или каменной стѣною, подъ которой стягивались сосѣднія деревни на тотъ случай, что, если нагрянетъ врагъ—татары, то можно всегда спастись за оградой. Вмѣстѣ съ ростомъ благосостоянія монастыря умножались и его книжныя сокровища: переписываніе книгъ считалось богоугоднымъ дѣломъ, многіе изъ братіи занимались этимъ дѣломъ; книгами также, какъ очень большой цѣнностью, дѣлались и вклады въ обитель. Цѣлой сѣтью такихъ монастырей начинаетъ покрываться мало-по-малу междурѣчье Оки и Волги. Создаются, какъ выше указано, культурные пункты, изъ которыхъ нѣкоторые

становятся для сѣверо-восточной Руси такими же очагами просвѣщенія (въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова), какимъ для юга былъ монастырь Кіево-Печерскій. Эту роль Кіево-Печерскаго монастыря принялъ на себя въ особенности монастырь, основанный на Бѣломъ озерѣ св. Кирилломъ, который былъ постриженъ ученикомъ и племянникомъ св. Сергія—Θеодоромъ, извѣстный Кирилло-Бѣлозерскій. Правда, разцвѣтъ его дѣятельности относится къ болѣе позднему, чѣмъ описываемое, времени, но въ данномъ случаѣ важенъ фактъ возникновенія такого широкаго очага просвѣщенія.

Основатели всѣхъ подобныхъ монастырей умирали, оставляя по себѣ глубокую память, не безъ примѣси легендарыхъ подробностей. Такимъ образомъ уже была готова канва для житія, составленіе котораго не заставляло себя долго ждать. Если житія святыхъ Кіево-Печерской обители писались въ большой зависимости отъ греческихъ оригиналовъ, то сѣверо-восточныя житія заключаютъ въ себѣ большую свободу изложенія, большее количество бытовыхъ подробностей, они—оригинальны и, такимъ образомъ, являются, дѣйствительно, памятниками русской литературы. Житія святыхъ.

Эти житія, какъ справедливо отмѣчаютъ нѣкоторые изслѣдователи, являются зародышемъ національной русской литературы.*) (Таково было, напр., одно изъ первыхъ—житіе св. Михаила Клопскаго). Литература, влачившая еле замѣтное существованіе въ большихъ центрахъ, гдѣ, благодаря татарамъ, ей некогда и невозможно было заниматься, тихо, но постепенно выростала въ этихъ маленькихъ, заброшенныхъ въ дебри оазисахъ, какимъ являлись сѣверо-восточные монастыри въ началѣ своего возникновенія.

Правда, на Руси былъ одинъ крупный центръ, гдѣ литература, по крайней мѣрѣ лѣтописаніе, не прекращалось. Это—Новгородъ и его пригороды. Какъ извѣстно, Новгородъ былъ почти не тронутъ татарами, онъ жилъ самостоятельной жизнью. Поэтому и лѣтописныя повѣсти даннаго періода, даже о московскихъ событіяхъ, сплошь и рядомъ являются составленными въ Новгородѣ. Одно изъ лучшихъ произведеній литературы Новгородъ, какъ литер. центръ.

*) Некрасовъ. „Зарожденіе національной литературы на сѣверѣ Руси“.

XIII и н. XIV вѣка — житіе св. Александра Невскаго, въ окончательной редакціи является также новгородскимъ произведеніемъ. Будущій обще-русскій лѣтописный сводъ времени Василія Дмитріевича въ широкой степени черпалъ лѣтописныя свѣдѣнія изъ новгородскихъ лѣтописей.

Сношенія съ Византіей.

Не нужно думать, что сношенія Руси съ Византіей прекратились вовсе во времена татарскаго нашествія. Такъ какъ русская Церковь зависѣла отъ константинопольскаго патріарха, то представители духовной власти должны были, хотя бы время отъ времени, посѣщать патріархію. Такъ, около 1276 года сарайскій епископъ Ѳеогностъ отправлялся въ Константинополь для участія въ церковномъ соборѣ, туда же ѣздилъ митрополитъ Максимъ въ 1301 году, а по его смерти, въ 1308 г., ходилъ для поставленія на митрополичью каѳедру игуменъ ратскій Петръ. Эти путешествія, такимъ образомъ, предпринимались для нуждъ церковнаго управленія. Поэтому трудно допустить, чтобы подобныя сношенія съ Византіей имѣли какое-либо вліяніе на литературу. Русская колонія на Аѳонѣ только что зарождалась, но тоже первое время была далека отъ литературныхъ работъ. Только впослѣдствіи, къ концу XIV и началу XV вѣка, вліяніе Константинополя и Аѳона на русскую литературу стало замѣтнымъ. Особенно сильнымъ стало сербское вліяніе, шедшее черезъ Аѳонъ и выразившееся въ измѣненіи слога и стиля повѣствовательныхъ произведеній. Хожденія паломниковъ въ св. землю не прекратились съ нашествіемъ татаръ. Отмѣченное усиленіе религіозности должно было вызвать и усиленіе этихъ хожденій. Къ сожалѣнію, такихъ упоминаній о паломникахъ чемного, равно какъ и не сохранилось описанія ихъ хожденій вродѣ описаній игумена Даніила или архіепископа Антонія, но которыя, несомнѣнно, были. Между прочимъ, такимъ паломникомъ конца XIII и начала XIV вѣка былъ тотъ новгородскій священникъ Григорій, который, ставши архіепископомъ новгородскимъ подъ именемъ Василія, оставилъ извѣстное въ русской литературѣ Посланіе о земномъ раѣ.

Вліяніе татаръ на Московское государство.

Итакъ, XIII и начало XIV вѣка было тяжелымъ временемъ для русской исторіи. Формированіе общественныхъ устоевъ, зарожденіе новаго порядка совершалось при сильномъ вліяніи татарщины. Но въ первое время общество по своему объяснило при-

чину ига, и въ результатѣ явились крайняя набожность, красной нитью проходящая черезъ всю исторію Московскаго государства, усиленіе хожденій по святымъ мѣстамъ и основаніе многочисленныхъ монастырей. Крайне стѣсненное положеніе Руси, обремененной податями и налогами, съ одной стороны, перемѣна въ княжеской власти—съ другой, явились причиной крайняго огрубѣнія нравовъ, при чемъ всѣ дурныя азіатскія наклонности попадали на хорошую почву. При наличности подобнаго огрубѣнія не могло быть и литературнаго расцвѣта, равно какъ и наоборотъ. Все какъ бы приходилось начинать вновь. Сѣть монастырей, дѣйствительно, явилась какъ бы дорогой для насажденія культуры,—въ этихъ монастыряхъ замѣчается зарожденіе новой литературы московскаго періода. Крѣпнетъ власть Церкви, явившейся ко времени сверженія татарскаго ига крупнѣйшей земельной собственницей. Крѣпнетъ и княжеская власть по примѣру ханской. Сношенія съ Византіей возобновляются, и уже оттуда заимствуются такія понятія, какія раньше не проникали на Русь, напр: вопросы о духовной власти или объ отношеніи Церкви и государственной власти. Однимъ словомъ, устанавливается то, что такъ или иначе составляетъ характерныя особенности будущаго Московскаго государства. И если въ образованіи послѣдняго играли роль очень многочисленныя обстоятельства, то нельзя отрицать и того вліянія, которое явилось результатомъ взаимоотношеній татарщины и русскаго общества въ XIII и началѣ XIV вѣка.

С. Шамбинаго.

II.

(Дополн. замѣчанія о литературныхъ мнѣніяхъ по вопросу о вліяніи татарскаго ига на русское государство и общество).

Вопросъ о вліяніи татарскаго ига на развитіе русскаго государства и общества имѣетъ свою исторію. Слѣды татарщины вообще не отрицаются ни однимъ изслѣдователемъ, но, въ зависимости отъ общихъ взглядовъ писателя, слѣды эти въ схемѣ историческаго развитія страны иногда стушевываются, даже игнорируются, а иногда, наоборотъ, подчеркиваются и выдвигаются впередъ. Вопросъ пережилъ *три стадіи* развитія: утвержденіе коренного значенія татарскаго ига для русской исторіи, затѣмъ отрицаніе, почти совершенное, этого значенія и, наконецъ, синтезъ—соединеніе обоихъ взглядовъ и выводъ изъ нихъ третьяго средняго.

Еще *Карамзинъ* (вслѣдъ за *Татищевымъ* и др. историками XVIII в.) смотрѣлъ на татаръ, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія русскаго государства и общества XIII—XV вѣковъ. „Нашествіе Батыево ниспровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни... Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу“... Всѣ усилія порабощеннаго народа были направлены лишь на то, чтобы не исчезнуть: отсюда застой и отсталость. Современный характеръ русскихъ носитъ еще пятна позорнаго ярма. Иго татарское ввело у насъ тѣлесныя наказанія; свобода и права гражданскія, самая честь исчезли передъ завоевателемъ. Въ ханской ставкѣ пресмыкались русскіе князья, обращаясь въ грозныхъ владыкъ для своихъ земель; вѣче умолкло, боярство упало... И только власть самодержавная воскресила и оживила Россію, этотъ „обширный трупъ послѣ нашествія Батыева“ [1]).

Этотъ взглядъ сдѣлался традиціоннымъ и позже былъ поддержанъ и развитъ *Костомаровымъ*. Историкъ видитъ важную сторону татарскаго ига въ томъ, что рабство, общее для всѣхъ, дало единство раздробленной на удѣлы странѣ. Хану нужно было единство власти для сбора дани, и власть эта досталась московскому князю. Послѣдній, со своимъ презрѣніемъ къ праву, былъ ловкимъ приказчикомъ татарскаго „царя“, мало по малу замѣнившимъ собою хозяина и перенявшимъ характеръ

---

[1]) *Карамзинъ*. „Исторія государства россійскаго“, т. V, гл. IV въ изд. Евдокимова. Первое изд. въ 1816 г., второе—въ 1818-24 г.г.

власти, а затѣмъ и титулъ татарскаго владыки. Изъ выборнаго защитника земли онъ обратился въ собственника страны; власть его достигла такого развитія, какого никогда и нигдѣ не достигала въ христіанскихъ обществахъ, между тѣмъ населеніе, подъ постоянной грозой, „сдѣлалось способно къ безгласному и безсмысленному повиновенію... и составляло готовый матерьялъ для единодержавія“ [1]).

Реакціей преувеличенію роли татарскаго ига въ русской исторіи былъ взглядъ *С. М. Соловьева*. По его мнѣнію, даже въ первое время ига, когда по городамъ находились баскаки, мы не можемъ говорить о серьезномъ вліяніи татаръ на внутреннее управленіе государства. Между тѣмъ баскаки исчезаютъ очень рано (уже съ 1275 года), и тогда вліяніе татаръ еще уменьшается. Судьбы Россіи опредѣляются факторами внутренняго характера. Историческій процессъ вызвалъ огрубѣніе нравовъ, послѣднее заставило женщину удалиться изъ общества въ теремъ. Царскій титулъ Москва беретъ отъ Византіи, а не у татарскаго хана-царя. Общеніе съ азіатами, правда, не могло научить хорошему, но, вообще, вліяніе татаръ было не сильнѣе вліянія половцевъ на южную Русь [2])

Среднее рѣшеніе пытался найти *Бестужевъ-Рюминъ*. Онъ не отрицаетъ прямого воздѣйствія татаръ на слагавшееся Московское государство, особенно на администрацію и финансовую систему его. Но особенно существенны для русскаго народа не эти воздѣйствія, а косвенныя послѣдствія татарскаго ига: отдѣленіе восточной Руси отъ западной, затѣмъ остановка въ просвѣщеніи, и, частію, огрубѣніе нравовъ. Однако тѣлесныя наказанія нельзя объяснить заимствованіемъ у татаръ: ихъ дала намъ Византія въ сборникахъ церковнаго права. Понятіе о царской власти также взято изъ Византіи, а не отъ татаръ [3]).

Между очерченными тремя точками зрѣнія, съ небольшими уклоненіями, распредѣляются взгляды остальныхъ изслѣдователей вопроса. Такъ, *Н. Хлѣбниковъ* считаетъ самодержавную власть „созданной борьбой съ татарами“, а самые „московскіе порядки“ приписываетъ татарскому игу [4]). „Самымъ сильнымъ двигателемъ... возвышенія Москвы“ называетъ „варварское иго“ *Д. И. Иловайскій* [5]). По взгляду *Бѣляева*, татарское иго дало развитію княжеской власти такое направленіе, какого она не получила бы безъ этого фактора.

---

[1]) *Костомаровъ*. „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“; „Двѣ русскія народности“ (Собраніе сочиненій, т. I); „Начало единодержавія въ древней Руси“ (Вѣст. Европы 1870 г. № 11—12; Собр. соч. т. XII).

[2]) *Соловьевъ*. „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“ 1847 г.; „Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. V—VII, 1851—70 г.г.; „Учебная книга рус. исторіи“.

[3]) *Бестужевъ-Рюминъ*. „Русская исторія“, т. I, гл. V. Спб. 1872 г.

[4]) *Хлѣбниковъ*. „Общество и государство въ до-монгольскій періодъ рус. ист.“. Спб, 1872 г.; „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ рус. ист.“, Спб. 1869 г.

[5]) *Иловайскій*. „Исторія Россіи“, т. II. М. 1884 г.

Татары сблизили князя съ народомъ: безъ нихъ самодержавіе возникло бы гораздо позже [1]).

Историки развитія царской власти, ея происхожденія, характера и самосознанія, игнорируютъ татарское вліяніе, выводя ее изъ Византіи— таковы изысканія проф. *Дьяконова* [2]) и *Саввы* [3]). Очень узкую сферу отводитъ татарскому вліянію экономическое направленіе исторіографіи, которое возвышеніе Москвы съ ея характерными особенностями объясняетъ хозяйственными условіями эпохи: это точка зрѣнія *Рожкова* [4]).

Въ общемъ средняго направленія придерживаются историки русской Церкви: „Ощутительное и большей частью пагубное вліяніе" татарскаго ига „на всѣ стороны, какъ государственной, такъ и церковной жизни" констатируетъ пр. *Макарій*, отрицающій въ то же время существенный переворотъ во внутреннемъ устройствѣ государства благодаря татарамъ [5]); еще болѣе сглаживаетъ значеніе татарской грозы проф. *Голубинскій*, повидимому, оставляя на ея долю вліяніе отрицательное [6]). Такого же примирительнаго направленія держится и проф. *Ключевскій*, видящій въ русской исторіи органическое развитіе внутреннихъ силъ и средствъ, съ одной стороны, и отводящій татарамъ роль начала, объединявшаго и ускорявшаго историческій процессъ сложенія Московскаго государства, съ другой [7]). Близко примыкаетъ къ Бестужеву-Рюмину, наконецъ, проф. *С. Ѳ. Платоновъ*. Татары, по его мнѣнію, сыграли въ русской исторіи замѣтную роль. Они разобщили южную, новгородскую и суздальскую Русь. Послѣдняя восприняла отъ завоевателей кое-что въ области администраціи и финансовъ; но преувеличивать этого вліянія не слѣдуетъ,- -оно усиливается собственно лишь съ XV столѣтія.

П. Смирновъ.

---

[1]) *Бѣляевъ.* „Лекціи по исторіи рус. законодательства" М. 1879 г.

[2]) *Дьконовъ.* „Власть московскихъ государей", Спб. 1889 г.

[3]) *Савва.* „Московскіе цари и византійскіе василевсы". Харьковъ, 1901 г.

[4]) *Рожковъ.* „Обзоръ русской исторіи съ социолог. точки зрѣнія", ч. II, М. 1905 г.; „Происхожденіе самодержавія въ Россіи" М. 1906 г.

[5]) *Макарій.* „Ист. рус. Церкви", кн. I—II, Спб. 1866 г.

[6]) *Голубинскій.* „Исторія рус. Церкви", т. I—II, Москва 1881 и 1900 г.г.

[7]) *Ключевскій.* „Курсъ русской исторіи", часть II, М. 1906 г.

[8]) *Платоновъ* „Учебникъ Русской исторіи" Спб. 1909 г.

Какъ я раскапывалъ курганы.

Всѣ, конечно, знаютъ, что такое курганы, но не всѣмъ извѣстно, что, хотя эти могильныя насыпи зачастую носятъ одинаковую форму, различаясь развѣ лишь объемами, но по времени онѣ относятся къ различнымъ эпохамъ, иногда очень отдаленнымъ одна отъ другой, и насыпаны надъ покойниками различныхъ народностей, занимавшихъ поочереди извѣстную территорію.

Курганы, какъ историческіе памятники.

Для того, чтобы возстановить бытъ древняго населенія той или другой области, возстановить если не вполнѣ, то хотя отчасти, и производятся раскопки кургановъ: извѣстный обрядъ погребенія, который при этомъ обнаруживается, а затѣмъ разнообразные предметы, находимые на покойникѣ и въ его могилѣ,—все это даетъ возможность заглянуть въ прошлое, скрытое отъ насъ многими вѣками и даже тысячелѣтіями. Благодаря раскопкамъ и вообще наукѣ о древностяхъ, удалось возстановить въ общихъ чертахъ жизнь такихъ народовъ, о которыхъ не сохранилось никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ, ни даже преданій, удалось установить тотъ важный фактъ, что всѣ народы, какой бы высокой культуры они ни достигли впослѣдствіи, начинали свой жизненный путь, находясь на очень низкой ступени культуры, и отъ такого первобытнаго, какъ его называютъ, образа жизни, постепенно совершенствуясь, шли все впередъ.

Періодъ первобытности относится къ очень глубокой древности, если конечно не считать тѣхъ народовъ, которые, благодаря стеченію разныхъ неблагопріятныхъ условій, не вышли и до сихъ поръ изъ этого состоянія дикости. Но если мы возьмемъ даже болѣе близкія намъ времена, то увидимъ, что собственно исторія охватываетъ сравнительно не очень боль-

шой промежутокъ времени, болѣе же ранній періодъ жизни того или другого народа, даже и теперь существующаго, былъ почти совершенно недоступенъ изученію,—вотъ и здѣсь на помощь пришла наука о древностяхъ, внесшая много свѣта въ это доисторическое прошлое.

Хотя въ Россіи систематическія изслѣдованія памятниковъ древности начались всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но благодаря тому, что къ этому дѣлу отнеслось съ интересомъ довольно много лицъ, образовавшихъ даже цѣлыя ученыя общества, въ настоящее время достигнуты довольно цѣнные результаты, далеко отодвинувшіе въ глубь вѣковъ наше знаніе о дѣлахъ минувшаго, о минувшей жизни, въ томъ числѣ и о доисторическомъ прошломъ нашихъ предковъ— славянъ.

Славянской стариной или, выражаясь точнѣе, стариной славянскихъ племенъ, занимавшихъ прежній центръ славянской жизни—область средняго теченія Днѣпра и его притоковъ, занимался и я, и въ мои изслѣдованія входили также раскопки кургановъ, образовавшихъ цѣлыя древнія кладбища—могильники.

О раскопкѣ одного такого могильника я и хочу разсказать здѣсь, но прежде—два слова вообще о раскопкахъ.

Исчезновеніе и порча кургановъ.

Только тѣ раскопки и можно считать серьезнымъ, нужнымъ дѣломъ, которыя производятся не такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, а съ извѣстной, опредѣленной научной цѣлью и съ соблюденіемъ выработанныхъ практикой пріемовъ, и притомъ пріемовъ довольно сложныхъ. Къ сожаленію, у насъ раскопками, помимо кладоискателей, занимаются очень часто именно отъ нечего дѣлать, производятъ ихъ люди мало или совсѣмъ неподготовленные, благодаря чему, вмѣсто пользы, получается въ результатѣ лишь вредъ: разрушаются памятники, которые при другихъ пріемахъ были бы очень цѣнными для науки. Поэтому лучше всего представить дѣло раскопокъ спеціалистамъ или приступать къ нимъ хорошо подготовившись: подготовиться не трудно. Въ противномъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, раскопки получатъ характеръ празднаго любопытства, и нѣсколькими памятниками родной старины будетъ меньше.

А ихъ и безъ этого становится все меньше и меньше. Раньше, когда у крестьянъ земли было больше, плугъ не трогалъ этихъ

свидѣтелей прошлаго, теперь же курганы усиленно распахиваются и, такимъ образомъ, стираются съ лица земли. Эта главная причина исчезновенія кургановъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ если совсѣмъ и не уничтожаютъ кургановъ, то очень портятъ ихъ кладоискатели. Въ народѣ очень распространены легенды о разныхъ скрытыхъ въ землѣ кладахъ, разысканіемъ ихъ занимается много лицъ, и, конечно, въ данномъ случаѣ вниманіе прежде всего привлекаютъ курганы, какъ несомнѣнные остатки старины, и хотя еще ни въ одномъ случаѣ раскопки кургановъ не оправдали надеждъ кладоискателей, но раскопки ихъ все же продолжаются, принося уничтоженіемъ и порчей кургановъ громадный вредъ наукѣ.

Было начало сентября—одно изъ лучшихъ временъ года у насъ на югѣ, когда нѣтъ уже изнуряющей жары, нѣтъ еще и осеннихъ дождей, въ воздухѣ свѣжо, сухо—самое лучшее время для раскопокъ. Я, вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ, такимъ же любителемъ старины, рѣшили воспользоваться, какъ погодой, такъ и бывшимъ въ нашемъ распоряженіи свободнымъ временемъ, чтобы отправиться на лоно природы, на родныя поля и произвести раскопки могильника въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ Волынской губ.,—въ области, занимаемой когда-то древлянами. Въ нѣсколькихъ другихъ могильникахъ, расположенныхъ поблизости, раскопки были прозведены нами раньше, теперь же мы хотѣли подвинуть изслѣдованія дальше, чтобы выяснить погребальный типъ этого района, такъ какъ лишь рядомъ систематическихъ раскопокъ и можно достигнуть общихъ выводовъ. Могильникъ.

Могильникъ, о которомъ идетъ рѣчь, расположенъ въ ряду другихъ подобныхъ могильниковъ, на довольно высокомъ берегу небольшой извилистой рѣчки; кругомъ него разстилались поля, а насупротивъ, за рѣчкой, чернѣлъ густой лѣсъ, кое-гдѣ уже позолоченный приближающейся осенью.

Невдалекѣ отъ могильника рѣчка дѣлала излучину, и въ этомъ мѣстѣ гористый берегъ образовалъ нѣчто вродѣ мыса, выдвинутаго въ рѣчную долину. При осмотрѣ этого мыса оказалось, что на немъ расположено древнее укрѣпленіе—городище. Дѣйствительно, мѣстность для укрѣпленія была самой подходящей: со стороны рѣки бока мыса имѣли видъ малодоступныхъ кру- Городище.

тыхъ скатовъ; такимъ образомъ, эти части круговой линіи были защищены самой природой; оставалась часть, соединяющая мысъ съ полемъ,—здѣсь уже искусственно былъ прорытъ ровъ и насыпанъ полукругомъ валъ; для большей безопасности валъ былъ сооруженъ и по остальному краю мыса—со стороны рѣки; такимъ путемъ валъ образовалъ собой кольцо, немного вытянутое по направленію мыса; середина кольца и служила защитнымъ убѣжищемъ во время непріятельскихъ нападеній,—изъ-за вала было гораздо удобнѣе защищаться, чѣмъ на открытомъ полѣ.

Осмотрѣнное нами кольцеобразное городище является простѣйшимъ видомъ древнихъ славянскихъ укрѣпленій. Но есть и болѣе сложные виды ихъ: такъ, напр., если мысъ, выбранный для укрѣпленія,—послѣднія обыкновенно устраивались на такихъ, уже приспособленныхъ природой мѣстахъ,—былъ достаточно длиненъ, то его перегораживали съ открытой стороны не однимъ, а нѣсколькими валами: если непріятель бралъ одинъ валъ,—можно было скрыться и защищаться за другими. А то устраивали укрѣпленіе еще и такимъ образомъ: ввутри кольцеобразнаго вала устраивали изъ вала же еще другое кольцо, меньшихъ размѣровъ; получалось, такимъ образомъ, такъ называемое концентрическое городище.

Но почему такія укрѣпленія носятъ названіе „городища"? А потому, что прорытіемъ рва и насыпкой вала дѣло не оканчивалось: чтобы лучше укрѣпить валъ, сдѣлать его выше,—вершину вала огораживали, „городили" рядомъ брусьевъ, которые образовывали нѣчто вродѣ высокаго и плотнаго забора,—вотъ отъ слова „городить" и произошло названіе „городище".

Предметы, нужные при раскопкахъ.

Выѣхали мы, предварительно взявъ съ собой нѣкоторые необходимые при раскопкѣ предметы: компасъ, длинную рулетку, щупъ—стальной тонкій прутъ, суживающійся къ концу, двѣ небольшихъ ручныхъ лопатки, а также нѣсколько обыкновенныхъ хорошихъ лопатъ; послѣднія мы взяли, такъ какъ по опыту знали, что у мѣстныхъ крестьянъ хорошія лопаты отсутствуютъ. Захватили мы съ собой и нѣсколько ящиковъ и небольшихъ коробокъ съ достаточнымъ количествомъ оберточной бумаги, ваты, шнурковъ,—все это для упаковки могущихъ встрѣтиться предметовъ,—среди поля, да и въ деревнѣ ничего этого не достанешь.

При правильномъ веденіи раскопокъ очень важно записывать и отмѣчать всякій фактъ, всякое обстоятельство, хотя бы на первый взглядъ и незначительное; поэтому у каждаго изъ насъ были тетради для веденія такихъ „дневниковъ“ раскопокъ. Мой пріятель захватилъ, кромѣ того, и фотографическій аппаратъ,— онъ всегда можетъ сослужить большую службу, такъ какъ никакія описанія не могутъ передать того, что открывается иногда при раскопкахъ, фотографическая же пластинка запечатлѣетъ все, дастъ ясную картину. Дневникъ раскопокъ и снимки.

Очень важно, чтобы во время раскопокъ земляныя работы велись правильно, аккуратно. Рабочіе, которымъ приходится раскапывать курганы въ первый разъ,—а съ такими рабочими, при переѣздахъ съ одного мѣста на другое, почти всегда приходится имѣть дѣло,—не особенно-то удачно на первыхъ порахъ справляются съ работой. Для сбереженія времени и для правильности работы удобно имѣть нѣсколько постоянныхъ рабочихъ, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. На этотъ разъ мы и прихватили съ собой двухъ такихъ „копачей“, участвовавшихъ при раскопкахъ не одной сотни кургановъ. Рабочіе.

Снарядившись такимъ образомъ, мы подъ вечеръ прибыли въ сосѣднее съ мѣстомъ раскопокъ село и остановились на ночовку у знакомаго помѣщика Съ вечера было договорено достаточное число рабочихъ, распакованы и приготовлены вещи, а на утро, немного пожимаясь отъ утренней прохлады, мы цѣлой толпой отправились на могильникъ. Во время пути видно было среди рабочихъ, что они очевь заинтригованы предстоящими раскопками. Высказывались разныя предположенія: что, молъ, это инженеры пріѣхали, дорогу будутъ проводить; другіе считали насъ землемѣрами, но перевѣсъ взяло мнѣніе, что „паны гроши будутъ шукать“... Мы постарались разъяснить имъ цѣль нашего пріѣзда и предстоящей работы и, познакомившись поближе и мирно бесѣдуя, вступили на территорію могильника. Наша поѣздка.

Я уже раньше производилъ раскопки въ близь-лежащихъ могильникахъ, такъ что былъ увѣренъ, что и здѣсь встрѣчу болѣе или менѣе подобные типы погребенія, поэтому особаго волненія не чувствовалъ; но тамъ, гдѣ имѣешь дѣло съ совершенно новымъ мѣстомъ, гдѣ не знаешь, что дадутъ раскопки,

что будетъ встрѣчено,—тамъ поневолѣ отдаешься какому-то особому чувству—и надеждамъ, и неувѣренности, и разнаго рода предположеніямъ,—однимъ словомъ, испытываешь совершенно особыя ощущенія, въ общемъ все же пріятныя.

Положеніе могильника и планъ его.

Первое, что мы сдѣлали,—тщательно осмотрѣли могильникъ. Онъ оказался не особенно большимъ: мы насчитали въ немъ до 30-ти могильныхъ насыпей. Но встрѣчаются могильники гораздо большихъ размѣровъ, заключающіе до ста и больше кургановъ. Число кургановъ является показаніемъ того, насколько было велико поселеніе, къ которому относится то или другое древнее кладбище: чѣмъ обширнѣе былъ поселокъ и чѣмъ дольше онъ просуществовалъ, тѣмъ и многочисленнѣе курганы принадлежавшаго поселку могильника. Такимъ образомъ, по количеству могильниковъ, по густотѣ ихъ расположенія и по ихъ величинѣ можно судить о населенности въ прежнее время извѣстнаго района. Въ данномъ случаѣ, по берегу рѣки могильниковъ было много, они были расположены близко одинъ отъ другого—на разстояніи 2—10 верстъ, но по количеству кургановъ ихъ нужно причислить къ небольшимъ. Нашъ могильникъ, среди другихъ, былъ еще болѣе значительнымъ,—поблизости находились могильники, состоявшіе всего изъ десятка насыпей.

Сдѣлавъ осмотръ могильника, мы, съ помощью рабочихъ, начали наносить его на планъ, чѣмъ спеціально занялся мой спутникъ; въ данномъ случаѣ достаточно глазомѣрной съемки, но все же планъ могильника необходимо приложить къ дневнику раскопокъ. Мѣстность, окружающую могильникъ, также хорошо было бы наносить на планъ, но, въ крайнемъ случаѣ, можно ограничиться описаніемъ, опредѣливъ разстояніе, на какомъ изслѣдуемый могильникъ находится отъ рѣки, населеннаго пункта, дороги и т. п.

Курганы въ нашемъ могильникѣ были разной величины, но не особенно велики: самые большіе достигали въ высоту 2—2½ арш., но такихъ было немного; остальные же имѣли высоту отъ 1-го до 1½ арш. Благодаря тому, что могильникъ не распахивался, курганы хорошо сохранились; форма ихъ—куполообразная, съ немного расплывшимся основаніемъ. Въ одной части могильника курганы были насыпаны густо, иногда

ихъ подошвы даже сходились, между другими былъ промежутокъ всего въ 1—2 аршина; въ другой части курганы располагались рѣже, на разстояніи 5—7 аршинъ одинъ отъ другого, а одинъ курганъ находился какъ бы въ сторонѣ, аршинъ на 25 отъ остальныхъ. Вокругъ нѣкоторыхъ насыпей были замѣтны небольшіе ровики, вокругъ другихъ ихъ или не было или они изгладились отъ времени. Эти ровики вокругъ подошвы кургановъ можно часто наблюдать въ древлянскихъ могильникахъ.

Обмѣръ кургана.

Пока мой спутникъ набрасывалъ планъ, я, чтобы не терять дорогого времени, особенно въ короткій сентябрскій день, приступилъ къ раскопкамъ. Въ первую очередь пошелъ курганъ изъ довольно крупныхъ. Но прежде чѣмъ начинать копать, я сдѣлалъ измѣреніе кургана: обмѣрилъ его высоту, діаметръ основанія, окружность; при обмѣрахъ я пользовался компасомъ, рулеткой и рейкой съ дѣленіями,—послѣдняя нужна для опредѣленія высоты кургановъ. Кромѣ того, невдалекѣ отъ кургана была прорыта небольшая яма съ цѣлью опредѣленія характера почвы,—это пригодится для распознанія материка отъ насыпной земли, а также почвы отъ подпочвы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится производить раскопки въ новой, неизвѣстной мѣстности, слѣдуетъ два три кургана раскопать, снимая съ насыпи землю горизонтальными слоями, но такъ какъ въ данномъ случаѣ характеръ погребенія намъ былъ болѣе или менѣе извѣстенъ, то мы примѣнили другой способъ раскопки—широкимъ колодцемъ, который опускался съ вершины насыпи все глубже и глубже: такой колодецъ, даже при раскопкѣ самыхъ небольшихъ могильныхъ насыпей, долженъ быть діаметромъ не менѣе $1^1/_2$—2 саженей,—чѣмъ шире колодецъ, тѣмъ больше вѣроятности ничего не пропустить, да и работать удобнѣе.

Остатки тризны.

По снятіи дерна, пошла смѣшанная земля; на второмъ „штыхѣ" (штыхъ—такая глубина, какую беретъ лопата) встрѣтились въ центрѣ насыпи угли, зола, кости животныхъ, черепки отъ сосудовъ,—все въ небольшомъ количествѣ. Находка эта была отмѣчена въ дневникѣ, а сами предметы отдѣльно запакованы. Можно сдѣлать предположеніе, что въ данномъ случаѣ

мы наткнулись на остатки тризны—поминокъ, совершенныхъ на могилѣ покойника.

Мы углубились уже больше чѣмъ на аршинъ, внутри насыпи уже обозначился правильный колодецъ, какъ пришелъ мой спутникъ, закончившій съемку плана могильника. Мы сообща выбрали еще одинъ курганъ въ другой части могильника, раздѣлили рабочихъ, и, подъ наблюденіемъ моего пріятеля, начаты были раскопки этого кургана. Уходившіе рабочіе перекидывались шутками съ остававшимися товарищами, и дѣло дошло чуть ли не до заклада: кто выкопаетъ большій мѣшокъ золота.

До обѣда раскопки шли своимъ чередомъ; мы опускались глубже, рабочіе приноровились, работы шли чисто: прокопавъ одинъ „штыхъ", мы выравнивали площадку, „зачищали", какъ говорятъ рабочіе, сострогивая, лопатами наперевѣсъ, землю, и такъ вели работу дальше. Пока никакихъ находокъ не встрѣчалось, но земля стала немного сырѣе, и работать стало легче. Земля все еще была насыпная, но болѣе разнообразная по составу: среди чернозема начали встрѣчаться прослойки желтой глины, составляющей въ данной мѣстности подпочву.

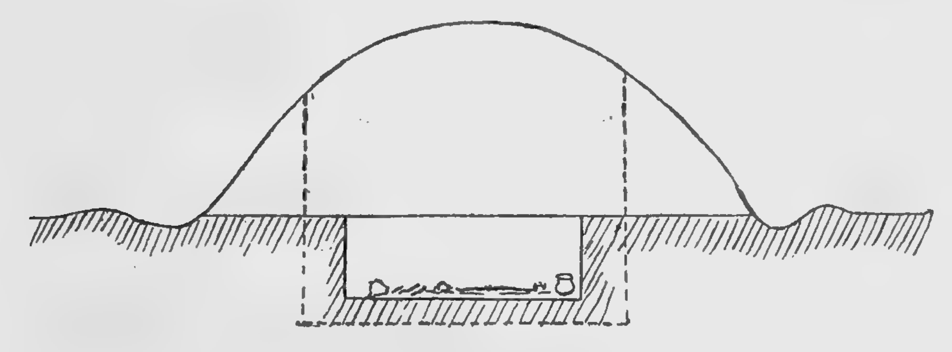
Это указывало на то, что могила, которую мы искали, была расположена ниже горизонта и ниже почвеннаго слоя,—когда ее копали, то добрались до желтой глины, которая и попала въ насыпь.

Солнце стояло высоко,—пора обѣдать. Изъ рабочихъ—кто отправился домой,—село было близко, кто вытащилъ изъ узелковъ принесенную съ собой снѣдь, мы же направились къ нашему гостепріимному хозяину.

Послѣ обѣда и небольшого отдыха работы возобновились и пошли съ неменьшей энергіей—какъ для нас,ъ такъ и для рабочихъ: онѣ стали болѣе интересными, такъ какъ мы приближались къ цѣли. Слухъ о раскопкахъ распространился по селу: за первыми любознательными зрителями—пастушками, пасшими поблизости скотъ, явилась публика и изъ села, болѣе серьезная, затѣмъ прикатила на раскопки и семья помѣщика, которую мы заинтересовали предстоящими вскрытіями могилъ. Пустынный могильникъ оживился, всюду слышенъ разговоръ, лица, съ

выраженіемъ интереса, заглядываютъ въ выкопанную круглую яму..., тамъ пока еще ничего не видно.

По мѣрѣ углубленія, я дѣлаю промѣры, чтобы опредѣлить уровень, на которомъ мы находимся. Прошло часа два работы; прикинувъ рулеткой глубину нашего колодца и сравнивъ ее съ высотой кургана, я увидѣлъ, что мы находимся очень близко отъ горизонта. Отдано было распоряженіе рабочимъ старательнѣе „зачищать“ дно колодца. Прокопали еще немного, хорошо очистили дно, и на немъ, почти что посрединѣ, на фонѣ сѣрой земли, ясно обозначился продолговатый четыреугольникъ болѣе темнаго цвѣта,—это была могильная яма, засыпанная смѣшан- Могильная яма.

Разрѣзъ кургана и могилы.

ной, темной землей, болѣе же свѣтлые края ея составлялъ материкъ—нетронутая земля.

Съ этого момента планъ раскопки получилъ большую опредѣленность; мы уже видѣли, куда именно должны были направить наши изслѣдованія. Прежде всего, я сократилъ размѣры выемки, которую мы повели теперь не въ формѣ круглаго колодца, а четыреугольникомъ, отступивъ на аршинъ отъ краевъ могильной ямы. Рабочіе были разставлены такимъ образомъ, что часть ихъ дѣлала выемку, а другая отбрасывала выкидываемую землю. Рабочимъ было внушено копать осторожнѣе и присматриваться къ выбрасываемой землѣ. Такъ было прокопано на глубину $^1/_2$ аршина; выемку эту сдѣлали быстро, такъ какъ площадь раскопокъ была теперь сравнительно невелика, да и лопаты легко шли въ мягкую землю. Велѣвъ хорошо „зачистить“ площадку, я вооружился щупомъ и сталъ осторожно втыкать его въ землю въ разныхъ мѣстахъ ямы; щупъ свободно ухо- Погребеніе.

дилъ въ землю на глубину $^1/_2$ аршина. Пробуя такимъ образомъ, я почувствовалъ, въ западной части могильной ямы, что щупъ наткнулся на что-то твердое. Я попробовалъ нѣсколько разъ въ одномъ мѣстѣ, немного постучалъ щупомъ,—получился хорошо знакомый археологамъ звукъ—звукъ отъ удара о кость. Замѣтивъ мѣсто, съ большими предосторожностями раскапываемъ данный пунктъ: на небольшой глубинѣ встрѣтились куски перегнившаго дерева, а на глубинѣ полуаршина показалась верхняя часть человѣческаго черепа,—мы были у цѣли.

Опредѣливъ затѣмъ положеніе скелета, что уже легко было сдѣлать, я велѣлъ выкопать вокругъ того мѣста, которое занималъ скелетъ, довольно глубокія канавки, такъ что посрединѣ образовался четыреугольникъ изъ земли, заключавшій въ себѣ погребеніе. Осторожно начинаемъ снимать верхніе пласты этого четыреугольника и немного обрѣзывать его по бокамъ; это дѣлаютъ всего два рабочихъ посмышленѣе,—большее число рабочихъ только бы мѣшало, остальнымъ поручено выбрасывать землю, очищать канавки.

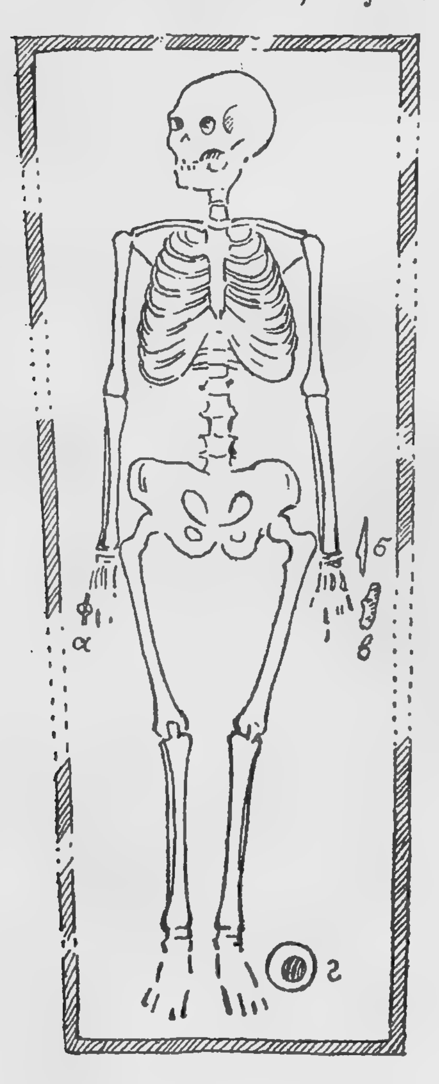
Когда начало показываться перегнившее дерево, я удалилъ и этихъ рабочихъ и началъ производить изслѣдованіе единолично, работая маленькой лопаткой.

Характеръ погребенія. Было ясно, что въ данномъ случаѣ мы имѣли погребеніе въ гробу, что для славянской языческой эпохи является позднимъ типомъ погребенія,—раньше хоронили безъ гробовъ или употребляли вмѣсто гроба выдолбленную колоду. Кромѣ того, нужно замѣтить, что въ древлянскихъ курганахъ не всегда встрѣчаются могильныя ямы, опущенныя ниже горизонта, — иногда покойника клали прямо на землю и надъ нимъ насыпали курганъ, а то было и такъ, что на землѣ дѣлали небольшое возвышеніе изъ земли же, на это возвышеніе клали покойника и все это покрывали курганомъ.

Доски гроба очень истлѣли, но по сохранившимся кускамъ можно было опредѣлить дерево,—это былъ дубъ. Доски были сколочены большими желѣзными гвоздями,—нѣсколько штукъ ихъ найдено по угламъ гроба. Измѣривъ величину гроба, я приступилъ къ дальнѣйшей разработкѣ погребенія, при этомъ ненужную землю сбрасывалъ въ приготовленыя канавки,—для

этой цѣли онѣ и были выкопаны, это помогало вести работу чисто.

Съ помощью маленькой лапатки я началъ постепенно удалять землю, покрывавшую самый скелетъ. Работа эта требуетъ большого вниманія,—нужно счищать землю такъ, чтобы не нарушить положенія костей и находящихся при нихъ предметовъ. Хотя такая работа и идетъ медленно, но зато въ результатѣ можно получить полную картину погребенія. Очистка скелета.

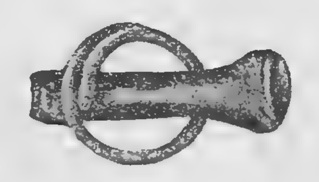
Гробъ со скелетомъ.

Я такъ и поступилъ въ данномъ случаѣ. Начавъ съ головы, я очистилъ, кость за костью, весь скелетъ, не трогая самихъ костей. Теперь были видны результаты раскопки. Могильная яма была доведена до подпочвы— желтой глины. На нее и былъ поставленъ гробъ такимъ образомъ, что голова покойника приходилась на западъ — обычно для древлянскихъ могилъ. Скелетъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми вдоль руками, хотя въ другихъ могилахъ встрѣчается и иное положеніе рукъ: руки бываютъ скрещенными на груди, приподнятыми къ головѣ, и т. п. Головѣ при погребеніи обыкновенно придавалось прямое положеніе, но затѣмъ, благодаря давленію земли, черепъ иногда сворачивался на сторону, какъ это видно и на нашемъ рисункѣ. Кости скелета сохранились сравнительно хорошо, такъ что можно было сдѣлать точныя измѣренія длины скелета, ширины плечъ, длины рукъ и ногъ—такія измѣренія необходимы для опредѣленія физическаго строенія древняго населенія, но, разумѣется, выводы можно дѣлать лишь тогда, когда собе-

рется достаточное количество данныхъ. Въ нашемъ случаѣ длина скелета указывала на то, что покойникъ былъ выше средняго роста.

Предметы найденные въ могилѣ.

По мѣрѣ очистки костей, обнаруживались и предметы. У головы и на верхней части скелета не было ничего, но когда я началъ очищать мелкія кости правой руки, то на одномъ пальцѣ оказалось кольцо изъ плохого серебра; что серебро было низкопробное, объ этомъ свидѣтельствовала окись мѣди зеленаго цвѣта, окрасившая въ тотъ цвѣтъ и кость пальца. Кольцо сдѣлано изъ гладкой проволоки, концы которой только сведены, но не спаяны. Это—простѣйшій видъ перстней, встрѣчаются и болѣе изящные, какъ, напримѣръ, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ. Затѣмъ у поясныхъ позвонковъ найдена не-

Кольца и пряжка.

большая мѣдная пряжка, очевидно отъ кожанаго пояска, совершенно истлѣвшаго,— отъ него не осталось и маленькаго кусочка.

Вблизи лѣвой руки также оказались предметы; тутъ очень близко другъ отъ друга лежали: небольшой желѣзный ножикъ, желѣзное кресало и кусокъ кремня,—послѣдніе два предмета служили для добыванія огня, они, вѣроятно, носились въ мѣшечкѣ (бывали и находки такихъ кожаныхъ мѣшечковъ въ древлянскихъ могилахъ, но въ данномъ случаѣ время уничтожило все).

У ногъ скелета, собственно у ступней, мнѣ удалось добыть два кусочка кожи; это—остатки обуви, которая въ то время имѣла видъ невысокихъ сапоговъ, сшитыхъ изъ нѣсколькихъ кусковъ мягкой кожи, безъ твердыхъ приставныхъ подошвъ и безъ каблуковъ.

Тутъ же, возлѣ ногъ, стоялъ глиняный сосудъ. Въ то время, къ которому относится нашъ могильникъ, т.-е. въ концѣ языческой эпохи, наши предки умѣли уже приготовлять хорошую

посуду, употребляя для выдѣлки ея гончарный кругъ. И найденный сосудъ былъ изготовленъ на кругѣ, а потому имѣлъ правильную форму, кромѣ того онъ былъ хорошо обожженъ, обладалъ достаточной крѣпостью, такъ что выдержалъ давленіе земли. Въ верхней части сосуда находится орнаментъ въ видѣ параллельныхъ и волнообразныхъ линій. Кромѣ сосудовъ, въ древлянскихъ могилахъ иногда встрѣчаются деревянныя, съ желѣзными обручами, ведерки. Трудно сказать, съ какой цѣлью помѣщались въ могилѣ, вмѣстѣ съ покойникомъ, эти

Глиняный горшокъ.

сосуды и ведра. Скорѣе всего можно допустить, что ихъ наполняли пищей, въ томъ предположеніи, что она пригодится покойнику и въ загробной жизни.

Дневникъ и рисунокъ раскопокъ.

Когда положеніе скелета и находившихся при немъ предметовъ было благодаря тщательной очисткѣ ясно видно, я внесъ въ дневникъ все, что дали раскопки, и сдѣлалъ рисунокъ скелета; въ тѣхъ случаяхъ, когда раскопки даютъ что-нибудь новое или интересное, не мѣшаетъ примѣнять фотографированіе, какъ болѣе точный способъ передачи.

Второй курганъ

Покончивъ съ моимъ курганомъ, я направился къ кургану, раскопанному моимъ спутникомъ. И тамъ дѣло подходило къ

концу,—скелетъ, открытый при тѣхъ же условіяхъ, т.-е. ниже горизонта и въ гробу, былъ очищенъ, были видны и предметы, лежавшіе у скелета. Они имѣли другой характеръ. Нужно сказать, что вещи, найденныя въ первомъ курганѣ, указывали на-то, что тамъ мы открыли мужское погребеніе, здѣсь же, какъ предметы, такъ измѣренія нѣкоторыхъ костей, указывали на женское погребеніе.

Предметы второго кургана.

Почти всѣ предметы состояли изъ украшеній. На вискахъ, въ области ушей, было по серебряному кольцу,—это такъ назы-

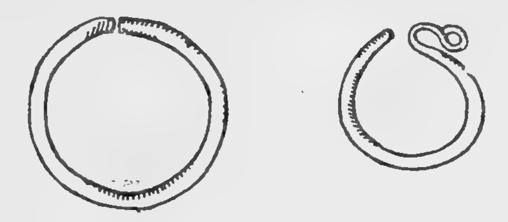
Деревянное ведро съ желѣзными обручами.

ваемыя височныя кольца. Они бываютъ двухъ типовъ: изъ гладкой проволоки и изъ проволоки, одинъ конецъ которой загнутъ въ видѣ буквы S.

Височныя кольца—очень распространенное украшеніе въ славянскую языческую эпоху и даже въ болѣе позднее время—въ великокняжескую эпоху. Ими украшались не только уши, какъ въ данномъ случаѣ, но ихъ вплетали по нѣсколько штукъ въ косы или прикрѣпляли въ ремешкамъ и этими ремешками повязывали голову.

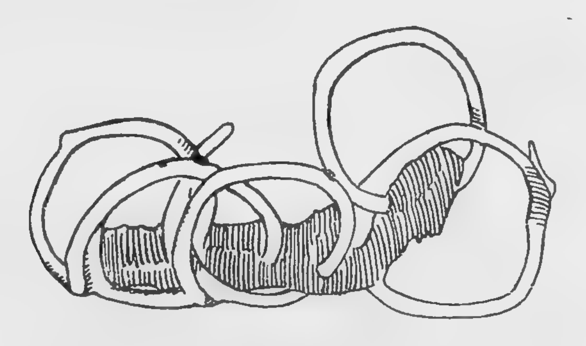
Ниже головы, въ области шеи, найденъ рядъ бусъ, составлявшихъ ожерелье. Бусы оказались очень интересными: онѣ имѣли видъ серебряныхъ ажурныхъ шариковъ, тонкой работы.

Кромѣ металлическихъ бусъ, которыя встрѣчаются сравнительно рѣдко въ древлянскихъ могилахъ, при женскихъ погре-

Височныя кольца.

беніяхъ чаще находятся стеклянныя и каменныя бусы, составляющія иногда цѣлыя ожерелья.

Височныя кольца, вдѣтыя въ ремешокъ.

На рукѣ, кромѣ перстня, совершенно такого, какъ и въ первомъ курганѣ, найденъ бронзовый браслетъ, очень простой

Серебряныя бусы.

формы—въ видѣ узкой пластинки.

Этими предметами и ограничивалось содержимое могилы.

Солнце совсѣмъ уже собралось спрятаться, когда мы, уложивъ въ ящики находки, двинулись домой. Тамъ, за вечернимъ чаемъ, долго шла оживленная бесѣда,—впечатлѣній за день набралось достаточно.

Курганы съ сожженіемъ.

Въ слѣдующіе нѣсколько дней мы продолжали наши изслѣдованія. Кромѣ подобныхъ первымъ погребеній, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ курганы были невысоки и расплывчаты, повидимому въ самой старой части могильника, типъ погребенія оказался совсѣмъ инымъ. Здѣсь могильныхъ ямъ не было, а подъ курганами, на небольшомъ отъ земли возвышеніи, лежали пережженныя человѣческія кости, вмѣстѣ съ нѣкоторыми расплавившимся металлическими предметами,—скорѣе всего украшеніями. Сожженіе—старый славянскій обычай, отъ него уже впослѣдствіи перешли къ погребенію.

Изслѣдованіе городища

Въ послѣдній день раскопокъ были произведены пробныя изслѣдованія городища. Мнѣ хотѣлось имѣть вещественныя доказательства того, что городище и курганы насыпаны однимъ и тѣмъ же племенемъ и въ одно время. О раскопкахъ всего городища нечего было и думать,—оно занимало очень большую площадь, а затѣмъ сплошная раскопка была бы и безполезной: на городищѣ не было никакихъ внѣшнихъ признаковъ, указывавшихъ, что именно въ данномъ мѣстѣ можно что-нибудь встрѣтить,—здѣсь приходится работать наугадъ. Поэтому я ограничился тѣмъ, что велѣлъ прокопать нѣсколько канавъ въ разномъ направленіи. Слой, который мы прорѣзывали, состоялъ изъ угля, костей, черепковъ и т. п., это—такъ называемый „культурный слой", указывающій на то, что въ данномъ мѣстѣ было человѣческое жилье. Встрѣтились и нѣкоторые предметы: ножики, серпы, топоръ, а также украшенія—височныя кольца и бусы, совершенно такія же, какъ и въ курганахъ. Это послѣднее обстоятельство—сходство предметовъ, и доказывало одновременность городища и могильника.

Заключеніе.

Интересно, что ни въ курганахъ ни въ городищѣ не было найдено никакого оружія,—встрѣчались, какъ мы видѣли, или предметы домашняго обихода или украшенія. Это говоритъ за то, что древляне отличались миролюбивымъ характеромъ. Затѣмъ найденныя земледѣльческія орудія—серпы и другіе предметы, указываютъ на то, что племя это находилось на довольно высо-

кой степени культуры, не было дикимъ. И вотъ тутъ археологическія изысканія дополняютъ и даже исправляютъ тѣ письменныя извѣстія, которыя касаются даннаго вопроса. Такъ, въ нашей первоначальной лѣтописи мы находимъ очень нелестную характеристику древлянъ: лѣтописецъ говоритъ, что они „живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьски“... Какъ мы видѣли, раскопки сказали намъ другое.

Н. Бѣляшевскій.

КАРТА
древней Руси
въ XI–XIII вѣкахъ
Ботническій заливъ
Бѣлое море
Двинская Губа
Онежская Губа
Біармия
Чудь
Сѣв. Двина
р. Мезень
р. Вычегда
Скандинавія
Емь
Финскій заливъ
Озеро Ладожское
Озеро Онежское
р. Свирь
Весь
Оз. Бѣло
Ладога
Ижора
Водь
Великій Новгородъ
Чудь
Новгородъ
Псковъ
Руса
Изборскъ
Рижскій заливъ
Корсь
Ливь
Летьгола
Ливонскаго ордена
Балтійское (варяжское) море
Вл.
Данцигь
Вл. Тевтонскаго ордена
Полоцкъ
Литва
Ятвяги
Польша
Краковъ
Брестъ
Пинскъ
Турово-Пинская
Смоленская
Смоленскъ
Москва
Владиміръ
Муромъ
Рязань
Меря
Мурома
Мещера
Черемиса
Нижній Новгородъ
Вятская земля
Вотяки
Булгары
Булгаръ
Мордва
Золотая Орда
Сарай
Волга
Кама
Вятка
Черниговъ
Новгородъ-Сѣверскъ
Курскъ
Кіевъ
Переяславская
Переяславль
Галичъ
Теребовль
Карпатскія горы
Половцы
Олешье
Азовское море
Черное море
Каспійское море
Дунай
Днѣстръ
Донецъ
Донъ
Сурожъ
Корсунь
Тмутаракань
Главный городъ
Городъ
Граница земель
Масштабъ 1 дюймъ = 200 верстъ.

Дополнительная библіографія.

Къ ст. „Финны“ (стр. 1):

Шестаковъ. „Родственна ли Меря съ вогулами?“ (Учен. Зап. Казан. Унив., 1873 г., кн. 1); *Майковъ.* „О древней культурѣ западныхъ финновъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1877 г.); *Шифнеръ.* „Сампо“ (Зап. II отд. Ак. Н., 1862 г., т. I); *Кеппенъ.* „Водь и Вотская пятина“ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1851 г.); *Сумъ.* „О финнахъ“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г. № 9); *Тіандеръ.* „О происхожденіи имени Пермь“ (Жур. Мин. Нар. Пр, 1901 г. кн. 1); *Его же.* „Поѣздка норманновъ на Бѣлое море“ (Изв. отд. рус. яз. и слов. Ак. Н., 1902 г., т. VII кн. 3); *Кузнецовъ.* „Къ вопросу о Біарміи“ (Этнограф. Обозр., 1905 г.,); *Видеманъ.* „Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія ливовъ“ Спб. 1870 (изъ XVIII т. Зап. Ак. Н.). По археологіи финновъ: *Харузинъ.* „Обзоръ доисторической археологіи въ балтійскихъ губ.“ Ревель. 1894; Bähr „Die Gräber der Liven“ Dresden 1850; Kruse. „Necrolivonica“ Leipzig. 1859; Aspelin. „Les antiquités du Nord Finno-Ougrien“. Helsingfors-Paris 1877—1885; *Поливановъ.* „Муранскій могильникъ.“ Казань. 1893; „Матеріалы по арх. Россіи,“ изд. Имп. Арх. Ком., №№ 10, 14, 25 и 26.

Къ ст. „Волжскіе болгары“ (стр. 16):

Новоструевъ. „О городищахъ древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ“ (Труды I Арх. Съѣзда. М. 1871); *Березинъ.* „Булгаръ на Волгѣ“ (Уч. Зап. Каз. Ун., 1853 г.,); Труды IV Арх. Съѣзда въ Казани.

Къ ст. „Хазарское царство“ (стр. 34):

Источники: *Гаркави.* „Сказанія мусульм. писателей о Слав. и Русскихъ“. Спб. 1870; *Хвольсонъ.* „Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ и пр. Ибн-Даста“. Спб. 1869; *Куникъ и бар. Розенъ.* „Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ“ вып. I—II; *Доринъ.* „Каспій“ Спб. 1875; *Гаркави.* „Сказанія еврейск. писателей о Хазарахъ и Хазарскомъ царствѣ“ (Труды восточн. отд. Имп. Рус. Археол. Общ., кн. XVII); „Извѣстія о Хазарахъ восточн. историка Табари“ пер. Дорна (Журн. Мин. Нар. Пр., ч. 43); „Сборникъ матеріаловъ по описанію племенъ и мѣстностей Кавказа“. т. 29, 31 и 32; „Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго“ Пер. Эмина. М. 1893; Сочиненія Константина Багрянородного „о ѳемахъ“ и „о народахъ.“ Съ предисл. Г. Ласкина. М. 1899. Пособія: *Языковъ.* „Опытъ въ исторіи хазаровъ“ (Труды Рос. Ак. часть I, Спб. 1840); *Сумъ.* „О хазарахъ“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос., 1846 г., № 3); *Григорьевъ.* „Россія и Азія“ Спб. 1876; *Голубовскій.* „Болгары и хазары“ (Кіев. Стар., 1888 г., іюль); *Знойко.* „Походы Святослава на востокъ“ (Жур. Мин. Нар. Пр., 1909 г.); *Савельевъ.* „Мухаммеданская нумизматика“ Спб. 1846; Heyd. „Geschichte des Levantehandels im Mittelalter“. 1879 (по франц. изд. въ 1885 г.); Babelon. „Du commerce des Arabes dans le nord de l'Europe avant les croisades“ 1882.—Jacob „Der nordisch-baltische Handel der Araver“ 1887: послѣднія книги о восточн. торговлѣ.

Къ ст. „Древніе литовцы“ (стр. 42):

Гильфердингъ. Сочиненія, т. II.; *Кочубинскій.* „Територія доисторической Литвы (Журн. Мин. Нар. Пр., 1897 г., кн. I); *Карскій.* „Бѣлоруссы“ (Вилен. Временникъ, кн. I, Вильна 1904); *Эндзелинъ.* „Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ“ (Живая стар. 1899 г., кн. II); *Костомаровъ.* „Русскіе инородцы“ I. (Рус. Слово, 1860 г., № 5); K. Tyszkiewicz. „O kurganach na Litwie i Rusi zachodniej“ Berlin 1868; Grewingk „Heidnische Gräber Russisch-Litaunes, Lettlands und Weissrusslands“. Dorpat. 1870.

Къ ст. „Степняки“ (стр. 57):

Самчевскій. Торки, берендѣи и черные клобуки (Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній, кн. II, пол. 1); *Аристовъ.* „О землѣ Половецкой“ (Извѣстія Ист. фил. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, 1877 г.); *Радловъ.* „О языкѣ кумановъ“ Спб. 1884 (изъ Зап. Ак. Н., т. 48); A. Jablonowski. „Etniczna postać“ Ukrainy (Kvartalnik Historiczny, 1893 г.).

Къ ст. „Колонизація славянами Восточно-Европейской равнины до половины XIII вѣка“ (стр. 75):

Соболевскій. „Откуда шла русская колонизація въ Ростово-Суздальскую область.“ М. 1902; *Шахматовъ.* „Южныя поселенія Вятичей“ (Изв. Ак. Н. 1907 г., № 18); *Карскій.* „Бѣлоруссы“. Вильна. 1904 (Вил.Врем.,1); *Корсаковъ.* „Объ историч. значеніи поступательнаго движенія великорус. племени на востокъ“ Казань 1889 (изъ Учен. Зап. Каз. Ун.).

Кіевскіе отклики, 1904 г. № 226: „Потребность въ толково составленныхъ книгахъ для чтенія по исторіи чувствовалась давно... Есть два типа хрестоматіи—однѣ заключаютъ въ себѣ отрывки изъ большихъ сочиненій, другія состоятъ изъ небольшихъ, спеціально для нихъ написанныхъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ. Нѣтъ надобности доказывать преимущества хрестоматіи второго типа. Въ нихъ возможно выдержать опредѣленный планъ, и, кромѣ того, каждая статья является вполнѣ законченнымъ цѣлымъ. Къ этому типу принадлежитъ и книга для чтенія, изданная подъ редакціею М. В. Довнаръ-Запольскаго“... „Видное мѣсто въ этомъ томѣ занимаютъ статьи по археологіи, но главное вниманіе, вполнѣ основательно, обращено на внутреннюю исторію русскаго народа, и въ рядѣ статей дается **полная картина жизни древне-русскаго общества“... „Главнѣйшіе вопросы разработаны обстоятельно** и нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ остальныхъ томовъ этого весьма полезнаго труда“.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1905 г., февраль: „Хорошая книга для чтенія должна служить важнымъ пособіемъ при преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Преподавателю она даетъ возможность освѣжать матеріалъ, любознательному ученику помагаетъ знакомиться съ научной постановкой важнѣйшихъ вопросовъ науки. Такова безспорная цѣль, преслѣдуемая книгой для чтенія по исторіи или исторической хрестоматіей“... „Трудъ составленный и редактированный учеными спеціалистами, конечно, свободенъ отъ крупныхъ фактическихъ ошибокъ и недочетовъ“... „Несмотря на нѣкоторые недостатки, можно признать томъ книги для чтенія по русской исторіи **полезнымъ пособіемъ для средней щколы и самообразованія.** Слѣдуетъ пожелать, чтобы профессору Довнаръ-Запольскому и его сотрудникамъ удалось довести до конца ихъ предпріятіе“.

Педагогическій сборн., издаваемый при **Гл. Упр. в.-уч. зав.** (февраль 1905 г.): „Мы вполнѣ одобряемъ пріемъ составителя, который не утомляетъ читателя массой именъ тѣхъ народовъ, которые упоминаются у древнихъ, а предпочитаетъ знакомить ихъ съ тѣмъ, что открыла археологія относительно ихъ быта, и съ культурнымъ наслѣдіемъ“ Отмѣтивъ „прекрасные рисунки, воспроизводящіе различные предметы“, критикъ одобрительно отзывается о рядѣ статей и заключаетъ: книга „въ общемъ прекрасный матерьялъ для чтенія въ классѣ, и мы настоятельно рекомендуемъ ее“.

Русскія Вѣдомости, (1904 г. № 227): „Издана книга хорошо, статья по искусству и др. снабжены соотвѣтственными рисунками“.

Въ изданіи принимаютъ участіе слѣдующіе авторы:

проф. Д. В. Айналовъ, В. П. Алексѣевъ, К. И. Арабажинъ, проф. М. М. Богословскій, проф. А. К. Бороздинъ, И. Н. Бороздинъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Н. П. Василенко, С. Б. Веселовскій, проф. К. Г. Воблый, В. Т. Георгіевскій, А. М. Гнѣвушевъ, проф. Ю. В. Готье, проф. В. М. Грибовскій, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, П. И. Ивановъ, В. В. Каллашъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, Н. И. Кореневскій, проф. І. М. Кулишеръ, проф. А. М. Лобода, прив.-доц. Г. А. Максимовичъ, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. Г. Г. Павлуцкій, проф. В. Н. Перетцъ, прив.-доц. В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. А. Л. Погодинъ, Н. Д. Полонская, преп. Ком. Инст-та А. А. Русовъ, прив. доц. В. И. Семевскій, П. П. Смирновъ, Е. Д. Сташевскій, прив.-доц. В. Н. Строевъ, прив.-доц. Д. Н. Ушаковъ, проф. А. Н. Филипповъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, прив.-доц. А. И. Яцимирскій и другіе.

Второй томъ въ настоящее время печатается.

Перечень статей второго тома:

1. Территорія: Москва въ удѣльный періодъ XIV—XV вв. Великій Новгородъ наканунѣ паденія. Образованіе территоріи Московскаго государства. Исторія населенія Московскаго государства XVI—XVII вв.

2. Періодъ соціально-политической организаціи Московскаго царства: Великій Князь Иванъ Васильевичъ. Власть Московскаго царя и ея идейное обоснованіе. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Періодъ Смуты. Лжедмитрій I.

3. Литовско-Русское государство. (Формація его и сложившійся государственный строй.

4. Народное хозяйство Московской Руси XVI—XVII вв.: Землевладѣніе. Сельское хозяйство. Промышленность. Торговля и торговая политика. Народныя волненія второй половины XVII в.

5. Строй сложившагося Московскаго царства: Организація служилаго сословія. Посадскіе люди. Крестьяне и холопы. Великій государь и его власть. Боярская дума. Земскіе соборы. Приказы. Областное управленіе. Государственное хозяйство. Войско. Исторія законодательства. Судъ и система наказанія.

6. Московское общество, его идейное содержаніе и внѣшній обликъ: Московская образованость и западно-русское вліяніе. Книга. Архитектура и живопись. Домашній бытъ. Церковь и государство. Религіозные вольнодумцы XVI в. Патріархъ Никонъ и первые расколоучители. Иноземцы въ Москвѣ. Новые люди въ Москвѣ. Юрій Крыжаничъ и Ордынъ-Нащокинъ.

7. Культурное состояніе Западной Россіи и Брестская унія. Казачество и Малороссія.

Къ тому будутъ приложены карты и снимки древностей.

Третій томъ посвященъ исторіи Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ, при чемъ главное вниманіе удѣлено эпохѣ великихъ реформъ; содержаніе его заканчивается обзоромъ конституціонной эпохи.

Все изданіе состоитъ изъ 140 печатныхъ листовъ ок. 2240 страницъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на все изданіе, въ 3 томахъ (5 книгахъ):

на веленевой бумагѣ. . 12 руб.

на обыкновенной бумагѣ. 7 руб. 70 коп.

Въ отдѣльной продажѣ:

На веленевой бумагѣ:				На обыкновенной бумагѣ:			
I т.	. .	3 р.	25 к.	I т.	. .	2 р.	— к.
II т.	1 ч.	—2 „	25 „	II т.	1 ч.	—1 „	35 „
	2 ч.	—2 „	25 „		2 ч.	—1 „	35 „
III т.	1 ч.	—3 „	25 „	III т.	1 ч.	—2 „	— „
	2 ч.	—3 „	25 „		2 ч.	—2 „	— „

По желанію подписчиковъ могутъ прилагаться переплеты съ золотымъ тисненіемъ по 50 коп. для каждой книги.

Подписка на изданіе будетъ приниматься во всѣхъ книжныхъ магазинахъ до 1 декабря 1910 года.

Второй томъ печатается.

1 и 2 часть третьяго тома поступятъ въ продажу во второй половинѣ 1910 года.

Наложеннымъ платежомъ книги высылаются при полученіи $^1/_3$ стоимости заказа.

Пересылка заказовъ, сдѣланныхъ непосредственно конторѣ Книгоиздательства на сумму не менѣе 40 руб., производится за счетъ Кн—ва.

Уплата денегъ Гг. подписчиками производится слѣдующимъ образомъ: при заказѣ, въ видѣ задатка, 1 руб.; при полученіи 1, 2, 3 и 4 книги уплачивается каждый разъ стоимость получаемой книги. Пятую книгу Г.г. подписчики получаютъ безплатно.

За пересылку каждой книги почтой—40 к.

Книгопродавцамъ дѣлается скидка 25%.

Контора Московскаго Учебнаго Книгоиздательства и складъ: Москва, Тверская площадь, д. Обидиной, кв. № 19.

Вышла вторымъ изданіемъ

книга проф. **М. В. Довнаръ-Запольскаго**

Изъ Исторіи общественныхъ теченій въ Россіи.

(сборникъ статей).

Того же автора имѣются въ продажѣ слѣд. сочиненія:

„Идеалы декабристовъ“. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 25 к.

„Тайное общество декабристовъ“. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 25 к.

„Мемуары декабристовъ“. Кіевъ, 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

„Изслѣдованія и статьи“. Т. I. Этнографія и соціологія, обычное право, статистика, бѣлор. письменность. Кіевъ, 1909 г. Ц. 3 р.

„Государственное хозяйство Вел. княжества Литовскаго при Ягеллонахъ“. Т. I. Кіевъ, 1901 г. Цѣна 4 р.

„Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в.“ Кіевъ, 1905 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Необходимыя исправленія.

стр.	*строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
1	3 снизу	О мерянахъ	Меряне и ихъ бытъ
	1 „	Славянское передвиженіе	Славянскія передвиженія
15	6 „	готударство	государство
24	4 сверху	замѣтить;	замѣтить:
25	4 „	формамы	формами
	10 „	огонь поселенія	огонь въ поселенія
28	1 снизу	семметрично	симметрично
33	15 сверху	бвлгарской	болгарской
42	8 снизу	De	We
	7 „	Zrodla	Źródła
	7 „	Tacito	Tacita
	2 „	Bezzenberger	Bezzenberger
48	19 сверху	обивателей	обитателей
54	15 „	Криве-Кривейто,	Криве-Кривейто),
60	12 „	торхи	торки
64	10 „	или не	или же
66	3 „	Брать	Братъ
70	6 снизу	германцамъ	германцами
82	8 сверху	уличой	уличей
95	5 снизу	Старнна	Старина
99	2 „	динійской	индійской
100	1 сверху	значить	значитъ
	7 „	общеиндійскій общеиранскій	общеиндійскій и общеиранскій
121	9 снизу	охороннаго	похороннаго
127	12 „	ея	ей
	5 „	себра	ребра
130	18 „	Iр. Уваровъ	Гр. Уваровъ
135	7 сверху	рой полосы	ной полосы
147	15 „	говормтъ	говоритъ
156	3 снизу	Kaldeé	Kaldec
	2 „	(osveta	(Osveta
	2 „	Сабѣстіанскій	Собѣстіанскій
157	11 сверху	литописецъ	лѣтописецъ
	7 снизу	становлнется	ставляется
160	4 сверху	суть есть	есть
177	18 снизу	сложались	сложились
187	17 сверху	разумѣтъ	разумѣть
188	3 снизу	Пріемники	Преемники
209	7 „	оказвывалъ	оказывалъ
217	на поляхъ	Карамазина	Карамзина

стр.	*строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
257	5 снизу	своми	своими
261	4 сверху	осударственнаго	государственнаго
265	на поляхъ	ловчіе стольники	ловчіе, стольники
287	5 сверху	напримѣръ	напримѣръ,
	9 „	лаву	лаву,
310	8 „	кондидата	кандидата
316	12 „	Сводобное	Свободное
	4 снизу	Лѣшковъ	Лешковъ
317	12 „	борьти	борти
319	10 „	Чечеринъ	Чичеринъ
351	1 сверху	ященникамъ	священникамъ
435	19 „	міроъм	міромъ
478	11 снизу	невѣжеественныхъ	невѣжественныхъ
518	1 „	Существова	Существовали
519	подпись	Н.	Н. П.
528	9 сверху	скульпурной	скульптурной
535-43	стр.	235—243	535—543
545	2 снизу	важнѣйщихъ	важнѣйшихъ
598	5 „	пасщими	пасшими
604	4 сверху	на-	на

